РУССКОЕ СЛОВО

1861.

АПРѢЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Степная охота (разсказы) П. Б—ЦА.
Третье сословіе во Франціи (окончаніе). П. А. БИБИКОВА.
Элегія (стих.) Кондр. Р—ВА.
Дѣды (поэма Мицкевича, ч. IV) А. С.
Элегія (стих.) Кондр. Р—ВА.
К. Р. Дашкова (изъ записокъ С. Н. ГЛИНКИ).
Юбилей Берлинскаго Университета. Н. РЕННЕНКАМПФА.
Невольничество въ Южно-Американскихъ штатахъ. А. ТОПОРОВА.

ОТДѢЛЪ II.

Политика. Обзоръ современныхъ событій. Г. Б. . . 1
Письмо изъ Лондона. Р. ГАРРИСОНА 8

Русская литература. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. *Ѳ. Буслаева.* Изд. *Д. Е. Кожанчикова.* Спб. 1861. (окончаніе) Д. Л. МОРДОВЦОВА 1
Идеализмъ Платона. (Обозрѣніе философской дѣятельности Сократа и Платона, по Целлеру; составилъ Клевановъ). Д. И. ПИСАРЕВА 38
Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи, *Н. Калачова.* Н. И. КОСТОМАРОВА . . 64

Иностранная литература. Документы и подлинныя бумаги, оставленныя Даніиломъ Манини, съ примѣчаніями г. Плана-де-ла-Фэй. В. П. ПОПОВА . . . 1

РУССКОЕ СЛОВО.

IV.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 22-го Апрѣля 1861 года.

Ценсоры: *Е. Волковъ.*
Ѳ. Рахманиновъ.

Отъ редакціи.

Получая частыя жалобы на позднее доставленіе книжекъ, редакція считаетъ долгомъ увѣдомить г.г. подписчиковъ, что Почтовымъ Вѣдомствомъ сдѣлано распоряженіе объ отправленіи журналовъ по тяжелой почтѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Степная охота (разсказы) П. Б—ЦА.
Третье сословіе во Франціи (окончаніе). П. А. БИБИКОВА.
Элегія (стих.) Кондр. Р—ВА.
Дѣды (поэма Мицкевича, ч. IV) А. С.
Элегія (стих.) Кондр. Р—ВА.
К. Р. Дашкова (изъ записокъ С. Н. ГЛИНКИ).
Юбилей Берлинскаго Университета. Н. РЕННЕНКАМПФА.
Невольничество въ Южно-Американскихъ штатахъ. А. ТОПОРОВА.

ОТДѢЛЪ II.

Политика. Обзоръ современныхъ событій. Г. Б. . . 1
Письмо изъ Лондона. Р. ГАРРИСОНА 8

Русская литература. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. *Ѳ. Буслаева.* Изд. *Д. Е. Кожанчикова.* Спб. 1861. (окончаніе) Д. Л. МОРДОВЦОВА 1
Идеализмъ Платона. (Обозрѣніе философской дѣятельности Сократа и Платона, по Целлеру; составилъ Клевановъ). Д. И. ПИСАРЕВА 38
Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи, *Н. Калачова.* Н. И. КОСТОМАРОВА . . 64

Иностранная литература. Документы и подлинныя бумаги, оставленныя Даніиломъ Манини, съ примѣчаніями г. Плана-де-ла-Фэй. В. П. ПОПОВА . . . 1

Политическое и этнографическое состояние народностей
Австріи. С. Н. ПАЛАУЗОВА 23

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Письмо съ Кавказа. Н. ЮХОТНИКОВА . . . 1
Нѣсколько словъ по поводу «Отечественныхъ Записокъ» и «Русской Рѣчи». Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА . . . 19
Фельетонъ. Дневникъ темнаго человѣка. 25
Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА.

Въ приложеніи: Монте-Бени, романъ *Натаніеля Готорна* (пер. съ англійскаго).

СТЕПНАЯ ОХОТА.

(Разсказы изъ воспоминаній моей молодости.)

I.

Николаевская слобода и Микола Дергачъ. Сумасшедшая. Заволжская степь.

Степной берегъ Волги совсѣмъ не то, что берегъ нагорной стороны. Ступивъ на него, вы чувствуете близость пустыни и совершенно иной природы. Отъ самой воды, едва замѣтнымъ возвышеніемъ тянется песчаное пространство,. Вся растительность берега ограничивается рѣдкой и тощей травкой, мѣстами мелкимъ тальникомъ, да изрѣдка увидишь развѣ одинокую иву, или группу толстыхъ уродливыхъ ольхъ и бѣлой тополи. По такой то мѣстности мы едва двигались шагомъ; колеса по ступицу тонули въ сыпучемъ пескѣ, бѣдныя лошади хрипѣли отъ непосильной тяжести. Но вотъ песокъ сдѣлался мельче; свободнѣе зашагали наши кони; еще саженъ пятьдесятъ—и мы выѣхали на выгонъ Николаевской слободы,—чистаго, опрятнаго малороссійскаго селенія, вовсе непохожаго на наши грязныя русскія села (*).

(*) Малороссы-переселенцы въ Саратовской губерніи, также какъ иностранные колонисты, сохранили свой образъ жизни, свои обычаи и обряды, свой

—Смотрите-ка, Николай Өедоровичъ, вѣдь это батько, нашъ старикъ идетъ намъ навстрѣчу, обратился къ намъ сидѣвшій на козлахъ молодой Гаврило Дергачъ.

И въ самомъ дѣлѣ мы увидѣли, въ полуверстѣ отъ насъ, шедшаго пѣшкомъ старика въ высокой бараньей шапкѣ, съ длинною палкою въ рукахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣхали къ нему и надо было видѣть радость старика при свиданіи съ моимъ товарищемъ! Николай Өедоровичъ выскочилъ изъ тарантаса, и они обнимались, какъ родные братья,—какъ истинные друзья.

Намъ необходимо покороче познакомиться съ Николаемъ Өедоровичемъ.

Отецъ его—въ полномъ смыслѣ слова русскій баринъ, питомецъ екатерининскихъ временъ,—владѣлецъ 4000 душъ, былъ женатъ на княжнѣ Д.....й. Дѣтей было у нихъ много, но въ живыхъ остался одинъ любимецъ ихъ,—первенецъ Коко. Поэтому Коко баловали страшно, и воспитывали его оригинальнѣйшимъ образомъ. Когда ему было 6 лѣтъ, его окружали уже Французъ, Англичанка, Нѣмецъ музыкантъ, карлица, отличный шутъ, старуха сказочница, маленькій казачекъ и двѣ дѣвочки, которыхъ онъ могъ для потѣхи щипать, заставлялъ плясать или прыгать лягушкой. У него были голуби, канарейки, кролики, маленькія собачки и такая же лошадка съ приличными экипажами и упряжью. У Коко спрашивали съ утра, что ему угодно кушать? Онъ могъ дѣлать что ему угодно;—все было хорошо,—все нравилось его нѣжнымъ родителямъ. Съ десятилѣтняго возраста, начали бесѣдовать съ Коко ученѣйшіе профессора, которымъ поставлялось въ обязанность набивать маленькую голову ребенка всевозможнымъ вздоромъ; а когда минуло ему 16 лѣтъ, отецъ его уже былъ въ разводѣ съ матерью, а онъ поступилъ юнкеромъ въ гвардію и былъ однимъ изъ красивѣйшихъ и самыхъ ловкихъ юнкеровъ. Все

національный языкъ; но разговорный языкъ ихъ сдѣлался какой-то смѣсью, зависящей отъ мѣста ихъ поселенія. Такъ напримѣръ, живущіе между Русскими говорятъ уже почти по-руски, съ нѣкоторою только примѣсью малороссійскихъ словъ, а поселенные въ другихъ мѣстахъ приняли многое изъ говора своихъ сосѣдей: Нѣмцевъ, Калмыковъ, Мордвы и другихъ.

это было наканунѣ памятныхъ всѣмъ событій отечественной войны. Коко участвовалъ въ всѣхъ походахъ, гдѣ то легко раненъ въ ногу, и въ 1816 году былъ уже поручикомъ гвардіи, украшеннымъ двумя крестиками и двумя медалями, а папенька его еще за два года передъ тѣмъ, обкушавшись осетрины да страсбургскаго пирога съ трюфелями,—сошелъ въ могилу. Какъ водилось въ то время и какъ не рѣдко еще бываетъ и теперь, на 22 году Коко влюбился, женился, а маменька его послѣ этого отправилась за границу, подъ покровительствомъ какого-то 25-лѣтняго доктора, какъ говорили злые люди,—чтобы лѣчиться отъ неестественной полноты.

Послѣ свадьбы, мѣсяца черезъ три, Николай Ѳедоровичъ вышелъ въ отставку, и объѣхалъ съ молодой женой свои вотчины Саратовской губерніи. Ему досталось отъ опеки около 1000 душъ, и то разоренныхъ; поскучавъ съ небольшимъ годъ въ деревнѣ, онъ поѣхалъ опять въ Петербургъ, а оттуда за границу. Но ни гдѣ ему не жилось; — впослѣдствіи оказалось, что прекрасная супруга его любила другаго, а вышла за него замужъ только потому,—что всѣ считали его очень богатымъ человѣкомъ, не зная, вѣроятно, что все богатство ихъ семейства ушло на пироги и трюфели папеньки, и на блонды и докторовъ маменьки. За границей жена его встрѣтилась съ предметомъ своей любви, и «comme de raison, говорилъ самъ Николай Федоровичъ, отправилась съ нимъ куда-то въ Аркадію, а я махнулъ на все рукой, взялъ себѣ въ Парижѣ M-le Helène, и прикатили мы съ ней вотъ въ это самое имѣніе, гдѣ прожили три года какъ отшельники; и все, казалось, шло хорошо, но M-le Helène вздумала потомъ женить меня на себѣ, а какъ увидала, что это было не совсѣмъ легко, то стала меня обирать: дѣлать было нечего! Я далъ ей пять тысячъ рублей на заведеніе магазина, и отправилъ се въ Москву.»

Съ тѣхъ поръ пожилъ Николай Ѳедоровичъ еще года три или четыре, не выѣзжая рѣшительно никуда и не имѣя никакого знакомства, кромѣ сосѣда своего Ухарцева, отставнаго ротмистра, страстнаго охотника, постояннаго товарища его полеваній; да часто навѣщалъ его молодой Нѣмецъ, уп-

равлявшій большимъ сосѣднимъ имѣніемъ; ему очень нравились знаменитыя наливки Николая Ѳедоровича; и ради ихъ Нѣмецъ сдѣлался даже псовымъ охотникомъ.

Но такая жизнь надоѣла наконецъ Николаю Ѳедоровичу: онъ познакомился почти со всѣми сосѣдями, сталъ по зимамъ ѣздить въ Саратовъ, играть въ карты, являться въ клубѣ и гостиныхъ, щеголять французскимъ языкомъ и пикниками.

Въ городѣ Николай Ѳедоровичъ совершенно перерождился. Изъ простаго деревенскаго барина онъ дѣлался самымъ щепетильнымъ поклонникомъ свѣтскихъ приличій. «Когда мы въ городѣ, любезнѣйшій, говаривалъ онъ: тамъ свѣтъ — владыко, о здѣсь, въ своей деревнѣ — я самъ себѣ господинъ; тамъ я жму руку всякому мерзавцу, а здѣсь я въ домъ не пущу, кто мнѣ не по-сердцу. Здѣсь я весь на распашку,—что на умѣ, то и на языкѣ.» И Николай Ѳедоровичъ, дѣйствительно, былъ другой человѣкъ въ деревнѣ.

Здѣсь онъ ходилъ, обыкновенно, въ широкихъ шароварахъ, въ красной шелковой рубахѣ съ косымъ воротомъ, и въ какомъ-то коротенькомъ кафтанчикѣ особаго покроя, похожаго немного на извѣстный французскій пальто. Этотъ же самый костюмъ, съ измѣненіями по погодѣ и времени года, употреблялъ онъ на охотѣ.

Все, что можно только придумать для разнообразія пріятной жизни въ деревнѣ, все было у Николая Ѳедоровича, и всѣмъ занимался онъ съ любовью и интересомъ. Поведетъ ли онъ васъ въ садъ—все говоритъ вамъ, что хозяинъ знатокъ этого дѣла; оранжереи хотя небольшія, но всего въ нихъ много, и все въ удивительномъ порядкѣ, а парники?—это исключительная его страсть, такъ и говорить объ нихъ нечего. Была у него и библіотека; онъ выписывалъ множество журналовъ и газетъ. По вечерамъ онъ забавлялся музыкой: оркестръ состоялъ изъ десяти человѣкъ, но весьма удовлетворительно игралъ лучшія піесы змаменитыхъ маэстро, а пѣсенники, въ томъ числѣ пять или шесть дѣвушекъ, одна лучше другой, были такіе, что просто заслушаться. Былъ у Николая Ѳедоровича и конный заводъ, которымъ можно было полюбоваться; былъ у него и ручной медвѣдь,

и косой шутъ Потапъ, котораго обыкновенно звали Попкой, а иногда Потапомъ Касьяновичемъ. Послѣ всего этого нужно ли что нибудь говорить о его кухнѣ, погребѣ и хлѣбосольствѣ? Но всего болѣе онъ любилъ охоту, съ ружьемъ, съ собаками, съ ястребомъ, любилъ ловить рыбу удочкой и неводомъ. Познакомившись съ Николаемъ Ѳедоровичемъ въ Саратовѣ, я сошелся съ нимъ на самой дружеской ногѣ, и когда мнѣ приходилось проѣзжать близъ его деревни, я никогда не упускалъ случая навѣстить его. Однажды,—это было весной,—онъ пригласилъ меня на охоту, хотѣлъ показать мнѣ дикую прелесть заволжскихъ степей и ихъ раздолье. Я охотно принялъ предложеніе его и мы переправились за Волгу, къ старому его пріятелю, Дергачу, также страстному охотнику, заранѣе извѣщенному о нашемъ пріѣздѣ.

Ну вотъ вамъ и мой Микола Дергачъ, о котомъ я вамъ такъ часто говорилъ; полюбите старика, онъ стоитъ этого,— говорилъ мнѣ Николай Ѳедоровичъ.

— Много благодаренъ вамъ на добромъ словѣ, Миколай Ѳедорычъ; прошу насъ любить да жаловать,—не знаю какъ имя и отчество, обратился старикъ ко мнѣ.

— Меня зовутъ Павломъ Ѳедоровичемъ, сказалъ я, вылѣзая изъ тарантаса; очень радъ познакомиться съ тобой, почтеннѣйшій Николай Дмитріевичъ.

— Да ужъ онъ не братецъ ли вамъ будетъ, Николай Ѳедорычъ?

— Братъ не братъ, а хорошій пріятель, да такой же охотникъ въ душѣ, какъ и мы съ тобой, тезка.

— Грѣшный человѣкъ, не могу отстать отъ этой окаянной охоты; вонъ и борода побѣлѣла, и силы-то уже ослабли, а все такъ и тянетъ въ степь!

— Ну и сѣрый живъ? и собаки все еще тѣ же? спрашивалъ Николай Федоровичъ.

— Все по старому, батюшка мой; да что же мы тутъ закалякались? Надожь ѣхать, старуха—чай уже и самоваръ наставила. Извольтека садиться.

— Да и ты, тезка, — садись съ нами; мѣсто всѣмъ будетъ.

И Дергачъ действительно помѣстился съ нами; но какъ ни уговаривали мы его, онъ никакъ не хотѣлъ сѣсть рядомъ съ нами, а усѣлся на козлы, къ намъ лицемъ. Тутъ только разсмотрѣлъ я наружность этого старика, которая такъ и просится на полотно.

Только снѣжная бѣлизна длинной бороды и клочка волосъ, лежавшихъ на лысой головѣ его, свидѣтельствовали о старости Миколы Дергача. Прекрасное открытое лице его было еще полно жизни, а большіе, свѣтлые, голубые глаза загорались огнемъ при малѣйшемъ движеніи души. Во всѣхъ и пріемахъ старика виденъ былъ характеръ живой, энергическій. Дергачъ старался сохранить степенность и солидность приличную своимъ лѣтамъ; но едва только увлекался какимъ нибудь разсказомъ, какъ удальство и молодечество его такъ и порывались наружу.

Смеркалось, когда мы ѣхали слободой; но я замѣтилъ, что всѣ встрѣчавшіеся намъ низко кланялись, и конечно поклоны эти относились не къ намъ, а къ Дергачу, потому что не разъ слышались крики ребятишекъ, громко привѣтствовавшихъ своего диду Миколу.

— Видно тебя всѣ знаютъ и любятъ въ слободѣ? заговорилъ я съ старикомъ.

— А какъ же не знать имъ меня, Павло Федорычъ! вѣдь осьмой десятокъ доживаю съ ними, да и атаманомъ, головой, то есть, ходилъ года три; а спросите-ка, сколько у меня крестниковъ на слободѣ? такъ право не скажу,—грѣшный человѣкъ;—уже счетъ потерялъ,—въ иныхъ дворахъ и отцовъ крестилъ; и хлопцевъ ихъ крестилъ и спасибо имъ, не знаю за что, а кажись любятъ и слушаютъ меня старика!

— А вы скажите-ка мнѣ лучше, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, зачѣмъ вы называете меня Дмитричемъ? у насъ, у хохловъ этого не водится; и малые ребятишки называютъ меня дидо Микола.

— Ну такъ и я буду тебя называть дѣдушкой: такъ что ли, дѣдушка?

— Вотъ се гарно будетъ; то будетъ по нашему, по хохлацки; такъ что ли, Миколай Ѳедорычъ? и старикъ засмѣялся.

— Такъ зачѣмъ же ты насъ, дѣдушка, называешь по отчеству?

— А же вы вѣдь Москали, панови, а не хохлы, то и дило другое! И старикъ смѣялся еще болѣе.

— Слушай тезка, какъ же мы уладимъ насчетъ лошадей?

— Это, то есть въ степь, къ Воронѣ ѣхать? Вѣстимо какъ уладимъ, — опять по прошлогоднему. Вѣдь и тогда было у васъ два тарантаса; ну да объ этомъ въ хатѣ столкуемся, чай погостите же у меня хоть денекъ?

— Нѣтъ тезка; этимъ разомъ никакъ нельзя; развѣ забылъ ты, что я не одинъ?

— Ну такъ я имъ буду кланяться. На первомъ знакомствѣ, авось, уважатъ стариковскую просьбу? Не заставь, Павло Федорычъ, старую спину ломать да въ ноги кланяться! обратился старикъ ко мнѣ. Вѣдь и у насъ есть чѣмъ потѣшиться: всего съ версту отъ слободы около Поганьева озера, вы вѣдь знаете, Миколай Ѳедорычъ, говорятъ, этого дупеля видимо невидимо; — ну вотъ заутро и потѣшились бы, прибавилъ онъ очень убѣдительно.

Между тѣмъ мы въѣхали на полныхъ рысяхъ въ ворота Дергачева двора, который, казалось, былъ полонъ народу. Старикъ проворно соскочилъ съ тарантаса и обратился къ своей семьѣ: «допрежь всего слухайте вы вси, жинка, синови, хлопцы и дивчата — вси сюда! да кланяйтесь пановямъ вмѣсто меня старика, да просите ихъ, щобы поночевать и погостить остались у насъ,»—и старикъ заливался громкимъ смѣхомъ, пока мы вылѣзали изъ тарантаса. Какова семья у меня, Павло Федорычъ! все наши дити, да внуки! говорилъ старикъ, указывая на встрѣчавшихъ насъ и кланяющихся такъ привѣтливо, ласково, какъ бы встрѣчали ближайшихъ родственниковъ послѣ долгой разлуки. А Николай Ѳедоровичъ между тѣмъ обнимался уже съ старухой, которая не находила достаточно словъ, чтобы выразить ему свою радость свиданія, и повторяла только безпрестанно: «милостивецъ ты нашъ! благотворитель ты нашъ!» Я не успѣлъ еще уяснить себѣ этихъ дружескихъ отношеній Николая Ѳедоровича къ семейству Дергача, какъ пораженъ былъ новымъ, загодочнымъ явленіемъ: когда мы вылѣзали изъ эки-

пажа, ко мнѣ подбѣжала чрезвычайно красивая, молодая женщина, въ бѣлой рубашкѣ, взглянула только на меня какимъ-то дикимъ взглядомъ;—въ движеніяхъ ея было что-то странное; въ рукахъ держала она завернутаго младенца, а окружающіе насъ безпрестанно повторяли ей:—«это не онъ, это не онъ, Гапа, ступай себѣ до хаты;» и старались удержать ее за руку.

— А що же ты жинка пановъ до хаты не просишь? закричалъ наконецъ старикъ, и мы взошли на чистое крыльцо, на которомъ встрѣтила насъ со свѣчей въ рукахъ молодая, красивая хохлушка въ праздничномъ нарядѣ, въ разнообразныхъ монистахъ (*), и свѣтила намъ на пути къ хатѣ, уже совершенно приготовленной для нашего помѣщенія. Какъ только вошли мы въ нее, Дергачъ повторилъ свою неотступную просьбу, и мы не могли отказать гостепріимному старику; не было возможности не исполнить такого искренняго, радушнаго желанія. Мы рѣшили, что нетолько ночуемъ, но останемся у него до обѣда другаго дня. Старикъ былъ въ восторгѣ; онъ хлопоталъ и бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; все было придумано и сдѣлано для нашего удобства.

Занимаемая нами большая комната, составлявшая пристройку къ дому, была чисто выбѣлена, въ-половину оклеяна пестрыми бумажками, полъ былъ только-что вымытъ. Въ переднемъ углу стоялъ поставецъ съ образами въ серебрянныхъ и фольговыхъ ризахъ, и все это было убрано бумажными цвѣтами и пучками душистыхъ травъ; а передъ ними висѣла лампадка, и бумажный голубокъ, постоянно качавшійся на поддерживавшей его тонкой ниткѣ. Большая скамья въ переднемъ углу, двѣ кровати съ ситцевыми занавѣсками, два большихъ сундука, покрытые мохнатыми разноцвѣтными коврами, два стула, столъ, на которомъ были поставлены размалеваныя тарелки, одна съ разрѣзаннымъ арбузомъ, другая съ пирогомъ, два ножа и двѣ ложки; вотъ все, что было въ комнатѣ. Какъ-то легко, свободно дышалось этимъ чистымъ, душистымъ воздухомъ; пріятна для глазъ эта бѣлизна, опрятность малороссійской хаты, въ ко-

(*) Монисты — ожерелье, бусы.

торой уже, конечно, не увидишь ни русскаго, ни прусскаго таракана и тому подобныхъ принадлежностей грязной жизни.

Когда все было выбрано изъ экипажей и намъ подали чай, — пошли толки о предстоящей охотѣ. Дергачъ сообщилъ намъ, что есть слухи съ воронина хутора, будто верстахъ во 100 отъ него видѣли уже большое стадо сайгаковъ; что Ворону одолѣли волки,—что между Ярусланомъ и Таргуномъ много стрепетовъ, и такъ далѣе. Было рѣшено, что мы ѣдемъ туда на другой день, тотчасъ послѣ обѣда; что Дергачъ подъ мой тарантасъ дастъ свою тройку хоть на десять дней, что экипажъ Николая Ѳедоровича повезутъ на ямскихъ, а самъ старикъ съ сыномъ и внукомъ отправляются также съ нами, но на особыхъ дрогахъ и берутъ еще съ собой верховую лошадь.

Все было переговорено, улажено. Старикъ Дергачъ, пожелавъ намъ покойной ночи, пошелъ радиться съ своими хлопцами; слѣдовательно можно бы и намъ на покой! Такъ и сдѣлалъ Николай Ѳедоровичъ.

Онъ легъ, и черезъ нѣсколько минутъ не отвѣчалъ уже на мои вопросы. Особаго рода горловые и носовые звуки возвѣщали о его крѣпкомъ снѣ. Но не такъ было со мной. Я не могъ заснуть отъ волненія и отъ занимавшихъ меня мыслей. Образъ въ полумракѣ видѣнной мною женщины не оставлялъ меня; ея дикое, но все-таки прекрасное лице живо врѣзалось въ моемъ воображеніи, и воображеніе сильно работало, домогаясь въ ея потухшихъ голубыхъ глазахъ прочитать исторію ея прошедшаго. Я догадывался, что въ отношеніяхъ Николая Ѳедоровича къ семейству Дергача должно быть что нибудь особенное; но чѣмъ болѣе старался я объяснить себѣ эту загадку, тѣмъ болѣе путался въ предположеніяхъ! Долго ворочался я на моей мягкой постели; много мыслей смѣнилось въ моей головѣ, но всѣ они не привели меня ни къ какому заключенію. Уснуть я не могъ, а голова тяжелѣла! Я радъ былъ, что мѣсяцъ, поднявшійся изъ-за крыши сосѣдняго дома, ворвался своимъ свѣтомъ въ окно нашей хаты; я начиналъ уже засыпать, какъ вдругъ на дворѣ подъ окномъ услыхалъ я разговоръ о какой-то сумасшедшей!

Проворно вскочилъ я съ постели, подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ, что слуги наши, Семенъ и Илья, поужинавъ, вѣроятно, въ другой хатѣ, вынесли кормъ собакамъ, и продолжали начатый разговоръ;—я присѣлъ на сундукъ.

— Да скажите же пожалуйста, Семенъ Петровичъ, какъ же это она съ ума сошла? вѣдь, право, безъ жалости нельзя смотрѣть на нее. А должно быть больно хороша была? спрашивалъ мой Илья. — Ужъ чего не хороша!—отвѣчалъ Семенъ; такъ хороша была, Илья Денисычъ, что, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать! Вѣдь мы ее съизмала знаемъ. Годовъ пятнадцать сюда ѣздимъ.

— Да отчего съ ума-то она сошла? развѣ вашъ баринъ не того-ли? вѣдь, говорятъ, онъ ходокъ?.. прибавилъ Илья чуть слышно.

— Нѣтъ, шалишь! Года четыре тому назадъ, мы какъ пріѣхали сюда, ей только-что стукнуло 16 лѣтъ, такъ онъ дѣйствительно такъ-было и растаялъ; да нѣтъ! да и самъ этакъ, знаете, видно совѣстно было, по дружбѣ-то есть съ старикомъ;—вѣдь она ему родная внучка!

— Такъ отчего же съ ума-то сойти? настаивалъ Илья.

— А вотъ, кажется, Данило идетъ? попросите-ка его, чтобъ онъ разсказалъ вамъ всю эту исторію, какъ сестра его съ ума сошла; онъ, говорятъ, всю подноготную знаетъ. Послушайка, Данилушка, обратился Семенъ къ подходившему красивому парню, какъ бы намъ, дружище, этакъ сѣнца маленько, т. е. для постели?

— Аже сейчасъ принесу, отвѣтилъ расторопный услужливый парень и бѣгомъ скрылся въ сараѣ.

Скоро возвратился онъ съ большой вязанкой сѣна, и сталъ разстилать его на указанномъ мѣстѣ подлѣ тарантасовъ; сбѣгалъ въ хату за полостью и ковромъ, и устраивая изъ нихъ постель для своихъ гостей, приговаривалъ «вотъ такъ гарно».

— Скажи пожалуйста, Данилушка, обратился къ нему Семенъ, неужели вашей Ганѣ нѣтъ ничего легче, все также горюетъ?

Нѣтъ, Семенъ Петровичъ! отвѣчалъ Данило, тяжело

вздохнувъ; видно такъ уже ей и до могилки быть! да и не долго, должно быть, промается, теперь уже и спитъ-то рѣдко.

— Эхъ, жаль бѣдную! свозить бы ее въ городъ, авось, помогли бы....

— Нѣтъ, Семенъ Петровичъ! перебилъ опять Данило; ничѣмъ уже не поможешь, серденько-то у нея вовсе изныло! По зимѣ какъ-то смотрѣлъ ее камышинскій ликарь; нѣтъ, говоритъ, «ничего нельзя сдѣлать!»; видно такъ уже Богу угодно! и опять вздохнулъ онъ тяжело и грустно покачалъ головой.

— Да скажи, пожалуйста, Данилушка, какъ это съ ней приключилось?

— Аже вы знаете, Семенъ Петровичъ; дидо вѣдь разсказывалъ вамъ тогда....

— Разсказывать-то разсказывалъ онъ; но я все какъ-то въ толкъ не возьму; да разсказывалъ онъ тогда все барину, а меня-то раза три высылали, такъ многаго и не понялъ.

— Пожалуй, я разскажу все какъ было; а вы бы ложились пока, а я возлѣ васъ присяду.

— Такъ ужъ ты слушай-ка, Данилушка: разскажи ты намъ все по порядку; я-то хоть кое-что знаю, а вотъ Илья Денисычъ ничего еще не слыхалъ.

Семенъ и Илья послѣдовали совѣту Данилы, а самъ Данило помѣстился на подножкѣ близъ стоявшаго тарантаса, и я услышалъ слѣдующій разсказъ о несчастной Ганѣ (*).

— Такъ слушайте-же! началъ Данило, опять вздохнувъ. Жила тутъ у насъ на слободѣ вдова Черениха; былъ у нея сынъ Михайла, годомъ только постарше меня. Съ этимъ Мишей Черенинымъ ходили мы, каждый день, къ дьячку Матвѣю учиться грамотѣ, да ужъ такъ привыкли другъ къ другу, что жили съ нимъ душа въ душу, какъ братья родные. Бывало, если мы въ школѣ, не за букваремъ сидимъ, такъ или онъ къ намъ придетъ, или я къ нему въ хату

(*) Разсказъ Данилы я постараюсь передать вполнѣ, но думаю, что читатели мои будутъ довольны, если я мало понятные для нихъ малороссійскія слова замѣню русскими.

уйду. Такъ ходили мы въ школу больше двухъ лѣтъ; мнѣ было годовъ 14, а ему, видно, пятнадцать. Разъ, это было кругъ вешняго Миколы, сидимъ мы съ Мишей у воротъ их-ней хаты, а дидо идетъ мимо насъ изъ приказа до дома, остановился да и говоритъ намъ такъ смѣясь: слушьте, хлопцы, хочу васъ обоихъ вмѣстѣ везти въ Саратовъ; что же, ладно, дидо, отвѣтили мы оба, довольные шуткой. Но шутка не въ шутку вышла. Къ осени передъ покровомъ насъ и взаправду отвезли въ писарскую школу. Тамъ мы съ Мишей какъ одностороннйки подружились еще больше, но скоро привелось намъ разстаться; около года я пробылъ въ школѣ, да такъ сталъ хворать, что лекарь сказалъ что надо отпустить меня до дома. А сказатъ правду, самому то мнѣ вовсе не хотѣлось изъ школы ѣхать домой.

«Ну вотъ взяли меня и повезли, помню, передъ самымъ Рождествомъ; какъ разъ въ сочельникъ, пріѣхали мы въ слободу, а Миша оставался еще болѣе двухъ лѣтъ. Года, видно, четыре тому назадъ, слышимъ мы, что Миша нашъ посланъ помощникомъ писаря въ балашевскій уѣздъ; а послѣ этого не больше, какъ черезъ полгода, его перевели сюда, къ намъ, т. е. въ Николаевскую, опять же помощникомъ къ нашему писарю Сергѣю Миколаичу. Вотъ бы посмотрѣли вы, какая у насъ была радость, какъ мы опять свидѣлись! а старуха Черениха такъ ревомъ и реветъ бывало, сама не знаетъ о чемъ, и всѣмъ это показываетъ своего сына, т. е. хвастаетъ; и не грѣшно было хвастать! Мишѣ было въ ту пору 19 годовъ да что и за красавецъ былъ, разсказать невозможно. Ростомъ на полъ головы выше меня, да такой складный! волосы черные да курчавые, усики этакъ маленькіе, а самъ то,—бѣлый, румяный, точно кровь съ молокомъ, а глаза то,—ну да чего тутъ! просто писаный молодецъ! да еще же и скромникъ такой—что твоя красная дѣвка! Бывало по улицѣ идетъ, — ништо уже дивчатамъ, а то и нашему брату, любо бывало смотрѣть на него.

— Да не долго привелъ Богъ намъ имъ любоваться!

— Пріѣхалъ онъ къ намъ въ слободу, помнится мнѣ, передъ первымъ Спасомъ, а передъ Покровомъ, помню, у насъ завелось сватовство въ семьѣ. Головой былъ у насъ въ ту

пору душегубъ, не тѣмъ будь помянутъ, Семенъ Горковенко, богатѣйшій человѣкъ; не то что въ слободѣ, а въ иномъ городѣ пожалуй и купца такого не найдешь; и человѣкъ то онъ этакой былъ гордый да нравный. Вотъ онъ-то и задумалъ женить своего меньшака Семку на сестрѣ моей Ганѣ. Такое рыло и уродъ, прости Господи, что и теперь, какъ вспомнишь, такъ зло беретъ! Вы бы посмотрѣли въ ту пору на нашу Ганю, такъ просто бы ахнули! вѣдь такой красавицы и промежъ пановъ не сыскать бы; видалъ я, бывало, въ соборѣ и чиновницъ этихъ и купчихъ богатыхъ и всякихъ другихъ, и разряженныхъ и нарумяненыхъ, да что это? все дрянь, просто дрянь — передъ нашей Ганей. Бывало какъ выйдетъ она на улицу, или въ храмъ Божій войдетъ,—такъ какъ есть—краля!На што бабы завидущи на чужую красу, да и тѣ бывало глядятъ на нее да любуются. Ну такъ Семкѣ-ли уроду владѣть такой красотой? а вѣдь тудаже полѣзъ; думалъ богатъ молъ я, такъ выдадутъ; анъ врешь и на деньги твои не поластились, и на батьку твоего не посмотрѣли!

— Вотъ на канунѣ самаго Покрова пришелъ старикъ Горковенко переговорить объ этомъ съ дидомъ нашимъ, а тотъ прислалъ за отцомъ, ну и пошли у нихъ толки и ряды, а мы въ тотъ вечеръ ничего и не знали. Только на другой уже день, т. е. въ самый Покровъ, пошелъ я въ церковь, да думаю, дай зайду я въ приказъ за Мишей, чтобы вмѣстѣ идти къ обѣднѣ, а приказъ то былъ въ то-время почитай у самой церкви. Только подхожу я этакъ къ крыльцу, смотрю, а Михайло выбѣжалъ изъ приказа точно угорѣлый: блѣдный такой, что страсть! увидалъ меня, да какъ бросится мнѣ прямо на шею, — я такъ и обмеръ! Что съ тобой? спрашиваю его; а онъ точно не понимаетъ: смотрѣлъ этакъ на меня, смотрѣлъ, да какъ захныкаетъ вдругъ, индо страшно мнѣ стало, схватилъ этакъ меня за руку, да только сказалъ: «пойдемъ»! и потащилъ меня проулкомъ къ огородамъ, а самъ такъ торопится, что мы-чуть не бѣгомъ бѣжимъ. Только что вышли мы изъ проулка, онъ остановился, да вдругъ какъ захохочетъ, да такъ страшно, что у меня по кожѣ мурашки побѣжали. Ну, думаю себѣ, должно быть рехнулся мой Миша, или испортилъ злой человѣкъ. Стою этакъ, смотрю на

него, а онъ хохоталъ, хохоталъ, потомъ приутихъ, облокотился на плетень — стоитъ, молчитъ; долго молчалъ; я и пріободрился, да и больно жаль мнѣ стало моего Мишу, я подошелъ къ нему, взялъ его за руку, да и спрашиваю его: что это съ тобой случилось, Миша? а онъ повернулъ ко мнѣ голову, да такъ на меня взглянулъ, что не знаю уже, что это такое будто сердце у меня просто оторвалось, и я самъ то чуть не заплакалъ. Онъ посмотрѣлъ этакъ на меня, взглянулъ на небо, да и говоритъ:» всѣ вы будете отвѣчать на небѣ предъ Богомъ за христіанскую душу.» Я хоть и не понялъ, что это онъ говоритъ, да обрадовался уже, что хоть голосъ-то его услыхалъ! Да скажи ты ради Бога Миша, что это съ тобой приключилось?

Наконецъ увидалъ онъ, что я ни про што не знаю, и разсказалъ мнѣ, что пришелъ онъ утромъ передъ обѣдней въ приказъ, а волостной-то и говоритъ ему: Слышалъ ты, «Черенинъ, голова то нашъ свадьбу затѣваетъ, высваталъ за своего Семена внучку Дергача? Какъ онъ мнѣ это сказалъ, я такъ и покатился со смѣху, да и говорю ему: что ты, Миша, съ ума сошелъ что-ли? нашу красавицу Ганю чтобы отдалъ дидъ за вашего урода Семку горбуна!?.. Не знаю отъ словъ ли моихъ, или отъ моего смѣха, только измѣнился какъ-то въ лицѣ мой Михайло, да и спрашиваетъ меня этакъ въ раздумьи: «да что же это такое? неужели все это неправда?» Да какъ услыхалъ отъ меня, что все это вздоръ, что все это бабьи сплетни, такъ и бросился онъ мнѣ на шею, да сталъ меня цѣловать и въ лицо-то и въ темя, ну просто чуть не задушилъ; да и говоритъ мнѣ: ну братъ, Данило, ожилъ я теперь! а не попадись ты мнѣ навстрѣчу,—грѣшный человѣкъ, пожалуй и руки наложилъ бы на себя.»—Ну тутъ мы уже разговорились все дальше да дальше, все дальше да больше и узналъ я подъ-конецъ, что мой Михайло такъ полюбилъ нашу Ганю, что и сказать нельзя. Да что же ты, дурень, не засылалъ сватовъ до сихъ поръ? спросилъ я его.

— Не я, а ты дурень, Данило; что же пошлю я сватовъ кланяться, когда не знаю еще, любъ я твоей сестрѣ, вѣдь мнѣ негдѣ было съ ней и слова перемолвить. На вечерницы она еще не ходитъ; говорятъ еще молода, мать не пускаетъ, такъ

только и радости, что у обѣдни на нее полюбоваться, да у воротъ развѣ при людяхъ увидишь; разъ какъ-то, недѣли двѣ тому назадъ, случилось-было намъ переговорить, да и тутъ опять помѣшали. Да еще вотъ что скажу тебѣ, Данило: вѣдь твой дидъ, Микола, не отдастъ за меня вашу Ганю: вы люди богатые, а я что?—байгушъ, почитай бобыль, только и есть что синій кафтанъ на плечахъ, да хатенка меньше гусинаго клева. Толковали мы съ нимъ этакъ долго, ужъ и къ достойной ударили, а мы все сидимъ у плетня, да толкуемъ. Вотъ и порѣшили подъ-конецъ, чтобы я все разузналъ насчетъ головы, т. е. его сватовства, чтобы переговорилъ съ Ганей, чтобы сказалъ ей, какъ ее любитъ Михайло; ну и отъ нея чтобы развѣдалъ все какъ есть, а Михайлѣ чтобы часа чрезъ два придти къ нашей изгородкѣ; значитъ я узнаю пока все, а тамъ ему и перескажу.

— Такъ мы и разошлись. Михайло пошелъ черезъ огороды, чтобы ближе къ своей хатѣ пройти, а я вышелъ на улицу въ самую ту пору, какъ народъ изъ церкви шелъ; иду себѣ и весело мнѣ на душѣ и думаю: вотъ хорошо то будетъ, какъ женится Михайло на Ганѣ и будетъ мнѣ братомъ, да ужъ и парочка будетъ, какой на бѣломъ свѣтѣ не найти! Иду этакъ, все думаю, а самъ не знаю, какъ бы все это узнать насчетъ головы, да и съ сестрой-то какъ бы поскорѣе переговорить; подошелъ уже къ своему дому, глядь, а вся наша семья какъ разъ передо мною, только-что въ ворота заворачиваетъ; смотрю, а Ганя наша идетъ повѣся головку, да блѣдная такая, что краше въ гробъ кладутъ. Я сейчасъ же къ ней, да на ушко ей шепнулъ, чтобы она скорѣе вышла ко мнѣ на огородъ; она посмотрѣла этакъ на меня, чудно какъ-то; какъ будто и слезы навернулись на глазахъ, да и вошла въ хату. Такъ меня какъ будто ошпарило чѣмъ! стою у крыльца какъ дурень какой, да и самъ не знаю что мнѣ дѣлать? а наши-то всѣ въ это время убрались по хатамъ. Вотъ я постоялъ этакъ, не знаю сколько; стало мнѣ такъ тяжко на сердцѣ, я и пошелъ въ огородъ, такъ какъ будто вовсе одурѣлый, а серденько-то такъ и сосетъ, точно змѣй въ него вцѣпился! Только вдругъ слышу, кто-то зоветъ меня потихоньку; я обернулся, а Га-

ня стоитъ точно мертвая, что того и смотри съ ногъ свалится. Какъ услыхалъ я ея то голосъ,—какъ будто опамятовался; подбѣжалъ къ ней да и говорю: Ганя ты моя, серденько ты мое, что это ты такъ запечалилась? А она опять посмотрѣла на меня; горько, горько заплакала и, слышу, шепчетъ: «прошла моя доля радостная, пусть гибнетъ моя краса дѣвичья». Полно Ганя, говорю я ей; не плакать, а радоваться тебѣ надо! А она мнѣ слова не дала домолвить; хороша, говоритъ, радость,—за немилаго замужъ выходить. Тутъ-то только понялъ я, что видно дѣло съ Горковенками на самомъ дѣлѣ ладится; и Ганя разсказала мнѣ, что утромъ, только-что я ушелъ, а наши пошли къ обѣднѣ, ее позвали въ большую хату и дидо сказалъ ей, что старикъ Горковенко приходилъ вечёръ спрашивать, можно-ли сватовъ засылать, что такъ и такъ, хочетъ онъ ее за своего Семку взять; что дидо сказалъ ему, что отвѣта до утра не дастъ, что переговоритъ съ семьей да съ Ганей, а назавтра, т. е. у обѣдни скажетъ ему отвѣтъ; а теперь, покончила Ганя, какъ выходили мы изъ церкви, дидо сказалъ видно головѣ, чтобы вечеромъ сватовъ присылали.

Я такъ и обмеръ! Да что же это такое? спрашиваю ее; да развѣ ты уже согласилась?—«А мнѣ что же, говоритъ она: если съ милымъ не жить, такъ не все ли равно за кого замужъ идти, а тутъ, по крайности, родительскую волю выполнила»; да знаете? говоритъ все это, а сама такъ и заливается слезами. Я посмотрѣлъ этакъ на нее, да и думаю себѣ: о какомъ это миломъ она помянула? дай-молъ попытаю ее.

«Взялъ я ее за руку, а рука холодная, прехолодная; видно кровь-то вся внутрь прилила; да и говорю ей: эхъ Ганя, Ганя! что это ты надѣлала? чѣмъ за урода за Семку-то выходить, я-бъ тебѣ такого жениха красавца сыскалъ, какого и днемъ съ огнемъ не найдешь; да и любитъ же онъ тебя пуще матери родной, пуще жизни своей! Я ей это говорю, а она плакать-то перестала, да глазами такъ и уперлась на меня; а ротикъ-то немножко этакъ открыла; ну, такъ, что мнѣ и любо и страшно стало на нее смотрѣть. Что это ты на меня уставилась Ганя? говорю опять, а она все молчитъ, а глазкомъ-то не моргнетъ даже.

Молчала, молчала, да потихоньку и спрашиваетъ меня: «ты о комъ это, Данило, говорилъ сейчасъ?» Вѣстимо о комъ! говорю опять; чай и сама замѣтила, что Михайло какъ привороженный. Не успѣлъ я, знаете, выговорить Михайло, она какъ бросится мнѣ на шею, да такъ и повисла.

«Ну, думаю себѣ, дѣло-то ладно; далъ я ей немножко уходиться, да и отвелъ ей руки отъ моей шеи; смотрю, а она вмѣсто блѣдной-то, покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, а какъ взглянула на меня, глазенки-то у нея такъ и играютъ, а по щекамъ текутъ слезы такія свѣтленькія, что, видно, не горе, а радость ихъ выжали! Потупилась она глазами въ землю, да и говоритъ мнѣ: «что-же намъ теперь дѣлать, братико ты мой милый? Научи ты меня, горемычную!» Вотъ и стали мы совѣтываться, а я смотрю все за плетни, да и вижу подъ-конецъ, что Михайло мой уже тутъ; стоитъ въ проулкѣ, прислонился къ нашему плетню, а картузъ-то его и торчитъ поверхъ, — значитъ и видно его, а недалече отъ насъ-то, всего шаговъ въ двадцать. Вотъ я подумалъ маленько, да и крикнулъ ему подь-ка ты сюда, Михайло! Только что этакъ вскричалъ, а дѣвка-то моя такъ и ошалѣла! одной рукой лицо закрыла, а другой ухватилась за меня, такъ что ажъ больно стало. А Михайло-то межъ тѣмъ перелѣзъ черезъ плетень, да идетъ этакъ къ намъ, едва ноги переставляетъ, точно будто подъ розги его ведутъ.—А ты ступай скорѣе, дурень! кричу ему; время немного, сейчасъ обѣдать позовутъ. Подошелъ онъ къ намъ, и стоитъ опять, какъ одурѣлый, красный такой, а самъ, т. е., не знаетъ что дѣлать; а Ганя уткнулась носомъ чуть не въ землю, молчитъ и головки не подымаетъ. Усмѣхнулся я этакъ, глядя на нихъ; и весело мнѣ стало на сердцѣ, и говорю имъ: ну, что же вы стоите, какъ столбы на большой дорогѣ? Полюбились другъ другу, такъ нечего думать, — жениxаться надо! Взялъ ихъ этакъ обоихъ за руки; ну, говорю, поцѣлуйтесь, да и по домамъ!

При этихъ словахъ разсказчикъ замолчалъ, взглянулъ на людей, лежавшихъ на приготовленной имъ постелѣ, назвалъ по имени одного, потомъ другаго, и убѣдясь, что оба спятъ

сномъ безпробуднымъ, онъ покачалъ головой и какъ бы съ досадой медленно пошелъ къ своей хатѣ. Но я проворно накинулъ на плечи халатъ и выбѣжавъ на крыльцо, умолялъ его докончить начатый имъ разсказъ; и онъ, казалось мнѣ, былъ этимъ очень доволенъ.

— А вонъ хлопцы-то ваши позаснули! видно, чужое горе не мѣшаетъ спать; не сестра видно имъ безсчастная Ганя! замѣтилъ онъ грустно.

Успокоивъ его увѣреніемъ, что во мнѣ найдетъ онъ слушателя очень заинтересованнаго судьбой его Гани, я упросилъ его наконецъ сѣсть со мной на крыльцо и продолжать начатый разсказъ.

— «Ну, ладно, ладно, заговорилъ опять Данило; вы вѣдь помните, на чемъ я остановился? — какъ на огородѣ я ихъ свелъ и заставилъ поцѣловаться. Какъ они тутъ миловались, такъ этого пересказать нельзя! Я и радовался, на нихъ глядя, и страхъ-то меня бралъ; да и завидно было, зачѣмъ Ганя-то мнѣ сестра? и что не найду я себѣ такой-же красавицы! Ну, вотъ мы и порѣшили, чтобы тотчасъ-же идти къ диду, и все это ему объявить. Миша пошелъ до дому, а мы скорѣе на свой дворъ.

«Пришли мы въ большую хагу, а семья-то уже вся собралась, т. е. обѣдать пора. Помолились мы Богу, да и сѣли за столъ. Смотрю я на Ганю, а она и за ложку не берется, сидитъ такая красная, точно въ огнѣ горитъ; и стали этакъ всѣ на нее посматривать да спрашивать, что такое съ ней приключилось? а она все только «ничего» говоритъ, а сама глазъ ни на кого не подымаетъ. Такъ просидѣла она за обѣдомъ, одной крошки не съѣла. Послѣ обѣда всѣ повышли изъ хаты, остались только отецъ съ матерью да старики диды наши; да и спрашиваютъ они все у Гани, не больна-ли она чѣмъ, а она все молчала, да вдругъ и повалилась матери въ ноги.

— «Матушка ты моя родимая, будь ты мнѣ заступницей передъ отцомъ и дидами нашими, говоритъ этакъ, а сама плачетъ, точно рѣка льется. Старики такъ глаза и повытаращили, стоятъ и ничего не понимаютъ, а Ганя то одному, то другому въ ноги. Родные вы мои, не погубите вы

моей дѣвичьей молодости, не вѣнчайте меня съ немилымъ мнѣ, не кладите меня въ гробъ прежде времени! — не люблю я Семку Горковенку! и опять все этакъ же голоситъ, т. е. плачетъ, такъ за душу и деретъ.

— «Да что же ты, Ганя, давича утромъ не говорила? спросилъ дидо и строго и ласково, а отецъ какъ-то недобре посмотрѣлъ на нее.

— «Глупость моя, дидо, глупость! я еще сама не знала поутру, какъ люблю я Михайлу, и что Михайло любитъ меня пуще жизни своей.

«Какъ сказала она это, дидо ничего, стоитъ, молчитъ, а отецъ съ матерью какъ напустятся на нее бѣдную, такъ просто страсти Божіи, того и гляжу я, что станутъ бить ее. Жаль мнѣ ее стало, не вытерпѣлъ я, да только слово молвилъ, а отецъ какъ схватитъ меня за вихры, и ну толкать, да все приговариваетъ: это ты все, пострѣлъ, сестру смутилъ, любовника ей подвелъ. Кабы не дидо, бѣда-бы была. Да уже онъ, дай Богъ ему много лѣтъ, схватилъ батьку за руки и все его уговариваетъ да усовѣщеваетъ,— а тотъ, точно бѣшеный, разсвирѣпѣлъ такъ, что ничего не слышитъ, знай таскаетъ меня, да какъ-то и толкнулъ самого дида. Только видно уже и дидо осерчалъ; какъ вдругъ закричитъ этакъ на батьку-то: вонъ изъ хаты и со двора долой сынъ нечестивый! да такъ это грозно закричалъ старикъ, что у батьки видно и руки и поджилки затряслись; онъ выпустилъ меня изъ рукъ, да и стоитъ самъ точно столбъ, уже и не знаетъ, что дѣлать; а мать и бабка точно въ лихоманкѣ трясутся; вѣдь всѣ какъ грозы боятся нашего дида Миколу, значитъ человѣкъ-то онъ уже больно правѣдный.

«Вотъ утихъ маленько старикъ, сталъ въ резонъ все приводить, и видимъ мы съ Ганей, что дѣло идетъ маленько какъ будто на нашу сторону. Толковали, толковали, ну такъ, что уже и къ вечернѣ ударили, и рѣшилъ подъ-конецъ дидо, что надо послать къ Горковенкамъ сказать-молъ, чтобы они сватовъ не засылали. А когда батько сталъ опять кричать, что онъ за Мишку Ганю не отдастъ, что Мишка-де байгушъ и бездомникъ, и такой и сякой, дидо и говоритъ: все ты врешь, Гаврикъ, уже если я сказалъ, что быть такъ,

такъ и будетъ; а Мишкѣ я выстрою передъ свадьбой хату какъ слѣдуетъ, да дамъ ему плугъ, быковъ, да тысячу рублей денегъ, такъ онъ и будетъ не бѣднѣе тебя, а голова-то у него почище твоей пустой башки.

«Только-что услыхалъ я эти слова, какъ угорѣлый бросился вонъ изъ хаты, позабылъ и шапку, побѣжалъ какъ на пожаръ, чтобы порадовать скорѣе моего Мишу. Вбѣгаю къ нету въ хатенку, а онъ стоитъ вмѣстѣ съ матерью на колѣнахъ, т. е. видно Богу они молились, мать-то у него такая богомольная была!

«Какъ разсказалъ я имъ все какъ было, Миша обхватилъ меня за шею: и меня-то цѣлуетъ, и крестится самъ, и прыгаетъ, точно съ ума сошелъ; а мать-то его, смотрю я, стоитъ опять на колѣнахъ, да такъ и заливается слезами, да все земные поклоны кладетъ.

«Вотъ этакъ порадовались мы всѣ вмѣстѣ, а Миша и говоритъ:

— «Слушай, мамочка моя: вѣдь мы съ тобой сироты на божьемъ свѣтѣ, какъ есть одни! Нѣтъ у насъ никакихъ сродственниковъ; такъ гдѣ-же взять намъ и сватовъ? Пойду я самъ одинъ къ диду Миколѣ, да повалюсь ему прямо въ ноги, а тамъ поклонюсь и Гаврику, поклонюсь и жинкамъ ихъ.

«Такъ и порѣшили; мать благословила Михайлу, и мы вмѣстѣ пошли на нашъ дворъ; да видно все это скоро сдѣлалось: входимъ мы съ нимъ въ большую хату, а тамъ наши-то всѣ вмѣстѣ, какъ я ихъ покинулъ.

«Какъ только взошли мы, Михайло и повалился диду въ ноги, а Ганя всплеснула руками, да такъ и ошалѣла, ни жива ни мертва стоитъ. Но видно дидо уломалъ всѣхъ ихъ и Михайлу такъ приласкали, какъ роднаго, да тутъ-же послали за Михайловою матерью; взялъ дидо съ поставца образъ, благословилъ жениха съ невѣстой, а за нимъ благословили и всѣ прочіе. И пошла у насъ въ хатѣ радость неописанная. Сбѣжалась вся семья, а семья-то у насъ съ хлопцами да дивчатами—двадцать-два человѣка, такъ есть кому порадоваться, не чужихъ людей созывать!

«Ну вотъ, кажись, уладилось какъ нельзя лучше; да не

такъ думали у Горковенко. Какъ узнали они про все на другое утро, такъ такая пошла суматоха по цѣлой слободѣ, что упаси Господи! Съ самыхъ позаранковъ въ нашей хатѣ отъ народа отбоя не было. Кто придетъ и на самомъ дѣлѣ порадоваться съ нами, а кто только такъ, чтобы все разузнать; а другіе стращать приходили, да разсказывать про Горковенкову ярость; говорили, что онъ будто-бы поклялся передъ образомъ, доканать всю нашу семью, а Мишку просто извести. Да и сдержалъ это окаянный, прости Господи, свою клятву.

«Въ это-же утро, т. е. на другой день Покрова, приходитъ душегубецъ это въ приказъ, а Миши на своемъ-то мѣстѣ въ приказѣ нѣтути. Онъ зашелъ значитъ туда, сказалъ волостному, да и пошелъ съ матерью въ церковь; просили они, видите-ли, отца Симіона отслужить молебенъ Пресвятой Богородицѣ. Только-что молебенъ кончился, Миша въ приказъ, а голова такъ его съ кулаками и встрѣтилъ. Началъ его ругать этакъ самыми бранными словами, да все пуще, въ резонъ ничего не принимаетъ, а такъ и лѣзетъ на бѣднаго Мишу. Ну, а тотъ, должно быть, не сдержалъ что-ли, не въ моготу видно пришло, сказалъ ему что-то такое, голова еще пуще разозлился, да и вскричалъ, чтобы розогъ подали. Какъ только розги-то принесли, да взялись за его кафтанъ, а у него видно и въ глазахъ помутилось, онъ и бросься на голову-то, а тому только эвтого и надоть было. Сейчасъ же притащили кандалы, заковали его, заперли въ кутузку, приставили трехъ караульныхъ, чтобы никого къ нему не подпускать, а самъ голова на лошадей—да въ городъ.

«А у насъ въ хатѣ никто и не предчувствовалъ всего этого, такъ-то все весело да шумно, гостей полонъ дворъ— точно праздникъ какой! Придвинулось этакъ время и къ обѣдамъ, дидо и говоритъ: «что это Михайло долго нейдетъ, видно дѣла въ приказѣ много, да вѣдь не ждать намъ его до вечерень», хотѣли уже было за борщъ и за голушки, какъ вдругъ прибѣжалъ старшина Шпакъ Василь, человѣкъ онъ добрый, дай Богъ ему здоровье, да какъ поразсказалъ онъ все, что тамъ у нихъ было—такъ всѣ и обмерли, а Ганя

какъ стояла, такъ и повалилась на землю, насилу-насилу въ умъ привели.

«Вѣстимо, вмѣсто обѣда, ужъ до ѣды-ли тутъ, пошли мы, т. е. дидо, отецъ да я, пошли мы въ приказъ къ головѣ. Голова, говорятъ, уѣхалъ; мы къ Мишѣ, чтобы переговорить т. е. съ нимъ,—куда тебѣ!—и близко къ дверямъ не подпускаютъ. Караульные бы и того, вѣдь они, какъ и всѣ православные, нашего дидо любятъ и уважаютъ пуще головы,—а волостной говоритъ: нѣтъ, Николай Дмитріевичъ, никакъ нельзя! Дидо-было съ нимъ и поспорилъ, ну да что-же тутъ сдѣлаешь? Пошли мы опять домой, чтобы голову изъ города дождаться; идемъ по улицѣ, смотримъ, а въ проулкѣ у Мишиной хатенки народъ собрался, и многіе другіе туда-же бѣгутъ; ну, вѣстимо, и мы за ними, да издали уже и слышимъ плачъ, голосятъ т. е. такъ у меня сердце и ёкнуло. Пришли мы это въ хату, а старуха лежитъ уже на скамейкѣ, она и безъ-того была старушенка-то слабенькая, а тутъ какъ ей сказали только, что съ Михайлой-то случилось, она повалилась, да тутъ же Богу душу и отдала. Вотъ ее-то первую зарѣзалъ этотъ душегубецъ! Чтобы ему и въ вѣчномъ огнѣ мѣста не было!...

«Ну, тутъ и пошло одно горе за другимъ, продолжалъ Данило, немного помолчавъ и тяжело вздохнувъ. — Вѣстимо, приплелась вся наша семья хлопотать насчетъ въ похоронъ Черенихи, а мы съ Ганей такъ безотлучно сидѣли ихней хатѣ. Сдѣлали покойницѣ и гробъ крашеный, какъ слѣдуетъ, и псалтирщика наняли; ждемъ только, чтобы голова пріѣхалъ, чтобы т. е. сына выкупить къ похоронамъ, а сынъ-то еще и не знаетъ, что мать въ гробу лежитъ.

«На другой день къ вечеру пріѣхалъ и голова. Дидо тотъ же часъ къ нему, а онъ такая бестія, прости Господи, ни слова про сватовство да про Мишу, а принялъ дида такъ-то ласково, все—Миколай Дмитріевичъ да Миколай Дмитріевичъ! и на первое мѣсто посадилъ, а объ Мишѣ-то все ни полслова. Ну, вотъ заговорилъ самъ нашъ дидо; а голова-то ему: «ты, Миколай Дмитріевичъ лучше и не толкуй объ немъ; ты видно не знаешь, какой онъ преступникъ,—просто бѣда, на каторгу пойдетъ». Дидо было ему и такъ и сякъ, и совѣстью,

и угрозой—ни што не беретъ. Дидо плюнулъ этакъ, да говоритъ ему: «да не будь же безбожникомъ, вѣроотступникомъ! выпусти же ты его хоть на утро, дозволь ему хотя проводить родную мать до могилы. Подумай ты хорошенько, вѣдь весь міръ проклянетъ тебя! Вспомни ты хоть часъ-то послѣдній, придется же тебѣ предстать предъ судъ Божій; не откупишься ты тамъ твоимъ богатствомъ; не почествуютъ тебя тамъ головою!» Ну, видно все это покоробило его маленько, позадумался онъ этакъ, да и говоритъ какъ-бы сквозь зубы: «ну, ладно Миколай Дмитріевичъ, на утро отпущу, только съ карауломъ, да на твою поруку, а то какъ-бы самому бѣды не нажить.

— Ну вотъ приготовили все къ похоронамъ; отецъ Симіонъ отслужилъ съ вечера понафиду; наши всѣ ушли до дома, а мы съ Ганей сидимъ возлѣ гроба да слушаемъ какъ дьячекъ псалтирь читаетъ.

— Не прошло этакъ и двухъ часовъ кажись, еще первые пѣтухи не пропѣли,—прибѣгаетъ къ намъ дядя Петро, это то есть меньшакъ изъ отцовскихъ братьевъ; вызвалъ меня въ сѣни да и говоритъ: мнѣ «ты не знаешь ничего, Данило, а вѣдь друга твоего Михайлу сейчасъ въ городъ везутъ, вся наша семья къ приказу пошла». Я такъ и всплеснулъ руками: ахъ разбойники вы этакіе, душегубцы окаянные!—и такое зло взяло меня, что я опрометью выбѣжалъ изъ сѣней. Выбѣжалъ да и самъ не знаю куда и зачѣмъ бѣгу; а дядя Петро за мной. Вотъ мы подбѣжали къ приказу, а наши уже всѣ идутъ, повѣся головы; опоздали молъ, говорятъ, и Мишу увезли и самъ голова уѣхалъ въ городъ.

— Что же тутъ было дѣлать?—поругались, поговорили, да и пошли по домамъ.

— На другой день схоронили Черениху, цѣлый день промаялись съ Ганей; только къ вечеру уже Богъ далъ какъ будто опамятовалась маленько; дали ей тутъ крещенской водицы испить, ну и полегчало, стала и говорить и все какъ слѣдуетъ.

— Прошло этакъ дня три, не ворочается голова изъ города и объ Мишѣ нѣтъ никакой вѣсточки, а Ганя все плачетъ да плачетъ. Разъ, сидимъ мы этакъ съ ней у во-

ротъ, а она и говоритъ мнѣ: «слухай ты, братенько ты мой миленькій, серденько ты мое: утѣшь ты меня горемычную, пійдемъ со мной до города, щобы на Мишу взглянуть.

— Что ты? говорю я ей; какъ это возможно? ну и то и другое, уговаривалъ я ее, уговаривалъ, да и успокоилъ тѣмъ, что заутро отпрошусь я у отца и поѣду молъ въ городъ, и узнаю тамъ все какъ есть.

— Такъ вотъ и сдѣлали; только не я одинъ, а вмѣстѣ съ дядей Петромъ поѣхали мы въ городъ. Стали узнавать тамъ какъ и что? и добились подъ-конецъ, что голова живетъ все еще тамъ и хлопочетъ, и деньгами соритъ такъ, что упаси Господи; мы-было къ нему, ну да съ нимъ чего!— и говорить не сталъ; дядя только разругался съ нимъ, плюнулъ ему этакъ чуть не въ рожу, и вышли мы отъ него ни съ чѣмъ, а Миша тутъ же на дворѣ у него сидитъ въ особой избѣ, и узнали мы, что голова нанялъ къ нему отставныхъ какихъ-то для караула, чтобы никого т. е. къ нему не пускать, только кандалы-то съ ногъ сняли.

— Позвольте-ка однако, сбился я маленько и забылъ вамъ сказать, что въ ту самую пору, какъ на бѣду, была у насъ некрутчина, и какъ разъ съ Покрова, стали брить и въ нашемъ городѣ, т. е. свое некрутское присутствіе состроили. Такъ вотъ и хлопоталъ голова, чтобы безъ всякихъ слѣдствій Михайлѣ-то нашему лобъ забрить, т. е. въ некруты.

— Вотъ разузнали мы тамъ все, какъ и что? и хотѣли уже домой ѣхать, смотримъ, идетъ къ намъ на фатеру нашъ волостной писарь, вотъ мы и съ нимъ покалякали, поставили ему полштофъ сладкой, ну онъ и разболтался какъ добрый человѣкъ, и говоритъ намъ, что голова уже тысячи полторы разсовалъ, а все молъ ничего не можетъ сдѣлать, да и врядъ-ли, говоритъ, добьется онъ своей мести. Ну мы какъ будто и посумнились, а все-таки на сердцѣ какъ-то легче стало.

— Пріѣхали домой, поразсказали все это своимъ, ну и ждемъ, что молъ будетъ? а Ганя все груститъ, да груститъ, да такъ избивается, что ину пору ажно жаль смотрѣть на нее. День прошелъ, слуху нѣтъ никакого; другой день про-

шелъ, все еще ничего, да ужъ подъ вечеръ, почитай въ самыя сумерки, пришли мы съ гумна, т. е. пшеницу убирали, да стоимъ съ дядей Петромъ еще на дворѣ, глядимъ, кто-то въ ворота скользнулъ, а это Голяковъ Васька, тоже пріятель Мишинъ, подбѣжалъ къ намъ запыхавшись, да и говоритъ намъ: «что вы, дурни, стоите и не знаете, что Мишкѣ-то нашему лобъ забрили!» Такъ мы и обмерли. Какъ да что? толковать, толковать и не вѣримъ ему; а Васька говоритъ: своими глазами видѣлъ, значитъ онъ самъ въ городѣ былъ, и только въ это же утро его забрили и къ присягѣ повели. Я только-что повернулся, чтобы сказать объ этомъ нашимъ старикамъ, гляжу, а Ганя-то стоитъ у крылечка; ну, думаю себѣ, значитъ она все слышала. Подошелъ я къ ней, а она стоитъ, подперлась локоткомъ объ столбикъ, блѣдная такая, что страсть, — а ничего, стоитъ себѣ твердо.

— Вотъ горе-то моя Ганечка! говорю я ей. А она какъ-то чудно улыбнулась да и говоритъ мнѣ: что это за горе, Данило? я такъ и одурѣлъ; а она все улыбается да говоритъ такъ твердо: что же за бѣда, Данило, что въ некруты его отдали? будетъ онъ служить Царю-батюшкѣ какъ Богъ велитъ—по совѣсти, возьмутъ его въ Питеръ въ первые полки, вѣдь такихъ красавцевъ чай и въ Питерѣ въ царской службѣ не много? и посмотри ты, заживемъ мы съ нимъ такъ, что любо-дорого будетъ, а тамъ, пожалуй, и офицеромъ сдѣлаютъ.

— Слушалъ я все это, слушалъ, и ничего въ толкъ не прибралъ; гляжу я все на нее, а она все ухмыляется, помолчала немного, да такъ-то тяжело вздохнула, да и говоритъ опять: одна только бѣда, братецъ ты мой миленькій, тяжело будетъ мнѣ вотъ съ вами-то разставаться, — а то все въ Божьихъ рукахъ.

— Ганечка. серденько мое, что это ты замышляешь? спрашиваю ее.

— Какъ что? да вѣдь же я невѣста ему, такъ съ нимъ же пійду,—солдаткой буду,—не останусь же я здѣсь одна безъ него, какъ другія солдатки.

— Много мы съ ней все этакъ толковали, а межъ тѣмъ

въ семьѣ-то уже всѣ узнали; стали собираться кругъ насъ, только дидо съ батькой въ большой хатѣ радились. Вотъ слышимъ, зоветъ бабуся и насъ всѣхъ туда же, ну вотъ и пошли тамъ у насъ толки и рады. Кто говоритъ что надо съ деньгами ѣхать въ Саратовъ, чтобы тамъ хлопотать насчетъ Миши; кто говоритъ надо некрута купить вмѣсто него; дядя Петро—голова-то такая бѣшеная, говоритъ, что допрежь всего надо побить душегубца Гарковенку; а Ганя наша твердитъ себѣ одно, что она завтра же уйдетъ къ своему жениху, а вы, говоритъ, дѣлайте какъ знаете.

— Какъ не уговаривали Ганю, какъ не толковали ей, что некрута вѣнчать нельзя, но порѣшили все-таки на томъ, что наутро ѣхать намъ въ городъ навѣстить Михайлу.

— Собрались раненько, дидо, отецъ, мать, Ганя да я съ дядей Петромъ, пріѣхали мы всѣ это въ городъ и тутъ же отыскали некрутскій дворъ и нашего Мишу. Ганя-то какъ увидѣла его—и дѣвичій стыдъ забыла, такъ и бросилась ему на шею, и уже ласкались, ласкались они! такъ что и весело и жутко было смотрѣть на нихъ, а она все это только шепчетъ ему: «повѣнчаемся да ужъ вмѣстѣ и пійдемъ куда Богъ велитъ». А онъ-то ей говоритъ: «не покинь только ты меня, Ганя, а то и въ полку будетъ намъ хорошо, пригодится, Богъ дастъ, моя грамота и все чему я учился». Ну посидѣли видно долго у нихъ на дворѣ, а тамъ пошелъ Миша провожать насъ до фатеры; тутъ опять потолковали; все больше говорили о смерти и похоронахъ старухи Черенухи; Миша-то уже зналъ обо всемъ этомъ, хотѣлъ только видно погоревать еще разъ, да видно слезы больно душили его, такъ выплакаться ему хотѣлось. Погоревали и мы съ нимъ еще разъ; дидо приказалъ самоваръ поставить, и чаю мы напились. Тутъ Ганя наша маленько задумалась, да и говоритъ старикамъ: слухайте вы мои родненькіе, въ чемъ я вамъ кланяться стану: оставьте вы меня съ братомъ ночевать здѣсь; наутро пійдемъ мы до начальства, и будемъ Христа ради просить, чтобы дозволили намъ повѣнчаться, ажъ, може, и сжалятся паны надъ моими слезами; а коли нельзя уже буде, толи въ Саратовѣ хлопотать будимо. Сначала отецъ съ матерью объ этомъ и слышать не хотѣли, и такъ-то бы-

ло напустились на бѣдную Ганю, а дидо все молчалъ, да думалъ, да и говоритъ подъ-конецъ: что се пожалуй добре будетъ; вынулъ пятьдесять рублей, всѐ синенькими бумажками, отдалъ ихъ мнѣ да и говоритъ: «оставайся ты съ сестрой здѣсь, и Петро останется съ вами же, заутро дѣлайте какъ она хочетъ, а нужно будетъ, гдѣ деньгами покланяться начальству, такъ тоже не жалѣйте, да слушь, Петро, ихъ военное начальство не забудьте, закончилъ дидо, обращаясь къ своему любимому меньшаку.

— Ну этакъ еще долго, долго толковали мы. Уже въ сумерки самыя выпроводили мы нашихъ-то за ворота, и остались на фатерѣ Ганя, я, да Миша, а дядя пошелъ на некрутскій дворъ за унтерами, чтобы ихъ т. е. попоштовать. Ну, угостили его начальство, они и позволили Мишѣ у насъ остаться, просидѣли мы всю ноченьку подъ сараемъ; все радились какъ бы лучше сдѣлать.

Наутро пошли до пановъ, кланялись, кланялись, и плакала-то бѣдная Ганя, и денегъ-то сулили, толка все не добились; говорятъ-тѣ одно, что некруту нельзя жениться, что молъ уже законъ такой; не знаю уже, въ самомъ ли дѣлѣ такъ, или это Горковенко такъ подстроилъ, только на этомъ мы и остались; ночевали въ городѣ еще ночь, да съ тѣмъ до дома и вернулись.

— Послѣ этаго ѣздили мы въ городъ еще раза два. Дидо ѣздилъ и до Саратова, а все толку никакого не было. Съ недѣлю видно послѣ Казанской, стала Волга-матушка мерзнуть; значитъ нѣтъ никакой переправы; ну и нельзя намъ никому въ городъ побывать.

— Вотъ собрались мы этакъ въ большой хатѣ всѣ вмѣстѣ, то есть пора ужъ было къ ужину, да только за молитву хотѣли, вдругъ межь нами, какъ изъ земли выросъ нашъ Миша. Вѣстимо, сначала радости, а тамъ—какъ молъ и что? Вотъ Миша и говоритъ, что ихную партію выслали въ Саратовъ, что онъ пойдетъ въ царскую гвардію, а какъ партіи-то идти до Саратова восемь дней, такъ онъ и далъ начальству десятирублевую и отпустили его на пять дней къ намъ погостить, а чтобы передъ Саратовомъ верстъ хоть за тридцать надоть ему партію-то уже догнать.

— Ну, порадовались, пообнимались, да тутъ же и порѣшили, что всѣ мы поѣдемъ тогда Мишу провожать,—а и не чуяли тогда, что надъ головами у насъ новая бѣда стрясается.

— Прошла этакъ ночь; наутро Ганя наша точно изъ мертвыхъ ожила, была такая блѣдная да скучная, а тутъ повеселѣла и зарумянилась, что твой маковъ цвѣтъ,—краше татарскаго мыла (*) стала.

— Вотъ прошелъ и другой день, перебывали у насъ всѣ паробки, то есть Мишины пріятели, приходилъ къ намъ и Стеченко, котораго съ Михайлой вмѣстѣ на побывку пустили. Все это хорошо да весело; передъ ужиномъ дидо попоштовалъ всѣхъ горилкой, да четверть пива приказалъ принести. Поужинали какъ слѣдуетъ, разошлись всѣ по угламъ, улеглись на ночевку; а мы, то есть Ганя, я да Миша, сѣли вонъ у большаго амбара на крылечко, да все толкуемъ, да толкуемъ себѣ. Какъ теперь помню, ночь была морозная, да что твой день — свѣтлая; мѣсяцъ лысый во всѣ глаза смотрѣлъ на насъ, а звѣздочки праведныя только помигивали, да иныя съ мѣста на мѣсто перелетывали.

— Сидѣли мы этакъ долго, пропѣли пѣтухи первые, слышимъ мы, за дворомъ какъ будто разговариваютъ, то есть человѣческіе голоса слышны, и голосовъ-то какъ-будто ужъ очень много. Мы этакъ замолчали, значитъ потрусили маленько; Ганѣ я шепнулъ, чтобы она до хаты убиралась, а сами стали прислушиваться.

— Вотъ слышимъ, зашептали и у воротъ, а что говорятъ, ничего не разберешь. Видимъ мы, что дѣло что нибудь не ладно, а Миша и говоритъ мнѣ: «знаешь что Данило? вѣдь это душегубецъ Горковенко за мной пришелъ; влѣзу я на верхъ на амбаръ, чай вѣдь можно?

— Не обдумались мы этакъ хорошенько; я только что помогъ ему влѣзть, а самъ побѣжалъ до хаты, чтобы то есть дядю Петро разбудить, а въ ворота-то въ это время уже и стучатъ; выбѣжали мы это съ дядей Петромъ на дворъ, и слышимъ головинъ голосъ; отоприте, кричитъ, а то

(*) Татарское мыло—красавица въ зелени,—цвѣтокъ.

ворота сшибу. А дидо отворилъ окно да спрашиваетъ его, чего ему надоть. Тутъ выбѣжали къ намъ и отецъ и дядя Семенъ. Просто переполошились всѣ, одурѣли и не знаемъ что дѣлать! Только слышимъ, сталъ дидо съ нимъ разговаривать, и реветъ это голова: «всѣхъ васъ въ Сибирь сошлю, вы бѣглыхъ у себя прячете; ломай ворота, кричитъ да и только! а дидовыхъ-то словъ и не слыхать намъ.

— Смотримъ, и вышелъ дидо блѣдный такой, что страшно смотрѣть на него; молча, да такъ-то скоро подошелъ онъ къ воротамъ, отперъ ихъ, а у воротъ-то народу человѣкъ десять, коли не больше.

— Какъ это вышелъ дидо, остановился въ воротахъ да и спрашиваетъ, а самъ такъ и дрожитъ какъ въ лихоманкѣ: «Чего вамъ нужно, православные? что вы по ночамъ съ этимъ душегубцемъ ходите, да честныхъ людей тревожите?»

— Ну народъ-то такъ и спѣшилъ, повѣсили всѣ головы, а Гарковенко, окаянный, точно бѣшеная собака, такъ и бросился на дида. Какъ только это онъ было на нашего старика съ кулаками, а дядя Петро не далъ осквернить старика, такого ему поднесъ, что онъ было и съ ногъ долой, а тутъ и я не стерпѣлъ, да въ бороду его!—и пошло у насъ!.. Только не успѣли мы натѣшиться, какъ изъ-за угла бросился на насъ сотскій съ народомъ, да сыновья Горковенки. Ну, вѣстимо—сила солому ломитъ!—не успѣли мы еще опамятоваться, какъ скрячили намъ руки назадъ, а во дворѣ пошли шнырять во всѣхъ углахъ; позажгли фонари, полѣзли по всѣмъ подлавкамъ. Видитъ Михайло, что рано или поздно, а доберутся до него: самъ и соскочилъ, дурень, съ амбара; да прямо этакъ къ головѣ: «на, тебѣ душу мою, говоритъ, а живой въ руки не дамся»; да уже было бросился на него, съ толстой претолстой палкой, такъ бы и раскроилъ ему черепъ, но дидо схватилъ его за руку, а съ другой стороны отецъ подскочилъ, ну и удержали его кое-какъ, а онъ точно звѣрь на цѣпи, такъ и мечется.

— Ну вотъ связали и его по-рукамъ; всѣхъ троихъ насъ привели въ приказъ, перековали въ желѣзы, да тутъ же и на телѣги; а свѣтать стало, мы уже выѣзжали изъ слободы, и какъ есть, вся улица была покрыта народомъ. За околицу

на выгонъ вышла–было вся наша семья, чтобы проститься то есть, не позволили и слова молвить, не остановились даже ни на минуточку, только дядя Семенъ догналъ насъ верхомъ, и сказалъ, что дидо съ отцомъ и Ганей вслѣдъ за нами пріѣдутъ въ городъ.

— Привезли насъ въ городъ; дядю Петра, да меня тутъ же посадили въ острогъ, а Мишу на другой день отправили подъ карауломъ въ Саратовъ.

— Сидимъ мы этакъ день, другой и недѣлю, а изъ нашихъ все никого не видимъ, думаемъ, что ихъ не допускаютъ до насъ, а вышло другое: дидо обманули то есть, ему сказали что насъ всѣхъ троихъ увезли въ Саратовъ: они туда и погнали.

— Хлопоталъ тамъ дидо дня три; кланялся тратился, да видитъ, что толку все нѣтъ и дѣло-то выходитъ больно плохое, — вотъ онъ оставилъ отца съ Ганей въ Саратовѣ, а самъ къ Миколаю Федоровичу. Миколай-то Федорычъ значитъ дружбу водилъ съ губернаторомъ и съ предводителемъ и другими прочими, и всѣ его любили и уважали. Ну вотъ Миколай-то Федорычъ, дай Богъ много лѣтъ здравствовать!—прискакалъ съ дидомъ въ Саратовъ, да сейчасъ-же въ Камышинъ, да опять отселѣ въ Саратовъ, хлопотать значитъ; просилъ какъ за свою родню. Кабы не Миколай Федоровичъ, какъ есть погибнуть бы и намъ съ Петромъ! Ну, а его просьбу уважили, насъ обоихъ тутъ-же и выпустили, а бѣднаго Мишу, межъ тѣмъ, за побѣгъ, вишь, такъ отстегали, что онъ въ горячку слегъ, да на девятый день Богу и душу отдалъ. Каковы окаянные! сдѣлали это какъ будто онъ въ бѣгахъ былъ значитъ; отперлись, подлецы, унтера, которые его отпускали.

— Мы этого ничего еще не знали; какъ выпустили насъ изъ острога, пришли мы это домой, а дома-то мать наша лежитъ при смерти, значитъ въ ту то ночь — въ тревогу — такъ перепугалась что-ли, что слегла, да такъ ужъ и не вставала, маялась она недѣли четыре, да и померла передъ самымъ Миколой, а наканунѣ-то ея смерти пріѣхали наши изъ Саратова, и привезли нашу бѣдную Ганю, вотъ почитай, такою же какъ она и теперь. Толь-

ко теперь вотъ иногда хоть слово молвитъ, а тогда-то съ годъ почитай никто голоса ея не слыхалъ, молчитъ да и только. Разсказывалъ это послѣ дидо, что когда померъ Михайло, она все хохотала, хохотала дня два, и день и ночь не спавши, а тутъ маленько уснула, да какъ проснулась — ни кого и не узнаетъ.

— Неужели же цѣлый годъ она рѣшительно ничего не говорила? спросилъ я Данилу.

— Какъ есть, слова одного не вымолвила; мы думали уже, что у ней языкъ совсѣмъ отнялся. Сидитъ, бывало, да только покачивается Дадутъ ей что съѣсть или испить — хорошо, и съѣстъ иногда маленько, а не дадутъ, такъ хоть два дня просидитъ—не спроситъ. Ну, а какъ смеркнется, такъ каждый день выдетъ этакъ на дворъ да все на небо смотритъ, и если не отвесть ее въ хату, такъ простоитъ, бывало, хоть сутки; раза три, руки и ноги себѣ морозила.

— Такъ-то прожила она съ годъ, видно. На другую уже осень, опять какъ-то кругъ Покрова, дожди лили недѣли двѣ, грязь сдѣлалась непроходимая. Она и вышла по своей привычкѣ опять на дворъ. Не спохватились какъ-то ее вскорѣ-то, должно быть, а какъ привели ее въ хату, глядимъ, а она совсѣмъ окоченѣла, значитъ на дворѣ-то она стояла босая и въ одной рубахѣ, а дождь-то въ то время какъ изъ ушата лилъ.

— Вотъ къ утру-то послѣ этаго, повалилась она на постеленку, да и не встаетъ, жаръ сдѣлался въ ней такой, что отъ тѣла-то ея точно отъ печки пышетъ; а къ вечеру-то она и заговорила, и все это несетъ чушь какую-то и про то, и про другое, а все вмѣшиваетъ и Мишу, и милуетъ и какъ будто ласкаетъ его, да все про какого-то младенца толкуетъ.

— Ну, мы всѣ, было порадовались хоть тому, что она заговорила. И проговорила она этакъ дня три почти безъ умолку, и все на постелькѣ-то металась, а тутъ стала тише да тише; лежитъ бывало себѣ, спать не спитъ, а такъ себѣ: то откроетъ глаза, посмотритъ такъ-то чудно, да

и опять закроетъ; ѣсть-то уже вовсе перестала; ну а пить бывало подавай сколько хочешь.

— Прошло этакъ дней десять должно быть, смотримъ мы на нее—что она глазъ-то вовсе не открываетъ? стала ее старуха наша этакъ ослушивать, да ощупывать, да и говоритъ намъ: а вы тише теперь, хлопцы, уснула молъ Ганя, да и потомъ облилась, значитъ Богъ дастъ и полегчаетъ. Вотъ проспала она этакъ съ вечерень да почитай до самаго свѣта; проснулась—ни рукой ни ногой пошевельнуть не можетъ, а шепчетъ это, чтобы бабушка подошла, да и говоритъ ей: подайте молъ моего ребенка. Бабушка перекрестила ее. Господь съ тобой, говоритъ, что съ тобой это Ганя, какого это тебѣ ребенка? а она смотритъ да все шепчетъ: ребенка, ребенка!

— Ну, ужъ и помучились мы тутъ съ ней, просто какъ есть бѣда! Къ счастію нашему, дня черезъ три послѣ того въѣхалъ къ намъ въ слободу лекарь — лошадей смѣнять; дидо пошелъ къ нему, далъ ему красную и привелъ съ собой. Посмотрѣлъ онъ этакъ на нее, подержалъ ее за руки, отецъ разсказалъ ему какъ все это было, вотъ и говоритъ лекарь, что болѣзнь это съ ней была горячка, а теперь молъ у нея сумашествіе; далъ это онъ какого-то лекарствія да приказалъ чтобы ее тѣшили какъ малаго ребенка, да при себѣ же и попыталъ: сдѣлали ей это чучелу изъ старой плахты, закрутили его какъ ребятъ пеленаютъ, завернули въ пеленку да и дали ей, ну она тутъ же и утихла, положила это чучело возлѣ себя и ну его ласкать. Вотъ видите-ли, говоритъ лекарь, вотъ такъ и надо ее тѣшить.

— Послѣ этаго оправилась опять наша Ганя, окрѣпла и въ тѣлѣ подородѣла и говоритъ иногда, только какъ-то все не складно. Няньчаетъ себѣ чучелу, зоветъ его Мишей, а какъ заслышитъ колокольчикъ, закричитъ: «офицеръ мой пріѣхалъ» и, точно шальная, бѣжитъ на дворъ, али на улицу кого-то встрѣчать.

— Неужели-же никогда не приходитъ она въ сознаніе? спросилъ я опять Данилу.

— Въ умъ-то? память то-есть? Нѣтъ, бываетъ иногда;

если она уснетъ какъ нибудь ночью часа три, али побольше; ну какъ проснется, такъ кажется что и совсѣмъ здорова; только уже такая грустная она въ то время, что этакъ посидитъ, посидитъ, да и зальется слезами, а тутъ ужъ опять и безпамятуетъ,—и схватитъ свое чучело.

— Теперь ужъ попривыкли мы къ ней маленько, а первое-то время, не повѣрите, вся семья какъ есть съ ногъ смаялась. А еще и теперь такая красавица, что...» Данило не кончилъ начатой фразы, всталъ съ крыльца, тяжело вздохнулъ и сказавъ: «пора и заснуть маленько,» направился-было къ своей хатѣ.

— А ты самъ, Данило, женатъ или нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не женатъ, да и охоты къ этому нѣтъ; отвѣчалъ онъ, остановившись по срединѣ двора.

— Ну, а что же сталось съ Горковенкой, неужели послѣ всего этого его выбрали еще разъ въ головы?

— И теперь еще головой, да еще кафтанъ съ галунами носитъ! Али вы на нашемъ мiру правды захотѣли? Пой мiръ виномъ, да не жалѣй денегъ, такъ вѣкъ въ головахъ просидишь и награды получать будешь.

— Ну, а васъ не тревожитъ онъ теперь?

— И радъ бы тревожить, да дай Богъ здоровья Миколаю Федоровичу, онъ такъ напугалъ его въ ту пору, что теперь, кажись, что̀ бы ни сдѣлали Дергачи, на все молчать станетъ. Аль, можетъ быть, и совѣсть-то его мучаетъ, вѣдь четыре души погубилъ, окаянный.

Данило махнулъ рукой, закачалъ головой и пошелъ въ свою хату; а я, встревоженный его разсказомъ, прошелся еще по двору. Ночь была превосходная; мнѣ слышались ея весеннiе вздохи, говоръ дѣятельно неутомимой природы; луна ярко свѣтила на крыльцо амбара, какъ бы помогая мнѣ отыскать какiе нибудь слѣды послѣдняго свиданiя Миши и несчастной Гани. Долго не могло успокоиться мое воображенiе, ставившее передо-мною въ рядъ тѣни трехъ жертвъ горковенковой злобы.

Пѣтухъ, захлопавшiй крыльями передъ обычной полу-

ночной перекличкой, заставилъ меня подумать о томъ, что надо же немного отдохнуть, передъ охотой, предстоящей назавтра. Я вошелъ въ комнату, легъ, но долго еще не могъ заснуть; висѣвшая у печи бѣлая свита (*) казалась мнѣ какъ бы двигавшеюся фигурой; въ храпѣніи Николая Ѳедоровича мнѣ слышалось хрипѣніе умирающаго; а вѣтка ветлы, бившая по стеклу, напоминала мнѣ злое лицо Горковенки, нѣкогда вторгавшагося въ ворота и внесшаго столько горя въ эту несчастную семью.

Наконецъ я заснулъ, но и сонъ мой былъ не мертвый сонъ беззаботной молодости, а тревожное забытье, полное тяжелыхъ сновидѣній; поэтому я былъ очень доволенъ, услыхавъ голосъ проснувшагося Николая Ѳедоровича, который, поднявъ окно, будилъ нашихъ людей. А вслѣдъ за тѣмъ явился въ комнату старикъ Дергачъ съ ребенкомъ на рукахъ.

— Добраго утра вамъ, панове! якъ же спалося вамъ? а вотъ же, Миколай Федорычъ, принесъ вамъ показать меньшаго хлопца моей семьи, вы его еще не знаете.

— Это чей же мальчуганъ? спросилъ онъ ласково.

— А то меньшака Петра сынишко; да такой швыткой мальчишка, что бѣда! а собаку увидитъ — не оттащишь.

— Видно въ дѣда будетъ, замѣтилъ я.

— И въ дида и въ батьку и во всю семью, отвѣтилъ Дергачъ, добродушно улыбаясь. А я-жъ вамъ, Федорычъ, и коней приготовилъ; прикажете что-ли впрягать? али чайку накушаетесь? прибавилъ старикъ. Въ это время самоваръ уже кипѣлъ на столѣ; Петро и Данило раза два заглядывали въ двери, и скрылись только тогда, какъ старикъ сказалъ, чтобы скорѣе запрягать дроги.

Въ нѣсколько минутъ чай былъ готовъ; на скорую руку выпилъ я мои два стакана, надѣлъ на себя всѣ принадлежности охоты и оставивъ стариковъ бесѣдовать о быломъ, съ ружьемъ въ рукахъ вышелъ на крыльцо;

(*) Свита—верхняя одежда малороссіянъ, обыкновенно изъ бѣлаго сукна.

Илья отвязывалъ отъ колеса Немврода, а Данило и Петръ торопились запрягать лошадей. Наконецъ все было готово. Четверо охотниковъ съ ружьями и Данило, правившій лошадьми, всѣ мы усѣлись на длинныя дроги. Немвродъ и Дергачевы собаки, прыгая, лаяли отъ удовольствія, и отъ нетерпѣнія ловили лошадей за морды, а несчастная собака Николая Федоровича жалобно завывала на веревкѣ, какъ бы жалуясь всѣмъ, что ее не взяли на охоту.

Проѣхавъ не болѣе версты отъ селенія, мы подъѣхали къ едва замѣтной низменѣ версты въ три шириною, идущей отъ Волги въ степь на десятки верстъ. Средину луга занимало большое озеро, окаймленное камышами и покрытое множествомъ утокъ различныхъ породъ. Когда на вопросъ Петра: хочу-ли я охотиться за утками? я отвѣтилъ, что мнѣ пріятнѣе была бы охота на дупелей, мы скорою рысью поѣхали вдоль озера, до самаго конца его степной стороны.

Сначала встрѣчали насъ по-одиначкѣ: то пестроперый веретенникъ (*) съ своимъ жалобнымъ крикомъ, то сѣрый кроншнепъ съ своимъ громкимь протяжнымъ свистомъ, и каждый изъ нихъ, сдѣлавъ кругъ или два надъ нашими дрогами, улеталъ опять куда-то далеко.

Но вотъ наконецъ, проѣхавъ версты три, мы остановились въ концѣ озера, гдѣ впадала въ него небольшая степная рѣчка. Только-что слѣзли мы съ дрогъ, изъ-за рѣчки въ различныхъ мѣстахъ поднялись сотни разнородныхъ куликовъ, веретенниковъ и чибисовъ, и все это съ крикомъ летѣло намъ навстрѣчу, вилось надъ самыми собаками, опускалось на землю и опять поднимаясь летѣло въ даль. Отъ самыхъ дрогъ началась уже охота по этимъ несчастнымъ, безпрестанно налѣтавшимъ чуть не на самое дуло. Только послѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ, когда паръ девять или болѣе лежало уже въ ягташахъ, чадолюбивые кулики какъ-бы поняли угрожавшую имъ опасность и только вдали, перекликаясь, перелетывали съ мѣста на мѣсто.

(*) Веретенникъ нетигель.

Мы перешли рѣчку въ бродъ, и очутились на прекраснѣйшемъ огромномъ лугу, мѣстами прорѣзанномъ маленькими протоками вешней воды; на всемъ пространствѣ однообразной яркой зелени отдѣлялись только въ немногихъ мѣстахъ куртины мелкаго тальника и куровника, (*) и кое гдѣ виднѣлась, около небольшихъ кочекъ, жесткая черемица, на четверть поднявшаяся изъ земли. Кто не бывалъ въ Саратовской или Воронежской губерніи, кто не охотился на дупелей во время ихъ токовъ, тотъ не можетъ составить себѣ никакого понятія о невѣроятномъ количествѣ, въ которомъ случается иногда найти эту птицу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ во время лѣтней высыпки и осенняго пролета не по чемъ сдѣлать выстрѣла.

Къ такимъ мѣстамъ принадлежитъ и этотъ огромный лугъ, на которомъ мы нашли дупелей, конечно не сотни, а тысячи. На первомъ-же току, къ которому подвелъ меня мой Немвродъ, ихъ было такъ много, что я, въ полномъ смыслѣ этого слова, не успѣвалъ заряжать ружья,—десятками разлетались они въ разныя стороны! Не болѣе какъ въ четыре часа времени, мы съ Ильей моимъ убили около ста штукъ дупелей, и были оторваны еще отъ охоты, по крайней мѣрѣ на полчаса, для промывки ружей.

Я такъ увлекся этой охотой, что и не замѣтилъ какъ время подвинулось къ полудню, а я обѣщалъ Николаю Федоровичу, ровно въ двѣнадцать быть дома. Чуть не бѣгомъ возвратились мы къ нашимъ дрогамъ. Данило, все время слѣдившій за ходомъ нашей охоты, съ какимъ-то восторгомъ передавалъ намъ свои наблюденія, удивляясь и мѣткости нашей стрѣльбы и смышлености моей собаки.

Черезъ полчаса мы были уже дома. Сидѣвшіе на крыльцѣ Николай Ѳедоровичъ и Дергачъ встрѣтили насъ распросами объ охотѣ; въ отвѣтъ имъ—была высыпана на землю вся дичь изъ ягташей и дрогъ. Съ удивленіемъ насчитали они всего болѣе ста тридцати штукъ, и тутъ только при-

(*) Куровникъ-божье дерево, душистый, низкорастущій кустарникъ.

шло мнѣ въ голову, что эта дичь погублена понапрасну, что мы не можемъ сдѣлать изъ нея никакого употребленія; но Николай Федоровичъ утѣшилъ меня увѣреніемъ, что всѣхъ дупелей мы можемъ замариновать въ уксусѣ, какъ только пріѣдемъ на хуторъ Вороны; крупная же дичь была отдана почти вся пріятелю нашему Дергачу.

Обѣдъ былъ готовъ, а проворный Семенъ успѣлъ уже уложить все въ тарантасы. По желанію дида, мы обѣдали въ большой хатѣ, вмѣстѣ съ его семьей. Въ эти немногія минуты я познакомился короче съ домашнимъ бытомъ Дергача. Семья его состояла изъ трехъ женатыхъ сыновей и вдовца Гаврилы, отца Данилы и Гани; у втораго сына его было двое взрослыхъ дѣтей: дочь, Матя чрезвычайно красивая дѣвушка лѣтъ семнадцати и сынъ Николай, годомъ старѣе ея; затѣмъ было въ хатѣ человѣкъ восемь маленькихъ хлопцевъ и дѣвчатокъ. Гаврикъ съ своими дѣтьми, и третій братъ съ женой жили въ особомъ домѣ, на другой сторонѣ воротъ. Второму сыну Семену съ его большой семьей былъ выстроенъ особый домъ на томъ же дворѣ, а любимецъ Петръ съ женой помѣщались въ комнатѣ занимаемой нами. Въ такъ-называемой большой хатѣ, состоящей изъ комнаты аршинъ въ двѣнадцать длины и ширины и, изъ двухъ коморокъ при ней, было помѣщеніе стариковъ дидовъ, общая кухня и столовая, куда сбиралась вся семья нетолько къ обѣду и ужину, но и при всѣхъ особенныхъ случаяхъ.

Съ какимъ-то невыразимымъ пріятнымъ чувствомъ смотрѣлъ я на это благословенное семейство, когда оно набожно молилось передъ обѣдомъ, повторяя за мальчикомъ лѣтъ десяти, громко читанныя имъ молитвы. Какая-то патріархальная простота и искренность, какая то неуловимая торжественность проявлялась во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ каждаго изъ его членовъ. И окончательно былъ пораженъ я нѣжностью и заботливостью, съ которого пріятель мой Данило ухаживалъ во время обѣда за сидѣвшею около него несчастною Ганею; и не менѣе того дѣятельности и вниманія старухи хозяйки, которая знала, чѣмъ

она можетъ угодить каждому изъ близкихъ ея любящему сердцу.

Вскорѣ послѣ обѣда лошади были готовы; мы простились съ семьею Дергача и, въ сопровожденіи дида, сына его Петра и пріятеля моего Данилы, пустились въ дальнѣйшій путь, насильно усадивши старика въ тарантасъ Николая Θедоровича.

Какъ только выѣхали мы изъ слободы, я снова навелъ разговоръ на семейство Дергача, и разсказалъ Николаю Федоровичу о слышанномъ мною въ прошедшую ночь.

Полноте, любезнѣйшій! прервалъ меня Николай Θедоровичъ, когда я съ удивленіемъ говорилъ о признательности и преданности къ нему этого семейства. Что значитъ мое участіе въ ихъ несчастномъ дѣлѣ? Что же сдѣлалъ я для нихъ особенное?—Я не успѣлъ даже спасти ихъ бѣднаго Мишу. Положеніе несчастной Гани на всю жизнь мою будетъ живымъ упрекомъ совѣсти. Я могъ все это предупредить, пожертвовавъ только одной безсонной ночью, а я и этого не сдѣлалъ!—Не останься я, для моего спокойствія, ночевать одну ночь въ Камышинѣ, я успѣлъ бы предупредить наказаніе Миши; онъ былъ бы живъ и Ганя не сошла бы съ ума; слѣдовательно, вы видите, что я виновникъ всѣхъ этихъ несчастій! а эти добрые люди считаютъ еще меня своимъ благодѣтелемъ! Николай Θедоровичъ тяжело вздохнулъ и задумался. Вы вѣдь не знаете, мой любезнѣйшій, всѣхъ отношеній моихъ къ Дергачу, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія; вы не знаете, что этотъ добрѣйшій, благороднѣйшій хохолъ сдѣлалъ для меня; вы не знаете, чѣмъ я ему обязанъ, такъ вамъ и кажется, что я Богъ-знаетъ чѣмъ пожертвовалъ для нихъ, побезпокоивъ свои барскія кости недальнею поѣздкою да нѣсколькими поклонами.

Всѣ эти отрывистыя слова, тяжелые вздохи и задумчивость Николая Θедоровича возбудили въ высшей степени мое любопытство; но мнѣ казалось нескромнымъ напрашиваться на объясненія. Черезъ нѣсколько минутъ я замѣтилъ, однако, что прерванный разговоръ и молчаніе были для ста-

рика не менѣе тягостны какъ и для меня, поэтому я рѣшился опять заговорить.

Признаюсь вамъ откровенно, Николай Ѳедоровичъ, что я въ моей недолгой еще жизни не встрѣчалъ лица болѣе симпатичнаго, болѣе располагающаго въ свою пользу.....

— Какъ у старика Дергача? перебилъ меня Николай Федоровичъ. А я къ этому вотъ что еще прибавлю: какъ ни прекрасно его открытое, добродушное лицо, какъ ни многорѣчивы его свѣтлые, голубые глаза, но не отражаютъ они въ себѣ вполнѣ возвышенной его души.

Если васъ заинтересовала эта личность, хотите, я разскажу вамъ два, три его поступка?

— Конечно, сдѣлаете одолженіе, былъ мой отвѣтъ.

— Прежде я разскажу вамъ одинъ изъ его поступковъ со мной. Я знакомъ съ Дергачемъ съ перваго года моего пріѣзда въ Саратовскую губернію, слѣдовательно болѣе 20 лѣтъ. Каждый годъ, весною или осенью, я непремѣнно бывалъ у Дергача, и мы вмѣстѣ отправлялись охотиться. Раза два былъ старикъ и у меня въ деревнѣ. Полюбили мы другъ друга такъ, что онъ подарилъ мнѣ къ имянинамъ свою лучшую собаку, за которую предлагали ему двѣсти рублей. Шесть лѣтъ тому назадъ, пріѣзжаю я, по обыкновенію въ маѣ мѣсяцѣ, къ Дергачу, и въ разговорѣ о хозяйствѣ разсказываю ему о моемъ горѣ, что у меня въ теченіи двухъ недѣль пало болѣе ста штукъ рогатаго скота, и въ томъ числѣ до тридцати паръ рабочихъ быковъ. Дергачъ погоревалъ со мною вмѣстѣ, покачалъ головою, но никакъ не могъ понять, какъ я, при моемъ имѣніи, могъ быть до такой степени безъ денегъ, что не имѣю возможности тотчасъ же купить нужныхъ для меня воловъ. Да-какъ же это, Николай Федоровичъ? повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ, какъ же быть безъ быковъ, вѣдь этакъ пашня у васъ станетъ! И долго не хотѣлъ онъ вѣрить, когда я говорилъ ему, что дѣлать нечего,-нѣтъ денегъ,-такъ надо годъ потерпѣть, а тамъ, Богъ дастъ, справимся. Въ теченіи вечера проведеннаго мною съ нимъ, онъ нѣсколько разъ возвращался къ это-

му разговору, и всякой разъ начиналъ его словами: да какъ же это вы будете безъ быковъ? Видно было, что мысль эта его сильно тревожила. На другой день утромъ я только-что проснулся, входитъ Дергачъ ко мнѣ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, вижу я, что старикъ какъ-то сконфуженъ, какъ будто хочетъ что-то сказать, начнетъ говорить, остановится. Да что съ тобою. сдѣлалось? спрашиваю его.

А вотъ что, Николай Өедорычъ! вы не серчайте на меня старика; вѣдь я это отъ любви моей, т. е. отъ дружбы; если не понравится это вамъ, такъ не гнѣвайтесь на мою глупость, я вѣдь....

— Да что такое? говори прямо, тезка!

— Да вотъ все насчетъ быковъ-то, Николай Өедорычъ! Всю ночь я это думалъ, думалъ, да вотъ что и придумалъ въ моей хохлацкой башкѣ. Не сердитесь, Николай Өедорычъ! а я вѣдь Гаврика услалъ въ Карповку; тамъ, какъ разъ теперь ярмарка, такъ и послалъ его насчетъ быковъ.

— Ну такъ что же?

— Такъ велѣлъ ему купить для вашей милости быковъ десятковъ пять, али шесть.

— Да на какія же деньги?

— Какъ на какія? я далъ ему съ собой двѣ тысячи съ половиной; а онъ у меня на это парень ловкій! посмотрите, какую скотину купитъ; да уже и не передастъ, дешевле всякаго другаго купитъ.

Вы конечно поймете мое удивленіе и мое положеніе, мой любезнѣйшій, продолжалъ Николай Өедоровичъ, поймете, что я нетолько не могъ отказаться отъ такого искренняго, дружественнаго одолженія, но что я, баринъ, помѣщикъ, дворянинъ, былъ просто уничтоженъ этимъ поступкомъ необразованнаго простаго хохла! Признаюсь откровенно: въ первыя минуты, я не зналъ, что мнѣ дѣлать! броситься-ли мнѣ ему на шею и благодарить его? оскорбиться-ли мнѣ, какъ бы подобало истому барину? или обратить все это въ шутку? Но достаточно было взглянуть на это прекрасное лице, полное любви, участія и какого-то нетерпѣливаю ожиданія для

того, чтобы разсѣять всякое недоумѣніе и дружески протянуть руку, обнять добраго, благороднаго старика! И надо было видѣть его радость, когда онъ понялъ мои чувства, когда онъ увидѣлъ, что планъ его удался: что̀ онъ можетъ сдѣлать мнѣ угодное? — Онъ же благодарилъ меня!

— Ну, спасибо за это, говорилъ онъ, спасибо, что не побрезгалъ моею хохлацкою дружбою.

Насчетъ денегъ и не толкуй! черезъ годъ-ли, два-ли отдашь, коли будутъ.

Черезъ три недѣли послѣ этого, когда я съ охоты возвратился домой, Гаврило ожидалъ уже меня съ шестьюдесятью быками, купленными имъ изумительно дешево.

Конечно, слѣдующія Дергачу деньги я отдалъ ему съ величайшею благодарностію не далѣе какъ чрезъ три мѣсяца; но въ ту же зиму мнѣ встрѣтилась надобность въ деньгахъ: до-зарѣза нужны были пять тысячъ рублей, которыхъ я нигдѣ не могъ достать въ скоромъ времени. Я рѣшился написать Дергачу, и что же вы думаете?–не позже, какъ черезъ недѣлю, является ко мнѣ самъ старикъ, и привезъ не пять тысячь, а всѣ деньги, сколько было у него въ халишности; и къ этому прибавьте еще, что о какихъ либо процентахъ старикъ и слышать не хотѣлъ!

Спрашиваю васъ, въ нашемъ-то образованномъ дворянскомъ обществѣ много-ли вы найдете людей, способныхъ на такіе поступки? Или кто изъ насъ сдѣлаетъ то, что сдѣлалъ этотъ же Дергачъ въ 1833 году, когда, въ эту страшную годину голода, онъ роздалъ своимъ односельцамъ нетолько весь хлѣбъ, бывшій у него въ закромахъ и на хуторѣ, всего около 600 четвертей, но остановилъ тысячу кулей муки, готовой уже къ отправкѣ въ Астрахань, роздалъ и ее всю; и сдѣлалъ все это не изъ какихъ либо выгодъ, а давалъ каждому нуждающемуся взаймы безъ всякихъ процентовъ. Отдай столько же, когда уродитъ Господь,» говорилъ онъ каждому, насыпая мѣшокъ пшеницы или муки! А спросите-ка въ слободѣ, сколько вдовъ и сиротъ живутъ постоянно его помощью! Нѣтъ, мой любезнѣйшій, заключилъ торжественно Николай Ѳедоровичъ, Дергачъ

такая личность, передъ которой наша братья должна склонять выю! Это во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необыкновенный. Узнайте-ка его покороче, ознакомьтесь съ его понятіями о религіи, съ его покорностью къ судьбѣ, такъ и черезъ тридцать лѣтъ вы мнѣ скажете опять, что все еще не встрѣчали такого человѣка, какъ мой старый другъ, Микола Дергачъ.

П. Б—ЦЪ.

ТРЕТЬЕ СОСЛОВІЕ ВО ФРАНЦІИ ДО РЕВОЛЮЦІИ.

(Окончаніе).

Отрѣшеніемъ законнаго наслѣдника отъ престола лига изъ тайнаго общества для охраненія церкви стала партіей революціонной. Собрана была армія, многія провинціи поднялись въ пользу кардинала, дяди короля наваррскаго, объявленнаго ближайшимъ наслѣдникомъ престола вопреки закону и только потому, что онъ былъ католикомъ. Послѣ него первымъ лицемъ былъ герцогъ Гизъ, душа возстанія. Король принужденъ былъ согласиться на все, и уничтожилъ всѣ договоры, заключенные съ кальвинистами. За отступничество отъ католичества объявлена была смертная казнь. Начальникамъ еретиковъ приказано было оставить страну впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, прочимъ протестантамъ впродолженіи полугода; послѣдующимъ же указомъ срокъ этотъ сокращенъ до пятнадцати дней для тѣхъ, кто не захочетъ отказаться отъ еретическаго исповѣданія. Имѣнія гугенотовъ предполагалось конфисковать и употребить на расходы для войны, которую король въ союзѣ съ лигой обязывался начать всѣми своими средствами. Такъ началась самая продолжительная и кровавая гражданская война, открывшаяся отлученіемъ Генриха отъ престолонаслѣдія и освобожденіемъ

отъ присяги ему и на будущее время. Къ вопросу о терпимости присоединились притязанія папы на верховную власть надъ королевствомъ и бо́льшая часть Французовъ готова была пожертвовать національной независимостью изъ ненависти къ еретикамъ. Но изъ среды третьяго сословія раздался голосъ негодованія, протестовавшій противъ общаго убѣжденія.

18 іюля 1585 года парламентъ послѣ многихъ предостереженій вписалъ въ журналъ актъ изгнанія протестантовъ. Когда же черезъ три мѣсяца предложена была булла объ отстраненіи законнаго наслѣдника отъ престола,—представлены были болѣе энергическія опасенія: парламентъ говорилъ языкомъ, достойнымъ Лопиталя: «Государь, преступленіе, которое вы хотите карать, связано съ убѣжденіями совѣсти, для которыхъ ничего не значатъ мечъ и огонь... Еслибъ вся партія гугенотовъ была соединена въ одномъ лицѣ, и тогда ни одинъ изъ насъ не произнесъ бы противъ него смертнаго приговора, пока судъ не признаетъ, а лице не сознается въ великомъ уголовномъ преступленіи. Кто же рѣшится безъ суда опустошить столько городовъ, разорить столько провинцій и превратить государство въ кладбище? Кто осмѣлится произнести смертный приговоръ столькимъ милліонамъ людей, женщинъ, дѣтей безъ всякой видимой причины, кромѣ обвиненія въ ереси, которая еще не доказана и сомнительна, которую они поддерживали и защищали не безуспѣшно противъ знаменитѣйшихъ теологовъ вашего королевства, въ которой они родились и воспитывались впродолженіи тридцати лѣтъ съ дозволенія вашего и покойнаго короля, вашего брата...» Что касается до папской буллы, объявившей право во имя своего божественнаго происхожденія судить государей, то ее встрѣтилъ парламентъ съ негодованіемъ, какъ покушеніе на свободу короля и независимость націи. Онъ представилъ слабому государю примѣръ его предшественниковъ и совѣты тѣхъ, которые хорошо знали законы и хранили ихъ. «Мы не находимъ, говорилъ парламентъ, въ нашихъ журналахъ съ самыхъ древнихъ временъ, чтобы французскіе государи подлежали папскому суду, ни того, чтобы подданные учились вѣрѣ у своихъ государей.» Парламентъ объявилъ,

что самъ онъ не честно служилъ общественному дѣлу, уничтоживъ столько клятвенныхъ договоровъ и рѣшилъ, что идти далѣе онъ не можетъ. Это предостереженіе осталось безполезнымъ и для короля, и для народа. Ни страсти, ни ненависти нисколько не успокоились еще впродолженіи двадцатипятилѣтняго междоусобія. Дѣло свободы совѣсти казалось потеряннымъ. Его поддерживалъ только героизмъ протестантской арміи и ея предводителя, рѣшившагося умереть за свою вѣру и за свои права.

Впрочемъ Генрихъ всегда былъ готовъ на миръ. Послѣ самой рѣшительной побѣды (при Куртре) онъ требовалъ только свободы вѣроисповѣданія и возстановленія прежнихъ эдиктовъ. Начальникъ лиги съ своей стороны неуклонно шелъ къ цѣли—овладѣть королемъ и его совѣтниками, сковать его волю собраніемъ государственныхъ чиновъ, и захватить престолъ въ свои руки. Король колебался, чувствовалъ свое униженіе; онъ неимѣлъ достаточно энергіи выйти изъ него и оставлялъ себѣ до поры настоящее свое оружіе: предательство и убійство. При такихъ обстоятельствахъ разыгралась одна изъ великихъ историческихъ драмъ, начавшаяся въ 1588 баррикадами въ Парижѣ и окончившаяся вторымъ блуаскимъ собраніемъ и убійствомъ герцога и кардинала Гизовъ. Созваніе королемъ государственныхъ чиновъ было дѣломъ направленнымъ имъ противъ самого себя. Оно было слѣдствіемъ одержавшаго побѣду волненія, а само собраніе представляло не цѣлую страну, а только католическую Францію. Цѣлью его было утвержденіе преимуществъ власти собранія надъ королевской властью. Въ первый періодъ, до смерти Гиза, государственные чины, имѣя въ головѣ представителей третьяго сословія, вели борьбу противъ короля объ основаніяхъ верховной власти; они объявили, что засѣдаютъ не вслѣдствіе того, что были созваны, а вслѣдствіе собственнаго своего рѣшенія и признали основными государственными законами только тѣ, которые изданы при ихъ участіи. Несмотря на видимое подчиненіе древнему монархическому принципу, они грозили королю созданіемъ новой власти, которую намѣревались отдать въ будущемъ подъ опеку народнаго представительства, а въ настоящее время поручить на-

*

чальнику лиги. Во второй періодъ собраніе подъ вліяніемъ страха оставляетъ свои энергическія нападенія и представляетъ сопротивленіе пассивное, въ которомъ скрывалось только желаніе перенести свои засѣданія на почву болѣе удобную для открытаго возстанія. Въ журналахъ его записаны слѣдующія статьи: указы, издаваемые по предложенію собранія, неизмѣнны и не имѣютъ надобности проходить чрезъ парламентъ, но на всякіе другіе указы парламенты имѣютъ право представлять свои замѣчанія и могутъ не вносить ихъ въ журналъ; парламентъ не имѣетъ права предлагать законъ, необсужденный провинціальнымъ прокуроромъ, для чего и избирается прокуроръ въ каждой провинціи; безъ согласія государственныхъ чиновъ не назначается ни одинъ налогъ, подать или пошлина; еретики преслѣдуются законами Франциска I и Генриха II; король наваррскій лишается права наслѣдовать престолъ, а имѣнія его конфискуются. Прочія статьи журнала служатъ повтореніемъ требованій, высказанныхъ въ 1576 и 1560 годахъ, поэтому мы ихъ и не приводимъ, но замѣтимъ, что представители дворянства почти не расходятся въ своихъ предложеніяхъ съ депутатами третьяго сословія, и это объясняется тѣмъ, что какъ тѣ, такъ и другіе принадлежали къ лигѣ.

Ожиданія короля не оправдались; положеніе его не стало лучше по убіеніи герцога Гиза (maintenant je suis roi!). Онъ думалъ, что нанесъ страшный ударъ всей лигѣ и между тѣмъ какъ издавалъ прокламацію за прокламаціей въ свое оправданіе, въ Парижѣ вспыхнуло возстаніе и разлилось по всей странѣ. Противъ королевской власти образовался союзъ. Революціонныя стремленія лиги приводились въ исполненіе подъ вліяніемъ распаленныхъ страстей. Взоры всѣхъ обратились къ швейцарскимъ кантонамъ, чтобы устроиться по ихъ образцу. Парижская демократія отмѣнила въ судебныхъ актахъ имя короля и назначила герцога майенскаго генералъ-лейтенантомъ королевства и короны. Генрихъ III не выходилъ изъ своего бездѣйствія. Наконецъ, когда въ его власти осталась только часть береговъ Луары, онъ рѣшился соединиться съ государемъ, котораго лишилъ престолонаслѣдія и противъ котораго издалъ актъ изгнанія; онъ рѣшился отдать

свою корону подъ защиту еретиковъ, въ уничтоженіи которыхъ еще такъ недавно онъ видѣлъ единственную славу и призваніе. Четыре мѣсяца послѣ убійства Генриха Гиза, Генрихъ Валуа и Генрихъ Бурбонъ свидѣлись въ Плесси, обнялись и заключили союзъ королевской власти съ кальвинистской партіей. Арміи ихъ соединились и двинулись къ Парижу, гдѣ царствовала лига и дѣйствовала оттуда на провинціи. Въ послѣднихъ числахъ іюля окончены были приготовленія къ приступу, который назначенъ былъ на 2-е августа. Король французскій не дожилъ до этого дня: онъ легъ подъ ножемъ фанатика, молодаго доминиканскаго монаха, Жака Клемана и получилъ такимъ образомъ возмездіе за убійство Гиза и мучениковъ парижской кровавой свадьбы. Предъ смертію онъ не забылъ впрочемъ своего королевскаго долга и сдѣлалъ наконецъ распоряженіе въ пользу примиренія. Онъ призвалъ короля наваррскаго и сказалъ ему: «Братъ мой, корона принадлежитъ вамъ, послѣ того какъ совершится надо мной воля Божія» и заставилъ колѣнопреклоненныхъ принцевъ и дворянъ принести клятву въ вѣрности и повиновеніи законному наслѣднику. Въ 1589 Генрихъ былъ признанъ королемъ начальниками арміи, а въ 1594 принялъ самъ католичество—(Paris vaut bien une messe) и вошелъ въ Парижъ. По мѣрѣ того, какъ король, вынуждаемый необходимостью, завоевывалъ свое королевство, фанатическая нетерпимость удалялась въ самую глубь страны, въ самые низшіе слои народа. Тамъ она хранилась въ первоначальной чистотѣ первыхъ дней религіозной борьбы. Въ настоящее время она была источникомъ геройства Парижа, достойнаго лучшей доли; она дала силы выдержать тѣсную четырехлѣтнюю осаду и она же наконецъ призваніемъ короля испанскаго представила чудовищный примѣръ демократической и въ то же время антинаціональной партіи.

Попытки лиги присвоить себѣ право избранія короля были безуспѣшны и ограничились только отстраненіемъ его, пока онъ не войдетъ въ лоно католической церкви. Послѣдній актъ ея есть собраніе государственныхъ чиновъ, назначенное на 1590-й годъ и состоявшееся не ранѣе 1593. Небольшое число прибывшихъ депутатовъ тотчасъ очутилось

подъ вліяніемъ испанскимъ, требовавшимъ, во имя интересовъ церкви, пожертвованія основными законами и государственной независимостью. Испаніей послѣдовательно сдѣлано было три предложенія: объявить королевой по праву рожденія инфанту Изабеллу, дочь Филиппа II и внучку Генриха II, вопреки основному салическому закону; объявить королемъ обрученнаго съ принцессой эрцгерцога Эрнеста Австрійскаго, или наконецъ выдать инфанту за французскаго принца и обоихъ объявить владѣтелями короны. Въ представителяхъ народа пробудилось наконецъ патріотическое чувство. Они безусловно отвергли два первыя предложенія, но остановились на третьемъ. Парламентъ пошелъ далѣе собранія и объявилъ, что всякій, сдѣланный теперь или въ будущее время актъ объ избраніи иностраннаго принца или принцесы противузаконенъ и рѣшились лучше умереть, чѣмъ измѣнить свое рѣшеніе. Когда же, мѣсяцъ спустя, въ С. Дени Генрихъ перешелъ въ католичество, то собраніе государственныхъ чиновъ разошлось, и королю ни что уже не мѣшало занять престолъ.

Генрихъ IV былъ вооруженный Лопиталь. Принципы его были тѣ же, что и знаменитаго канцлера Карла IX. Онъ былъ одной изъ тѣхъ личностей, которыя являются для возстановленія государства послѣ кризиса, приведшаго его на край погибели. Ему было достаточно двѣнадцати лѣтъ царствованія, чтобы залечить всѣ раны, нанесенныя странѣ гражданской войной, и положить начала новой политикѣ. Вся дѣятельность побѣдителя лиги клонилась къ тремъ цѣлямъ: къ введенію свободы совѣсти и дарованію гражданскихъ правъ диссидентамъ, къ возстановленію порядка и матеріальнаго благосостоянія и къ упроченію новой политики, основанной на уваженіи и независимости всякой народности. Всѣ издававшіеся прежде указы о терпимости имѣли характеръ временныхъ мѣръ до будущаго общаго соединенія обоихъ исповѣданій, которыя поэтому не могли ни слиться, ни уничтожить другъ друга. Генрихъ ввелъ ихъ въ постоянные, основные законы знаменитымъ нантскимъ эдиктомъ 1598. Главныя основанія его заключаются въ дозволеніи протестантамъ жить во всѣхъ мѣстахъ королевства и свободно исповѣдывать свою

религію; въ дарованіи имъ права занимать всѣ гражданскія должности; въ освобожденіи ихъ отъ обрядовъ и формъ присяги, несовмѣстныхъ съ ихъ ученіемъ; въ правахъ судиться въ трибуналахъ, составленныхъ поровну изъ судей обоихъ исповѣданій; въ дозволеніи издавать религіозныя книги, учреждать школы и госпитали, имѣть доступъ въ университеты и коллегіи королевства, а больнымъ и бѣднымъ въ древнія богадѣльни; домашнее богослуженіе объявлено свободнымъ по всей землѣ; а публичное дозволено въ извѣстныхъ только мѣстахъ, назначенныхъ по договору 1577 года. Хартія эта сдѣлалась гражданскимъ кодексомъ для людей обѣихъ религій и на основаніи ея управляли сынъ и внукъ Генриха до того времени, когда послѣ–90 лѣтней терпимости, снова возбуждено было фанатическое гоненіе на кальвинистовъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на взаимныя отношенія сословій въ эту эпоху. Сближенію верхнихъ слоевъ третьяго сословія съ дворянствомъ содѣйствовало: во первыхъ занятіе имъ публичныхъ должностей, въ особенности судебныхъ и наслѣдственное на нихъ право (*); во вторыхъ огромныя его богатства, явившіяся вслѣдствіе развитія промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, и наконецъ въ третьихъ, образованіе, становившееся все болѣе дѣйствительной силой и правомъ на всякаго рода дѣятельность. Что касается до городскаго населенія, то оно было проникнуто всѣми новыми идеями и волненіями вѣка; люди всѣхъ состояній и занятій пришли въ взаимнсе столкновеніе и перемѣшались. Въ особенности этому содѣйствовала лига: въ ея совѣтахъ постоянно встрѣчаются ремесленникъ и чиновникъ, мелкій торговецъ и знатный сеньоръ. Возвращаясь въ среду свою, люди эти не теряли сознанія силы и собственнаго достоинства и жили тѣми же увлекавшими ихъ на служебномъ поприщѣ интересами. Полевое населеніе въ XVI вѣкъ всюду освобожде-

(*) Служащему можно было передать свою должность всякому способному и испытанному кандидату, сдѣлавъ только объявленіе объ этомъ не менѣе какъ за 40 дней до своей смерти; въ противномъ случаѣ мѣсто переходило въ руки правительства. Генрихъ IV уничтожилъ этотъ срокъ и объявилъ должности просто наслѣдственными за ежегодную плату шестидесятаго процента съ цѣны мѣста.

но изъ тяжкаго, унизительнаго рабства; обязанности къ помѣщику были строго ограничены и опредѣлены; еще съ XV вѣка оно получило долю политическихъ правъ, доказывающихъ его освобожденіе. При каждомъ созваніи государственныхъ чиновъ собирались первоначально всѣ жители прихода и рѣшали съ своими повѣренными, какія требованія и указанія внести въ журналъ и кого избрать въ представители. Это участіе сельскаго населенія въ выборахъ началось съ 1484 года и было основною причиною сплоченія всего народонаселенія въ одно политическое тѣло; оно же положило конецъ опекѣ городовъ надъ деревнями.

Что касается до главнаго ядра третьяго сословія, буржуазіи, то исторія ея съ XIV вѣка представляетъ двѣ противоположности: съ одной стороны развитіе и прогресъ, съ другой потерю свободы. Въ то время, какъ она пріобрѣтала все большее значеніе вслѣдствіе занятія судебныхъ и административныхъ должностей, развитія торговли, промышлености, наукъ и искуствъ, муниципальная ея свобода клонилась къ упадку. XV вѣкъ отнялъ у нея право имѣть вооруженную силу, XVI-й гражданское судопроизводство и стѣснилъ уголовное, подчинилъ болѣе или менѣе тяжкому контролю финансовое управленіе. Королевская власть смотрѣла на муниципальныя права какъ на феодальныя привилегіи и не щадила ихъ въ своемъ стремленіи подвести все подъ одинъ общій уровень, подъ одинъ молотъ. Но каждая побѣда королевской власти была побѣдой въ пользу; хотя каждый шагъ ея былъ шагомъ впередъ къ централизаціи. Дворянство теряло и каждая его потеря была невозвратима; потери третьяго сословія были болѣе кажущимися, чѣмъ дѣйствительными: когда закрывали передъ нимъ одинъ путь, то ему открывались новые, болѣе широкіе. Постоянное развитіе его есть историческій фактъ; онъ неотразимъ, отстранить его невозможно; въ пользу его работали и работаютъ даже тѣ, которые думаютъ, что работаютъ на его погибель. Такимъ историческимъ путемъ шла судьба третьяго сословія и когда насталъ день, въ который можно было на вопросъ «что оно такое въ политическомъ отношеніи?» отвѣчать «ничто», то за этимъ днемъ наступилъ другой, въ который оно дѣйствительно было «все».

Между фискальными мѣрами, на которыя вынужденъ былъ Генрихъ IV огромнымъ дефицитомъ въ финансовомъ управленіи и долгомъ, лежавшимъ на странѣ, была одна, имѣвшая весьма важныя послѣдствія. Это такъ называемая «paulette», состоявшая въ ежегодной подати съ каждой судебной и финансовой должности (*). Такъ какъ чиновники и судьи стали наслѣдственными по праву, то слѣдствіемъ этой мѣры съ одной стороны была дороговизна судопроизводства, а съ другой еще бо́льшее значеніе класса чиновниковъ. Не прошло и десяти лѣтъ со времени утвержденія наслѣдственности должностей, какъ это право вызвало страсти и вражду сословій. Дворяне были устранены отъ него, одни по бѣдности, происшедшей отъ дѣленій наслѣдства или расточительности, другіе по недостатку образованія, и это въ то время, когда они поняли ошибку своихъ отцевъ, отказавшихся, вслѣдствіе отвращенія къ ученію, отъ занятія служебныхъ должностей и предоставившихъ ихъ буржуазіи. Вотъ причина первыхъ столкновеній соперничества между «людьми шпаги и людьми длиннаго платья». Первые негодовали, потому что потеряли силу и власть, которую имѣли въ своихъ рукахъ и отъ которой отвернулись сами, другіе выказывали уже гордость, независимость, собственное достоинство, между тѣмъ какъ права на эти чувства издавна исключительно принадлежали дворянству. Во время религіозныхъ войнъ соперничество это не выказывалось; его заглушали другіе, болѣе живые интересы. Въ собраніяхъ 1576 и 1588 годовъ не было поднято ни одного несогласія между депутатами сословій. Но по окончаніи войны раздоръ обнаружился и первая четверть XVII вѣка представляетъ борьбу и соперничество дворянства и третьяго сословія, доведенныя до крайности. Первое непріязненное столкновеніе произошло въ собраніи государственныхъ чиновъ 1614, созванномъ во время несовершеннолѣтія Лудовика XIII, чтобы пріискать средства выйти изъ того положенія, въ которое бросили

(*) Отъ имени откупщика Paulet, взявшаго откупъ. Она состояла изъ шестидесятой части суммы, въ которую оцѣнено мѣсто.

страну расточительность и безсмысліе четырехлѣтняго регентства.

Чины собрались въ монастырѣ августиновъ въ Парижѣ, и раздѣлились на три палаты. Представителями третьяго сословія были большею частью члены судебныхъ корпорацій и королевскіе чиновники. Съ самаго начала засѣданій уже видны были признаки вражды и зависти. Третье сословіе въ первый разъ почувствовало оскорбленіе въ томъ, что дворянству было отдано внѣшнее предпочтеніе (*). Ораторъ дворянства энергически произнесъ въ своей рѣчи: «Дворянство, столь униженное теперь нѣкоторыми изъ низшаго сословія, должно получить прежній блескъ свой. Они скоро увидятъ, какая разница между ними и нами». Во всѣхъ сношеніяхъ обѣихъ палатъ дворянство, какъ и всегда, отличалось спѣсью и недоступностью, третье сословіе излишнею щепетильностью и обидчивостью. Когда послѣднему представляли предложеніе, составленное въ двухъ другихъ согласныхъ палатахъ, то оно отвергало его безъ всякой видимой причины, хотя бы предложеніе было дѣльно и полезно. Дворянство первое сдѣлало нападеніе. Оно рѣшилось просить у короля отстрочки своихъ засѣданій, а потомъ уничтоженія paulette и на это прошеніе получило согласіе и содѣйствіе духовенства. Предложеніе это представлено было на обсужденіе третьяго сословія, которому оставалось или присоединиться къ двумъ другимъ сословіямъ и просить короля объ уничтоженіи paulette и въ такомъ случаѣ уступить дворянству лучшія и почетнѣйшія мѣста и должности, или несогласиться и подвергнуться всеобщему порицанію за эгоистическое пристрастіе къ нелюбимой народомъ привилегіи, увеличивавшей злоупотребленія продажности судопроизводства.

Третье сословіе вело себя хорошо. Оно отказалось отъ податей, дававшихъ наслѣдственное право на должности и для большей послѣдовательности предложило вообще унич-

---

(*) Канцлеръ, открывавшій собраніе рѣчью, снималъ свою четыреугольную шапочку, когда обращался къ дворянству и духовенству и не дѣлалъ этого, когда обращался къ третьему сословію.

тоженіе продажности судопроизводства. Но взамѣнъ своей уступки оно потребовало жертвы отъ обоихъ другихъ сословій, именно отмѣны пенсій, сумма которыхъ удвоилась въ послѣдніе четыре года и отяготила народъ налогами. Въ прошеніи своемъ третье сословіе соединило три требованія: уменьшенія на предстоявшій годъ четверти всѣхъ платимыхъ податей, уничтоженія paulette и вслѣдствіе этого продажнаго судопроизводства и отмѣну пенсіоновъ, платимыхъ казначействомъ. Дворянство было поражено этимъ прошеніемъ и, далеко не столь великодушное какъ его противники, требовало раздѣлить вопросы и заняться исключительно вопросомъ о наслѣдственности должностей; совѣщанія же о другихъ предложеніяхъ—отложить. Къ нему присоединилось и духовенство послѣ того, какъ не успѣло никакими доводами примирить противниковъ.

Буржуазія, послѣ новыхъ совѣщаній, рѣшила не раздѣлять вопросовъ и поручило объявить свое намѣреніе одному изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ своей палаты, Жану Саварону. Энергическій ораторъ два раза говорилъ предъ духовенствомъ, чтобы вызвать его содѣйствіе. Вторая рѣчь его кончалась словами: «Когда вы предлагаете уничтоженіе ежегодной подати за должности, не нападаете ли вы этимъ на занимающія эти должности лица, между тѣмъ какъ молчите о томъ, чего болѣе всего должны просить, отмѣны пенсій, влекущихъ за собой еще худшія послѣдствія. Вы хотите отнять у короля мильонъ шесть сотъ тысячъ ливровъ, получаемыхъ имъ ежегодно за paulette и оставляете государство обремененнымъ пятью мильонами ливровъ, выданныхъ королемъ ежегодно, на пенсіи. Какое добро, какую пользу принесетъ королевству уничтоженіе paulette, если останется продажность суда, влекущая за собой всякую несправедливость?... Милостивые государи, надобно вырвать этотъ проклятый корень, надобно задушить это чудовище, потому что оно удаляетъ лица достойныя и способныя и даетъ преимущество тѣмъ, кто безъ всякаго другаго права, кромѣ денегъ, заслоняетъ дорогу имѣющимъ, по божьей волѣ, посредственное состояніе. Вслѣдствіе этого мы умоляемъ васъ не отказывать намъ въ содѣйствіи такому правому дѣлу; мы работаемъ для народа».

Съ дворянствомъ Саваронъ говорилъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, гордо; въ словахъ его слышалась иронія и угроза. Онъ доказывалъ, что дворянамъ закрыты должности не ежегоднымъ налогомъ, а неспособностью самихъ дворянъ и продажностью судопроизводства, объ уничтоженіи котораго имъ слѣдуетъ просить короля; что три требованія, предложенныя третьимъ сословіемъ, раздѣлить невозможно; что злоупотребленія пенсій дошли до того, что безъ нихъ никто не хочетъ служить королю, что пенсіи опустошили казну и разорили народъ. Дворянство отвѣчало на эти честныя слова ропотомъ и бранью; духовенство одобрило предложеніе, но отказало въ содѣйствіи. Предоставленное своимъ силамъ, третье сословіе рѣшилось представить просьбу королю и, составивъ изъ нея статью для журнала, послало ее въ Лувръ съ депутаціей изъ двѣнадцати членовъ. Саварону поручено было говорить въ пользу народа. Вотъ какъ онъ началъ: «Что бы сказали вы, государь, еслибы увидѣли въ вашей Гіенни или Оверни людей, питающихся какъ скотъ травою? Эта новость и неслыханная нищета на вашей землѣ не произвели ли бы въ душѣ вашей желанія помочь столь великому бѣдствію? А между тѣмъ это дотого справедливо, что я предлагаю конфисковать все мое состояніе, если меня уличатъ во лжи.» Потомъ онъ изложилъ подробно просьбу третьяго сословія и съ полною откровенностью объяснилъ причины несогласія его съ другими сословіями: «Ваши чиновники, государь, согласно съ намѣреніями духовенства и дворянства, рѣшились просить ваше величество объ уничтоженіи ежегодной пошлины съ ихъ должностей, пошлины, поднявшей дотого цѣны на нихъ, что доступъ къ нимъ открытъ только тому, кто обладаетъ богатствомъ, хотя и не имѣетъ необходимыхъ способностей и достоинствъ. Предложеніе объ уничтоженіи этого зла весьма похвально, но оно направлено противъ лицъ и цѣль его не благо вашего королевства, ибо для чего просить объ уничтоженіи paulette, если вы не уничтожите продажу судопроизводства?.. Не ежегодная подать была причиной, что дворянство лишено чести занимать судебныя должности, а его предубѣжденіе, что наука и занятія ослабляютъ мужество и обращаютъ

великодушіе въ трусость. Васъ просятъ, государь, отмѣнить paulette, отказаться отъ полутора мильоновъ ливровъ, которые вы получаете ежегодно и не говорятъ ни слова объ отмѣнѣ пенсій, которыя возрасли дотого, что многія большія и могущественныя государства не получаютъ такого дохода, какой вы даете вашимъ подданнымъ, въ видѣ этихъ пенсій. Еслибы пять съ половиною мильоновъ, ежегодно выходящихъ изъ казны, были обращены на облегченіе народа, какъ бы онъ благословлялъ васъ! А между тѣмъ объ этомъ и не упоминаютъ, не хотятъ включить въ журналъ и настаиваютъ только на уничтоженіи paulette. Третье сословіе уступаетъ одно и неотступно проситъ другаго».

Дворянство пришло еще въ пущее негодованіе отъ этой рѣчи и рѣшилось жаловаться королю. Оно просило духовенство присоединиться къ нему, но послѣднее вызвалось быть только посредникомъ и послало своего члена въ засѣданіе третьяго сословія объявить о неудовольствіи дворянства и просить удовлетворенія. Когда депутатъ кончилъ, Саваронъ всталъ и гордо отвѣчалъ ему, что онъ не имѣлъ намѣренія обидѣть дворянство ни словомъ, ни дѣломъ, что прежде занятія имъ теперешней должности самъ онъ носилъ оружіе и готовъ дать всякое удовлетвореніе. Но чтобы избѣжать разрыва, который могъ прекратить занятія собранія, третье сословіе приняло посредничество духовенства и согласилось обратиться къ дворянству съ словомъ примиренія; но примиренія не было. Аристократическая заносчивость оскорбилась даже тѣмъ, что депутатъ буржуазіи, Демемъ, сравнилъ сословія Франціи съ тремя братьями одной семьи. Дворянство отвѣчало но это такъ: «Мы не хотимъ, чтобы сыновья сапожниковъ называли насъ братьями; между нами и ими такое же различіе, какое между господами и слугами».

Третье сословіе спокойно выслушало и замолчало. Духовенство пыталось еще разъ примирить вражду и тотчасъ же получило въ отвѣтъ, что представители третьяго сословія вовсе не имѣли въ виду оскорблять дворянство, что духовные могутъ объявить имъ объ этомъ, а имъ самимъ нѣтъ времени и необходимо заняться составленіемъ своего журнала. Такимъ образомъ разрывъ не прекращался; прави-

тельство не хотѣло быть судьей, но хлопотало о прекращеніи вражды, и буржуазіи было приказано королемъ сдѣлать шагъ къ примиренію. Между тѣмъ журналъ третьяго сословія перешелъ въ совѣтъ короля. Дворянство и духовенство утвердили всѣ статьи его, кромѣ той, которая послужила причиной разрыва. Первымъ министромъ, впрочемъ, обѣщано было, что пенсіи будутъ уменьшаемы ежегодно на одну четверть, а безполезныя вовсе отмѣнены. Эта уступка открыла путъ къ примиренію. Третье сословіе благодарило два другія за содѣйствіе. Его посланные высказали еще разъ, что они не имѣли намѣренія нанести обиды. Имъ отвѣчали прилично. Такъ кончился этотъ первый раздоръ, изъ котораго, правда, не могло выйти ничего важнаго въ политическомъ отношеніи, но который заявилъ, что у буржуазіи есть сила противодѣйствующая аристократической привилегіи. Въ этомъ раздорѣ всенародно предъ дворянскою гордостью стала гордость плебейская, выросшая незамѣтно и воспитанная въ школѣ служебной дѣятельности....

Вскорѣ родилось болѣе серьезное несогласіе, въ которомъ не принимали участія никакіе личные интересы, и раздѣлило сословія. Причиною ихъ былъ принципъ независимости престола отъ церкви, предложенный болѣе чѣмъ за триста лѣтъ тѣмъ же третьимъ сословіемъ. Составляя общій журналъ изъ провинціальныхъ, представители буржуазіи внесли въ него первою статьей прошеніе къ королю постановить основнымъ, неизмѣннымъ закономъ независимость королевской власти, и объявить всякое вмѣшательство въ нее церкви, какъ напримѣръ освобожденіе подданныхъ отъ присяги, противозаконнымъ. Основный законъ этотъ долженъ быть объявленъ и распространенъ по всему королевству. Предложеніе это было не по сердцу духовенству; оно обратилось за помощью къ дворянству и получило обѣщаніе содѣйствія, но сопротивленіе ихъ осталось безуспѣшно; третье сословіе не хотѣло ни уступить, ни измѣнить статьи и рѣшительно отказалось отъ предложенія послѣдовать рѣшенію констанскаго собора о цареубійствѣ, которымъ рѣшался вопросъ, поставленный во Франціи лигою и оставшійся неразрѣшеннымъ Генрихомъ, вопросъ о законности королевской власти

отдѣльно по праву и по православію. Статью своего журнала третье сословіе съ президентомъ палаты и двѣнадцатью президентами провинціальныхъ бюро препроводило въ Луврь. Хотя Лудовикъ-XIII былъ уже совершеннолѣтній, но отвѣчала королева-мать, что такъ какъ статья о самодержавной независимости относится къ королю, то не помѣщать ее въ журналъ, но король принимаетъ ее согласно съ желаніемъ третьяго сословія. Это нарушеніе правъ собранія произвело замѣшательство. Въ продолженіи трехъ дней совѣщались, какъ поступить и остановились на двухъ мнѣніяхъ: или удержать статью въ журналѣ и протестовать противъ лицъ, окружавшихъ короля и стѣснявшихъ его свободу, либо подчиниться приказанію королевы и представить только предостереженія. Большинство было бы за первое мнѣніе, еслибы не предложено было подавать голоса по провинціямъ (*). Сто двадцать депутатовъ, между коими были Саваронъ и Демемъ, объявили себя противъ мнѣнія собранія, такъ какъ оно выражало мнѣніе меньшинства. Начался шумъ и безпорядокъ. Наконецъ избранъ былъ средній путь: рѣшили не вписывать статью въ текстъ журнала, но оставить для нея мѣсто. Дѣйствительно, на древнихъ копіяхъ съ журнала подъ рубрикою «основные государственные законы» оставалось пустое мѣсто и замѣчаніе: Первая статья, извлеченная изъ протокола палаты третьяго сословія, отдѣльно отъ журнала представлена королю по приказанію его, который обѣщалъ отвѣчать. Но отвѣта не было. Слабость королевы, окруженной иностранцами, отсрочила на 67 лѣтъ вопросъ о независимости престола и страны отъ домогательствъ церкви и притязаній римскаго двора. Знаменитое объявленіе духовенства 1682 года было только слѣдствіемъ настоящаго предложенія и заключало въ себѣ нетолько главный смыслъ, но и многія выраженія журнала 1615 года. Мы видѣли, что инціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала третьему сословію. Между тѣмъ какъ привилегированные классы получали по-

(*) Провинціи весьма разнились числомъ представителей. Вотированіе по уѣздамъ (baillage, въ которыхъ засѣдалъ уѣздный судья) было почти равносильно поголовному.

здравленія изъ Рима, всѣ ясные, здоровые умы были на сторонѣ потерпѣвшихъ пораженіе (*).

Подъ той же рубрикой основныхъ государственныхъ законовъ въ журналѣ одного только третьяго сословія помѣщено требованіе собраній трехъ сословій всякіе десять лѣтъ. Вообще журналъ 1615 года, по значенію статей въ немъ помѣщенныхъ, напоминаетъ совѣщанія 1560 года, но превосходитъ ихъ полнотой и многосторонностью обсуждаемыхъ вопросовъ, поднятыхъ эпохой.

Въ нихъ нельзя не видѣть стремленія къ гражданскому равенству передъ закономъ и къ свободной торговлѣ, стремленія, достойнаго нашего времени. Въ нихъ снова заявлено было требованіе о прежней муниципальной свободѣ: права избирать представителей безъ участія и присутствія королевскихъ чиновниковъ; права хранить ключи городскихъ воротъ, налагать и взимать подати безъ правительственнаго контроля и проч. Журналъ третьяго сословія несравненно менѣе разнится отъ журнала духовенства, чѣмъ отъ журнала дворянства и это произошло не вслѣдствіе согласія этихъ двухъ сословій, а вслѣдствіе того, что духовенство никогда не избирало прямой дороги. Оно подавало мнѣніе то за общинное право, за интересы плебейскіе, за освобожденіе бѣдныхъ, угнетенныхъ классовъ, то стояло за частныя права и защищало дворянство. Эта шаткость мнѣній происходила отъ столкновенія личныхъ, эгоистическихъ интересовъ съ либеральнымъ для того времени духомъ его ученія. Оно расходилось съ третьимъ сословіемъ въ вопросахъ о папской власти, о свободѣ галликанской церкви, о религіозной терпимости, о іезуитахъ, а въ прочихъ статьяхъ соглашалось.

Между обоими свѣтскими сословіями, мы уже видѣли, былъ полный разрывъ. Журналъ 1615 года есть обширная программа реформъ, изъ которыхъ нѣкоторыя приведены въ

(*) Извѣстное четырехстишіе повторялось тогда всѣми и его можно назвать пророческимъ:

O noblesse, o clergé, les ainés de la France,
Puisque l'honneur du roi si mal vous maintenez,
Puisque le tiers-état en ce point vous dévance,
Il faut que vos cadets deviennent vos ainés.

исполненіе государственными людьми XVII вѣка, исполненіе другихъ осуществилось въ 1789 году. Журналъ дворянскихъ засѣданій заключалъ требованія о возстановленіи всего, что гибло или должно было погибнуть вслѣдствіе всеобщаго прогреса и развитія. Въ немъ обозначились прежнія стремленія и прежняя сословная нетерпимость. Дворянство, какъ и всегда, пыталось нетолько защищать оставшіяся за нимъ привилегіи, но вернуть Францію къ стариннымъ преданіямъ феодальной эпохи и отнять у третьяго сословія тѣ мѣста, которыми оно завладѣло. Такъ оно потребовало возобновленія всѣхъ дворянскихъ должностей при дворѣ и войскѣ, исключительно дворянскаго состава парламента, возвращенія себѣ мѣстъ даже и по муниципальному управленію, права вести торговлю съ удержаніемъ преимуществъ своего сословія и проч. На послѣднее требованіе особенно несогласно было третье сословіе, и требовало запрещенія торговли для привилегированныхъ классовъ.

Это сословное соперничество, особенно характеризующее собраніе государственныхъ чиновъ 1614 года, было причиною его безсилія. Оно не имѣло никакого непосредственнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Да еслибы дворъ молодаго короля и имѣлъ въ виду народную пользу и благотворныя реформы, то ему трудно и опасно было бы что нибудь сдѣлать, потому что требованія сословій расходились и противорѣчили другъ другу. Чтобы извлечь что нибудь истинно полезное изъ хаоса представленныхъ требованій, нужны были и энергія, и умѣнье. Дворъ же короля имѣлъ въ виду только благопріятный случай воспользоваться раздоромъ сословій, чтобы поддержать выгодные для него безпорядки и злоупотребленія. Опасаясь, чтобы какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство не дало почувствовать враждующимъ сторонамъ необходимость единодушія, онъ торопилъ представленіемъ журналовъ, обѣщая отвѣчать на нихъ прежде распущенія собранія. Но депутаты требовали не обѣщанія, а права не расходиться до полученія отвѣтовъ короля на свои журналы. Дворъ отвѣчалъ уклончиво, и журналы трехъ сословій были торжественно представлены королю 23 февраля 1615 года, послѣ четырехмѣсячныхъ засѣданій. На дру-

гой день депутаты собрались въ урочный часъ въ монастырѣ августиновъ, но нашли свою залу безъ мебели: стулья, скамьи, конторки были вынесены. Президентъ объявилъ, что король и канцлеръ закрываютъ собраніе. Напрасно удивленные представители обвиняли короля и дворъ, обвиняли самихъ себя въ слабости, въ недостаточной настойчивости. «Что мы такое?–говорили они; какой стыдъ, какое оскорбленіе нанесено всей странѣ въ нашемъ лицѣ; такими ли входили мы вчера въ бурбонскую залу съ нашимъ журналомъ? что намъ дѣлать?» Чрезъ 174 года (*) на этотъ вопросъ, при такихъ же обстоятельствахъ, раздался голосъ Сіейя: «сегодня мы то же, что были вчера. Будемъ засѣдать стоя.» Но въ началѣ XVII вѣка не могло быть ничего подобнаго. Депутаты ежедневно приходили въ монастырь, дѣлали предположенія, что предпринять, но болѣе всего они желали, чтобы ихъ распустили по домамъ изъ города, въ которомъ нечего было дѣлать. Ихъ удерживало впрочемъ чувство долга; они знали, что во дворцѣ готовился отвѣтъ на журналы и были убѣждены, что если ничего или очень мало сдѣлано будетъ въ пользу народа, съумѣютъ всю вину сложить на ихъ отсутствіе; наконецъ отъѣздомъ ихъ могли воспользоваться два другія сословія и вымолить себѣ разнаго рода преимущества. Они рѣшились остаться и ожидать отвѣта короля, собирались нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ, пока 24 марта не были потребованы въ Луврь. Тамъ передали имъ, что количество статей въ журналахъ не позволяетъ королю отвѣчать такъ скоро, какъ бы онъ этого хотѣлъ, но чтобы показать свое расположеніе къ сословіямъ, онъ объявилъ, что принимаетъ главныя ихъ предложенія, уничтожаетъ продажу должностей, отмѣняетъ пенсіи и наряжаетъ судъ надъ злоупотребленіями финансоваго управленія, а объ остальномъ обѣщалъ позаботиться тотчасъ же; послѣ чего депутаты получили дозволеніе разъѣхаться. Правительствомъ ловко избраны были три эти статьи, ибо на нихъ примирялись всѣ партіи. Дворянство довольно было уничтоженіемъ наслѣдст-

(*) 20 іюня 1787 въ залѣ Jeu de paume.

венности и продажности должностей; третье сословiе видѣло облегченiе народа въ отмѣнѣ пенсiй; оба сословiя желали равно преслѣдованiя злоупотребленiй финансовыхъ чиновниковъ. Уничтоженiемъ paulette тоже всѣ были довольны: дворянство изъ личныхъ интересовъ, духовенство по симпатiи къ дворянамъ, третье сословiе гордилось своимъ великодушнымъ пожертвованiемъ. На остальныя требованiя даны были обыкновенныя обѣщанiя, которыя и повезли съ собою депутаты въ провинцiи. Разумѣется, что обѣщанiя эти не были исполнены.

Какъ бы то ни было, собранiе государственныхъ чиновъ 1614 года представляетъ весьма замѣчательный фактъ въ исторiи третьяго сословiя. Имъ заключился рядъ великихъ собранiй средневѣковой монархiи во Францiи. Третье сословiе выказало здѣсь въ полномъ свѣтѣ возрастающее значенiе, нравственную силу и политическое безсилiе. Этимъ собранiемъ замкнулась эпоха монархiи, соединенной съ представительствомъ, лишеннымъ народной и законной опоры, въ которомъ третье сословiе принимало участiе не по праву, не вслѣдствiе побѣды, а призванiемъ королевской власти. Вошедши въ собранiе недовѣрчиво, безъ борьбы, не заявивъ своей силы, оно само не придавало особой цѣны своему участiю, но всегда приносило въ собранiе массу новыхъ идей, которыя изъ его журналовъ въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ входили въ королевскiе указы. Но такъ какъ дѣйствительной, положительной силы третье сословiе въ собранiи не имѣло, такъ какъ стремленiя его къ реформамъ парализировались противодѣйствiемъ привилегированныхъ сословiй, то, наученные многолѣтними опытами, плебейскiе классы вовсе перестали придавать значенiе своимъ политическимъ правамъ. До революцiи XVIII вѣка государственные чины не собирались ни разу и общественное мнѣнiе не побуждало къ тому правительство. Третье сословiе съ полнымъ довѣрiемъ отдалось королевской власти, выросшей исключительно при его содѣйствiи и оставалось въ такомъ положенiи болѣе полутораста лѣтъ, пока не почувствовало несостоятельности порядка, приведшаго страну на край бездны и не убѣдилось въ своемъ собственномъ заблужденiи—

на такомъ порядкѣ основывать благоденствіе страны. Интересы королевской власти и третьяго сословія послѣ побѣды надъ феодальнымъ правомъ разошлись совершенно и не имѣли уже болѣе ничего общаго.

Съ распущеніемъ послѣдняго собранія государственныхъ чиновъ начинается новый періодъ исторіи третьяго сословія, въ продолженіи котораго роль собранія принимаетъ на себя парижскій парламентъ. Призванное въ важныхъ случаяхъ къ участію въ политической жизни государства, это верховное судебное мѣсто, члены котораго назначались королемъ, съ XVI вѣка воспользовалось этимъ обыкновеніемъ и стало считать себя представительнымъ собраніемъ, когда государственные чины перестали созываться. Неисполненіе обѣщаній, данныхъ послѣднему собранію, было причиною, что ожиданія и надежды народныя были перенесены на парламентъ. Дѣйствительно, онъ имѣлъ много данныхъ для симпатіи третьяго сословія: члены его выбирались изъ среды буржуазіи, они занимали высшія правительственныя мѣста. Не разбирая, насколько законны были его стремленія къ овладѣнію законодательствомъ и къ противодѣйствію иногда королевскимъ повелѣніямъ, его любили за всегдашнюю нелюбовь къ дворянству, за привязанность къ національнымъ преданіямъ, за охраненіе государства отъ иноземныхъ вліяній и за защиту свободы галликанской церкви. Его называли сенатомъ, опекуномъ короля, отцемъ государства; власть его и права считались священными и неприкосновенными, какъ власть и права короля. Продажа должностей и наслѣдственность ихъ не уменьшали, а еще увеличивали эти симпатіи къ нему, ибо въ этихъ злоупотребленіяхъ видѣли новую силу для защиты плебейскихъ интересовъ, а несмѣняемость лицъ, стоящихъ за эту защиту, была большей гарантіей, чѣмъ временныя и непрочныя собранія государственныхъ чиновъ. Это было тѣмъ болѣе справедливо, что опозиція парламента не была осно-

вана на такихъ широкихъ и безпристрастныхъ началахъ, какъ опозиція собраній.

Недостатки парламента, его дворянскія замашки, эгоистическій взглядъ и полное отсутствіе политическаго такта не мѣшали третьему сословію считать его своимъ, членовъ его своими людьми, которые не могли не желать общаго блага. Впрочемъ надежды народа и на этотъ разъ были обмануты; да и не могло быть иначе. На что могъ опираться свободный голосъ парламента? Въ сущности члены его не были народными представителями и какъ только приходила пора дѣйствовать, противиться, онъ оказывался безсильнымъ и по необходимости обращался за содѣйствіемъ то къ принцамъ крови, то къ недовольнымъ придворнымъ, или къ аристократіи. Когда онъ отказывался, во имя общественныхъ интересовъ, внести въ свой журналъ королевскій указъ, несмотря на то, что членамъ его грозили изгнаніемъ или тюремнымъ заключеніемъ, то, съ приведеніемъ угрозы въ исполненіе, роль его кончалась, если онъ не успѣвалъ заключить какого нибудь прочнаго союза. По крайней мѣрѣ нерѣдко такъ кончалась его опозиція, то есть тюрьмой или междоусобной войной, въ которой онъ противъ воли служилъ личнымъ интересамъ вельможъ. Этотъ плачевный исходъ часто самыхъ благородныхъ стремленій отнималъ и искажалъ вѣру въ его гражданскую доблесть, подчиняя его дѣятельность мелкимъ интригамъ и возстаніямъ дворянъ. Въ такой недостойной борьбѣ изжилъ свою силу и энергію парламентъ, благородными побужденіями котораго не умѣли и не хотѣли воспользоваться.

Четыре дня спустя по распущеніи послѣдняго собранія государственныхъ чиновъ, парламентъ предложилъ голосъ принцамъ, герцогамъ, перамъ и королевскимъ чиновникамъ въ его засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ о государственныхъ нуждахъ, о службѣ королю и объ облегченіи участи народа. Это приглашеніе, сдѣланное безъ королевскаго повелѣнія, было неслыханнымъ дѣломъ; оно возбудило въ обществѣ надежды на исполненіе обѣщаній, данныхъ послѣднему собранію. Королевскій совѣтъ пришелъ въ негодованіе отъ этихъ нововведеній и запретилъ приглашеннымъ лицамъ являться на

совѣщанія. Парламентъ повиновался, но тотчасъ принялъ рѣшеніе составить актъ о своихъ предложеніяхъ. Новый указъ совѣта запретилъ составленіе его. На этотъ разъ парламентъ не уступилъ и когда актъ былъ готовъ, то просилъ аудіенціи у короля. Его настойчивость перепугала министровъ; но, несмотря на старанія ихъ не допустить короля до слушанія парламентскихъ предложеній, аудіенція была дана. На ней между прочимъ было сказано: «Государь, допущеніе въ это собраніе вельможъ вашего королевства было предложено для вашей пользы, чтобы представить вамъ при содѣйствіи тѣхъ, кто хорошо съ этимъ знакомъ, увеличивающіеся съ каждымъ днемъ безпорядки, указать вамъ существующее зло, чтобы вы могли почерпнуть въ вашей мудрости лекарства противъ него... Тѣ, которые хотятъ ослабить власть этого собранія, силятся вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у него дарованную издавна вашими предшественниками свободу предлагать все, что оно найдетъ полезнымъ для вашего государства. Мы осмѣливаемся предостеречь васъ отъ совѣтовъ, побуждающихъ начать первый годъ вашего совершеннолѣтія самодержавными повелѣніями и пріучить себя къ мѣрамъ, которыми такіе добрые короли, какъ вы, государь, пользуются въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.» Изложивъ съ своей точки зрѣнія свою исторію и основанное на ней право вмѣшиваться въ общественныя дѣла, парламентъ предложилъ внести свои предложенія въ журналъ, просилъ короля возвратиться въ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ къ политикѣ своего отца, сохранить свою независимость отъ притязаній римскихъ и независимость королевства отъ чужеземнаго вліянія; потомъ раскрылъ безпорядки по управленію, растройство финансовъ, расточительность, огромные подарки и пенсіоны, преграды, положенныя правосудію дворомъ и дворянствомъ, потворство королевскихъ чиновниковъ откупщикамъ и ненасытное корыстолюбіе министровъ. Въ перспективѣ онъ указалъ на возстаніе доведеннаго до отчаянія народа и кончилъ слѣдующими словами: «Мы умоляемъ васъ, государь, дозволить исполненіе данныхъ обѣщаній; но чтобы они не были затерты совѣтами и интригами тѣхъ, кому не нравятся,—парламентъ, для очищенія своей совѣсти предъ людьми и Бо-

гомъ, для блага вашего и всей страны, готовъ объявить имена всѣхъ виновниковъ безпорядка и раскрыть предъ обществомъ всѣ ихъ злоупотребленія.»

На другой день указомъ королевскаго совѣта парламенту приказано было вычеркнуть изъ журнала всѣ предложенія и не совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ безъ королевскаго повелѣнія. Парламентъ просилъ новой аудіенціи; ему отказали и повторили тѣ же приказанія. Онъ медлилъ, ссылаясь на разныя формальности процедуры. Между тѣмъ принцъ Конде, герцоги вандомскій, бульонскій, майенскій и другіе вельможи подняли свои провинціи во имя молодаго короля для освобожденія его изъ-подъ насильственной опеки министровъ и привлекли на свою сторону кальвинистовъ, недовольныхъ связями правительства съ римскимъ и испанскимъ дворами. Разумѣется, что протестантская партія компрометировала себя сочувствіемъ возстанію вельможъ и такимъ образомъ начала цѣлый рядъ ошибокъ и неловкостей, которыя окончились взятіемъ Ларошели и потерею всѣхъ правъ, которыми они пользовались по нантскому эдикту. Междоусобная война, загорѣвшаяся подъ предлогомъ защиты парламентскихъ предложеній, окончилась послѣ страшныхъ неистовствъ, произведенныхъ солдатами возставшей партіи, мирнымъ договоромъ въ Луденѣ. Уничтоженіе статей изъ парламентскаго журнала было отмѣнено и король черезъ три мѣсяца отвѣчалъ на требованія послѣдняго собранія и на блуасское предложеніе о независимости королевской власти. Но снова ничего не было исполнено, кромѣ тайныхъ статей, по которымъ начальники возстанія получили выговоренныя себѣ мѣста, должности и шесть мильоновъ ливровъ. Дѣла пришли въ прежнее анархическое положеніе. Это былъ просто заговоръ, чтобы привести Францію въ положеніе худшее, чѣмъ оно было до Генриха IV. Внутри безпорядки, а вовнѣ отсутствіе всякаго политическаго значенія — вотъ что представляла Франція во времена молодости Лудовика XIII, когда правленіе перешло въ руки государственнаго человѣка, которому суждено было оставить по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи этой страны.

Кардиналъ Ришелье не былъ министромъ въ настоящемъ

значенiи этого слова. Онъ былъ уполномоченный всей королевской властью правитель. Монархiя не переставала существовать и въ то же самое время страна находилась подъ диктатурой не короля, а посторонняго человѣка, его подданнаго, даже не внесшаго въ свои цѣли никакихъ личныхъ или семейныхъ интересовъ. Лудовикъ XIII, съ слабымъ, уступчивымъ нравомъ, не былъ лишенъ здраваго смысла. Это была одна изъ натуръ, требовавшихъ непремѣнно опеки и опоры. Онъ выбиралъ и бросалъ многихъ министровъ, пока не нашелъ такого, который по его мнѣнiю повелъ государство къ цѣлямъ, представлявшимся ему самому лучшими и благородными въ его меланхолическихъ мечтахъ. Воспитанный въ школѣ своего отца, онъ, казалось, сознавалъ свои обязанности, для исполненiя которыхъ онъ жертвовалъ своей свободой, человѣческой и королевской. Нѣсколько разъ пытался онъ освободиться изъ-подъ добровольно-наложеннаго на себя ига, но всякiй разъ добровольно же подчинялся ему, убѣждаясь болѣе и болѣе въ способностяхъ человѣка, который далъ государству внутреннее спокойствiе и внѣшнюю силу.

Въ своихъ планахъ Ришелье далеко опередилъ самаго Генриха. Онъ такъ подвинулъ впередъ дѣло королевской власти, что, кажется, она не могла уже идти назадъ. Для достиженiя своихъ цѣлей ему необходимо было сломить дворянство, особенно высшее, прекратить вооруженное положенiе въ государствѣ протестантской партiи и освободить Францiю отъ чужеземныхъ влiянiй, то есть дать ей возможность свободно выбирать союзниковъ. На осуществленiе этихъ плановъ Ришелье употребилъ всѣ свои способности, всѣ силы, весь генiй и всю растяжимость своей совѣсти. Вся его жизнь есть постоянная борьба съ дворянами, съ королевскимъ семействомъ, съ верховными совѣтами. Чтобы подвести все подъ одинъ уровень, онъ поднялъ королевскую власть выше ея семейныхъ интересовъ, отдѣлилъ ее отъ всего, возвелъ въ идею, въ религiозный культъ.

Съ этой точки зрѣнiя онъ одѣлъ королевскую власть въ безстрастную логику, въ безпощадную строгость. Онъ не зналъ помилованiя, какъ не зналъ страха и не обращалъ

вниманія на обычныя юридическія формальности. Онъ заставлялъ своихъ коммисаровъ произносить смертные приговоры, казнилъ стоящихъ на ступеняхъ трона враговъ монархіи, которыхъ считалъ своими личными врагами. Никто не можетъ сказать, насколько участвовала въ этихъ преслѣдованіяхъ его личная ненависть: никто не заглядывалъ въ его душу. Но что-то мрачное соединено съ его именемъ; онъ все принесъ въ жертву для достиженія своей цѣли, попиралъ правила нравственности и человѣчества, и не зналъ границъ своему деспотическому нраву.

Прежде чѣмъ приводить въ исполненіе свои замыслы, Ришелье хотѣлъ подвергнуть ихъ всеобщему обсужденію, чтобы придать имъ характеръ народной воли. Послѣ послѣднихъ размолвокъ сословій онъ мало надѣялся на собраніе государственныхъ чиновъ; поэтому онъ рѣшился собрать въ 1626 по своему назначенію 55 нотаблей (12 отъ духовенства, 14 отъ дворянства, 27 совѣтниковъ высшихъ судебныхъ инстанцій, министра финансовъ и городскаго главу Парижа), подъ предсѣдательствомъ брата короля. Въ собраніе не было призвано ни одного герцога, пера, ни одного губернатора провинціи. Предъ этимъ собраніемъ, въ которомъ болѣе чѣмъ на-половину было лицъ третьяго сословія, новый министръ изложилъ планъ внутренней политики. Реформы предложены были такимъ образомъ отъ самого правительства и заключались въ слѣдующемъ: подати не должны обременять производительные классы; въ промышлености и торговлѣ заключается благосостояніе страны, слѣдовательно онѣ преимущественно должны поощряться; для поддержанія могущества государства необходима постоянная армія, въ которой мѣста и чины должны быть доступны всѣмъ и которая распространяла бы и поддерживала военный духъ и въ неблагородныхъ классахъ; даны были обѣщанія уменьшить государственные расходы, увеличить морскія силы, учредить комерческія компаніи и предпринять въ странѣ канализацію; обѣщана также безопасность рабочимъ классамъ отъ самоуправства военныхъ людей введеніемъ дисциплины и правильной выдачи жалованья; наконецъ предложено было уничтоженіе во всѣхъ провинціяхъ крѣпостей и зам-

ковъ, существованіе которыхъ было безполезно для защиты государства.

Тотчасъ по распущеніи нотаблей приступлено было къ собранію законовъ и къ изданію новыхъ, которые должны были соотвѣтствовать журналамъ 1615 года, и разрѣшено было привести въ исполненіе обѣщаніе уничтожить во всемъ государствѣ крѣпости и замки, эти соколиныя гнѣзда всегда готоваго на возмущеніе дворянства. Онъ поручилъ исполненіе этого смѣлаго дѣла провинціямъ и городамъ и по всей странѣ поднялись народныя толпы и своими руками разрушали и разносили эти всѣмъ ненавистныя зубчатыя стѣны, защищавшія столько вѣковъ рабство, тиранію и разбои. Рвы были засыпаны, стѣны опрокинуты; пощажены были немногіе, безопасные, которые и остались памятниками средневѣковыхъ временъ.

Между тѣмъ законодательство шло своимъ чередомъ и плодомъ его былъ указъ 1629 года. Составленный по мысли Ришелье, онъ ясно показываетъ, что законодатель старался примирить противоположныя требованія сословій и ставилъ дѣло реформы въ опредѣленныя границы. Такъ, напримѣръ, указъ уничтожаетъ помѣщичье право и незаконную барщину, но не отмѣняетъ вымороченнаго права. Время совершенной свободы деревень еще не наступило, а время городской свободы уже миновало! Отвѣты на требованія о возстановленіи муниципальнаго права уклончивы и стремятся только къ введенію единообразнаго управленія по образцу парижскаго. Высшіе слои третьяго сословія приглашеніемъ къ торговымъ занятіямъ и привилегіями отвлечены отъ исключительнаго стремленія къ занятію служебныхъ должностей. Въ то же время дѣятельность Ришелье, особенно въ послѣдніе годы, была направлена къ развитію торговли, физическаго и нравственнаго труда. Онъ признавалъ равнымъ себѣ, стоящему на верхней ступени престола, только писателя и мыслителя. Шапеленъ и Гомбо говорили съ нимъ съ покрытыми головами. Но между тѣмъ какъ онъ расширилъ кругъ дѣятельности третьяго сословія, въ то же время онъ ломалъ всѣ свободныя, городскія учрежденія, всѣ преимущества провинцій, пріобрѣтенныя въ героическій періодъ муниципальной

жизни. Эти мѣры были необходимы для введенія всесторонней централизаціи.

Но эта крутая и деспотическая воля, сокрушившая все, что стояло въ разрѣзъ съ ея желаніями, возбудила общее отвращеніе къ себѣ и реакція третьяго сословія противъ министерской диктатуры подала поводъ къ гражданской войнѣ, извѣстной подъ именемъ фронды. Четырехлѣтнее междоусобіе состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ эпохъ: одна составляетъ по крайней мѣрѣ по внѣшнимъ признакамъ, характеръ революціи, другая возстаніе, подобное временамъ малолѣтства Лудовика XIII или лиги. Мы скажемъ нѣсколько словъ о первой, такъ какъ она имѣетъ тѣсную связь съ исторіей третьяго сословія. Въ іюнѣ 1648 г. четыре высшихъ правительственныхъ мѣста заключили сначала союзъ во имя частныхъ выгодъ, для введенія и поддержанія наслѣдственности должностей еще на девять лѣтъ, но вскорѣ приняли на себя защиту общихъ интересовъ и потребовали преобразованій. Къ нимъ присоединились всѣ недовольные диктаторскимъ положеніемъ новаго министра. Поднялись нетолько задавленные интересы, но предъявлены были и новыя требованія. Это были жалобы народа на тягость налоговъ и дворянства на отмѣну привилегій, преданія о собраніи государственныхъ чиновъ, потеря муниципальной свободы провинцій и городовъ, желаніе болѣе широкихъ и законныхъ гарантій, наконецъ примѣръ, поданный Англіей — вотъ причины, вызвавшія междоусобіе. Вслѣдствіе этого, шестьдесятъ депутатовъ высшихъ правительственныхъ совѣтовъ предложили королю хартію. По формѣ она представляетъ насильно захваченную законодательную власть, а по содержанію она заключаетъ въ себѣ основныя положенія новѣйшихъ хартій. Собраніе присвоиваетъ себѣ право veto въ финансовыхъ вопросахъ и относительно учрежденія новыхъ должностей. Такимъ образомъ почти вся верховная власть переходила въ его руки.

Дворъ по обыкновенію сдѣлалъ уступку, которая оказалась поздней. Потомъ онъ хотѣлъ возвратить потерянное арестомъ начальниковъ недовольной партіи; въ Парижѣ вспыхнуло вооруженное возстаніе, извѣстное подъ именемъ

journée des barricades. Печальныя сцены временъ лиги повторились. Вотъ что пишетъ объ этомъ днѣ кардиналъ де-Рецъ въ своихъ мемуарахъ: «Всѣ безъ исключенія взялись за оружіе; можно было встрѣтить шестилѣтнихъ дѣтей съ кинжалами въ рукахъ и матерей, приносящихъ имъ оружіе. Въ Парижѣ построено было 1200 баррикадъ впродолженіи двухъ часовъ: онѣ увѣнчаны были знаменами; люди вооружены были оружіемъ, оставшимся у нихъ со временъ лиги. На улицѣ Neuve-Notre-Dame я встрѣтилъ между прочимъ мальчика восьми или десяти лѣтъ, тащившаго копье, вѣроятно временъ послѣдней войны съ Англичанами». Но если оружіе было временъ лиги, то идеи, во имя которыхъ взялся за него парижскій народъ, были новыя, хотя и не настала еще пора ихъ осуществленія. Король въ указѣ 24 октября выразилъ желаніе уступить, но его уклончивость отняла всякое довѣріе къ нему. Въ рукахъ парламента и магистратовъ сосредоточилось все управленіе Парижа, и они приняли тотчасъ энергическія мѣры для возстановленія общественнаго спокойствія: собрали подати, вооружили народъ, привели городъ въ оборонительное положеніе, организировали полицію и сдѣлали воззваніе ко всѣмъ городамъ и провинціальнымъ парламентамъ. Но въ то же время сдѣлана была ошибка, вынужденная обстоятельствами, именно заключенъ союзъ съ высшимъ дворянствомъ. Должно было ожидать, что этотъ союзъ выведетъ на ложную и безчестную дорогу. Такъ и случилось; по крайней мѣрѣ заслуга парламента состояла въ томъ, что онъ съ негодованіемъ отвѣчалъ на предложеніе обратиться за защитою народнаго дѣла къ внѣшнимъ врагамъ правительства. Поставленный въ необходимость выбрать одно изъ двухъ, парламентъ рѣшился лучше примириться съ королемъ, чѣмъ заключить союзъ съ Испаніей. Король объявилъ, что созоветъ государственные чины, но это обѣщаніе было принято болѣе чѣмъ равнодушно третьимъ сословіемъ; ни городское, ни сельское населенія не приняли участія въ выборахъ, потому что не имѣли болѣе политической вѣры ни въ нихъ, ни въ самое собраніе, въ которомъ на одинъ ихъ голосъ было два голоса привилегированныхъ сословій и рѣшились лучше отдать судьбу свою въ руки магистратовъ.

Послѣдніе тотчасъ признали верховную власть парламента. Магистратъ парижскій со всѣми своими отдѣленіями принялъ на себя исполнительную власть и овладѣлъ Бастиліей.

Днемъ гордости для парижскаго населенія и парламента былъ тотъ день, въ который принцъ крови, Конти, пришелъ стать подъ ихъ знамена, чтобы защищать общее дѣло, въ который лучшіе генералы принесли присягу фрондѣ, а великолѣпныя, блистающія красотой и происхожденіемъ дамы поселились въ Hôtel de Ville, какъ заложницы вѣрности своихъ мужей. Но это было и днемъ ошибки. Парламентъ потерялъ свое собственное достоинство, когда приняли участіе въ фрондѣ интересы и духъ партіи мятежныхъ придворныхъ. Сенъ-жерменскій миръ заключилъ первую половину эпохи фронды, въ продолженіи которой побужденія ея клонились къ введенію постоянныхъ законовъ и къ уничтоженію личнаго произвола. Послѣднимъ актомъ ея уступлено парламенту право вмѣшательства въ государственныя дѣла, въ особенности относительно налоговъ и податей. Но это не принесло ожидаемыхъ плодовъ, а родило новые безпорядки, потому что парламентъ не имѣлъ силы привести въ иполненіе сдѣланныхъ ему уступокъ, и невольно обратился въ орудіе своихъ придворныхъ союзниковъ. Вопросы народные уступили мѣсто личнымъ интересамъ, патріотизмъ — узкому эгоизму. Знаменитые люди, какъ Тюреннь и Конде, играли своею честью, какъ и честью страны, мѣняя партіи и призывая чужеземныя войска во Францію. Это былъ трехлѣтній хаосъ страстей и мнѣній, окончившійся избитіемъ высшей буржуазіи людьми, подкупленными принцами. Принципъ неограниченной монархіи былъ возстановленъ и дѣло Ришелье, шатавшееся въ рукахъ Мазарини, могло теперь спокойно перейти въ руки короля. Со дня смерти Генриха IV до дня, въ который Лудовикъ XIV объявилъ, что будетъ царствовать безъ полномочнаго министра, прошло полвѣка. Въ это время политическое воспитаніе Франціи не подвинулось впередъ, но умственная жизнь сдѣлала огромные успѣхи. Ее руководили Декартъ, Корнель и Паскаль. Развитіе философіи, литературы и искуствъ имѣли непосредственное вліяніе на измѣненіе нравовъ. Образован-

ные люди, какого бы они ни были происхожденія, получили доступъ въ верхніе слои общества и перестали играть въ нихъ роль слугъ, покровительствуемыхъ вельможами. Предметы разговоровъ въ гостиныхъ стали болѣе серьознаго содержанія и такимъ образомъ явилось новое средство для распространенія мысли, столько же могущественное какъ и книги. Однимъ словомъ буржуазія получила и въ свѣтскомъ мірѣ такое же вліяніе какъ и въ правительственныхъ дѣлахъ. Изъ нея же вышли политическія волненія во времена фронды и движенія религіозныя, высказавшіяся въ янсенизмѣ. Послѣднее ученіе, поддерживаемое лучшими умами того времени, играетъ не маловажную роль въ исторіи третьяго сословія. Въ союзѣ съ парламентской опозиціей оно усиливало и поддерживало ее до половины XVIII столѣтія, пока, подкопанное философскимъ анализомъ, само не погибло въ революціи 1789 года.

Царствованіе Лудовика XIV есть послѣднее слово, послѣднее слѣдствіе долгихъ, систематическихъ усилій королевской монархіи—привести все къ единству власти и административныхъ формъ. Дѣло, начатое Лудовикомъ Святымъ и Филипомъ-Августомъ, было закончено и мы видѣли, какимъ путемъ оно шло и что пріобрѣтало въ каждомъ вѣкѣ, черпая изъ народа необходимые ему элементы. Такимъ образомъ выросъ принципъ неограниченной королевской власти, этотъ символъ французскаго единства, олицетвореніе государства въ лицѣ короля. Передъ нимъ падаетъ всякая индивидуальная свобода; подъ нимъ замираетъ средневѣковое преданіе, а съ нимъ и муниципальная независимость.

Такова была власть, принятая, послѣ 38-лѣтняго управленія двухъ министровъ, молодымъ королемъ, до того времени непринимавшимъ никакого участія въ дѣлахъ управленія. «Я рѣшился на будущее время быть своимъ первымъ министромъ, сказалъ король въ совѣтѣ.... Вы будете мнѣ содѣйствовать своими совѣтами, когда я обращусь къ вамъ за ними.... Я прошу господина канцлера и повелѣваю ему ничего не скрѣплять печатью безъ моего приказанія, а вамъ,

господа государственные секретари, и моему министру финансовъ я повелѣваю ничего не подписывать безъ моего разрѣшенія». Это значило работать и работать ежедневно. Король сдержалъ свое слово, и это, быть можетъ, самая лучшая черта его царствованія.

Лудовикъ XIV любилъ трудъ и желалъ изучить сложный механизмъ государственнаго управленія до мельчайшихъ подробностей, но ему недоставало ни воли, ни самостоятельнаго взгляда, ни энергіи, ни добросовѣстности. Принявъ разъ въ основаніе принципъ, что собственное его благополучіе и благоденствіе государства тождественны, онъ смѣшивалъ себя съ государствомъ (L'état c'est moi). Такимъ образомъ часто голосъ страстей своихъ онъ принималъ за голосъ долга; въ интересахъ своего семейства видѣлъ интересы страны, силы которой онъ приносилъ въ жертву своему безграничному честолюбію, страстной привязанности къ блеску, къ славѣ. Продолжительное его царствованіе представляетъ великолѣпную декорацію, за которой скрывается отвратительная бѣдность страны, насиліе и огромный долгъ, оставленный его потомкамъ. Поэтому царствованіе его представляетъ странные контрасты, непонятную игру иллюзій и мистификацій.

Первая половина дѣятельности Лудовика XIV отмѣчается именемъ Кольбера: онъ былъ душей внутренняго управленія, оживилъ его своимъ умомъ и замѣчательно-твердой волей. Какъ человѣкъ системы, и притомъ упорнаго характера, онъ шелъ до послѣдней крайности и въ своихъ ошибкахъ и въ полезныхъ предпріятіяхъ. Мы опускаемъ здѣсь подробную характеристику Кольбера, уже извѣстную на страницахъ «Русскаго Слова». (1860. Февраль).

Но смерть этого министра, подконецъ стѣснявшаго необузданный произволъ короля, и отмѣна нантскаго эдикта составляютъ поворотъ къ новой эпохѣ царствованія Лудовика XIV. Разумѣется, что эта эпоха тѣсно связана съ первой, но въ ней личная воля короля играетъ главную роль и прежнія ошибки обращаются въ злодѣянія. Фанатизмъ выступаетъ на сцену. Руководствуясь не религіознымъ воззрѣніемъ, а совѣтами ханжей и развратнаго двора, Лудовикъ

XIV открываетъ гоненіе противъ протестантовъ. Это были люди дѣятельные, честные, болѣе или менѣе образованные, промышленные и торговые ужъ потому, что служебныя мѣста имъ были менѣе доступны. Пока раздавался въ королевскомъ совѣтѣ голосъ Кольбера, защищавшаго терпимость, до тѣхъ поръ король отстаивалъ ихъ противъ католическаго духовенства. Но лишь только онъ почувствовалъ, что пересталъ быть руководимъ геніемъ Кольбера, тотчасъ же вздумалъ обратить отщепенцовъ въ лоно католичества, и какими мѣрами? — насиліемъ, окончившимся отмѣной свободы совѣсти и исповѣданій: 17 октября 1785 года есть одинъ изъ печальныхъ, черныхъ дней французской исторіи. Извѣстно, какой смертельный ударъ нанесла эта мѣра цивилизаціи и благоденствію страны: тысячи ремесленниковъ, изобрѣтателей, самыхъ полезныхъ и трезвыхъ, торговыхъ людей, моряковъ, капиталистовъ оставили Францію и унесли съ собой лучшую часть силъ въ чужія земли. И въ какое время это было сдѣлано? Послѣ почти вѣковой свободы и терпимости, которыя клятвенно подтвердили два предшествующіе короля, въ странѣ, гдѣ, казалось, прочно отдѣлено было дѣло церкви отъ дѣла государства. Религіозная свобода гугенотовъ и равенство ихъ гражданскихъ правъ съ католиками, были извѣстны только во Франціи. И въ ней же первой они такъ безумно были разрушены. На самовластный и безразсудный актъ короля историкъ смотритъ нетолько какъ на преступленіе противъ страны, но и какъ на громадную политическую ошибку. Оправданіемъ его не можетъ служить отсутствіе терпимости въ другихъ странахъ, потому что Франція нетолько признавала свободу совѣсти, но въ ней она существовала на дѣлѣ, какъ мы уже замѣтили, около вѣка. Нельзя защитить реакцію и съ католической точки зрѣнія; Ришелье и Мазарини умѣли бороться съ протестантской партіей слишкомъ тридцать лѣтъ, а король безъ сомнѣнія имѣлъ болѣе средствъ въ своемъ самодержавіи. Протестанты въ его время не составляли опасной партіи, католики не были настойчивѣе чѣмъ прежде, а король сдѣлался между тѣмъ безпощаднымъ гонителемъ и завѣщалъ Францію восемнадцатому вѣку съ цѣлымъ кодексомъ систематическаго преслѣдованія свободы совѣсти.

Такимъ образомъ царствованіе Лудовика XIV представляетъ апогею въ исторіи развитія монархіи. Власть его была поднята такъ высоко, что стала выше всякаго государственнаго принципа, разошлась съ его интересами и погубила страну на долгое время. Съ Лудовикомъ все измѣняется: народные интересы уступаютъ мѣсто личнымъ и семейнымъ выгодамъ, общественная польза обращается въ привилегію, сословія — въ касты и корпораціи.

Вотъ истинныя причины, объясняющія нарушеніе политическаго равновѣсія въ пользу французской гегемоніи, новое стремленіе ко всемірной монархіи, возобновленное послѣ попытокъ Карла V и Филиппа II, сумасбродныя предпріятія въ родѣ голландскихъ войнъ, интриги для полученія германской короны, покровительство Іакову II, принятіе испанскаго престола для принца, неотказавшагося отъ короны французской и проч. Тѣмъ не менѣе несостоятельность государственнаго принципа была очевидна. Когда царствованіе, начавшееся при такихъ счастливыхъ условіяхъ, обмануло общія ожиданія, когда увидѣли среди безплодныхъ побѣдъ все увеличивавшіяся народныя бѣдствія, когда государство было разорено, промышленость пала, торговля изсякла, когда народъ обратился въ толпу нищихъ, горькое отвращеніе замѣнило энтузіазмъ къ королю, и недовѣріе выразилось въ безчисленныхъ, язвительныхъ жалобахъ современниковъ (*). Разумѣется, что тогдашнее общество не сознавало всей глубины и свойствъ кризиса, не подозрѣвало, что это только прелюдія къ будущему; тѣмъ не менѣе рѣзкое различіе между двумя эпохами царствованія Лудовика XIV представляетъ окончательный результатъ исторически проведеннаго принципа. Далѣе онъ идти не могъ, потому что исчерпалъ все свое со-

(*) Фенелонъ въ письмахъ своихъ къ королю говоритъ: «народъ вашъ, котораго вы должны любить какъ отецъ и который до сихъ поръ любилъ васъ, умираетъ съ голоду. Земледѣліе оставлено; города и деревни обезлюдили; торговля уничтожена. Слѣдовательно вы уничтожили половину дѣйствительныхъ силъ вашего государства для призрачныхъ завоеваній. Самый народъ (надобно все высказать), такъ любившій васъ, такъ вѣрившій въ васъ, начинаетъ терять къ вамъ расположеніе, довѣріе, уваженіе даже. Всюду поднимается возмущеніе. Они думаютъ, что вы нисколько не сочувствуете ихъ бѣдствіямъ и любите только вашу власть и вашу славу.

держаніе. Но какъ моментъ смерти есть всегда моментъ новой жизни, то въ это же самое время родились другія, противуположныя стремленія, которыя болѣе или менѣе распространялись, охватили все общество, чтобы вести его къ другимъ, еще невѣдомымъ результатамъ.

Когда королевская власть во Франціи дошла до nec plus ultra своего абсолютизма, ей принесены были въ жертву всѣ древнія учрежденія, независимость сословій и мѣстностей, свобода провинцій и городовъ, могущество государственныхъ чиновъ и парламента и наконецъ всякое значеніе стиравшагося предъ ней народа. Она не оправдала надеждъ и ожиданій его и изъ цѣли обратилась въ средство для достиженія иныхъ результатовъ, стала звѣномъ, связывающимъ эпоху минувшую съ наступающей. Началась новая работа, цѣль которой уже не постройка новаго зданія изъ развалинъ стараго, не уничтоженіе также и народнаго единства, но закрѣпленіе его инымъ началомъ — личной, гражданской свободой. Это было дѣломъ того вѣка, начало котораго составляютъ послѣдніе годы царствованія Лудовика XIV, а ближайшимъ осуществленіемъ было соединеніе всѣхъ сословій въ одно цѣлое въ верховномъ собраніи народныхъ представителей. На этой точкѣ останавливается исторія развитія третьяго сословія. Оно шло, какъ мы видѣли, рука объ руку съ монархической властью до тѣхъ поръ, пока эта власть не отдѣлилась окончательно отъ народной жизни. Тогда третье сословіе, замкнувшись въ касту, потеряло связь съ другими сословіями и, по закону вр ждебныхъ полити ческихъ силъ, подконецъ явилось притѣснителемъ того же самаго народа, изъ среды котораго вышло. Собраніе государственныхъ чиновъ, окончившееся революціей 1789 года, поглотило въ себѣ частные интересы третьяго сословія, потому что принципами этого собранія является раціональное право. Историческія преданія были отодвинуты на второй планъ; выводы логическіе отнимали всякое достоинство у историческихъ и подкапывали уваженіе къ нимъ. Быть можетъ, это была ошибка, но тѣмъ

не менѣе она увлекла всѣхъ и все. Да и что было беречь изъ принятаго наслѣдства? Всякое право носило на себѣ печать привилегіи; соединеніе всѣхъ ихъ въ настоящей гражданской свободѣ могло быть предметомъ желаній двухъ первыхъ сословій, но не третьяго. Понятно, что послѣднее отказалось отъ прошедшаго и всего ожидало отъ будущаго. И это движеніе, въ критическую эпоху общаго разгрома, еще не имѣло характера ревнивыхъ стремленій къ выгодамъ исключительнымъ; третье сословіе, увидѣвъ себя однимъ передъ лицемъ страшной реформы, опять обратилось къ классамъ, осужденнымъ на вѣчную работу, для доставленія благосостоянія нѣсколькимъ, избраннымъ. Мы встрѣчаемъ даже между дворянствомъ и духовенствомъ личности, стоящія за этотъ несчастный народъ и за его освобожденіе и въ ихъ стремленіяхъ видны уже зачатки новаго соціальнаго порядка и характеръ будущаго переворота. Даже при дворѣ короля, вокругъ его внука, мы встрѣчаемъ людей, проникнутыхъ симпатіей къ народнымъ страданіямъ. Король былъ одинъ среди націи, ему подвластной; онъ далеко не былъ выраженіемъ государства. Онъ готовъ былъ снова возвратиться къ феодальному преданію, чтобъ найдти въ немъ опору; но, къ счастію, исторія не привыкла ни повторять себя, ни отступать назадъ, вмѣсто того, чтобы двигаться впередъ.

Съ смертью дофина погибла и послѣдняя надежда на новое и лучшее царствованіе. Лудовику XIV не были извѣстны планы сына. Онъ радовался талантамъ и прекраснымъ душевнымъ свойствамъ принца, а объ остальномъ онъ не заботился столько же по безпечности, сколько и по деспотизму. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ безукоризненность началъ, завѣщанныхъ ему предками и въ ихъ могущество. Среди праздниковъ онъ по-своему все сравнивалъ и открывалъ новыя стези произволу верховной власти.

По смерти Лудовика XIV, повидимому, отдѣльныя сословія должны были сблизиться и слиться въ одномъ политическомъ ничтожествѣ; но какъ скоро монархія отпустила немного свои бразды, третье сословіе возвысилось. Муниципальное право уцѣлѣло почти нетронутымъ: правда, къ нему былъ приставленъ самый бдительный надзоръ королев-

скихъ чиновниковъ, но свободный принципъ его, основанный на избранiи, остался неприкосновеннымъ. Въ такомъ видѣ муниципальное право сохранилось до Лудовика XIV. Онъ первый нанесъ ему чувствительный ударъ, захвативъ въ свои руки магистратуру, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, обративъ ихъ должности въ наслѣдственныя и продажныя тѣмъ частнымъ лицамъ, которые могли дать дороже. И это распоряженiе, подобно другимъ, было вызвано финансовой эксплуатацiей со стороны королевской власти. Поэтому городское управленiе представляло странное смѣшенiе и несообразныя противуположности. Многiе города, которые были въ состоянiи выкупить свои преимущества, удержали право выборовъ, другiе имѣли управленiе наслѣдственное, въ третьихъ одни должности были избирательныя, другiя наслѣдственныя. Эти безпорядки и противорѣчiя были вопiющимъ протестомъ противъ правительственнаго произвола. Въ 1716 г. регентъ, управлявшiй страною во имя малолѣтняго Лудовика XV, возстановилъ всѣ муниципальныя права и городское управленiе въ томъ видѣ, въ какомъ они находились до 1690, не обращая вниманiя, были ли они выкуплены или нѣтъ. Мѣра эта, какъ бы оправдывавшая общiя жалобы на сдѣланную городамъ несправедливость, казалось, упрочивала ихъ свободу на будущее время. Но это была только иллюзiя. Правительство не забыло, что его финансовая операцiя удалась вполнѣ, что города охотно выкупали свои дорогiя права и не поднимали знамя возстанiя. А потому, не болѣе какъ черезъ шесть лѣтъ по возвращенiи городамъ ихъ свободы, ее снова у нихъ отняли. Новый королевскiй указъ говорилъ: «Необходимость заботиться о правильномъ взносѣ недоимокъ и о потушенiи государственнаго долга вынуждаетъ насъ прiискать для того приличныя мѣры и мы находимъ самое вѣрное и менѣе тяжелое для народа средство въ возстановленiи различныхъ должностей, упраздненныхъ при нашемъ вступленiи на престолъ». По крайней мѣрѣ правительство было на этотъ разъ чистосердечно, говорило прямо, что это чисто финансовая спекуляцiя. Тѣмъ не менѣе опредѣлена была на будущее время судьба этихъ конфискацiй: онѣ стали послѣднимъ средствомъ до-

быть деньги въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Продажа должностей и возвращеніе ихъ сдѣлались какъ бы игрушкой правительства, которое стращало введеніемъ наслѣдственныхъ должностей и брало выкупъ, вводило ихъ, несмотря на свои обѣщанія о ихъ неприкосновенности и все-таки брало деньги, наконецъ давало свободу и снова продавало ее. До самой революціи не проходило и шестнадцати лѣтъ, чтобы съ городовъ не брали выкупа за свободу. Всѣ выборы производились, имѣя уже купленные у правительства бланки на занятіе каждой должности. Древнее муниципальное право, какъ ни дорожили имъ города, перестало быть живой струей, изъ которой выходило развитіе третьяго сословія и всего народа.

Съ древнихъ временъ оно было колыбелью политическаго значенія нисшихъ сословій, но въ настоящую эпоху роль его кончилась, значеніе было утрачено. Всѣ усилія городовъ выкупать свое право цѣною огромныхъ пожертвованій не приносили никакой видимой пользы, и жалобы, раздававшіяся противъ нарушенія муниципальной свободы, показывали оскорбленное чувство гражданъ и ихъ любовь къ городскимъ льготамъ, считавшимся народной святыней.

Но если муниципальное право не могло оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ему Лудовикомъ XIV, то этого не могло случиться съ великимъ судебнымъ учрежденіемъ, въ которомъ наиболѣе выразился духъ третьяго сословія. Парламентъ, рѣзко остановленный королемъ, когда онъ заявилъ политическія требованія, поддался только на-время и послѣ смерти короля возсталъ еще съ большей противъ прежняго энергіей. Могущество свое черпалъ онъ какъ изъ преданій своей исторической жизни, такъ и изъ стремленій демократическихъ. На основаніи первыхъ онъ поддерживалъ свои корпоративные и семейные интересы вслѣдствіе наслѣдственности должностей; на основаніи вторыхъ онъ не переставалъ выказывать симпатію къ сословію, изъ котораго вышелъ. Послѣднимъ объясняется любовь къ нему народа за его служеніе общему дѣлу, гражданскому равенству и національной независимости. Онъ присвоилъ себѣ мало-по-малу право считать себя народнымъ покровителемъ и защит-

никомъ, посредникомъ между королемъ и страною, между престоломъ и церковью, хранителемъ законовъ. Его стремленія, сдержанныя министерствомъ Ришелье, еще рѣзче и шире выказались, какъ мы видѣли, во времена фронды. Объявивъ вначалѣ свое мнѣніе, что оно въ маломъ видѣ есть постоянное собраніе государственныхъ чиновъ, когда послѣднее потеряло довѣріе народа, онъ сталъ считать себя выше собранія, какъ намъ ни покажется парадоксальнымъ съ виду такое стремленіе.

Смуты во время молодости Лудовика XIV, сдѣлавшія на него неизгладимое впечатлѣніе, возбудили въ немъ ненависть къ парламенту за его опозицію. Въ 1655 году, когда ему было не болѣе семнадцати лѣтъ, и когда онъ не принималъ еще правленія въ свои руки, онъ узналъ въ Венсенѣ о преніяхъ въ парламентѣ по случаю его указа о монетѣ. Министръ предполагалъ, что такъ какъ учрежденъ особенный совѣтъ о монетномъ дѣлѣ, то королевскій указъ не подлежитъ обсужденію парламента. Лудовикъ сѣлъ на коня, прибылъ въ Парижъ, вошелъ въ сапогахъ и съ хлыстомъ въ рукахъ въ собраніе и обратился къ президенту такъ: «Всѣмъ извѣстны бѣдствія, причина которыхъ ваши засѣданія; я повелѣваю прекратить тѣ, которыя начались по случаю моихъ указовъ. Господинъ президентъ, я запрещаю ихъ, а вамъ, сказалъ онъ, обратившись къ совѣтникамъ, я запрещаю требовать ихъ». Поступокъ этотъ въ высшей степени характеризуетъ короля. Когда онъ принялъ въ свои руки власть, то на парламентъ тотчасъ посыпались удары, если не такіе рѣзкіе и суровые, то болѣе положительные и прочные. Прежде всего Лудовикъ перемѣнилъ его названіе «верховнаго совѣта» на «высшій совѣтъ», потомъ отнялъ у него право дѣлать представленія прежде внесенія въ журналъ. Это значило отнять у него всякую политическую роль и обратить его просто въ высшее судебное учрежденіе. Парламентъ протестовалъ:—это былъ послѣдній крикъ умиравшей свободы. Въ продолженіи остальныхъ сорока двухъ лѣтъ царствованія не было и тѣни опозиціи парламента; всѣ указы вносились въ журналы безусловно, а слѣдовательно и приводились въ исполненіе безотлагательно и

безъ всякихъ преній. Но это молчаніе не означало политической смерти парламента: на другой день по смерти короля онъ схватилъ свое прежнее значеніе и добылъ потерянную свободу. Онъ уничтожилъ завѣщаніе короля, какъ семьдесятъ лѣтъ назадъ уничтожилъ завѣщаніе его отца, принялъ снова и сохранилъ съ тѣхъ поръ свое почетное названіе верховнаго совѣта, которое, казалось, давало ему право участвовать въ дѣлахъ королевской власти. Вмѣшательство его въ государственныя дѣла никогда не было такъ часто и опозиція такъ упорна. Могущество его, основанное на сочувствіи къ нему общественнаго мнѣнія, усиливалось по мѣрѣ того, какъ королевская власть слабѣла. Парламентъ остался единственнымъ уцѣлѣвшимъ съ древнихъ временъ учрежденіемъ. Онъ не потерялъ ни силы, ни народной любви и составлялъ естественное законное звено, связывавшее эпоху неограниченной монархіи съ эпохою собраній государственныхъ чиновъ, призванныхъ имъ въ послѣдній разъ предъ открытіемъ революціи, въ которой самъ онъ распустился.

Изъ представленнаго очерка исторической судьбы третьяго сословія до такъ-называемой первой французской революціи можно видѣть, что главныя основы и фазы развитія его заключаются въ слѣдующемъ: третье сословіе выросло изъ сѣмянъ германскаго происхожденія, развившихся на почвѣ римской; прежде оно составляло весь народъ, за исключеніемъ привилегированныхъ сословій; въ борьбѣ съ феодальными учрежденіями оно искало опоры въ королевской власти и болѣе всего способствовало развитію ея въ новѣйшую монархію; оно почти постоянно шло въ тѣсномъ союзѣ съ ней, потому что въ ней одной видѣло возможность достигнуть до исполненія самыхъ пламенныхъ своихъ стремленій. Стремленія эти заключались: въ общемъ единствѣ или равенствѣ гражданскихъ правъ, для полученія котораго оно жертвуетъ даже личной политической свободой, въ единствѣ административномъ, стиравшемъ всѣ мѣстныя областныя отличія, въ единствѣ религіозномъ, и наконецъ въ политической независимости какъ церкви, такъ и государства; однимъ

словомъ, во всемъ томъ, что разумѣется въ настоящее время подъ именемъ централизацiи Олицетворенiе этихъ стремленiй, осуществленiе шестивѣковой работы происходитъ въ царствованiе Людовика XIV.

И вдругъ все это рушится: цѣль народной жизни и общественныхъ стремленiй оказывается несостоятельной; найденная форма не имѣетъ содержанiя, задача далеко не разрѣшена, вѣрованiя подкопаны и убиты. Что же это было? Историческiй капризъ, неимѣвшiй повидимому никакого рацiональнаго основанiя? Шестивѣковая историческая ошибка народа? Ни то, ни другое, это была общая и непремѣнная судьба народа, который строилъ свое зданiе сверху, не положивъ подъ него твердаго основанiя, И народъ, къ сожалѣнiю поздно, увидѣлъ, что дальнѣйшая судьба его вовсе не связана такъ тѣсно съ его политическими вѣрованiями, какъ онъ воображалъ. И какъ всегда бываетъ, онъ ударился въ противоположную крайность—онъ отрицалъ совершенно тотъ принципъ, надъ которымъ самъ же работалъ нѣсколько вѣковъ; онъ положилъ другой въ основу своего будущаго развитiя, наполнившiй собой всѣ послѣдующiя стремленiя къ общественному пересозданiю; это принципъ самоуправленiя въ обширномъ значенiи этого слова. И эти крайнiя убѣжденiя, послѣднее слово всякой исторической жизни, несмотря на свою непримѣнимость, понятны, объясняются логически, особенно, если принять во вниманiе характеръ самаго народа. Но почему же новымъ идеямъ тотчасъ же не занять должнаго имъ мѣста въ политическомъ устройствѣ общества? что мѣшаетъ, или что можетъ мѣшать ихъ осуществленiю? Неужели не покончена еще борьба съ феодальными предразсудками. Вотъ тутъ-то и встрѣчаемся мы лицемъ къ лицу съ тѣми ошибочными, эгоистическими стремленiями третьяго сословiя, исказившими главный характеръ его, бывшiй единственной причиной его успѣховъ, значенiя, могущества, власти. Эта ошибка есть разъединенiе третьяго сословiя, распаденiе его на касты, которыя заняли такое же положенiе въ обществѣ, какъ касты феодальнаго перiода. Если окончательно было убито, уничтожено древнее французское дворянство, съ его исключительными политическими пра-

вами, то на его развалинахъ выросло дворянство третьяго сословія, такъ-называемая буржуазія, и, занявъ его мѣсто, приняла его недостатки и страстное желаніе исключительной власти. Если она не усвоила отъ него той же замкнутости, недоступности въ свой кругъ, если удержала прежнюю отличительную черту свою,—допущеніе въ ряды свои всѣхъ, успѣвшихъ пріобрѣсть свободу и власть, то тѣмъ не менѣе свобода и власть получались не на прежнемъ основаніи: значеніе, права, власть покупались за деньги; прежнее стремленіе всего народа къ участію въ общественныхъ дѣлахъ исказилось, явились стѣсненія экономическія, ценсъ, явилось завистливое желаніе людей капитала и административнаго значенія удержать власть исключительно за собой. Вопросъ гражданскій обратился въ экономическій и соціальный.

П. БИБИКОВЪ.

Элегія.

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишнія мечты:
Мои жестокія страданья,
Мою любовь узнала ты!

Себя напрасно я тревожилъ:
За страсть вполнѣ я награжденъ;
Я вновь для счастья сердцемъ ожилъ;
Исчезла грусть, какъ смутный сонъ.

Такъ, окропленъ росой отрадной,
Въ тотъ часъ, когда горитъ востокъ,
Вновь воскресаетъ ночью хладной
Полузавялый василекъ.

К. Р—ВЪ.

ДѢДЫ. (*)

ПОЭМА А. МИЦКЕВИЧА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Jch hob alle mürbe Leichenschleier auf, die in Särgen lagen—ich entfernte den erhabenen Trost der Ergebung, bloss um mir immerfort zu sagen: «ach! so war es ja nicht!—Tausend Freuden sind auf ewig nachgeworfen in Grüfte und stehest allein hier und überrechnest sie!» Dürftiger! Dürftiger! schlage nicht das ganze zerrissene Buch der Vergangenheit auf!.... Bist du noch nicht traurig genug?

Jean Paul.

Жилище священника. Накрытый столъ. Только-что оконченъ ужинъ. — Священникъ. Пустынникъ. Дѣти. — Двѣ свѣчи на столѣ. Лампада передъ образомъ Пресвятой Дѣвы. Стѣнные часы.

Священникъ.

Нашъ ужинъ оконченъ ужъ, дѣти.
Теперь, передъ ликомъ святымъ,
За хлѣбъ нашъ насущный на свѣтѣ
Молитвой Творцу воздадимъ.
Сегодня въ церквахъ возсылаютъ моленья
За души усопшихъ отцовъ и друзей,
Которые — съ жизнью разставшись своей —
Въ чистилищѣ терпятъ мученья.

(*) Вторая часть этой поэмы была напечатана въ Русскомъ Словѣ, 1860 г., № 10.

(раскрывая книгу)

Вотъ здѣсь поученье, приличное намъ;
За братій помолимся Богу.

Дѣти *(читаютъ)*

Во время.......

Священникъ.

Стучатся! кто тамъ?
(входитъ пустынникъ, странно одѣтый)

Дѣти.

О, Господи!

Священникъ.

Кто тамъ стоитъ у порогу?
(съ замѣшательствомъ)
Кто ты? и зачѣмъ ты явился сюда?

Дѣти.

Мертвецъ это! упырь!..... бѣда!
Во имя Отца, пропади, удалися!

Священникъ.

Но кто ты, скажи наконецъ!

Пустынникъ *(медленно и печально)*

Мертвецъ я..... да, дѣти! вы правы: мертвецъ.

Дѣти.

Ахъ, папа! мертвецъ тебя съѣстъ! берегися!

Пустынникъ.

Я умеръ..... о нѣтъ!
Я только умершій для свѣта:
Я бѣдный пустынникъ, покинувшій свѣтъ.....
Понятно вамъ это?

Священникъ.

Откуда идешь ты ночною порой,
И кто ты такой?
Открой свое имя, скажи же......
И странно: когда посмотрю я поближе, —
Мнѣ кажется, будто тебя я видалъ.
Скажи, изъ какого ты дома и рода?

Пустынникъ.

О да! я бывалъ здѣсь, когда-то бывалъ!
Давно..... передъ смертью.....тому ужъ три года.....
На что тебѣ имя и родъ?
Видалъ ты, какъ нищій за гробомъ идетъ;
«Кто умеръ?» у нищаго спроситъ прохожій......
(голосомъ нищаго)
«Что въ имени? лучше молитву прочти!»
Для свѣта вѣдь умеръ я тоже:
Что въ имени? лучше молитву прочти!
А имя..... *(смотритъ на часы)*
Нѣтъ, рано..... открыть не могу я.
Теперь издалека иду я,
Откуда—и самъ не могу я сказать:
Быть можетъ—изъ ада, быть можетъ—изъ раю,
А путь мой—туда же, къ тому же все краю.....
Не можешь ли ты этотъ путь указать?

Священникъ *(съ добродушной улыбкой)*

Но мнѣ неприлично, служителю Бога,
Показывать къ смерти пути;
(съ твердостью)
Мы только блуждающихъ ложной дорогой
Желаемъ на истинный путь навести.

Пустынникъ *(печально)*

Иные блуждаютъ весь вѣкъ безпріютно,
А ты здѣсь живешь въ своей хатѣ уютной;
И что тамъ на свѣтѣ — гроза ли войны,
Придутъ ли на царства невзгоды,
Влюбленный ли гибнетъ, иль стонутъ народы, —
Ни что не нарушитъ твоей тишины.
Сидишь ты съ дѣтьми у камина безпечно;
А я въ непогоду, во мракѣ ночномъ,
Брожу безъ пристанища вѣчно.....
Чу! слышишь ты бурю и громъ?
И молнія—видишь—блеститъ поминутно!
(оглядываясь)
О! счастливъ ты здѣсь, въ своей хатѣ уютной!

(*поетъ*)

«Кто любви не знаетъ, тотъ живетъ счастливо: (*)
«Дни его спокойны, ночи не тоскливы,
«Въ мирномъ уголкѣ.

—

«Ко мнѣ, другъ желанный, изъ пышной палаты (**)
«Въ убогую хату сойди.
«Цвѣты полевые найдешь у меня ты
«И пылкое сердце въ груди.

—

«Насъ птички привѣтствуютъ пѣсней живою,
«Журчитъ серебристый потокъ;
«Два любящихъ сердца подъ хатой простою
«Пріютный найдутъ уголокъ.»

Священникъ.

Когда ты такъ хвалишь мой домъ и каминъ,
Взгляни—вотъ служанка огонь разложила:
Садись и погрѣйся, мой сынъ.
Ночная дорога тебя утомила, —
Ты здѣсь у огня отдохнешь.

Пустынникъ.

Погрѣйся..... да, правда! совѣтъ твой хорошъ.
(*поетъ, показывая на грудь*)
«О, какой здѣсь жаръ ужасный
«Въ зимній холодъ, въ день ненастный
«Все пылаетъ ежечасно!
«Я хватаю снѣгу, льду
«И на грудь себѣ кладу:
«Снѣгъ растаетъ, ледъ растаетъ,
«А въ груди несносный жаръ
«Все попрежнему пылаетъ,
«Изъ груди клубится паръ!
«Растопилъ бы этотъ пламень
«И металлъ, и твердый камень.
«Онъ сильнѣй того огня, (*показываетъ на каминъ*)
«Онъ сильнѣе жжетъ меня.....

(*) Народная пѣсня.
(**) Изъ Шиллера.

«Снѣгъ растаетъ, ледъ растаетъ,
«Изъ груди клубится паръ,
«А въ груди все жаръ пылаетъ!

Священникъ *(въ сторону)*

Меня онъ не слышитъ, онъ все о своемъ.
(пустыннику)
Однакожъ ты страшно измокъ подъ дождемъ,
Какъ листъ ты трясешься, озябшій, усталый:
Ктобъ ни былъ,—навѣрно, прошелъ ты не мало.

Пустынникъ.

Кто я?..... еще рано..... пора не настала......
Откуда иду я,—не знаю я самъ:
Быть можетъ—изъ ада, быть можетъ—изъ раю,
А путь мой—туда же, къ тому же все краю......
Послушай, какой я совѣтъ тебѣ дамъ.

Священникъ *(въ сторону)*

Что дѣлать съ нимъ, право не знаю.

Пустынникъ.

Послушай, скажи мнѣ—какимъ бы путемъ
Скорѣе добраться къ могилѣ?

Священникъ.

Я все бы радъ сдѣлать, что въ силѣ,
Но въ вѣкѣ цвѣтущемъ твоемъ
Путь длиненъ и длиненъ къ могилѣ.

Пустынникъ *(въ помѣшательствѣ и грустно, про себя)*

Ахъ, быстро прошелъ я тѣмъ длиннымъ путемъ!

Священникъ.

Зачѣмъ ты такой утомленный, унылый.
Тебѣ закусить принесу я сейчасъ,
Садись, подкрѣпи свои силы.

Пустынникъ *(въ помѣшательствѣ)*

А послѣ пойдемъ до могилы?

Священникъ *(съ улыбкой)*

Но надобно взять на дорогу запасъ,
Не правда ли?

Пустынникъ (*разсѣянно*)

Правда.

Священникъ.

Ну, дѣти, смотрите:
Пойду я,—здѣсь странникъ у насъ,—
Его разговоромъ займите. (*уходитъ*)

Дитя (*осматривая пустынника*)

Скажи намъ, зачѣмъ ты такъ странно одѣтъ?
Какъ будто страшилище, будто бродяга:
Изъ разныхъ лоскутьевъ сермяга,
Заплатки, заплатки, и счету имъ нѣтъ,
Кругомъ головы все трава и листочки......
(*замѣчаетъ кинжалъ; пустынникъ прячетъ его*)
Зачѣмъ у тебя этотъ ножъ?
И четки, и лентъ разноцвѣтныхъ кусочки......
Ну, право, на призракъ ты очень похожъ.
(*дѣти хохочутъ*)

Пустынникъ (*вскакиваетъ, и какъ бы припоминая*)

Грѣшно вамъ смѣяться надъ страждущимъ, дѣти!
Послушайте: зналъ одну женщину я;
Ей выпало то же несчастье на свѣтѣ,
Такая жъ судьба, какъ моя,
Лохмотья и листья такіе жъ какъ эти;
Когда по селу она шла, торопясь,
Навстрѣчу ей всѣ выбѣгали,
Дразнили ее и кричали,
И пальцемъ указывалъ каждый, смѣясь.
Я разъ только, разъ подшутилъ надъ убогой......
Кто знаетъ..... быть можетъ, за это одно......
О, праведенъ судъ всемогущаго Бога!
И могъ ли я думать, что мнѣ суждено
Въ такія жъ одѣться заплаты!
А былъ я такъ счастливъ, такъ счастливъ
когда-то!
(*поетъ*)
«Кто любви не знаетъ, тотъ живетъ счастливо:
«Дни его спокойны, ночи не тоскливы.
(*священникъ приноситъ кушанье и вино*)

Пустынникъ (*съ притворной веселостью*)

А любишь ты грустныя пѣсни подъ-часъ?

Священникъ.

Случалось мнѣ слышать ихъ много.
Но что жъ! не теряй лишь надежды на Бога, —
За горемъ пошлетъ онъ и радость для насъ.

Пустынникъ (*поетъ*)

«Трудно къ ней пріѣхать, (*)
«Тяжело уѣхать.
Вотъ пѣсня простая, но смыслъ въ ней хорошъ.

Священникъ.

Теперь не до пѣсенъ,—закусимъ скорѣе.

Пустынникъ.

Да, пѣсня простая! въ романахъ найдешь
И лучше ея и нѣжнѣе.
(*съ улыбкой, перебирая книги въ шкафѣ*)
Отецъ мой, ты жизнь Элоизы читалъ?
Слыхалъ ты, какъ Вертеръ любилъ и страдалъ?
(*поетъ*)
«Столько слезъ и мученья (**)
«Здѣсь испытано мной,
«Что я жду утѣшенья
«Лишь отъ смерти одной.

—

«Если робкой любовью
«Я тебя оскорбилъ,
«Я бы собственной кровью
«Ту обиду омылъ! (*обнажаетъ кинжалъ*)

Священникъ (*удерживая его*)

Опомнись! что хочешь ты дѣлать, мой другъ!
Схватите! кинжалъ отнимите изъ рукъ!....
Несчастный! безумною страстью
Твой умъ омраченъ!
Вѣдь ты христіанинъ,—ты знаешь законъ?

(*) Народная пѣсня.
(**) Изъ Гёте.

Пустынникъ.

Ты знаешь несчастье?
(прячетъ кинжалъ)
Но такъ! роковая пора на землѣ
Еще не совсѣмъ для меня наступила:
(смотритъ на часы)
Сейчасъ только девять пробило
И три еще свѣчки горятъ на столѣ.
(поетъ)
«Столько слезъ и мученья
«Здѣсь испытано мной,
«Что я жду утѣшенья
«Лишь отъ смерти одной.

—

«Если робкой любовью
«Я тебя оскорбилъ,
«Я бы собственной кровью
«Ту обиду омылъ.

—

«И зачѣмъ такъ прекрасна,
«Такъ мила ты собой!
«И зачѣмъ взоръ твой ясный
«Повстрѣчался со мной!

—

«Лишь *тебя*, другъ сердечный,
«Я избралъ..... но съ другимъ
«Въ свѣтѣ скована вѣчно
«Ты кольцомъ роковымъ!

—

Читалъ ли ты Гёте?.... Какъ пѣла она
Тѣ пѣсни подъ звукъ фортепьяно!
Но ты..... лишь обѣтамъ священнаго сана
Вся дума твоя отдана; *(перебирая книги)*
Однакожъ ты свѣтскія любишь творенья.....
(бросаетъ книгу)
Ахъ, это злодѣйскія книги! онѣ,
Онѣ, моей юности рай и мученье,
Свихнули мнѣ крылья, свихнули ихъ мнѣ......
И я,—я не могъ ужъ спуститься мечтою

Къ юдоли земной съ высоты;
Безумецъ,—влюбился я пылкой душою
Въ созданье своей же мечты,
И я отвернулся съ досадой тревожной
Отъ жалкихъ творенiй природы ничтожной,
Отъ всѣхъ этихъ дрязговъ земной суеты.
Безумное сердце искало созданья,
Какого не сыщешь на лонѣ земли,
Какое въ заоблачномъ мiрѣ мечтанья
Создать только пылкiя грезы могли
Со всей полнотой обаянья.
Но въ вѣкъ нашъ холодный, пустой
Исчезли давно идеалы земные, —
И я настоящее презрѣлъ душой
И думой унесся въ вѣка золотые,
Въ мечтательномъ небѣ поэтовъ виталъ........
Напрасно! и тамъ не видалъ
Я цѣли кипучихъ надеждъ и стремленiй.....
И я ужъ готовъ былъ упасть,
Готовъ былъ предаться во власть
Порочныхъ земныхъ наслажденiй.....
Еще разъ взглянулъ я съ тоскою вокругъ,
И что же увидѣлъ я вдругъ?
Увидѣлъ *ее* предъ собою,
Увидѣлъ ее.... чтобъ утратить опять!

Священникъ.

Несчастный! мнѣ жаль тебя всею душою!
Но впрочемъ не надо надежды терять.....
Скажи мнѣ, давно ли ты болѣнъ?

Пустынникъ.

Я болѣнъ?!

Священникъ.

Давно-ли ее потерялъ?

Пустынникъ.

Давно ли?..... но слово я далъ, —
Сказать я не воленъ;
Пусть скажетъ тебѣ кто иной.....
Да! здѣсь мой товарищъ со мной,
Такой же скиталецъ, какъ я, безпрiютный.

(*осматривается*)

Здѣсь такъ хорошо, такъ уютно,
А тамъ непогода и вѣтеръ ночной.
Мой бѣдный товарищъ теперь у порога,
Навѣрно, прозябъ и промокъ, —
Насъ гонитъ обоихъ безжалостный рокъ.....
Отецъ мой, прими его ради Бога.

Священникъ.

Мой домъ для убогихъ отворенъ всегда.

Пустынникъ.

Постой же, его приведу я сюда. (*уходитъ*)

Дитя.

Какой онъ забавный: хлопочетъ и бьется,
Толкуетъ, — Богъ знаетъ о чемъ;
Въ какомъ онъ нарядѣ смѣшномъ!

Священникъ.

Дитя, кто надъ бѣднымъ смѣется,
Тотъ самъ будетъ плакать потомъ.
Онъболѣнъ, несчастный; оставь свои шутки.

Дѣти.

Онъ болѣнъ! а съ виду совсѣмъ не больной.

Священникъ.

Онъ тѣломъ здоровъ, но страдаетъ душой.

Пустынникъ (*таща вѣтвь ели*)

Иди сюда, братъ!

Священникъ (*дѣтямъ*)

Онъ не въ полномъ разсудкѣ.

Пустынникъ (*обращаясь къ ели*)

Хозяинъ здѣсь добрый, — не бойся, иди!

Дѣти.

Ахъ, что это? папа, гляди:
Онъ точно разбойникъ — съ дубиной предлинной.

Пустынникъ (*священнику, показывая вѣтвь*)

Пустынникъ товарища можетъ найти
Лишь въ дебри пустынной.....
Не правда ли, — много есть страннаго въ немъ?

Священникъ.

Но въ комъ же?

Пустынникъ.

Да въ другѣ моемъ.

Священникъ.

Какъ? въ этой дубинѣ?

Пустынникъ.

Да, онъ неуклюжъ: онъ воспитанъ въ пустынѣ.....
Ну, кланяйся! *(подымаетъ вѣтвь)*

Дѣти.

Что ты! губитель, злодѣй!
Ахъ, папа! убьетъ онъ, — бѣги поскорѣй!

Пустынникъ.

Да, правда, о дѣти! онъ страшный губитель,
Но губитъ онъ только себя самого.

Священникъ.

Опомнись! къ чему эта ель, для чего?

Пустынникъ.

Ель!!.... гдѣ же?.... о, мудрый учитель!
Ужели не можешь узнать ты? вглядись:
Вѣдь это не ель, — кипарисъ.
То памятникъ нашей разлуки унылой,
Эмблема всей жизни моей.
(беретъ книгу)
Возьми эту книгу, и въ ней
Прочтешь ты, что въ древности было:
Два дерева Грекъ обожалъ;
Любовникъ, счастливый любовью отвѣтной,
Чело свое миртомъ вѣнчалъ.....
(помолчавъ)
А вотъ кипарисъ мой завѣтный!
Онъ сорванъ мнѣ ею и поданъ мнѣ ей,
Какъ памятникъ нашей печальной разлуки;
Я взялъ его, спряталъ, на память о ней.

Безчувственъ, но лучше лукавыхъ людей:
Его не смѣшатъ мои слезы и муки,
Одинъ онъ остался отъ многихъ друзей!
Всѣ тайны мои, и любовь, и утрата
Извѣстны ему,—я открылся во всемъ.
И если ты хочешь развѣдать о томъ, —
Спроси его, этого друга и брата,
Спроси его, — я васъ оставлю вдвоемъ.

(*обращаясь къ вѣтви*)

Скажи, какъ давно я лишился покоя, —
Давно ужъ, а все же забыть я не могъ.
Когда кипарисъ этотъ взялъ отъ нея я,
Онъ былъ лишь ничтожный — такой вотъ — листокъ;
Я взялъ, и его посадилъ я въ песокъ,
Его поливалъ я слезами моими, —
И вотъ, посмотри,—какъ онъ выросъ подъ ними,
Какъ густъ и высокъ!
Когда же мое прекратится мученье, —
Я скроюсь отъ грознаго неба очей
Въ могилѣ подъ тихою тѣнью
Моихъ кипарисныхъ вѣтвей....

(*съ грустной улыбкой*)

Ахъ, точно такія же кудри у ней.....
Не хочешь ли видѣть? сейчасъ покажу я.

(*ищетъ за пазухой*)

Но только никакъ не могу я
Завязку—вотъ тутъ—отстегнуть.

(*все больше и больше стараясь*)

Нѣжна та завязка.....то локонъ дѣвицы......
Но только его положилъ я на грудь, —
Меня обхватилъ онъ, какъ сѣть власяницы,
И въ грудь мнѣ вонзился и въ тѣло проникъ......
Все глубже и глубже.....стѣсняетъ дыханье......
Охъ, тяжко страданье!
То правда и грѣхъ мой великъ!

Священникъ.

Мой сынъ, успокойся, прими утѣшенье!
Хоть, можетъ, велики твои прегрѣшенья;
Но вѣрь, за страданія здѣшнія—тамъ
Господь правосудный воздастъ по дѣламъ.

Пустынникъ.

Но въ чемъ же, скажите, мои преступленья?
Любовь? но ужели она
Достойна тяжелыхъ мученій на вѣки?
И эта святая любовь въ человѣкѣ
Вѣдь тѣмъ же Творцомъ зажжена,
Кѣмъ прелесть земная на свѣтъ создана.
Нетлѣнною цѣпью влеченья
Онъ души родныя на вѣки сковалъ,
И прежде, чѣмъ къ жизни воззвалъ онъ творенья,
Онъ ихъ межъ собою связалъ.
Когда разлучаетъ насъ злая судьбина, —
Растянется цѣпь, но не рушится связь;
Сердца наши, тщетно другъ къ другу стремясь,
Хоть слиться не могутъ никакъ во-едино,
Но скованы цѣпью одною вдвоемъ —
Вращаются вѣчно единымъ путемъ.

Священникъ.

Когда васъ небесныя узы связали,
То люди не могутъ разрознить сердецъ;
Надѣйтесь: быть можетъ, и ваши печали
Получатъ желанный конецъ.

Пустынникъ.

Тамъ развѣ, гдѣ скинемъ земныя одежды,
Сердца наши вмѣстѣ сольются опять;
Но *здѣсь*, здѣсь погибли всѣ наши надежды,
Другъ друга ужъ намъ не видать!
(*помолчавъ*)
Мигъ нашей разлуки, тотъ мигъ безотрадный
Я въ мысляхъ своихъ сохранилъ:
Настала ужъ осень.... былъ вечеръ прохладный.....
И я..... наканунѣ отъѣзда..... бродилъ
По саду, задумчивъ, угрюмый,
И тщетно искалъ я тревожною думой
Оплота, который бы сердце прикрылъ,
Чтобъ вынесть послѣдній огонь ея взгляда.
Глухими тропинками сада
Безъ цѣли, безъ мысли брожу.....
Ночь чудная.... точно теперь я гляжу:

Былъ дождь незадолго, земля освѣжилась,
Листы серебрились росой,
Долина туманомъ, какъ снѣгомъ, покрылась,
На западѣ двигалась туча съ грозой,
И мѣсяцъ выглядывалъ блѣдный съ востока,
И звѣзды тонули въ лазури далекой......
Гляжу я—какъ разъ надо мной въ вышинѣ
Мерцаетъ восточная звѣздочка мнѣ.....
Съ тѣхъ поръ я ту звѣздочку помню и знаю,
Ее я, что́ вечеръ, привѣтомъ встрѣчаю.....
Взглянулъ я на землю, и вижу—*она*
Стоитъ у бесѣдки въ аллеѣ,
Какъ мраморъ могильный недвижна, блѣдна:
Вся въ бѣломъ, межъ темныхъ деревьевъ бѣлѣя.....
И вотъ, будто вѣтра дыханье, бѣжитъ,
Бѣжитъ она.... въ землю глаза опустила....
Ко мнѣ не глядитъ.....
Лицо ея смертная блѣдность покрыла.....
И я наклоняюсь, въ глаза ей смотрю,
И вижу—въ глазахъ у ней слезка мелькнула.....
Я завтра уѣду!—я ей говорю.....
«Прощай!» мнѣ чуть слышно шепнула,
«Забудь!»..... Мнѣ забыть! о, легко приказать!
Вели своей тѣни, чтобъ мигомъ пропала,
Чтобъ вслѣдъ за тобой не бѣжала!
Легко приказать!
Забудь!! (*поетъ*)
«Перестань тосковать и грустить,
«Намъ различная доля дана;
«Вѣчно буду тебя..... (*останавливается*) вспоминать,
(*киваетъ головой*)
«Но твоею я быть не властна!
Итакъ—вспоминать только!.... завтра же въ путь!......
Беру ея ручки, кладу ихъ на грудь!

(*поетъ*)

«Другъ прекрасный, будто ангелъ рая, (*)
«Между всѣми прелестью цвѣтетъ;

(*) Изъ Шиллера.

«Взоръ небесный свѣтитъ солнцемъ мая,
«Отраженнымъ въ лонѣ чистыхъ водъ.

—

«Поцѣлуи—чувства упоенье,
«Будто пламя съ пламенемъ горитъ,
«Будто арфа съ арфой въ сладкомъ пѣньи
«Неземной гармоніей звучитъ.

—

«И сольется сердце съ сердцемъ неизмѣнно,
«И уста, дрожа, горятъ огнемъ,
«И въ потокѣ счастья для четы блаженной
«Тонутъ небо и земля кругомъ.

—

Но нѣтъ! этихъ мыслей тебѣ не понять!
Ты сладости нѣжныхъ лобзаній
Ни разу не могъ испытать.
Пусть міръ будетъ жертвою грѣшныхъ желаній,
Пусть сходитъ съ ума молодой человѣкъ, —
Ты чистъ, заглушилъ ты всѣ страсти земныя!......
О милая! въ небѣ погибъ я на вѣкъ,
Когда я вкусилъ поцѣлуй твой впервые.

(*поетъ*)

«Поцѣлуи—чувства упоенье,
«Будто пламя съ пламенемъ горитъ,
«Будто арфа съ арфой въ сладкомъ пѣньи
«Неземной гармоніей звучитъ.

(*Схватываетъ дитя и хочетъ поцѣловать; дитя убѣгаетъ*).

Священникъ.

Не бойся! вѣдь онъ человѣкъ, какъ и мы.

Пустынникъ.

Несчастнаго всякій бѣжитъ, какъ чумы,
Боится его, какъ злодѣя!
Ахъ, такъ и она убѣжала въ тотъ разъ!
«Прощай!» прошептала, и въ длинной аллеѣ
Какъ молнія скрылась изъ глазъ. (*дѣтямъ*)
Скажите, зачѣмъ же она убѣжала?
Иль словомъ ее оскорбилъ я какимъ,
Движеньемъ, иль взглядомъ своимъ?

Дай, вспомню!..... Какъ смутно все въ памяти стало!....
Нѣтъ,—помню все ясно, какъ будто теперь,—
Ни взгляда не могъ я забыть никакого,
Ни жеста..... я только сказалъ ей два слова:

(съ горестью)

«Прощай! уѣзжаю!» два слова, повѣрь.....
Она отломила мнѣ вѣтку, блѣднѣя:
«Вотъ все, что на свѣтѣ осталось для насъ!
«Прощай!» прошептала, и въ длинной аллеѣ
Какъ молнія скрылась изъ глазъ.

Священникъ.

О другъ мой, мнѣ жаль тебя всею душою!
Но слушай,—есть много гонимыхъ судьбою,
Которымъ и больше страдать суждено.
Я самъ уже многія вынесъ утраты, —
И мать, и отца я оплакалъ давно,
И двое дѣтей моихъ на небо взяты;
Ахъ, тамъ и подруга трудовъ и заботъ,
Жена моя! рано лишился тебя я!
Что дѣлать! Господь подаетъ и беретъ, —
Да будетъ во всемъ его воля святая!

Пустынникъ *(громко)*

Жена?

Священникъ.

Ахъ, какъ душу сжимаетъ тоской!

Пустынникъ.

Всѣ плачутъ о женахъ, всѣмъ дороги жены.....
Но тутъ я не знаю вины за собой:
Я здѣсь не встрѣчался съ твоею женой.

(спохватившись)

Но слушай: утѣшься, супругъ огорченный!
Она прежде смерти своей умерла.

Священникъ.

Какъ?!

Пустынникъ *(еще громче)*

Да, лишь дѣвица женой назовется, —
Она уже заживо въ гробѣ легла:

Отъ матери, брата, отца отречется
И даже отъ..... словомъ, для свѣта умретъ,
Какъ скоро подъ кровлю чужую войдетъ.

Священникъ.

Слова твои спутаны мракомъ печали;
Но та, о которой ты плачешь, жива ли?

Пустынникъ (*иронически*).

Жива ли? да, можно утѣшиться въ томъ!
Не вѣришь? Когда такъ сомнѣнье тревожитъ, —
Готовъ присягнуть я, поклясться крестомъ:
Она умерла, и воскреснуть не можетъ!.....
(*помолчавъ, медленно*)
Но въ свѣтѣ есть разные роды смертей.
Одна изъ нихъ—общая всѣмъ безъ изъятья,
Какой умираютъ отцы наши, братья
И дѣти,—ну, словомъ, десятки людей —
Она похищаетъ у насъ ежечасно.....
Такъ точно не стало Маруси несчастной, —
Ты знаешь, навѣрно, о ней?
(*поетъ*)
«Гдѣ быстрый потокъ протекаетъ,
«Въ широкомъ раздольи полянъ, —
«Тамъ видѣнъ зеленый курганъ;
«Его, какъ вѣнцомъ, окружаетъ
«Малинникъ, и тернъ, и бурьянъ.
(*перестаетъ пѣть*)
Ахъ, какъ эта смерть намъ страшна,
Когда красота, еще въ жизненномъ цвѣтѣ,
Едва показавшись на свѣтѣ,
Ужъ съ свѣтомъ любимымъ проститься должна!
Взгляни—вотъ она при кончинѣ,
Блѣдна, какъ вечерній туманъ на долинѣ, —
И съ плачемъ ея окружаютъ кроватъ
Печальный священникъ, прислуга,
И грустная плачетъ подруга,
И всѣхъ ихъ печальнѣе мать, —
Но всѣхъ ихъ грустнѣе влюбленный......
Взгляни, какъ краса убѣгаетъ съ ланитъ
И гаснетъ ужъ взоръ омраченный,
Но все-еще, все-еще искрой блеститъ;

Уста, что какъ роза алѣли, бывало,
Увяли, утратили прелесть коралла,
И словно засохшій піона листокъ
Ихъ цвѣтъ посинѣлъ и поблекъ.....
Взгляни—вотъ она поднялась на постели,
Глаза ея грустно на насъ посмотрѣли,
И снова на ложе упала она,
Лицо ея стало бѣлѣй полотна,
Рука холодѣетъ, а сердца біенье
Все тише и рѣже при каждомъ мгновеньи....
Замолкло..... ужъ больше не встанетъ она!
А очи, горѣвшія солнечнымъ свѣтомъ......
Вотъ перстень,—взгляни на него поскорѣй,
Онъ мнѣ остается на память о ней.....
Какъ здѣсь, въ перстнѣ этомъ
Брильянты горятъ,
Такъ точно когда-то горѣлъ ея взглядъ.
Но искра души ужъ исчезла изъ ока,
И свѣтитъ оно, какъ гнилушка въ потьмахъ,
Какъ капля росы, одиноко
Дрожащей на блеклыхъ листахъ......
Она поднялась на постели,
Глаза ея грустно на насъ посмотрѣли,
И снова на ложе упала она,
Лицо ея стало бѣлѣй полотна,
Рука холодѣетъ, а сердца біенье
Все тише и рѣже при каждомъ мгновеньи.....
Замолкло..... ужъ больше не встанетъ она!

Дитя.

Скончалась! ахъ, жалость какая!
Я плакалъ, какъ слушалъ тебя.
То, вѣрно, подруга твоя,
А можетъ, сестрица родная?
Но впрочемъ утѣшься въ потерѣ своей, —
Дай Богъ ей блаженства на будущемъ свѣтѣ,
Мы будемъ молиться о ней.

Пустынникъ.

То первая смерть, мои дѣти!
Но есть и другая, гораздо страшнѣй:
Она не мгновенно людей умерщвляетъ,

Но медленно точитъ и долго томитъ,
И смерть эта разомъ двоихъ поражаетъ,—
Во *мнѣ* — всѣ надежды мои разрушаетъ,
А *ей* — она вовсе почти не вредитъ.
Живетъ она, ходитъ, какъ прежде бывало,
Порой развѣ слезку уронитъ она,
Но чувства въ ней ржавѣютъ мало-по-малу,
И вскорѣ—какъ ледъ холодна.
Ахъ, смерть эта разомъ двоихъ поражаетъ!
Во мнѣ—всѣ надежды мои разрушаетъ,
А ей—она вовсе почти не вредна.
Цвѣтетъ она жизнью, свѣжа и здорова......
Такъ точно скончалась..... кто?..... тише! ни слова!
Не правда ли, дѣти, вѣдь это страшнѣй:
Мертвецъ, а съ открытыми—такъ вотъ — глазами?
(*дѣти отбѣгаютъ*)
Однакожъ скончалась...... Когда жъ я по ней
Терзаюсь и горькими плачу слезами, —
Сбѣгаются люди толпами,
Всѣ тянутся, лѣзутъ впередъ;
Одни обо мнѣ повторяютъ: онъ лжетъ,
Другіе кричатъ мнѣ съ насмѣшкой презрѣнья:
Она вѣдь жива, — погляди-ка, глупецъ!....,
(*священнику*)
Не вѣрь имъ, тѣмъ дерзкимъ нахаламъ, отецъ!
Хоть тысячу разъ пусть твердятъ увѣренья, —
Ты слушай, что скажетъ лишь сердце мое,
Что нѣтъ ужъ Маріи, что нѣтъ ужъ ея!
(*помолчавъ*)
Есть третій родъ смерти, о дѣти!
То вѣчная смерть, какъ писанье гласитъ.
О, горе тому человѣку на свѣтѣ,
Кого эта смерть поразитъ!
И я этой смертью умру, безъ сомнѣнья......
О! тяжки, велики мои прегрѣшенья!

Священникъ.

Предъ свѣтомъ и противъ тебя самого
Твой грѣхъ тяжелѣе, чѣмъ противу Бога.
Не слезы иль радость—удѣлъ нашъ убогій,
Но благо собратій и свѣта всего.
Когда тебѣ Богъ ниспослалъ испытанье,

Забудь о своей порошинкѣ земной,
И думай о цѣломъ созданьи:
И вѣрь мнѣ, — предъ мыслію той
Замрутъ мелочныя страданья.
Избранникъ трудится до позднихъ годовъ;
Одинъ маловѣрный, утративши силу,
Спѣшитъ малодушно укрыться въ могилу,
Откуда лишь встанетъ на общій всѣмъ зовъ.

Пустынникъ (*въ удивленіи*)

Но это—волшебство! нельзя, чтобъ случайно!
(*въ сторону*)
Онъ, вѣрно, колдунъ, чародѣй,
Или, можетъ, подслушалъ насъ тайно.
(*священнику*)
Я все это слышалъ, бесѣдуя съ ней;
Отъ слова до слова — ея выраженья,
Въ саду, при прощаньи, въ тотъ памятный часъ.....
(*иронически*)
Вотъ выбрала время читать наставленья!
Да, много тутъ громкихъ услышалъ я фразъ:
«Отечество, слава, друзья и науки»......
Но все это было горохомъ къ стѣнѣ.
Теперь ужъ спокойно дремлю я отъ скуки,
А нѣкогда—дивной поэзіи звуки
Всю кровь волновали во мнѣ,
И грезились лавры героя во снѣ,
(*поетъ*)
О юность! взлети ты надъ прахомъ земнымъ,
«И окомъ орлинымъ своимъ,
«Весь міръ необъятный кругомъ обзирая,
«Проникни отъ края до края!

—

Но эти гигантскія грезы мои
Развѣялись вмигъ отъ ея дуновенья,
И сдѣлались призракомъ, легкою тѣнью,
Ничтожной былинкой въ пыли,
Которую сгложетъ букашка простая,
Которую съ воздухомъ втянешь, вдыхая.
Она же — на этой пылинкѣ потомъ
Построить громадные замки желала,

И — сдѣлавъ меня комаромъ —
Въ гиганта меня превратить возмечтала,
Въ Атланта, держащаго небо плечомъ.....
Но все было тщетно!
Одна только искра горитъ въ насъ, одна;
Лишь разъ она въ юности вспыхнетъ привѣтно.....
Зажжется ль дыханьемъ Минервы она, —
Тогда надъ толпою, изъ темнаго лона,
Блеснетъ лучезарно свѣтило Платона....

(*помолчавъ, медленно*)

Когда же порой оживитъ
Ту искру небесное око дѣвицы, —
Сама себѣ свѣтитъ, собою горитъ,
Какъ лампа подъ сводами римской гробницы.

Священникъ.

Несчастный мечтатель! твой горестный стонъ,
Который таится въ груди истомленной,
Докажетъ, что ты не злодѣй ослѣпленный,
Что та, отъ которой твой умъ помраченъ,
Не внѣшней одной красотою прекрасна.
Такъ страстно старайся, какъ любишь ты страстно,
Усвоить и мысли и чувства ея.
Злодѣй, существо полюбившій святое,
Исправилъ бы сердце свое;
Тѣмъ болѣе ты не рѣшайся на злое.
Пусть здѣсь вы разрознены горькой судьбой:
Такъ звѣзды другъ къ другу съ таинственной силой
Стремятся, хоть мгла затемнитъ ихъ порой,
Развѣется мгла, и звѣзда со звѣздой
Сольются въ одно вѣковое свѣтило.....
И цѣпь та, которая васъ тяготитъ,
Разрушится вмѣстѣ съ одеждой земною,
И снова вы встрѣтитесь тамъ надъ землею;
А страсть, хоть излишнюю, Богъ вамъ проститъ.

Пустынникъ.

Вотъ странность! откуда ему все извѣстно?

(*подражая тону священника*)

«Она какъ лицомъ, такъ и сердцемъ прелестна;
«И цѣпь та, которая васъ тяготитъ,

«Спадетъ съ васъ подобно тѣлесной одеждѣ......
(*своимъ голосомъ*)
Ты знаешь! ты, вѣрно, подслушалъ насъ прежде?
Ты выманилъ тайну, которую я
Скрывалъ въ своемъ сердцѣ такъ свято,
Которой не знали и даже друзья.
Вѣдь мы поклялись съ ней когда-то —
Рука на груди, а въ другой кипарисъ —
Мы оба молчать поклялись,
И сердце ту клятву на-вѣкъ сохранило.

—

Но впрочемъ я помню минуту одну,
Какъ нѣкогда—кисти волшебною силой—
Черты ея передалъ я полотну,
И вынесъ къ товарищамъ ликъ этотъ милый.
Но имъ мои чувства казались смѣшны,
Мое восхищенье нелѣпо.....
Безумцы! ихъ око душевное слѣпо,
Не можетъ душевной прозрѣть глубины.
Хотятъ они циркулемъ мѣрять бездушнымъ
Прелестнаго лика черты,
На небо глядятъ равнодушно,
Не чувствуя сердцемъ его красоты,
Глядятъ, будто звѣрь иль астрономъ ученый, —
Но иначе смотрятъ поэтъ и влюбленный.

—

Я чту такъ глубоко божественный ликъ,
Къ нему прикасаться губами не стою;
Когда съ ней прощаюсь, и если въ тотъ мигъ
Покой освѣщенъ иль свѣчей, иль луною, —
Не смѣю открыть свою грудь,
Не смѣю на шеѣ платокъ отстегнуть
Пока кипарисомъ тотъ ликъ не покрою.
А эти друзья.....вотъ гдѣ дружба видна!....
Замѣтивъ восторгъ мой обычный,
Одинъ, чуть скрывая свой смѣхъ неприличный,
Зѣвая сказалъ: не дурна!
Другой говоритъ мнѣ: ребенокъ ты, право!.....
Охъ, этотъ старикъ, разсуждающій здраво,

Съ премудростью жалкой своей!
Онъ, вѣрно, злодѣйски насъ предалъ:
(*въ помѣшательствѣ*)
Онъ все разсказалъ предъ толпою людей,
И, вѣрно, одинъ изъ толпы иль дѣтей
Пришелъ, и всю тайну тебѣ исповѣдалъ.....
(*въ изступленіи*)
Быть можетъ, меня распросилъ ты, старикъ?

Священникъ.

Къ чему намъ такіе распросы, уловки?
Хоть рѣчи твои и темны и неловки;
Но тотъ, кто заглядывать въ душу привыкъ,
Тотъ тайну твою безъ труда бы проникъ.

Пустынникъ.

Да, правда! но вотъ что мнѣ кажется странно:
Чѣмъ сердце тревожно волнуется днемъ,
То ночью на память приходитъ нежданно,
И бредимъ во снѣ мы,—Богъ знаетъ, о чемъ.
Со мной уже случаи были такіе.
Въ тотъ день, какъ я съ ней увидался впервые, —
Вернувшись, я рано отправился спать.
Поутру, когда меня встрѣтила мать:
«Ты нынѣче совсѣмъ измѣнился» —
Она мнѣ сказала — «какъ набоженъ сталъ!
Всю ночь ты вздыхалъ,
И Дѣвѣ Пречистой молился.»
Я понялъ, и сталъ запирать свою дверь....
Но такъ осторожнымъ нельзя быть теперь:
Теперь я скиталецъ безъ дома и крова,
Гдѣ ночь ни застигнетъ,—постель мнѣ готова,
И часто я брежу во снѣ,
И мысли, какъ волны, несутся во мнѣ.....
Ряды безконечные бурь и волненій
Мелькнутъ и исчезнутъ долой,
И много неясныхъ видѣній
Въ чудовищный образъ сольются порой,
И снова исчезнутъ какъ тѣни.
Одинъ только образъ со мною вездѣ:
Бросаюсь ли на земь и тамъ подъ землею
Онъ свѣтитъ, какъ мѣсяца отблескъ въ водѣ;

Достать не могу я, но онъ предо мною.
На небо ль взгляну, —
И слѣдомъ за взоромъ, съ лазури небесной,
Тотъ образъ прелестный
Все дальше и дальше плыветъ въ вышину.
И словно парящій орелъ издалека
(*смотритъ вверхъ*)
Виднѣется въ тучѣ и смотритъ съ высотъ,
И прежде, чѣмъ онъ на добычу падетъ,
Ее убиваетъ онъ молніей ока;
И вотъ онъ, чуть видный, недвижно стоитъ,
Какъ будто опутанъ сѣтями,
Какъ будто бы къ небу прибитый крылами......
Такъ точно она надо-мною блеститъ.
(*поетъ*)
«Горитъ ли въ небѣ солнца свѣтъ,
«Иль ночь покроетъ землю мглою, —
«За ней слѣжу, ей шлю привѣтъ,
«Она при мнѣ, но не со мною.

—

Гуляю ли въ полѣ иль въ рощѣ, и вотъ
Плыветъ надо-мною тотъ образъ воздушный;
Хочу промолчать, но языкъ непослушный
Невольно промолвитъ, ее назоветъ.....
А врагъ и подслушалъ.....Такъ точно случилось
Сегодня поутру.....сейчасъ разскажу:
Свѣтало.... какъ будто теперь я гляжу.....
Былъ дождь незадолго, земля освѣжилась,
Листы серебрились росой,
Долина туманомъ, какъ снѣгомъ, покрылась,
И звѣзды тонули въ лазури ночной,
Одна лишь восточная звѣздочка ясно —
Я вижу — горитъ надо мной въ вышинѣ,
Съ тѣхъ поръ она стала подругою мнѣ, —
И вотъ у бесѣдки.... (*спохватывается*) ба! что̀ я, несчастный!
Вѣдь это не вечеромъ, нѣтъ!
Охъ, этотъ шальной романическій бредъ!
Онъ спуталъ мнѣ мысли, я сбился.......
(*припоминаетъ*)
Да, утромъ, — мечталъ я, терзался тоской.....
Былъ вѣтеръ и дождь проливной,

И я подъ кустомъ пріютился.....
(*съ добродушной улыбкой*)
И тутъ-то подслушалъ, навѣрное, онъ.....
Но только не знаю: одинъ ли мой стонъ,
Иль самое имя подслушалъ украдкой, —
Вѣдь кустъ былъ такъ близокъ.....

Священникъ.

Но кто же былъ онъ?
Скажи намъ, не мучь насъ загадкой.

Пустынникъ (*таинственно*)

А вотъ кто: одинъ небольшой червячекъ,
Который проползъ надъ моей головою,
Червякъ-свѣтлячокъ.
Ахъ, какъ онъ былъ вѣжливъ и ласковъ со мною!
Подползъ и давай говорить
(Онъ, вѣрно, доставить хотѣлъ утѣшенье):
«Бѣдняжка! къ чему эта скорбь и мученье?
«Эхъ, полно отчаяньемъ сердце крушить!
«Ну, кто виноватъ, что дѣвица прекрасна,
«Что ты такъ влюбился? — вина не твоя.
«Взгляни — продолжалъ мой червякъ — на меня:
«Смотри, какъ весь кустъ освѣщается ясно
«Той искрой, которой красуюся я.
«Я прежде считалъ эту искру красою,
«Теперь же считаю несносной бѣдою:
«Она привлекаетъ враговъ;
«Ужъ сколько изъ братьевъ моихъ свѣтляковъ
«Добычею ящерицъ стало!
«Теперь проклинаю я гибельный свѣтъ,
«Причину несчастій и бѣдъ,
«Хотѣлъ бы, чтобъ искра горѣть перестала.....
«Но что же мнѣ дѣлать? моя ли вина?
«Пока я живу, не погаснетъ она! —
(*показывая на сердце*)
Такъ точно: я живъ, и не гаснетъ она.

Дитя.

Ахъ, папа! ты слышалъ о чудѣ?
Вотъ чудо! не вѣрится что-то никакъ!

Ну, можно ли думать, чтобъ этотъ червякъ
Умѣлъ говорить, будто люди.
(*Священникъ уходитъ, пожимая плечами*)

Пустынникъ.

Не вѣришь? поди подъ конторку, сюда,
Приставь къ ней ушко, и повѣришь тогда.....
Чу, слышишь, тамъ кто-то стучится:
То грѣшная чья-то душа заперта
И просит о ней помолиться.

Дитя.

Да, слышу — тукъ, тукъ.....
Какъ будто бы кто-то стучитъ колотушкой,
Какъ будто часы подъ подушкой.....
Что значитъ тотъ стукъ?

Пустынникъ.

То маленькій червь, а когда-то
Онъ былъ ростовщикъ пребогатый.
(*къ конторкѣ*)
Чего ты желаешь, душа?
(*притворнымъ голосомъ*)
«Прошу обо мнѣ помолиться!»
Такъ вотъ гдѣ тотъ скряга томится!
Я этого зналъ торгаша:
Онъ жилъ отъ меня недалеко;
Зарывшись въ богатства, съ замкомъ у воротъ,
Не слышалъ онъ стоновъ ни вдовъ, ни сиротъ,
Не зналъ состраданья, жестокій;
Онъ вѣкъ не давалъ ни гроша, ни куска,
Душа его вѣчно жила при имѣньи,
Лежала на днѣ сундука.....
За-то послѣ смерти ей участь горька:
Пока не пойдетъ она въ адъ на мученье, —
Прислушайтесь, какъ она злобно грызетъ,
Колотитъ и точитъ.....
Но если помочь ей кто хочетъ,
Пускай три молитвы прочтетъ.
(*Священникъ входитъ съ кружкой воды*)

Пустынникъ (*въ большемъ помѣшательствѣ*)

Чу! слышалъ ты пискъ злаго духа?

Священникъ (*оглядываясь*)

Мой Боже! какія пустыя мечты!
Вокругъ все спокойно и глухо.

Пустынникъ.

Прислушайся только, услышишь и ты.
(*дитяти*)
Поди сюда, другъ мой, послушай немного.....
Что? слышалъ?

Дитя.

Ахъ, папа, ей Богу,
Тамъ шопотъ какой-то.....

Пустынникъ.

Что скажешь о томъ?

Священникъ.

Вамъ спать уже время. Какіе тутъ духи!
Все тихо и мирно кругомъ.

Пустынникъ (*дѣтямъ, съ усмѣшкой*)

Да, старцы на голосъ природы ужъ глухи.

Священникъ.

Мой сынъ, подойди и холодной водой
Виски освѣжи и омой,
Чтобъ эта горячка немного остыла.

Пустынникъ (*беретъ и моетъ, между тѣмъ часы начинаютъ бить; послѣ нѣсколькихъ ударовъ, пустынникъ опускаетъ кружку и смотритъ неподвижно и печально*).

Ага! вотъ и десять пробило! (*поетъ пѣтухъ*)
Чу! крикнулъ ужъ первый пѣтухъ!
И жизнь убѣгаетъ, и время несется.....
(*Одна свѣча на столѣ гаснетъ*)
А вотъ ужъ и первый свѣтильникъ потухъ!
Еще два часа остается..... (*онъ начинаетъ дрожать*)
Какъ холодно! (*между тѣмъ священникъ съ изумленіемъ смотритъ на свѣчу*)
Въ щели вездѣ
Врывается вѣтеръ холодный и вьюга.
Озябъ я!.... (*идетъ къ печи*). Но гдѣ же я, гдѣ?

Священникъ.

Ты въ домѣ у друга.

Пустынникъ (*приходя въ себя*).

Навѣрно, встревожилъ я васъ:
Богъ знаетъ—откуда, въ полуночный часъ,
Въ такомъ необычномъ нарядѣ.....
И вѣрно, я много сказалъ пустяковъ?
Не сказывай, другъ, никому, Бога-ради!
Я странникъ убогій изъ дальнихъ краевъ.
(*оглядывается и приходитъ въ себя*)
На самой срединѣ дороги, когда-то,
Въ мои молодыя лѣта,
Напалъ, и ограбилъ меня до-чиста (*съ улыбкой*)
Разбойникъ крылатый.
Одежда моя отнята,—
Теперь надѣваю я что-бъ ни попалось.....
(*обрываетъ листья и поправляетъ платье*)
Всѣхъ въ мірѣ сокровищъ меня онъ лишилъ,
Одежда невинности мнѣ лишь осталась.

Священникъ (*который все смотрѣлъ на свѣчу,—пустыннику*)

Утѣшься, мой другъ! (*дѣтямъ*) Кто свѣчу погасилъ?

Пустынникъ.

Ты хочешь развѣдать о чудѣ?
Ну, что же? пусть разумъ тебѣ объяснитъ.
Но знай, что природа, какъ люди,
Завѣтныя тайны ревниво хранитъ
Нетолько отъ взоровъ толпы ослѣпленной,
(*съ жаромъ*)
Но ихъ не проникнетъ мудрецъ посвященный.

Священникъ (*беретъ его за руку*)

Мой сынъ!

Пустынникъ (*тронутый и удивленный*)

Сынъ!?.... Твой голосъ меня поразилъ!
Какъ молніей онъ озарилъ
Мой умъ помраченный.....
(*осматривается*)
Да, да, узнаю я, гдѣ я наконецъ!
Теперь узнаю я и землю родную,

Тебя, мой отецъ,
И домъ твой; и эту семью дорогую.....
Но какъ измѣнилось все въ нѣсколько лѣтъ:
Ужъ дѣти большія, ты сталъ ужъ и сѣдъ.

Священникъ (*въ недоумѣніи, беретъ свѣчу и всматривается*).

Какъ! ты меня знаешь? но кто же ты, кто же?
Ужели..... нѣтъ, нѣтъ!.... но скажи же, открой!

Пустынникъ.

Густавъ.

Священникъ (*роняетъ свѣчу, дѣти поднимаютъ, зажигаютъ и ставятъ на столъ*).

Ты Густавъ! мой Густавъ! о, мой Боже!
(*обнимаетъ его*)
Густавъ, ученикъ мой, мой сынъ дорогой!

Густавъ (*обнимаетъ, смотря на часы*)

О, дай обниму тебя, къ сердцу прижму я!
Вѣдь скоро.... ужъ скоро.... далеко уйду я.....
И ты—будетъ время—сберешься туда....
Обнимемся жъ крѣпче, мой другъ, навсегда.

Священникъ.

Густавъ мой! откуда? куда же ты снова?
Мой милый! какъ мы не видались давно!
Исчезъ вдругъ, какъ будто бы канулъ на дно,
Хоть строчку бы мнѣ написалъ, хоть бы слово!
Такъ долго!.... но что же, что было съ тобой?
Ты нѣкогда былъ моей школы красой,
Въ тебѣ я всѣ лучшія видѣлъ надежды.....
И какъ опустился ты! что за одежды!

Густавъ (*гнѣвно*).

Старикъ! а когда бы я сталъ расточать
Такія жъ тебѣ оскорбленья,
Твой видъ ненавистнымъ считать,
Твои проклинать наставленья!
Вѣдь ты меня выучилъ сердцемъ читать
Въ прекрасной природѣ, въ прекрасномъ твореньи!
Ты, ты погубилъ меня,—знай,

Мнѣ адъ на землѣ приготовилъ.... (*съ грустной улыбкой*) и рай!
(*громко и презрительно*)
А это—земля только!

Священникъ.

Царь мой небесный!
Что слышу? тебя я, тебя погубилъ!
Но совѣсть чиста моя—Богу извѣстно!
Тебя я, какъ сына, любилъ.

Густавъ.

И только за это ты стоишь прощенья.

Священникъ.

Я Бога молилъ объ одномъ утѣшеньи,
Чтобъ видѣть тебя я хоть разъ еще могъ.

Густавъ (*обнимая*)

Обнимемся жъ крѣпче, (*смотритъ на свѣчу*)
пока эти свѣчи
Еще не погасли въ назначенный срокъ.
Ты дожилъ, отецъ мой, до радостной встрѣчи.....
Однако ужъ поздно, (*смотритъ на часы*) а путь мой далекъ!

Священникъ.

Хоть очень желалъ бы твои приключенья
Услышать, но вижу, что ты утомленъ;
Тебѣ нуженъ отдыхъ и сонъ......
Ужъ завтра.....

Густавъ.

Но я твоего приглашенья
Принять не могу—оттого,
Что нечѣмъ ужъ мнѣ заплатить за него.

Священникъ.

Зачѣмъ?

Густавъ.

Кто не платитъ, тотъ проклятъ стократно!
За все мы обязаны платой обратной:
Признательнымъ чувствомъ, взаимнымъ трудомъ,
Иль даже даяньемъ слезы благодатной,
Слезы, за которую снова потомъ
Небесный Отецъ намъ заплатитъ добромъ.

Но я — въ этомъ краѣ, знакомомъ когда-то,
Гдѣ все говоритъ мнѣ про слезы, утраты,
Я чувства остатокъ и воплей запасъ
Истратилъ, а новаго долга у васъ
Я брать не хочу на себя безъ уплаты.

(Помолчавъ).

На-дняхъ посѣтилъ я родительскій домъ:
Одни лишь руины, — узнаешь съ трудомъ;
Куда ни взгляни — пустота, разрушенье,
Все сломано, сбито — столбы и каменья,
Дворы заросли всѣ и мхомъ и травой,
И всюду молчанье, могильный покой....
А помню я, помню — давно это было —
Я иначе прибылъ въ родительскій домъ:
Когда возвращался я къ матери милой,
Ужъ издали встрѣтилъ радушный пріемъ.....
За городомъ ждетъ меня наша прислуга,
А тамъ — на дорогу — и сестры и братъ
Бѣгутъ, обгоняя другъ друга,
Густавъ нашъ! Густавъ! обступивши, кричатъ,
И взявши гостинцы, бѣгутъ въ восхищеньи,
А мать моя ждетъ у дверей,
Тутъ крики товарищей, ласки друзей.....
Теперь тамъ — пустырь, тишина, запустѣнье!
Лишь лаетъ собака да слышится стукъ.....
А! ты это, Воронъ! мой старый дружище,
Нашъ общій любимецъ и сторожъ жилища!
Одинъ ты изъ многихъ друзей и изъ слугъ!
Одинъ неизмѣненъ, а всѣ позабыли!
Хоть годы и голодъ его изнурили,
Но онъ неусыпно, какъ встарь, стережетъ
И дверь безъ затвора, и домъ безъ господъ....
Поди сюда, Воронъ! — Послушный призыву,
Онъ бросился съ воемъ, прислушался, всталъ,
Вскочилъ мнѣ на грудь, и — безъ жизни упалъ....
Но въ окнахъ огонь.... я вхожу торопливо....
И что же я живу? какой-то злодѣй
Пришелъ съ топоромъ и свѣчей на-поживу
И рушитъ остатки святыни моей.
Гдѣ нѣкогда матери ложе стояло, —
Онъ камни ворочалъ, выламывалъ полъ....

Я бросился, сбилъ и ударилъ нахала....
И горько я плакалъ о томъ, что нашелъ....
Чу! кто-то приблизился, тихо ступая, —
Вошла, опираясь на трость,
Старуха въ лохмотьяхъ, худая, сухая,
Какъ будто изъ міра загробнаго гость.
Увидѣвъ чужаго въ дому опустѣломъ, —
Крестясь, отъ испуга она обомлѣла....
— Не бойся, старушка, Господь надъ тобой!
Зачѣмъ ты пришла сюда ранней порой? —
«Охъ, я, сиротинка! — она отвѣчала —
«Здѣсь прежде когда-то живала
«Семья моихъ добрыхъ господъ.
«Дай Богъ имъ блаженство на будущемъ свѣтѣ!
«Но здѣсь — и они и ихъ дѣти
«Не мало узнали тоски и заботъ.
«Ужъ всѣхъ ихъ давно схоронили,
«Ихъ домъ развалился, гніетъ;
«Гдѣ сынъ ихъ, — не знаю, и онъ, знать, въ могилѣ; —
Рыданья мнѣ сердце сдавили,
И я прислонился къ стѣнѣ, чуть дыша....
Такъ все миновалось, какъ грезы!

Священникъ.

Здѣсь вѣчны лишь Богъ и душа,
Минуется все — и веселье, и слезы!

Уставъ.

А сколько напомнитъ мнѣ снова твой домъ
О дѣтскихъ и школьныхъ забавахъ!
Тамъ гнѣзда зорили въ дубровахъ,
На этомъ дворѣ мы играли пескомъ,
Здѣсь въ рѣчкѣ купались мы лѣтомъ,
И взапуски мчались по этимъ лугамъ,
Въ ту рощу я часто ходилъ по утрамъ
Бесѣдовать мирно съ любимымъ поэтомъ,
Съ Гомеромъ иль Тассомъ.... Захочется ль намъ
Представить подъ Вѣной сраженье, —
И тотчасъ бѣжимъ мы толпой впопыхахъ,
И строится въ грозныхъ рядахъ ополченье....
Вотъ Турки идутъ, и на ихъ бунчукахъ

Блеститъ полумѣсяцъ.... а тамъ въ отдаленьи
Сдвигаются Нѣмцы трусливой толпой....
Я копья велю изготовить на бой, —
Впередъ! наши сабли блеснули лучами,
Восторженный крикъ нашъ гремитъ....
Ужъ головы падаютъ вмѣстѣ съ чалмами,
Толпа янычаровъ разбита, бѣжитъ,
Мы конницу сбили, и топчемъ конями
До самаго вала — тотъ холмикъ былъ валъ.....
Туда-то пришла и *она* — съ возвышенья
Взглянуть на такое сраженье.
Когда я ее увидалъ
На этомъ валу посреди восклицаній, —
Воинственный пылъ мой затихъ;
Съ тѣхъ поръ она стала царицей моихъ
И мыслей, и чувствъ, и желаній;
Съ тѣхъ поръ для нея билось сердце мое,
Я думалъ о ней и искалъ лишь ее....
Здѣсь все мнѣ напомнитъ минуты былыя:
Вотъ тутъ увидался я съ нею впервые,
Впервые вотъ тамъ начала разговоръ,
Здѣсь вмѣстѣ Руссо мы читали,
Изъ этихъ вѣтвей я ей сдѣлалъ шатеръ,
Тамъ ягоды вмѣстѣ, цвѣтки мы искали;
А въ этомъ потокѣ — я помню о томъ —
Мы удили вмѣстѣ подъ ивой вѣтвистой,
Какъ ловко ловились коварнымъ крючкомъ
То карпъ серебристый,
То окуни съ краснымъ перомъ....
А нынче..... (*плачетъ*)

Священникъ.

Увы! эти слезы напрасны:
Вѣдь память о горѣ быломъ
Васъ точитъ самихъ ежечасно,
А прошлаго намъ не измѣнитъ ни въ чемъ.

Густавъ.

Теперь, послѣ долгой разлуки,
Какъ все измѣнилось въ глазахъ!
Я снова на этихъ счастливыхъ мѣстахъ,

Но въ сердцѣ страшнѣйшія муки.....
Да, еслибы поднялъ ты камень простой,
Какимъ забавляются дѣти,
И съ нимъ бы ты странствовалъ долго на свѣтѣ;
Потомъ, воротившись домой,
Тому же, кто нѣкогда съ дѣтской любовью
Тѣмъ камнемъ простымъ забавлялся въ игрѣ,
Теперь уже старцу на смертномъ одрѣ,
Ты въ гробъ бы его положилъ въ изголовье,
И еслибы горькихъ не пролилъ онъ слезъ, —
Безъ жалости въ адъ этотъ камень ты брось.

Священникъ.

Не горьки тѣ слезы,
Съ которыми можемъ сливать
Прошедшаго счастія сладкія грезы;
Лишь чистое сердце ихъ можетъ ронять.
Однѣ только слезы злодѣя
Пропитаны ядомъ губительнымъ змѣя.

Густавъ.

Но выслушай дальше, что было со мной.
Я былъ и въ аллеяхъ знакомаго сада,
Такой же осенней порой,
И та же дышала прохлада,
И небо, какъ прежде, темнѣло грозой,
И мѣсяцъ выглядывалъ блѣдный съ востока,
Долина покрыта, какъ нѣкогда, мглой,
И звѣзды тонули въ лазури глубокой,
И та жъ надо мной въ вышинѣ
Мерцала восточная звѣздочка мнѣ,
Которую видѣлъ когда-то,
Которую нынче встрѣчаю какъ брата;
Тѣ жъ чувства томили и сердце мое.....
Все такъ же какъ прежде, но нѣтъ лишь *ея!*...
А вотъ и бесѣдка..... чу! шорохъ у входа.....
Она это!..... нѣтъ.....
То въ листьяхъ засохшихъ шумитъ непогода.....
Бесѣдка! ты памятникъ нашихъ бесѣдъ,
Восторговъ моихъ колыбель и могила:
Ты насъ познакомила, насъ разлучила,
Оставивъ въ душѣ неизгладимый слѣдъ!.....

Быть можетъ, вчера она здѣсь отдыхала,
Вчера этотъ воздухъ вдыхала она!
Смотрѣлъ я и слушалъ.... кругомъ тишина,
И зрѣнье напрасно кого-то искало.
Я только увидѣлъ: паукъ надо мной,
Качаясь на листьяхъ, раскидывалъ сѣти.....
Какъ я, такъ и онъ—я подумалъ—на свѣтѣ
Мы связаны нитью ничтожной съ землей!

Взглянулъ я, и вижу—на лавкѣ
Букеты, траву и на травкѣ
Тотъ самый завѣтный листокъ,
Листка моего половину.....

(*вынимаетъ листокъ*)

Я вспомнилъ прощанья лихую годину
И нашей разлуки залогъ.....
Я встрѣтилъ его, будто брата роднаго,
О ней говорилъ и распрашивалъ снова:
И что она дѣлаетъ, рано ль встаетъ,
Какія любимыя пѣсни поетъ,
Въ какой она комнатѣ чаще бываетъ,
Гдѣ ходитъ гулять,—у того ли ручья,
Краснѣетъ ли, если напомнятъ меня,
Быть можетъ, украдкой сама вспоминаетъ?.....
И что же, что выслушалъ я!
О, какъ любопытство мое наказали!

(*со злостью, ударивъ себя по лбу*)

О, женщина!...... (*дѣтямъ*) Дѣти, вы пѣсню слыхали?

(*поетъ*)

Милый другъ сначала снится
Каждый мигъ и каждый часъ.

Хоръ дѣтей.

О, какъ любитъ та дѣвица:
Каждый часъ вспомянетъ васъ!

Густавъ.

А потомъ ей другъ твердится
Разъ на дню, въ недѣлю разъ.

Хоръ дѣтей.

Какъ чувствительна дѣвица:
Разъ въ недѣлю вспомнитъ васъ!

Густавъ.

После вспомнить ей случится
Въ целый месяцъ только разъ.

Хоръ детей.

Что за добрая девица:
Каждый месяцъ вспомнитъ васъ!

Густавъ.

За волной волна катится.....
Въ жизни мало ли хлопотъ!
Друга вспомнить ей случится
Только разъ на новый годъ.

Хоръ детей.

О, какъ вежлива девица:
Вспомнитъ друга каждый годъ!

Густавъ.

И такъ (*показывая листокъ*) и последній остатокъ былаго
Забытъ навсегда!
Ни что ужъ меня не напомнитъ ей снова!....
Я вышелъ изъ сада,—не зная, куда
Иду я, шатаясь, подобно больному.....
Незримая сила влекла меня къ дому.
Тамъ въ окнахъ горитъ ослепительный светъ,
Тамъ крики пріезжихъ и грохотъ каретъ.....
Къ стене проскользаю я легкою тенью,
И жадно въ стекляныя двери гляжу:
Столы все накрыты, народъ, освещенье,
Тутъ праздникъ какой-то, громъ музыки, пенье.....
Вотъ тостъ..... слышу имя..... но чье,—не скажу.....
«Да здравствуетъ!» шумно взгремело собранье,
Весь домъ огласился отъ края на край.....
Да здравствуетъ! я повторилъ восклицанье,
И тихо прибавилъ: прощай!
И тутъ же (о, какъ я не умеръ доселе!)
Услышалъ я имя другое, и вмигъ
«Да здравствуютъ оба!» кругомъ загремели.....
(*какъ бы всматриваясь въ двери*)
Вотъ кто-то ответилъ на радостный крикъ.....
Она?..... это голосъ ея!.... неужели!.....
Не видно за дверью, она ли сама.....

Со злобой, съ неистовствомъ дверь потрясалъ я,
Хотѣлъ разгромить,—и безъ жизни упалъ я.....
(помолчавъ)
Я думалъ—безъ жизни, но нѣтъ: безъ ума.

Священникъ.

Несчастный! искалъ добровольно страданій.

Густавъ.

Какъ трупъ одинокій при брачномъ столѣ,
Я, жертва послѣднихъ отрадъ и терзаній,
Лежалъ на омытой слезами землѣ.....
Очнулся.... ужъ дня показался начатокъ,
Ни шуму въ покояхъ, ни блеску въ окнѣ.....
Помедлилъ..... о, мигъ этотъ памятенъ мнѣ!
Какъ вѣчность онъ долгъ, какъ молнія кратокъ!
И развѣ на страшномъ судѣ для меня
Еще повторится минута такая!
(помолчавъ, медленно)
Тутъ ангеломъ смерти—изъ рая
Былъ выведенъ я!

Священникъ.

Зачѣмъ ты зажившія раны тревожишь?
Запомни лишь мудрый завѣтъ старины:
Что было, того измѣнить ты не можешь,
Въ томъ волю Господню признать мы должны.

Густавъ *(горестно)*

О нѣтъ! насъ другъ съ другомъ свело Провидѣнье,
Одна намъ свѣтила звѣзда при рожденьи;
Равны мы, хоть въ жизни не разъ
Различными шли мы путями;
Мы сходны лицомъ и годами,
И вкусы и взгляды похожи у насъ,
И мысли порывы и чувства движенье, —
Во всемъ неразрывная связь.
Тотъ узелъ связало само Провидѣнье,
(съ сильной горестью)
А ты—отъ него отперлась!.....
(громко и гнѣвно)
О женщина! пухъ перелетный,
Созданье ничтожное ты!
И ангелы взяли бъ охотно
Всѣ чары твоей красоты,

Но сердцемъ ты хуже, чѣмъ.... хуже....... Ужели
Богатствъ золотой истуканъ
И почестей свѣтскихъ тщеславный обманъ
Такъ сердцемъ твоимъ овладѣли!?
Такъ пусть же—чего ты коснешься рукой,
Чтобъ золотомъ все это стало,
Къ чему ты устами прильнешь и душой,
Чтобъ золото мертвое ты цѣловала!.....
О, еслибъ я могъ выбирать, какъ и ты:
Явись ко мнѣ чудо земной красоты,
Какой не бывало съ созданія свѣта,
Прекраснѣй, чѣмъ ангелъ эдемскихъ садовъ,
Чѣмъ грезы мои и чѣмъ вымыслъ поэта,
Чѣмъ ты даже..... я, не колеблясь, готовъ
Отдать за тебя и за взглядъ твой единый!
И еслибъ приданымъ за ней для меня
Давали все золото Индской долины,
Давали бы царство небесное,—я,
Я отдалъ бы все за тебя!
Ничѣмъ моего не склонила бъ вниманья;
За всѣ бы богатства, за всѣ дарованья
Когда бы просила, чтобъ отдалъ я ей
Хоть часть моей жизни, хоть нѣсколько дней —
Той жизни, которую всю безъ раздѣла
Я отдалъ тебѣ, —
Хоть годъ, хоть полгода просила бъ себѣ,
Хоть мигъ бы восторговъ извѣдать хотѣла......
Нѣтъ, нѣтъ! не хочу! ничего не даю! —

(*сурово*)

А ты,—ты рѣшила погибель мою
Съ лицомъ равнодушнымъ, съ холодной душою,
И пламень зажгла ты своею рукою,
Разрушившій цѣпи, скрѣплявшія насъ, —
И онъ не угасъ,
Онъ адскимъ пожаромъ горитъ между нами,
И въ этомъ пожарѣ мы мучимся сами!....
Меня ты убила!.... но вѣрь,
Тебя покараетъ за то Провидѣнье!
И самъ я, я самъ не оставлю безъ мщенья.....
Иду—трепещите, злодѣи, теперь!

(*вынимаетъ кинжалъ, и съ злобной ироніей*)

Взгляните—несу я игрушку,
Для свѣтлыхъ гостей пригодится она:
Вотъ ей нацѣжу я вина
Для тостовъ на брачной пирушкѣ!.....
Тебѣ же, измѣнница,........ шею твою
Смертельнымъ вѣнкомъ обовью!.....
Иду, чтобы вмѣстѣ намъ въ адъ явиться!.....
(*останавливается и задумывается*)
Но нѣтъ! нѣтъ!.... она умереть не должна!
И тотъ, кто лишить ее жизни рѣшится,
Тотъ долженъ быть больше, чѣмъ самъ сатана!
Прочь! это желѣзо не нужно!
(*прячетъ кинжалъ*)
Пусть память, пусть совѣсть язвитъ ея грудь!
(*священникъ уходитъ*)
Пойду, но пойду безоружный,
Пойду на нее лишь взглянуть.
Гдѣ пышные гости въ роскошныхъ палатахъ
Пируютъ за брачнымъ столомъ,
Я съ этими листьями, въ этихъ заплатахъ
Войду къ нимъ и стану при немъ.
И гости дивятся, разгульно пируя,
И пьютъ за здоровье, и шлютъ мнѣ привѣтъ,
Но я, недвижимъ какъ статуя,
Стою—и ни слова въ отвѣтъ.
Вотъ пары кружатся средь танца живаго
И въ танецъ меня приглашаютъ съ собой, —
Я—руку на грудь, съ кипарисомъ въ другой —
Стою—и въ отвѣтъ ни полслова.
А вотъ и она въ красотѣ неземной
Съ привѣтомъ идетъ мнѣ навстрѣчу:
«Откуда и кто ты, мой гость дорогой?»
Но я ничего не отвѣчу,
И только ей въ очи взгляну,
Взгляну я ей взглядомъ змѣи ядовитой,
Весь адъ, въ моемъ сердцѣ сокрытый,
Въ томъ взглядѣ сомкну.
Пусть будетъ слѣпа и мертва, какъ статуя, —
Насквозь ее взглядомъ пронжу я,
И въ очи ей въѣмся, какъ дымъ,
И въ мозгъ ей вопьюсь я, какъ зелье, —

Навѣкъ возмущу ей дневное веселье,
Навѣкъ помѣшаю я снамъ золотымъ!......
(кротко и съ жалостью)
Но знаю я: сердце въ ней нѣжно и живо,
Доступно для каждаго чувства, порыва,
Какъ будто на травкѣ весенней пушокъ,
Который летитъ, чуть пахнётъ вѣтерокъ,
Который росинка уронитъ.
Что тронетъ меня, и ее такъ же тронетъ,
Ее возмутитъ и малѣйшій упрекъ;
Бывало, я грустенъ,—грустна и подруга:
Такъ знали мы чувства другъ-друга,
Такъ знали мы наши сердца!
Одинъ лишь подумалъ,—другому извѣстно.....
Такъ всѣмъ существомъ сопряженные тѣсно,
Мы видѣть могли въ выраженьи лица
Сердца наши, будто въ прозрачномъ потокѣ.
Едва лишь въ глазахъ моихъ мысль промелькнетъ,
И вмигъ, какъ струя въ электрическомъ токѣ,
Ей въ сердце она перейдетъ
И вновь отражается въ окѣ.....
Ахъ, да! я ее обожалъ!
Могу ли теперь ей нанесть огорченье?
Возможно ль, чтобъ адской какою-то тѣнью
Я, другъ ея прежній, предсталъ?
Какое презрѣнное мщенье!
И въ чемъ же ея предо мною вина?
Чего же хочу я? и гдѣ мое право?
Коварнымъ ли взглядомъ ловила она?
Манила ль улыбкой лукавой?
Иль хитрою рѣчью меня завлекла?
Какія надежды она подала?
И гдѣ ея клятвы? какіе обѣты?
О нѣтъ! я одинъ виноватъ:
Я слушалъ лукаваго сердца совѣты,
Я самъ приготовилъ тотъ ядъ,
Который меня пожираетъ.
Зачѣмъ же во мнѣ эта злоба кипитъ?
И кто я? и что за меня говоритъ?
Какая заслуга меня украшаетъ?
Какими дѣяньями я знаменитъ?

Ничѣмъ! лишь любовью могу я гордиться!
И я это зналъ.
Я помысловъ дерзкихъ въ себѣ не питалъ,
Не думалъ взаимной любви я добиться.
Я только просилъ о пріязни одной,
Просилъ, чтобы чаще бывала со мной,
Была бъ мнѣ подругой, сестрою,
И—право—я былъ бы доволенъ судьбою!
И еслибы могъ я сказать:
Вчера ее видѣлъ, сегодня со мною,
И завтра увижу опять,
Съ ней утромъ пробуду, и вечеромъ снова,
Всѣхъ прежде поутру скажу ей привѣтъ.....
О, я не желалъ бы блаженства инаго!
(помолчавъ)
Но что я! къ чему этотъ бредъ!
Вѣдь ты.... за тобою слѣдятъ осторожно
Змѣиныя жала, завистливый взглядъ:
Тебя безнаказанно видѣть не можно,
Покинуть, разстаться велятъ,
Велятъ умереть!..... *(съ горемъ)* О, когда бы вы знали,
Бездушные люди, какъ грустенъ конецъ
Отшельника: онъ умираетъ въ печали,
Глядитъ, и не видитъ привѣтныхъ сердецъ;
Унылъ, одинокъ его одръ погребальный,
Родная рука не закроетъ глаза,
Никто не проводитъ къ могилѣ печальной,
И горсти земли не уронитъ прощальной,
Не канетъ родная слеза!.....
О, еслибъ меня ты узрѣла
Хоть въ грезахъ своихъ!
О, еслибъ на память страданій моихъ
Ты трауръ хоть на день надѣла!
Хоть бантикъ бы черный пришпилила разъ!.....
Быть можетъ, уронишь слезинку изъ глазъ,
Посмотришь, вздохнешь ты невольно, —
«Меня онъ любилъ»—ты помыслишь, грустя.....
(съ дикой ироніей)
Довольно, ты, плакса презрѣнный, довольно!
Расплакался, словно дитя!
И мнѣ ли вымаливать счастья слезами?

Все, все у меня отнято небесами,
Но ты, моя гордость, со мной!
Живой—я не зналъ униженья,
И мертвый—теперь не прошу сожалѣнья.....
(*съ рѣшимостью*)
Властна ты, и дѣлай что хочешь съ собой!
Забудь!.... я забуду!.... (*въ помѣшательствѣ*)
Ужъ я забываю.......
(*въ задумчивости*)
Черты ея..... смутны..... нельзя уловить.....
Да, въ вѣчность готовясь вступить,
Я страсть временную теперь презираю.....
(*молчаніе*)
Вздохнулъ я..... о комъ же?.... а! знаю: о ней!
Нѣтъ! видно, и смерть не научитъ забвенью!
Вотъ, вотъ она!.... здѣсь предо мной, какъ видѣнье,
Стоитъ она..... слезы бѣгутъ изъ очей.....
(*горестно*)
О милая! плачь: твой Густавъ умираетъ!
(*съ рѣшимостью*)
Ну, дальше, Густавъ, и смѣлѣй!
(*поднимаетъ кинжалъ; печально*)
Не бойся, желанный мой другъ, не жалѣй!
Вѣдь все онъ, все въ мірѣ тебѣ оставляетъ,
Съ собой не возьметъ ничего, —
Съ тобою и свѣтъ, и любовь, и отрада,
(*со злобой*)
И даже оставлю..... его.....
А мнѣ—ничего, ни слезинки не надо!
(*священнику, который входитъ съ людьми*)
Послушай, когда тебя встрѣтитъ одна
(*въ помѣшательствѣ и изступленіи*)
Дѣвица..... нѣтъ, женщина.... ангелъ красою,
И ежели спроситъ она,
Какъ умеръ я, смертью какою, —
Смотри же, старикъ!
Не сказывай ей, что я умеръ съ печали;
Скажи, что я былъ весельчакъ и шутникъ,
Что прежнюю страсть я и помнилъ едва-ли,
Игралъ себѣ въ карты, съ друзьями кутилъ,
Что эта разгульная жизнъ безъ заботы.....
Что въ танцѣ я какъ-то вотъ..... (*топаетъ ногой*) ногу сломилъ.....
Отъ этого умеръ..... (*закалывается*).

Священникъ.

О Боже мой! что ты!
(*Схватываетъ за руку; Густавъ стоитъ; часы начинаютъ бить*).

Густавъ.

(*Борясь со смертью, смотритъ на часы*)
Свершилось..... одиннадцать бьетъ!

Священникъ.

Густавъ! (*пѣтухъ поетъ въ другой разъ*)

Густавъ.

И въ другой разъ пѣтухъ ужъ поетъ!
И время уходитъ, и жизнь убѣгаетъ!
(*Часы перестаютъ бить, другая свѣча гаснетъ*).
А вотъ и другая погасла свѣча!
Страданьямъ конецъ наступаетъ.
(*Извлекаетъ кинжалъ и прячетъ*).

Священникъ.

Спасите, скорѣй позовите врача!
Ужъ онъ умираетъ..... взгляните, какъ въ тѣло
Глубоко вонзился кинжалъ.....
Онъ жертвой безумія палъ!

Густавъ (*съ холодной улыбкой*)

Однакожъ не падаетъ.

Священникъ (*схватываетъ за руку*)

Страшное дѣло!
О Боже, прости прегрѣшенье ему!

Густавъ.

Повѣрь, преступленье такое
Не часто бываетъ. Къ чему
Твое опасенье пустое?
Свершилось—такъ Богъ осудилъ.....
И сцену злодѣйства
Я только въ примѣръ для другихъ повторилъ.

Священникъ.

Но чтожъ это?

Густавъ.

Фокусъ простой, чародѣйство.

Священникъ.

Я чувствую—холодъ по мнѣ пробѣжалъ!
Что все это значитъ?..... небесная сила!

Густавъ (*смотря на часы*)

Любви и отчаянья часъ миновалъ,
Теперь завѣщанья пора наступила.

Священникъ (*усаживая его*).

Прилягъ, успокойся! отдай свой кинжалъ,
Позволь осмотрѣть свои раны, несчастный!

Густавъ.

Даю тебѣ слово, что онъ
До суднаго дня не покинетъ ноженъ.
О ранахъ заботы напрасны:
Ты видишь—здоровъ я иль нѣтъ.

Священникъ.

Но что жъ это значитъ?

Густавъ.

Безумство и бредъ!
А, можетъ, и фокусъ. Есть много оружій:
Ихъ жало и самую душу пронзитъ,
А раны не видно снаружи.
Такимъ-то оружьемъ я дважды убитъ.....

(*помолчавъ, съ улыбкой*)

При жизни—имъ были красавицы взоры,

(*мрачно*)

По смерти же—совѣсти грѣшной укоры.

Священникъ.

О Боже мой! что совершается въ немъ?
Стоитъ онъ какъ мертвый, глаза безъ движенья
И тусклы, какъ будто покрыты бѣльмомъ,
И пульса не слышно біенья,
Рука холодна.....

Густавъ.

Не объ этомъ теперь.
Послушай, зачѣмъ я явился на свѣтѣ:
Когда я вошелъ въ твою дверь,
Я помню, что ты и съ тобой твои дѣти
За души усопшихъ молились тогда.

Священникъ (*беретъ распятіе*)

Мы тотчасъ докончимъ. (*подводитъ дѣтей*)

Густавъ.

Скажи откровенно:
Ты вѣришь и въ адъ и въ чистилище?

Священникъ.

Да!
Я вѣрю во все, что священно,
И что наша церковь велитъ почитать.

Густавъ.

Во что твои вѣрили предки когда-то.
Зачѣмъ же ты *Дѣды* желаешь изгнать?
А этотъ обычай такъ свято
Усопшимъ отцамъ посвященъ.

Священникъ.

Обычай языческихъ, давнихъ временъ.
Мнѣ церковь велитъ, чтобы истины свѣтомъ
Народъ суевѣрный на путь направлять.

Густавъ.

Но всѣ тебя просятъ и молятъ объ этомъ:
Отдай наши Дѣды, оставь ихъ опять.
Повѣрь мнѣ, что тамъ, передъ трономъ небеснымъ,
Гдѣ наши дѣла и заслуги извѣстны,
Слеза, пролитая на гробѣ твоемъ
Отъ чистаго сердца простымъ бѣднякомъ,
Тамъ болѣе значитъ, чѣмъ говоръ похвальный
И ложныя слезы корыстныхъ рѣчей,
Притворная скорбь похоронныхъ гостей
И флёромъ обтянутый цугъ погребальный.
И если убогій холопъ,
О добромъ своемъ господинѣ жалѣя,
Грошовую свѣчку поставитъ на гробъ,—
То въ мракѣ загробномъ та свѣчка яснѣе,
Чѣмъ пламень лампадъ и свѣчей,
Притворной печалью зажженный;
И даръ небогатый убогихъ людей,
Съ молитвой на гробъ принесенный,

Ихъ яства простая— и хлѣбы и медъ —
Скорѣе усопшую душу спасетъ,
Чѣмъ пышный обѣдъ похоронный.

Священникъ.

Но эти полночныя сходки крестьянъ
Въ часовняхъ, пещерахъ, вдали отъ селеній, —
Обрядъ святотатный и жалкій обманъ.
Онъ чернь погружаетъ во тьму заблужденій,
Плодитъ предразсудки и сказочный бредъ
О чарахъ духовъ, упырей, привидѣній.

Густавъ.

А ихъ, полагаешь ты, нѣтъ?
(иронически)
Природа, по-твоему, вовсе бездушна?
И если живетъ, то живетъ какъ скелетъ,
Какой-то незримой пружинѣ послушна;
Иль, можетъ, подобна огромнымъ часамъ,
Которыми движетъ законъ тяготѣнья?
(съ улыбкой)
Да только извѣстно ли вамъ,
Кто гири повѣсилъ въ минуту творенья?
Вашъ умъ всѣ колеса, винты, рычаги
Узналъ,—но не видитъ ключа и руки.—
Отбрось близорукаго разума сѣти,
И ты убѣдишься, что въ свѣтѣ
Все движется, вѣчно живя и дыша.
(дѣтямъ, которыя входятъ)
Сюда подъ конторку подите-ка, дѣти.
(къ конторкѣ)
Что тебѣ нужно, душа?
Голосъ изъ конторки.
Прошу обо мнѣ помолиться.

Священникъ *(въ ужасѣ)*

О Боже!... гдѣ люди?.... зовите сюда!
Здѣсь чудо творится!

Густавъ.

Стыдись! гдѣ же вѣры твоей чистота?
Гдѣ разумъ, которымъ привыкъ ты гордиться?

Нѣтъ силы сильнѣе креста,
Кто вѣруетъ, тотъ ничего не боится.

Священникъ.

Что-жъ нужно тебѣ?.... Это призракъ, мертвецъ!

Густавъ.

Я, я ничего не желаю, отецъ;
Желающихъ много найдешь, безъ сомнѣнья!......
(ловитъ около свѣчки мотылька)
Ага, мотылекъ! не ушелъ отъ меня!
(показывая священнику мотылька)
Вотъ этотъ мелькающій рой вкругъ огня
При жизни гасилъ просвѣщенье.
За это на страшномъ судѣ
Они въ темнотѣ непроглядной томятся,
И — грѣшной душою, скитаясь вездѣ —
Хоть свѣта не любятъ, а къ свѣту стремятся.
Нѣтъ кары страшнѣе для темныхъ духовъ!
Взгляни—вотъ одинъ изъ такихъ мотыльковъ,
Въ нарядъ разноцвѣтный одѣтый,
Былъ прежде владѣлецъ, какой-нибудь шахъ,
И крыльевъ его исполинскій размахъ
Весь край заслонялъ отъ источника свѣта.
А этотъ другой мотылекъ,
Собой некрасивый, пузатый, —
Былъ цензоромъ глупымъ когда-то;
Летая въ искуствѣ съ цвѣтка на цвѣтокъ,
Всю прелесть твореній чернилъ онъ позорно,
Ихъ сладость высасывалъ жаломъ тлетворно,
Безжалостно въ прахъ ихъ топталъ,
И въ самомъ зародышѣ добрыя зерна
Онъ зубомъ змѣинымъ сгрызалъ.
А эти, снующіе стаей крылатой, —
Угодники знатныхъ, писаки изъ платы;
Бывало, на что ихъ патронъ возстаетъ,
Какія онъ гонитъ идеи и цѣли, —
Туда они тучей проклятой летѣли,
И плодъ, чуть развитый и зрѣлый ужъ плодъ
Они саранчей безпощадною ѣли.
За нихъ и молитвы не стоитъ прочесть,
Не нужно ни жертвъ, ни моленья.

Но знаю я: многіе есть,
Которые стоятъ вполнѣ сожалѣнья.
И тѣ между ними, кого ты училъ,
Чей умъ окрылялъ ты для высшаго лету,
Чей жаръ распалять прилагалъ ты заботу.....
И муку, какую имъ рокъ присудилъ,
Тебѣ показалъ я, разставшись съ могилой,
И здѣсь, въ эту пору, покорный судьбѣ,
Всю жизнь свою, что со мной было,
Я пережилъ снова, въ науку тебѣ.
Такъ имъ ты неси облегченье
Въ дарахъ и усердномъ моленьи,
А я отъ тебя ничего не прошу.
За грѣхъ мой—мнѣ жизнь была мукой моею,
Теперь же и самъ я рѣшить не умѣю,
Награду илъ кару сношу.
Чье сердце при жизни блаженство вкусило,
Кто въ другѣ увидѣлъ себя самого,
И кто, забывая свое существо,
Сливался душою и чувствами съ милой,
Чье сердце ея только мыслію жило,
Дышало дыханьемъ ея, —
Тому и по смерти утратить придется
Свое бытіе:
Онъ съ милой навѣки сольется,
И будетъ лишь тѣнью ея.
Кто въ жизни былъ вѣренъ святому призванью,
Тому и хвала въ небесахъ;
Кто злому,—тотъ въ адскихъ огняхъ
Навѣкъ понесетъ наказанье.
По счастью, мнѣ ангелъ былъ данъ за вождя, —
И свѣтлая насъ ожидаетъ награда.
Теперь я, какъ призракъ за нею слѣдя,
Бываю то въ небѣ, то въ пропастяхъ ада.
Когда обо мнѣ она вспомнитъ порой,
Вздохнетъ и уронитъ слезу состраданья, —
Къ устамъ припаду я, впиваю дыханье,
И съ нею сливаюсь душой,
И небо сіяетъ тогда предо мной!....
А если..... тѣ знаютъ, чье сердце любило,
Какъ зависть насъ мучитъ и жжетъ!....

И долго еще мнѣ скитаться уныло,
Пока меня Богъ призоветъ, —
Тогда—неразлучно—за милой
И блѣдная тѣнь моя въ небо войдетъ!

(*Часы начинаютъ бить*; *Густавъ поетъ*).

«Внемлите, и знайте завѣтъ правосудный,
«И въ сердцѣ храните у васъ:
«Тому, кто при жизни былъ въ небѣ хоть разъ,
«По смерти вступить туда трудно!

(*Часы перестаютъ бить; пѣтухъ поетъ*; *лампада передъ образомъ гаснетъ; Густавъ исчезаетъ*).

Хоръ.

Мы внемлемъ и знаемъ завѣтъ правосудный,
Его сохраняемъ мы въ сердцѣ у насъ:
Тому, кто при жизни былъ въ небѣ хоть разъ,
По смерти вступить туда трудно!

А. С.

Элегія.

Покинь меня, мой юный другъ!
Твой взоръ, твой голосъ мнѣ опасенъ:
Я испыталъ любви недугъ —
И знаю я, какъ онъ ужасенъ...
Но что, безумный, я сказалъ?
Къ чему укоры и упреки?
Ужъ я твой узникъ, другъ жестокій;
Твой взоръ меня очаровалъ.
Я увлеченъ своей судьбою,
Я самъ къ погибели бѣгу:
Боюся встрѣтиться съ тобою,
А не встрѣчаться не могу.

К. Р—въ.

КАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.

(Изъ записокъ С. Н. Глинки.)

Объ изданіи Русскаго Вѣстника повѣстилъ я въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Увѣдомленіе возбудило и недоумѣніе и удивленіе. Въ то время я еще бывалъ въ блестящемъ кругу московскомъ; для обѣдовъ мнѣ не нужно было разводить огня. Если-бъ въ недѣлѣ скоплялось и тридцать дней, то и на тѣ стало бы званыхъ обѣдовъ. Домъ *А. С. Небольсиной* былъ первымъ домомъ гостепріимнымъ; по четвергамъ у нея были званые обѣды. Въ первый четвергъ по выходѣ моего увѣдомленія о Русскомъ Вѣстникѣ, встрѣтился я у нея съ графомъ *Ѳ. В. Ростопчинымъ*. Съ ласковымъ привѣтомъ, графъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:—Я читалъ ваше увѣдомленіе; отважное предпріятіе удивляетъ меня».—«Что же тутъ удивительнаго! отвѣчалъ я:—издатель хочетъ въ Россіи говорить о Россіи. Я видѣлъ народъ русскій въ земской моей службѣ, я ознакомился съ духомъ его; я прислушивался къ задушевному его голосу. Да и сами вы, графъ, такъ умно и живо высказали въ лицѣ вашего Богатырева въ вашихъ «мысляхъ вслухъ на красномъ крыльцѣ» духъ русскаго народа. Мое перо не чета вашему; у вашего пера крылья и ваши мысли вслухъ разлетались во всеуслыша-

ніе».—«Благодарю васъ за вашъ отзывъ, но я крайне не благодаренъ А. С. Шишкову за то, что онъ, безъ моего согласія, перепечатавъ мои листки, вставилъ наряду съ Багратіономъ и другими русскими полководцами имя Бенигсена, о которомъ я и не думалъ. Но объ этомъ поговоримъ послѣ. А теперь предлагаю вамъ себя въ сотрудники, только съ условіемъ: запальчивое перо мое часто бываетъ заносчиво, удерживайте, останавливайте меня. «Графъ, отвѣчалъ я, предложеніе ваше для меня и самое лестное и самое трудное. Между нами такое большое разстояніе». — Полноте, полноте, возразилъ графъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ общей, тамъ не считаются именами. — Обстоятельства высказываютъ человѣка. По смерти князя Таврическаго, у котораго Ростопчинъ былъ въ числѣ адъютантовъ, объ немъ почти вовсе не было слышно. — Знали его только по его острымъ шуткамъ. Съ восшествіемъ на престолъ Павла Перваго, быстро награжденъ былъ Ѳ. В. Растопчинъ и кавалеромъ Андрея Первозваннаго, и графомъ, и званіемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Вспыхнувшая 1798 года война съ французскою республикою, открыла графу Растопчину блистательное поприще. Съ дѣйствіями необычайной войны, обхватившей Францію со стороны Италіи, Швейцаріи, Англіи, Голландіи, графъ оказалъ необычайныя способности, сопряженныя съ его чредою. Съ именемъ его ознакомилась вся тогдашняя политика европейская.

Увѣдомленіе о Русскомъ Вѣстникѣ отворило мнѣ двери дома княгини *Дашковой*.

Вотъ какъ это было:

Посломъ ко мнѣ отправила княгиня книгопродавца *Полежаева*, старшаго лѣтами, но едва не бѣднѣйшаго изъ тогдашнихъ московскихъ книгопродавцевъ, хотя ему и удалось племянниковъ своихъ Глазуновыхъ вывесть на счастливую колею книжной торговли.

Княгиня съ русскими людьми была не спѣсива, безъ чиновъ разговаривала она съ *Полежаевымъ*, и охотно слушала его разговоръ о всякой всячинѣ. Вмѣстѣ съ путеводителемъ моимъ отправился я къ княгинѣ въ ея домъ на *Никитской*, перешедшій къ графу Воронцову. Лѣстница была не высока,

но, какъ увидимъ, условіе о сотрудничествѣ тяжелѣе было лѣстницы на *Иванъ великій*. Быстро встала княгиня съ софы при входѣ нашемъ и, подошедъ ко мнѣ, сказала: «Рада очень, что вижу издателя Русскаго Вѣстника. Я вызываюсь къ вамъ въ сотрудницы, только съ уговоромъ: я настойчива и даже своенравна въ мнѣніи и въ слогѣ моемъ; прошу не перемѣнять у меня ни буквы, ни запятой, ни точки». А тутъ, говоря по гомеровски, и очутился я между двухъ скалъ: *сциллою* и *харибдою*; или, говоря просто, отдѣлываться среди двухъ огней: графъ требовалъ, чтобы я его останавливалъ, а княгиня требовала перу своему воли безусловной. Усадя меня и Полежаева, княгиня тотчасъ смягчила строгій приговоръ своимъ очаровательнымъ для меня привѣтомъ. «Я прочитала, сказала она, вашу повѣсть о царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Она пробудила во мнѣ чрезвычайно пріятное для меня воспоминаніе. И она разсказала мнѣ какъ Екатерина была въ маскерадѣ у Льва Александровича Нарышкина, въ нарядѣ Натальи Кириловны, а княгиня Дашкова одѣта была подмосковскою крестьянкою, и пѣла въ хороводѣ пѣсни:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой;
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа».

Разсказъ объ этомъ отчасти былъ помѣщенъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 года.

Напечатанъ также въ Русскомъ Вѣстникѣ подлинный отзывъ Екатерины о русскомъ народѣ, переданный мнѣ княгинею: «народъ русскій надѣленъ силою, умомъ и догадкою».

Въ третій мой приходъ къ княгинѣ, она снова подарила меня живою своею памятью о дняхъ минувшихъ. Я засталъ ее за чтеніемъ одъ Ломоносова, изданныхъ въ четвертую долю листа. Не закрывая книги, она сказала: «я было собиралась вамъ писать о Ломоносовѣ, но вы здѣсь сами. Изъ первой вашей книжки вижу, что вамъ памяти не занимать. Слушайте, я разскажу вамъ о Екатеринѣ и о нашемъ холмогорскомъ поэтѣ.

«Незадолго до кончины его пріѣзжаю во дворецъ и государыня съ прискорбіемъ сказала мнѣ: «нашъ Михайло Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился, поѣдемъ къ нему. Онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлаютъ».— Немедленно отправились мы къ поэту и застали его въ глубокой задумчивости у большаго стола, на которомъ были разложены химическіе аппараты. Въ камелькѣ огонь, какъ будто, прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ доклада; но услыша привѣтъ императрицы: — «Здравствуйте, Михайло Васильевичъ!» — онъ вскочилъ, какъ будто съ просонокъ. Екатерина повторила: — «Здравствуйте, Михайло Васильевичъ. Я пріѣхала съ княгинею посѣтить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьи, или лучше сказать, о вашей грусти». Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, государыня! не я не здоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя!»—«Полечите ее, отвѣчала Екатерина, полечите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы сказали, что также усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго. Что же, неужели вы намѣрены мнѣ измѣнить?» — «Измѣнить вамъ, матушка государаня? Нѣтъ, не перо, а сердце мое писало:

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ Твой,
Твой разумъ—наше просвѣщенье
И неусыпность—нашъ покой!

Слезы блеснули въ очахъ Екатерины и она возразила: Вѣрю, вѣрю, Михайло Васильевичъ! А чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли. Щи у меня будутъ такія же горячія, какими подчивала васъ ваша хозяйка.

Почему я тогдаже не помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ разсказа, объ этомъ будетъ далѣе. Но пока яблоко раздора еще не упало между нами, то приходы мои къ княгинѣ оставались у меня всегда въ памяти.

Вотъ еще ея разсказъ.

Когда пронеслась молва по Петербургу о схваткѣ прикащиковъ нашего купца Владимірова съ англійскими купцами въ Лондонѣ, княгиня Дашкова получила отъ Екатерины слѣдующую записку: «Пріѣзжай ко мнѣ. Знаю Англію, но мнѣ нужно поговорить съ тобою объ Англичанахъ; ты лично наблюдала ихъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, умъ хорошъ, а два лучше».

Государыня встрѣтила ее словами: «Слышала ты, что задумалъ нашъ проказникъ Владиміровъ? Онъ приказалъ бросить въ море половину своей пеньки, завезенной въ Англію, сердясь за то, что Англичане сбивали на нее цѣну. Я призывала его, и онъ говоритъ: «Матушка, будьте спокойны, русская торговля не ударитъ въ грязь лицемъ. Пусть они упрямятся, они ничего не выиграютъ; если за половину не дадутъ того, что слѣдовало за все —велю утопить часть пеньки— пропади все. Не дамъ насмѣхаться надъ собою. Договоръ долженъ быть святъ. Будьте спокойны, матушка».

«Вотъ что онъ говоритъ, а ты какъ объ этомъ думаешь»? Княгиня отвѣчала: «Я думаю, государыня, что онъ правъ. Пенька для русской торговли съ Англіей стоитъ почти на ряду съ нуждою хлѣба. Купцы англійскіе дѣлаютъ Владимірову пустую привязку. Неумѣстная ихъ гордость уступитъ необходимости. Гдѣ имъ взять на скорую руку такой запасъ пеньки! «Такъ и сбылось. Владиміровъ за остальное выручилъ свое сполна».

Вслѣдъ за этимъ разсказомъ получилъ я отъ княгини первую ея статью въ Русскій Вѣстникъ. Англичанамъ былъ въ ней праздникъ, а сынамъ Германіи туманныя сумерки. Видна птица по полету; говоритъ наша пословица. По полету мыслей и по замашкѣ пера княгини я увидѣлъ, что сотрудничество ея быстро промелькнетъ; замѣчанія и оговорки строго были мнѣ запрещены. А потому я спѣшилъ похищать (признаюсь въ этомъ грѣхѣ), сокровища ея памяти. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать, какого была мнѣнія Екатерина о началѣ и ходѣ французской революціи? Вслѣдствіе этого, доставляя княгинѣ книжку Вѣстника съ ея статьею, я предложилъ ей этотъ вопросъ. Княгиня пробѣжала сперва

свою статью и не встрѣтя въ ней ни малѣйшаго измѣненія, начала свой разсказъ.

«Спѣша во дворецъ, я встрѣтила принца д'Артуа, въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, не отнимая платка отъ глазъ. Императрицу застала я въ слезахъ. «Вы плакали, государыня?» сказала я.

«Плакала, да есть отчего плакать, горестно отвѣчала Екатерина. Принцы французскіе въ изгнаніи; королевское семейство гибнетъ; старинная Францiя, какъ будто бѣжитъ изъ отечества своего. И это ни къ чему не послужило. Эмигранты вошли во Францію вмѣстѣ съ союзными войсками и вмѣстѣ съ ними убѣдились, что имъ нечего уже дѣлать. Зная легкомысленность и вѣтренность Французовъ, и убѣжденная въ необходимости порядка общественнаго, я полагаю, что суматоха французская будетъ минутнымъ порывомъ. Ошиблась. Это не бунтъ, не революція: это, Богъ знаетъ, что такое. Закроемъ высокоумныя книги наши и примемся опять за букварь»

«Государыня»! сказала я.—Вы то же говорите, что Гиббонъ говоритъ въ письмѣ, которое я на-дняхъ получила отъ него изъ Женевы. Онъ пишетъ, что зрѣлище теперешней Франціи — небывалое событіе въ исторіи, и что при всѣхъ усиліяхъ мысли, нельзя опредѣлить, чѣмъ все это кончится».

«Это извѣстно Богу,» возразила Екатерина. «Правда, однако и то, что тутъ не кстати замѣшалось пустое чванство. Къ чему было дворянству наряжаться въ рыцарскія одежды, залитыя золотомъ? къ чему было депутатовъ du tiers état, въ бѣдныхъ ихъ черныхъ эпанечкахъ заталкивать въ сѣни дворца версальскаго? Не люблю Людовика XI, но онъ правду сказалъ:

Quand l'orgueil marche devant,
Dommage suit de prés».

Я ничего не намекнула принцу о мнѣніи моемъ; но у насъ при собраніи депутатовъ имперіи всѣмъ былъ равный пріемъ и одинаковая почесть. Бранятъ Неккера за то, что онъ удвоилъ число депутатовъ средняго сословія противъ чиновъ дворянства и духовенства, но бранятъ его несправедливо.

По закрытіи нашей палаты въ Москвѣ, депутаты разъѣхались по домамъ своимъ, съ добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ, и это ускорило преобразованіе губерній. Ты знаешь, какія клеветы взводило на меня французское министерство? Легкомысленному герцогу Шуазёлю не понравился мой наказъ за изъявленное въ немъ вниманіе къ народу—и онъ сжегъ его въ Парижѣ. Что же, развѣ это спасло Францію? Я не перемѣнила мнѣнія моего о русскомъ народѣ, а во Франціи все перемѣнилось. Люблю перо Вольтера, но чрезвычайно досадую на него за презрѣніе къ хижинамъ поселянъ. Народъ надобно вразумлять, а не бранить. Ты помнишь, что я говорила во время Пугачевскаго бунта? я была убѣждена, что одно заблужденіе, будто бы онъ тотъ, за кого выдаетъ себя, привлекло къ нему народъ; я твердо была увѣрена, что когда толпы образумятся и узнаютъ наглый обманъ, то сообщники его сами собственными руками выдадутъ его. Впрочемъ, въ разсужденіи Франціи я буду держаться правила моего доктора Роджерсона: онъ всегда выжидаетъ дѣйствія природы, а потомъ начинаетъ давать лекарства, и я стану выжидать, что будетъ во Франціи».

Княгиня разсказывала мнѣ это въ тотъ самый вечеръ, когда графъ Алексѣй Кириловичъ *Разумовскій*, отправляясь въ Петербургъ на чреду министра народнаго просвѣщенія, пріѣхалъ проститься съ нею. Провожая его до дверей, княгиня сказала: «Повторяй мое мнѣніе въ Петербургѣ: Англія, Англія, Англія и Англичане.»

Увы! и для меня этотъ вечеръ былъ прощальнымъ съ умною, но неуступчивою въ мнѣніи своемъ княгинею.

Вотъ какъ это случилось:

Черезъ три дня получилъ я отъ княгини *Дашковой* вторую ея статью въ «Русскій Вѣстникъ». И въ ней величала она Англичанъ, а безпощадно казнила Нѣмцевъ. Сердясь на *Рейнскій союзъ*, она бросила перуны свои и на всѣ племена, описанныя живымъ перомъ Тацита. Что было дѣлать? пришлось и мнѣ ухитриться. Неучтиво было сражаться явно; а потому я упросилъ добраго моего пріятеля и цензора Алексѣя Ѳедоровича *Мерзлякова*, извѣстить меня запискою, что онъ никакъ не соглашается пропустить присланной

статьи. Мерзляковъ отстоялъ меня, и я къ запискѣ его присовокупилъ слѣдующее письмо къ княгинѣ:

«Въ стѣнахъ еще училища моего затвердилъ я остроумное посланіе ваше къ слову *такъ*. Вы сказали:

«Когда большіе господа
«Кого ругаютъ,
«Тогда
«Стоящіе предъ ними потакаютъ:
«*Такъ!* такъ! сударь, такъ! такъ!

«По уваженію къ вамъ, мнѣ стыдно быть *такальщикомъ*, то есть: ринуться въ число тѣхъ льстецовъ, на которыхъ падали ваши стрѣлы. Вотъ почему и впредь не буду помѣщать въ Вѣстникѣ грозныхъ вашихъ выходокъ противъ племенъ германскихъ. Вы любите Екатерину; вы передали мнѣ о ней сокровища вашей памяти; а Екатерина говорила, что «одинъ Богъ совершенъ». Вы особенно величаете Англичанъ за непреклонную ихъ борьбу съ Наполеономъ; боролись съ нимъ и сыны Германіи. Были у насъ въ модномъ свѣтѣ свои *Англоманы* и *Галломаны*. Первые гонялись за погремушками модъ лондонскихъ, а другіе за парижскими. Приняли мы при Петрѣ Первомъ одежду нѣмецкую или, лучше сказать, иностранную, но вѣнскихъ модъ у насъ не было и нѣтъ.»

Съ роковою вѣстію о непринятіи статьи отрядилъ я къ княгинѣ посредника нашего, книгопродавца Полежаева. Грозно вспыхнула сочинительница. Вертѣла и перевертывала то записку цензора, то мое письмо. «Какъ смѣлъ цензоръ, говорила она, не пропустить моей статьи? А этотъ издатель Вѣстника, что онъ за выскочка?» И обратясь къ Полежаеву, прибавила: «Посмотри, мой другъ! какими огромными буквами испестрилъ онъ письмо свое. Развѣ я дитя; развѣ онъ хочетъ учить меня азамъ? Переучивать меня! переучивать друга Екатерины!» Много еще было такого пылу, но не надолго. Въ слѣдующей книжкѣ Вѣстника напечаталъ я письмо къ княгинѣ, подъ заглавіемъ: «Письмо издателя Русскаго Вѣстника къ знаменитой Россіянкѣ.» Въ этомъ письмѣ из-

ложилъ я подробно все то, что англійскіе писатели огромной всемірной исторіи, говоря просто, нагородили о нашей землѣ русской и о новой нашей Россіи. Немедленно явился ко мнѣ Полежаевъ съ привѣтомъ княгини и съ отзывомъ, что хотя она и очень досадовала на возвращеніе ея статьи, какъ сочинительница, но какъ Россіянка, она отдаетъ справедливость всему тому, что напечатано къ ней въ письмѣ моемъ и что она приглашаетъ меня на вечера свои. За отзывъ я благодарилъ княгиню, а отъ вечеровъ отказался. Къ умной княгинѣ съѣзжались по вечерамъ не рыцари *Артурова* стола, но остряки, и рыцари зеленаго стола, въ числѣ которыхъ былъ Ю. А. Нелединскій. Играли, и была борьба мнѣній политическихъ. Чрезвычайно сердилась княгиня, выигрывая въ карты (что однако случалось рѣдко), и торжествовала, когда выигрывала въ спорѣ политическомъ. Съ умомъ Россіянки, у нея былъ весь умъ европейскій. Вскорѣ рушилось и сотрудничество со мною графа Ѳ. В. Ростопчина,—и вотъ по какому случаю:

1808 года, въ круженіи большаго московскаго свѣта разлетѣлась молва, будто бы умеръ молодой графъ Петръ Ивановичъ, сынъ графа Ивана Петровича *Салтыкова*. И вдругъ мнимый покойникъ явился въ полномъ здоровьи и, какъ слышно было, присватывался къ одной изъ московскихъ красавицъ. Отъ этихъ толковъ изъ-подъ пера графа Ѳ В. Ростопчина вышла очень бойкая комедія: «*Вѣсти, или мертвецъ въ живыхъ.*» Эта драматическая попытка показываетъ, что еслибъ графъ Растопчинъ почаще острилъ комическое перо, то, можетъ быть, обогналъ бы и сочинителя *Недоросля*. Послѣ деревенскаго *Недоросля*, появились въ нашемъ модномъ свѣтѣ свои *недоросли*. А графъ зналъ и свѣтъ и всѣ его причуды, и у него въ русской рѣчи была та *соль*, которая славилась въ древней Греціи подъ названіемъ *соли аттической*. Въ комедіи своей онъ мѣтилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, различнымъ лицамъ, извѣстнымъ въ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ. При раздачѣ *ролей*, роль *Богатырева*, въ которой сочинитель высказывалъ себя, досталась П. А. *Плавильщикову*; но на бѣду онъ заболѣлъ. Я настаивалъ, чтобы графъ отложилъ представленіе комедіи своей до вы-

здоровленія *Плавильщикова*. Бѣда бѣду родитъ, эта пословица сбылась съ «*Вѣстями*» графа. Сочинитель «*Лизы и рекрутскій наборъ*,» зналъ всѣ гостинныя тогдашнихъ московскихъ вельможъ и увивался около нихъ съ низкопоклонностію. Прислуживаясь графу не въ–попадъ, онъ увѣрялъ его, что новый актеръ *Кондаковъ*, введенный имъ на театръ, не ударитъ лицемъ въ грязь и отстоитъ *Богатырева*. Лесть побѣдила мое мнѣніе; не знаю однако, отразилъ ли бы и *Плавильщиковъ* натискъ, готовящійся на «*Вѣсти*» подъ знаменемъ той барыни, которую, въ лицѣ *Набатовой*, сочинитель вооружилъ противъ себя. Не было набата, но зато роковые отголоски свистковъ жужжали не хуже пуль. У графа разлилась желчь и вылилась изъ пера его на московскихъ, зрителей въ двухъ письмахъ, присланныхъ ко мнѣ изъ села его Воронова. Вскорѣ потомъ, свидясь съ графомъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ вызывался въ сотрудники «Вѣстника», я сказалъ ему, что, въ силу его предварительнаго условія, я не напечатаю его писемъ, въ нихъ слишкомъ много желчной колкости. Графъ махнулъ рукой, прищурилъ по обыкновенію лѣвый глазъ и молча отошелъ отъ меня. На другой день, едвали не на зарѣ утренней, отъ перваго моего сотрудника налетѣла такая же буря, какая разразилась надъ головою моею отъ первой моей сотрудницы. Въ третьемъ лицѣ получилъ я отъ графа французскую записку, гласившую, что: «графъ Растопчинъ требуетъ отъ маіора Глинки свои бумаги». Я отвѣчалъ по-французски, что: «маіоръ Глинка, не привыкнувъ раболѣпствовать ни чьимъ прихотямъ, съ радостію освобождаетъ себя изъ-подъ ярма условнаго и возвращаетъ бумаги графу Растопчину». Такъ кончилось сотрудничество графа въ «Русск. Вѣстникѣ». На нѣсколько дней сходились мы въ исходѣ 1809 года. Наконецъ дружно сблизились подъ громомъ пушекъ Наполеона.

О НѢМЕЦКИХЪ СТУДЕНТАХЪ.

(Письмо изъ-за границы по поводу 50-лѣтняго юбилея берлинскаго университета).

Въ августѣ 1860 г. исполнилось 50 лѣтъ существованія берлинскаго университета, и нетолько Берлинъ, но и вся образованная Германія ожидала съ большимъ любопытствомъ готовившагося по этому случаю праздника. Любопытство возбуждалось и воспоминаніемъ объ эпохѣ, въ которую онъ былъ основанъ, и мыслію о его блестящихъ успѣхахъ въ научномъ мірѣ.

Берлинскій университетъ былъ основанъ въ 1810 г., во время самаго бѣдственнаго положенія Пруссіи. Разбитая при Іенѣ и Ауерштедтѣ, она лишилась въ теченіе двухъ недѣль половины своихъ владѣній, арміи, потеряла всякое значеніе въ политической жизни Европы, должна была заплатить огромную контрибуцію; столица ея была занята побѣдителемъ, король уѣхалъ въ Кенигсбергъ и долженъ былъ согласиться на всѣ условія, предписанныя Наполеономъ. Быстрое паденіе могущества монархіи Фридриха Великаго открыло глаза и правительству и лучшимъ людямъ Пруссіи: они увидѣли, что это могущество было основано на одной военной и бюрократической силѣ, которая скрывала подъ оболочкою внѣшняго величія страшную болѣзнь: феодальныя привилегіи дворянства, монопольныя права городскихъ жителей, закрѣпленіе земледѣльческаго сословія, частные суды, подавленіе свободнаго развитія матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа и т. п.

Подъ вліяніемъ этого печальнаго открытія правительство приступило къ реформамъ: началась знаменитая дѣятельность Штейна: крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости; промышленность и ремесла — отъ стѣснительныхъ цеховъ и государственной опеки, войско—отъ сухой и мертвящей дисциплины; частные суды уничтожены; формализмъ административныхъ отправленій ослабленъ; даже дворянство было лишено нѣкоторыхъ, наиболѣе нелѣпыхъ привилегій (впрочемъ очень многія остались въ силѣ и до настоящаго времени).

Совершая общественныя реформы, поднимая внутреннюю жизнь народа, правительство хотѣло дать толчекъ и умственному развитію, создать центръ для высшихъ научныхъ интересовъ и остановилось на мысли основать университетъ въ Берлинѣ. Пруссія и безъ-того имѣла университеты, но всѣ они отличались по большей части мѣстнымъ характеромъ, были расположены въ отдаленныхъ углахъ государства и не могли пріобрѣсти общаго національнаго значенія. Кромѣ того, галльскій университетъ, стоявшій въ головѣ научнаго движенія до начала борьбы съ Франціею, отошелъ къ Вестфальскому королевству и упалъ. Гумбольдтъ, Нибуръ и Вольфъ, пользовавшіеся большимъ значеніемъ и довѣріемъ правительства, особенно настаивали на необходимости учредить университетъ въ Берлинѣ, который, по ихъ мнѣнію, «долженъ послужить центромъ и залогомъ нравственнаго и умственнаго развитія будущей свободной и единой Германіи.» Долго колебался король; особенно стѣснялъ его недостатокъ финансовыхъ средствъ разоренной Пруссіи. Наконецъ необходимыя суммы были найдены, и въ 1810 г. университетъ открытъ.

Открытіе состоялось очень просто, безъ всякихъ торжествъ, рѣчей, тостовъ, какъ слѣдовало ожидать при тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи. Въ первые два–три года жизни университета, научное движеніе было слабо, слушателей немного, нѣкоторыя каѳедры оставались незанятыми; на первомъ планѣ для берлинскаго общества стояли тогда вопросы политическіе, мысль объ освобожденіи Пруссіи и Германіи отъ чужеземныхъ побѣдителей. Вскорѣ началась война за освобожденіе; король сдѣлалъ воззваніе къ общему возстанію; народъ отвѣчалъ съ энтузіазмомъ; студенты поспѣшили оставить аудиторіи и стали въ ряды волонтеровъ; одушевленіе было такое, что даже многіе профессора записались въ военную службу. Университетъ опустѣлъ, и то было единственное время, когда его аудиторіи не были полны. Впрочемъ, оно продолжалось недолго; менѣе чѣмъ въ теченіе

года французское владычество было потрясено, студенты возвратились въ университеты, профессора открыли свои чтенія; собственно съ этихъ поръ и началась блестящая дѣятельность берлинскаго университета.

Какое же мѣсто занялъ онъ въ общемъ ходѣ германской науки? какому направленію онъ подчинился? Отвѣчать на эти вопросы тѣмъ необходимѣе, что германскіе университеты всегда отличались опредѣленнымъ характеромъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои эпохи славы и упадка.

Самостоятельное развитіе германскихъ университетовъ началось со временъ реформаціи; въ эту пору, въ первый разъ, они ставятъ для себя опредѣленную задачу, состоявшую въ защитѣ свободнаго религіознаго духа противъ насилія со стороны папъ и католическихъ орденовъ; съ особеннымъ успѣхомъ выполнилъ ее Виттенбергъ; отсюда выходили религіозные реформаторы, проповѣдники новаго исповѣданія, здѣсь же составлялись памфлеты и религіозныя книги, подрывавшія католическій догматизмъ. Къ концу XVII вѣка борьба стихла; новое ученіе утвердилось и германскіе университеты потеряли свой живой общественный характеръ; наступилъ періодъ безплодныхъ религіозныхъ споровъ и сухой схоластики. Галльскій университетъ первый вышелъ изъ этого застоя; въ половинѣ XVIII вѣка въ немъ явились Томазій, Франкъ, а вслѣдъ за ними Вольфъ; два первые принесли съ собой критическій духъ, вооружились противъ схоластическаго характера науки и положили начало чисто-научному движенію, основанному на полной свободѣ анализа и преподаванія; послѣдній развилъ и обработалъ здѣсь свою философскую систему, господствовавшую потомъ такъ долго въ Германіи, и сдѣлалъ Галле исходнымъ пунктомъ и отечествомъ новой германской философіи.

Немного позднѣе получили въ Германіи значительное развитіе естественныя науки и было возбуждено изученіе классическихъ древностей и исторіи; но эти отрасли знаній не нашли себѣ пріюта въ Галле, гдѣ преобладало идеальное направленіе вольфовой системы, и утвердилось въ геттингенскомъ университетѣ; это было во второй половинѣ XVIII столѣтія,—время, съ котораго Геттингенъ пріобрѣлъ славу, признанную за нимъ и до нашихъ дней; представителями его были Мосгеймъ, Бёмеръ, Галлеръ, Гесснеръ.

Разладъ между идеализмомъ Вольфа и реальнымъ направленіемъ въ Геттингенѣ вызвалъ глубокое и блестящее ученіе Канта, стре-

мившееся разрѣшить безконечный споръ догматиковъ и реалистовъ и наполнить пустоту между мыслію и жизнію. Главнымъ поприщемъ этого ученія былъ Кёнигсбергъ, гдѣ Кантъ нетолько обработалъ свою систему, но и читалъ ее на каѳедрѣ. Благодаря этому обстоятельству, кёнигсбергскій университетъ, расположенный въ отдаленномъ и темномъ углу сѣверной Германіи, вышелъ изъ второстепенной роли, привлекъ къ себѣ лучшія силы профессоровъ и студентовъ и долгое время стоялъ въ головѣ другихъ нѣмецкихъ университетовъ. Идеальная сторона ученія Канта особенно привилась къ Іенѣ, гдѣ явилось много молодыхъ ученыхъ, развившихъ ее до послѣднихъ результатовъ; между ними особенно былъ замѣчателенъ Фихте: онъ отвергъ самостоятельную жизнь предметнаго міра и поставилъ во главѣ созданія и міровой жизни человѣческое сознаніе. Лекціи Фихте были отголоскомъ и выраженіемъ господствовавшаго тогда во Франціи политическаго и общественнаго направленія, и пользовались огромнымъ сочувствіемъ: германскіе юноши, наслышавшіеся о французской революціи и ея началахъ, охотно вѣрили въ творческую силу фихтевскаго Ісh, и спѣшили въ Іену послушать знаменитаго ученаго.

Но въ то время, когда Фихте такъ произвольно распоряжался дѣйствительнымъ міромъ, въ области естественныхъ наукъ, особенно химіи, физіологіи, геологіи, были совершены важнѣйшія открытія, и природа потребовала признанія своихъ правъ; защитникомъ и истолкователемъ ихъ явился Шеллингъ, котораго первыя лекціи начались въ Іенѣ; онѣ отличались страстной любовью къ природѣ, поэтическими образами и производили сильное впечатлѣніе на слушателей, а вскорѣ привлекли къ себѣ общее вниманіе всей ученой Германіи и сдѣлали Іену рѣшительнымъ центромъ новой философіи. По стеченію особенно-счастливыхъ обстоятельствъ, въ Іенѣ жили, одновременно съ Фихте и Шеллингомъ, оба Шлегели, Шиллеръ, Гуфеландъ, Гумбольдтъ и всѣ, кромѣ послѣдняго, занимали каѳедры; это придало іенскому университету еще болѣе блеска и въ короткое время поставило его на высоту, какой не достигалъ до-тѣхъ-поръ ни одинъ изъ германскихъ университетовъ.

Между тѣмъ естественныя и классическія науки нашли для себя еще болѣе широкое поприще въ Галле. На его каѳедрахъ появились первые современные естествоиспытатели: Форстеръ (мореплаватель), Реаль (психологъ—врачъ), Лодеръ (анатомъ), и геніальный толкователь Гомера—Вольфъ; въ то же время здѣсь начали свою дѣятель—

ность Штеффенсъ и Шлейермахеръ. При такихъ профессорахъ галльскій университетъ скоро сталъ затемнять Іену и готовился снова занять первое мѣсто въ движеніи германской науки; но Франція наноситъ пораженіе Пруссіи и жизнь народа пошла другой дорогой: галльскій университетъ отошелъ къ Вестфальскому королевству и разстроился; нити, соединявшія преемственное развитіе германскихъ университетовъ, были порваны, научное развитіе прекратилось. Въ такую-то минуту родилась мысль основать университетъ въ Берлинѣ.

Съ первыхъ же годовъ своего существованія берлинскій университетъ имѣлъ на своихъ каѳедрахъ лучшихъ германскихъ ученыхъ; особенно замѣчательны были въ это время: Фихте, Штеффенсъ, Гуффеландъ, Реаль и др. Впрочемъ, ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ пріобрѣсти преобладающаго вліянія на научное движеніе и до 20-хъ годовъ берлинскій университетъ не представлялъ одного общаго направленія. Въ 20 году на мѣсто Фихте былъ приглашенъ Гегель и вскорѣ сдѣлался первой знаменитостью университета и всей германской философіи. Лекціи Гегеля далеко не отличались блестящимъ изложеніемъ, были нерѣдко утомительны и тяжелы, но производили на слушателей невыразимое впечатлѣніе. Все, что было въ это время въ Германіи молодаго, любознательнаго и даровитаго, все спѣшило въ Берлинъ послушать новаго ученія, и вскорѣ образовался длинный рядъ поклонниковъ и толкователей гегелевой философіи; между слушателями было много и иностранцевъ, въ томъ числѣ и Русскихъ, изъ которыхъ Неволинъ и Рѣдкинъ оказали впослѣдствіи услуги русской наукѣ.

Очарованіе окружало каѳедру Гегеля до самой его смерти, т. е. до 31 г., и это время берлинскаго университета можно назвать, по преимуществу, философскимъ. Одновременно съ дѣятельностью Гегеля на философскомъ факультетѣ развивались и другіе факультеты, имѣвшіе на своихъ каѳедрахъ первоклассныхъ ученыхъ: Нибура, Савиньи, Ганса, Пухта, Бека, Ранке, Лахмана, Рихтера, Мюллера, Діефенбаха, Лихтенштейна, Кнута.

Съ смертью Гегеля окончилось преобладаніе философскаго направленія; на мѣсто великаго учителя не находилось достойнаго преемника, а между тѣмъ сочувствіе публики къ философіи стало ослабѣвать значительно. Реальныя науки все больше и больше овладѣвали умами и дѣлали невозможнымъ философскій догматизмъ. Увлеченный прежней славой Шеллинга, сенатъ берлинскаго университета пригласилъ

его занять каѳедру Гегеля, въ надеждѣ, что онъ поддержитъ упадавшую вѣру въ философію. Шеллингъ явился и заговорилъ о философіи природы, о тождествѣ духа и міра, даже обѣщалъ примирить въ своихъ чтеніяхъ разумъ и вѣру; но его ученіе уже не имѣло тѣхъ достоинствъ, которыми отличалось въ Іенѣ—страстнаго увлеченія, поэтическихъ образовъ, и не встрѣтило сочувствія. Видя равнодушіе слушателей и безнадежность защищаемаго имъ дѣла, Шеллингъ поспѣшилъ оставить Берлинъ.

Послѣ него участіе къ философіи слабѣло все больше и больше. Въ настоящее время въ берлинскомъ университетѣ есть нѣсколько каѳедръ и исторіи философіи, есть даже нѣсколько именъ извѣстныхъ въ философской литературѣ; но надо сказать правду: философскія аудиторіи посѣщаются очень слабо; слушатели состоятъ главнымъ образомъ изъ обязанныхъ; на публичныхъ же курсахъ (необязательныхъ) замѣтна поразительная пустота: едва-едва набирается 5, 6 посѣтителей изъ иностранцевъ (особенно Американцевъ, Русскихъ, Грековъ; Нѣмцевъ же почти не бываетъ), т. е. слушателей самыхъ ненадежныхъ, потому что они являются по большей части на нѣсколько лекцій, случайно, и нестолько ради серьознаго интереса къ предмету, сколько изъ неопредѣленнаго чувства уваженія къ когда-то славной нѣмецкой философіи. Послѣ нѣсколькихъ лекцій (на которыхъ объясняются иногда съ философской точки планетная система, туманныя пятна, сиріусъ и т. п., что случалось намъ самимъ слышать на лекціяхъ Мишле о философіи природы) это дѣтское чувство, выносимое изъ родины, гдѣ знаютъ о философіи по преданію, по темнымъ слухамъ, ослабѣваетъ и наивный поклонникъ германскаго трансцендентальнаго ученія оставляетъ посѣщеніе философскихъ лекцій.

Взамѣнъ упадка философіи берлинскій медицинскій факультетъ находится въ блестящемъ состояніи; въ числѣ своихъ дѣятелей онъ имѣетъ Грефе, Фрериxса, Эберта, Шульце-Шульценштейна; но лучшее украшеніе его—Вирховъ, профессоръ патологической анатоміи, первый ученый германскаго медицинскаго міра и блестящій защитникъ современнаго реальнаго направленія. Отдѣлъ историческихъ наукъ также замѣчателенъ своими префессорами, изъ которыхъ Дройзенъ и Ранке едва ли не лучшіе германскіе историки; первый почти всегда читаетъ курсы новой исторіи, второй—средней; къ историческому же отдѣлу принадлежатъ: Бёкъ, Лепсіусъ, Раумеръ, Бенари, Мюллеръ (читаетъ географію). Едва ли можно сдѣлать одобритель-

ный отзывъ о профессорахъ юридическаго фекультета; Келлеръ недавно умеръ, Гефтеръ устарѣлъ; исключая Гнейста, который по глубинѣ знаній и способу чтенія стоитъ чрезвычайно высоко, всѣ остальные далеко уступаютъ юридическимъ профессорамъ гейдельбергскаго факультета.

Въ такомъ составѣ и значеніи берлинскій университетъ встрѣтилъ свой пятидесятилѣтній юбилей. Почти всѣ германскіе университеты (за исключеніемъ нѣкоторыхъ католическихъ) прислали депутаціи изъ профессоровъ и студентовъ; не остались равнодушными и люди, непринадлежащіе къ ученому классу, съѣхавшіеся ко дню праздника въ большомъ числѣ, со всѣхъ концовъ Германіи.

Праздникъ былъ довольно сложный; онъ начался 14 октября и продолжался 4 дня; особенно были интересны 15 и 17 октября. 15-го утромъ, съ 8 часовъ начали сходиться ближайшіе участники праздника и распредѣлились на нѣсколькихъ пунктахъ университетской площади и сада. Часовъ въ 10 всѣ собрались и по сигналу музыки началось шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ: оркестръ музыки, комитетъ студентовъ, выбранный для завѣдыванія праздникомъ, профессоры, депутаты отъ университетовъ, академій, гимназій, школъ, депутаты отъ города и различныхъ городскихъ установленій; затѣмъ еще 2 или 3 оркестра музыки и студенты; послѣдніе шли рядами по 6 и 10 человѣкъ; по сторонамъ шествія, тянувшагося по крайней мѣрѣ на версту, толпилось множество публики, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдившей за зрѣлищемъ. Процессія отправилась въ церковь св. Николая, гдѣ было служеніе, потомъ рѣчь Бёка и въ заключеніе религіозная Festcantate.

Но чисто студентская часть праздника была 17 октября и состояла въ Fackelzug (шествіе съ факелами), который, по многочисленности студентовъ, по величинѣ факеловъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ зрѣлищемъ, какъ замѣчали сами берлинцы. Онъ начался въ $8^1/_2$ часовъ вечера и сопровождался нѣсколькими оркестрами музыки: впереди, тихимъ шагомъ, ѣхали члены студентскаго комитета въ почтовыхъ открытыхъ колясках; потомъ шли студенты съ горящими факелами въ рукахъ, *предводимые вооруженными форштегерами*. Шествіе было чрезвычайно медленное, продолжалось часа три и нѣсколько разъ прерывалось отъ напора зрителей, которыхъ было еще больше, чѣмъ 15-го октября; кажется, всѣ берлинскіе жители вышли посмотрѣть на студентскій Fackelzug, потому

что вдоль всего Unten der Linden давка и тѣснота была невѣроятная. Дойдя до дворца нынѣшняго прусскаго короля, шествіе остановилось; студенты пропѣли «Heil dir,» затѣмъ погасили факелы и отправились въ экзерцицъ-гаусъ, гдѣ горожане приготовили угощеніе, состоявшее изъ пива. Участниковъ въ пирѣ было до 5000 человѣкъ; студенты раздѣлились на разряды и каждый разрядъ занялъ особый столъ; профессора и почетные гости сидѣли также за особымъ столомъ. Iubel-commerce (студентскій пиръ) открылся рядомъ застольныхъ пѣсенъ во главѣ которыхъ было «Gaudeamus»; въ антрактахъ между пѣснями было множество vivats въ честь ректора, и нѣкоторыхъ профессоровъ; пиръ продолжался до 4 ч. утра.

Празднество 50–лѣтняго юбилея произвело на всѣхъ жителей Берлина и вообще на всѣхъ Нѣмцевъ впечатлѣніе самое благопріятное; они были довольны многочисленностію присланныхъ депутацій и торжественною обстановкою праздника; имъ нравились корпораціонныя студентскія знамена, разноцвѣтныя фуражки, банты, испанскія шляпы съ плюмажами форштегеровъ и знаменоносцевъ, и самый дымъ отъ 1000 зажженныхъ факеловъ. Нельзя сказать того же объ иностранцахъ; большая часть изъ нихъ осталась недовольна, именно внѣшней стороной праздника, особенно запоздалыми обычаями и украшеніями студентовъ. Пишущій эти строки вынесъ подобное же впечатлѣніе, и это была одна изъ причинъ, побудившая его ознакомиться ближе съ специфическими правами и жизнію нѣмецкихъ студентовъ. Спѣшимъ паредать на-скоро собранныя нами свѣдѣнія.

Съ первыхъ временъ учрежденія германскихъ университетовъ жизнь нѣмецкихъ студентовъ является со всѣми условіями средневѣковыхъ корпорацій. Студенты каждаго университета составляли замкнутые круги, называвшіеся nationes, и имѣвшіе свои особыя правила, собранія, своихъ seniores, fiscales и т. п.; основаніемъ этихъ круговъ была національность; всѣ принадлежавшіе къ извѣстной мѣстности съ поступленіемъ въ университетъ поступали въ число членовъ своихъ nationes; въ нѣкоторыхъ университетахъ къ nationes принадлежали профессора, и вмѣстѣ съ студентами выбирали всѣхъ должностныхъ лицъ. Для принятія въ студенты, а вмѣстѣ и въ nationes необходимо было исполнить церемонію depositio или beania, состоявшую въ томъ, что депозиторъ (старшій студентъ) надѣвалъ на новопоступившаго особенную одежду, ставилъ въ извѣстныя позы, обрѣзывалъ ему волосы, клалъ въ ротъ соль (sapientiae symbolum)

и въ знакъ очищенія лилъ на голову вино. Подвергнувшійся такой варварской церемоніи, долженъ былъ носить впродолженіи 6 мѣсяцевъ черный плащъ, услуживать старшимъ студентамъ и терпѣливо переносилъ ихъ замѣчанія и часто насмѣшки.

Въ 16 вѣкѣ, при усиленіи въ университетахъ научныхъ интересовъ, національное начало студентскихъ корпорацій стало уступать началу факультетскому. Студенты стали дѣлиться на общества не по мѣсту жительства и происхожденія, но по предмету занятій. Въ этихъ обществахъ, такъ же какъ и въ nationes, господствовалъ замкнутый характеръ и строгая зависимость отдѣльнаго лица отъ своего цеха. Нѣсколько позже эта зависимость развилась еще сильнѣе и обратилась въ *пенализмъ*, который состоялъ въ томъ, что студенты одной факультетской корпораціи раздѣлялись на старшихъ—схористовъ и младшихъ-пеналовъ; послѣдними были всѣ, находившіеся въ университетѣ 1-й годъ. Каждый пеналъ былъ подъ непосредственнымъ надзоромъ одного изъ старшихъ студентовъ, долженъ былъ услуживать ему, быть на посылкахъ (иногда за 5 и 10 миль), переписывать ему тетради, сопровождать во время прогулокъ, въ торжественные дни носить за нимъ шпагу, отдавать отчетъ въ своихъ занятіяхъ и дѣлать расходы только съ его согласія; освобожденіе отъ пенальства могло имѣть мѣсто по истеченіи года, и то въ такомъ только случаѣ, если старшій давалъ одобрительный отзывъ о поведеніи своего пенала. Пенализмъ былъ страшнымъ зломъ; младшіе студенты во время своего служебнаго года ничѣмъ не могли заниматься, старшіе самымъ безсовѣстнымъ образомъ тиранили младшихъ, и въ свою очередь ничего не дѣлали; это была просто организація ничегонедѣланія и самой грубой, цинической жизни. Зло было такъ велико, что всѣ германскія правительства начали рѣшительно дѣйствовать противъ пенализма, издавали статуты, запрещали принимать въ службу бывшихъ пеналовъ, и только такія крайнія мѣры могли наконецъ искоренить это учебное холопство.

На мѣсто пенализма возникаютъ въ половинѣ XVII вѣка Landsmannschaften, непохожія впрочемъ на прежнія nationes; послѣднія были обязательныя корпораціи, имѣвшія національное и отчасти политическое значеніе и признанныя правительствами; первыя же были добровольные союзы, цѣль которыхъ состояла въ соединеніи студентовъ извѣстной мѣстности для общей веселой и свободной жизни и утвержденія между ними чувства братства и чести. Уставы Landsmannschaften глав—

нымъ образомъ были наполнены правилами о Vortrinken, Morgentrinken, о корпоративной чести, вѣчномъ храненіи студентской дружбы и т. п. Всѣ старые студенты, принадлежавшіе къ Landsmannschaft назывались буршами, и избирали изъ своей среды Senior'а, иногда Herzog'а, который управлялъ цѣлымъ обществомъ, и вмѣстѣ съ Seniorienconvent разбиралъ споры между студентами. Каждое Landsmannschaft считало своимъ исключительнымъ владѣніемъ извѣстную часть города и называло ее герцогствомъ; имѣло свои Hoftag, Hofpoet. Въ дни праздниковъ и увеселеній Landsmannschaften выбирали Lierkönig'а; избранный садился на устроенный нарочно тронъ, клалъ передъ собой часы и приглашалъ студентовъ «своихъ вассаловъ» къ состязанію въ Biertalent; кто выпивалъ больше другихъ впродолженіи 5 минутъ, тотъ получалъ президентство. Съ образованіемъ Landsmannschaften начинаютъ исчезать грубость студентскихъ нравовъ, пошлость пенализма и замѣняются нѣкотораго рода приличіями и взаимнымъ уваженіемъ; въ это же время вошелъ въ моду тотъ фантастическій нарядъ, которымъ отличаются нѣмецкіе студенты отчасти и до сихъ поръ; онъ представляетъ соединеніе рыцарскаго костюма и разныхъ мундирныхъ украшеній двора Лудовика XIV: шляпы съ плюмажами, чулки съ пряжками, шпаги, перевязи и т. п. Подражая въ соблюденіи приличій и въ одеждѣ французскому двору и позднѣйшему феодальному дворянству, Landsmannschaften усвоили и дуэли, которыя привились къ германскимъ студентамъ быстро и сильно, и въ первое время были обязательны для каждаго бурша. Какъ легко составлялись въ это время дуэли, можно видѣть изъ того, что въ Галле главная арена для ссоръ былъ большой камень, положенный на улицѣ отъ грязи; достаточно было не уклониться при встрѣчѣ на этомъ камнѣ и задѣть другъ друга, чтобы составилась дуэль, которая нерѣдко оканчивалась смертью одного изъ противниковъ, или по крайней мѣрѣ значительной раной.

Въ половинѣ XVIII вѣка начали распространяться въ Германіи французскія идеи о космополитизмѣ, всеобщемъ равенствѣ, братствѣ, о гражданскихъ добродѣтеляхъ, республиканскихъ формахъ правленія, и вмѣстѣ начали возникать массонскія ложи. Подъ вліяніемъ этихъ идей и массонскихъ ложъ жизнь германскихъ студентовъ принимаетъ другое направленіе: во многихъ университетахъ на мѣсто Landsmannschaften стали возникать ордена, которые отвергли начало мѣстнаго происхожденія и требовали отъ своихъ членовъ не качествъ веселаго

товарища, но извѣстныхъ нравственныхъ и соціальныхъ убѣжденій, въ-особенности космополитическихъ и республиканскихъ; ордена были преслѣдуемы правительствами, но продолжали существовать до начала войны за освобожденіе отъ французскаго деспотизма.

Война эта пробудила Германію, быть можетъ въ первый разъ, отъ тяжелой феодальной жизни, раздробленной между сотнею мелкихъ владѣтелей, вызвала всеобщее одушевленіе и дотолѣ незнакомыя Нѣмцамъ стремленія къ независимости, единству, и вмѣстѣ съ тѣмъ была важнѣйшимъ событіемъ въ развитіи германскихъ студентовъ, принимавшихъ въ ней непосредственное участіе.

Война окончилась, Германія освободилась отъ чужеземнаго владычества, и студенты возвратились въ свои университеты; но на этотъ разъ жизнь Landsmannschaften и орденовъ была уже узка и не удовлетворяла идеямъ и стремленіямъ, вынесеннымъ ими изъ борьбы. Начало образовываться первое обще-германское студенчество (Allgemeine deutsche Burschenschaft); въ Іенѣ было положено ему основаніе и составленъ статутъ. Въ этомъ статутѣ отразились всѣ идеи, волновавшія германскую молодежь того времени. Представленіе объ общемъ Burschenschaft было поставлено неизмѣримо выше отдѣльныхъ лицъ, которыя должны были принадлежать всецѣло своему обществу и исполнять безусловно его предписанія; различія по мѣсту и происхожденію признаны ничтожными и принято, что всѣ германскіе студенты должны составлять одно замкнутое и отдѣленное отъ прочихъ гражданъ общество, основанное на единствѣ, свободѣ, равенствѣ всѣхъ буршей и на стремленіи развивать матеріальныя (учрежденіе Turnplatz) и духовныя силы для служенія общему отечеству— Германіи; всѣ члены его должны были относиться другъ къ другу съ братскою любовію, говорить «ты» и свято и навсегда сохранять студентскія связи. Наконецъ подъ вліяніемъ начинавшагося въ то время развиваться піитизма статутъ требовалъ отъ своихъ членовъ христіанскаго благочестія и соблюденія всѣхъ христіанскихъ обрядовъ; дуэли были запрещены и дозволялись только въ крайнихъ случаяхъ. Признавая равенство и братство всѣхъ буршей кореннымъ своимъ основаніемъ, статутъ Burschenshaft'а не могъ однакоже освободиться отъ старинныхъ представленій о подчиненности и раздѣлилъ всѣхъ студентовъ на 4 класса: фуксовъ (студ. 1 года) сонгбуршей (ст. 2 года) альтбуршей (ст. 3 года) и Bemooster Herr (ст. 4 года); младшіе (студ. 1 и 2 года) должны были оказывать старшимъ поч-

теніе, выслушивать ихъ совѣты, и не могли пользоваться всѣми удовольствіями нѣмецкой студентской жизни; напр. президентствовать, дѣлать вызовы во имя оскорбленнаго, быть секундантами, ѣздить верхомъ въ торжественныхъ студентскихъ кавалькадахъ, и т. п.

Всѣ члены Burschenschaft должны были собираться ежегодно въ опредѣленномъ мѣстѣ для празднованія своего союза и принятія мѣръ, необходимыхъ къ его развитію; на первый разъ было опредѣлено собраться въ Вартбургѣ. Мы опустимъ подробности вартбургскаго праздника; они состояли главнымъ образомъ изъ шествій, пѣсней, въ родѣ Brause du, o Freiheitssang, тостовъ въ залогъ Bruderband и не представляли ничего опаснаго. Но самая мысль о соединеніи всѣхъ германскихъ студентовъ въ одно общество мало гармонировала съ начинавшимся тогда душнымъ періодомъ меттерниховой реакціи, и потому правительства не были расположены къ нему. Вскорѣ разнеслась вѣсть, что во время вартбургскаго праздника были сожжены нѣкоторыя реакціонныя сочиненія, а вслѣдъ затѣмъ экзальтированный и болѣзненный студентъ Сандъ убилъ Коцебу. Оба эти событія раздражили германскія правительства противъ студентовъ; побуждаемые Меттернихомъ, они составили въ 1819 году извѣстныя карлсбадскія постановленія: германскіе университеты были поставлены подъ власть особыхъ попечителей; предписано было удалять профессоровъ, которые уклонялись въ своихъ лекціяхъ отъ признанныхъ началъ гражданской и государственной жизни, наконецъ опредѣлено было принять самыя строгія мѣры къ разрушенію общаго студентскаго Burschenschaft.

Угрожаемые арестами, непринятіемъ въ государственную службу, германскіе студенты прекратили свой союзъ и начали устраивать въ каждомъ университетѣ свои отдѣльныя общества, подъ названіемъ коровъ (corps), въ основаніе которыхъ положено было начало національности, нѣсколько впрочемъ сглаженное общими идеями и стремленіями. При характеристическомъ стремленіи Нѣмцевъ къ племенной отдѣльности, коры распространились быстро и сдѣлались господствующею формою общественной жизни студентовъ.

Какъ извѣстно, время отъ 1817—1830 г. было очень печальное для Германіи и всей Европы; пробужденныя надежды не были осуществлены, реакція овладѣла движеніемъ и стремилась возвратить и укрѣпить призраки феодализма и германской имперіи, надъ которыми издѣвались еще такъ недавно. Въ 1830 г. Франція нарушила тишину и

воскресила политическія волненія, которыя распространились мало по малу по всей Европѣ и разразились наконецъ 1848 годомъ. Этотъ годъ былъ для Германіи первымъ урокомъ революцій и баррикадъ; она отдалась ему съ тою же непрактичностію и искуственнымъ жаромъ, которые отличаютъ ее и въ другихъ случаяхъ; германскіе революціонеры непремѣнно хотѣли подражать Французамъ 93 г., и довели это глупое подражаніе до смѣшнаго: каждый городъ и многія деревни имѣли свои комитеты общественной безопасности, своихъ Дантоновъ, Маратовъ; вездѣ говорились пламенныя радикальныя рѣчи, сочинялись стихи съ рифмами Aurore Tricolore, и вообще шумъ былъ страшный.

Эти событія оживили конечно и студентовъ; Іена стала опять въ головѣ движенія; 2-го марта іенскіе студенты торжествовали французскую февральскую революцію: собрались на площади, поставили посрединѣ ея трехцвѣтное знамя, пѣли либеральныя пѣсни, и кричали громкія единодушныя Hoch! Здѣсь же родилась мысль устроить 2-й вартбургскій праздникъ и сдѣлать воззваніе къ германскимъ студентамъ объ основаніи новаго общаго Burschenschaft. Воззваніе пришлось во-время; парижское движеніе сильно наэлектризовало умы Нѣмцевъ, въ особенности студентовъ, и Іена получала отовсюду самый симпатическій отвѣтъ. Праздникъ состоялся 8 іюня 1848 г. и отличался тѣми же знаменами, декораціями, зелеными вѣнками, которые вообще составляютъ особенность нѣмецкихъ общественныхъ торжествъ. Студенты собрались въ Эйзенахѣ, — болѣе 1500 человѣкъ, — и длиннымъ цугомъ потянулись къ вартбургскому замку съ распущенными знаменами, музыкою и неизбѣжною Brause du, o Freiheitssang! Здѣсь, на площади, послѣ разныхъ церемоній, они положили основаніе 2-му Burschenschaft и установили начала, которыя должны руководить будущею университетскою и студентскою жизнію. Приведемъ главнѣйшія изъ нихъ: всѣ германскіе университеты должны составлять общую національную собственность; ихъ имущества должны быть взяты государствомъ, которое содержитъ университеты изъ общественныхъ доходовъ; высшее управленіе университетовъ ввѣряется министерству, въ своихъ же частныхъ вопросахъ каждый университетъ пользуется неограниченнымъ самоуправленіемъ; студенты принимаютъ участіе въ выборѣ университетскихъ властей и въ замѣщеніи каѳедръ; факультесктое распредѣленіе предметовъ и вообще факультеты должны быть уничтожены; въ университетахъ излагается высшій энциклопедическій

курсъ безъ раздѣленія на спеціальныя отрасли. Преподаваніе должно быть вполнѣ свободное, равное и слушаніе лекцій не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ; плата гонорара уничтожается, профессора и доценты получаютъ жалованье отъ государства; Staats-examen также уничтожается и замѣщеніе государственныхъ должностей производится независимо отъ него. Студенты всѣхъ германскихъ университетовъ должны составлять одно цѣлое и ежегодно собираться для совѣщанія объ общихъ нуждахъ и мѣрахъ. Отдѣльная для студентовъ подсудность должна быть уничтожена, такъ какъ она отличаетъ студентовъ отъ народа и дѣлаетъ ихъ привелигированнымъ сословіемъ; равно должны быть уничтожены всѣ внѣшніе знаки, церемоніи и вообще всѣ тѣ условія, которыя дѣлаютъ студентовъ специфическимъ обществомъ; студенты должны войти въ ближайшія сношенія съ гражданами, приглашать ихъ во всѣ свои собранія и вообще составлять одно цѣлое съ народомъ.

Приведенныя начала ясно показываютъ, какъ далеко ушли германскіе студенты 1848 г. отъ своихъ собратій 1817 года: послѣдніе были одушевлены неопредѣленными мечтами о свободѣ, равенствѣ, піэтизмѣ и хотѣли остаться въ замкнутомъ кругу, отличномъ отъ прочихъ сословій; у первыхъ ничего подобнаго нѣтъ: ихъ цѣли и стремленія опредѣленныя, по большей части научно-соціальныя и политическія; правда, нѣкоторыя изъ нихъ довольно слабы, напр. мысль обратить университетское спеціальное преподаваніе въ высшее энциклопедическое, и уничтожить гонораръ; но за-то другія отличаются замѣчательнымъ здравомысліемъ и широтой взгляда. Къ числу такихъ мы относимъ особенно мысль уничтожить специфическій характеръ студентовъ и слить ихъ съ массою народа; приведеніе ея въ исполненіе принесло бы безъ сомнѣнія огромную пользу, потому что устранило бы впечатлѣнія фантастическаго міра, въ которомъ живутъ всѣ члены искуственныхъ замкнутыхъ кружковъ. Равно заслуживаетъ одобренія желаніе студентовъ уничтожить Staats-examen; чтобы понять всю пользу подобной мѣры, надо знать свойство этого экзамена и полный разладъ между нимъ и практическими занятіями, которыя требуются службою; напр. въ Пруссіи по юридическому отдѣлу полагается болѣе 20 предметовъ, изъ которыхъ большая часть совершенно безполезны для службы. Безконечное число предметовъ обращаетъ Staats-examen въ формальность, искуственную плотину противъ излишняго наплыва искателей, и очень часто отбиваетъ способныхъ людей

отъ службы, не представляя ручательствъ за годность и знанія тѣхъ, которые выдержали испытаніе.

Говоря о движеніи германскихъ студентовъ въ 1848 г., мы не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ характеристическихъ анекдотахъ, сопровождавшихъ его. Во время самаго вартбургскаго собранія, по окончаніи разсужденій, студенты устроили commerce, недалеко отъ Эйзенаха въ Marienthal; здѣсь, на прекрасномъ лугу, подъ открытымъ небомъ они пили пиво, пѣли пѣсни, танцовали съ хорошенькими дамами Эйзенаха и съ schmucken Bürgermädchen, провозглашали тостъ за тостомъ и давали другъ другу самыя демагогическія клятвы въ вѣрности Burschenschaft и германской республикѣ. Вдругъ, посреди клятвъ и тостовъ во имя свободы, единства, равенства и тому подобныхъ иллюзій, одинъ студентъ облачился въ королевскіе доспѣхи и, сопровождаемый 17 товарищами, объявилъ себя временнымъ королемъ собранія. Выходка была чрезвычайно въ духѣ Нѣмцевъ, для которыхъ представленіе о König неразлучно со всѣми отношеніями ихъ жизни: пьютъ ли они пиво, или выбираютъ распорядителя танцевъ; но на этотъ разъ она не понравилась собравшемуся обществу и самозванца прогнали. Много было смѣшныхъ случаевъ и послѣ вартбургскаго собранія: студенты то и дѣлали, что писали воззванія и адресы къ германскому народу и франкфуртскому парламенту, побуждая ихъ стоять твердо за народную суверенность и свободу и предлагая всѣ силы своей жизни для защиты этихъ великихъ началъ. Въ іюнѣ 1848 г. разнеслась вѣсть, что эрц-герцогъ Іоаннъ выбранъ франкфуртскимъ парламентомъ въ Reichwerweser и возвращается изъ Франкфурта въ свои помѣстья, недалеко отъ Іены. Іенскіе студенты тотчасъ же составили депутацію, послали ее на станцію желѣзной дороги поздравить эрц-герцога съ новымъ народнымъ саномъ, и постановили, чтобы ораторъ депутаціи, въ своей привѣтственной рѣчи, говорилъ ему *ты*.

Но эта комедія продолжалась недолго; настали извѣстные ноябрскіе дни, Берлиномъ овладѣлъ Врангель; въ другихъ центрахъ революціи случилось то же, и движеніе стало утихать, а вскорѣ и совсѣмъ прекратилось. Порядокъ вещей установился прежній, съ усиленіемъ, конечно, реактивныхъ мѣръ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. — Въ нѣкоторыхъ университетахъ были возстановлены кураторы, въ другихъ учреждены факультетскіе экзамены, независимо отъ Staats-examen; вездѣ было признано необходимымъ для принятія въ студенты, Maturitätsprüfung, ограничены

мѣста для студентскихъ квартиръ, усиленъ полицейскій надзоръ и т. п. Но болѣе всего правительства вооружились противъ Burschenschaft и скоро достигли своей цѣли: Burschenschaft пало, а на мѣсто его снова возникли коры, которыя продолжаютъ существовать до настоящаго времени, а потому скажемъ о нихъ нѣсколько подробнѣе.

Въ каждомъ университетѣ есть по нѣскольку коровъ (corps), смотря по числу національностей, къ которымъ принадлежатъ студенты; студентъ, принадлежащій къ той національностей, которая имѣетъ свой коръ, можетъ быть его членомъ, вноситъ небольшую плату на общія издержки и пользуется всѣми правами и выгодами своего общества; но можетъ оставаться и внѣ кора, и въ такомъ случаѣ пользуется только общими студентскими правами и называется ренонсомъ (renonce). Между членами коровъ существуетъ тѣсный дружескій союзъ, котораго связи переносятся далеко за жизнь скамеекъ; Bruderband и Bruderschaft считается лучшимъ качествомъ истиннаго бурша. Во время праздника 50-лѣтняго юбилея берлинскаго университета, мы сами видѣли многихъ стариковъ, которые участвовали во всѣхъ студентскихъ церемоніяхъ и собраніяхъ; въ память своей прежней жизни они надѣли студентскія фуражки, перевязи, банты.

Принадлежность коровъ составляютъ собранія, пѣсни и дуэли. Въ настоящее время дуэли нисколько неопасны: враги дерутся со всѣми предосторожностями, надѣваютъ маски, толстыя перчатки и могутъ наносить другъ другу только легкія раны; притомъ дуэли необязательны: принятіе вызова составляетъ дѣло чести и обычая, который впрочемъ довольно силенъ, и находитъ особенное одобреніе въ корахъ; да и сами бюргеры поощряютъ студентскія дуэли, въ которыхъ видятъ признаки юношескаго мужества, силы духа, поэзіи. Даже германскія правительства считаютъ нужнымъ быть снисходительными къ студентскимъ дуэлямъ, такъ наприм. прусскій уголовный кодексъ за обыкновенныя дуэли назначаетъ тюремное заключеніе отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ; если же онѣ сопровождаются смертью или опасною раною, то отъ 2 до 12 лѣтъ; за студентскія же дуэли подвергаетъ участниковъ дисциплинарнымъ университескимъ наказаніямъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ оканчиваются смертью или опасной раной одного изъ противниковъ. Также снисходительно относится къ студентскимъ дуэлямъ и саксонскій уголовный кодексъ. Безусловное и повсемѣстное запрещеніе участвовать въ дуэляхъ простирается только

на студентовъ–теологовъ, которые за нарушеніе его лишаются права получить духовную должность.

Съ возникновеніемъ коровъ исчезла мысль объ уничтоженіи специфическаго характера студентовъ и сліяніи ихъ съ народомъ; снова явились особая подсудность, замкнутыя собранія, разноцвѣтныя фуражки, перевязи, клятвы и особенный студентскій языкъ (есть даже небольшіе словари этого языка, подъ заглавіемъ: «Allgemeine deutsche Studentensprache oder Studentikoses Idiotikon»; ихъ можно найти почти въ каждой книжной лавкѣ); это возрожденіе старины составляетъ едва-ли не самую темную и смѣшную сторону нынѣшнихъ нѣмецкихъ студентовъ. Отдѣленные отъ общей жизни корами, костюмомъ, они ставятъ высоко мелкіе фантастическіе интересы своихъ кружковъ, теряютъ уваженіе къ дѣйствительной жизни, смотрятъ съ ужасомъ на дѣятельность, которая ожидаетъ ихъ по выходѣ изъ университета и успѣваютъ прилаживаться къ ней только послѣ горькихъ уроковъ и разочарованій.

Was sind Ihr geworden, Ihr Burschen all,
Ihr kecken und heitern Gesellen?

спрашиваетъ бывшій студентъ и отвѣчаетъ съ горькимъ чувствомъ:

Sie sitzen im Amte, sie sitzen beim Weib,
Sie wiegen die Kinder zum Zeitvertreib,
Sie kaufen die Actien, sie streben nach Geld
Und sehnen sich, dass der Butterpreis föllt!

Alles ist vorbei, sie sind dahin die lustigen Zeiten, прибавляетъ онъ и входитъ въ дѣйствительную жизнь, какъ человѣкъ, для котораго вся вѣра осталась позади, а впереди ждетъ тяжелое филистерство, лишенное поэзіи и высокихъ порывовъ. Специфическій характеръ нѣмецкихъ студентовъ особенно силенъ въ южной Германіи и притомъ въ университетахъ, расположенныхъ въ маленькихъ городахъ; составляя въ нихъ значительную часть городскаго общества, студенты сознаютъ свою силу, значеніе, тѣсно держатся въ своихъ кружкахъ, преслѣдуютъ ренонсовъ, носятъ особенный костюмъ и строго исполняютъ всѣ обряды и церемоніи (наприм. въ Гейдельбергѣ каждый семестръ начинается и оканчивается съ Fackelzug и потомъ полагается необходимымъ, чтобы каждый буршъ имѣлъ с ою собаку (Studentenhund),

особую чернильницу—изъ рога, съ желѣзнымъ остріемъ, и т. п.) Въ большихъ городахъ, и притомъ въ сѣверной Германіи, замкнутость студентской жизни замѣтна гораздо меньше; особенно мы должны сказать это объ университетѣ берлинскомъ. Основанный уже въ новое время, въ столицѣ, и едвали не самой дѣятельной изъ германскихъ столицъ, онъ не могъ имѣть преданій, застарѣлыхъ обычаевъ и заключить въ своихъ стѣнахъ всѣ интересы студентовъ; среди значительнаго общественнаго и политическаго движенія, постоянной смѣны идей и впечатлѣній, множества разнообразныхъ удовольствій, у берлинскихъ студентовъ нѣтъ ни времени, ни охоты жить въ узкихъ кружкахъ и они предпочитаютъ общую жизнь мелкимъ стихамъ, тостамъ и дымнымъ кнейпамъ коровъ. Оттого между ними замѣтно больше положительныхъ характеровъ и умственнаго развитія.

Ослабленіе обычаевъ старой академической жизни, замѣтное между берлинскими студентами, очень не нравится Нѣмцамъ, приверженцамъ специфическаго характера студентовъ; они называютъ берлинскихъ студентовъ филистерами, лишенными поэзіи и юношескаго огня и горько упрекаютъ за вредное вліяніе, производимое ими на студентовъ другихъ университетовъ; упреки были особенно сильны въ одной изъ брошюръ, вышедшихъ по поводу юбилея; авторъ ея говоритъ: «Берлинскіе студенты не видятъ никакой прелести въ замкнутости студентскихъ кружковъ, въ святости братскихъ узъ и предпочитаютъ имъ удовольствія столицы и связи съ практиками и дѣловыми людьми; они надѣваютъ прюнелевыя ботинки, шляпу, воротнички, берутъ испанскую трость и считаютъ первою честью ничѣмъ не отличаться отъ городскихъ франтовъ. Подобное направленіе чрезвычайно вредно: оно лишаетъ молодость самостоятельнаго развитія, нравственнаго вліянія и подпоры, которыя каждый можетъ находить въ кругѣ своихъ товарищей, истощаетъ ея силы и подрываетъ уваженіе къ наукѣ и величію духа, требующихъ тишины кабинета, спокойнаго созерцанія и труда.» Мы вовсе не раздѣляемъ приведенныхъ нападокъ и душевно желаемъ, чтобы нынѣшній характеръ берлинскихъ студентовъ развился еще полнѣе и оказалъ на другіе университеты вліяніе еще болѣе сильное. Открытая, свободная жизнь избавляетъ студентовъ отъ ложныхъ самолюбій, самообожаній и насильственныхъ отношеній, заставляетъ ихъ слѣдить внимательно за собою и научаетъ цѣнить людей, и тѣ немногія, но свободныя, дружескія связи, которыя возможны и безъ кружковъ. Что-же касается вѣры въ науку, то мы думаемъ, что столич-

ная жизнь нетолько не вредна для нея, но въ высшей степени полезна: она разбиваетъ ложные авторитеты, фальшивыя славы, фантастическія теоріи; она же вырабатываетъ и укрѣпляетъ характеръ человѣка, заставляя его надѣяться во всемъ на могущество энергіи и мысли.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя числовыя данныя берлинскаго университета; онѣ могутъ служить лучшимъ указаніемъ его быстраго развитія и современнаго значенія. Въ 1810 г. (первый годъ отъ основанія) слушателей было 256; въ 1817 г.—942; въ 1822 г.—1,254; съ 26 г. число слушателей возрастаетъ еще больше и къ 33 г. доходитъ до 2,001; это было время Гегеля, Савиньи, Пухты и др. Съ 35 г. число нѣсколько упадаетъ, особенно это замѣтно въ 47 и 48 г., когда оно понизилось до 1,182; причина упадка заключалась вѣроятно въ политическихъ движеніяхъ и стремленіи къ непосредственной дѣятельности, которая охватила тогда всю Германію. Въ 50 г. число снова поднялось до 1,500 и съ этихъ поръ постоянно возрастало; въ лѣтній семестръ 60 г. студентовъ было 1,422, нематрикулированныхъ слушателей 833, всего 2,255; въ зимній семестръ 1860—61 г. студентовъ 1,620 (въ зимніе семестры слушателей бываетъ всегда больше, чѣмъ въ лѣтніе), нематрикулированныхъ слушателей — 873, всего 2,493 (*); 1,620 студентовъ были распредѣлены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на теологическомъ 359, юридическомъ—436, медицинскомъ—311; философскомъ—514 (въ это послѣднее число включены и студенты математическаго и естественнаго отдѣловъ, такъ что для философскихъ наукъ, въ тѣсномъ смыслѣ, слушателей остается не болѣе 100 для всѣхъ семестровъ). Нематрикулированные слушатели состоятъ главнымъ образомъ изъ иностранцевъ, особенно Грековъ, Русскихъ и Американцевъ. Число всѣхъ профессоровъ и преподавателей въ зимній семестръ 1860—61 г. простиралось до 166, изъ которыхъ 15 принадлежали теологическому факультету (12 ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и 3 доцента), 22—юридическому (12 ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и 10 доцентовъ), 41 — медицинскому (22

(*) По числу слушателей могутъ нѣсколько сравниваться съ берлинскимъ университетомъ—вѣнскій, имѣвшій въ 1860 г. 1,764 слушателей и мюнхенскій, имѣвшій въ томъ же году 1,893; остальные германскіе университеты имѣютъ около 800, 900 и рѣдко выше 1,000 слушателей.

ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и 19 доцентовъ) и 88—философскому (56 ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, 26 доцентовъ и 4 лектора (**).

Р. Н.

Берлинъ, 27 января 1860 г.

(**) Германскіе университеты, расположенные въ большихъ городахъ, имѣютъ доцентовъ въ такомъ же количествѣ, какъ и университетъ берлинскій; но считаемъ необходимымъ замѣтить, что большая часть доцентовъ обыкновенно не читаютъ лекцій (хотя въ объявленіяхъ о лекціяхъ всегда назначаютъ курсы и часы) и носятъ свое званіе скорѣе для position social, чѣмъ съ расчетомъ занять впослѣдствіи каѳедру.

НЕВОЛЬНИЧЕСТВО ВЪ ЮЖНО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.

Въ человѣческой жизни вообще всегда была замѣтна наклонность къ общественной эксплоатаціи; одна доля общества—и всегда слабѣйшая числительностію, но сильнѣйшая матеріальными средствами и умственнымъ развитіемъ, употребляетъ въ свою пользу естественныя свои преимущества, эксплоатируя силы и личную свободу, или—лучше сказать — всю жизнь другой доли общества. Таково дѣйствительное состояніе всѣхъ человѣческихъ конгрегацій. Но обвинять въ чемъ бы то ни было цѣлое человѣчество, мы чувствуемъ себя положительно–безсильными, и, конечно, причины этихъ явленій не сосоставляютъ исключительной принадлежности нашей природы.

Невольничество въ Южно-Американскихъ штатахъ есть одна изъ безчисленныхъ формъ общественной эксплоатаціи, извѣстной съ незапамятныхъ временъ, и притомъ форма не единственно-безобразная на лицѣ земли въ настоящую эпоху. Говоря вообще о человѣчествѣ, было бы непростительно забыть о *рабствѣ* на востокѣ и объ индійскомъ *паріи*, котораго никакіе законы, никакія революціи не въ состояніи поднять до сознанія или уразумѣнія человѣческихъ правъ, окончательно-вытравленныхъ изъ него религіознымъ фанатизмомъ, кастами и другими непремѣнными условіями восточнаго квіетизма. Въ Индіи, въ этой прославленной колыбели человѣческаго рода, до сихъ поръ лежитъ въ образѣ *парія* призракъ человѣка, какъ бы составляющій переходную форму къ животному, и индійскій парія далеко превосходитъ уничиженіемъ своей личности всякаго американскаго Негра.

Рабство, въ какой бы формѣ оно ни было, производитъ странное необъяснимое впечатлѣніе: намъ кажется, что только одна абсолютная идея свободы поддерживаетъ еще въ благонамѣренномъ человѣкѣ теплое, хотя нѣсколько больное, чувство къ рабу, но самъ по себѣ рабъ не можетъ внушить къ себѣ ничего, кромѣ инстинктивнаго отвращенія, также какъ и рабовладѣлецъ; конечно и добросовѣстные Американцы, подобные Броуну, одушевляются въ борьбѣ противъ невольничества болѣе во имя идеи освобожденія, во имя положительныхъ интересовъ, а не во имя чувства любви, которая, въ точномъ смыслѣ слова, невозможна безъ уваженія. Но уважать рабовъ можно только тогда, когда они заставятъ уважать себя сами. Еще замѣтимъ, что чувство филантропіи возбуждается въ человѣкѣ исключительно явленіями, которыя болѣе или менѣе близки къ нему, которыя, такъ сказать, осязательны; идея же не требуетъ такихъ напоминающихъ побужденій; она проникаетъ глубже въ нашъ нравственный составъ; она не ограничивается *чувствомъ*, а образуетъ сознаніе, которое служитъ исключительнымъ фондомъ внутренняго человѣка. Идея дѣлаетъ человѣка безпристрастнымъ, способнымъ обнимать чувствомъ, безъ различія, все, что взываетъ къ ея помощи. И американскій Негръ, травимый собаками, и индійскій парія, и восточный рабъ и умирающіе голодной смертью пролетаріи Пекина, Лондона, Парижа и проч. имѣютъ одинаковое право на сочувствіе и участіе людей, представляющихъ идею; можетъ быть, чувство, какъ движеніе сердца, проявляется въ человѣкѣ съ наибольшей горячностью, нежели идея, но она прочнѣе и глубже: что можетъ разгорячаться, то можетъ и остывать.... Идея обобщаетъ расы, племена, эпохи; пріобрѣтенія ея прочны, сознательны, и по идеѣ для каждаго человѣка всякая чужая свобода также должна быть дорога, какъ и его собственная....

Невольничество въ Америкѣ, конечно, имѣетъ свою исторію, которую было бы жалко обойти, потому что она въ высшей степени поучительна; она показываетъ, какъ увидимъ ниже, что такія тяжелыя цѣпи, какъ рабство Негровъ, всегда надѣваются исподтишка, мало по малу, и сознаются только тѣми, кто надѣваетъ ихъ ради своихъ личныхъ интересовъ. Недостатокъ общественнаго вниманія къ подобнымъ мѣрамъ, во время закрѣпленія ихъ законоположеніями, составляетъ весь корень зла подобныхъ учрежденій; но переходя въ

дѣйствительный фактъ и удовлетворяя извѣстнымъ страстямъ человѣка, они впослѣдствіи обращаются въ строго-замкнутую систему, которую тѣмъ труднѣе потрясти, чѣмъ больше она захватываетъ въ свой кругъ социальныхъ злоупотребленій.

Когда Сѣверо-Американскіе штаты составляли еще англійскую колонію, невольничество существовало въ нихъ повсемѣстно, кромѣ Массачусета. По окончаніи войны за независимость, сѣверные штаты приняли и мѣры къ уничтоженію невольничества. Большой государственный долгъ, явившійся слѣдствіемъ этой войны; естественное ослабленіе промышленныхъ и производимыхъ силъ страны; финансовые кризисы, направили вниманіе гражданъ республики преимущественно на матеріальные интересы, и, разумѣется, на составленіе конституціи, которая должна была связать между собой члены федераціи. Во время преній и составленія этой конституціи, въ 1787 г., невольничество признавалось зломъ, которое слѣдовало уничтожить; Вашингтонъ и Джефферсонъ, первые основатели американской республики, энергически выражали то же мнѣніе, но представители южныхъ штатовъ доказывали, что рабовладѣніе составляетъ главнѣйшій интересъ южныхъ провинцій. Огромная территорія, естественное богатство и плодородіе страны и, при томъ, недостатокъ рабочаго населенія, естественно, указывали на необходимость привлечь силы со стороны; привозъ Негровъ изъ Африки представлялся лучшимъ къ тому средствомъ.

Федеральный конвентъ, вслѣдствіе различія мнѣній о необходимости невольничества, не могъ включить въ конституцію общаго и опредѣленнаго постановленія, и вопросъ былъ предоставленъ на произволъ каждаго изъ штатовъ; уничтоженіе невольничества въ сѣверо-западныхъ территоріяхъ было принято во время составленія конституціи, а относительно рабовладѣльцевъ южныхъ были изданы слѣдующія постановленія: изъ общаго числа невольниковъ положено было принять въ счетъ для раскладки податей только $^3/_5$, потому что между членами конвента возникъ споръ о томъ, какъ принимать невольниковъ — за вещь или за человѣка; Южные штаты, разумѣется, настаивали на первомъ, имѣя цѣлью освободиться отъ платежа податей за Негровъ; представители же Сѣвера доказывали, что по отношенію къ республикѣ невольники и свободные земледѣльцы равны и разнятся только по одному названію. Споръ этотъ не былъ окончательно рѣшенъ, и только лишь съ помощію обоюдныхъ усту-

покъ съ той и съ другой стороны, опредѣлено было считать означенные $^3/_5$ части невольничьяго населенія въ счетѣ гражданъ, платящихъ подати. Это постановленіе было первой ошибкой конвента, который, вмѣсто того, чтобы уклониться собственно отъ вопроса о податяхъ, для окончательнаго рѣшенія спора о человѣческихъ правахъ невольниковъ, такимъ образомъ узаконилъ отчасти невольничество, не принявъ съ счетъ платящихъ подати остальныя $^2/_5$ рабовъ. Этотъ актъ, сдѣлался впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, въ рукахъ рабовладѣльцевъ краеугольнымъ камнемъ настоящаго законодательства о невольничествѣ, составляющаго рѣдкій памятникъ нашего вѣка. Невольничій кодексъ, представляющій высшее развитіе эксплоатаціи и антропофагіи, отличается отъ всѣхъ подобныхъ кодексовъ лишь тѣмъ, что зло достигло въ немъ полнаго самоотрицанія, за которымъ, обыкновенно, начинается ясное сознаніе и реакція. Остальныя двѣ статьи, утвержденныя республиканскимъ конвентомъ въ пользу невольничества, состояли въ томъ, что ввозъ Негровъ изъ Африки не запрещался безусловно, но въ видахъ экономическихъ пріостановливался только съ 1808 г., т. е. оставлялся въ своей первобытной силѣ на 11 лѣтъ. Узаконеніе это, по всей вѣроятности, имѣло въ виду постепенное освобожденіе негровъ, и, конечно, вожди демократическаго общества—Вашингтонъ и Джефферсонъ, не предвидѣли, чтобы эта консервативная полумѣра могла сдѣлаться источникомъ золъ для созданной ими республики и запятнать чистоту ея основныхъ свободныхъ учрежденій. Рабовладѣльцы были довольны и не ошиблись въ своемъ расчетѣ. Наконецъ, въ проэктѣ конституціи постановлено было (третьей статьей) выдавать изъ Сѣверныхъ, свободныхъ штатовъ бѣглыхъ невольниковъ, укрывавшихся тамъ отъ своего туземнаго благоденствія. Постановленіе это, предложенное южными штатами, на конгрессѣ не встрѣтило особаго сопротивленія, по крайней мѣрѣ оно не извѣстно, если оно и было; — и это легко объясняется тѣмъ, что мѣра эта, послѣ узаконенія двухъ первыхъ, не могла уже казаться нераціональной. Торгъ Неграми, какъ мѣра общая и крупная по отношенію своему къ развитію и укрѣпленію невольничества, находила еще оппозицію въ обществѣ; но оно не оцѣнило всей важности постановленія о продленіи на 11 лѣтъ ввоза рабовъ, безъ котораго невольничество въ южныхъ штатахъ могло бы быстро уничтожиться и потеряло бы въ глазахъ плантаторовъ все свое значеніе, потому что цѣны на невольниковъ, естественно, должны были подняться, а кон-

куренція свободнаго труда быстро убила бы всѣ выгоды рабскаго. Обвинять общество новорожденной республики за эти зародыши рабства слишкомъ строго нельзя: оптимизмъ, составляющій, какъ извѣстно, неотъемлемую принадлежность добросердечныхъ людей, сильно повредилъ благомыслящей части американскаго союза и, какъ бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, ввелъ его въ иллюзію, и оно повѣрило возможности уничтоженія рабства оттого только, что оно не утверждалось конституціей вообще для всей республики, а предоставлялось на волю каждому отдѣльно взятому штату, въ силу принципа территоріальной свободы.

Партія, противная невольничеству, стала усиливаться съ самаго же начала утвержденія республики; но ея вліяніе вскорѣ начинаетъ терять свое значеніе вслѣдствіе быстраго усиленія народонаселенія въ невольничьихъ штатахъ; производство хлопчатой бумаги, съ усовершенствованіемъ орудій воздѣлки, стало достигать до громадныхъ размѣровъ и обѣщало краю несмѣтное богатство: въ 1793 г. вывозъ хлопчатой бумаги изъ страны составлялъ 500 фунтовъ, а въ 1800 г. простирался уже до 18 милліоновъ фунтовъ; цѣнность всего производства этого продукта до 1793 г. составляла 50 т. фунт. стерл., а впослѣдствіи представляетъ громадную сумму 40 мил., т. е. 250 мил. руб. сер.; плодородныя долины южныхъ штатовъ указывали на необходимость усиленія рабочихъ силъ и вообще населенности. Негры стали привозиться изъ Африки въ такомъ количествѣ, какое только было возможно; кромѣ того во хлопчато-бумажные штаты (ихъ считаютъ девять) обратилось и свободное населеніе и рабовладѣльцы изъ остальныхъ шести невольничьихъ штатовъ; такимъ образомъ привозные невольники понадобились вездѣ. Все это было причиной увеличенія нетолько вообще населенія въ южныхъ проинціяхъ, но самаго образованія новыхъ невольничьихъ штатовъ.

Чувствуя свою силу, неволничьи штаты начали заботиться о болѣе прочномъ узаконеніи и распространеніи рабовладѣльческихъ правъ. Затѣмъ возникаетъ споръ по этому предмету, сдѣлавшемуся законодательнымъ и политическимъ вопросомъ, который оканчивается *миролюбиво* опредѣленіемъ границы (36 град. 30 мин.), за которую не должно было распространяться невольничество; постановленіе это извѣстно подъ именемъ «Миссурійскаго контромисса», который теперь больше не существуетъ.

Дальнѣйшая борьба партій *за* и *противъ* невольничества, совер-

шавшаяся въ послѣдніе годы нашего времени и представляющая теперь снова усилившееся вліяніе партіи противоневольничьей, выразившей себя въ выборѣ президентомъ Линсольна,—сопровождалась колебаніями, которыя входятъ въ болѣе или менѣе опредѣленную форму только при послѣднихъ президентскихъ выборахъ. Усиленіе противоневольничьей партіи зависѣло отъ косвеннаго вліянія вновь образовавшейся въ 1848 г. партіи, имѣвшей цѣлью пріостановить *дальнѣйшее* распространеніе невольничества, а также и отъ европейской эмиграціи, которая, какъ извѣстно, постоянно усиливалась, въ особенности послѣ 1848 г., разочаровавшаго многія радужныя надежды бѣдныхъ классовъ въ европейскихъ государствахъ. Кромѣ принципа свободы, кромѣ хранимаго переселенцами въ глубинѣ души отвращенія къ общественной эксплоатаціи, ихъ побуждала къ переселенію надежда сдѣлаться независимыми производителями, но они нашли въ невольничьемъ трудѣ сильнаго конкуррента для своего свободнаго труда; вмѣсто вліянія капитала, эксплоатирующаго трудъ въ Европѣ, эмигранты нашли въ своей обѣтованной землѣ новаго врага въ цвѣтной человѣческой расѣ, обращенной въ вьючный скотъ, который сложностью своихъ силъ и *дешевизной* поощренія къ труду, посредствомъ кнута и цѣпей, отнимаетъ у свободныхъ людей возможность поднять цѣнность ихъ труда, до той степени, которая обусловливаетъ безнуждное содержаніе трудящагося человѣка. Подобное сознаніе, естественно, должно было привести *къ дѣлу* скорѣе, нежели однѣ чисто-политическія стремленія. Такимъ образомъ получаетъ свое начало партія аболиціонистовъ, имѣющая опредѣленную цѣль и даже болѣе или менѣе опредѣленное и вѣрное средство къ достиженію ея. Самая этимологія названія этой партіи болѣе всего объясняетъ и ея силу, о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже, а теперь находимъ особенно важнымъ сказать нѣсколько словъ о той стоглавой гидрѣ, съ которой выступила въ открытую борьбу аболиціонная партія.

Сила робовладѣльцевъ, судя по тому кодексу невольничества, который созданъ ихъ стараніями, была велика; участіе ихъ на выборахъ въ сенатѣ и въ палатѣ до настоящаго времени выражалось большинствомъ голосовъ, которое впрочемъ слабѣло въ своемъ процентѣ постепенно въ слѣдующей пропорціи: при составленіи конституціи въ нижней палатѣ Югъ имѣлъ за собою 46% всего состава, въ 1810—43%, въ 1830—41%, и въ 1850—39%. Еще недавно, именно

при выборѣ президентомъ Буканана Югъ торжествовалъ, несмотря на соединенныя условія Сѣвера. Цѣлое столѣтіе, рабовладѣльцы, обогащенные потомъ и кровью своихъ рабовъ, и сильные своимъ большинствомъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ республики, распространяли и укрѣпляли невольничество на дѣвственной почвѣ Новаго Свѣта и теперь у нихъ нѣтъ надежды (мы такъ думаемъ) возвратить своего вліянія, нѣтъ силы удержать разлива свободы, разросшагося изъ слабаго и незначительнаго меньшинства, не имѣющаго ни историческихъ преданій, ни дырявыхъ феодальныхъ мантій, оставленныхъ въ наслѣдство всей исторіей стараго свѣта, и гордаго и сильнаго однимъ лишь сознаніемъ святости своей идеи и своихъ стремленій; аболиціонисты начали свое дѣло съ двумя знаменами: *свобода труда* и *конецъ оскорбленію совѣсти и правъ человѣка.*

Въ высшей степени любопытны и поучительны возникновеніе и развитіе дѣятельности аболиціонистской партіи. Объ этомъ-то предметѣ мы и поведемъ рѣчь.

Одинъ типографщикъ, по имени Вилльямъ Гаррисонъ, бѣдный, не достаточно-образованный, но мужественный, энергичный и мужественный по своимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ, рѣшился начатую уже *словомъ* борьбу противъ невольничества возвести въ *дѣло*; съ этой цѣлью Гаррисонъ въ 1835 г. основалъ въ Бостонѣ газету «Аболиціонистъ» и началъ говорить, что всѣ люди—братья между собою, и что невольники должны пользоваться одинаковыми со всѣми правами... Подобный голосъ не могъ быть принятъ равнодушно въ странѣ, гдѣ черный цвѣтъ кожи, заклейменный рабствомъ, пользуется почти безусловнымъ презрѣніемъ, даже и въ свободныхъ штатахъ. Гаррисонъ подвергся гоненію, толпа схватила его, таскала по улицамъ за привязанную на шею веревку и наконецъ его заключили въ тюрьму. Этотъ временный арестъ укрѣпилъ еще болѣе въ Гаррисонѣ его энергію; и онъ по прежнему началъ свое дѣло; вскорѣ онъ имѣлъ уже многихъ послѣдователей, которые въ разныхъ мѣстностяхъ составляли небольшіе кружки. По мѣрѣ преслѣдованія возрождавшейся партіи, она усиливалась и все болѣе и болѣе пріобрѣтала значеніе, такъ что скоро сдѣлалась представительницею системы и извѣстнаго опредѣленнаго стремленія, и получила названіе *партіи аболиціонистовъ;* партія республиканцевъ примкнула къ аболиціонистамъ и способствовала скорѣйшему осуществеленію общихъ обѣимъ этимъ партіямъ стремленій; торжество аболиціонистовъ выразилось, наконецъ, въ выборѣ

президента въ 1860 г. и заставило трепетать плантаторовъ, которые, подъ вліяніемъ отчаяннаго страха за обладаніе человѣческимъ мясомъ, начали настоящее движеніе, повлекшее за собою раздѣленіе республики.

Политическая сторона вопроса о невольничествѣ и ходъ современныхъ событій достаточно уяснены уже въ нашей политической хроникѣ, а въ этой статьѣ мы имѣемъ въ виду представить юридическое и гражданское значеніе невольничества.

Права невольника, если только можно назвать этимъ словомъ рядъ законовъ, созданныхъ плантаторами и обобщенныхъ однимъ стремленіемъ моральныхъ и физическихъ силъ полнѣйшей эксплоатаціи человѣческаго существа, непризнаннаго этими же законами въ лицѣ негра-виновника, — опредѣляются слѣдующими постановленіями, обнародованнными законодательными внутренними учрежденіями невольничьихъ штатовъ: «невольникъ составляетъ полную собственность своего владѣльца; онъ, подобно всякой движимости, можетъ быть проданъ, заложенъ, подаренъ, переданъ по наслѣдству, проигранъ, отданъ въ услуженіе; своему владѣльцу и его семейству невольникъ обязанъ *безусловнымъ* уваженіемъ и безпредѣльнымъ послушаніемъ; онъ не можетъ лично ничѣмъ владѣть, ничего ни купить, ни продать безъ дозволенія владѣльца и не имѣетъ права работать для самого себя; ни *въ какомъ случаѣ* не имѣетъ права обращаться къ покровительству закона и суда; не можетъ быть свидѣтелемъ противъ кого бы-то ни было, кромѣ случаевъ, когда другой невольникъ обвиняется въ заговорѣ, и противъ бѣлыхъ надзирателей, занимающихъ мѣста прикащиковъ или управляющихъ плантаціями... Такимъ образомъ невольникъ не можетъ никому жаловаться ни на своего владѣльца, и ни на кого въ мірѣ. Невольникъ не имѣетъ права безъ дозволенія владѣльца отлучиться изъ плантаціи, сѣсть на лошадь, держать въ рукахъ какое либо оружіе; если невольники, получавшія разрѣшеніе отлучиться, сойдутся на дорогѣ болѣе семи человѣкъ, — въ такомъ случаѣ *каждому* бѣлому предоставляется право тотчасъ же ихъ разогнать и бить кнутомъ. Сбереженіе невольниковъ поручается совершенно также, какъ сохраненіе вещей, товара, скота и т. п.

Плантаторы въ своемъ кодексѣ о невольникахъ пустились въ философію: они не признаютъ человѣческой *души* въ невольникахъ, и въ самомъ дѣлѣ слова *душа* и *человѣкъ* въ отношеніи къ невольнику были бы сарказмомъ; прямодушіе плантаторовъ въ этомъ случаѣ удивительно!

При такихъ опредѣлительныхъ законахъ о *правахъ* невольниковъ, казалось, вовсе не было бы надобности опредѣлять права рабовладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что всякое нарушеніе ими правъ, по закону же не влечемъ за собою никакого протеста со стороны рабовъ; но плантаторы хотѣли показать, что они ограничены закономъ, хотя законъ этотъ въ сущности не болѣе какъ плантаторская воля, желаніе, корыстолюбіе, алчность, властолюбіе и т. п. страсти плантаторской *души*. (По смыслу кодекса о невольничествѣ,—для плантаторовъ душа полагается). Они постановили, что плантаторъ долженъ содержать своихъ невольниковъ одеждой и пищею въ опредѣленныхъ порціяхъ. Различіе же аппетита въ расчетъ не принято. Число рабочихъ часовъ опредѣлено каждодневно 15—лѣтомъ и четырнадцать—зимой; по воскресеньямъ можетъ плантаторъ заставлять невольниковъ работать не иначе какъ за особую плату, которая, конечно, не опредѣлена и предоставлена обоюдному согласію плантаторовъ и ихъ рабовъ. Наказывать рабовъ владѣльцы ихъ могутъ сколько и чѣмъ угодно: кнутомъ, бычачьими жилами (орудіе исключительно американское), палками, собственноручно или черезъ посредство своихъ домашнихъ палачей изъ Негровъ же и изъ бѣлыхъ, смотря по желанію; въ наказаніяхъ плантаторы не отдаютъ никому никакого отчета; но еслибъ плантатору вздумалось потѣшить свою душу какимъ либо собственнаго изобрѣтенія истязаніемъ, напримѣръ: сжечь живаго Негра на кострѣ, всего или только часть, разорвать его, или оторвать или вырвать какой либо членъ, то онъ за это удовольствіе долженъ поплатиться деньгами въ казну республики, въ Лузіанѣ, напримѣръ, отъ 200 до 500 долларовъ; и, вѣроятно, законъ этотъ созданъ съ исправительной цѣлью, а не входитъ въ уголовный кадексъ; но, несмотря на то, что казенный доходъ могъ бы значительно увеличиваться согласно означенному закону,—этого не бываетъ, потому что плантаторы живутъ между собою по-братски, въ полномъ согласіи, между тѣмъ какъ общественный протестъ противъ истязаній только и возможенъ бываетъ въ такомъ случаѣ, если другой плантаторъ сдѣлаетъ доносъ на своего собрата; но плантаторская гордость гнушается подобныхъ вещей; иногда, впрочемъ, очень рѣдко, бываютъ факты самоуправнаго, случайнаго протеста, такъ напримѣръ: одна дама, новоарлеанская аристократка, страстно любящая своего мужа, которому въ свою очередь нравились очень многія молодыя негритянки на его богатыхъ плантаціяхъ, въ припадкахъ ревности, закапывала до половины

въ землю негритянокъ, особенно беременныхъ, и припекала ихъ каленымъ желѣзомъ; она устроивала это зрѣлище въ своемъ сараѣ, въ видѣ живой картины; нѣсколько человѣкъ бѣлыхъ гражданъ, узнавъ объ этомъ не совсѣмъ обыкновенномъ, даже въ плантаторскомъ быту, развлеченіи, сожгли сарай, служащій театромъ такой сладострастной вакханаліи; но общественное мнѣніе оправдало даму, на томъ основаніи, что она имѣетъ очень любящее сердце, и подобное препровожденіе времени не могло быть при нормальномъ состояніи нервъ, которыя признаны у ней раздраженными отъ ревности.

Такъ какъ вообще понятіе о *правѣ* неразлучно съ понятіемъ объ *обязанностяхъ*, то таковыя съ особеннымъ тщаніемъ постановлены для невольниковъ; въ этомъ случаѣ плантаторское законодательство почло ихъ значеніемъ человѣка, хотя въ опредѣленіи *правъ* они вовсе лишены этого значенія.

Характеръ и степень наказаній, установленныхъ для невольниковъ, совершенно различны отъ уголовнаго кодекса для бѣлыхъ, которые въ большей части случаевъ подвергаются только взысканію пени и заключенію въ тюрьму; невольники, не обладая никакой собственностью, естественно, не могутъ платить и пени, а заключеніе ихъ въ тюрьму равняется тому, какъ-будто плантаторъ вмѣсто предмета, приносящаго извѣстный доходъ, получилъ въ обладаніе мертвый капиталъ, что, конечно, невыгодно для плантаторовъ. Говоря вообще объ уголовномъ кодексѣ невольниковъ, можно сказать, что они могутъ быть виноваты и въ томъ, чего никогда не дѣлали, если этого пожелаетъ плантаторъ; а въ возмездіе за такія вины подвергаются двумъ, исключительно невольничьимъ формамъ наказанія: кнуту и висѣлицѣ; послѣдней, впрочемъ, очень рѣдко, именно—когда нужно сдѣлать эту жертву собственно для общественнаго спокойствія, или, вѣрнѣе сказать, для успокоенія сна плантаторовъ, т. е. во время попытки къ возмущенію; иначе рабовладѣльцы находятъ для себя невыгоднымъ вѣшать рабовъ, потому что каждый изъ нихъ «себѣ дороже» — казна республики платитъ за каждаго повѣшеннаго Негра только по 300 долларовъ, а въ вольной продажѣ онъ стоитъ до 500 и болѣе. Эти-то экономическія соображенія и служатъ къ тому, что невольникъ чаще наказывается бычачьими жилами, кнутомъ, вырываніемъ мяса въ такомъ количествѣ, чтобы операціи эти не были опасны для оцѣненной въ извѣстную цифру жизни Негра и даже чтобы не слишкомъ разстроивали его здоровье.

Новѣйшіе философы-криминалисты утверждаютъ, что эти употребляемые для невольниковъ формы наказанія оскорбляютъ человѣчество. Но прежде чѣмъ всякій согласится съ этимъ, непремѣнно подумаетъ: или человѣчество вовсе неспособно чувствовать подобныхъ оскорбленій, или притерпѣлось къ нимъ, или они, наконецъ, какъ нельзя болѣе человѣчны и должны быть введены во всеобщее употребленіе?.. Окончательное разрѣшеніе этого вопроса предоставляемъ философамъ-криминалистамъ....

Попытки къ возмущенію, или только тѣни этихъ попытокъ, даже всякое чѣмъ-бы то ни было выраженное недовольство своими правами и участью,—суть самыя опасныя для невольниковъ преступленія: въ этихъ случаяхъ они даже не могутъ сильно расчитывать и на экономическія соображенія своихъ владѣльцевъ: дѣло касается принципа, а установившійся принципъ, какъ извѣстно, сильно себя защищаетъ.

Висѣлица кромѣ такъ называемыхъ политическихъ преступленій, опредѣляется невольнику еще за слѣдующее: если ударитъ или ранитъ своего господина, жену его, дѣтей, или бѣлаго управителя плантаціи; если ударитъ три раза бѣлаго, или даже намахнется только какимъ-либо оружіемъ, или выстрѣлитъ изъ ружья, съ намѣреніемъ убить кого-либо; также за воровство, поджигательство, отравленіе, и даже за намѣренія къ этому. Кнутъ же опредѣляется за менѣе важныя преступленія: если, напримѣръ выйдетъ гулять внѣ плантаціи, безъ разрѣшенія своего владѣльца, или сядетъ верхомъ на лошадь, тоже безъ дозволенія, или просто не понравится своему владѣльцу или управителю.

Гдѣ есть хоть какіе нибудь законы,—тамъ, какъ извѣстно, есть и юристы, и американскіе законовѣды не могутъ раціонально разрѣшить *юридически* вопросъ: какъ долженъ быть осужденъ Негръ, если онъ не исполнитъ приказанія своего господина поджечь, напримѣръ, домъ другаго плантатора, отравить, убить, обокрасть? То, что онъ долженъ быть осужденъ,—не подлежитъ уже сомнѣнію, потому что ослушаніе его во всякомъ случаѣ оскорбляетъ законъ, который, по теоріи права, долженъ быть возстановленъ именно посредствомъ наказанія преступника. Но американскіе юристы, чтобы глубже проникнуть въ вопросъ, задаютъ своей совѣсти задачу: составляетъ ли какое-либо преступленіе присудить къ смерти или просто убить лишняго невольника. При этомъ просимъ замѣтить, что эти юристы, если не проникнуты духомъ христіанства, за то всѣ христіанскаго

вѣроисповѣданія; считаются благочестивыми, и даже, можетъ быть, многіе (католики) отлично соблюдаютъ посты и усердно посѣщаютъ церковь, гдѣ, впрочемъ, также слушаютъ проповѣди, сочиняемыя подъ диктовку плантаторства. Американская церковь много способствуетъ къ отемнѣнію умовъ гражданъ республики, защищая съ своей трибуны невольничество авторитетомъ «Ветхаго Завѣта».

Усвоенный плантаторами взглядъ вообще на цвѣтную человѣческую расу, и относительно свободныхъ Негровъ породилъ рядъ такихъ законовъ, которые лишаютъ ихъ возможности пользоваться нетолько равенствомъ правъ, установленныхъ для гражданъ южныхъ штатовъ республики, но и обыкновенными правами свободнаго сословія. Свободные Негры, по закону, не подаютъ голоса въ народныхъ собраніяхъ; въ судахъ имѣютъ право свидѣтельствовать только противъ невольниковъ и своихъ одноплеменниковъ, и притомъ — безъ присяги, недопущеніе которой отнимаетъ у нихъ *право совѣсти.* Они не могутъ носить оружія, подъ опасеніемъ кнута, не могутъ одѣваться иначе какъ въ грубыя ткани, и, подобно галернымъ преступникамъ, должны издали сообщать знаками о своемъ приближеніи. За оскорбленія между черными и бѣлыми, первые присуждаются къ строжайшимъ наказаніямъ, такъ что если драка начата бѣлымъ, а черный будетъ защищаться и убьетъ противника, хотя бы то было сдѣлано по чувству самохраненія, онъ судится какъ убійца; свободный Негръ можетъ жениться только на свободной Негритянкѣ; для общей молитвы свободные Негры могутъ собираться, такъ какъ и невольники, только до восхода и послѣ заката солнца, не позже впрочемъ 9 часовъ вечера, въ противномъ случаѣ военный патруль, охраняющій вечернее спокойствіе и безопасность плантаторовъ, входитъ въ церковь Христову и производитъ поголовную экзекуцію надъ черными, отсчитывая каждому по 20 ударовъ кнутомъ; свободные невольники, какъ непризнаваемые за гражданъ республики, не имѣютъ права требовать себѣ паспортовъ и, слѣдовательно, свободно переѣзжать по желанію, иначе они подвергаются, безъ всякаго преступленія, заключенію въ тюрьму; имъ запрещается ѣздить въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, безъ представленія какимъ-либо плантаторомъ залога въ 1,000 долларовъ; свободный негръ въ случаѣ, если переселится изъ одного штата въ другой, подвергается въ первый разъ наказанію кнутомъ, а во второй продажѣ съ аукціона въ неволю. Прислуга изъ черныхъ, прибывающихъ съ кораблями, какъ то: повара, буфетчики, матросы за-

ключаются въ тюрьму до тѣхъ поръ, покуда корабль не отправляется обратно. Въ одномъ лишь случаѣ свободные Негры могутъ располагать собою независимо, именно — когда они объявятъ желаніе вовсе оставить американскую территорію. Свободный негръ считается вреднымъ для интересовъ плантаторовъ, какъ потому, что можетъ возбуждать зависть къ своей участи въ невольникахъ, такъ и потому, что, работая по найму, дѣлаетъ конкуренцію бѣлому работнику. Первая причина, конечно, имѣетъ болѣе значенія для аристократическихъ классовъ республики, которые ежеминутно боятся, и давно уже боялись, страшнаго взрыва со стороны своихъ невольниковъ.

Желая всячески отдѣлаться отъ вреднаго элемента — свободныхъ Негровъ, которые все-таки имѣютъ нѣкоторую возможность заподозрить въ себѣ человѣческое существо, плантаторы, какъ змѣй-искуситель, обольщаютъ свободныхъ Негровъ прелестью свободы и довольства негрскихъ республикъ въ Африкѣ, и предлагаютъ имъ даже свои корабли для переѣзда.

Вообще законы о свободныхъ Неграхъ не предоставляютъ имъ никакихъ правъ, которыя обязано бы было уважать бѣлое населеніе, а свирѣпость этихъ законовъ имѣетъ цѣлью укрѣпить *невольничество* отрицаніемъ правъ свободныхъ черныхъ, и нетолько закрыть всякій выходъ для невольничества въ какую-либо сферу болѣе или менѣе свободныхъ учрежденій, но и способствовать обратному дѣйствію, т. е. чтобы и тѣ блѣдные призраки свободы, которыми пользуются вольные Негры, исчезли подъ общей амальгамой рабства, столь дорогаго, столь вождѣленнаго каждому плантатору. Цѣль эта преслѣдуется систематически и рѣшительно, особенно въ послѣднее время, когда рабовладѣльцы стали побаиваться за свое спокойствіе, свои интересы и дѣвственную цѣлость и неприкосновенность принципа невольничества. Прошедшій годъ отличался особой свирѣпостью и преступностью законовъ, принятыхъ съ рѣдкимъ единодушіемъ въ плантаторскихъ штатахъ. Арканзасъ, Миссури, Луизьяна и Миссисипи изгнали всѣхъ свободныхъ Негровъ за предѣлы штатовъ, а тѣ, которые (и большая часть) не могли оставить своего скуднаго домашняго очага, — обращены въ рабство. Мягкосердые и нравственные плантаторы Георгіи выказали самое презрѣннѣйшее лицемѣріе, постановивъ, что свободные Негры за лѣность и недостатокъ нравственности будутъ обращаемы въ рабство, которое, вѣроятно, по понятіямъ плантаторовъ, исправляетъ и нравственность, и вмѣсто лѣности ро-

ждаетъ энергію. Любопытно было бы знать, при какихъ условіяхъ Негръ могъ бы быть признанъ нелѣнивымъ и нравственнымъ, при естественномъ желаніи безапелляціонныхъ судей его — плантаторовъ обратить его въ свою собственность. Граждане Мариланда поступили всѣхъ откровеннѣе; они потребовали отъ законодательнаго собранія, чтобы семьдесятъ тысячъ свободныхъ Негровъ, обитающихъ на территоріи штата, прямо обратить въ рабство во имя нравственности и соціальныхъ и промышленныхъ интересовъ; собраніе было очень осторожно: оно не приняло этого проэкта, опасаясь, чтобы эти семьдесятъ тысячъ полурабовъ, при обращеніи ихъ въ полную неволю, не вздумали попробовать сами освободиться, принеся въ жертву своей свободѣ сотню-другую плантаторовъ, приносящихъ въ свою очередь въ жертву рабству цѣлыя поколѣнія цвѣтнаго человѣческаго племени; но собраніе вѣрно разочло на юное поколѣніе Негровъ: оно постановило, что дѣти Негровъ могутъ быть употребляемы бѣлыми въ работу, безъ всякаго согласія родителей, и кромѣ того собраніе издало законъ, дозволяющій чернокожимъ людямъ отказываться отъ своей свободы, т. е. добровольно дѣлаться рабами. Въ этомъ случаѣ, конечно, плантаторы расчитывали на обольщеніе разнаго рода хитростями.

Мы много уже говорили о частностяхъ, изъ которыхъ сложилось общее явленіе—невольничество; но какъ же опредѣлить его сущіе принципы, его физіологію, его натуру? Варварскіе законы, свирѣпыя мѣры и проч., все это только формы, въ которыя воплотился общій чудовищный принципъ; но сущность его вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующіе элементы: личный произволъ, руководимый или безотчетными движеніями страсти, или личными интересами плантаторовъ, неопредѣленность, или даже недѣйствительность, вследствіе произвола, всякаго закона, къ которому человѣческій инстинктъ призываетъ всякое общество, хотя бы оно состояло даже изъ однихъ плантаторовъ; природа человѣка не можетъ быть до того извращена, чтобы люди открыто и прямо могли сочувствовать безправію и личному произволу; поэтому мы видимъ часто, что произволъ скрывается подъ формой, имѣющей, повидимому, свойства ограничивающаго закона, какъ мы видѣли выше, въ кодексѣ о невольничествѣ, а между тѣмъ допускающей всѣ возможныя уклоненія въ пользу личныхъ интересовъ преобладающаго индивидуума, подчиненныхъ только однимъ звѣрскимъ желаніямъ и волѣ его.

Исторія не представляетъ намъ человѣческихъ обществъ, которыя были бы чужды эксплоатаціи, каинству, антропофагіи, но исторія

развитія человѣческаго духа доказываетъ намъ, что стремленія человѣка направлены именно къ тому, чтобы къ жизни человѣческихъ обществъ элементъ эксплоатаціи не былъ причастенъ; болѣе или менѣе близкое достиженіе этихъ стремленій, какъ мы видимъ, зависитъ отъ степени сознанія эксплоантруемой доли общества. Здѣсь нельзя не указать на свѣтлую сторону человѣческой природы: какъ скоро *общественное* сознаніе уясняетъ окружающія явленія, общество тотчасъ выражаетъ къ нему свои симпатіи или антипатіи, и, смотря по обстоятельствамъ, начинаетъ стремиться возводить свое сознаніе въ формы жизни. Для Негровъ именно началось теперь это время, когда они могутъ сознательно понять свое положеніе, и, поколебавъ въ себѣ инерцію духа, поколебать и основные фонды плантаторскихъ положеній, отнимающихъ у нихъ общечеловѣческія права свободы. Законъ только тогда является дѣйствительнымъ закономъ, когда онъ сознательно поддерживается большинствомъ общества, а иначе онъ—не болѣе какъ мертвая буква, въ родѣ положеній о свободныхъ Неграхъ, или, лучше сказать, о свободныхъ невольникахъ, живущихъ въ южно-американскихъ штатахъ; для нихъ законъ въ сущности есть форма, въ которую выливается: жадность, властолюбіе и звѣрство плантаторовъ.

Среда, въ которой живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ, условливаетъ образованіе его нравственнаго существа; гражданскій законъ, всегда отчасти управляющій функціями общественной жизни, играетъ и въ нравственномъ образованіи индивидуума довольно значительную роль. Вся атмосфера южно-американскихъ штатовъ пропитана невольничествомъ, камъ главнѣйшимъ и сильнѣйшимъ элементомъ общественной и частной жизни, проникающимъ въ самыя глубокіе изгибы нравственнаго организма всякаго индивидуума—невольника и плантатора. Любопытно бы заглянуть въ эту исполненную вліяній невольничества глубокую и необъяснимую пропасть, которую мы называемъ человѣческой душой—вѣдь, надо же допустить, что и плантаторы, и всѣ возможные рабы одинаково снабжены душой.

Плантаторы и невольники, отъ самаго младенчества, съ молокомъ матери всасываютъ извращенныя понятія—одинъ о своемъ мнимомъ превосходствѣ, о своихъ тираническихъ правахъ, а другой о томъ, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ, и не смѣетъ имѣть ни какихъ собственныхъ желаній, мнѣній, помысловъ, сочувствій, антипатій, свободы дѣйствій и проч. Эти ненормальныя различія, эти

ученія о преимуществахъ одного и уничиженіи другаго, это безобразное дѣленіе единаго человѣчества на касты должны развивать ненормально и нравственное существо человѣка. Ребенокъ-плантаторъ почти всегда имѣетъ при себѣ ребенка— Негра, бьетъ его, тиранитъ, разумѣется, подъ вліяніемъ поощреній, потомъ говорятъ ему, что онъ бѣлый, не долженъ любить презрѣннаго чернаго, не долженъ чувствовать къ нему ни жалости, ни состраданія, а черный малютка сначала подчиняетъ силѣ свои свѣжіе, молодые инстинкты, а потомъ уже, подъ вліяніемъ кнута, пріучается, съ помощью уже собственной воли, заглушать въ себѣ всякій внутренній голосъ протестующей человѣческой природы.

Еслибы мы захотѣли представить фактически всю деградацію *человѣка* подъ игомъ законовъ о невольничествѣ, мы должны бы были написать не одинъ томъ, наполнивъ его безчисленными формами проявленія одного и того же извращеннаго нравственнаго чувства, какъ въ семьѣ плантаторовъ, такъ и въ стадахъ покорныхъ имъ Негровъ.

Общій характеръ законодательства о черныхъ условленъ цѣлью поддержать невольничество какъ принципъ, во всей его ненарушимости; цѣль этого достигается двумя путями, отличающимися въ самомъ законодательствѣ: отъ черныхъ требовать безусловнаго подчиненія, подъ страхомъ истязаній и самой смерти, а въ бѣлыхъ поддерживать презрѣніе, отвращеніе и звѣрство къ невольнику, при воззрѣніи на него какъ на рабочее животное. Для этой послѣдней цѣли, за всякое сближеніе бѣлаго съ чернымъ, наказывается, по закону, не одинъ послѣдній, но и бѣлый—за униженіе своего достоинства.

На практикѣ, законы о невольничествѣ опредѣлили взаимныя отношенія плантаторовъ и рабовъ такъ, что этихъ послѣднихъ не убиваютъ на смерть потому только, что это не выгодно. Такимъ образомъ алчность и корысть и высокія цѣны на Негровъ удерживаютъ звѣрство въ извѣстныхъ границахъ, иначе оно дошло бы до сладострастья, до экстазовъ въ истязаніяхъ и убійствахъ. Но если невольничество назвать преступленіемъ противъ человѣчества, чѣмъ оно и является, то кого обвинятъ болѣе въ его существованіи: плантаторовъ или Негровъ?... Справедливость требуетъ сказать, что и невольникомъ быть также преступно, какъ и рабовладѣльцемъ,—и то и другое одинаково способствуетъ злу. Если плантаторы употребляютъ для осуществленія своихъ цѣлей хитрость и силу, то кто мѣшаетъ этимъ стадамъ ринуться за своими вождями-аболиціонистами, чтобы

разбить цѣпи, которыя на нихъ надѣты? Позорное клеймо неволи прежде всего долженъ стараться смыть тотъ, кто его носитъ... Вѣроятно, Негры подъ вліяніемъ тѣхъ современныхъ внушеній, которыя направлены на нихъ передовой фалангой аболиціонистовъ, скоро начнутъ сами освобожденіе свое.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, еслибы мы не сказали о томъ, какую роль играетъ литература и религія — относительно невольничества. И въ той, и въ другой мы видимъ два лагеря враждующіе и спорящіе между собою; весьма естественно, что консервативная сторона, поощряющая принципъ невольничества пропагандой свободы, ничѣмъ нестѣсняемой и льстящей плантаторскимъ интересамъ, имѣетъ сильное значеніе въ развитіи и воспитаніи общества; прогрессивная же сторона, стѣсненная въ невольничьихъ территоріяхъ строжайшей плантаторской цензурой и вліяющая только косвенно, имѣетъ слабѣйшее значеніе; она не можетъ дѣйствовать такъ прямо, какъ консервативная и расчитываетъ только на впечатлѣніе, а не на сознаніе, а способъ этотъ можетъ быть дѣйствителенъ только въ такомъ случаѣ, если индивидуумъ, на котораго направлено вліяніе, свободенъ отъ крѣпкой скорлупы равнодушія и тупоумія, и является воспріимчивымъ и къ тонкимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Американской литературѣ, дѣйствующей въ невольничьей средѣ, предстояло размягчить и пробить эту крѣпкую скорлупу и она не безъ нѣкоторыхъ видимыхъ успѣховъ дѣлала свое дѣло; но большинство явленій доказываетъ, что аболиціонистская пропаганда только скользитъ по нравственной поверхности общества, не входя еще въ кровь и плоть его. Романъ Бичеръ—Стоу, извѣстный даже и русской публикѣ, былъ прочитанъ во многихъ плантаторскихъ семействахъ съ большимъ любопытствомъ, и многіе чувствительные плантаторы, и въ особенности — плантаторши, проливали надъ страницами его непритворныя слезы, но едва ли кто изъ этихъ чувствительныхъ читателей сталъ на сторону аболиціонистовъ, отказавшись отъ владѣнія и торговли человѣческимъ мясомъ. Разныя элегіи и пѣсни, сочиняемыя американскими поэтами—аболиціонистами, изображающія горе разлуки матерей—Негритянокъ съ ихъ дѣтьми, отторгнутыми отъ нихъ на невольничьихъ рынкахъ, также читаются и часто заучиваются наизустъ въ плантаторскихъ семействахъ, но участь Негритянокъ и торгъ невольниками нисколько не слабѣетъ отъ того. Аболиціонисты пишутъ много книгъ для первоначальнаго образованія, и, конечно, на сколько возможно

при стѣсненіяхъ со стороны плантаторовъ, проводятъ понятія о свободѣ, но юное поколѣніе плантаторовъ болѣе подчиняется практическимъ примѣрамъ и доморощеннымъ внушеніямъ своихъ почтенныхъ родителей, и ревностно идетъ по проторенной дорогѣ, видя въ невольничествѣ оплотъ для своего матеріальнаго благоденствія; до нравственнаго же благополучія, до гармоніи своихъ внутреннихъ ощущеній, плантатору какъ будто и дѣла нѣтъ: среда общественнаго воспитанія очерствила въ немъ воспріимчивость внѣшнихъ впечатлѣній—онъ не слышитъ и не видитъ тѣхъ диссонансовъ, которые безпрерывно являются въ окружающей его жизни: и окровавленный бифстексъ не напоминаетъ ему собою взбученной спины Негра; вкусныя яства, подносимыя голоднымъ невольникомъ, съѣдаются съ самымъ неповрежденнымъ аппетитомъ, бряцанья невольничьей цѣпи не оскорбляютъ его слуха, и лохмотья Негра не указываютъ на контрастъ съ одеждами плантатора, взлелѣяннаго и вскормленнаго пóтомъ и кровью своего раба, скованнаго и закономъ и желѣзными цѣпями.

Американская церковь также принесла и приноситъ свою *лепту вдовицы* въ защиту невольничества. Она, во имя Христово, проповѣдуетъ рабство со всѣми его основами: терпѣніемъ въ истязаніяхъ, безусловною покорностію волѣ и прихотямъ плантаторовъ и уничиженіемъ личности. А американская церковь, стоящая индивидуально, могла бы быть непричастной общественныхъ страстей. Участіе церкви въ поддержкѣ и распространеніи невольничества есть самое печальное изъ всѣхъ явленій по этому предмету: общественная нравственность и въ церкви не нашла себѣ защитницы. Члены духовной іерархіи невольничьихъ штатовъ, стоящіе за рабство, по большей части — сами богатые рабовладѣльцы; число ихъ, лѣтъ десять назадъ, простиралось до двадцати пяти тысячъ человѣкъ (*); этотъ-то легіонъ, вооруженный авторитетомъ своего званія, и растлѣваетъ болѣе всего своими доктринами расу рабовъ; они обязываютъ ихъ духовно: терпѣть безъ ропота удары кнута, благословлять и любить своихъ палачей и считать своихъ владѣльцевъ за представителей «Отца Небеснаго»!! такимъ образомъ они связываютъ душу невольника, ее опутываютъ цѣпями и къ страху кнута присоединяютъ страхъ ада; въ рукахъ этого духовенства искажаемое имъ

(*) А число священниковъ-аболиціонистовъ не болѣе трехъ тысячъ пяти сотъ.

евангеліе есть лучшее орудіе для укрѣпленія рабства; наиболѣе слабоумные невольники, которые поддались внушеніямъ своихъ пастырей, обыкновенно, убѣждены, что жребій ихъ усладителенъ, что кусокъ хлѣба, который имъ броситъ плантаторъ, есть Божія милость, что вѣчное блаженство будущей жизни только и можетъ быть добыто одними лишеніями и терпѣніемъ страданій въ роли раба, и что люди, въ родѣ Брауна, суть посланники антихриста; недостойные ничего другаго, кромѣ казни. Подобные невольники, какъ совершенно безопасные для спокойствія плантаторовъ, и цѣнятся дороже на рынкахъ; они тѣмъ болѣе благословляютъ и молятся за своихъ владѣльцевъ, чѣмъ болѣе эти послѣдніе заставляютъ ихъ работать. Распространеніе евангелія между рабами въ томъ видѣ, какъ мы изложили, признано въ невольничьихъ штатахъ очень полезнымъ въ денежныхъ интересахъ плантаторовъ, и потому находитъ себѣ много поборниковъ; а Неграмъ, при ихъ положеніи, необходима нѣкоторая экзальтація духа, и они предаются религіознымъ вакханаліямъ собственно для удовлетворенія этой потребности. Женщины часто во время религіозныхъ церемоній впадаютъ въ обмороки и истерическія рыданія (этотъ фактъ слѣдуетъ замѣтить, какъ объясненіе явленія, извѣстнаго у насъ подъ названіемъ *кликушъ*) и Негры не всѣ переносятъ безъ конвульсій и истерикъ проповѣди и другіе обряды богослуженія.

Почти всѣ американскія секты, исключая квакеровъ, запятнали себя проповѣдью за невольничество, даже лицемѣрно-братолюбивые гернгутеры или моравскіе братья, эти протестанскіе іезуиты, осуществляющіе въ скромной Германіи и даже въ нашей Скандинавіи идеальныя братскія общины, — и тѣ не выдержали противъ искушенія владѣть людьми во имя Христово и во имя всеобъемлющей братской любви.

Надо сознаться, что замѣчательное въ наше время и исключительное явленіе представляютъ благочестивые пастыри, продающіе молодыхъ негритянокъ содержателямъ публичныхъ домовъ и, послѣ проповѣди, часто отправляющіеся съ собаками на охоту за бѣглыми невольниками... За то на суммы, выручаемыя отъ этой гнусной продажи Негритянокъ, пасторы строятъ молельни, украшаютъ ихъ и посылаютъ миссіонеровъ къ дикимъ народамъ.

Наши потомки многому не повѣрятъ, чему мы, какъ свидѣтели и современники, никакъ не можемъ не вѣрить; но зло, также какъ и добро, всегда имѣетъ свою логику: если въ общественномъ устройствѣ допущенъ корень зла, то всѣ послѣдствія его суть не болѣе

какъ естественныя фазы дальнѣйшаго его развитія, роста; вся современная задача социалогіи—уяснить причины явленій и умѣть искоренять тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ болѣзни общественнаго организма.

Для американскихъ аболиціонистовъ вопросъ о невольничествѣ, какъ стоитъ онъ при настоящихъ обстоятельствахъ, есть вопросъ рѣшеный и надо ждать болѣе или менѣе скорой развязки его; поэтому не будетъ лишнимъ обратить вниманіе вообще на силы, которыми обладаетъ невольничья партія, и на возможность или невозможность успѣха въ предстоящей рѣшительной борьбѣ.

Мы видѣли уже, что законодательство, правительство, бывшее до сихъ поръ, церковь и ея служители, общественное воспитаніе, породившее всеобщую ненависть бѣлаго племени къ черному, общность матеріальныхъ выгодъ плантаторовъ, и даже литература въ лицѣ невольничьей партіи,—все это служило опорой невольничеству. Теперь остается еще знать, въ какой степени всѣхъ этихъ опоръ достаточно въ сравненіи съ силами аболиціонной партіи.

Для уясненія шансовъ борьбы за невольничество мы приведемъ нѣкоторыя общія статистическія данныя о матеріальныхъ силахъ обѣихъ сторонъ, и потомъ обратимся къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ явленіямъ, имѣющимъ наибольшее значеніе въ вопросѣ.

Послѣднія официальныя свѣдѣнія о народонаселеніи въ соединенныхъ штатахъ ограничиваются послѣднею народною переписью 1850 г.; по этимъ свѣдѣніямъ: населеніе Сѣвера въ 1790 г. простиралось до 1,968,455, а населеніе Юга — 1,961,372, такъ что обѣ части республики почти равнялись между собою; въ 1850 же году, невольничьи штаты, къ которымъ, въ означенный промежутокъ времени, присоединились: Луизіана, Флорида и Техасъ, состояли изъ 9,612,769 жителей, съ находящимися въ томъ числѣ 6,184,477 свободныхъ людей; между тѣмъ сѣверные штаты, безъ всякаго территоріальнаго увеличенія, имѣли 13,432,922 жителей, и исключительно свободныхъ; отношеніе населенія къ пространству было на Сѣверѣ — 9, а на Югѣ — 7.

Европейская эмиграція постоянно усиливающая мѣстную производительность и народонаселеніе, преимущественно направлена въ Сѣверные Штаты, а также и внутреннее передвиженіе населенія спо-

собствуетъ ущербу свободнаго населенія Юга, напримѣръ: въ 1850 г. въ сѣверные штаты изъ южныхъ переселилось 600,000, а на оборотъ — только 200,000. Промышленный капиталъ юга едва простирается до 500 милліоновъ франковъ, тогда какъ промышленный капиталъ Сѣвера равняется двумъ съ половиною милліардамъ, такъ что однѣ мануфактуры Массачузета превосходятъ собою всѣ вмѣстѣ мануфактуры Юга, купеческій флотъ Массачузета значительнѣе всего коммерческаго флота невольничьихъ штатовъ и внѣшняя торговля одного Нью-Йорка вдвое значительнѣе торговли южныхъ штатовъ. Желѣзныя дороги сѣвера вчетверо превышаютъ общую сложность желѣзныхъ дорогъ на югѣ.

Сѣверные штаты, первенствуя въ матеріальныхъ богатствахъ передъ южными, оставили ихъ за собою и въ образрваніи и умственномъ развитіи: отношеніе числа неграмотныхъ къ грамотнымъ на Югѣ въ 1850 г. было 1 къ 12, а на сѣверѣ 1 къ 53; число дѣтей, посѣщавшихъ сѣверные школы, было около 3 милліоновъ, а на Югѣ до 600,000; число журналовъ, выходящихъ во всѣхъ южныхъ штатахъ, равняется только числу журналовъ, выходящихъ въ одномъ лишь Массачузетѣ. Литература и другія изящныя искуства, науки, изобрѣтенія и усовершенствованія и т. п. имѣютъ лучшихъ своихъ представителей въ свободныхъ штатахъ, въ штатахъ же плантаторскихъ преобладаетъ только страсть къ отличіямъ, къ гонору, и т. п. стремленіямъ, такъ что на административной карьерѣ до сихъ поръ наибольшая доля относится къ уроженцамъ Юга. Такъ какъ люди по большей части хлопочутъ изъ того, чего у нихъ нѣтъ, то и въ плантаторскихъ головахъ преимущественно развиты понятія о чести, усвоенныя ими, разумѣется, по-своему и смахивающія болѣе на щекотливость, обидчивость и своего рода аристократизмъ. Подъ вліяніемъ привычки повелѣвать своими рабами, плантаторы вообще не любятъ и не терпятъ возраженій и споровъ. Всякое возраженіе считаютъ за личное оскорбленіе, за обиду, и готовы при каждомъ удобномъ случаѣ прибѣгнуть къ шпагѣ и ривольверу. Чувство власти и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣніе, которое они питаютъ къ рабамъ, развиваетъ въ нихъ высокомѣрность, рѣшительность и гордость сознанія своихъ, ни чѣмъ не ограниченныхъ владѣльческихъ правъ. Будучи избавлены отъ всякой трудовой дѣятельности и обеспеченные постояннымъ доходомъ, который получается вѣрно при содѣйствіи кнута, безъ всякихъ особенныхъ соображеній со стороны плантаторовъ,

они вообще лѣнивы, наклонны къ эпикуреизму и тщеславны; салонная болтовня, изысканность въ обращенiи или свѣтскость, тщеславное желанiе блистать какъ своими богатствами, такъ и природными дарами, составляютъ отличительную черту каждаго плантатора. Благодаря своимъ наклонностямъ и страстямъ, также карпоративности, и кромѣ того солидарности своихъ интересовъ, они захватили въ свои руки почти всѣ высшiя должности республуки, и еслибы кто нибудь повелъ рѣчь о возстановленiи ѳеодальныхъ учрежденiй, то плантоторы тотчасъ надѣли бы мантiи и украсили свои экипажи и дома коронами и гербами, для которыхъ, конечно, самыми лучшими эмблемами были бы: кнутъ, цѣпи и замученные Негры. Плантаторы и теперь считаютъ себя патрицiями, хотя между ними есть много убѣжавшихъ изъ Европы, нечистыхъ на руку, кассировъ, прикащиковъ, трактирныхъ гарсоновъ и т. п. сволочи. Но они сами установили мѣру своихъ достоинствъ, это — число владѣемыхъ ими Негровъ и количество тюковъ хлопка, высылаемыхъ ими въ Европу. Плантаторы увѣрены, что республика ихъ затмитъ славу древнихъ греческихъ республикъ, основанныхъ также на рабствѣ. Да, — еслибы съ теченiемъ вѣковъ не измѣнялись и идеи, то слава *греческихъ* республикъ могла бы поддерживаться и въ наше время; но нынѣшнiе рабы, къ ихъ счастiю, не способны уже такъ безусловно вѣрить въ законность рабства, какъ во время греческихъ республикъ, и напротивъ не прочь отъ того, чтобы иногда заняться экспериментами надъ прочностью своихъ отношенiй къ рабовладѣльцамъ.

Единственная привиллегiя невольничьихъ штатовъ заключается въ монополiи производства хлопчатой бумаги. Продуктъ этотъ, воздѣлываемый почти исключительно на фабрикахъ и мануфактурахъ Англiи, и составляющiй предметъ потребленiя во всѣхъ мѣстностяхъ земнаго шара, гдѣ только нуждаются въ какой либо одеждѣ, сосредоточенъ въ невольничьихъ шлатахъ; плантаторы, сознавая значенiе своего производства, справедливо говорятъ, что покуда хлопчатая бумага будетъ принадлежать имъ, — они будутъ диктовать условiя своимъ покупателямъ и будутъ торговыми диктаторами Англiи. Дѣйствительно, хотя хлопчатая бумага и не составляетъ исключительнаго продукта, получаемаго на плодородной почвѣ республики, но и та семнадцатая доля всѣхъ земель, которая производитъ этотъ продуктъ, дѣлаетъ плантаторовъ повелителями на рынкахъ цѣлаго свѣта; интересъ всѣхъ народовъ связанъ съ интересами плантаторовъ, въ особенности инте-

ресы Англіи подчинены хлопчато-бумажной монополіи американскихъ плантаторовъ: одна Англія получаетъ пять седьмыхъ всего количества бумаги отпускаемой въ Европу, именно до двухъ милліоновъ тюковъ, на сумму 750 мил. франковъ.

Мы не будемъ говорить здѣсь подробно о всей важности хлопчато-бумажнаго *вопроса*, но замѣтимъ кстати, что Англія вполнѣ сознаетъ, что съ уничтоженіемъ невольничества, и производство хлопчатой бумаги будетъ труднѣе, въ особенности цѣнность ея должна будетъ подняться, вслѣдствіе чего Англія отыскиваетъ для себя новые производительные рынки хлопчатой бумаги, и нѣтъ сомнѣнія, что для избавленія себя отъ зависимости отъ плантаторовъ-монополистовъ и отъ всякаго затрудненія въ случаѣ возстанія невольниковъ, Англія достигнетъ своей цѣли: въ Восточной и Западной Индіи, Бразиліи, Египтѣ, Гвинеѣ и другихъ ближайшихъ мѣстностяхъ, гдѣ по климату возможно производство хлопка.

Изъ приведеннаго нами видно, что могущество и богатство невольничьихъ штатовъ покоится на хлопчатой бумагѣ и что фундаментъ этотъ далеко непроченъ. Событія въ Америкѣ, имѣющія для Англіи несомнѣнно-серьезное значеніе, не были однако встрѣчены въ настоящее время особенной тревогой и опасеніями, и это можетъ подтверждать, что Англія начала уже достигать цѣли образованія новыхъ хлопчато-бужныхъ рынковъ; въ такомъ случаѣ невольничій трудъ, какъ не могущій приносить достаточныхъ выгодъ, долженъ сдѣлаться бременемъ для рабовладѣльцевъ.

Южные штаты пользуются, какъ мы сказали уже, монополіей въ производствѣ продукта, имѣющаго огромное значеніе въ промышленномъ отношеніи, но зато въ своей политической и умственной жизни зависятъ отъ Сѣвера. Но чтобы лучше уяснить себѣ значеніе и силу тѣхъ соціальныхъ элементовъ, которые должны прійти въ столкновеніе при наступившемъ разрѣшеніи вопроса о невольничествѣ, намъ необходимо разсмотрѣть съ нѣкоторой подробностью взаимныя нравственныя отношенія разныхъ классовъ общества республики и матеріальные ихъ интересы; а также и сущность стремленій партій аболиціонистовъ и ихъ силу.

Населеніе южныхъ штатовъ состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ: рабовладѣльцевъ, число которыхъ не превышаетъ 180 тысячъ, а съ владѣльцами земель, нанимающими рабовъ, до 350 тыс.; Негровъ-рабовъ до 4 милліоновъ, незначительная доля свободныхъ Негровъ, и

7 милліоновъ бѣлыхъ, невладѣющихъ ни рабами, ни всякой другой собственностью, между которыми много находится такихъ лицъ, которыя сами владѣли и небольшими клочками земли, и нѣсколькими невольниками, въ надеждѣ, разумѣется, сдѣлаться впослѣдствіи первостатейными плантаторами, но пали подъ бременемъ случайныхъ неудачъ, или были поглощены преобладающимъ вліяніемъ богатыхъ плантаторовъ, стремящихся постоянно къ тому, чтобы скупить какъ можно болѣе земли и невольниковъ; статистическія данныя показываютъ, что невольничество въ Америкѣ по своимъ результатамъ, осуществляетъ нѣчто въ родѣ англійскихъ маіоратовъ; маленькія фермы, занятыя и воздѣланныя впервые свободнымъ земледѣльцемъ, мало по малу переходятъ къ туземнымъ ѳеодаламъ, владѣющимъ огромными плантаціями и тысячами рабовъ; такимъ образомъ число рабовладѣльцевъ постоянно уменьшается, а число свободныхъ бѣлыхъ, не имѣющихъ ничего кромѣ труда, равно какъ и число невольниковъ, возрастаетъ.

О чувствахъ Негровъ къ плантаторамъ мы говорить не будемъ: онѣ должны быть намъ болѣе или менѣе понятны — негры любятъ своихъ господъ какъ собака любитъ палку; такъ же излишне говорить и о чувствахъ плантаторовъ къ рабамъ; но мы должны сказать о чувствахъ, питаемыхъ американскимъ бѣлымъ пролетаріемъ, пролетаріемъ почти въ европейскомъ смыслѣ слова: классъ этотъ и вездѣ не питаетъ особеннаго сочувствія вообще къ капиталистамъ и разнаго рода владѣльцамъ, потому, вѣроятно, что чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ блюдомъ, подносимымъ богиней общественной эксплоатаціи своимъ жрецамъ, но американскій пролетарій, часто бывшій самъ рабовладѣльцемъ и собственникомъ клочка земли, съ завистью смотритъ на плантаторскіе экипажи и съ особеннымъ удовольствіемъ направляетъ свое подкапывающее вліяніе на самый источникъ богатства, составляющаго предметъ его зависти — невольничество; и кромѣ того, онъ видитъ въ немъ препятствіе для себя въ полученіи наибольшихъ выгодъ отъ своего личнаго труда; въ самомъ же невольникѣ всякій бѣлый работникъ видитъ опаснаго конкуррента въ трудѣ, понижающаго своей неволей задѣльную плату вообще на трудъ; поэтому бѣлый работникъ вдвойнѣ ненавидитъ Негра: и какъ презрѣннаго чернаго и раба, и какъ вреднаго себѣ конкуррента; даже многіе изъ бѣлыхъ граждахъ, подъ вліяніемъ ненависти и презрѣнія къ черному племени, считаютъ для себя слишкомъ унизитель-

нымъ отбывать тѣ же работы, какъ и Негры; все это заставляетъ ихъ желать освобожденія Негровъ и, главное, окончательнаго изгнанія ихъ изъ страны; съ этой цѣлью они образуютъ партіи, которыя простираютъ иногда значительно—сильное вліяніе на выборы въ законодательныя собранія или эмигрируютъ въ сѣверные штаты и дѣлаются отчаянными врагами рабства, примыкая тамъ къ партіи аболиціонистовъ, не чувствуя себя въ силахъ сами одни вступить въ открытую борьбу съ плантаторами и не имѣя возможности, по многимъ причинамъ, произвести общее возстаніе невольниковъ.

При единодушномъ желаніи поддержать невольничество, вообще, южные штаты не могутъ однако сойтись въ одной изъ главныхъ частностей, именно: постановленій о свободномъ ввозѣ невольниковъ. Теперь подвозъ Негровъ изъ Африки производится открыто, несмотря на запрещающій законъ; но отъ этого страдаютъ тѣ штаты, которые нуждаются въ сбытѣ своихъ невольниковъ, потому что понижающіяся цѣны на Негровъ при возрастающемъ подвозѣ, заставляютъ рабовладѣльцевъ продавать ихъ въ убытокъ; при невозможности выдержать такую конкурренцію, штаты, преимущественно торгующіе человѣческимъ мясомъ, поневолѣ должны будутъ возненавидѣть своихъ собратьевъ и примкнуть къ аболиціонистамъ. А между тѣмъ торговля Неграми идетъ на акціяхъ, слѣдовательно — сильнѣе и сильнѣе.

Говоря о партіи аболиціонистовъ, трудно сказать что нибудь утвердительное о томъ, что именно послужило къ образованію этой партіи и что теперь ее поддерживаетъ въ ея настоящей силѣ? Сказать, что чистая и великая идея свободы, — было бы слишкомъ односторонне; точно также объяснять стремленіе аболиціонистной партіи одними матеріальными интересами бѣлаго населенія, т. е. желаніемъ уничтожить невольничество, какъ явленіе, представляющее невыгодную конкуренцію свободному труду, тоже было бы недостаточно дальновидно. Передъ нашими глазами падаютъ безкорыстно такія жертвы, какъ Броунъ, и, конечно, никто не въ состояніи заподозрить ихъ въ меркантильности ихъ стремленій; съ другой стороны нельзя не признать, что массы, безъ которыхъ немыслима никакая сильная политическая партія, болѣе одушевляются въ своихъ стремленіяхъ чувствомъ зависти и ненависти къ плантаторамъ и естественнымъ желаніямъ освободить профессію труда отъ вліянія капитала, нежели дѣйствовать во имя идеи. Не будетъ ли ближе объяснить значеніе аболиціонистной партіи именно гармоническимъ сое-

диненіемъ живой идеи и реальныхъ требованій жизни: одна обстрактная идея, невыражающая въ себѣ положительныхъ жизненныхъ интересовъ, не можетъ и имѣть мѣста въ практическихъ явленіяхъ жизни, каково, напримѣръ, разрѣшеніе важныхъ и сложныхъ соціальныхъ вопросовъ; но она пріобрѣтаетъ практическое значеніе именно вслѣдствіе того, что имѣетъ цѣлью осуществить для человѣка постоянно преслѣдуемое имъ соглашеніе жизни съ ея идеаломъ. Въ возгласахъ о свободѣ слышатся не однѣ лишь пустыя слова, но защита свободныхъ индивидуальныхъ правъ человѣка какъ на его нравственные, такъ и на матеріальные интересы. Гаррисонъ и Браунъ, вѣроятно, одушевлены были въ своей патріотической дѣятельности соединеніемъ всѣхъ должныхъ понятій о свободѣ, а не одной пустой безсознательной экзальтаціей. Безъ чувства любви къ человѣчеству, любви, можетъ быть, нѣсколько фанатической, нельзя быть Брауномъ и Гаррисономъ, и участь четырехъ милліономъ рабовъ, для которыхъ всѣ права заключаются въ волѣ и капризахъ ихъ владѣльцевъ, можетъ внушить и истинное чувство христіанской любви, и рѣшимость, какой требуетъ дѣло.

Та часть аболиціонистной партіи, для которой всѣ ея стремленія сливаются въ одни лишь матеріальные интересы, конечно, могла вредить дѣлу освобожденія невольниковъ, тѣмъ, что нетолько не выражала къ нимъ никакой симпатіи, но даже открыто старалась ввергать ихъ въ нищету, требуя, напримѣръ, отъ владѣльцевъ фабрикъ и другихъ промышленниковъ, отпустить невольниковъ для того только, чтобы взять на работу свободныхъ бѣлыхъ. Этимъ много лишаетъ себя довѣрія аболиціонистная партія со стороны Негровъ; они часто боятся своихъ освободителей хуже, чѣмъ плантаторовъ, видя себя поставленными съ обѣихъ сторонъ внѣ всякаго человѣколюбія. Поэтому же многіе изъ нихъ боятся бѣжать въ свободные сѣверные штаты, гдѣ, какъ извѣстно, ожидаетъ ихъ убійственное и почти всеобщее презрѣніе и униженіе. Этимъ несчастнымъ людямъ, въ богатыхъ городахъ сѣверныхъ штатовъ закрытъ доступъ ко всякому болѣе или менѣе почетному дѣлу, ихъ не пускаютъ ни въ мастерскія, ни въ церкви (съ исключеніями), ни за общіе съ бѣлыми столы, ни въ публичные экипажи и т. п. Бостонъ—столица аболиціонизма, но и тотъ не отличается особой заботливостью о чернокожихъ потомкахъ Хама.

И такъ, самою надежною опорою невольничества служитъ пре-

зрѣніе бѣлыхъ американцевъ къ черному племени, и плантаторы, вслѣдствіе этого, имѣютъ въ числѣ своихъ защитниковъ много самихъ невольниковъ, которыхъ они угнетаютъ, и потому-то неслишкомъ опасаются такого возмущенія невольниковъ, отъ котораго рабство было бы опрокинуто совершенно.

Какимъ же, однако, путемъ долженъ разрѣшиться вопросъ о невольничествѣ, когда сами Негры не въ состояніи себя освободить?

Если движеніе аболиціонистовъ и увлечетъ за собою только тѣхъ, кто прямо или косвенно, во имя идеи, или изъ-за однихъ матеріальныхъ интересовъ, заинтересованъ въ освобожденіи невольниковъ, то и тогда плантаторы должны будутъ уступить, тѣмъ болѣе, что свобода можетъ быть понятна даже и Неграмъ, какъ скоро они испытаютъ ея значеніе, а это возможно и даже неизбѣжно при усиленной пропагандѣ и при нарушеніи заведеннаго привычнаго порядка.

Начавшіяся уже непріязненныя дѣйствія между Сѣверомъ и Югомъ едва ли могутъ имѣть какой-либо рѣшительный, практическій результатъ; по всей вѣроятности значеніе ихъ ограничится тѣмъ, что отдѣлившіеся штаты одинъ за другимъ будутъ снова присоединяться къ Сѣверу, по мѣрѣ того, какъ будетъ слабѣть возможность побѣды надъ аболиціонистами; такимъ образомъ, вопросъ о невольничествѣ пойдетъ такъ-называемымъ мирнымъ законодательнымъ путемъ, и, по всей вѣроятности, остановится на полумѣрахъ, подъ видомъ обоюдныхъ уступокъ и желанія согласить несогласимые интересы обѣихъ сторонъ: плантаторовъ и невольниковъ.

Многіе утверждаютъ, и очень основательно, что если разрѣшеніе вопроса о невольникахъ послѣдуетъ безъ прямаго участія ихъ самихъ, то свобода ихъ не будетъ имѣть прочнаго значенія: законодательство, долженствующее опредѣлить какія-либо отношенія между рабами и плантаторами, пойдетъ тѣмъ-же порядкомъ, какимъ оно шло отъ самаго возникновенія невольничества въ южныхъ штатахъ, и плантаторы, опытные въ законодательныхъ хитростяхъ, оставятъ для своихъ затаенныхъ стремленій новую лазейку, чтобы, при первомъ благопріятномъ случаѣ возвести невольничество на степень принципа и краеугольнаго камня своей *ново-греческой* республики. Надобно, чтобы Негры знали, чего стоитъ завоевать себѣ свободу, оцѣнили бы жертвы, безъ которыхъ нельзя ее завоевывать: тогда они будутъ беречь ее какъ зѣницу ока... Если же плантаторамъ суждено будетъ одержать верхъ, и даже получить формальное признаніе монтмогерійской

республики, отъ всѣхъ европейскихъ и неевропейскихъ дворовъ, то имъ рано или поздно придется отложить въ сторону свои демократическіе обычаи и позаимствовать что-нибудь другое, почище, откуда-нибудь, хоть напримѣръ, изъ Австріи и Рима: съ тайными агентами, централизаціей, бюрократіей, всякаго рода изобрѣтеніями свѣтской и духовной инквизиціи и т. п. милыми учрежденіями, готовящимися къ сдачѣ въ архивъ въ европейскихъ канцеляріяхъ.... Но избави, Боже, всякій народъ, — будетъ ли онъ бѣлый или черный — отъ подобныхъ грѣховъ....

Невольничество давно уже было любимой темой нашихъ русскихъ журналовъ, и экономисты-либералы (дешевые) доказывали, что съ уничтоженіемъ невольничьяго труда, плантаторовъ ожидаетъ столь блаженное состояніе, что они забудутъ всякую вражду къ аболиціонистамъ и Неграмъ и ощутятъ сладость обоюдныхъ выгодъ. Плантаторы, какъ изволите видѣть, милостивые государи, во все не вѣрятъ въ подобную сахарную доктрину, и едва ли ошибаются. Свободный трудъ полезенъ для цѣлой страны, общимъ достояніемъ которой онъ сдѣлается, также какъ обязательный трудъ полезенъ теперь плантатору, который имъ пользуется. Подобныя увѣренія и споры похожи на надписи тѣхъ щитовъ, которыми прикрываются плантаторы и аболиціонисты: первые — защищаютъ себя святостью невольничества, какъ принципа, тогда-какъ хлопочутъ только о личныхъ интересахъ, прикрываемыхъ правомъ сильнаго; другіе тоже ищутъ частныхъ интересовъ сословія, а на своемъ щитѣ выставляютъ идею свободы. Такъ какъ и то и другое ложно, — естественно, нельзя и ожидать рѣшенія смѣлаго, быстраго, безъ колебаній. Еслибы съ одной стороны выставлено было: личные интересы, а съ другой общая польза, выражающая себя всегда въ идеѣ, — всѣ бы знали, за что бороться, и партизановъ лучшей стороны всегда было бы больше, потому-что въ личныхъ интересахъ единицъ общество не имѣетъ никакого интереса, а въ массѣ интересовъ общихъ всякій находитъ равную долю и своего собственнаго.

А. ТОПОРОВЪ.

17 апрѣля 1861 года.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Вопросъ національностей, поставленный италіянскимъ движеніемъ, принимаетъ характеръ обще-европейскаго значенія. Какъ рѣки, выбитыя случайными физическими переворотами изъ своихъ руслъ, опять возвращаются въ прежнія границы, такъ и народы, размежеванные историческими обстоятельствами и дипломатическимъ капризомъ, стремятся войти въ свои естественныя формы. Утраченное, или, правильнѣе, отведенное на-время чувство національнаго единства или независимой политической личности, снова воскресло послѣ продолжительной внутренней борьбы. Это народное тяготѣніе, начатое страной, которая всего больше вынесла за раздробленность своего цѣльнаго существа, начинаетъ проявляться на разныхъ пунктахъ и подъ разными формами. Іонійскіе острова и придунайскія народности ищутъ простаго національнаго сліянія, не соединяя съ нимъ другихъ, болѣе жизненыхъ вопросовъ: такое явленіе можно назвать химическимъ сцѣпленіемъ родственныхъ элементовъ, оторванныхъ отъ своего органическаго тѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что оно имѣетъ свое основаніе, потому что индивидуальная жизнь народовъ имѣетъ такое же право на уваженіе, какъ и индивидуальная свобода отдѣльнаго лица. Кромѣ того, оно имѣетъ другую раціональную сторону; оно заявляетъ протестъ противъ насилія завое-

вательной системы, всегда болѣе или менѣе соединенной со всѣми послѣдствіями иностраннаго господства. Турція и Австрія, основавъ его на этомъ неестественномъ фактѣ, довели подвластныя имъ чужія народности почти да самоумерщвленія, — первая посредствомъ военнаго деспотизма и необузданнаго произвола, — вторая посредствомъ искуственно-придуманной административной системы. И здѣсь и тамъ стремленіе было одно — уничтожить натуральное развитіе племенныхъ особенностей и подвести ихъ подъ одинъ государственный уровень. Время показало, что законы природы всего менѣе слушаются человѣческихъ предписаній, и едва внѣшняя сила нѣсколько отпускала свое давленіе, какъ національный принципъ возставалъ противъ угнетенія.

Но признавая естественность такого явленія, мы не думаемъ, чтобъ понятіе «національность» можно было принять за идеалъ желаній современной эпохи, если только національное движеніе останавливается на одномъ имени. Буду ли я называться Англичаниномъ или Грекомъ, стану ли я говорить на томъ или другомъ языкѣ, съ тѣмъ или другимъ акцентомъ, буду ли я носить на головѣ тюрбанъ или шляпу, — въ этомъ еще не много человѣческаго достоинства и дѣйствительнаго счастія. Кромѣ этихъ случайныхъ оттѣнковъ, разрисованныхъ на человѣческихъ обществахъ безчисленнымъ множествомъ чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ, конечно, есть принципы общіе и болѣе важные — всемірная солидарность людей, раздѣленныхъ на отдѣльныя группы; есть внутренняя, въ высшей степени твердая связь, которая, подобно гальванической цѣпи, соединяетъ однимъ живымъ біеніемъ всѣ разрозненные члены огромнаго человѣческаго семейства. Эта связь заключается въ постоянномъ стремленіи людей къ лучшему положенію, подъ какой бы географической широтой они ни находились и какія бы соціальныя учрежденія ими ни управляли. Нельзя сказать, чтобъ свобода совѣсти, выработанная Американцемъ, могла быть лишнимъ пріобрѣтеніемъ для Француза или матеріальное богатство Англіи помѣшало бы въ жизни Китая; точно также не думаемъ, чтобъ бичъ, вытягиваемый по спинѣ чернокожаго Негра, съ необыкновенной болью для его нервной системы былъ особеннымъ наслажденіемъ для марокскаго раба или персидскаго подданнаго. Такимъ образомъ, кромѣ національныхъ интересовъ надо признать еще общечеловѣческіе интересы. Нѣтъ спору, что воззрѣнія, степень пониманія, религіозные и гражданскіе предразсудки могутъ измѣнять до безконечности наши мнѣ-

нія, ставитъ въ различномъ свѣтѣ одинъ и тотъ же предметъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ самые принципы измѣнялись въ своемъ внутреннемъ качествѣ. Поэтому вопросъ національностей становится только тогда жизненнымъ вопросомъ, когда съ нимъ соединяется соціальное движеніе народа; если нація ищетъ въ немъ не просто племенной независимости или неприкосновенности своихъ преданій, но и общественнаго прогресса; только въ такомъ видѣ національное движеніе изъ безсмысленной борьбы международныхъ антипатій переходитъ въ область разумныхъ явленій.

Лучшимъ примѣромъ такого стремленія служитъ современная Италія. Въ ней въ одно и то же время происходятъ двѣ паралельныя реформы—осуществленіе давнишней мечты о политическомъ единствѣ и возрожденіе внутреннихъ силъ націи. До тѣхъ поръ, пока эти вопросы рѣшались отдѣльно, всѣ попытки Италіи къ національной независимости были напрасны; 1848 годъ всего лучше доказалъ, что безъ соціальнаго переворота, вызваннаго изъ общественныхъ нѣдръ, трудно создать что-нибудь цѣлое изъ полуострова; даже теперь, когда народный вождь отступилъ на второй планъ, передавъ дѣло въ руки сардинскихъ бюрократовъ и дипломаціи, ходъ событій потерялъ прежнюю энергію и быстроту; этого мало, онъ поворотилъ назадъ. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ туринскаго парламента эти два направленія, представляемыя Гарибальди и Кавуромъ, еще разъ пришли въ столкновеніе, и едва не окончились полнымъ разрывомъ министра и полководца. Давно ужъ стараются помирить ихъ, давно смотрятъ на эту вражду, какъ на источникъ обще-италіянскаго зла, но неужели, въ самомъ дѣлѣ, можно соединить этихъ людей въ одномъ стремленіи и на одномъ поприщѣ дѣятельности? Трудно найти двѣ натуры, болѣе противоположныя по характеру, какъ Кавуръ и Гарибальди. Первый—легитимистъ и дипломатъ, въ обширномъ значеніи этого слова. «Консерваторъ по природѣ, говоритъ Westminster Review, онъ знаетъ цѣну государственныхъ учрежденій; въ минуты кризиса онъ ничего не видитъ въ нихъ, кромѣ формы; измѣряя народныя движенія, онъ не ошибается въ ихъ силѣ и не забываетъ ихъ измѣнчивость. Съ поползновеніемъ къ власти, подобно Ришельё, онъ любитъ опираться на общественномъ мнѣніи, и будучи дѣйствительнымъ диктаторомъ, дѣйствуетъ въ духѣ отвѣтственнаго министра (Westm. Rev. 1861 Jan. стр. 190.) Вся политическая карьера Кавура была постояннымъ наблюденіемъ за преобладающими партіями и

дальновиднымъ умѣньемъ пользоваться ихъ вліяніемъ. Для него никогда и нигдѣ принципъ не стоялъ выше ловко-разсчитанной комбинаціи обстоятельствъ; его дѣятельность была строго практическая, основанная болѣе на признакахъ времени, чѣмъ на глубокомъ знаніи народныхъ инстинктовъ и потребностей. Діаметрально—противоположное явленіе Кавуру представляетъ намъ Гарибальди. Это храбрый солдатъ, простой, откровенный и страстный, какъ самъ народъ, изъ котораго онъ вышелъ. Въ этомъ человѣкѣ воплотился типъ италіянской націи, со всѣми достоинствами и недостатками; какъ она, онъ легко увлекается идеальными надеждами, нравственной высотой чувствъ и пламенной любовью къ свободѣ; въ немъ положило свою душу, если можно такъ выразиться, цѣлое поколѣніе людей, подобныхъ Маццини, братьямъ Бандіера и тѣмъ страдальцамъ, которыми прославлены австрійскіе казематы и неаполитанскіе галеры. «Для него, говоритъ тотъ же англійскій журналъ, формы, конституціи, обыденные церемоніалы — совершенно непонятны. Онъ живо чувствуетъ сердцемъ народа, и вѣритъ въ его высокое будущее назначеніе. Патріархальность его жизни, презрѣніе къ почестямъ, богатству и власти, искренность его сердца принадлежатъ тому періоду, когда общественная жизнь возвысится до болѣе чистой атмосферы» (стр. 194). Послѣ этого не удивительно, если слово Гарибальди сильнѣе дѣйствуетъ на массы, чѣмъ всѣ прокламаціи и статуты парламента. Между нимъ и Кавуромъ то же различіе, какъ между правительствомъ и всей націей Италіи.

Но если эти люди такъ несходны по характеру, то еще дальше раздѣляютъ ихъ политическія убѣжденія. Кавуръ всегда искалъ опоры для своихъ плановъ во внѣшнихъ силахъ, и въ особенности въ французскомъ кабинетѣ. Можетъ быть, время разоблачитъ его отношенія къ правительству Наполеона III и мы не думаемъ, чтобъ оно разоблачило ихъ особенно выгодно для репутаціи министра, но онъ нисходилъ до роли мелкаго интриганта, чтобъ только не потерять расположеніе французскаго императора. Ради этого союза онъ заключилъ торговый трактатъ съ Франціей, послалъ семнадцатитысячный корпусъ въ Крымъ и уступилъ Савою и Ниццу. Мы еще не знаемъ, сколько пожертвованій ожидаетъ Сардинію впереди, но доселѣ дружба ея съ Наполеономъ III стоитъ уже не дешево. Не той вѣры держится Гарибальди; для него вся надежда Италіи въ силахъ самого народа; онъ знаетъ ихъ и располагаетъ ими, какъ

смѣлый демократическій вождь; онъ убѣжденъ, что ни одна иностранная держава, тѣмъ менѣе Франція, не можетъ содѣйствовать возрожденію Италіи въ той степени, какъ сама же Италія. Вотъ главный пунктъ, раздѣляющій взгляды и цѣли Кавура и Гарибальди.

Поэтому странно слышать упреки, съ которыми обратился парламентъ къ Гарибальди за его рѣзкія выраженія противъ дѣйствій министерства. Кажется, онъ имѣетъ нѣкоторое право говорить съ одушевленіемъ и откровенно среди этихъ чиновниковъ, которымъ онъ пріобрѣлъ своимъ мечомъ королевство Обѣихъ Сицилій. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобъ сохранить своихъ волонтеровъ, а ему говорятъ, что они «не могутъ войдти тѣми же чинами въ королевскія кадры—и не имѣютъ военной дисциплины.» Но какъ же эти отряды выиграли столько блистательныхъ побѣдъ, перенесли столько лишеній и труда, никогда не разсчитывая ни на свою дисциплину, ни на чины. Гарибальди, можетъ быть, даже приглашенъ въ Туринъ за тѣмъ, чтобъ удержать его отъ дальнѣйшихъ предпріятій, вывести его на парламентскую сцену и противопоставить его простоту *ловкости* Кавура, потомъ раздражить разными непріятностями и заставить надѣлать ошибокъ и тѣмъ унизить его въ глазахъ народа. Нѣтъ сомнѣнія, что Гарибальди больше, чѣмъ кто нибудь способенъ ошибаться, но мы увѣрены, что въ самыхъ ошибкахъ его Италія съумѣетъ оцѣнить высокія побужденія любящаго и честнаго сердца.

Между тѣмъ какъ Кавуръ хочетъ завоевать Римъ парламентскими рѣчами и вооружить Италію своимъ краснорѣчіемъ вмѣсто волонтеровъ Гарибальди, римскій вопросъ, перепутывающій всю ткань событій, остается въ прежнемъ неопредѣленномъ видѣ. Пій IX продолжаетъ нападать на цивилизацію, Антонелли писать свои посланія, которыхъ никто не слушаетъ и не читаетъ, французское войско также занимаетъ Римъ и Наполеонъ III молчитъ тѣмъ глубокимъ молчаніемъ, какое прилично *истинному мудрецу*, выжидающему, съ какой стороны лучше воспользоваться выгодой отъ чужой побѣды... Франциснъ II попрежнему живетъ въ углу Ватикана, по сосѣдству съ своимъ банкиромъ, снабжающимъ его кредитными билетами; кардиналы и аббаты попрежнему утѣшаютъ свою паству утренними мессами, а вечеромъ исподтишка раздаютъ ей отточенные стилеты,—все попрежнему, только одна реакція идетъ впередъ, захватывая подъ ногами Итальянцевъ больше и больше твердой земли

Поэтому, очень понятно, почему Австрія медлитъ объявленіемъ войны и Францискъ II не трогается изъ католической столицы. Отвѣтственность за всѣ послѣдствія этой реакціи, едвали, не должна упасть на Францію.

Но и здѣсь не все такъ очаровательно какъ гласитъ императороскій монитёръ. Едва стихла глухая и таинственная исторія Миреса, какъ вслѣдъ за ней, для развлеченія скучающаго Парижа, случилась другая, не менѣе скандалезная. Младшій изъ Орлеанистовъ бросилъ перчаку младшему изъ Бонапартовъ: монсеньёръ д'Омаль напечаталъ брошюру («Lettre sur l'histoire de France») оскорбительную для династіи Наполеоновъ. Префектура прозѣвала и не схватила книгу во-время; она обошла сотни рукъ прежде чѣмъ была прочитана въ Тюильери. Затѣмъ началось гоненіе на памфлетъ, вызовъ принца Наполеона на дуель, которую онъ хотѣлъ принять не иначе, какъ съ позволенія императора; но этотъ послѣдній отвѣчалъ ему очень умно: «когда хотятъ драться, тогда не спрашиваютъ.»

Кто бы могъ подумать, что эта ничтожная и закулисная исторія могла имѣть вліяніе на оппозицію палаты. Но это такъ. Почти въ то самое время, когда главные парламентскіе борцы, Жюль Фавръ, Даримонъ и Оливье, требовали отмѣненія закона «Общаго Спокойствія», закона, вооруженнаго полицейскимъ произволомъ, преобразованія цензуры и возстановленія муниципальнаго правленія, несчастная брошюра герцога подвергается строжайшему запрещенію. Парламентская свобода не могла отстоять маленькой книжонки, а между тѣмъ хочетъ отстоять самоуправленіе страны. Какъ бы то ни было, но оппозиція дѣлается скромнѣй и менѣе требовательнѣй. Въ рядахъ ея каждый день не досчитываются то того, то другаго представителя, и поднятые шлюзы дешеваго либерализма снова опускаются понемногу. А бѣдность увеличивается, неудовольствіе ростетъ. Форнадъ, разсматривая внутреннее состояніе Франціи, говоритъ между прочимъ такъ: «Причина нравственнаго безпокойства, чувствуемаго каждымъ изъ насъ, заключается не въ важности проблеммъ, которыхъ рѣшеніе, казалось бы, принадлежитъ нашему поколѣнію, — причина, говоря откровенно, заключается въ странномъ положеніи вещей, парализирующемъ разработку и выраженіе мысли. Мы—Французы — сознаемъ, что намъ недостаетъ въ настоящую минуту двухъ вещей: — съ одной стороны опредѣленной и признанной системы для общественнаго мнѣнія, по которой бы мы способны были предпринять

трудъ, налагаемый на насъ современнымъ состоянiемъ Европы; съ другой стороны, намъ недостаетъ самаго общественнаго мнѣнiя, которое бы предотвратило нечаянность событiй, могущихъ захватить насъ врасплохъ и приготовило бы къ благоразумному участiю въ будущихъ происшествiяхъ. Мы недовольны, потому что не знаемъ, что дѣлать; а не знаемъ потому, что у насъ отнято общественное обсужденiе дѣлъ и намъ неизвѣстно, что думаетъ народъ.... Между нами было много порицателей нашего нацiональнаго характера; между ними самые строгiе и несправедливые тѣ, кто отказываетъ намъ въ способности къ свободѣ, кто утверждаетъ, что мы не созданы для самоуправленiя, кто смотритъ на насъ, какъ на недоростковъ» и т. д. (Revue des deux mondes. 15 avr.)

Незавидныя извѣстiя доходятъ до Европы и съ другой стороны океана — изъ Америки. Правительство Вашингтона вооружаетъ флотъ и готовитъ междоусобную войну сѣвера съ югомъ, свободы съ невольничествомъ; въ Чарльстонѣ все порывается къ борьбѣ, и ожиданiе рѣзни и крови возмущаетъ спокойствiе страны отъ одного конца до другаго. Но что же окажется въ результатѣ, еслибъ сѣверные штаты и одержали побѣду надъ южными? Покорность отложившихся провинцiй. Но на долго ли, если эта борьба лежитъ въ самомъ основанiи общества, въ постоянномъ и неотразимомъ антогонизмѣ свободнаго труда съ рабскимъ, независимаго гражданина съ негровладѣльцемъ, чистой демократической стихiи съ принципомъ невольническаго края. Притомъ временная и матерiальная потеря союза съ избыткомъ вознаградится нравственными выгодами. Съ тѣхъ поръ, когда рабовладѣльческiе штаты составятъ отдѣльное политическое тѣло, влiянiе ихъ должно прекратиться на дѣла сѣверной федерацiи и дать новый полетъ ея гражданскому развитiю. Что бы ни было, но демократическая свобода не можетъ жить вмѣстѣ съ рабствомъ: это такой же естественный законъ, какъ легкiя не могутъ дышать однимъ углеродомъ.

Г. Б.

Письмо изъ Лондона.

Послѣднія событія, совершившіяся въ Россіи, возбудили общее вниманіе Англичанъ. Прежде извѣстія объ этой странѣ печатались рѣдко, а читались еще рѣже. Теперь различные лондонскіе журналы заговорили о вопросахъ, занимающихъ общество... Напрасно такъ часто обвиняли Англичанъ въ эгоизмѣ; они сочувствуютъ всякому доброму начинанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаютъ, что каждый народъ, какъ и всякій человѣкъ, лучше знаетъ свои собственныя дѣла, и потому избѣгаютъ дѣятельнаго вмѣшательства въ чужіе интересы. Да и было бы странно навязывать свои убѣжденія и взгляды націямъ, пролагающимъ свой собственной путь развитія. Еще съ большимъ вниманіемъ наша журналистика слѣдитъ за новорожденной французской конституціей, насчетъ которой мыслящіе люди нисколько не ошибаются. Этотъ призракъ свободы не дѣлаетъ дѣйствительной уступки обществу, а только открываетъ маленькій выходъ подавленнымъ чувствамъ народа, которыя при дальнѣйшимъ гнетѣ легко могли бы обратиться въ страсти. Правителя Франціи сравниваютъ съ машинистомъ, наблюдающимъ за манометромъ локомотива: какъ скоро расширяющаяся стихія накопляется до такой степени, что заставляетъ опасаться взрыва, искусный механикъ уменьшаетъ давленіе на нѣсколько фунтовъ, выпуская паръ, который при этомъ вырывается на волю съ протяжнымъ, пронзительнымъ шумомъ.

Но болѣе всего въ настоящее время наша публика занята американскимъ вопросомъ. Разрывъ штатовъ, кажется, составляетъ положительной фактъ. Правительство Вашингтона, повидимому, начинаетъ смотрѣть на это явленіе съ безпечностью и равнодушіемъ. Что за важность отпаденіе незначительной конфедераціи южныхъ невольничьихъ штатовъ? Преобладаніе сѣвера при всемъ томъ должно остаться значительнымъ! Кромѣ того, личные интересы не перестаютъ играть важную роль и въ этотъ критическій моментъ. Лица, домогающіяся служебной карьеры, ищутъ мѣстъ при новомъ президентѣ; фа-

бриканты и люди дѣловые пользуются отсутствіемъ на конгресѣ представителей юга, которые всегда съ успѣхомъ содѣйствовали утвержденію тарифа, въ высокой степени отличающагося протекціоннымъ и запретительнымъ духомъ. Такая политика послѣднихъ нетолько показываетъ пренебреженіе къ любимому принципу Англіи относительно свободной торговли, но дѣйствуетъ разрушительно на общій интересъ, соединяющій сѣверные штаты съ южными. Немезида, угрожающая первымъ за ихъ эгоизмъ и недостатокъ патріотизма, состоитъ въ возможномъ отпаденіи пограничныхъ или такъ называемыхъ табакопроизводительныхъ штатовъ, Виргиніи, Мариланда и другихъ. Если эти провинціи отпадутъ и образуютъ третью конфедерацію, то примѣру ихъ послѣдуютъ другія. Тогда огромная сѣвероамериканская республика, состоящая почти изъ одного англосаксонскаго племени, раздробится на полдюжину національностей. Такое явленіе (если только оно когда либо совершится), въ случаѣ неудачи того движенія, которое теперь все еще обнаруживается въ Европѣ, набросить весьма неблаговидную тѣнь на демократическій принципъ, хотя онъ и ничего не проиграетъ отъ этого распаденія. Напротивъ, мы убѣждены, что свободные штаты, отдѣлившись отъ невольничьихъ, быстрѣй и правильнѣй станутъ развиваться. Доселѣ цѣпь Негра, переброшенная отъ юга къ сѣверу, давила весь американскій союзъ.

Между тѣмъ доктрина относительно «національности,» поддерживаемая Англіей въ Италіи, обратилась въ орудіе противъ англійскаго правительства на Іонійскихъ островахъ. «Мы хотимъ соединиться съ Греціей, подъ управленіемъ короля Оттона,» говорятъ Іонійцы, «такъ же, какъ жители Венеціи желаютъ соединенія съ остальной Италіей, и вы поступаете такъ же дурно, какъ Австрійцы, если отказываете намъ въ исполненіи этого желанія.» Общественное мнѣніе Англіи готово согласиться съ мнѣніемъ этихъ островитянъ, еслибъ не пугала мысль, что, съ увеличеніемъ греческаго могущества, увеличится и вліяніе Россіи на востокѣ. Къ этому присоединяется все еще господствующій страхъ, порожденный Наполеономъ I, который на островѣ Св. Елены предсказывалъ, что Россія современемъ овладѣетъ Константинополемъ, сдѣлается могущественной морской державой, захватитъ въ свои руки европейскую торговлю, отыметъ у Англіи Индію, и пр. и пр. *Больной человѣкъ* Турціи, говорятъ наши мудрецы, близокъ къ смерти, и его сосѣди и Франція раздѣлятъ между собой его наслѣдство. Французы уже утвердились одной ногой въ Си-

ріи; большія приготовленія по войску и флоту, предпринимаемыя во Франціи послѣ итальянской войны, имѣли цѣлью исполненіе пророчества «великаго дядюшки.» Политика, которой придерживался Пальмерстонъ въ продолженіе своей министерской карьеры, подвергается опасности быть опрокинутой: Англія или должна будетъ согласиться съ проэктами своихъ соперниковъ добровольно, либо подчиниться имъ вслѣдствіе принужденія. Таковъ здѣсь разговоръ, таковы предположенія нашихъ через-чуръ боязливыхъ политиковъ. Что касается до меня, то я полагаю, что подобные планы легче исполнить на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Война требуетъ денегъ, а этимъ спецификомъ, если мы не ошибаемся, въ настоящее время не изобилуютъ европейскія казначейства, тѣмъ болѣе Франція, въ которой бѣдность ростетъ въ геометрической пропорціи съ вооруженіями и азартомъ биржевыхъ ажіотажей.

Однакожъ Англія имѣетъ дѣйствительную причину безпокоиться насчетъ востока. Во многихъ провинціяхъ Индіи свирѣпствуетъ страшный голодъ и человѣколюбивыя чувствованія британскаго народа призываются на помощь къ смуглому населенію этого края. И не напрасно. Нѣсколько тысячъ фунтовъ уже отправлены въ Калькутту, и за ними вскорѣ послѣдуютъ еще нѣсколько мѣшковъ съ звонкой монетой. Это обыкновенная наша метода—прибѣгать къ филантропическимъ средствамъ тамъ, гдѣ необходимо радикальное лечепіе зла. Конечно, не совсѣмъ выгодно оставить Индію, но едва ли выгоднѣе содержать огромное войско для удержанія въ покорности страны, разоренной до тла и угрожающей постоянными возстаніями и вооруженными протестами. Индія для Англіи то же, что золотая тяжелая гиря, привязанная къ шеѣ скупаго богача...

Парламентскія засѣданія до сихъ поръ были весьма слабы. Оппозиція довольствовалась наблюденіемъ за дѣйствіями министерства. Иностранная политика Англіи была въ такомъ неопредѣленномъ состояніи, что никто не знаетъ, куда мы идемъ и гдѣ очутимся. Опасенія насчетъ распущенія парламента и новаго избранія членовъ удерживаютъ недовольныхъ либераловъ отъ вспышки противъ правительства, которое оскорбило небольшую, но сильную партію, не сдѣлавъ предложенія относительно билля о реформѣ.

Отсутствіе правильной оппозиціи, повидимому, имѣетъ дурное вліяніе на лорда Пальмерстона, который вслѣдствіе нападковъ дѣлает-

ся все болѣе и болѣе нетерпѣливымъ и даже раздражительнымъ. Иногда онъ теряетъ спокойный юморъ, забываетъ вѣжливость и принимаетъ тонъ и манеры, оскорбительные для всѣхъ. Надо надѣяться, что политическая карьера его оканчивается. Число противниковъ его ростетъ и численно и нравственно. Проницательные умы, между ними и Стюартъ Миль, уже видятъ симптомы паденія министерства. Такъ какъ теперешніе члены палаты избраны были еще во время управленія лорда Дерби, то надо полагать, что, въ случаѣ пораженія, Пальмерстонъ представитъ королевѣ необходимость распустить парламентъ и обратиться къ народу съ предложеніемъ новыхъ выборовъ. По многимъ причинамъ, перемѣна министерства всѣми ожидается. Дѣятельность нынѣшняго главнаго министерства въ продолженіи многихъ лѣтъ отличалась страннымъ непониманіемъ истинно-народныхъ интересовъ и замѣчательно, что всѣ лучшія внутреннія реформы совершились помимо Пальмерстона. Репутація его, созданная восточнымъ вопросомъ Россіи, возвела его на высокую степень популярности; благодаря ей, онъ сталъ въ головѣ правленія во время крымской войны. Однимъ изъ результатовъ этой войны для Англіи, независимо отъ понесенныхъ ею неудачъ, было устраненіе мнимой боязни, которую въ продолженіи многихъ лѣтъ усердно распространяли въ народѣ нѣкоторые органы литературы. По устраненіи этого неосновательнаго страха, прежнее мнѣніе, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ... Кромѣ того, мнѣніе Англичанъ крайне недовольно отсутствіемъ энергіи и близорукими планами министерства, которое едва ли знаетъ и видитъ, что слѣдуетъ ему начать завтра и окончить сегодня.

Недавно представился любопытный случай, доказывающій, какъ строго народъ слѣдитъ за дѣйствіями своихъ представителей въ палатѣ общинъ, даже по дѣламъ иностранной политики. Мистеръ Ребёкъ, радикальный членъ, со стороны Шеффильда, произнесъ въ парламентѣ рѣчь, въ которой представлялъ пользу союза съ Австріей въ видахъ противодѣйствія французскому вліянію. Онъ нѣсколько разъ прерываемъ былъ восклицаніями другаго члена, который тотчасъ послѣ него всталъ и объявилъ, что его почтенный товарищъ былъ въ Вѣнѣ, обѣдалъ съ эрцгерцогами и эрцгерцогинями, пользовался тамъ большимъ почетомъ и возвратился въ Англію, съ выгоднымъ контрактомъ въ карманѣ. Эти жестокія слова острымъ ножомъ прошли по сердцу мистера Ребёка, который всегда являлся парламентскимъ пуристомъ и обвинителемъ другихъ въ злоупотребленіяхъ. Онъ рѣшительно отвергъ такое обви-

неніе и больше объ этомъ предметѣ не говорилось въ палатѣ общинъ. Журналы вознегодовали сначала противъ такой любви къ австрійскому правительству, обнаруженной старымъ радикаломъ, а потомъ противъ побудительной причины, представленной въ объясненіе этой привязанности. «Dog tear'em» (собака раздирающая всѣхъ), какъ называлъ себя мистеръ Ребёкъ, по поводу своихъ нападковъ на французское правительство, пересталъ кусаться, укрощенный австрійскими придворными кавалерами и дамами. Шеффильдскіе избиратели, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, почувствовали сильное негодованіе и потребовали, чтобъ онъ явился къ нимъ на митингъ для оправданія. Онъ сначала колебался, но потомъ согласился и предсталъ на судъ своихъ согражданъ на послѣдней недѣлѣ въ мартѣ. Шумъ на митингѣ былъ такъ великъ, что никто не слушалъ оправданій парламентскаго представителя, который и ушелъ послѣ напрасной попытки произнести рѣчь. Но спокойное и рѣшительное поведеніе мистера Ребёка не осталось безъ послѣдствій. Созванъ былъ новый митингъ, на которомъ воцарился совершенный порядокъ. Обвиненный произнесъ длинную, превосходную рѣчь, которая такъ удовлетворила слушателей, что они подали голосъ въ пользу изъявленія довѣрія своему представителю, къ его способностямъ и честности. Онъ возвратился въ парламентъ, поднятый еще выше выраженіемъ мнѣнія своихъ избирателей. Но это обстоятельство въ то—же время послужитъ для него урокомъ—быть осторожнымъ въ своихъ связяхъ и не дѣйствовать вопреки общественному мнѣнію.

Недавно произошли значительныя затрудненія въ разныхъ отрасляхъ промышлености, по поводу остановки работы со стороны рабочаго класса. Такая остановка называется «strike», отъ глагола «strike», означающаго ударять, такъ какъ работникъ, обработывающій поле, по окончаніи труда, обыкновенно ударяетъ своимъ заступомъ въ землю. Философія этихъ «strikes» основана на соціальномъ законѣ, заслуживающемъ вниманія. Полагали, что значительное увеличеніе машиннаго производства въ новѣйшее время уменьшитъ работу и трудъ человѣческихъ рукъ. Но предположеніе не оправдалось, такъ какъ механическая сила употреблялась для массы произведеній и трудъ людей значительно возросъ, только вся выгода машиннаго производства досталась на долю капиталистовъ, едва прибавивъ что нибудь къ благосостоянію рабочаго класса. Онъ естественно сталъ спрашивать, почему его судьба не улучшилась по случаю примѣненія новой огром-

ной силы машинъ? Вслѣдствіе этого разсужденія стали составляться ассоціаціи, т. е. отдѣльные кружки ремесленниковъ. Въ послѣднее время они возрасли до необыкновенной цифры; почти нѣтъ ни одной спеціальной отрасли занятія, которой бы разбросанные члены по всей Англіи не составляли особенаго общества. Цѣль каждой ассоціаціи состоитъ въ взаимной помощи другъ-другу, въ защитѣ своихъ интересовъ противъ эгоизма и угнетенія капиталистовъ и въ круговомъ обсужденіи своихъ выгодъ. Пока общество не подорветъ окончательно злоупотребленій нашей олигархіи и привилегій купеческаго сословія, такіе союзы рабочихъ классовъ останутся единственнымъ средствомъ гарантіи ихъ соціальнаго положенія. Результаты этихъ обществъ доселѣ были самые лучшіе. Многія ассоціаціи отстояли свои права съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Механизмъ этой борьбы очень простъ. Чтобъ объяснить его, возьмемъ для примѣра каменьщиковъ. Рабочій день состоитъ изъ десяти часовъ, кромѣ субботы, когда работа прекращается въ четыре часа пополудни, т. е. двумя часами раньше обыкновеннаго. Жалованье полагается 5 шиллинговъ и 6 пенсовъ въ день, или 33 шиллинга (около 11 руб. сер.) въ недѣлю, что составляетъ $6^3/_4$ пенса за каждый часъ. Работники, недовольные этой платой, покидая работу, требуютъ, чтобы число рабочихъ часовъ сократилось съ 10 на 9 и чтобы поденная плата осталась та же, какъ и прежде; другими словами, они хотятъ получить за каждый часъ по одному лишнему пенсу. Рѣшившись на эту перемѣну, они объявляютъ всѣмъ членамъ общества прекратить трудъ, пока не заставятъ «капиталистовъ согласиться на предложенныя ими условія» и всѣ члены обязаны оставить работу. Болѣе бѣдные получаютъ на это время вспомоществованіе изъ запаснаго фонда. Проходитъ день и два, мастерскія закрываются, магазины прекращаютъ торговлю, контрактамъ угрожаютъ неустойки и срочнымъ обязательствамъ банкротства, и вотъ волей-неволей капиталисты должны уступить требованію работниковъ.

На-дняхъ, по случаю постройки зданія, назначеннаго для всемірной выставки въ 1862 году, они выговорили по $7^1/_2$ пенсовъ за каждый часъ, вмѣсто обыкновенной поденной платы. Впрочемъ эти ассоціаціи, быстро распространившіяся по Англіи, вызвали, какъ и надо было ожидать, подобные же союзы со стороны богатыхъ промышленниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали искать ра-

бочихъ за границей и приглашать ихъ изъ Бельгіи. Такимъ образомъ борьба принимаетъ характеръ болѣе серьезный: увидимъ, кто побѣдитъ — Голіафъ съ металлической дубиной или Давидъ съ пращей.

Р. С.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Сочиненіе Ѳ. Буслаева. (Томъ I: Русская народная поэзія. — Томъ II: Древне-русская народная литература и искусство). Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г.

(статья третья и послѣдняя.)

Какъ ни обидно для человѣческой мысли сознаніе, что до сихъ поръ, у всѣхъ народовъ, литература (мы понимаемъ это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ) играла довольно маловажную роль въ развитіи человѣчества, но, къ сожалѣнію, это такъ. Слабость и несостоятельность литературы въ дѣлѣ всеобщаго развитія выказываются въ томъ явленіи, что высшія пріобрѣтенія разума, все добро, которое вѣками добывала себѣ человѣческая мысль, всѣ результаты знаній, умственнаго и эстетическаго образованія,—всѣ эти пріобрѣтенія выпадали на долю меньшинства, а не массы. Спору нѣтъ, что пріобрѣтенія эти велики, какъ велика и польза, приносимая ими, — но приносимая слишкомъ ограниченному кругу людей, потому что развитіе передовыхъ личностей все-таки идетъ особнякомъ, а массы живутъ своей жизнью, какъ-бы въ сторонѣ, мало принимая участія въ общемъ поступательномъ движеніи меньшинства и получая на свою долю только малую частицу этихъ богатыхъ пріобрѣтеній. Еслибы и

передовые люди и масса шли дружно къ развитію, то человѣчество, безъ сомнѣнія, много было бы счастливѣе; еслибы умственное богатство раздѣлено было поровну между людьми, стало общимъ достояніемъ, тогда можно было бы согласиться, что литература, наука, вся сумма человѣческихъ знаній, принесли человѣчеству пользу, какую могли, какую должны были и больше какой не могли принести. Между тѣмъ исторія представляетъ намъ совершенно другое явленіе: литература всегда составляла достояніе крайняго меньшинства; капитальныя пріобрѣтенія науки, сдѣланныя усиліями человѣческаго духа въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, правда, не пропадаютъ безслѣдно и безплодно, но только въ самой ничтожной мѣрѣ отражаются на развитіи массъ. Между темнымъ большинствомъ и развитымъ меньшинствомъ лежитъ пропасть, которая, какъ замѣтно, медленно съуживается отъ дѣйствія времени, и литература до сихъ поръ продолжаетъ питать самое незначительное меньшинство. Доказательствомъ этому служитъ цѣлая исторія русской письменности, начиная отъ трудовъ Кирилла и Мефодія и кончая послѣдними попытками людей, желающихъ сдѣлать возможно-меньшею пропасть, которая долго еще будетъ раздѣлять понятія массы отъ понятій болѣе или менѣе развитаго общества. Ту же истину доказываютъ и матеріалы, собранные г. Буслаевымъ во второмъ томѣ «Очерковъ», хотя матеріалы эти собраны въ его книгѣ для подтвержденія совершенно не тѣхъ положеній, которыя мы имѣемъ въ виду.

Какъ всякое явленіе въ природѣ, подлежащее развитію, народное творчество, въ томъ числѣ и литература, подчиняется общимъ неизмѣннымъ законамъ существованія, по которымъ начальныя формы совпадаютъ съ конечными. Сначала, въ періодъ эпическихъ воззрѣній, народное творчество, собственно народная эпопея, является общимъ достояніемъ; она принадлежитъ всѣмъ, и всѣми болѣе или менѣе одинаково понимается, начиная отъ народнаго пѣвца, котораго исключительнымъ призваніемъ было или слагать или хранить пѣсню, до послѣдняго слушателя; въ періодѣ начальнаго развитія не выдвигались особенно-рельефныя личности, умственное богатство которыхъ и запасъ знаній превышали бы единичныя знанія другихъ членовъ первобытнаго общества; между убѣжденіями, понятіями и вѣрованіями отдѣльныхъ лицъ не лежала еще пропасть. Но потомъ, при переходѣ во второй періодъ развитія, общество нечувствительно стало выдѣлять изъ себя особыя личности, тѣхъ людей, которыхъ принято на-

зывать избранными; эти избранные, расширяя горизонтъ своихъ понятій, оставляли назади массу, и чѣмъ дальше уходили они впередъ, тѣмъ менѣе было общаго между ними и остальной массой, тѣмъ шире раздвигалась пропасть, раздѣлявшая понятія тѣхъ и другихъ. Литература, развившаяся въ этотъ второй періодъ, стала принадлежностью не всей массы, а меньшинства, была болѣе близка интересамъ этого меньшинства, но не всего общества, и чѣмъ далѣе подвигалось человѣчество, тѣмъ большее количество отдѣлялось отъ массы такихъ индивидуумовъ, у которыхъ и кругъ понятій былъ шире, такъ сказать, нормальнаго круга, и знаній больше, чѣмъ въ остальныхъ единицахъ общества, отдѣльно взятыхъ. Этотъ-то второй періодъ развитія у всѣхъ сбразованныхъ народовъ и создалъ литературу, которая, какъ продуктъ умственной жизни того круга людей, которые принадлежали къ высшей умственной сферѣ, была чѣмъ-то чуждымъ отдѣльной массѣ. До настоящаго времени едва-ли не всѣ литературы образованныхъ народовъ и русская по преимуществу, находятся въ этомъ второмъ періодѣ развитія, хотя на различныхъ степеняхъ; однако есть надежда, да и положительно можно сказать, что долженъ же, рано или поздно, наступить и третій періодъ, когда умственная жизнь распредѣлится ровнѣй, и массы перестанутъ быть чужды той умственной сферѣ, въ какой находится теперь меньшинство. Тогда литературу нельзя уже будетъ назвать ни «магазиномъ, въ которомъ хранятся духовныя сокровища», принадлежащія только богатымъ, ни «арсеналомъ, въ которомъ сложено оружіе человѣческаго духа», какъ называетъ литературу Бёкль (*), непризнающій за ней того великаго значенія, какое въ сущности она должна была бы имѣть при болѣе нормальномъ построеніи соціальной жизни.

Древнерусская литература всего менѣе могла способствовать развитію народа, потому что она имѣла нѣкоторыя исключительныя цѣли и долго страдала односторонностью направленія. Жестоко преслѣдуя такія произведенія, какъ «зелейники», «колядники», «громники», «сонники», «волхвовники», «птичныя чарованія»—произведенія наиболѣе удовлетворявшія невзыскательной любознательности малограмотнаго и «двоевѣрнаго» народа, господствующая литература суевѣрно отрекалась, какъ отъ бѣсовской прелести, такъ и отъ «остронумѣи», «звѣздочетья», отъ истолкованій солнечнаго и лупнаго затмѣнія; боязнь

(*) Buckle, Gesch. der Civil. I, 231.

поддаться противуположному направленію въ литературѣ, заставляла преслѣдовать, въ числѣ сатанинскихъ пѣсенъ и другихъ суевѣрій, даже такія полезныя занятія, которыя могли привести къ положительнымъ знаніямъ, какъ напримѣръ науку землемѣрія (Бусл. II, 69). Но преслѣдуя проявленія народности и еще неуспѣвшія окончательно исчезнуть вѣрованія эпическаго періода, литература, сама того не замѣчая, создавала для себя другія вѣрованія, проповѣдывала идеи, не болѣе логическія, какъ и тѣ, которымъ поддавалась дѣтская фантазія народа; даже здравая—по тому времени—логика лѣтописцевъ не замѣчала противорѣчій въ томъ, что, ставя въ число еретическихъ предразсудковъ народныя понятія о затмѣніяхъ, представители тогдашняго образованія видѣли въ «погибели» солнца или луны, въ «звѣздахъ хвостатыхъ» и въ огненныхъ столбахъ на небѣ еще больше таинственнаго, чѣмъ видѣлъ въ нихъ самъ народъ. Разница только въ томъ, что народъ толковалъ эти явленія по своимъ понятіямъ, а грамотники называли ихъ «знаменіями» и строили на нихъ предсказанія, сообразно своему внутреннему настроенію. Въ отношеніи широты взгляда и круга понятій даже лѣтописцы не далеко ушли отъ народа и, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, между ними и неразвитою массою, повидимому, не лежала еще та глубокая пропасть, какая, во второй періодъ развитія, раздѣляетъ народъ и образованное меньшинство на два стана людей, плохо понимающихъ другъ друга; лѣтописецъ непогрѣшителенъ только въ дѣлѣ вѣры, собственно со стороны внѣшней обрядности; но область его личныхъ суевѣрій малымъ чѣмъ ограниченнѣе той, въ которой обращались понятія «двоевѣрнаго» народа. Находя слѣды народности во всей духовной литературѣ XI—XVII вѣка, считавшейся прежде чисто-византійскимъ заимствованіемъ, г. Буслаевъ не обратилъ вниманія на самое важное — на лѣтопись, въ которой, не меньше какъ и въ другой древней письменности, отражается народъ съ его наивной вѣрой въ сверхъестественное, съ его дѣтскими понятіями о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ и съ его «двоевѣріемъ». Было бы несправедливо, говоря о древней народной литературѣ, не обратить вниманія на проявленіе народности въ русской лѣтописи, на которую до сихъ поръ смотрѣли преимущественно съ точки зрѣнія историко-прагматической, а забывали изслѣдовать наши лѣтописи въ другомъ отношеніи и на основаніи ихъ вывести заключеніе о степени развитія и кругѣ понятій нашихъ предковъ, дѣйствовавшихъ на историческомъ поприщѣ, по-

тому, что въ лѣтописи наиболѣе должна бы выражаться логическая, дѣйствительная, а не фантастическая сторона жизни. Кто бралъ русскія лѣтописи безъ предвзятой идеи, какъ обыкновенные анналы народные, слѣдилъ по нимъ за фактами и причинами ихъ въ исторической жизни русскаго народа (насколько она проявляется въ нихъ), стараясь отыскать законность и неизбѣжность тѣхъ или другихъ явленій, имѣвшихъ тотъ или другой исходъ и послѣдствія, тотъ, конечно, не могъ не придти къ мысли, что многое въ нашей исторіи было дѣломъ ложно направленной воли неразвитаго народа, и что тѣ событія, развязка которыхъ стоила намъ много крови или которыя оставили слѣдъ въ нашей гражданской жизни до настоящей поры, произошли ошибочно, вслѣдствіе какого-либо недоразумѣнія или общей неразвитости, или наконецъ подъ вліяніемъ временныхъ народныхъ предразсудковъ. Каждая эпоха имѣетъ свои характеристическіе предразсудки, которые прикрываются или именемъ идеи и долга, или вѣрованіемъ въ судьбу; только та разница, что у народа болѣе развитаго и цѣль сознательнѣе и средства разумнѣе, нежели у народа младенчествующаго. Наши лѣтописи представляютъ въ этомъ случаѣ богатый матеріалъ для изученія, потому что въ нихъ, между реторикой и сухимъ перечнемъ событій, проглядываетъ прошедшая жизнь наша и понятія отжившаго народа, безъ утайки и вымысла. Наши бытописатели не были настолько образованы, чтобы умѣть искусно маскироваться, да этого не позволяла имъ и добросовѣстность. Если и была въ нихъ эта недобросовѣстность, то конечно самая невинная. Пристрастіе выражалось въ одномъ только случаѣ, когда чѣмъ-либо затронуты были задушевныя убѣжденія писателя: напримѣръ, Русскіе бьются съ Половцами, давъ обѣты Богу кутьей, милостыней, и Богъ великій послалъ ужасъ великій на Половцевъ, и страхъ напалъ на нихъ и трепетъ отъ вида русскихъ войскъ, и «дремали» сами, и «конѣмъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ»; а наши—веселы и кони бодры подъ ними.

Лѣтописецъ, стоявшій немного выше толпы и развѣ малымъ чѣмъ ниже самаго образованнаго изъ князей, дѣйствія которыхъ вноситъ въ свой хронографъ, одними съ ними глазами смотритъ на событія и источникъ ихъ, и все приписываетъ промыслу, что сколько-нибудь выше его недалекихъ понятій. Въ объясненіи причинъ народныхъ смутъ вполнѣ высказывается односторонній взглядъ анналиста, дотого односторонній и дѣтскій, что самъ народъ, безъ сомнѣнія, гораздо

правильнѣе понималъ источникъ распрей и побудительныя причины ссоръ, какъ между населенiемъ Пскова и княжескими слугами, такъ и между новгородскою чернью и боярами. Народъ ссорился съ княземъ и съ боярами за неуваженiе народныхъ правъ, а между тѣмъ писатель того времени, который долженъ бы быть образованнѣе черни, не понималъ этой простой вещи и вдавался въ суевѣрныя комбинацiи. Вообще мы никакъ не можемъ отдѣлить отъ народа самихъ лѣтописцевъ, узкiй взглядъ которыхъ болѣе или менѣе былъ выраженiемъ общепринятаго взгляда своего времени: общая жизнь, общiя радости и горе и, наконецъ, общiе предразсудки, хотя проявлявшiеся у лѣтописца въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, тѣсно связывали его съ народомъ. Само-собою разумѣется, что нельзя не видѣть искренности лѣтописателя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ какъ бы съ сожалѣнiемъ говоритъ о невѣжественности народа, давая ему эпитетъ «невѣгласа»,—а онъ его часто такъ называетъ. Онъ вѣритъ слухамъ, ходящимъ въ народѣ, когда слухи эти гармонируютъ съ его собственными воззрѣнiями: надъ тѣломъ убитаго князя Глѣба слышалось иногда по ночамъ невѣдомое пѣнiе, иногда видѣли столбъ огненный и горящiя свѣчи. Этихъ разсказовъ лѣтописецъ не сочиняетъ, а записываетъ то, что слышалъ отъ народа, и потому самъ выражается такъ, какъ обыкновенно выражается народъ въ подобныхъ случаяхъ: слышали и видѣли то «проѣзжiе купцы, охотники или пастухи». Но опять, когда народъ, также мало понимая причину солнечнаго затмѣнiя, какъ и самъ лѣтописецъ, говорилъ, что его «съѣдали оборотни»,—послѣднiй называлъ народъ «невѣгласами», а самое затмѣнiе объяснялъ насланiемъ Божiимъ, хотя этимъ столько же объяснялся источникъ явленiя, какъ и народной сказкой о какихъ-то «волкодлакахъ». Но вотъ пришли Половцы на русскую землю, и лѣтописецъ видитъ въ этомъ событiи доказательство гнѣва Божiя, который проявляется двоякимъ образомъ: междоусобныя войны бываютъ отъ наущенiя дьявола; но если какая-либо земля согрѣшитъ передъ Богомъ, то онъ казнитъ се моромъ, голодомъ, наведенiемъ поганыхъ, засухою, червями, саранчой. Насланiе Половцевъ лѣтописецъ объясняетъ тогдашнимъ развращеннымъ состоянiемъ русскаго общества. «Чѣмъ мы лучше язычниковъ? говоритъ онъ: если кто встрѣтитъ монаха, или монахиню, или попа, или женщину и дѣвицу, или свинью, или коня лысаго, то плюетъ и возвращается назадъ съ дороги. Иные вѣрятъ чиханью, будто оно полезно для головы« и т. д. Между тѣмъ

самъ лѣтописецъ, говоря о нашествіи Половцевъ, этой свѣжей ранѣ тогдашняго времени, ограничиваетъ свои наивные доводы тѣмъ, что называетъ этихъ враговъ «батогомъ» божіимъ и добавляетъ притомъ, что Богъ насылаетъ на насъ Половцевъ собственно въ праздники, въ дни веселья, чтобы было горе чувствительнѣе: первое нашествіе было на Вознесенье, второе—на Бориса и Глѣба.

Дикая и запутанная сказка о путешествіи Гюраты Роговича въ Угру ясно говоритъ, что лѣтописецъ былъ едва ли не суевѣрнѣе самого народа. Въ то время, когда полудикая Угра ведетъ торгъ и мѣну желѣзомъ и мѣхами съ невѣдомыми сосѣдями, считая ихъ обыкновенными людьми, образованный книжникъ разсказываетъ объ этихъ невѣдомыхъ народахъ самыя невѣроятныя вещи и поддерживаетъ тѣмъ народные предразсудки. Въ иныхъ мѣстахъ онъ является самовидцемъ такихъ событій, которыхъ не можетъ допустить здравый человѣческій смыслъ; только его наивная вѣра въ чудесное, поддерживаемая народными предразсудками, на которыхъ взросъ самъ разсказчикъ, заставляетъ и насъ смотрѣть на невинную ложь какъ на фактъ возможный, хотя и изуродованный народною фантазіею. Многое является у него какъ эпическое повтореніе извѣстныхъ фразъ, однажды принятыхъ на-вѣру. Поражаетъ ли страну какое-либо случайное бѣдствіе — моръ, неурожай, бездождіе, онъ какъ-будто утѣшаетъ себя, вписывая въ свой хронографъ эпическія, вездѣ повторяемыя, благочестивыя воздыханія о грѣхѣ: за грѣхи караетъ насъ Богъ различными напастьми, огнемъ, водою, ратью, вёдромъ, гусеницею, трусомъ и иною казнью, и вслѣдъ затѣмъ, чтобы люди не подумали, что Богъ ненавидитъ ихъ, предостерегаетъ словами: «не буди то». Какъ у всякаго младенчествующаго народа, какъ и въ эпической поэзіи, понятія лѣтописца выражаются въ олицетвореніяхъ, въ символахъ и образахъ. Удалось Русскимъ зимою разбить Половцевъ, взять много полону: и была великая радость всей русской землѣ; одинъ только дьяволъ «печаленъ» былъ. Вскорѣ послѣ этого явились Татары. Лѣтописецъ снова блуждаетъ во мракѣ, вмѣстѣ съ своимъ народомъ; слуховъ по Руси ходитъ много и на каждомъ останавливается его любопытство, а никто не знаетъ, что это за народъ, откуда и какъ пришли они, и каковъ языкъ ихъ, и котораго они племени, и какова ихъ вѣра. Одинъ Богъ, говоритъ онъ, знаетъ, кто они и откуда пришли: «премудріи мужи вѣдь я добрѣ, кто книги разумно умѣсть; мы же ихъ не вѣмы кто суть». Татары разбили Русскихъ

князей на Калкѣ, и лѣтописецъ опять сѣтуетъ, что никто не знаетъ, откуда пришли на насъ Татары и куда опять дѣвались: только Богъ вѣсть. Лѣтописецъ, какъ и народъ, вѣритъ въ профетическую силу каждаго естественнаго явленія, сколько-нибудь выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ. Землетрясенія, имѣющія такое сильное вліяніе на развитіе народной фантазіи и предразсудковъ (Испанія и Италія по Боклю), у насъ случались весьма рѣдко и потому тѣмъ болѣе казались страшными для народа. Однажды было такое землетрясеніе,— и лѣтописецъ записалъ его безъ всякихъ истолкованій и догадокъ; но вслѣдъ за нимъ начался моръ въ Новгородѣ, и тогда только лѣтописецъ догадался, какой предсказательный смыслъ имѣло землетрясеніе: «а мы, говоритъ, и не догадались прежде!» Точно такъ неподдѣльная радость всегда овладѣвала народомъ и самимъ лѣтописателемъ, когда оканчивалось солнечное затмѣніе. Одно лѣто свирѣпствовали въ Новгородѣ пожары, и конечно самое первое истолкованіе этого явленія — наказаніе за грѣхи, несмотря на то, что народъ мыслилъ иначе, приписывая пожары тайнымъ поджогамъ. Эта народная молва смущаетъ лѣтописца; онъ не можетъ не вѣрить народу, потому что на многое смотритъ его глазами; на однихъ съ нимъ понятіяхъ и предразсудкахъ воспитанъ съ младенчества; въ него закрадывается сомнѣніе — и въ самомъ дѣлѣ не поджоги ли... «Богъ вѣсть, испытанія человѣка». Лѣтописецъ живетъ въ вѣкъ чудесъ и предзнаменованій, и время, безсильное поколебать вѣковые предразсудки и вывести народъ изъ тяжелаго умственнаго застоя, въ которомъ онъ оставался съ доисторической эпохи, почти совершенно не подвигаясь впередъ, мало измѣняетъ и убѣжденія лѣтописца. Въ 1530 году, 29 августа, въ шестомъ часу ночи, былъ громъ и молнія, пронеслась туча и вѣтеръ страшный; думали, земля поколебалась «въ своемъ основаніи». Но странное явленіе объяснилось: въ этотъ самый часъ народился въ Москвѣ князь Иванъ Васильевичъ «зѣло грозенъ». Къ довершенію чудеснаго знаменія, въ ту же ночь и въ тотъ же часъ въ Новгородѣ вылили для церкви св. Софіи колоколъ-благовѣстникъ, вѣсомъ въ 250 пудовъ, «вельми великъ», каковаго колокола не бывало въ Великомъ Новгородѣ и во всей Новгородской области, «яко страшной трубѣ гласящи». Такое воззрѣніе лѣтописца ничѣмъ не разнится отъ народныхъ воззрѣній эпическаго періода: какъ рожденіе Грознаго предназнаменовано страшною бурею, колебаніемъ земли и литьемъ огромнаго колокола-благовѣст-

ника, такъ рожденію богатырей предшествовали необычайныя явленія. Г. Буслаевъ въ статьѣ «объ эпической поэзіи» (ч. I, гл. 1-я) упоминаетъ о пѣснѣ древней Эдды, гдѣ сказано, что пѣли орлы, когда родился герой Гельги, точно такъ, какъ о рожденіи Волха Всеславьевича древнее стихотвореніе говоритъ:

а и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
а въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичь:
подрожала сыра-земля,
сотряслося славно царство индѣйское,
а и синее море сколебалося
для ради рожденья богатырскаго
молода Волха Всеславьевича:
рыба пошла въ морскую глубину,
птица полетѣла высоко въ небеса,
туры да олени за горы пошли,
зайцы, лисицы по чащищамъ,
а волки, медвѣди по ельникамъ,
соболи, куницы по островамъ.

Дѣйствительно, цѣлые вѣка какъ бы незамѣтно проходили надъ русскою землею и не касались ея старинныхъ, младенческихъ воззрѣній. Что писалось въ XII—XIII вѣкѣ, то пишется въ XV—XVI; во что вѣрили прежде, въ то вѣрятъ долго и не скоро разстаются съ старинными предразсудками; народные разсказы и слухи не теряютъ цѣны, точно также какъ и сомнительныя свѣдѣнія, полученныя изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ и носящія на себѣ всѣ признаки легенды.

Впрочемъ XV—XVI вѣкъ видимо начинаетъ касаться нѣкоторыхъ воззрѣній лѣтописца, хотя, быть можетъ, только наружной стороны ихъ проявленія; въ понятіяхъ тогдашняго писателя начинаетъ проглядывать какой-то особенный оттѣнокъ, котораго незамѣтно было прежде. Правда, онъ и прежде измѣрялъ важность событій отчасти несовсѣмъ объективно, или какъ монахъ, или какъ людинъ извѣстнаго города и области, а теперь онъ уже становится сторонникомъ или противникомъ московскаго князя и на дѣлю смотритъ не вполнѣ безпристрастно; самыя знаменія толкуетъ уже сообразно новымъ своимъ воззрѣніямъ. Такъ, въ войнѣ Ивана Васильевича съ Новгоро-

домъ лѣтописецъ видимо употребляетъ орудіемъ для своихъ гражданскихъ цѣлей народную вѣру въ чудесное дѣйствіе промысла. Оттого въ шелонской битвѣ ни одинъ конь подъ московскимъ всадникомъ не спотыкнулся у Шелони, а у новгородцевъ и руки отяжелѣли, и стрѣлы не дѣйствовали; оттого обезсилила славная конница новгородская, и воины, бросая усталыхъ коней, разбрелись какъ скотъ по лѣсу, не вѣдая куда кто бѣжитъ, и только слышался каждому страшный лозунгъ великокняжескаго войска — «Москва! Москва!» — хотя побѣдители остались далеко за ними; оттого и новгородцы названы «лукавыми» и Марѳа–Посадница получила эпитетъ «прелестной», то же что чародѣйка, колдунья, безбожница; оттого, когда, освобожденные изъ московскаго полону, новгородцы сѣли на суда, чтобы по Волхову плыть въ свой городъ, встала на нихъ страшная буря, разбросала и разбила о камни суда ихъ, и потопила до семи тысячъ злорадныхъ республиканцевъ, — и все это за неповиновеніе князю и за отступленіе къ латинству; оттого, наконецъ, въ шелонской битвѣ, при страшномъ пораженіи новгородскаго войска, со стороны москвичей убитъ былъ одинъ только воинъ! — Такъ измѣнилось въ этомъ случаѣ воззрѣніе лѣтописца. При описаніи же послѣднихъ дней вольности новгородской, у него невольно проглядываетъ чувство жалости къ падшему городу: «а иное бы писалъ, и не имѣю что писати отъ многія жалобы»... Онъ высказываетъ сочувствіе и къ паденію Пскова, взятаго обманомъ москвичей; ему жаль вѣчеваго колокола,—какъ спустили его на землю, какъ псковичи, смотря на колоколъ, плакали по своей старинѣ и по своей волѣ, какъ Третьякъ повезъ колоколъ въ Москву. А до того времени жили псковичи на своей волѣ и князя державнаго владѣющаго ими не имѣли, но сами избирали себѣ князя, приглашая изъ иныхъ странъ, или изъ Москвы, или изъ Литвы, и держали его у себя какъ «наемника», а не какъ князя, по закону своему: только князь Репня–Оболенскій жилъ у нихъ «грозно и свирѣпо по московскому обычаю». — Относительно же другой стороны воззрѣній лѣтописца можно сказать, что собственно—умственныя понятія писателя, жившаго и дѣйствовавшаго въ извѣстной средѣ, стоявшаго въ уровень съ тогдашнимъ русскимъ человѣкомъ, повидимому мало развивались и не вышли изъ узкаго эпическаго круга понятій; XV и XVI вѣкъ застаетъ его почти съ той же массой свѣдѣній, съ тѣми же взглядами на многое, какіе выработала Русь въ XI и XII вѣкѣ; народность воззрѣній, преслѣдуемая какъ

остатки язычества, пересиливала шаткія убѣжденія, занесенныя изъ Византіи, и проглядывала во всемъ. Одинъ изъ представителей русскаго просвѣщенія XIV вѣка, новгородскій архіепископъ Василій пишетъ ученое посланіе къ епископу тверскому Θеодору. Въ Твери возникъ богословскій споръ о раѣ. Въ посланіи своемъ по этому случаю архіепископъ между прочимъ говоритъ: «слышахъ, брате, что повѣствуеши — «рай погиблъ, въ немъ же былъ Адамъ». И потому старается опровергнуть заблужденіе епископа: приводитъ доказательства изъ священнаго писанія; назначаетъ мѣсто рая между Тигромъ и Евфратомъ, и самымъ сильнымъ аргументомъ существованія эдема считаетъ баснословный, чисто-народный разсказъ новгородца Моислава. Этотъ Моиславъ былъ однажды съ сыномъ своимъ Яковомъ и другими людьми на морѣ; плавали они на трехъ «юмахъ»; одна лодка погибла, а другія двѣ долго носило вѣтромъ по морю и прибило къ высокимъ горамъ. На горѣ увидѣли путешественники чудное изображеніе Спасителя; и былъ свѣтъ на томъ мѣстѣ ярче солнечнаго, хотя солнца они не видѣли; а на горахъ тѣхъ слышны были ликованія и веселое пѣніе. И велѣли они одному товарищу своему взойти по лѣстницѣ («шеглѣ») на гору, узнать, что тамъ за свѣтъ и ликованія; но какъ только взошелъ онъ на гору, всплеснулъ руками, засмѣялся и побѣжалъ отъ товарищей. Они послали другаго, приказавъ ему непремѣнно возвратиться и повѣдать, что̀ тамъ на горѣ: но и этотъ убѣжалъ отъ нихъ. Тогда они послали третьяго, но только привязали ему къ ногѣ веревку и держали за конецъ. Побѣжалъ и этотъ, всплеснувъ радостно руками. Но когда они потащили веревку, притянули посланнаго — онъ былъ мертвъ. Въ заключеніе архіепископъ добавляетъ: «а тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здоровы». Это доказательство напоминаетъ разсказъ новгородца Гюряты о Югрѣ и почти такой же разсказъ Семена Толбузина о Венеціи, которую онъ видѣлъ во время посольства своего (въ 1475 году) за приглашеніемъ въ Россію художника Аристотеля. Онъ увѣрялъ, что въ Венеціи находятся двѣнадцать баснословныхъ камней «самоцвѣтныхъ», которые Венеціане достали волшебствомъ отъ одного неизвѣстнаго человѣка, занесеннаго къ нимъ бурею. Камни самоцвѣтные, гусли-самогудки, ковры-самолеты, шапки-невидимки, мертвая руда и живая вода — все это созданія народной фантазіи, противъ которой оказывается безсильною здравая логика лѣтописца; все это слѣдъ народнаго вліянія.

Въ 1459 году случилось Благовѣщенье на Пасху. Лѣтописецъ вѣрилъ народному преданію, сохранившемуся до-сихъ-поръ, что если Благовѣщенье приходится въ свѣтлое воскресенье, то пришелъ, значитъ, конецъ свѣта. «Братія! восклицаетъ онъ: здѣ страхъ, здѣ бѣда велика, здѣ скорбь не мала: яко же въ распятіи Христовѣ сей кругъ солнцу бысть 23, луны 13, сіе лѣто на конци явися, въ онь чаемъ всемірное пришествіе Христово. О, Владыко! умножишася беззаконія наша на земли: пощади, Владыко, исполни небо и землю славы Твоея; пощади насъ, благословенъ грядый во имя Господне...» Только по окончаніи года увидѣлъ благочестивый инокъ, что страхъ его напрасенъ, что народное повѣрье обмануло его, и добавляетъ наивно: «и того лѣта не бысть ничтоже.» — Естественно, что при такомъ взглядѣ нашихъ лѣтописателей и при крайней шаткости и недостаточности понятій о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ, смутно сознавалось ими все, что ни дѣлалось вокругъ нихъ; мысль ихъ блуждала въ такомъ непросвѣтномъ туманѣ, умъ такъ опутанъ былъ тысячами суевѣрныхъ понятій, привившихся отъ колыбели, что трудно рѣшить, одинъ-ли только простой народъ заслуживалъ эпитета «невѣгласовъ». Понятія князей, правившихъ судьбами русской земли, повидимому гармонировали съ понятіями массы, если судить по ихъ дѣяніямъ: во всемъ проявляется наивность и безхарактерность дѣтей, иногда жестокихъ, часто корыстолюбивыхъ и коварныхъ и—постоянно суевѣрныхъ. Что можетъ быть коварнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ наивнѣе, какъ поступокъ Владимірка Галицкаго, который на замѣчанія посла Изяславова, Петра Бориславича, что Владимірко не сдержалъ даннаго слова, хотя обѣщалъ жить въ мирѣ съ Изяславомъ и на присягѣ цѣловалъ крестъ, — отвѣчалъ: «сій ли крестецъ малый?»—говоря этимъ, что онъ цѣловалъ не этотъ крестъ, не маленькій, на который ему указывали, а другой, большой!... (Полн. Собр. рус. лѣт. II, 72).

Всякое естественное явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, наводило ужасъ на массу; князья, какъ мы видѣли, были суевѣрны не менѣе простаго народа, за что и осуждались проповѣдниками; лѣтописцы вѣрили тому же, чему вѣрили народъ и князья. Мы прежде говорили, какое вліяніе имѣютъ силы природы на народное творчество, и потому неудивительно видѣть въ лѣтописяхъ безчисленное множество «знаменій», профетическій смыслъ которыхъ толковали лѣтописцы сообразно настроенію своего духа и послѣдующимъ событіямъ,

какъ вообще дѣлаетъ народъ въ подобныхъ случаяхъ. Явился на небѣ кругъ и всѣ увѣрены, что онъ имѣетъ значеніе предзнаменованія: и дѣйствительно, въ это время случилась засуха, и такая сильная, что горѣла земля, сами-собой загорались лѣса и болота; потомъ напали Половцы, Ляхи; начался затѣмъ моръ. Иногда небо казалось народу «кровавымъ» и все ждало кончины міра; звѣзды отторгались отъ тверди и падали на землю; отъ этого страннаго зарева снѣгъ на домахъ и по землѣ казался кровавымъ,—и видѣлось всѣмъ будто кровь пролита по снѣгу. Сѣверное сіяніе было такимъ же непостижимымъ явленіемъ и для народа и для лѣтописца.

Само-собою разумѣется, что солнечныя и лунныя затмѣнія стояли главнѣйшими провозвѣстниками въ ряду знаменій, и какъ часто ни повторялись, никогда не проходили безъ того, чтобъ не поселить въ народѣ страхъ и ожиданіе чего-то необыкновеннаго. Самые разсказы лѣтописцевъ о затмѣніяхъ и выраженія, какія употреблялись въ этомъ случаѣ, ясно показываютъ наивное пониманіе того, что̀ означали такія явленія.

Прохожденіе кометъ и планетъ было столько же страшно, какъ и необъяснимо въ понятіяхъ нашихъ предковъ; рѣдкій годъ проходилъ, чтобы спокойствіе ихъ не было нарушено какимъ-либо необычайнымъ явленіемъ. Самыя событія держали народъ въ постоянномъ страхѣ, въ постоянномъ ожиданіи какого-либо невѣдомаго горя, и каждый годъ оправдывались ихъ невеселыя ожиданія: войны слѣдовали за войнами; князья губили народъ изъ-за волостей, не заботясь о погибающемъ населеніи; колокола церковные не переставали звонить набатъ то по причинѣ пожаровъ, то въ моръ, то въ усобицы; звонили и въ пользу князя, котораго, при томъ же колокольномъ звонѣ, изгоняли наканунѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ пугался всякаго знаменія: кровавый цвѣтъ неба пророчилъ ему усобицы, солнце скрывало свои лучи отъ лица грѣшной земли, кометы представлялись въ видѣ страшныхъ копій. Знаменія сбывались...

Къ довершенію суевѣрнаго страха, русскій народъ былъ иногда свидѣтелемъ землетрясеній. Конечно, у насъ они были слишкомъ рѣдки и слишкомъ слабы; но достаточно было одного слова «трусъ», о избавленіи отъ котораго молится церковь, чтобъ къ этому присоединилась боязнь «глада, огня, меча и нашествія иноплеменныхъ.» Случаи землетрясенія повторялись только въ трехъ—четырехъ пунктахъ древней Руси. Но тотъ, кто вѣрилъ, что однажды въ Сиріи,

во время великаго труса, разступилась земля на три поприща и изъ земли вышла ослица, говорящая человѣческимъ языкомъ, конечно не могъ не чувствовать страха, когда земля колебалась подъ его ногами.

Но и этими явленіями не ограничивалось чудесное. Непонятныхъ явленій было слишкомъ много, никто не могъ объяснить народу ихъ естественность, и этимъ увеличивалась область знаменій, къ которымъ необузданная фантазія младенчествующаго народа присоединяла громъ и молнію. Знаменіемъ считался собственно тотъ громъ, который слышали въ зимнее время, и оттого онъ былъ еще болѣе поразителенъ. Какъ въ настоящее время народъ вѣритъ существованію громоной стрѣлы, такъ и лѣтописцы вѣрили ей и упоминаютъ о «громкой стрѣлкѣ» неоднократно; она падала изъ облаковъ и производила страшное дѣйствіе особенно въ церквахъ: чернѣли позолоченныя иконы; громовая стрѣлка бороздила церковныя главы и щепала въ мелкіе куски дерево; поражала стоящихъ въ церкви людей и исчезала гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ужасъ овладѣвалъ народомъ, а грамотники не умѣли успокоить его.

Этого мало. Какъ всякій младенчествующій народъ, неуспѣвшій развиться до отреченія отъ эпическихъ воззрѣній, наши предки въ суевѣрномъ страхѣ видѣли то, чего вовсе не могло существовать въ дѣйствительности. Они вѣрили созданіямъ своей собственной фантазіи и разсказывали о нихъ со страхомъ; лѣтописцу оставалось только вносить ихъ въ анналы, подвергнувъ предварительно личной критикѣ:— а мы знаемъ, какъ недалеко ушли его понятія и какъ ему самому трудно было выбиться изъ-подъ гнета старинныхъ народныхъ вѣрованій. Мы пройдемъ молчаніемъ фантастическіе разсказы, заимствованные изъ византійскихъ хронографовъ; не будемъ особенно говорить ни объ амазонкахъ, которыя будто-бы убивали всѣхъ новорожденныхъ мужескаго пола, ни о золотомъ деревѣ греческаго царя Михаила, на которомъ пѣли золотыя птицы, ни о его чудесномъ зеркалѣ, въ которое онъ могъ видѣть изъ дворца своего все, что дѣлалось въ его обширномъ царствѣ, въ Европѣ, въ Аравіи и Сиріи, ни о попугаѣ, который помогъ Льву вступить на византійскій престолъ: у насъ достаточно своихъ, незаимствованныхъ миѳическихъ сказаній и въ устной народной поэзіи и въ лѣтописяхъ, въ которыхъ найдемъ и Перуна, кричащаго «горе мнѣ!», и мертвецовъ, бьющихъ Полочанъ, и вихрь, уносящій человѣка съ лошадью и телѣгой подъ облака, и безшерстнаго волка-людоѣда, и дождь, падающій то пшеницей и сте-

клянными глазками, то вѣверицами, маленькими оленями и даже желѣзными клещами!

У народа есть повѣрье, что передъ какимъ-нибудь несчастіемъ церковные колокола звонятъ сами-собой. Этому вѣрили и лѣтописцы; они были даже свидѣтелями подобныхъ непостижимыхъ явленій.

Въ описаніи пожаровъ, моровыхъ повѣтрій, бурь и прочихъ явленій видна наивная фантазія неразвитаго народа, доходящая иногда до смѣшнаго, потому что во всѣхъ такихъ случаяхъ дѣтскому уму рисовались картины необъяснимыя и сверхъестественныя. Въ сильныхъ пожарахъ самымъ непостижимымъ для лѣтописца явленіемъ было «хожденіе огня по водѣ». Это случалось тогда именно, особенно во время пожаровъ въ Новгородѣ, когда пламя силою вѣтра перекидывало на другую сторону Волхова, и тогда суевѣрному народу казалось буквально, что «по водѣ огнь ходя горяше». Тѣсные, деревянные, безпорядочно выстроенные города древней Руси горѣли каждое лѣто, и никакая сила не могла остановить распространявшійся пожаръ; выгорали цѣлые города и пригороды, дѣлались жертвою пламени цѣлые десятки церквей; горѣли люди и скотъ: въ одинъ пожаръ погибло въ Новгородѣ 3,315 человѣкъ отъ одного огня, кромѣ утопувшихъ и пропавшихъ безъ вѣсти. Оттого и страшны казались пожары въ то время и народъ видѣлъ въ нихъ присутствіе какой–то сверхъестественной силы. Огонь казался «живымъ» существомъ, которое имѣетъ способность двигаться по своему произволу и пожирать все встрѣчающееся на пути; такимъ-же огонь представляется и въ языческихъ вѣрованіяхъ народа; почти такимъ-же казался онъ и лѣтописцу. Однажды, во время пожара, сдѣлалась такая страшная буря, что вихрь приносилъ съ Волхова большія суда и бросалъ въ огонь (III, 245, 147).

Но знаменія не ограничивались и этими явленіями, потому что для юнаго народа весь міръ исполненъ чудесъ и таинственности. «Теченіе Волхова вспять» было столько-же страшно, какъ и хожденіе огня по водѣ или каменоносныя тучи. Читая новгородскія лѣтописи, мы иногда находимъ въ нихъ извѣстіе, что въ такомъ-то году «иде Волховъ на взводье» или «на взводъ», т. е. противъ естественнаго теченія. Извѣстія эти отрывочны, но самый тонъ, которымъ они говорятся, изобличаетъ вѣрованіе лѣтописца въ таинственный смыслъ такихъ случайностей: «по божію строенію бысть въ Великомъ Новѣгородѣ, на второй недѣлѣ по Пасцѣ, иде вода въ Волховѣ вверхъ, ни вѣтромъ, ни бурею, но повелѣніемъ Творца своего Бога; и иде

дней девять, а на десятый возвратися паки и поиде по своему подобію.» Въ область знаменій лѣтописецъ вноситъ всякую аномалію въ явленіяхъ физическаго міра.

Все это — слѣды эпоса, слѣды доисторическихъ воззрѣній, отъ которыхъ не могли быть свободны позднѣйшія поколѣнія въ теченіе трехъ–четырехъ столѣтій. Мы считаемъ излишнимъ говорить о тѣхъ повѣрьяхъ, которыя не принадлежали всему народу вообще, а записаны лѣтописцемъ совершенно случайно, какъ напримѣръ: разсказы Аѳанасія Никитина объ индійской птицѣ «гугукъ», у которой изо рта выходило пламя, когда ее убивали, или объ «обезьяньемъ царѣ», посылавшемъ на войну своихъ подданныхъ. Но лѣтописецъ не чуждъ и другихъ эпическихъ вѣрованій: какъ въ Словѣ о полку игоревѣ «орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ, а лисицы брешутъ на красные щиты», предвѣщая гибель войску,—какъ орлы всегда сопутствовали въ походахъ храбрымъ Запорожцамъ, изо лба у мертвыхъ очи выдирали, раненымъ въ очи заглядывали, такъ и у лѣтописца орлы являются передъ сраженіемъ и предвѣщаютъ кровопролитье, чѣмъ подтверждаются доводы г. Буслаева объ эпичности въ литературѣ XI и XII вѣка. Для насъ важны эти слѣды вліянія народныхъ воззрѣній на лѣтописцевъ, повидимому чуждыхъ народнымъ заблужденіямъ и стоявшихъ выше массы. Въ этихъ слѣдахъ мы видимъ отраженіе народности, заявленіе ея правъ въ литературѣ. Неудивительно, что г. Буслаевъ находитъ присутствіе народности въ повѣстяхъ духовнаго содержанія, въ поучительныхъ бесѣдахъ и житіяхъ угодниковъ: народность и ея воззрѣнія, эпическая старина и вѣра въ чудесное лежали тяжелымъ гнетомъ и на сознаніи людей болѣе или менѣе грамотныхъ и руководили ихъ убѣжденіями. Эти люди видимо боролись съ стариной, старались сбросить съ себя тяжелый гнетъ эпическихъ вѣрованій, и впадали въ другую крайность, перемѣнивъ только наружную форму воззрѣній и оставшись при тѣхъ-же вѣрованіяхъ,—при вѣрованіяхъ въ «погибель», а не въ «снѣданіе» волкодлаками солнца, въ существованіе огненнаго змѣя, замѣнившаго змѣя-горынича, въ сверхъестественную силу огня, ходившаго по водѣ, въ самопроизвольный звонъ колоколовъ, въ профетическій смыслъ затмѣній и кометъ, въ вѣщую силу чародѣйцъ и волхвовъ, въ возможность существованія молодыхъ оленей и вѣверицъ въ дождевыхъ облакахъ и проч. Все это — тотъ же эпосъ, только не первобытный, а измѣнившій свою форму вслѣдствіе вліянія историческихъ условій; все это—преоблада-

ніе народнаго творчества, народныхъ воззрѣній, преобладаніе старины и преданій, столь живучихъ во всякомъ неразвитомъ народѣ. Эпическія воззрѣнія такъ долго и такъ глубоко коренились во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества, что языческій взглядъ нечувствительно переносился и на прочія вѣрованія.

Указанныя нами характеристическія черты русской лѣтописи и въ особенности тотъ тщательный анализъ памятниковъ нашей древней литературы, которому подвергнуты они г. Буслаевымъ, приводятъ насъ къ тому заключенію, что вся эта письменность выражаетъ собой едва ли не начальный періодъ развитія народнаго творчества, по крайней мѣрѣ въ ней еще мало слѣдовъ втораго періода и во всякомъ случаѣ больше признаковъ періода перваго чѣмъ послѣдующаго. Вліяніе народности слишкомъ сильно въ этихъ памятникахъ, эпическое воззрѣніе еще слишкомъ замѣтно въ нихъ; кругъ понятій, въ которомъ вращались писатели той эпохи, еще довольно тѣсенъ; между этими понятіями и вѣрованіями народа еще не образовалась пропасть, которая обыкновенно раздѣляетъ массу и образованное меньшинство во второй періодъ развитія. Однимъ словомъ, литература была болѣе или менѣе народною, болѣе или менѣе доступною его нехитрымъ понятіямъ и требованіямъ, хотя повидимому она стояла уже за отреченіе отъ народности, которая выражалась въ сбереженіи старинныхъ обычаевъ, эпической поэзіи и эпическихъ вѣрованій. Писатели той эпохи не далеко ушли отъ народа, малымъ чѣмъ отличались отъ него, хотя, съ извѣстной точки зрѣнія, и имѣли право называть всѣхъ жившихъ въ первобытной простотѣ нравовъ и понятій «невѣгласами». Литература была естественно-народною, потому что ей нетрудно было оставаться такою, не поддѣлываясь подъ народность, и потому что еще не для чего было поддѣлываться; чтобы быть понятымъ «невѣгласами», образованное меньшинство не снисходило къ понятіямъ народа—ребенка, какъ это бываетъ во второй періодъ развитія, когда потеряется нравственная связь между образованнымъ меньшинствомъ и массою; оно не снисходило потому, что не нуждалось въ этомъ, потому что само было такимъ же народомъ, какъ и остальная масса; оно иначе й не могло выражаться, какъ общепонятно для народа, потому что иначе и не умѣло. Только заимствованія изъ богословской литературы Византіи могли быть чужды народу съ эпическими воззрѣніями. Но все, что писалось у насъ, выросло на нашей почвѣ, подъ вліяніемъ народнаго творчества,—было понятно

народу. Да иначе и быть не могло: писатель этого періода только осуждаетъ кудесника за его сношенія съ нечистою силою, а между тѣмъ самъ вѣритъ въ его чары; народъ также вѣритъ кудеснику, не смѣя осуждать; для народа вѣщая сила женщины была предметомъ поэтическаго вѣрованія, преданіемъ эпической старины, а между тѣмъ лѣтописецъ, все равно, вѣрившій ли, невѣрившій ли въ эту вѣщую силу, все-таки допускаетъ возможность чародѣйства, тѣмъ болѣе, что суевѣріе это поддерживается въ немъ книжными свидѣтельствами, хронографами, которымъ онъ не считалъ себя вправѣ недовѣрять; народъ могъ быть положительно убѣжденъ въ существоваріи змѣя-горынича, а писатель могъ и не признавать этого чудовища, но тѣмъ не менѣе былъ убѣжденъ въ существованіи огненнаго змѣя; по мнѣнію народа, Перунъ могъ поражать людей своими стрѣлами: для грамотника же Перунъ могъ и не существовать, однако, несмотря на это, по мнѣнію грамотника, существовали «громныя стрѣлки», которыя также убивали человѣка, какъ и стрѣлы Перуна. Вообще мы не замѣчаемъ большой разницы между тѣми и другими понятіями: всѣ они не далеко ушли отъ эпической простоты и наивности, за-то и тѣ и другія не мало задерживали свободную работу мысли, опутывая ее тысячами суевѣрій, принятыхъ на вѣру отъ старины, и только останавливали естественное развитіе народа, такъ сказать глушили всякую молодую поросль, уничтожали всякое усиліе ума выбиться изъ-подъ гнета темныхъ предразсудковъ и выйти на новую дорогу. Но если нѣкоторые памятники древней литературы и обнаруживаютъ эту разницу между понятіями образованнаго меньшинства и массы, если иныя произведенія духовной письменности и были выше народнаго пониманія, то естественно, что такія произведенія не могли имѣть успѣха въ народѣ и потому не могли оказывать вліянія на развитіе его мысли и на расширеніе круга его нехитрыхъ понятій. Естественно, что народу ничего больше не оставалось, какъ удовлетворять своей любознательности изъ тѣхъ мутныхъ источниковъ, которые были въ его распоряженіи, слушать пѣсню и сказку о старинѣ, учиться пословицѣ и загадкѣ и такимъ образомъ всегда оставаться съ старымъ запасомъ свѣдѣній и въ прежнемъ узкомъ кругѣ понятій. Вообще нельзя не замѣтить, что самая литература, преслѣдуя суевѣріе, не была чужда своего рода предразсудковъ и поддерживала ихъ въ народѣ. Странно было бы послѣ отэго винить народъ за то, что онъ охотнѣе читалъ такъ-называ-

емыя «отреченныя» книги, какъ болѣе близкія къ его понятіямъ. Да надо и то сказать, что всѣ апокрифы и отреченныя книги, въ глазахъ народа, малымъ чѣмъ отличались отъ литературы истинной, позволительной. Какъ на отличительную черту древней письменности можно указать на то обстоятельство, что лѣтописцы, люди болѣе или менѣе грамотные, не стѣснялись толковать нѣкоторыя явленія совершенно такъ, какъ они истолковываются въ отреченныхъ книгахъ и какъ понимаетъ ихъ народъ. Къ числу запрещенныхъ книгъ, какъ видно изъ свѣдѣній, приводимыхъ г. Буслаевымъ (II, 69), принадлежали «стѣнямъ знаменія—лунное и солнечное, какъ три бываютъ солнца, или какъ солнце волосы простираетъ или погораетъ», а между тѣмъ лѣтописцы обращали особое вниманіе на затмѣнія и толковали ихъ далеко неудовлетворительно.

Народъ, встрѣчая въ литературѣ нѣкоторое подтвержденіе своимъ суевѣрнымъ воззрѣніямъ, сталъ искать въ этой же литературѣ отвѣтовъ на всѣ вопросы жизни и не затруднялся въ выборѣ руководствъ. Между «толковниками», «сборниками,» «пчелами» и хронографами, иногда въ этихъ же самыхъ изданіяхъ находилъ онъ то, что ему было нужно и что было понятно ему. Практическій смыслъ народа всегда говорилъ ему, что поэзія существуетъ не для поэзіи собственно, а для иныхъ жизненныхъ цѣлей, что сказка разсказывается для поученія, а не только для потѣшенья; народъ всегда смутно сознавалъ, что литература не должна существовать для самой себя, какъ искусство для искусства: ему во всемъ нужно было видѣть практическое примѣненіе; и вотъ онъ охотно мѣняетъ философскій толковникъ на апокрифъ, потому что находитъ въ немъ полезныя свѣдѣнія о «трясавицахъ» (лихорадкахъ), встрѣчаетъ толкованія примѣтъ, игравшихъ такую важную роль въ жизни суевѣрнаго народа, находитъ заговоры отъ порѣзовъ, отъ «московскаго и селского кнутья» (Бусл. II, 33), отъ вражьей стрѣлы, отъ уроковъ и порчи, отъ супротивника въ судѣ, отъ лихаго судьи, и наконецъ— цѣлые народно-медицинскіе трактаты, подъ названіемъ «лѣчебниковъ» и «травниковъ». Онъ искалъ для себя здоровой пищи, онъ отрекался отъ искуства для искуства, а здоровой пищи не давала ему письменность, и онъ воображалъ, что находитъ ее въ хламѣ суевѣрныхъ сказаній, заговоровъ и лечебниковъ, лишь бы этотъ хламъ говорилъ ему о жизни, о ея требованіяхъ, утѣшалъ его въ горѣ. И онъ думалъ, что эта литература послужитъ ему съ пользой, по-

тому что другой ему не давали, и въ ней искалъ отвѣтовъ на жизненные вопросы: постигнутъ его непріятности въ жизни, побываетъ онъ на правежѣ въ Москвѣ, и тотчасъ отыскиваетъ въ лечебникѣ лекарство, находя его подъ рубрикой—«битому человѣку отъ кнутья» (Бусл. II 33—34), а въ этомъ толкованіи значится: «добро бы въ скорѣ захватить овчиною сырою, тотъ часъ, какъ бить, и привязывати мездрою къ битому, и кровь битую овчина высосетъ все, и скоро жить станетъ,»—«то отъ московскаго кнутья (прибавляетъ лечебникъ), а не отъ селского», давая знать, что правежъ на правежъ ен ирпходится, и что раны отъ московскаго кнута не то что отъ сельскаго; но тутъ же находится лекарство и «отъ сельскаго кнутья: молокомъ коровьимъ парнымъ мазат, перомъ, или топленымъ грѣтымъ молокомъ».—Нельзя не согласиться, что самая эпическая поэзія имѣла для народа важное значеніе не потому, что удовлетворяла его эстетическимъ требованіямъ, а единственно по отношенію къ человѣку, такъ сказать—по практическому ея примѣненію. Сверхъестественныя силы природы, олицетворявшіяся въ эпосѣ, всегда являются въ соприкосновеніи съ человѣкомъ, въ борьбѣ съ нимъ, въ угнетеніи и подчиненіи его своему вліянію: эти олицетворенія были—боги, причинявшіе человѣку вредъ или помогавшіе ему, богатыри и полубоги, съ которыми боролся человѣкъ и погибалъ иногда тысячами отъ взмаха руки, или отъ однихъ копытъ коня богатырскаго,—и вообще всѣ миѳическія существа, въ которыхъ всѣ изслѣдователи старины узнаютъ не иное что, какъ разнообразныя силы и явленія природы, ея благопріятныя и гибельныя вліянія на человѣка. Слѣдовательно, и въ эпосѣ на первомъ планѣ была практическая сторона, польза и вредъ, а вовсе не поэзія для поэзіи, не удовлетвореніе эстетичеекимъ потребностямъ. Этой практической стороны народъ искалъ и въ письменной литературѣ и, за неимѣніемъ дѣйствительно-дѣльнаго и полезнаго, удовлетворялся чѣмъ попало. Въ »травникахъ» онъ узнавалъ лекарственную и чарующую силу каждаго зелья, каждаго корня. Въ описаніяхъ травъ и мѣстъ ихъ нахожденія г. Буслаевъ находитъ поэтическія красоты, неподдѣльную свѣжесть воззрѣній на природу и ея таинственныя отношенія къ человѣку; но намъ кажется, что поэтическое чувство едва ли руководило народомъ въ составленіи травниковъ, въ описаніи цвѣта и вида растеній. Народъ видѣлъ тутъ пользу—и больше ничего. Въ подтвержденіе того, что многія описанія травъ дышутъ неподдѣльнымъ чувствомъ изящнаго, вы-

ражаемаго въ свѣжести воззрѣній на природу, г. Буслаевъ приводитъ много мѣстъ изъ лѣчебниковъ въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: » трава вездѣ растетъ по пажнямъ и по межникамъ и по потокамъ; листье разстилается по землѣ. Кругомъ листковъ рубежки, а изъ нея на рединѣ стволикъ, тощій, прокрасенъ, а цвѣтъ у него желтъ; и какъ отцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки; а въ корнѣ, и въ листу, и въ стволикѣ, какъ сорвешь, въ нихъ бѣленько» и т. д. (II, 37). Мы могли бы привести болѣе характеристичныя описанія растеній изъ «травника» г. Губерти, изданнаго г. Калачовымъ (въ Архивѣ 1859, 1.); но думаемъ, что и эти примѣры будутъ недостаточно сильнымъ свидѣтельствомъ въ пользу присутствія изящнаго, поэтически-прекраснаго и свѣжаго въ воззрѣніяхъ народа на окружающій его міръ. Во всѣхъ подобныхъ описаніяхъ природы народъ становился въ такія же прозаическія отношенія къ описываемому предмету, въ какія ставилъ себя приказный подъячій, составляя межевую или разъѣздную запись на какую либо пустошь или отъѣзжее поле. Проводя межу, подъячій непремѣнно заносилъ въ запись и необходимыя описанія природы, насколько она ему была нужна: попадалась ему на межѣ береза, онъ отмѣчалъ, что она «отъ земли голенаста, а кверху суковата,» или «кудревата,» «виловата» или, наконецъ, «суховерхая,» и куда «покляпа» — на полдень ли, на восходъ ли, или на западъ; встрѣчался ему ручей, — онъ и ручей описывалъ такимъ же образомъ. Описанія эти совершенно сходны съ описаніями растеній въ травникахъ, и мы не находимъ ни въ тѣхъ ни въ другихъ ничего поэтическаго, ни особенно-художественнаго, хотя г. Буслаевъ и старается видѣть въ нихъ мастерскую характеристику русской природы. Впрочемъ этотъ взглядъ естественно могъ вытекать изъ своеобразнаго пониманія достоинствъ эпической поэзіи, изъ предпочтенія ея всякому художественному, даже геніальному произведенію, если только оно — не эпическое, а результатъ единичнаго творчества и генія одного лица. Своеобразность пониманія г. Буслаевымъ эпической поэзіи приводитъ его къ такимъ заключеніямъ, съ которыми согласится развѣ только тотъ, кто рѣшится народную, собственно первобытную, эпическую поэзію поставить выше всего, что только можетъ создать человѣчество, въ моментъ высшаго развитія своего творчества, общими усиліями знаній, талантовъ и геніальностей, выше всего, что могутъ создать люди образованные, натуры глубоковпе-

чатлительныя, талантливыя, одимъ словомъ—выше всего, что только можетъ создать геній вполнѣ развитаго человѣка. Эта своеобразность пониманія доводитъ г. Буслаева до того убѣжденія, что «свѣжѣе и живописнѣе природа не возсоздавалась уже *никѣмъ*, послѣ старинныхъ эпическихъ пѣвцовъ» (I, 76).

Однимъ этимъ выраженіемъ—еслибы оно было неопровержимо—убита была бы репутація лучшихъ въ мірѣ геніевъ, такъ мастерски умѣвшихъ выражать въ словѣ все великое, необъятное, ужасное, высокое и высоко-прекрасное природы; пѣсни древней Эдды, романсы Сида, финская Калевала, стихотворенія Кирши Данилова и вообще весь сводъ народной поэзіи мы должны были бы поставить, въ отношеніи свѣжести и живописности возсозданія природы, выше всего, что сказали о природѣ лучшіе люди, когда-либо жившіе на землѣ и умѣвшіе возсоздавать природу поразительно-жизненно, — и Шекспиръ, и Байронъ, и Гёте, Шиллеръ, даже Кювье, и наши Пушкинъ и Лермонтовъ... Между тѣмъ почему-то чувствуется разница при чтеніи эпическаго произведенія или какого-нибудь описанія мѣстности у Гоголя, Тургенева, Некрасова, при чтеніи какого-нибудь «Бѣжина Луга» или даже одного изъ ученыхъ очерковъ природы Бекетова; почему-то холодъ проникаетъ васъ насквозь при чтеніи, у любаго изъ англійскихъ романистовъ, описанія сыраго туманнаго утра или свинцоваго неба надъ Лондономъ. Мы согласны, что картинностью отдѣльныхъ словъ, мѣткостью живописующихъ эпитетовъ, народная поэзія умѣетъ иногда выразить очень много и даже очень вѣрно опредѣлить внутреннее свойство предмета, котораго она касается какъ бы мимоходомъ; но въ цѣломъ возсоздается ли природа свѣжѣе и живописнѣе старинными эпическими пѣвцами, или художниками — геніями развитаго общества—это еще вопросъ, который едвали можетъ быть рѣшенъ въ пользу первыхъ. Признавъ превосходство эпической поэзіи, въ отношеніи живописности изображенія природы, передъ творчествомъ неэпической эпохи, надо было бы послѣ того отдать преимущество, въ отношеніи изображенія природы, лубочному стилю или живописцамъ византійско-суздальскаго пошиба, а не мастерамъ итальянской, испанской, или голландской школы, на томъ основаніи, что изображеніе фигуръ въ нашихъ старинныхъ «подлинникахъ» или въ миніатюрахъ эпичнѣе и неизмѣннѣе тѣхъ пріемовъ, которыми руководствовался Рафаель и особенно новѣйшіе художники. Какъ бы то ни было, но мы во всякомъ случаѣ отдадимъ преимущество творчеству развитаго человѣка.

Разсматривая поэзію и письменность какого бы то ни было народа въ отношеніи къ жизненнымъ условіямъ, мы приходимъ къ тому печальному выводу, что и въ литературѣ, въ окрѣпленіи народнаго самосознанія, эпическое воззрѣніе, наслѣдуемое каждымъ народомъ отъ своихъ доисторическихъ предковъ, всегда становилось на пути историческаго развитія, всегда задерживало свободное движеніе мысли и поступковъ человѣка. Всего болѣе отразился этотъ законъ исторической необходимости на нашей литературѣ, можетъ быть потому, что народное творчество, вслѣдствіе разныхъ условій, долгое время подчинено было вліянію чуждыхъ началъ. Извѣстныя отношенія русскаго народа къ Византіи и ея образованности и, вслѣдствіе того, постоянный наплывъ новыхъ идей, выработанныхъ народностью уже довольно-развитою и пересаженныхъ на русскую почву, достаточно не подготовленную къ нимъ, поставили народное творчество въ исключительное и неестественное положеніе. По самому существу новыхъ идей, народное творчество, могшее существовать только на извѣстныхъ началахъ и питаться соками, которые, по существу же этихъ идей, должны были изсякнуть, нетолько не могло поддерживаться, но, ставъ чѣмъ-то непозволительнымъ, противнымъ этимъ идеямъ, должно было потерять всякое право на существованіе. Поэзія, которая у народа младенчествующаго не могла быть иною, какъ эпическою, не должна была имѣть мѣста въ жизни, не должна была существовать, потому что идея эпоса сдѣлалась равносильна идеѣ язычества, идеѣ антагонизма новымъ началамъ: она стала «бѣсовскою», другими словами — регрессивною этимъ новымъ началамъ и новымъ идеямъ. Говоря вообще, главная задача, лежавшая въ основаніи новыхъ идей, смыслъ этихъ идей и ихъ конечная цѣль были — убить народное творчество и убить потому, что оно не могло быть другимъ, какъ только эпическимъ, основаннымъ на преданіяхъ. Что-нибудь одно должно было остаться и побѣдить — или народная поэзія, или новыя, заимствованныя идеи. Естественно, что должна была явиться ожесточенная борьба старыхъ и новыхъ началъ, — и эта борьба была, она велась упорно въ продолженіи столѣтій, ведется, можетъ быть, и теперь, хотя повидимому она мало обнаруживалась. Но это такъ только казалось. До сихъ поръ принято думать, что торжество новыхъ идей совершилось у насъ безъ борьбы; что старыя начала не отстаивались съ одной стороны и преслѣдовались съ другой; что великій историческій переворотъ совершился и легко, и быстро. Правда, у насъ не лилась

кровь во имя новыхъ идей, какъ это было на Западѣ; у насъ не горѣли костры съ брошенными на нихъ тѣлами антагонистовъ новыхъ началъ; да и самая борьба не была такъ ожесточенна, какъ на Западѣ,—но она велась долго, можетъ быть дольше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Эпосъ, съ его темными суевѣріями, нѣкогда составлявшими сущность народной религіи, продолжалъ жить въ народѣ и выражался въ пѣснѣ, сказкѣ, загадкѣ, обрядѣ,—во всемъ, до чего только прикасалась народная мысль, что только входило въ область народнаго творчества. Естественно, что литература, ставшая критеріумомъ новыхъ идей, не могла ладить съ народною поэзіею и должна была во всемъ отрицать вмѣшательство народнаго творчества. Но тѣмъ и безсильна была эта литература, что, съ одной стороны, многіе изъ ея дѣятелей, воспитанные на эпической поэзіи, на преданіяхъ, взросшіе среди народа и среди эпическихъ воззрѣній, однимъ словомъ—жившіе одною жизнію съ народомъ, не могли окончательно отрѣшиться отъ него, отъ его слабостей и заблужденій, не могли окончательно разорвать связь съ прошедшимъ, и вносили гниль въ среду новыхъ идей, вводили народность и ея суевѣрный эпосъ въ начинавшуюся тогда письменность; съ другой стороны,—новыя идея были выше пониманія большинства, взросшаго на эпическихъ воззрѣніяхъ, жившаго въ узкомъ кругу преданій, и не могли дѣйствовать на развитіе народа такъ, какъ должны бы были дѣйствовать, не могли окончательно вывести его на новую, открытую дорогу. Все, что исходило изъ народа, проникнуто было суевѣріемъ, потому что память эпическихъ воззрѣній была еще слишкомъ свѣжа,—и останавливало движеніе впередъ; все, что вносили съ собою новыя идеи, было не всякому доступно, и потому также не помогало этому движенію впередъ, не помогало развитію народнаго самосознанія; одно положительно вредило, другое не приносило той пользы, какую могло принести. Такова характеристика всей нашей литературы и исторіи нашего развитія.

Самое почетное мѣсто въ средѣ изслѣдователей нашей народной поэзіи и старинной литературы безспорно принадлежитъ гг. Буслаеву и Пыпину, и въ трудахъ этихъ двухъ ученыхъ замѣчаются тѣ самыя особенности, какія характеризуютъ вообще исторію нашей старинной письменности. Вникая въ смыслъ и направленіе ученыхъ монографій того и другаго, мы не можемъ не замѣтить, что для перваго точкою отправленія служитъ народный эпосъ, принимаемый за основаніе и норму при обсужденіи достоинствъ и недостатковъ не-

только устной поэзіи, но и всей послѣдующей письменности, другой— начинаетъ тамъ, гдѣ кончаетъ первый, и разсматриваетъ народное творчество, въ исторической послѣдовательности, уже послѣ того, какъ оно потеряло внутреннюю, живую связь съ эпическими воззрѣніями и избрало новый путь, который могъ вести только къ развитію народнаго самосознанія; у перваго — картина борьбы старыхъ, эпическихъ воззрѣній съ новыми началами, такъ сказать—лѣтопись вторженій эпоса и его отсталыхъ тенденцій въ области новаго умственнаго міра; у втораго—попытка создать картину болѣе отрадную, набросить, покрайней мѣрѣ, приблизительный эскизъ того, какъ усвоивались русскимъ обществомъ новыя идеи и какой историческій ходъ успѣли совершить онѣ въ нашей скудной письменности. Однимъ словомъ, у перваго мы знакомимся съ поэзіей и литературой, можетъ быть, вполнѣ народной, но тѣмъ не менѣе ретроградной; у втораго, напротивъ, съ попытками создать литературу болѣе прогрессивную, хотя, можетъ быть, менѣе народную. Изслѣдованія г. Буслаева не оставляютъ никакого сомнѣнія, что заимствованная нами отъ Византіи литература, пересаженная на русскую почву, не избѣжала вліянія нашего народнаго творчества, которое умѣло проявляться вездѣ, гдѣ только была возможность высказаться національному воззрѣнію. Кромѣ того, подъ вліяніемъ этого воззрѣнія, создалась цѣлая письменность, вполнѣ народная, но вредная для народнаго развитія, письменность двоевѣрная, которая потому и была регрессивна, что въ основѣ ея лежали идеи и вѣрованія первобытной, эпической эпохи. Въ рукахъ народныхъ грамотѣевъ книжная мудрость и остатки эпическихъ вѣрованій послужили матеріаломъ для составленія того рода народныхъ руководствъ и учебниковъ, которые г. Буслаевъ справедливо называетъ «апокрифическимъ хламомъ». Изборники, травники, лечебники, цвѣтники, лимонари, вмѣщавшіе въ себѣ иногда трактаты часто-миѳологическіе, скрѣпляли и безъ-того окрѣпшее суевѣріе, прикрываясь авторитетомъ именъ и идей далеко не языческихъ. Грамотѣи, напитанные съ дѣтства вѣрованіями эпической старины, и искусившись, въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, книжнаго разумѣнія, пустились въ литературу, составляли, на основаніи народныхъ преданій, разсказы о языческихъ бредняхъ, повѣсти о «трясавицахъ» или о чемъ-либо подобномъ, и, надписавъ въ заглавіи киноварью—«преданіе отъ святыхъ отецъ», — пускали эти повѣсти по рукамъ и такимъ образомъ возводили языческія басни въ законный актъ вѣрованія. Понятно,

что подобная народная литература не развивала, а убивала всякую живую мысль, и хотя во все вносила элементъ эпическій, была продолженіемъ народной поэзіи, однако ни къ чему больше не служила, какъ только къ тому, чтобы развивать фантазію на счетъ разсудка. Но отношеніе нашей старинной письменности къ дѣйствительной жизни и значеніе первой въ исторіи нашего развитія еще не могутъ быть вполнѣ выяснены однимъ историческимъ путемъ, безъ сравнительнаго изученія литературъ западныхъ народовъ: сопоставленіе тожественныхъ и противоположныхъ явленій въ исторіи какъ этихъ литературъ, такъ и старинной русской письменности, объясненіе причинъ своеобразнаго и быстраго возвышенія первыхъ и продолжительнаго застоя послѣдней должны быть предпочтены синхронистическому сопоставленію, которое едва ли можетъ быть примѣнимо въ этомъ случаѣ. Если исторія русской письменности будетъ проведена въ послѣдовательной связи съ исторіею европейскихъ литературъ, если будетъ раскрыто значеніе извѣстныхъ историческихъ фактовъ въ судьбѣ того или другаго народа если будетъ разъяснено, почему тѣ или другіе историческіе моменты отразились такъ или иначе въ самой письменности этихъ народовъ, тогда выяснится и наше собственное прошедшее, и тогда можно будетъ видѣть, что въ исторіи нашего развитія и въ прогрессивномъ ходѣ другихъ литературъ общаго было немного, но, можетъ быть, все-таки больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Хотя и не слѣдовало бы апріорическими выводами предупреждать результаты указываемаго нами строго-историческаго сравнительнаго изслѣдованія, однако можно впередъ сказать, что подобнымъ сравнительнымъ путемъ объяснится многое, что до сихъ поръ не могло быть подмѣчено и понято нами. Ожиданія эти потому не должны быть напрасны, что жизнь всякаго организма, какъ и жизнь народа, а слѣдовательно и всякая литература, составляющая результатъ этой исторической жизни, подчинены общимъ законамъ развитія: какъ неизмѣнны бываютъ результаты извѣстныхъ химическихъ соединеній, какъ неизмѣнны законы природы и результаты взаимнодѣйствія силъ ея, такъ неизмѣнны и послѣдствія извѣстныхъ силъ при ихъ взаимномъ воздѣйствіи одной на другую, и также неизмѣнны послѣдствія извѣстныхъ историческихъ явленій и фактовъ.

Было время, что и на Западѣ литература приносила больше вреда, чѣмъ пользы: созданія фантазіи и галлюцинаціи она возводила въ непреложные нравственные законы и укрѣпляла суевѣріе. Результа-

томъ всего этого было то, что литература и начитанность служили распространенію суевѣрій и невѣжества, и человѣкъ тѣмъ невѣжественнѣе становился, чѣмъ больше читалъ, чѣмъ больше былъ образованъ по своему времени. Въ продолженіе четырехъ или пяти вѣковъ, съ VI по X столѣтіе, въ цѣлой Европѣ было не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ, которые осмѣливались и умѣли думать, но и при всемъ томъ мысли свои старались выражать языкомъ темнымъ и неудобопонятнымъ, чтобы не навлечь на себя преслѣдованія со стороны большинства; большинство же, въ продолженіе этихъ столѣтій, погрязало въ самыхъ дикихъ предразсудкахъ. Въ теченіе этихъ темныхъ вѣковъ написано было невообразимое множество лживыхъ, фантастическихъ фабулъ, и чѣмъ больше расходились онѣ въ народѣ, тѣмъ глубже погрязалъ онъ въ невѣжество, тѣмъ суевѣрнѣе смотрѣлъ на жизнь и тѣмъ неспособнѣе становился къ истинному развитію. Вліяніе этой литературы было дотого губительно, что еслибы къ началу IX вѣка явился другой Омаръ и сжегъ все, что было написано въ періодъ грубаго невѣжества, охватившаго тогда всю Европу, то этимъ онъ оказалъ бы великую услугу человѣчеству и, можетъ быть, лучше всякой геніальной личности помогъ бы европейскому прогрессу, столько вѣковъ сдерживавшемуся вреднымъ направленіемъ литературы; еслибы на это время была совершенно забыта азбука и люди разучились читать, то и тогда Европа не упала бы такъ низко, какъ падала она въ началѣ среднихъ вѣковъ (*). Это было въ полномъ смыслѣ слова владычество варваровъ, владычество какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Народная поэзія варваровъ внесла эпическій элементъ въ литературу, и суевѣрія, служившія основой и содержаніемъ пѣсенъ древней Эдды, измѣнивъ форму и пріурочивъ языческія воззрѣнія къ другимъ явленіямъ жизни, получили полное гражданство къ средневѣковой письменности. Произошла только перемѣна именъ, но не перемѣна воззрѣній. Развитія нельзя было ожидать отъ такой литературы. Самая здоровая пища, которую могла дать письменность тогдашнему обществу, была лѣтопись, составляв-

(*) Ich zweifle nicht (говоритъ Бокль), wenn in 7 und 8 Jahrhundert die Kenntniss des Alphabets eine Zeitlang ganz verloren gegangen wäre, und die Leute hätten ihre Lieblingsbücher nicht mehr lesen können, so würde der Fortschritt in Europa nachher schneller von Statten gegangen sein, als es jetzt der Fall war» (I, 223).

шаяся въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ монастырѣ; но и западная лѣтопись не дѣлаетъ чести образованности анналистовъ. Въ лѣтопись Григорія турскаго входили тѣ же народныя воззрѣнія, какими проникнуты наши анналы, исполненные дѣтски-наивныхъ соображеній и фантастическихъ разсказовъ; баснословная исторія Эгингарда имѣетъ въ себѣ столько же истиннаго, какъ и всѣ поэтическія преданія младенчествующаго народа. Но и такихъ людей, какъ поименованные, было немного: представители средневѣковаго образованія, Англичанинъ Беда, Ліутпрандъ, льстивый и пустой монахъ, Дитмаръ мерзебургскій и другіе не имѣли обширнаго круга читателей; большинство же грамотныхъ людей, болѣе или менѣе жаждавшихъ общедоступнаго чтенія, духовные и свѣтскіе, пожирали легендарную литературу, которая ни чѣмъ не выше стояла нашихъ трактатовъ о «трясавицахъ». Духовные стихи, въ такомъ безчисленномъ множествѣ ходившіе на Западѣ, могли столько же служить народному развитію, какъ и нелѣпыя стихотворныя легенды, распѣваемыя до сихъ поръ нашими раскольниками. Допустимъ, что въ нихъ и была капля народной поэзіи, какъ въ нашихъ древнерусскихъ легендахъ и повѣстяхъ «ужаса исполненныхъ», но за-то суевѣріе играло тутъ главную роль и тяжелымъ гнетомъ ложилось на народное сознаніе. Но какъ бы то ни было, Западъ въ свое время началъ сбрасывать съ себя оковы суевѣрія; свѣтлыя личности не довольствовались баснословнымъ хламомъ и дѣлались служителями истиннаго знанія, хотя народу долго еще нечего было читать, кромѣ старинныхъ легендъ и сказаній, «зѣло дивныхъ». Время и историческія обстоятельства создали свѣтскую литературу; скептицизмъ подвергалъ строгому анализу дѣтскія вѣрованія старины, и суевѣріе уступило мѣсто прочнымъ и неизмѣннымъ пріобрѣтеніямъ науки. Но и при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, Западъ долго погруженъ былъ въ непробудный сонъ и, можетъ быть, еще дольше оставался бы въ неподвижномъ состояніи, еслибы на помощь ему не явилась классическая образованность, которая хотя тѣмъ была полезна, что вывела Европу изъ тяжелаго состоянія умственной неподвижности, внесла новые элементы въ варварскую литературу и дала ей возможность впослѣдствіи, отвергнувъ классицизмъ, когда онъ оказался несостоятельнымъ, окончательно выйти на новую дорогу. У насъ же и въ XVI вѣкѣ на классическую образованность смотрѣли какъ на что-то «бѣсовское» и «прелестное», достойное порицанія. «Слышалъ я нѣкогда (говорилъ бла-

гочестивый русскій человѣкъ XVI вѣка)—слышалъ я нѣкогда книгу о плѣненіи Трои. Въ этой книгѣ плетены многія похвалы Еллинамъ, отъ Омира и Овидія. Только единой ради буйственной храбрости такой похвалы сподобились, что память о нихъ не изгладилась въ теченіе многихъ лѣтъ. Но хотя Еркулъ (Геркулесъ) и храбръ, однако въ глубину нечестія погружался и тварь паче Творца почиталъ. Также и Ахиллъ и троянскаго царя Пріама сыновья были Еллины, и отъ Еллиновъ похваляемы, сподобились такой прелестной (въ укоризненномъ значеніи) славы». (Бусл. II, 61—62).

Какъ ни мало говоритъ въ пользу развитія древнерусскаго общества легендарная литература, однако и это жалкое подражаніе Византіи и Западу явилось у насъ много позже, чѣмъ въ остальной Европѣ. Кромѣ сочиненій спеціально-церковнаго направленія, грамотному русскому человѣку вовсе нечего было читать, и онъ по необходимости долженъ былъ оставаться внѣ всякаго запаса свѣдѣній. Уже если самъ лѣтописецъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ представитель образованности, сознается, что онъ почти ничего не читаетъ (Полн. соб. лѣт. I 189), потому что по-русски и читать въ сущности было нечего до извѣстнаго времени, то весьма естественно, что другіе читали еще менѣе. Но и послѣ того, когда мало-по-малу являлась въ обществѣ потребность знанія, когда число грамотныхъ увеличивалось, эти грамотные не находили ничего для удовлетворенія своей любознательности, кромѣ самаго скуднаго числа заимствованныхъ изъ Византіи сочиненій или такой письменности, которая еслибы и вовсе не существовала, то не составила бы большой потери. Уже въ позднѣйшее время явилась повѣсть, да и той содержаніе было далеко не находкою. Древнерусская повѣсть столькоже могла служить народному развитію, какъ и эпическая поэзія, съ той только разницей, что воображаемыя существа эпической древности мало-по-малу переставали быть пугалами, забывались и сглаживались изъ памяти, а личности созданныя повѣстью, и идеи, проводимыя ею, хотя и недалеко ушли отъ личностей и идей эпическаго цикла, однако дѣйствовали на народное сознаніе и снова запугивали воображеніе. Одна «смѣхотворная» повѣсть является протестомъ всему тогдашнему направленію, но является уже слишкомъ поздно и едвали имѣетъ большой кругъ читателей. Между тѣмъ она одна могла убить ретроградную эпическую старину, перешедшую, въ нѣсколько-измѣненной формѣ, въ легендарную литературу, старину, въ которой г. Буслаевъ видитъ

проявленіе эпическихъ воззрѣній народа и его поэзіи. Самое вліяніе Византіи г. Буслаевъ признаетъ благотворнымъ въ томъ отношеніи, что оно помогало удачному возсозданію свѣтлыхъ поэтическихъ образовъ на чисто-русской почвѣ, слѣдовательно благотворнымъ для древнерусской поэзіи. Патерики, переведенные съ греческаго и распространявшіеся на Руси уже съ XI вѣка, имѣли громадный успѣхъ между древнерусскими читателями и входили въ самую жизнь нашего народа. Византійскіе идеалы, съ которыми знакомили насъ переведенные патерики, не могли не оказывать, говоритъ г. Буслаевъ, плодотворнаго вліянія и на патерикъ Кіевскій. Это плодотворное вліяніе выразилось, например въ томъ, что просфорникъ Спиридонъ, какъ разсказываетъ печерскій патерикъ, своею ризою заткнулъ устье печи, и тѣмъ предотвратилъ пожаръ, а риза его не сгорѣла. Интересный фактъ этотъ г. Буслаевъ объясняетъ тѣмъ, что въ синайскомъ патерикѣ нѣчто подобное разсказывается о монахѣ Георгіѣ, въ монастырѣ Ѳеодосія великаго. Однажды монахи готовили хлѣбы. Братъ Георгій затопилъ печь,, но не могъ найти чѣмъ помести ее (потому что братія нарочно спрятали помело, чтобы испытать Георгія). Тогда онъ влѣзъ въ печь, ризою своею помелъ ее и вышелъ невредимъ (Бусл. II, 53—54).

Но патерики, хронографы и палеи еще не могли быть народною литературою, потому что народъ могъ усвоивать только то, что было ближе къ его понятіямъ. Кромѣ лѣчебниковъ и травниковъ, имѣвшихъ практическое примѣненіе въ жизни, народъ, насильственно оторванный отъ вѣрованій эпической старины и отчасти самъ, вслѣдствіе историческихъ условій, порвавшій внутреннюю связь съ этой стариной, находилъ для себя пищу въ произведеніяхъ болѣе доступныхъ его простому пониманію, и, какъ на Западѣ, обратился къ духовному стиху. Въ головѣ его легче укладывался размѣренный стихъ, чѣмъ риторическая проза; стихъ напоминалъ ему старую былину, произведеніе его собственнаго эпическаго творчества, и онъ охотнѣе слушалъ и читалъ духовный стихъ, чѣмъ духовную повѣсть. Явились народные пѣвцы, такіе же какъ и эпическіе слѣпые нищіе, и вмѣсто Владиміра съ богатырями, стали распѣвать, на братчинахъ и на торжищахъ, Іосифа, проданнаго Израильтянами, Алексія, Божія человѣка, Іоасафа царевича, въ пустыню входяща, самую пустыню, вездѣ называвшуюся «прекрасной» и проч. Это была уже чисто-народная лиератттура, создавшаяся подъ вліяніемъ заимствованныхъ

изъ Византіи идей. Въ румянцовскомъ музеѣ хранится цѣлый сборникъ такихъ стихотвореній, писанный полууставомъ, въ концѣ XVIII столѣтія. Здѣсь есть стихи и на краткость человѣческой жизни, и и плачъ Іоасафа царевича, и воззваніе человѣка къ царствію небесному, «о вражіемъ безстудствѣ на человѣки», «о кончаніи человѣчестѣмъ и о немилостивой смерти», и разговоръ Іоасафа царевича съ пустыней, начинающійся стихами:

При долинѣ, при долинѣ,
Стояла мат прекрасная пустыня,
Къ которой пустыни
Приходилъ тутъ младой царевичь.

Стихъ «о страшномъ судѣ Христовѣ» болѣе прочихъ напоминаетъ собой, по формѣ, древнія эпическія стихотворенія, потому что въ немъ соблюденъ народный метръ:

А какъ жили мы грѣшницы на вольномъ свѣту,
Пили мы, ѣли и тѣшилися,
Тѣлесамъ своимъ всегда мы угаживали,
На свою душу грѣховъ много накладывали и т. д.

Но всѣ подобныя стихотворенія выражаютъ все—таки исключительное, аскетическое воззрѣніе на міръ, и потому не могли вполнѣ удовлетворить требованій народнаго вкуса, потому что народъ, только при извѣстномъ нравственномъ расположеніи, довольствовался строгимъ содержаніемъ повѣстей «ужаса исполненныхъ», и стихотворными плачами о скоротечности жизни, о прелести пустыннаго житія и проч. Мысль его требовала и другой пищи; жизнь не покидала своихъ правъ и искала проявленія. Нѣтъ такой эпохи, въ которую, при самомъ мрачномъ и безотрадномъ настроеніи общественнаго духа, въ минуты самыхъ тяжелыхъ предчувствій, мысль человѣческая не желала бы отдохнуть на чемъ—нибудь отрадномъ и успокоительномъ, выйти изъ узкаго круга грустной односторонности, отогнать отъ себя безотвязные, страшные призраки, порожденные напуганнымъ воображеніемъ. Не было такого времени, когда человѣкъ улыбку считалъ бы преступленіемъ, дѣтскій смѣхъ — непозволительнымъ. Аскетическое настроеніе, отреченіе отъ жизни и безнадежность не могли заразить собой всѣ умы: извѣстные идеалы, явившіеся какъ результаты исключительнаго направленія духовныхъ потребностей человѣка, не

могли быть общими идеалами, особенно же въ такомъ случаѣ, когда идеалы эти не народные, не вызванные самой жизнью, а заимствованные извнѣ. Жизнь всегда создаетъ живые, а не туманные образы, и образы эти понятны всякому думающему существу; они близки его сердцу, потому что составляютъ выраженіе его собственныхъ воззрѣній, отголосокъ его собственныхъ мыслей и чувствъ. Но какіе идеалы могъ создать народъ, хотя повидимому разорвавшій всякую живую связь съ эпической стариной и однако неразвившійся еще до того, чтобъ сознательно отвергнутъ ея преданія и вступитъ въ новую умственную сферу? Меньшинство русскаго стараго общества могло довольствоваться идеальными образами, подобными Петру царевичу ордынскому, или Маріи и Маррѣ, или Юліаніи Лазаревской, любопытныя характеристики которыхъ мы находимъ у г. Буслаева; но и эти идеалы выражаютъ исключительное направленіе, цѣликомъ взятое изъ византійской литературы и только приспособленное къ русской жизни. Въ созданіи этихъ идеаловъ участвовала подражательность образцамъ чуждой литературы, въ то время уже пережившей цвѣтущую пору. Притомъ личности Маріи, Марѳы и Юліаніи Лазаревской настолько принадлежали русскому обществу, насколько можетъ принадлежать ему личность всякаго христіанскаго подвижника; это были святыя женщины; святость составляла единственный идеалъ человѣка той эпохи, и въ XVI вѣкѣ могла проявляться почти въ такихъ же чертахъ, какъ въ самые первые вѣка подвижничества.

Само-собою разумѣется, что характеристики упомянутыхъ женщинъ принадлежали не народу, а грамотному меньшинству. Что же касается до обыкновенной, простой женщины, то литературные памятники изображаютъ ее въ самомъ непривлекательномъ, обидномъ свѣтѣ, что мы уже не разъ видѣли. На Западѣ, напримѣръ, и обыкновенная женщина могла служить идеаломъ для народной поэзіи; а у насъ и дѣвушка изображается существомъ дотого несимпатичнымъ, дотого грубымъ, что даже сомнѣваешься, въ самомъ ли дѣлѣ народъ такъ оскорбительно смотрѣлъ на женщину, какъ высказалъ это въ сохранившихся до нашего времени письменныхъ памятникахъ. Кажется, что это своего рода аскетизмъ; что не таковъ былъ жизненный, практическій взглядъ на женщину, и не такова была въ самомъ дѣлѣ женщина, какою хотѣли изобразить ее суровые аскеты-грамотѣи, изъ страха «прелести» женской нехотѣвшіе даже взглянуть на нее, чтобъ оцѣнить ея человѣческія качества, помимо ея плоти,

кажется, такъ обаятельно на нихъ дѣйствовавшей. Это—единственная разгадка жестокихъ преслѣдованій, какимъ подвергался нѣкогда прекрасный полъ, особенно когда въ эпической поэзіи женщина является далеко не такимъ отвратительнымъ существомъ, какъ въ позднѣйшей литературѣ. Въ «памятникахъ старинной русской литературы», издаваемыхъ гр. Кушелевымъ-Безбородко, подъ редакціей г. Костомарова, есть притча о старомъ мужѣ и молодой дѣвицѣ, гдѣ послѣдняя привѣтствуетъ жениха такими словами, какія могутъ выходить изъ устъ самаго развратнаго, самаго испорченнаго и грубаго существа. Памятникъ этотъ стóитъ того, чтобы особенно указать на него, тѣмъ болѣе, что онъ сохранился въ рукописномъ сборникѣ, значитъ, находилъ читателей и настолько соотвѣтствовалъ ихъ эстетическому вкусу, что переписывался точно какое либо достойное сбереженія художественное произведеніе (III т.).

Какъ ни благодѣтельно было, по мнѣнію г. Буслаева, вліяніе Византіи на древнюю русскую письменность, однако вліяніе это было слишкомъ одностороние. Въ сущности, византійское вліяніе сдѣлало то, что наша свѣтская литература должна была совершенно прекратиться, и только XVII вѣкъ, внесшій въ русскую жизнь другія идеи и противопоставившій вліяніе Запада вліянію византійскому, помогъ выйти русской письменности изъ узкой рамки, въ которую, такъ сказать, втиснуто было наше народное творчество. Византійское вліяніе убило все жизненное въ древней русской письменности, которая могла, при постоянныхъ сношеніяхъ съ южными и западными Славянами, получить самостоятельное развитіе много раньше, чѣмъ это произошло на самомъ дѣлѣ, и Россія, безъ этого вліянія, можетъ быть, предупредила бы реформы Петра, сдѣлавъ ихъ болѣе ненужными. При тщательномъ изученіи древнерусской жизни, при близкомъ ознакомленіи съ идеями, руководившими этой жизнью, и только понявъ сущность главнѣйшихъ воззрѣній древне-русскаго человѣка, мы къ удивленію замѣтимъ, что не татарское владычество было причиной медленнаго и неблагопріятнаго хода нашей исторической жизни до самаго XVIII столѣтія, причиною нашей, рѣзкó-бросающейся въ глаза, отсталости и нашего отчужденія отъ западной образованности, а это мертвящее вѣяніе полувизантійскаго, полуазіятскаго аскетизма, надолго сковавшаго всякое живое движеніе мысли и чувства, — вліяніе идей, занесенныхъ съ Востока, всегда враждебнаго Западу, ибо Западъ долго представлялся воображенію русскаго человѣка страною «прелестною»

и окаянною, и только въ позднѣйшее время получилъ эпитетъ «гнилаго». Неумѣренныя притязанія западнаго духовенства на всемірное владычество поставили Востокъ въ непріязненныя отношенія къ Западу, а потому Россія, вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, примкнувъ къ первому, естественно должна была, по своимъ убѣжденіямъ, сдѣлаться недружелюбною къ послѣднему, и оттого всѣ воззрѣнія, всѣ идеи послѣдняго, даже пріобрѣтенія науки являлись чѣмъ-то «хульнымъ» и проклятымъ. Что Византія остановила наше развитіе въ самомъ зародышѣ, видно изъ того, что, начиная съ XI до XIV вѣка, древнерусская литература успѣла обогатиться пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеній, имѣвшихъ большой кругъ читателей какъ на Западѣ, такъ и между соплеменными намъ Славянами («Троянская исторія», «Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ», «Исторія Девгенія» и пр.); напротивъ, когда заимствованныя отъ Византіи идеи стали преобладать въ древнерусской письменности и общество должно было слѣдовать вкусу представителей образованія, поэтическія произведенія больше не являлись уже на русской почвѣ и къ тѣмъ, которыя имѣлись у насъ до XIV вѣка, не прибавилось почти ничего вплоть до самаго XVII столѣтія. Это послѣднее столѣтіе, силою историческихъ обстоятельствъ, начинало уже сближать Россію съ Западомъ; исключительное вліяніе Византіи, продолжавшее жить преданіемъ, — потому что вошло въ нашу плоть и кровь, — начинало ослабѣвать, но ослабѣвало слишкомъ медленно, и поворотъ къ лучшему казался еще въ непроглядной дали. Жизнь должна была доказать несостоятельность идей, занесенныхъ изъ Византіи, тѣмъ болѣе, что сама Византія уже не существовала; однако, при всемъ томъ, движеніе впередъ совершалось слишкомъ нерѣшительно, робко; Россія шла ощупью, потерявъ въ Византіи путеводную звѣзду, и, не имѣя возможности идти своею дорогою, — потому что эта дорога вела ее къ китайской стѣнѣ,—должна была искать нравственной поддержки извнѣ, должна была обратиться къ «прелестному» Западу и тамъ искать освѣжительныхъ элементовъ. Тогда-то должна была подоспѣть реформа Петра, какъ необходимое требованіе вѣка, хотя общество, спавшее цѣлые вѣка непробуднымъ сномъ, само не сознавало, чего ему недостаетъ, и потому, проснувшись, по старой ненависти къ «гнилому» Западу, испугалось, когда увидѣло, что царь, наученный Нѣмцами, сближаетъ его съ «люторами и цесарцами—папистами.»

Одинъ Новгородъ могъ еще внести нѣкоторые жизненные элемен-

ты въ древнерусское общество и повести его развитіе другимъ путемъ; но Москва, при помощи Татаръ, союзниковъ царя Ивана Васильевича, разрушила послѣднюю надежду Россіи на сближеніе съ образованнымъ міромъ. Торговыя сношенія Новгорода съ Европой дѣлали невозможной національную замкнутость и нетерпимость стараго русскаго общества. Насколько Новгородъ считалъ себя выше Москвы въ духовномъ отношеніи и насколько онъ могъ быть склоненъ къ идеямъ Запада, видно изъ того, что извѣстный «бѣлый клобукъ», бывшій прежде въ Римѣ, перешелъ не въ Византію и не въ Москву, а въ Великій Новгородъ:—а это преданіе, при тогдашней исключительности направленія умовъ, очень много говоритъ въ пользу того, что Новгородъ еще способенъ былъ къ развитію. Новгородъ, быть можетъ, могъ бы двумя столѣтіями предупредить неизбѣжную реформу, начатую Петромъ.

Характеристика народной устной поэзіи и древнерусской литературы составляетъ въ то же время и характеристику древнерусскаго искусства. «Религіозная поэзія среднихъ вѣковъ (говоритъ г. Буслаевъ), находила соотвѣтствующее себѣ выраженіе и въ прочихъ искусствахъ, и особенно въ скульптурѣ и живописи. По малой разработкѣ этого предмета для древней Руси, изслѣдователи становились къ произведеніямъ старинной русской живописи въ ложное отношеніе, зависѣвшее часто отъ субъективныхъ воззрѣній, которыя предварительно уже были составлены подъ вліяніемъ восточнаго или западнаго взгляда. Принято было за аксіому вполнѣ архаическое, въ строгихъ идеяхъ восточнаго исповѣданія окрѣпшее, неподвижное состояніе нашей древней живописи: и одни, подъ вліяніемъ восточнаго взгляда, видѣли въ этой неподвижности непоколебимую твердость религіозныхъ и художественныхъ началъ; другіе, подъ вліяніемъ взгляда западнаго,—грубое коснѣніе при византійскихъ начаткахъ, для развитія которыхъ недоставало древней Руси нравственныхъ силъ (II, 49). Г. Буслаевъ держится середины этихъ двухъ мнѣній и даже признаетъ, что въ XVI и XVII вѣкахъ древне-русская художественная техника оказала значительные успѣхи и что притомъ она имѣла широкія и разнообразныя отношенія къ народному быту, къ вѣрованіямъ, убѣжденіямъ и даже къ поэтическимъ суевѣріямъ древней Руси. Что послѣднее замѣчаніе справедливо, мы не считаемъ нужнымъ говорить; но что касается до значительныхъ успѣховъ старинной живописи, то въ этомъ случаѣ едвали взглядъ западниковъ не будетъ вѣрнѣе даже прими-

рающаго взгляда г. Буслаева. Вспомнимъ одно, что въ Европѣ искуства едвали не раньше духовной литературы выразили протестъ суровому аскетизму. Въ то время, когда Лютеръ еще не думалъ выставлять въ Виттенбергѣ свои 95 тезисовъ, въ Италіи уже явились протестанты и высказали свои человѣческія воззрѣнія на жизнь не словомъ, а рѣзцомъ и кистью, на полотнѣ и въ мраморѣ. Брунелески, Браманте, Лоренцо Гиберти, Донателло, Масаччіо, Фіэсоле, Піэтро-Перуджино, Микель-Анджело, Тиціанъ, Леонардо-де-Винчи, Корреджіо и Рафаэль были такими же реформаторами, какъ и Лютеръ, хотя начали дѣйствовать раньше его. А между тѣмъ наше искуство выражало ту же неподвижность мысли, тотъ же, если можно такъ выразиться, эпическій застой, какъ и вся древне-русская литература, какъ и вся наша историческая жизнь, глохнувшая до самаго XVIII столѣтія. Перемѣна стиля, перемѣна старинныхъ, опять-таки эпическихъ пріемовъ въ живописи влекла за собою наказаніе и преданіе анаѳемѣ. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ искусныхъ живописцевъ посылали «на мытни и на кабаки въ цѣловалники»; а продажею живописныхъ изображеній занимались «прасолы» и «щепетильники», то есть люди, торговавшіе щепнымъ товаромъ, кадками, лопатами и прочими лѣсными издѣліями (см. любопытныя свидѣтельства объ этомъ въ рукопис. Румянц. Музея, по Восток. с. 554 и 775). Іосифъ-изографъ, въ лицѣ Ивана Плѣшковича, обвиняя всѣхъ приверженцевъ эпической старины, дѣлаетъ рѣшительный приговоръ всему древне-русскому искуству, и приговоръ этотъ, писанный въ XVII вѣкѣ, далеко не такъ благосклоненъ, какъ приговоръ, произносимый во второй половинѣ XIX столѣтія. Если Іосифъ, русскій живописецъ временъ Алексѣя Михайловича, рѣзко обвиняетъ общепринятый, освященный вѣками, обычай — изображать человѣческія лица «темнообразными и очадѣлыми», «мрачными и неподоболѣпными», «смуглыми и зловидными», а человѣческіе члены — «скудными и умерщвленными»; если сами прасолы, продававшіе эти изображенія или мѣнявшіе на яйца и на лукъ, задымляли ихъ, чтобъ охотнѣе покупались благочестивыми поборниками старины; если народъ вѣрилъ блуднымъ словамъ щепетильниковъ, будто отъ доброписанія спасенія не бываетъ, а только отъ закоптѣлыхъ и съ неистовыми лицами изображеній; если самъ живописецъ, силившійся выбиться изъ-подъ тяжелаго гнета старины, признается, что господствующій стиль его времени, — «ругательный», — и что всѣ изображенія людей, ри-

сованныя по общепринятымъ образцамъ, похожи на дикихъ звѣрей; если, наконецъ, сами представители тогдашняго искуства произносили надъ своимъ ремесломъ такой жесткій приговоръ (Бусл. II, 399 — 407), то, безъ сомнѣнія, оно стоило еще болѣе жесткаго осужденія. Самъ Іосифъ–изографъ своимъ признаніемъ дѣлаетъ рѣшительно–безполезнымъ всякое сужденіе объ успѣхахъ древне–русскаго искуства. Что оно было народно, какъ народны нынѣшнія лубочныя картины, въ этомъ никто не сомнѣвается; но чтобы оно могло выражать что нибудь другое, кромѣ неподвижности мысли, это такъ же неоспоримо, какъ неоспоримо наконецъ и то, что какъ въ искуствѣ такъ и въ литературѣ только развитая народность можетъ проявляться въ отрадныхъ образахъ. Притомъ, факты на–лицо: оба тома изслѣдованій г. Буслаева, совершенно противъ его воли, убиваютъ его же собственные, благопріятные для нашей старины, выводы, неоспоримо доказывая, что въ искуствѣ и литературѣ только развитой народъ можетъ создать что нибудь достойное сочувствія и памяти.

Вообще мы считаемъ неумѣстнымъ долго останавливаться на сужденіи о достоинствахъ древне-русскаго искуства, потому что рисунки, приложенные къ обоимъ томамъ «Очерковъ» г. Буслаева, говорятъ убѣдительнѣе всякихъ доводовъ. Надѣемся, что всякій, кто смотритъ на неизмѣнные эпическіе пріемы въ литературѣ и искуствѣ, какъ на признаки застоя, раздѣлитъ нашъ взглядъ и на древне–русскую литературу и на древне–русское искуство. Если справедливо мнѣніе, что все историческое существованіе древне–русскаго общества успѣло выработать такъ мало хорошаго, что переходъ отъ XVII къ XVIII столѣтію долженъ былъ ознаменоваться ломкой всего стараго и негоднаго, — къ чему и приступилъ Петръ I–й съ нѣкоторыми изъ болѣе развитыхъ современниковъ, — то неужели литература и искуства, составляющія довольно слабое отраженіе современныхъ понятій и дѣйствительной жизни, могли отразить что нибудь лучше этихъ понятій и этой жизни, которую умѣлъ понять и достойно оцѣнить еще Петръ, чтобъ отвернуться отъ нея? И неужели XIX вѣкъ думаетъ найти въ этомъ прошедшемъ что нибудь дѣйствительно–хорошее? Намъ кажется, что это напрасный трудъ.

Д. МОРДОВЦОВЪ.

ИДЕАЛИЗМЪ ПЛАТОНА.

(Обозрѣніе философской дѣятельности Сократа и Платона, по Целлеру; составилъ Клевановъ).

Есть такія привилегированныя личности, которыхъ имена пользуются особенною, часто незаслуженною и не всегда лестною популярностью. Вы встрѣтите имя такой личности и въ учебникѣ, и въ собраніи анекдотовъ для дѣтей, и, пожалуй, даже на прописяхъ. Дѣйствительная физіономія этой личности отъ частаго употребленія ея имени какъ-то стирается, и замѣняется какимъ-то условнымъ понятіемъ; личность дѣлается представителемъ цѣлаго типа или воплощаетъ въ себѣ какое–нибудь отдѣльное качество и доводитъ его въ себѣ до небывалыхъ и невозможныхъ размѣровъ. Кто напр. въ дни дѣтства или юношества не воображалъ себѣ Баярда представителемъ рыцарства, хотя Баярдъ жилъ въ такое время, когда рыцарство, особенно во Франціи, превращалось уже въ анахронизмъ? Кто не видѣлъ въ Генрихѣ IV, королѣ французскомъ, воплощенія кротости и какого-то простоватаго добродушія? Кто не смотрѣлъ на Платона, Сократа и Сенеку, какъ на свѣтила міра, воплотившія въ себѣ всю мудрость Грековъ и Римлянъ? Эти свѣтила міра, эти фокусы добродѣтели прославляются въ учебникахъ, въ которыхъ конечно вы не найдете о нихъ ничего кромѣ возгласовъ, болѣе или менѣе безцвѣтныхъ и риторичныхъ. Не подражая голословности учебниковъ, многія серьезныя изслѣдованія раздѣляютъ съ ними подобострастное отношеніе къ этимъ избраннымъ личностямъ. Ослѣпленные блескомъ имени, имѣющаго за себя двухтысячелѣтній авторитетъ, изслѣдователи, особенно Нѣмцы, проходя передъ этими личностями, обезоруживаютъ свою критику, скромно потупляютъ взоры, и ограничиваются въ отношеніи къ нимъ ролью почтительнаго и аккуратнаго передатчика. Видно, что надъ ними тяготѣетъ авторитетъ преданія и школы. Излагая исторію греческой философіи, принято какъ-то отнестись покровительственно къ элеатской школѣ, къ Гераклиту и Демокриту, къ Пиѳагору и Анаксагору, потомъ съ негодованіемъ упомянуть о софистахъ, потомъ умилиться надъ личностью и судьбою Сократа, поклониться въ-поясъ Платону, его Димiургу и Идеямъ, на-

звать Аристотеля великимъ ученикомъ его, часто несправедливымъ къ великому учителю; потомъ разругать Эпикура, посмѣяться надъ скептиками и выразить добродѣтельное сочувствіе возвышеннымъ доблестямъ стоиковъ. Это принято; этого требуютъ интересы *нравственности*, которую такъ ревниво берегутъ многіе псевдо-художники и многіе дѣйствительные труженики на обширномъ, и такъ часто неблагодарномъ полѣ науки. Эти нравственныя воззрѣнія, которыя чуть-ли не двѣ тысячи лѣтъ проводятся въ книгахъ и рукописяхъ, часто неимѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросамъ практической нравственности, поставили Сократа и Платона на тотъ несокрушимый пьедесталъ, съ котораго я, конечно, не попытаюсь свести почтенныхъ стариковъ. Пусть они остаются на этихъ пьедесталахъ, но только повыше, подальше отъ насъ; пусть ихъ идеи почитаются святынею, непонятною и непригодною для нашего вѣтрянаго и безнравственнаго вѣка и поколѣнія. Пусть ихъ возвышенный идеализмъ служитъ предметомъ благоговѣнія для немногихъ избранныхъ и пусть эти избранные гонятъ прочь непосвященную чернь, которую такъ не любитъ фешенебельный Горацій, и въ ряды которой охотно вмѣшаемся мы и охотно вмѣшали бы нашего читателя. Но мы не шутимъ мнѣ кажется, что книга г. Клеванова уже по выбору предмета можетъ быть признана высоко-безполезною и безполезно-высокою попыткою популяризировать то, что не можетъ и не должно быть популярно; кто хочетъ писать для всей читающей публики, тотъ долженъ обработать предметъ живою, самородною критикою, взяться за дѣло съ смѣлыми литературными пріемами, произнести свое сужденіе, сказать живое, задушевное слово, хотя бы о мертвомъ и застывшемъ предметѣ. Что же касается до піонеровъ общества, до спеціалистовъ, то врядъ-ли извлеченіе изъ Целлера будетъ для нихъ особенно драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Спеціалисты—народъ упрямый и склонный къ сомнѣнію; они любятъ добираться до источниковъ и не загребаютъ жара чужими руками. Діалектическія тонкости, наполняющія собою большую часть книги г. Клеванова, для публики слишкомъ тонки, безцвѣтны и безцѣльны, слишкомъ недоступны простому здравому смыслу, а для спеціалиста онѣ слишкомъ неновы. Въ одномъ только пунктѣ г. Клевановъ могъ придать своему труду свѣжій колоритъ и живое біеніе; онъ могъ бы показать отношенія Сократа и Платона къ практической дѣйствительности, къ вопросамъ общественной жизни, къ интересамъ народа, отдѣльной личности и государства. Онъ могъ бы

остановиться на практическихъ слѣдствіяхъ идеализма и взвѣсить трезвою критикою особенности того вліянія, которое этотъ идеализмъ могъ оказать на человѣческую личность и на отношенія между людьми въ семействѣ и государствѣ. Г. Клевановъ этого не сдѣлалъ; не сдѣлалъ онъ этого потому, что надъ нимъ тяготѣютъ два авторитета, Платонъ и Целлеръ; чтобы обсудить какъ слѣдуетъ, съ современной или просто съ человѣческой точки зрѣнія поставленные выше вопросы, надо рѣшиться думать своимъ умомъ, а это такая смѣлость, до которой и теперь не всякій охотникъ. Передъ тѣнями Платона и Сократа благоговѣетъ г. Клевановъ; отъ печатной буквы Целлера онъ отступить не рѣшается; при такихъ условіяхъ мудрено сказать живое слово объ идеализмѣ; мудрено во-первыхъ потому, что мысли, взятыя у другаго въ чужихъ рукахъ всегда отзываются холодною сухостью, а во-вторыхъ потому, что Целлеръ, какъ нѣмецкій теоретикъ, разсматриваетъ Платона, любуясь красотою и стройностью системы, и не обращая вниманія на степень ея внутренней состоятельности и практической пригодности. У нѣмецкихъ мыслителей и критиковъ есть одинъ очень честный, но часто донъ-кихотскій пріемъ— становиться на точку зрѣнія противника и сражаться съ нимъ его же оружіемъ. Такимъ путемъ вы можете уличить его въ непослѣдовательности, но не уличите въ непрактичности, потому что практическая жизнь представляется каждому различно, смотря по его темпераменту, по его положенію, по степени и по условіямъ его развитія. Мнѣ кажется, критикъ можетъ идти по другому пути; онъ можетъ не требовать отъ себя полной и безстрастной объективности, не переноситься искуственно въ чужое воззрѣніе, и оставаться полнымъ человѣкомъ съ живыми убѣжденіями, съ ясно-обозначенными и ни мало нескрываемыми симпатіями и антипатіями. Онъ можетъ представить читателю сущностъ разбираемыхъ имъ мыслей, потомъ развить свои идеи, показать между тѣми и другими точки соприкосновенія и разногласія, защитить свои положенія отъ нападковъ и возраженій, могущихъ придти на умъ читателю и наконецъ представить самому читателю выборъ между нимъ и предметомъ его рецензіи.

«Du choc des opinions jaillit la vérité», говоритъ извѣстная поговорка, и если это изрѣченіе справедливо, то объективность не всегда можетъ быть признана въ критикѣ великимъ достоинствомъ. Трудно быть субъективнѣе Маколея, а между тѣмъ никто не упрекнетъ зна-

менитаго историка ни въ пристрастіи, ни въ узкой односторонности. Личности оживаютъ подъ его перомъ и отдаютъ полный отчетъ въ своихъ поступкахъ, въ своихъ мысляхъ и побужденіяхъ; передъ глазами читателя происходитъ величавый процессъ, въ которомъ живой и умный Англичанинъ, ораторъ и парламентскій боецъ, является то обвинителемъ, то адвокатомъ выводимой личности, смотря по тому, куда влечетъ его голосъ совѣсти и личнаго убѣжденія. Кромѣ описываемой и разбираемой исторической личности, читатель видитъ передъ собой образъ критика, видитъ, какъ мѣняется, выраженіе этого умнаго и подвижнаго лица, слышитъ въ его дикціи то сочувствіе, то негодованіе, то иронію, то одушевленіе, которыя возбудили бы во всякомъ энергическомъ человѣкѣ тѣ или другія явленія жизни и человѣческой мысли.—Излишнее увлеченіе можетъ, конечно, повредить ясности взгляда, но съ даровитымъ критикомъ этого случиться не можетъ. У кого дѣятельность анализирующей мысли преобладаетъ надъ потребностью самостоятельнаго творчества, кто по темпераменту болѣе критикъ, чѣмъ художникъ, тотъ даже въ минуту энтузіазма не вдается въ фантазерство. Въ эти минуты, когда полнѣе дышетъ грудь, когда живѣе бьется сердце, въ эти минуты быстрѣе работаетъ мозгъ, смѣлѣе и оригинальнѣе льются мысли, и кропотливый контроль надъ этою ускоренною дѣятельностью анализирующаго ума оказывается такъ же безполезенъ, какъ безполезно труженическое шлифованіе лирическихъ стиховъ, вылившихся изъ души истиннаго поэта въ минуты искренняго волненія. Талантъ всегда имѣетъ свою оригинальную физіономію, и ему трудно отрѣшиться отъ этой физіономіи; что бы онъ ни писалъ, художественное ли произведеніе или критическое изслѣдованіе, онъ положитъ на него свою печать и не погонится за искуственнымъ спокойствіемъ тона и за умышленною объективностью. Когда говорятъ о Платонѣ, то всякій развитой человѣкъ понимаетъ, что отъ него нельзя требовать того, чего мы теперь потребовали бы отъ любаго студента; никто не думаетъ сравнивать его даже съ какимъ нибудь современнымъ обскурантомъ, никто не ставитъ ему въ вину ребячество многихъ его политическихъ воззрѣній и тенденцій; но, воля ваша, признавая его сыномъ своего народа и своей эпохи, мы не можемъ относиться съ почтительною и безстрастною вѣжливостью къ его нравственнымъ и политическимъ теоріямъ. Предметъ близокъ къ сердцу, потому что Платонъ захватываетъ въ свои изслѣдованія такіе вопросы, которые постоянно

на очереди, и которые человѣчество въ каждомъ поколѣніи рѣшаетъ и перерѣшаетъ по-своему. Къ такимъ вопросамъ остается совершенно равнодушною только кабинетная ученость почтеннаго Целлера и похвальная скромность его усерднаго послѣдователя, г. Клеванова. Въ благоговѣніи къ Платону, выражающемся въ книгѣ г. Клеванова, не слышно горячаго сочувствія; г. Клевановъ на каждой страницѣ свидѣтельствуетъ Платону свое почтеніе, но ни разу, излагая его мысли, не обнаруживаетъ того воодушевленія, съ которымъ живой человѣкъ всегда выскажетъ свою задушевную мысль, свое завѣтное убѣжденіе. Языкъ г. Клеванова вездѣ остается гладокъ, ровенъ, методиченъ; мысли медленно развиваются одна изъ другой; изложеніе ясно, правильно, вяло и утомительно. Съ этой минуты я могу устранить личность г. Клеванова изъ моей критической статьи; онъ вѣрно слѣдуетъ Целлеру и передаетъ мысли Платона, не разбирая ихъ и не обнаруживая къ нимъ дѣйствительнаго сочувствія. По общему тону изложенія можно предположить, что г. Клевановъ идеалистъ, но дальнѣйшее разъясненіе этого вопроса представляетъ такъ мало общаго интереса, что мы предпочитаемъ перейдти къ самому Платону. Въ личности этого греческаго философа можно видѣть на первомъ планѣ сильное поэтическое дарованіе, т. е. богатую фантазію и огромное стремленіе къ творчеству. Съ отзывчивостью, свойственною поэту, Платонъ откликнулся всею своею жизнью, всею дѣятельностью на самый животрепещущій интересъ эпохи, воплотившійся въ личности Сократа. Дѣло Сократа было дѣйствительно такъ красиво и величественно на взглядъ, что имъ не мудрено было увлечься. Человѣкъ незнатный, небогатый, неученый, невзрачный, берется быть учителемъ нравственности для цѣлаго народа, старается влить живые соки въ истощенное національное сознаніе, побѣждаетъ одною непосредственною искренностью убѣжденій знаменитѣйшихъ діалектиковъ своего времени, перетягиваетъ на свою сторону всю даровитую молодежь и наконецъ падаетъ жертвою реакціи и до конца жизни сохраняетъ непоколебимую твердость и спокойное присутствіе духа. Смерть Сократа часто обезоруживаетъ даже новѣйшую критику, готовую приступить съ анатомическимъ ножомъ къ диссекціи его философской системы. Философія Сократа, говорятъ многіе, хороша уже потому, что поддержала его въ минуту смерти; онъ своею мученическою кончиною, говорятъ многіе, запечатлѣлъ свое ученіе. Этотъ аргументъ будетъ имѣть свою силу, если мы безусловно при-

мемъ положеніе Сократа о томъ, что знать истину и дѣлать добро одно и то же; но мы этой ошибки не сдѣлаемъ, и съумѣемъ конечно отдѣлить область воли отъ области знанія. Сократъ умеръ какъ мужчина, потому что былъ мужчиною, а не потому что его поддерживали въ минуту смерти положенія его философіи. Одна и та же мысль производитъ на различныхъ людей различное впечатлѣніе; изъ одной и той же школы выходятъ люди съ различными наклонностями и стремленіями; человѣкъ не пустая бутылка, въ которую можно влить какую угодно жидкость. Смерть Сократа рисуетъ только личность этого человѣка, не говоря ничего ни *pro*, ни *contra* его ученія. Смерть Сократа доказываетъ, что Сократъ былъ не фразеръ, но не говоритъ намъ, что онъ не могъ ошибиться въ теоріи или въ жизни. Факты подтверждаютъ мое мнѣніе о томъ, что честность и стойкость Сократа принадлежали его личности, а не его ученію. Въ числѣ учениковъ и друзей Сократа мы находимъ Алкивіада и Критія, главнаго предводителя олигархіи, одного изъ 30-ти тиранновъ, человѣка, котораго имя по справедливости было ненавистно его современникамъ и согражданамъ. Ни Алкивіадъ, ни Критій не отличались ни политическою честностью, ни стойкостью убѣжденій, стало быть ученіе Сократа оказалось несостоятельнымъ, когда нужно было исправлять нравственность и передѣлывать природу человѣка. Но тѣмъ не менѣе, личность Сократа не могла не зарекомендовать въ глазахъ Платона проповѣдуемаго имъ ученія; Платонъ увлекся личностью и сдѣлался ея ревностнымъ прозелитомъ тѣмъ болѣе, что философія Сократа открывала широкій просторъ фантазіи и творчеству мысли.

Поэтическій геній Платона получилъ рѣшительный толчокъ и сталъ творить въ томъ направленіи, которое было ему указано любимымъ наставникомъ. Во всемъ этомъ еще не было большой бѣды, хотя, быть можетъ, позволительно пожалѣть о томъ, что поэтъ оставилъ свѣтлый міръ образовъ и картинъ и переселился въ возвышенныя, но холодныя сферы отвлеченной мысли. Красота, къ которой Платонъ стремился какъ художникъ, стала являться ему, отрѣшенная отъ всякой внѣшней формы, или вѣрнѣе, онъ самъ старался отрѣшить ее отъ формы, проникнуть въ ея общую сущность, уловить ее въ полной отвлеченности. Началось стремленіе къ идеалу, т. е. къ призраку, къ галлюцинаціи. Богатая полнота жизни, рельефность матеріи, переливы линій и красокъ, пестрое разнообразіе явленій, все, чѣмъ красна и полна наша жизнь, стало казаться Платону зломъ, ширмою,

за которою насильно скрыта, какъ красавица въ заколдованномъ тереме, истина міра, нетлѣнная, неизмѣнная, вѣчная красота. Пылкая фантазія усилила эти мечты; галлюцинація Платона дошла дотого, что онъ вѣрилъ въ дѣйствительное существованіе идеи отдѣльно отъ явленія; идеализмъ сразу поднялся на такую поэтическую высоту вымысла и вмѣстѣ съ тѣмъ сразу дошелъ до такого полнаго отрицанія самыхъ элементарныхъ свидѣтельствъ опыта, какого вѣроятно онъ не достигалъ никогда ни прежде, ни послѣ Платона. Подъ творческою, размашистою кистью его создалась цѣлостная, фантастически-величественная картина міра; Димiургъ, идеи, міровая душа, масса матеріи съ ея тупою инерціею, звѣзды и свѣтила, живущія своею жизнью и мыслящія въ безконечномъ пространствѣ — все это создается подъ перомъ Платона, начинаетъ жить и дышать, все это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будтобы оно дѣйствительно существовало, и все это только потому, что Платонъ крѣпко вѣритъ въ свое созданіе, да еще потому, что Платонъ великій художникъ, подобный Гомеру, Данту или Мильтону. Вся физика Платона есть чистое созданіе фантазіи, недопускающее въ слушателѣ тѣни сомнѣнія, неопирающагося ни на одно свидѣтельство опыта, развивающееся само изъ себя и основанное на одной діалектической разработкѣ идеи, положенной въ основаніе. Платонизмъ есть религія, а не философія, и вотъ почему онъ имѣлъ такой громадный успѣхъ въ мистическую эпоху паденія язычества; вотъ почему онъ сохраненъ и взлелѣянъ византійскими учеными, переданъ Италіи и Европѣ въ эпоху возрожденія, поставленъ на незыблемый пьедесталъ и подъ разными именами живетъ и теперь. У кого нѣтъ самостоятельнаго творчества, тотъ примыкаетъ къ чужой фантазіи и дѣлается ея адептомъ. Изъ многихъ подобныхъ фантазій, фантазія Платона отличается высокимъ полетомъ мысли и смѣлою концепціею общей картины. Немудрено, что къ его идеямъ примыкаютъ съ полнымъ сочувствіемъ многіе мистики, отличающіеся развитымъ умомъ и тонкимъ эстетическимъ чувствомъ. Платонъ вѣрилъ въ созданія своей фантазіи; онъ считалъ ихъ за безусловную истину, и ни разу не становился къ нимъ въ критическія отношенія; одна секунда сомнѣнія, одинъ трезвый взглядъ могли разрушить все очарованіе и разсѣять всю яркую и великолѣпную галлюцинацію. Но этой роковой секунды въ его жизни не было, и на всѣхъ сочиненіяхъ Платона легла печать самой фантастической и въ то же время спокойной вѣры въ непогрѣшимость своей мысли и въ дѣйствитель-

ность вызванныхъ ею призраковъ. Вѣра въ самого себя тѣсно связана съ умственною нетерпимостью, а умственная нетерпимость ждетъ только удобнаго случая, чтобы воздвигнуть дѣйствительное гоненіе на диссидентовъ. Пока Платонъ остается въ сферахъ отвлеченной мысли, или, вѣрнѣе, свободнаго вымысла, до тѣхъ поръ онъ является чистымъ поэтомъ. Когда онъ входитъ въ область существующаго, онъ становится доктринеромъ. Какъ вамъ понравится напр. понятіе Платона о любви! Онъ, въ бесѣдѣ «Пиршество» опредѣляетъ любовь, какъ стремленіе конечныхъ существъ обезсмертить и увѣковѣчить себя въ постоянно новыхъ порожденіяхъ. Первая степень любви, по мнѣнію Платона, есть любовь къ прекраснымъ чувственнымъ формамъ; вторая — любовь къ прекраснымъ душамъ; третья и высшая степень любви—къ прекраснымъ наукамъ, и наконецъ, какъ результатъ и вѣнецъ дѣла, любовь къ идеѣ, которая порождаетъ истинное познаніе и истинную добродѣтель « (стр. 128.). Очень понятно, что у человѣка, дошедшаго до этой высшей квинтессенціи любви, не должно быть мѣста для любви къ женщинѣ; стало быть, нравственное оскопленіе человѣчества во имя идеи должно быть конечною цѣлью нормальнаго развитія. Вотъ къ какимъ красивымъ результатамъ приводитъ доктринерское желаніе внести общую, искуственно-созданную идею во всѣ живыя явленія и отправленія жизни. Доктринерство Платона идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и даже съ его собственнымъ жизненнымъ опытомъ. Какъ художникъ, Платонъ былъ очень воспріимчивъ къ пластической красотѣ; какъ здоровый и сильный мужчина, развившійся подъ небомъ цвѣтущей Греціи, онъ не думалъ останавливать своихъ эротическихъ стремленій и любовь къ идеѣ не мѣшала ему любить направо и налѣво... отдавая дань эпохѣ и народу... Но зло было сдѣлано; зерно аскетизма и вражды къ матеріи было брошено; въ эпоху римской имперіи оно разрослось въ ученія новопиѳагорейцевъ и новоплатониковъ, и, опираясь на Платона, принесло человѣчеству обильный плодъ добровольныхъ заблужденій и безсмысленныхъ самоистязаній. Кто не былъ поэтомъ, подобно Платону, тотъ требовалъ отъ себя послѣдовательности и страдалъ отъ разлада, существовавшаго между идеею и жизнью, не понимая того, что идея берется изъ жизни, а не жизнь располагается по данной программѣ. Для такого человѣка являлась необходимость бороться съ самимъ собою, и лучшія силы несчастнаго идеалиста уходили на безплодную нравственную гимнас—

тику, на отчаянную ломку, на искорененіе страстей, на сглаживаніе самыхъ своеобразныхъ и жизненныхъ чертъ своей физіономіи. Такого рода идеализмъ тяготѣлъ надъ Рудиными и Челкотуриными прошлаго поколѣнія; онъ породилъ нашихъ грызуновъ и гамлетиковъ, людей съ ограниченными умственными средствами и съ безконечными стремленіями. Смѣшно выводить этихъ господъ отъ Платона, но можно замѣтить, что эти дряблыя и хилыя личности страдаютъ именно тою болѣзнью, которую Платонъ воспѣлъ въ своихъ философскихъ твореніяхъ, какъ лучшую принадлежность человѣчества и какъ единственное отличіе человѣка отъ животнаго. Доктринерство Платона проходитъ чрезъ все его нравственное ученіе. Платонъ здѣсь, какъ и въ своей физикѣ, не смотритъ на то, что даетъ жизнь; онъ не изучаетъ естественныхъ стремленій человѣческой природы, да и къ чему изучать? Абсолютная истина, въ существованіе которой всею душою вѣритъ поэтъ-мыслитель, находится не въ явленіи, а гдѣ то внѣ его, высоко и далеко, въ такихъ сферахъ, куда можетъ залетѣть пылкое воображеніе, но куда не поведетъ критическое изслѣдованіе, основанное на изученіи фактовъ. Платонъ считаетъ себя полнымъ обладателемъ этой драгоцѣнной, хотя и невѣсомой истины; онъ утверждаетъ, правда, «что душѣ въ здѣшней жизни невозможно достигнуть вполнѣ чистаго воззрѣнія на истину» (стр. 141.); но это положеніе вовсе не ведетъ къ тѣмъ слѣдствіямъ, какихъ можно было отъ него ожидать; видно, что оно не проникаетъ особенно глубоко въ сознаніе Платона; Платонъ допускаетъ то обстоятельство, что смерть можетъ открыть его духу болѣе обширный міръ знаній, но не видно, чтобы онъ сознавалъ неудовлетворительность своего наличнаго капитала; не видно, чтобы онъ сомнѣвался въ вѣрности своихъ идей; то, что онъ знаетъ или создаетъ творческою фантазіею, кажется ему безусловно вѣрнымъ и не допускаетъ надъ собою никакого контроля. Вслѣдствіе этого, Платонъ говоритъ въ своей нравственной философіи: должно думать такъ-то, поступать такъ-то, стремиться къ тому-то. Эти приказанія отдаются человѣчеству съ высоты философской мысли, не допускаютъ ни комментаріевъ, ни возраженій и требуютъ себѣ безусловнаго повиновенія. Черты народнаго характера, коренныя свойства человѣческой природы возмущаются противъ этихъ указовъ Платона, но это нисколько не смущаетъ гордаго мыслителя, упоеннаго созерцаніемъ своихъ твореній.

Все, что не согласно съ его инструкціями, признается ложнымъ,

случайнымъ, назаконнымъ, препятствующимъ общему благу всего человѣчества. А кто же, спросите вы, создалъ это понятіе общаго блага? Генералъ отъ философіи Платонъ, отвѣчу я,—и бѣдное человѣчество, опекаемое его неусыпными трудами, лишено даже права голоса въ такомъ дѣлѣ, которое называется его общимъ благомъ. Добро, по словамъ Платона, должно быть предметомъ всякой человѣческой дѣятельности; къ добру долженъ стремиться каждый человѣкъ, потому что обладаніе добромъ составляетъ собою благополучіе (стр. 209.) Добро или благо—понятіе чрезвычайно широкое и способное расширяться до безконечности; для голоднаго кусокъ хлѣба есть высшее благо; для влюбленнаго благосклонный взглядъ любимой женщины, для служащаго человѣка вниманіе начальника, повышеніе въ чинѣ и орденъ въ петличку, для поэта—минута творчества, и т. д. и т. д. И всѣ эти господа правы съ своей точки зрѣнія; и если мы отнесемся иронически ко многимъ людскимъ стремленіямъ и въ то же время съ уваженіемъ упомянемъ о другихъ, то мы сдѣлаемъ это только потому, что сами стоимъ ближе къ однимъ, и можемъ ихъ лучше понимать и полнѣе имъ сочувствовать. Если одинъ гастрономъ любитъ пить за обѣдомъ хересъ, а другой портвейнъ, то, вѣроятно, въ цѣломъ мірѣ не найдется такого критика, который могъ бы доказать ясно и осязательно, что одинъ изъ двухъ любителей правъ, а другой ошибается. По логическому закону надо допустить, что предпочтеніе г. А. къ хересу, а г. Б. къ портвейну происходитъ или отъ физіологической причины, т. е. отъ особенностей нёба, гортани, или желудка, или отъ исторической причины, т. е. отъ пріобрѣтенной привычки. Пристрастіе г. А. къ хересу, а г. Б. къ портвейну можетъ подвергнуть того и другаго разнымъ непріятностямъ и испытаніямъ. Если г. А. попадетъ въ общество любителей портвейна, то, при неумѣніи нашего общества уважать чужое мнѣніе, вкусъ его найдутъ страннымъ, быть можетъ, даже испорченнымъ; вокругъ него будутъ пожимать плечами, на него будутъ смотрѣть удивленными глазами; далѣе, если г. А. попадетъ въ какой нибудь маленькій уѣздный городокъ, въ которомъ нѣтъ порядочнаго хереса, то ему будетъ предстоять печальная альтернатива, отказаться отъ любимаго напитка и приняться за другое вино, или остаться вѣрнымъ самому себѣ и съ несокрушимою твердостью переносить лишеніе. Находясь въ положеніи г. А., одни пошли бы по одному пути, другіе по другому, и мнѣ кажется,

можно выразить предположенiе, что ни тѣхъ, ни другихъ не осудило и не прославило бы общественное мнѣнiе. Но вотъ въ чемъ бѣда: когда надо судить о хересѣ и портвейнѣ, мы остаемся спокойными, хладнокровными, мы разсуждаемъ просто, здраво и довольно искусно, хотя часто безсознательно, владѣемъ дiалектическимъ оружiемъ; но когда заходитъ рѣчь о высокихъ предметахъ, тогда мы сейчасъ же принимаемъ постную физiономiю, становимся на ходули и начинаемъ говорить высокимъ слогомъ, согласно съ эстетическими требованiями прошлаго столѣтiя. Мы позволяемъ нашему ближнему имѣть свой вкусъ въ отношенiи къ закускѣ и дессерту, но бѣда ему будетъ, если онъ выразитъ самостоятельное мнѣнiе о нравственности, и еще болѣе бѣда, чуть не побiенiе камнями, или *Камнемъ*, если онъ проведетъ свои идеи въ жизнь, даже въ своемъ домашнемъ быту. Если взвѣсить дѣло простымъ здравымъ смысломъ, то мы имѣемъ право требовать отъ нашего сосѣда только того, чтобы онъ не вредилъ нашей особѣ матерiальнымъ насилiемъ, чтобы онъ не портилъ умышленно нашей собственности, и чтобы онъ не присвоивалъ ее себѣ мошенническими продѣлками. Разсуждать о его поведенiи внѣ этихъ трехъ случаевъ мы конечно имѣемъ полное право, потому что, сколько мнѣ кажется, нѣтъ той вещи въ мiрѣ, которую нельзя было бы взять предметомъ разговора или критическаго анализа. Но разсуждая такимъ образомъ о личности и поведенiи нашего сосѣда, мы должны помнить, если желаемъ быть логичны, что наши сужденiя о его нравственности настолькоже имѣютъ безусловное значенiе, насколько имѣетъ его напр. мнѣнiе о томъ, что брюнетки красивѣе блондинокъ или наоборотъ. Вѣдь пора же наконецъ понять, господа, что общiй идеалъ такъ же мало можетъ предъявить правъ на существованiе, какъ общiе очки, или общiе сапоги, сшитые по одной мѣркѣ и на одну колодку. Если вы станете носить чужiе очки, вы испортите глаза, если пройдете верстъ пять въ чужихъ сапогахъ, вы въ кровь изотрете ноги, если вы навяжете себѣ на спину котомку чужихъ убѣжденiй, вы изнеможете подъ этою неестественною обузою; вы выбьетесь изъ силъ, поправляя и привязывая ее къ себѣ покрѣпче, а кончится все-таки тѣмъ, что котомка отвалится, и пропадетъ гдѣ нибудь на пыльной дорогѣ, но воротить потраченныя силы часто бываетъ очень мудрено, воротить потерянное время всегда невозможно и свѣжесть первой молодости, довѣрiе къ самому себѣ почти всегда отрывается вмѣстѣ съ котомкою идеала и вмѣстѣ съ нею заваливается въ дорожной пыли.

Надо же наконецъ понять, что идеалъ не есть даже отвлеченное понятіе, а просто сколокъ съ другой личности; всякій идеалъ имѣетъ своего автора, какъ всякая народная пѣсня имѣетъ нетолько родину, но даже и составителя. Добраться до имени того и другаго всегда бываетъ очень трудно, и въ большей части случаевъ совершенно невозможно; но, составляя нравственный портретъ одного лица, портретъ иногда польщенный, иногда просто обезцвѣченный, идеалъ годится только для того, съ кого онъ снятъ, или для тѣхъ людей, которые совершенно подходятъ къ нему по темпераменту, по внѣшнему положенію и по внутреннимъ силамъ. Но трудно найти двухъ людей, совершенно сходныхъ лицомъ; полное же нравственное сходство двухъ самостоятельно развившихся личностей составляетъ такое рѣдкое явленіе, какого, кажется, и не встрѣтишь во всей исторіи человѣчества; есть много безцвѣтныхъ и безличныхъ субъектовъ, задавленныхъ какими нибудь внѣшними обстоятельствами, пригнанныхъ на одну колодку общественною дисциплиною или отшлифованныхъ на одинъ образецъ тираническими законами моды и этикета; посмотришь на нихъ,—они всѣ покажутся похожими между собою и лицомъ, и голосомъ и манерами; всякая оригинальность, выражающаяся въ образѣ жизни, въ прическѣ, въ одеждѣ кажется въ подобномъ обществѣ дерзостью, нарушеніемъ закона, оскорбленіемъ нравственности. Живой человѣкъ съ сожалѣніемъ посмотритъ на такое общество; зачѣмъ, подумаетъ онъ, эти господа добровольно поддерживаютъ придуманные законы, отъ которыхъ каждому отдѣльному лицу приходится терпѣть лишенія? Этотъ вопросъ, вѣроятно, кажется вамъ здравымъ, а между тѣмъ всѣ эти господа, стѣсняющіе свою личную свободу во имя придуманныхъ или наслѣдованныхъ законовъ, всѣ до послѣдняго идеалисты, хотя конечно многіе изъ нихъ и не слыхали никогда этого слова. Наше свѣтское общество, нашъ beau monde биткомъ набиты идеалистами, сознательно и безсознательно стремящимися къ отвлеченному совершенству. Un jeune homme comme il faut, une jeune personne charmante, эти два почетные титула, которыми награждаетъ общество за усердное исполненіе его устава, составляютъ въ то же время заглавіе двухъ идеаловъ, къ которымъ, смотря по различію половъ, стремятся множество молодыхъ людей, одаренныхъ свѣжими силами и задатками развитія. Эти молодые люди гибнутъ въ нравственномъ отношеніи, сохнутъ и мельчаютъ, оттого что стараются во имя идеала уничтожить свою личность или тѣ зародыши, изъ которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ,

могла бы развиться самостоятельная индивидуальность. Множество браковъ по расчету, множество продѣлокъ сомнительнаго свойства, множество дуэлей дѣлаются не для удовлетворенія той или другой страсти, а во имя идеала, или изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, стоящимъ у подножія воздвигнутаго имъ кумира. «Это принято,» «это не принято», вотъ тѣ слова, которыми въ большей части случаевъ рѣшаются житейскіе вопросы; рѣдко случается слышать энергическое и честное слово: я такъ хочу или не хочу, а между тѣмъ, каждый имѣетъ разумное право произнести это слово, когда дѣло идетъ о немъ и объ его личныхъ интересахъ. Принято и не принято значитъ другими словами согласно и не согласно съ моднымъ идеаломъ, слѣдовательно идеализмъ тяготѣетъ надъ обществомъ, и, сковывая индивидуальныя силы, препятствуетъ разумному и всестороннему развитію. Отвергая общій идеалъ, я не думаю отвергать необходимость и законность самосовершенствованія. Я не считаю стремленіе къ совершенству обязанностью человѣка. Сказать, что это обязанность, такъ же смѣшно, какъ сказать, что человѣкъ обязанъ дышать и принимать пищу, рости кверху и толстѣть въ ширину. Самосовершенствованіе дѣлается такъ же естественно и непроизвольно, какъ совершаются процессы дыханія, кровообращенія и пищеваренья. Чѣмъ бы вы ни занимались, вы съ каждымъ днемъ пріобрѣтаете бóльшую техническую ловкость, большій навыкъ и опытность. Это дѣлается совершенно безсознательно и помимо вашего желанія, и это правило можетъ быть примѣнено нетолько къ какому нибудь ремеслу, но и къ жизни. Всѣ мы, несмотря на различіе состоянія, образованія и положенія въ обществѣ, живемъ мыслью и чувствами, хотя дѣятельность нашей мысли тратится на самые разнородные интересы, и хотя дѣятельность нашихъ чувствъ возбуждается самыми разнокалиберными предметами. Всѣ мы воспринимаемъ и переработываемъ впечатлѣнія и, чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ бóльшую тнхническую ловкость мы пріобрѣтаемъ въ этомъ занятіи. Существованіе житейской опытности не подлежитъ сомнѣнію; ее признаютъ и уважаютъ грамотный и неграмотный, образованный европеецъ и австралійскій дикарь; эта опытность есть результатъ самосовершенствованія; процессъ ея пріобрѣтенія есть процессъ безсознательнаго, чисто растительнаго умственнаго развитія; этотъ процессъ можетъ встрѣтить себѣ случайное содѣйствіе или случайное препятствіе въ окружающей обстановкѣ, точно также какъ процессъ пищеваренія можетъ быть нарушенъ нездоровою пищею или возстано-

вленъ моціономъ и воздержаніемъ. Наблюденія надъ природою человѣка, приведенныя въ систему и составившія собою собирательную науку, медицину, указываютъ на тѣ предметы и на тѣ отправленія, которые вредятъ человѣческому организму или приносятъ ему пользу. Сообразуясь съ предписаніями науки, человѣкъ можетъ вести правильный образъ жизни, сберегающій его силы и содѣйствующій его физическому благосостоянію. Но ни одинъ порядочный медикъ не предпишетъ всѣмъ своимъ паціентамъ общую гигіену; онъ непремѣнно изучитъ сначала темпераментъ каждаго и потомъ расположитъ свои предписанія, сообразуясь съ собранными матеріалами. Въ образованномъ обществѣ люди вообще больше думаютъ о себѣ, нежели въ простомъ народѣ, отчасти потому, что на это представляется больше средствъ и досуга, отчасти потому, что образованіе развиваетъ и укрѣпляетъ самосознаніе. Образованный классъ болѣе простаго народа заботится о своемъ здоровьѣ, поддерживаетъ его искуственными средствами, и разными предосторожностями старается предотвратить могущее произойти разстройство. Точно такія же гигіеническія мѣры по отношенію къ своему умственному развитію и нравственному совершенствованію принимаетъ человѣкъ, сознавшій въ себѣ умственную личность и заботящійся о нормальности своихъ интеллектуальныхъ отправленій. Положимъ, я созналъ въ себѣ стремленіе и способность къ научнымъ занятіямъ и, слудуя внутреннему побужденію, принимаюсь читать и изучать историковъ и мыслителей. Не поставлю же я себѣ, подобно Берсеневу, идеаломъ Т. Н. Грановскаго или П. Н. Кудрявцева? Не стану же я подражать ни Маколею, ни Нибуру, ни Тьери, ни Гизо, какъ бы велико ни было мое уваженіе къ этимъ передовымъ представителямъ человѣческой мысли. Я себѣ не поставлю впереди никакой цѣли, не задамся никакою предвзятою идеею; я не знаю, къ какимъ результатамъ я приду, и меня вовсе не занимаетъ вопросъ о томъ, что я сдѣлаю въ жизни; меня занимаетъ самый процессъ дѣланія, я вижу, что никому не мѣшаю своею дѣятельностью и на этомъ основаніи считаю себя правымъ передъ собою и передъ цѣлымъ міромъ; я работаю и стараюсь облегчить себѣ трудъ, или, (что то же самое) вынести изъ каждаго своего усилія возможно большее количество наслажденія; это, по моему мнѣнію, альфа и омега всякой разумной человѣческой дѣятельности. Процессъ умственнаго развитія и нравственнаго совершенствованія допускаютъ нѣкоторые гигіеническіе пріемы, но конечно одни и тѣ же

пріемы не могутъ быть примѣнены даже къ двумъ недѣлимымъ. Эти пріемы состоятъ, конечно, не въ томъ, чтобы пригонять личность къ извѣстному образцу; основанные на изученіи самаго недѣлимаго, эти пріемы клонятся только къ тому, чтобы дать больше простора и разгула индивидуальнымъ силамъ и стремленіямъ. Эмансипировать собственную личность не такъ просто и легко, какъ кажется; въ насъ много умственныхъ предубѣжденій, много нравственной робости, мѣшающей намъ свободно желать, мыслить и дѣйствовать; мы сами добровольно стѣсняемъ себя собственнымъ вліяніемъ на свою личность; что бы избѣгнуть такого вліянія, чтобы жить своимъ умомъ въ свое удовольствіе, надо значительное количество естественной или выработанной силы, а чтобы выработать эту силу, надо можетъ быть пройти цѣлый курсъ нравственной гигіены, который кончится не тѣмъ, что человѣкъ приблизится къ идеалу, а тѣмъ, что онъ сдѣлается *личностью*, получитъ разумное право и сознаетъ блаженную необходимость быть самимъ собою. — Я стану избѣгать вреднаго для меня общества пустыхъ людей по тому же побужденію, по которому съ простуженными зубами не подойду къ открытому окну, но я нисколько не возведу этого себѣ въ добродѣтель, и не найду нужнымъ, чтобы другіе подражали моему примѣру. Надѣюсь, что я достаточно оттѣнилъ различіе, существующее между стремленіемъ къ идеалу и процессомъ самосовершенствованія. Вѣроятно, я не сказалъ ничего новаго, но я полагаю, что всякое самостоятельное убѣжденіе имѣетъ право выразиться въ словѣ, хотя бы сотни людей исповѣдывали его впродолженіи десятковъ и сотенъ лѣтъ. Кромѣ того, вопросъ объ идеализмѣ живетъ и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать мистическія теоріи и неосуществимыя стремленія; стало быть разъясненіе этого вопроса, какъ бы ни было оно слабо и поверхностно, теперь еще не можетъ быть излишнимъ и несвоевременнымъ. Возвращаюсь къ нравственной философіи Платона. Какъ я уже говорилъ выше, добро, по мнѣнію Платона, должно быть для человѣчества предметомъ дѣятельности и источникомъ высшихъ наслажденій. *Понятіе* добра существуетъ у него какъ абсолютная идея и не приводится ни въ малѣйшую зависимость отъ личности и положенія *понимающаго* субъекта. Что это самостоятельное, абсолютное понятіе добра на самомъ дѣлѣ есть произведеніе мозга Платона, это кажется не требуетъ доказательства; человѣкъ мыслитъ только своимъ мозгомъ, точно также какъ онъ варитъ пищу только своимъ желудкомъ и ды-

шитъ только своими легкими. Любопытно замѣтить, что Платонъ, ставящій служеніе добру въ непремѣнную обязанность всему человѣчеству, самъ не вполнѣ выяснилъ себѣ свои собственныя представленія о сущности и физіономіи этого добра. Въ своихъ бесѣдахъ *Теететъ* и *Федонъ*, и въ трактатѣ о *Государствѣ* Платонъ смотритъ на всѣ чувственныя явленія какъ на зло, на наше тѣло какъ на враждебное начало, на нашу жизнь какъ на время заточенія въ глубокомъ и мрачномъ вертепѣ. Смерть представляется минутою освобожденія, такъ что при этомъ воззрѣніи остается только непонятнымъ, почему Платонъ не ускорилъ для себя этой вожделѣнной минуты, почему онъ въ теоріи не оправдалъ самоубійства, и почему онъ воспѣлъ благость Диміурга, виновника нашего заточенія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ золъ и страданій. Въ другихъ бесѣдахъ Платона, напр. въ *Филебѣ*, высшее добро опредѣляется какъ полное примиреніе чувственнаго начала съ духовнымъ, какъ гармоническое сліяніе того и другаго, и средствами произвести это сліяніе почитаются изящныя искуства и въ особенности музыка. Въ враждебномъ отношеніи Платона къ чувственному міру видно усиліе могучаго ума оторваться отъ родимой почвы, которая его воскормила и возрастила. Поэтъ—мыслитель хочетъ отрѣшиться отъ народнаго характера, отъ колорита окружающей дѣйствительности, отъ своей собственной плоти и крови. Грекъ, гражданинъ свободнаго города, здоровый и красивый мужчина, къ которому по первому призыву соберутся на роскошный пиръ друзья и гетеры, старается, во что бы то ни стало, доказать себѣ, что въ этомъ мірѣ все—зло: и полная чаша вина, и жгучая ласка красивой женщины, иароматъ цвѣтовъ, и звуки лиры, и звучный гекзаметръ, и даже дружба, которая, по мнѣнію Грековъ, была выше и чище любви. Эти усилія доказать себѣ и другимъ то, противъ чего говиритъ свидѣтельство пяти чувствъ, не вызваны никакою дѣйстительною причиною и потому рѣшительно не носятъ на себѣ печати искренняго воодушевленія. Романтизмъ возникаетъ обыкновенно въ эпоху бѣдствій и страданій, когда человѣку нужно гдѣ нибудь забыться, на чемъ нибудь отвести душу; я несчастливъ здѣсь, мнѣ здѣсь душно, тяжело, больно дышать, такъ я успокоюсь по крайней мѣрѣ въ той вѣчно—свѣтлой, вѣчно—тихой и теплой атмосферѣ, которую создастъ мое воображеніе и куда не проникнутъ ни горе, ни заботы, ни стоны страдальцевъ. Романтизмъ искренній, вызванный самою почвою, зарождается въ

эпоху римской имперіи и развивается съ особенною силою въ средніе вѣка; отрицаніе доходитъ до ужасающихъ размѣровъ; пропадаетъ всякая вѣра въ благородныя стороны и побужденія человѣческой природы, и вмѣсто этой здоровой вѣры въ дѣйствительность доходитъ до степени галлюцинаціи вѣра въ дѣйствительное существованіе и недостижимое совершенство призрачнаго, заоблачнаго міра фантазіи. Сенека, Тацитъ, Маркъ—Аврелій въ своихъ сочиненіяхъ выражаютъ съ полною искренностью и съ замѣчательною силою моментъ грусти, негодованія противъ настоящаго и полнаго сомнѣнія въ будущемъ. Новоплатоники, Эссеяне и египетскіе терапевты, средневѣковые рыцари, монахи и отчасти трубадуры воплощаютъ въ себѣ моментъ романтическаго стремленія оторваться отъ дѣйствительности и унестись въ лучшій, сверхчувственный міръ. У всѣхъ этихъ господъ романтизмъ былъ потребностью души; въ Римѣ послѣ Августа порядочному человѣку невозможно было жить полною жизнью; каждый день совершались самыя отвратительныя злодѣянія: предательства, доносы, пытки, казни, игры гладіаторовъ, истязанія рабовъ, апоѳеозы разныхъ нравственныхъ уродовъ и кретиновъ—все это поневолѣ должно было ожесточить самаго добродушнаго оптимиста. Мыслящимъ людямъ того времени оставались только двѣ дороги: или удариться въ самый широкій разгулъ чувственности, или дать полную свободу своему воображенію, утѣшаться его свѣтлыми созданіями и во имя этихъ созданій вступить въ открытую вражду со всею дѣйствительностью, начиная съ собственнаго тѣла. По первому пути пошли эпикурейцы, по второму между прочими новоплатоники. Люди съ трезвымъ критическимъ умомъ не могли вѣрить въ созданія собственной фантазіи и предпочитали, за неимѣніемъ лучшаго, грубыя, но дѣйствительныя наслажденія болѣе тонкимъ, но совершенно призрачнымъ утѣшеніямъ. Эпикуреизмъ и новоплатонизмъ, разгулъ чувственности и умерщвленіе плоти вызваны одною историческою причиною. Идти путемъ средины, т. е. проводить въ жизнь теоретическія убѣжденія и черпать свои идеи изъ житейскаго опыта, сдѣлалось невозможнымъ, потому что жизнь располагалась по волѣ немногихъ личностей и дѣлалась жертвою случайности и произвола; тогда явились двѣ крайности; одни совершенно отказались отъ идеи и стали искать наслажденія въ физическихъ отправленіяхъ жизненнаго процесса; другіе совершенно отказались отъ жизни и стали любоваться построеніями своего мозга. Оба направленія должны быть оправданы, какъ непроизвольныя и естественныя

отклоненія отъ обыкновеннаго порядка вещей. Но если мы перенесемся къ эпохѣ Платона, то трудно будетъ себѣ представить, что могло вызвать съ его стороны враждебныя отношенія къ физическому міру явленій. Ни нравственное, ни политическое состояніе Греціи во время Пелопоннезской войны и послѣ ея окончанія не было до такой степени плохо, чтобы привести мыслителя въ отчаяніе и вызвать съ его стороны безусловное осужденіе. Многія стороны греческаго быта, напр. рабство и *извѣстнаго рода развратъ* могли бы возмутить человѣка нашей эпохи, но Платонъ не относился къ нимъ строго и не понималъ ихъ отвратительности. Рабы остаются рабами въ его идеальномъ государствѣ, а развратъ онъ идеализируетъ, видя въ немъ эстетическое стремленіе и набрасывая покрывало на физическія послѣдствія... Платонъ, какъ извѣстно, составилъ проэктъ идеальнаго государственнаго устройства, и кажется старался даже осуществить свой политическій идеалъ въ Сиракузахъ, въ Сициліи. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что онъ вѣрилъ въ возможность земнаго счастія, и что существующіе въ наличности матеріалы не казались ему настолько негодными, чтобы изъ нихъ было невозможно построить прочное и красивое зданіе. Какъ же послѣ этого понимать враждебное отношеніе Платона къ чувственному міру? Мнѣ кажется, его должно понимать только какъ теоретическій выводъ платоновой мысли, которому не сочувствовала и на который даже не обращала вниманія живая, человѣческая природа поэта-мыслится. Все скверно въ матеріальной жизни, говоритъ доктрина Платона; напротивъ, все прекрасно и способно сдѣлаться еще лучше, возражаетъ его поэтическое чувство, и этотъ голосъ непосредственнаго чувства поддерживается примѣромъ его собственной жизни, свѣтлымъ колоритомъ его фантазіи и чувственною яркостью самыхъ, повидимому, отвлеченныхъ его представленій. Поэтъ-мыслитель постоянно ищетъ образа и воплощаетъ свои идеи въ формы, заимствованныя изъ міра матеріи; этимъ самымъ онъ показываетъ, что этотъ міръ вовсе не внушаетъ ему отвращенія и что великая идея не оскверняется отъ соприкосновенія съ чувственнымъ явленіемъ. Но Платону было необходимо указать на источникъ и возможность зла; это такой вопросъ, котораго не обойдешь ни въ какой философской системѣ, ни въ какомъ поэтическомъ міросозерцаніи. Приписать зло волѣ Деміурга было мудрено; противъ подобной мысли возмущалась и здравая логика и эстетическое чувство Платона. Навязать доброму и мудрому существу всѣ гадости и несовершенства

человѣческой жизни значило уничтожить возможность его существованія и перевернуть вверхъ-дномъ всю красивую систему платонова міросозданія. Олицетворить зло въ отдѣльномъ понятіи, создать идею зла и противупоставить ее идеѣ добра было также невозможно. Это подало бы поводъ къ неисчислимымъ и неразрѣшимымъ вопросамъ и противорѣчіямъ. Если зло вѣчно, то стало-быть оно естественно, а если оно естественно, то оно не есть зло. Если Димiургъ воплощаетъ въ себѣ идею могущества и отличается самыми благими стремленіями, то онъ хочетъ и долженъ истребить зло, а если онъ не истребляетъ его, то стало-быть онъ не въ силахъ сдѣлать этого. Чтобы избѣжать подобныхъ противорѣчій, Платонъ обращается къ матеріи и путемъ діалектическихъ доводовъ доказываетъ, что она-то есть невольная и безсознательная причина зла. Принужденный признать инертное могущество и вѣчность матеріи, существующей помимо воли Димiурга и только получающей отъ него свою форму, Платонъ доходитъ до теоретическаго убѣжденія, что зло есть свойство матеріи. Создавая какое нибудь существо, Димiургъ кладетъ на матерію печать извѣстной идеи, но матерія слишкомъ груба, чтобы воспринять этотъ отпечатокъ въ полной ясности и чистотѣ; матеріалъ сопротивляется рукѣ художника и это невольное сопротивленіе даже олицетворяется у Платона подъ именемъ неразумной міровой души; въ этомъ сопротивленіи и лежитъ начало зла. Изъ этого видно, что пессимизмъ Платона не вытекъ живою струею изъ его непосредственнаго чувства и не былъ вызванъ обстоятельствами и обстановкою его жизни, а выработанъ путемъ умозаключеній и никогда не проникалъ глубоко въ его личность. Противорѣчіе, въ которое впадаетъ Платонъ, развивая почти рядомъ два, чуть не діаметрально противоположныя, міросозерцанія, открываетъ намъ одну изъ симпатичнѣйшихъ сторонъ его личности. Это противорѣчіе ясно показываетъ, что доктринеръ не могъ побѣдить въ Платонѣ поэта и человѣка, и что живые инстинкты и живыя симпатіи его души вылились наружу, не стѣсняясь мертвою буквою писанной системы. Но между тѣмъ доктрина развивается своимъ чередомъ; Платонъ, какъ мыслитель, выводитъ крайнія слѣдствія своей философской системы, а Платонъ, какъ человѣкъ, и жизнью и словомъ протестуетъ противъ порожденій своей собственной мысли. Впечатлительный, измѣнчивый и подвижный, какъ истинный поэтъ, онъ противорѣчитъ самому-себѣ и самъ того не замѣчаетъ, самъ не думаетъ о томъ, чтобы какъ нибудь сблизить и примирить два про-

тивуположныя воззрѣнія. Обращаясь такъ нецеремонно съ собственными теоріями, Платонъ не допускаетъ подобной свободы для другихъ; его возмущаютъ существующія непослѣдовательности и уклоненія отъ разумности въ сферѣ частной и государственной жизни. Не будучи въ состояніи внести строгое единство даже въ міръ собственной мысли, онъ хочетъ подчинить неизмѣннымъ законамъ всѣ явленія человѣческой жизни, водворить строгую правильность и разумность во всѣ отношенія между людьми въ семействѣ и въ государствѣ. На мѣсто живаго развитія жизни онъ хочетъ поставить неизмѣнное и неподвижное созданіе своей творческой мысли. Трактатъ Платона о государствѣ не есть произведеніе свободной фантазіи, не есть красивая игрушка, которой житейскую безполезность и непримѣнимость сознавалъ бы самъ творецъ. Это почти проэктъ, и любимою мыслью Платона было привести его въ исполненіе. Перестроить общество на новый ладъ, заставить цѣлый народъ жить не такъ, какъ онъ привыкъ и какъ ему хочется, а такъ, какъ, по моему убѣжденію, ему должно быть полезно,—это, конечно, такая задача, за которую теперь не взялся бы ни одинъ здравомыслящій человѣкъ. Во время Платона такая задача была, вѣроятно, также неисполнима какъ и теперь, но навидъ она должна была казаться гораздо легче уже потому, что греческая народность была разбита на множество мелкихъ государствъ и что ораторъ, стоя на площади въ Аѳинахъ, могъ говорить чуть не съ цѣлою національностью. Сословіе свободныхъ и полноправныхъ гражданъ было очень ограниченно въ сравненіи съ цѣлымъ народонаселеніемъ; это сословіе одно имѣло возможность измѣнять по своему благоусмотрѣнію физіономію государства, а умами этого сословія дѣйствительно могъ управлять любимый ораторъ или писатель. Это обстоятельство конечно не могло повести къ тому, чтобы законы и учрежденія, придуманные одимъ лицомъ и невоспитанные самою почвою, могли остановить потокъ исторической жизни или дать ему произвольное направленіе; но оно могло по крайней мѣрѣ внушить Платону обманчивыя надежды; оно могло увѣрить его въ возможности составлять и прикладывать къ дѣлу проэкты государственнаго устройства.—Мы до сихъ поръ видѣли Платона какъ поэта, какъ доктринера; не раздѣляя его фантастическихъ бредней; мы принуждены были признавать въ его созданіяхъ много искренняго воодушевленія, много смѣлости и силы воображенія; не сочувствуя его нравственнымъ принципамъ, мы не могли отказать имъ въ вну-

тренней стройности и послѣдовательности. Этой послѣдовательности не повредила даже двойственность его воззрѣній на матерію и ея отношенія къ человѣческому духу; какъ мыслитель, задавшійся извѣстною идеею, Платонъ смѣло дошелъ до крайнихъ выводовъ; какъ живой человѣкъ, онъ пошелъ совершенно другою дорогою, и доказалъ такимъ образомъ въ одно и то же время силу своей творческой мысли, крѣпость своей физической природы и невозможность втиснуть жизнь въ узкія рамки теоріи.—Словомъ, въ концѣ концовъ можно вывести заключеніе, что Платонъ имѣетъ несомнѣнныя права на наше уваженіе, какъ сильный умъ и замѣчательный талантъ. Колоссальныя ошибки этого таланта въ области отвлеченной мысли происходятъ не отъ слабости мысли, не отъ близорукости, не отъ робости ума, а отъ преобладанія поэтическаго элемента, отъ сознательнаго презрѣнія къ свидѣтельствамъ опыта, отъ самонадѣяннаго, свойственнаго сильнымъ умамъ стремленія вывести истину изъ глубины творческаго духа, вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть и изучить ее въ единичныхъ явленіяхъ. Несмотря на свои ошибки, несмотря на полную несостоятельность своей системы, Платонъ можетъ быть названъ по всей справедливости родоначальникомъ идеалистовъ. Составляетъ ли это обстоятельство важную заслугу передъ лицомъ человѣчества, это конечно такой вопросъ, на который отвѣтятъ различно представители различныхъ направленій въ области отвлеченной мысли; но какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, все-таки никто не откажетъ Платону въ почетномъ мѣстѣ въ исторіи науки. Есть такія геніальныя ошибки, которыя оказываютъ возбудительное вліяніе на умы цѣлыхъ поколѣній; сначала увлекаются ими, потомъ къ нимъ становятся въ критическія отношенія; это увлеченіе и эта критика долгое время служатъ школою для человѣчества, причиною умственной борьбы, поводомъ къ развитію силъ, руководящимъ и окрашивающимъ началомъ въ историческихъ движеніяхъ и переворотахъ. Но Платонъ не остановился въ области чистаго мышленія и не понялъ того, что, пренебрегая опытомъ и единичными явленіями, нельзя понимать истиннаго смысла исторической и государственной жизни. Онъ взялся за рѣшеніе практическихъ вопросовъ, не умѣя ихъ даже поставить, какъ слѣдуетъ; его попытки въ этомъ родѣ до такой степени слабы и несостоятельны, что онѣ распадаются въ прахъ отъ самаго легкаго прикосновенія критики; въ этихъ попыткахъ нѣтъ ни разумной любви къ человѣчеству, ни уваженія къ отдѣльной личности, ни художес-

твенной стройности, ни единства цѣли, ни нравственной высоты идеала. Представьте себѣ причудливое и некрасивое зданіе, съ арками, фронтонами, портиками, бельведерами и колоннадами, неимѣющими никакого практическаго назначенія, и вы получите понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производятъ на читателя трактаты Платона *о государствѣ* и *о законахъ*. «Первая цѣль государства, по мнѣнію Платона, сдѣлать гражданъ добродѣтельными, обезпечить вещественное и нравственное благосостояніе всѣхъ и каждаго» (стр. 223.). Новые изслѣдователи, напр. Вильгельмъ Гумбольдтъ (Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit dez Staats zu bestimmen) смотрятъ на дѣло иначе, и опредѣляютъ государство какъ охранительное учрежденіе, избавляющее отдѣльную личность отъ оскорбленій и нападковъ со стороны внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Этимъ опредѣленіемъ они избавляютъ взрослаго гражданина отъ своеобразной и непрошеной опеки, которая въ продолженіе всей жизни тяготѣетъ надъ нимъ въ государствѣ Платона. Оставляя въ сторонѣ невѣрность основнаго взгляда, мы увидимъ, что даже та цѣль, которою задается Платонъ, не можетъ быть достигнута тѣми средствами и пріемами, которые предлагаются въ его трактатахъ. Граждане должны быть добродѣтельны, а между тѣмъ Платонъ предписываетъ имъ такія оскорбительныя стѣсненія, противъ которыхъ возмущается нравственное и эстетическое чувство; уму читателя представляется такая дилемма; или граждане, какъ порядочные люди, не вынесутъ этого стѣсненія и тогда всѣ учрежденія Платона пойдутъ прахомъ; или они подчинятся этимъ стѣсненіямъ и, систематически развращенные ими, потеряютъ способность быть добродѣтельными. Добродѣтель, даже какъ понимаетъ ее Платонъ, и соблюденіе законовъ въ его идеальномъ государствѣ, составляютъ два несовмѣстимыя начала. Мудрость, мужество, самообладаніе и справедливость представляются четырьмя главными добродѣтелями въ нравственной философіи Платона. Спрашивается, которая изъ этихъ четырехъ добродѣтелей отнимаетъ у человѣка право свободной критики и приводитъ къ безусловному повиновенію? Если же ни одна изъ этихъ добродѣтелей не пригодна для послушныхъ гражданъ идеальнаго государства, то это значитъ, что Платонъ отдѣляетъ идеалъ человѣка отъ идеала гражданина. Многіе мыслители древности, между прочими и Аристотель въ своей политикѣ, говорятъ, что добродѣтель доступна только полноправнымъ гражданамъ и не существуетъ ни для раба, ни для

ремесленника, ни для женщины. Но Платонъ, подчиняя *всѣхъ* гражданъ своего государства неестественнымъ и оскорбительнымъ стѣсненіямъ, идетъ гораздо дальше. Онъ даетъ обществу такое устройство, которое самымъ фактомъ своего существованія дѣлаетъ невозможнымъ нетолько осуществленіе идеала, но даже стремленіе къ нему. Со стороны мыслителя, по понятіямъ котораго внѣ идеала нѣтъ спасенія, такого рода распоряженія должны показаться чрезвычайно оригинальными. Если идеалъ человѣка неосуществимъ даже теоретически въ гражданскомъ обществѣ, то изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что человѣку слѣдуетъ жить и развиваться внѣ общества, или же что пресловутый идеалъ есть безполезная игрушка празднаго воображенія. Ни то, ни другое заключеніе не понравилось бы Платону, но устранить оба заключенія можно только отказавшись отъ утопической теоріи, или перестроивъ идеалъ. Въ государствѣ Платона есть чиновники, воины, ремесленники, торговцы, рабы и самки, но людей нѣтъ и не должно быть. Каждая отдѣльная личность есть извѣстной формы и величины винтъ, шестерня или колесо въ государственномъ механизмѣ; кромѣ этой служебной должности, онъ ни въ какомъ кругу не имѣетъ никакого значенія; онъ не сынъ, не братъ, не мужъ, не отецъ, не другъ и не любовникъ. Съ минуты рожденія его отрываютъ отъ груди матери и помѣщаютъ въ воспитательный домъ; его не показываютъ родителямъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и его происхожденіе умышленно забывается; его воспитываютъ наравнѣ со всѣми дѣтьми его возраста и онъ, какъ только начинаетъ помнить и сознавать себя, чувствуетъ, что онъ казенная собственность, несвязанная ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ въ окружающемъ его мірѣ. Онъ выростаетъ и получаетъ извѣстную должность; его дѣлаютъ воиномъ и военныя упражненія становятся главнымъ его занятіемъ и развлеченіемъ; въ эти упражненія онъ, какъ хорошій гражданинъ, обязанъ влагать тѣ остатки энергіи и души, которыхъ не успѣло засушить школьное воспитаніе. Когда у него появляется борода и развивается мужеская сила, его осматриваетъ и свидѣтельствуетъ *особый сановникъ* (стр. 265) и потомъ приводитъ къ нему молодую дѣвушку, которая, по его убѣжденію, годится ему въ жены. Приплодъ идетъ на пользу общества и съ нимъ поступаютъ точно также, какъ поступали съ его родителями. Когда мужчина становится старикомъ, его дѣлаютъ гражданскимъ чиновникомъ и опредѣляютъ въ одно изъ существующихъ вѣдомствъ; онъ становится

судьею, казначеемъ или воспитателемъ юношества, смотря по тому, на что его найдутъ годнымъ. Занятіе торговлею или ремесломъ считается унизительнымъ для полноправнаго гражданина и запрещено законами. Внѣшнія формы, въ которыя должны воплотиться эти политическія убѣжденія, едва набросаны въ сочиненіяхъ Платона. Онъ считаетъ нужнымъ, чтобы во главѣ государства стояли достойнѣйшіе и мудрѣйшіе, но ему рѣшительно все равно, будетъ ли тамъ одинъ мудрѣйшій или нѣсколько мудрѣйшихъ. Демократическая форма правленія ему противна, какъ аристократу по рожденію и какъ человѣку, считающему себя неизмѣримо выше массы по умственнымъ силамъ и по нравственному достоинству. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ книги г. Клеванова, въ которыхъ эта сторона теоріи Платона очерчена довольно ясно. «Относительно вопроса: правительство должно ли быть основано на согласіи народа или дѣйствовать на него силою, Платонъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что, если нужно согласіе массъ народа, то никакія, самыя благоразумныя учрежденія не могутъ быть никогда приведены въ дѣйствіе. Сознающій свои обязанности правитель долженъ поступать съ зависящими отъ него людьми какъ благоразумный врачъ; не спрашиваясь ихъ согласія, волею—неволею долженъ давать онъ имъ горькое, но полезное лекарство» (стр. 225). «Далѣе Платонъ говоритъ, что неблагоразумно было бы мудраго правителя стѣснять законами» (стр. 225). «Вообще Платонъ приходитъ къ рѣшительному убѣжденію, что массы народа неспособны управлять сами собою и что невозможно требовать, чтобы имъ когда—нибудь было доступно и понятно истинное искуство управленія» (стр. 226). «По Платонъ, имѣя самое невыгодное понятіе о степени нравственнаго развитія массъ народныхъ, не могъ допустить, чтобы большинство людей подвластныхъ терпѣливо и съ покорностью сносили власть мудрецовъ; а потому Платонъ долженъ былъ вооружить своихъ правителей—философовъ такою властью, которой было бы достаточно для приведенія въ исполненіе ихъ распоряженій; вслѣдствіе этого они должны были имѣть всегда подъ руками достаточное число дѣятельныхъ и способныхъ исполнителей. Такимъ образомъ уяснилась для Платона потребность въ отдѣльномъ сословіи воиновъ, которое должно имѣть цѣлью своей дѣятельности нестолько защиту государства извнѣ, сколько поддержаніе внутри его порядка и общественнаго спокойствія» (стр. 229). «А потому Платонъ въ своемъ трактатѣ о государствѣ, запрещая ложь частному человѣку, допускаетъ обманъ,

какъ средство управленія въ рукахъ властителей» (стр. 218). Эти выписки прямо показываютъ, что, по понятіямъ Платона, со стороны правителей не существуетъ обязанности въ отношеніи къ управляемымъ личностямъ; обманъ, насиліе, произволъ допускаются какъ средства управленія. Законы нравственности, существующіе для частныхъ лицъ, теряютъ обязательную силу для государственныхъ дѣятелей. Они должны быть мудрыми, но право судить о степени ихъ мудрости отнимается у наиболѣе-заинтересованныхъ личностей и предоставляется, кажется, одному Диміургу. Съ одной стороны произволъ имѣетъ только тѣ границы, на которыхъ онъ самъ заблагоразсудитъ остановиться. Съ другой стороны, покорность не имѣетъ никакихъ предѣловъ. Если она начинаетъ ослабѣвать, ее слѣдуетъ подкрѣплять искуственными средствами, нравственными или физическими, слабыми или сильными, смотря по комплекціи пацiента и по благоусмотрѣнію врача. Устраненіе вредныхъ вліяній должно играть важную роль въ курсѣ воспитанія или леченія, которому должны подвергаться граждане идеальнаго государства. Гомеръ изгоняется, какъ безнравственный сказочникъ. Миѳы пересочиняются и пропитываются высокими идеями. Статуи Аполлона и Афродиты въ интересахъ приличія прикрываются костюмомъ. Чтобы сосѣдніе народы не могли вводить въ соблазнъ гражданъ идеальнаго государства, сношенія съ иностранными землями должны быть по возможности затруднены и ограничены: «путешествія за границу дозволены только людямъ зрѣлаго возраста и притомъ не иначе, какъ или для собственнаго образованія, или для государственныхъ цѣлей. По возвращеніи граждане должны подвергаться испытанію, не принесли ли они съ собою вредныхъ убѣжденій» (стр. 267). Разбирать подобныя положенія безполезно; они сами говорятъ за себя очень громко и краснорѣчиво. Позволю себѣ замѣтить, что, къ чести человѣчества, духъ политическихъ идей Платона никогда не пытался завоевать себѣ мѣсто въ дѣйствительности. Сумасброднѣйшіе деспоты Ксерксъ персидскій, Калигула и Домиціанъ, никогда не пробовали почеркомъ пера уничтожить семейство и поставить свой народъ на степень конскаго завода. Къ счастью для своихъ подданныхъ, эти господа не были философами; они казнили людей для препровожденія времени, но по-крайней-мѣрѣ они не реформировали человѣчества и не старались систематически развратить своихъ согражданъ. Просвѣщенные и умные деспоты, въ родѣ Людовика XI, Тиверія и Ферди-

нанда католическаго оказывали на своихъ подданныхъ сознательное вліяніе, но ихъ проэкты и отдаленнѣйшія мечты никогда не достигали того величія и той смѣлости, которыми отличаются идеи Платона. Стремленія у нихъ были общія; но, увлекаясь поэтическимъ геніемъ, Платонъ проводитъ эти стремленія съ безпримѣрною силою; злѣйшимъ врагомъ этихъ стремленій былъ могущій духъ критики и сомнѣнія, элементъ свободнаго мышленія и личной оригинальности, и этотъ элементъ ненавистенъ Платону; нравственною опорою имъ служила вывѣска народнаго блага, и этою-же вывѣскою пользуется Платонъ; матеріальною поддержкою ихъ было войско, и эта-же самая сила имѣетъ важное мѣсто въ государствѣ Платона. Эти правители, подобно мудрецамъ идеальнаго государства, считали себя достойнѣйшими и лучшими изъ своихъ согражданъ людьми, призванными быть воспитателями и врачами неразвившагося и нравственно-больнаго человѣчества. Римскія пытки и казни, испанская инквизиція, походы противъ Альбигойцевъ, клѣтка кардинала *La Balue*, костеръ Гусса, Варѳоломеевская ночь, Бастилія и проч. и проч. могутъ быть названы *горькими, но полезными* лекарствами, которыя въ разныя времена и въ разныхъ дозахъ врачи человѣчества давали своимъ паціентамъ *волею-неволею, не спрашиваясь ихъ согласія*. Принципъ, проведенный Платономъ въ его трактатахъ о государствѣ и о законахъ, небезъизвѣстенъ новѣйшей европейской цивилизаціи.

Д. ПИСАРЕВЪ.

1861.
10 апрѣля.

Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до россіи. Книга III.

«Архивъ» г. Калачова въ нашей литературѣ своимъ появленіемъ даетъ, такъ сказать, праздникъ для занимающихся вопросами по русской исторіи и вообще для любителей этой науки. Издатель съ 1850 года ведетъ свое изданіе, наполненное столько же любопытными и неизвѣстными до тѣхъ поръ памятниками русской старины, сколько и замѣчательными изслѣдованіями русскихъ ученыхъ. Много такого, что повело науку къ дальнѣйшему ея развитію, появилось въ Архивѣ, и потому Архивъ до сихъ поръ оставался и будетъ оставаться впередъ одною изъ важнѣйшихъ настольныхъ книгъ для изученія русской исторіи. Въ предшествовавшіе настоящему годы г. Калачовъ обратился къ изданію другаго Архива: вмѣсто Архива историческо-юридическихъ свѣдѣній, онъ сталъ издавать Архивъ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній уже не въ формѣ сборника, свободнаго какъ по отношенію ко времени появленія своихъ книгъ въ свѣтъ, такъ и по ихъ количеству, а въ формѣ журнала, который долженъ былъ выходить въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ числѣ книгъ. Къ сожалѣнію, внѣшняя журнальная способность редактора и издателя оказалась далеко ниже его несомнѣнныхъ достоинствъ, какъ добросовѣстнаго, талантливаго и ученаго изслѣдователя по русской исторіи и правовѣдѣнію. Архивъ—журналъ выходитъ очень неаккуратно, и это было причиною, что онъ былъ вообще мало распространенъ въ читающей публикѣ. А между тѣмъ въ немъ есть много дѣльнаго и важнаго по обѣимъ отраслямъ, которыхъ обработка служила ему цѣлью. Теперь г. Калачовъ принимается за прежній Архивъ, Архивъ-сборникъ, спеціальнѣе относящійся къ русской исторіи, чѣмъ Архивъ—журналъ. Привѣтствуемъ явленіе давно забывшаго насъ гостя, тѣмъ болѣе, что бесѣда съ этимъ гостемъ чрезвычайно пріятна и поучительна.

Статьи, заключающіяся въ III части Архива, раздѣлены авторомъ на отдѣленія, которыя не вполнѣ ясны, и помѣщенныя въ нихъ статьи не соотвѣтствуютъ заглавіямъ; такъ напр. третье отдѣленіе озаглавлено: «Приготовительныя свѣдѣнія для словаря историко-юридическаго собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ, встрѣчающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ», и вторая статья въ этомъ отдѣленіи «Крестьяне въ югозападной Руси XVI вѣка» если что-нибудь и доставитъ для словаря юридическаго, то безъ сомнѣнія, и по своему объему, и по цѣли, съ какою писана, и наконецъ по своему внутреннему достоинству можетъ разсматриваться какъ сочиненіе самобытное, а не приготовительное для словаря. Равнымъ образомъ отдѣленіе четвертое озаглавлено: «Дополненія и приложенія къ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ, изданіямъ матеріаловъ, касающихся внутренняго быта Россіи», но статья редактора г. Калачова едва ли не скорѣе можетъ разсматриваться какъ отдѣльное цѣлое, а не дополненіе. Поэтому и мы не станемъ въ нашемъ разборѣ держаться строго послѣдовательности, въ какой помѣщены эти статьи, а будемъ говорить о нихъ по мѣрѣ важности и занимательности ихъ для насъ самихъ.

Во второмъ отдѣленіи, посвященномъ матеріаламъ для русской исторіи, помѣщено въ высокой степени любопытное дѣяніе синода въ Константинополѣ въ 1389 г. о духовномъ единствѣ Россіи. Это переводъ съ греческаго, но авторъ не приложилъ подлинника, извиняясь тѣмъ, что не убѣжденъ въ его точности, тѣмъ болѣе, что документы константинопольскаго патріархата XIII и XIV вѣковъ вообще печатаются Миклошичемъ въ Вѣнѣ.

Русская церковь, насажденная Греками и зависѣвшая отъ константинопольскихъ патріарховъ, всегда была единою, и патріархи соблюдали это единство и старались о его поддержаніи. Несмотря на самобытное развитіе мѣстной жизни по землямъ, несмотря на дробленіе Россіи въ административномъ отношеніи по княженіямъ, церковь сохраняла свое единство и была самымъ важнѣйшимъ агентомъ связи частей и сознанія общаго отечества въ русскомъ народѣ. Во взаимодѣйствіи двухъ укладовъ, удѣльно-вѣчеваго и единодержавнаго, очень естественно было церкви клониться на сторону послѣдняго и давать ему перевѣсъ, когда только представлялась возможность. Православіе, воспитанное на почвѣ римской имперіи, укрѣпило въ своихъ взглядахъ и дало единство верховной власти; коль скоро народъ со-

знаетъ себя единымъ народомъ, должна быть и единая власть: эта единная власть воплощается въ особѣ монарха неограниченнаго и самодержавнаго, окруженнаго служащими ему знатными родами. Такой образъ нормальной власти освятился православіемъ, какъ угодный Богу, ибо соборы, на которыхъ выработалось строеніе православной церкви, происходили подъ властью императоровъ. Русское политическое устройство не вполнѣ совпадало съ православными понятіями и по раздѣленію всего народнаго тѣла — на части, неподчиненныя одна другой, и по свободѣ князей, и наконецъ по вѣчевому началу. Идеаломъ государства по церковному понятію было однообразіе, такъ какъ въ отношеніи церкви члены ея представляли чрезвычайное однообразіе. Монархическія идеи о единствѣ государственнаго тѣла и единой самодержавной власти сообщены были нашимъ предкамъ отъ Грековъ, путемъ сближенія церковнаго. Кормчая была первой книгой, познакомившею ихъ съ единовластительнымъ порядкомъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ митрополитовъ и архіереевъ, когда только они являлись съ участіемъ въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ, видно предпочтеніе къ монархическому началу. Оно было какъ нельзя естественнѣе въ тѣ времена. По своей обязанности христіанскихъ пастырей, водворителей мира, тишины, спокойствія, должны были смущаться такимъ порядкомъ, который былъ источникомъ нескончаемыхъ ссоръ и междоусобій и давалъ широкій просторъ и необузданности личныхъ страстей, и симпатіямъ и антипатіямъ массъ, выражавшихся то въ смыслѣ народной толпы, то въ смыслѣ вольной шайки дружинниковъ. Церковь должна была въ лицѣ своихъ представителей соболѣзновать и о матеріальныхъ бѣдствіяхъ, кровопролитіяхъ, разореніяхъ, какія народъ терпѣлъ отъ этихъ нескончаемыхъ смутъ, и о нравственномъ его упадкѣ; ей невозможно было водворить въ такомъ хаосѣ миръ и спокойствіе — условія земной жизни для христіанскаго благочестія. Единственный способъ, какой для этого представлялся воображенію и понятіямъ духовныхъ, было единовластіе. Это казалось также единственнымъ средствомъ когда-либо освободиться отъ рабства подъ властію невѣрныхъ. Церковь схватилась за идею единодержавія какъ за самое ближайшее къ цѣли и за самое нормальное по ея ученію. Въ какой бы мѣстности ни проявилось энергически къ нему стремленіе, туда обратилось бы и благословеніе церкви. Оттого-то оно и почило надъ Москвою. Прозорливый Петръ, волынецъ по мѣсту происхожденія, южноруссъ по народности, ничего,

повидимому, неимѣвшій общаго съ отдаленною отъ его родины Москвою, посланный мѣстными властями пріобрѣсть санъ митрополита, съ тѣмъ, чтобы послѣ оставаться въ своей родинѣ и даровать ей значеніе въ русскомъ мірѣ, забываетъ ее и передаетъ чуждой Москвѣ то, что́ долженъ былъ принести на свою родину. Общерусское значеніе его сана взяло въ немъ верхъ надъ мѣстными привязанностями: послѣднія были уже мелки для архипастыря. Онъ подружился съ Іоанномъ и остался въ Москвѣ, потому что мудрый князь московскій умѣлъ поставить себя такъ, что только въ московской землѣ было спокойно жить, когда повсюду существованіе общества не было безопасно и отъ татарскихъ набѣговъ, и отъ внутреннихъ безпорядковъ. Народонаселеніе приливало къ Москвѣ изъ южной Руси, какъ-будто тяготѣя туда вслѣдъ за архипастыремъ, своимъ землякомъ. Онъ сблизился съ этимъ княземъ вѣроятно и потому, что его единовластительныя идеи въ своемъ зародышѣ совпадали съ идеею церковнаго единства русскаго міра, которое по преданію поддерживалъ и сохранялъ митрополитъ. По проложенному имъ пути пошли и другіе. Московское политическое первенство освятилось благословеніемъ церкви и начало идти рука объ руку съ духовнымъ единствомъ Россіи. Послѣдующіе митрополиты признавали Москву своею постоянною столицею, хотя продолжали именоваться кіевскими. Преемникъ Ѳеогноста, правившаго церковью послѣ Петра, Алексѣй, болѣе другихъ рѣзко и энергически сознавалъ и проявлялъ необходимость помогать церковнымъ значеніемъ своимъ дѣлу, которое проводила Москва. Какъ его дѣйствія соглашались съ московскою политикою, показываетъ умѣнье, съ какимъ онъ, воспользовавшись обстоятельствами, пріобрѣлъ расположеніе ордынскаго двора. Онъ раздѣлялъ съ Москвою мысль поддерживать до поры до времени благосклонностью хановъ благосостояніе церкви, такъ какъ политическое возвышеніе Москвы поддерживалось тѣмъ же средствомъ. Еще въ 1353 году Симеонъ завѣщалъ въ своей духовной братьямъ: *слушали бы есте отца нашего владыки Олексья, такожe старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ* (*). Эти-то старые бояре во время малолѣтства Димитрія Ивановича совершили важное дѣло: выпросили въ ордѣ княженіе маленькому своему князю, въ противность стародавнимъ обы-

(*) Собр. госуд. грам., I. 38.

*

чаямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что митрополитъ Алексѣй участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, и можетъ быть руководилъ имъ. Въ княженіе Димитрія онъ постоянно дѣйствовалъ въ пользу московскаго первенства надъ другими землями и князьями. Несомнѣнно, онъ руководилъ великимъ княземъ въ спорѣ съ Димитріемъ суздальскимъ и устроилъ миръ между ними, выгодный для московскаго князя. Онъ, въ санѣ митрополита, распоряжался въ суздальской землѣ съ тѣмъ же сознаніемъ воли, какъ московскій князь въ своей сферѣ. Когда въ 1364 году возникъ споръ между братьями Димитріемъ и Борисомъ, и московскій великій князь принялъ сторону Димитрія, Алексѣй отправилъ преподобнаго Сергія съ требованіемъ звать Бориса въ Москву и далъ ему власть подобную той, какую на западѣ папы давали своимъ легатамъ. За упорство Бориса Сергій, *по митрополичу слову алексѣеву и великого князя Димитрія Ивановича*, наложилъ отлученіе на всю страну и прекратилъ въ ней богослуженіе (*церкви вся затвори*). Такъ, важностью своего духовнаго сана, принуждалъ первопрестольникъ князей повиноваться верховному рѣшенію великаго московскаго князя, какъ единаго установителя тишины и спокойствія; въ самомъ же дѣлѣ это рѣшеніе было дано только именемъ великаго князя, но исходило, по его молодости, отъ московскихъ бояръ. Въ тотъ же годъ Алексѣй, безъ собора, единою волею своею, измѣнилъ предѣлы суздальской епархіи (*отня епископію новгородскую и городецкую у владыки суздальскаго Алексія*). Поступки Москвы въ то время не могли казаться справедливыми для другихъ земель, и часто сопровождались насиліями. Не знаемъ, въ какой степени участвовалъ Алексѣй въ изгнаніи князей Димитрія галицкаго и Ивана Ѳедоровича стародубскаго (Никоновск. лѣт. IV 5), но лѣтописецъ указываетъ на прямое его участіе въ дѣлѣ съ тверскимъ княземъ въ 1367 году, когда его зазвали въ Москву подъ предлогомъ третейскаго суда и взяли въ неволю съ прибывшими съ нимъ боярами тверской земли (*князь великыи Дмитреи Ивановичъ, внукъ Ивановъ правнукъ Даниловъ, праправнукъ блаженнаго Александра, со отцемъ своимъ преосвященнымъ Алексѣемъ митрополитомъ киевьскомъ и всеа Русіи, зазваша любовію к себѣ на Москву князя Михаила Александровича тверскаго и потомъ составиша с нимъ рѣчи, тажже на томъ бысть имъ судъ на третей на миру въ правде, да его изымали, а что были бояре около его тѣхъ всѣхъ поимали и разно розвели, и быша вси въ няти*

и держаша ихъ во истомленіи великомъ (Никон. 19). Событіе это не осталось безъ послѣдствій. Оно было сдѣлано опрометчиво. Не успѣвъ пріобрѣсти ничего кромѣ Градка, который въ то время захватили Москвичи и посадили въ немъ намѣстника, Димитрій и Алексѣй выпустили тверскаго князя, испугавшись приходу Татаръ, которые, какъ носились слухи, шли вызволять узниковъ. Тутъ не былъ конецъ. Съ этихъ поръ вражда непримиримая осталась съ тверскимъ княземъ, тверской князь былъ шуринъ Ольгерда. Насиліе, сдѣланное такъ неудачно, повлекло одинъ за другимъ два похода Ольгерда, опустошительные и тягостные для московской земли: со временъ Калиты, искусно оградившаго ее отъ тогдашнихъ треволненій, жители ея въ первый разъ испытали печальное посѣщеніе ратныхъ; много селъ и деревень истреблено, много народу уведено въ неволю, много слезъ неутѣшныхъ пролилось, и московскій посадъ, разселившійся правильно подъ гостепріимнымъ Кремлемъ, два раза былъ обращенъ въ пепелъ. Сверхъ того, тверской князь нашелъ себѣ управу въ Ордѣ и выхлопоталъ тамъ себѣ великое княженіе. Но Алексѣй теперь поправлялъ собственную ошибку. Ханскій посолъ, одаренный тверскимъ княземъ, шелъ съ нимъ вмѣстѣ, возводить его на великое княженіе въ Москвѣ, расчитавъ, что лучше больше дать, и тотъ же судья, который теперь стоитъ за Тверь, станетъ за Москву. Его пригласили въ Москву *и великій князь почти его зѣло, и о семъ благодарственъ бысть* (Ник. IV. 29). Что въ этомъ дѣлѣ участвовалъ Алексѣй, видно ясно изъ того, что онъ лично провожалъ великаго князя за Оку, когда великій князь, напутствуемый благословеніемъ архипастыря, поѣхалъ въ Орду для того, чтобъ учестовавши хорошенько татарскихъ князей, воротиться съ безспорнымъ правомъ на великое княженіе. Когда Димитрій воротился изъ Орды, приведенный оттуда съ нимъ князь тверской Иванъ Михаиловичъ былъ посаженъ у митрополита на дворѣ до тѣхъ поръ, пока заплатитъ долгъ, который заплатилъ за него московскій князь въ Ордѣ. Такъ митрополитъ былъ правою рукою великаго князя, его руководителемъ и участникомъ въ московской политикѣ.

Политика эта естественно не нравилась въ другихъ земляхъ, и понятно, что Алексѣя не любили. Но нигдѣ столько онъ не возбуждалъ противъ себя оппозиціи, какъ въ западной и южной Руси, ибо тамъ возникла государственная оппозиція въ литовскомъ великомъ княжествѣ и захватившемъ значительное пространство русской земли

и черезъ то соперничившемъ съ Москвою. Алексѣй, озабоченный нетолько церковными, но и политическими дѣлами, оставилъ безъ вниманія южную и западную Русь, хотя и претендовалъ на право церковнаго управленія и правилъ ею черезъ своихъ намѣстниковъ. Католичество, всегда посягавшее на подчиненіе себѣ русскаго міра, видѣло въ этомъ положеніи возможность проводить свои виды. Брошенная своимъ первопрестольникомъ, южная Русь тяготилась этимъ сиротствомъ столько же, сколько и страдала отъ него церковь. Потребность отдѣльнаго митрополита давно уже тамъ чувствовалась, но патріархи не рѣшались раздвоить русскую церковь. Уже два митрополита были поставлены предъ тѣмъ, но по смерти Романа въ 1361 г. патріархъ опредѣлилъ, чтобы впередъ отнюдь не раздвоять русской митрополіи. Вообще православіе туго соглашалось на измѣненія и нововведенія въ своемъ управленіи. На этотъ разъ опасеніе, чтобъ по причинѣ отсутствія митрополита и совершеннаго небреженія о церкви Алексѣя, князья, а за ними и народъ не стали переходить въ католичество, побудило патріарха исполнить желаніе мѣстныхъ властей, и онъ посвятилъ въ особые митрополиты Кипріана, но не раздѣляя совершенно іерархіи: Кипріанъ назначался только временно особымъ митрополитомъ, пока жилъ Алексѣй, а по смерти послѣдняго долженъ былъ заступить его мѣсто и быть единымъ первопрестольникомъ, какъ было прежде. Настоящій документъ изображаетъ намъ положеніе дѣлъ въ русской церкви, разъясняетъ темныя стороны въ этомъ вопросѣ и указываетъ положительно на то, что до сихъ поръ на основаніи сочетанія событія можно было утверждать только на основаніи вѣроятности.

«За нѣсколько уже лѣтъ рукоположенъ былъ въ митрополиты кіевскіе и вся Россіи святѣйшимъ приснопамятнымъ патріархомъ Филоѳеемъ, въ первое его патріаршество, посланный оттуда епископъ владимірскій киръ Алексій. Этотъ, отправившись туда и объявъ столь великую область, неодинаково ко всѣмъ былъ расположенъ, ниже одинаково печаловался обо всѣхъ съ тѣмъ, чтобы всѣмъ угодивъ, представилъ въ день судный отчетъ Богу. Когда же великій князь московскій Іоаннъ, умирая, возложилъ на него надзоръ и опеку надъ сыномъ Димитріемъ и все о немъ смотрѣніе, то онъ немедля весь предался одному о немъ печалованію. Презрѣвъ естественные законы и правила, воспріялъ мірскую власть вмѣсто пасенія и наставленія

христіанъ. И заботясь о враждахъ, войнахъ и битвахъ, хотя и призванный поучать миру и согласію, оставилъ безъ епископскаго призрѣнія всю литовскую епархію и всю страну, надъ которой владѣлъ великій князь, огнепоклонниковъ (πυρσολατρῶν) и ее и митрополію всея Россіи, именно Кіевъ. Отсюда раздоры и распри и войны съ пролитіемъ крови всѣхъ князей другъ противъ друга и противъ ихъ собственнаго пастыря, виновника всего этого.

«Узнавши о томъ, святѣйшій оный патріархъ сперва нарочными посланіями поучалъ князей и подобающимъ образомъ увѣщевалъ ихъ воздержаться отъ распрей и взыскать мира, честнѣе котораго нѣтъ ничего. Нетолько это, но и еще и къ митрополиту писалъ и увѣщаніями и угрозами наставнически понуждалъ не дѣлать неподобнаго сану, дабы вмѣсто мира и согласія, дарованныхъ намъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, онъ, поставленный миротворцемъ, пробуждая междоусобія и распри и войны, не поощрялъ князей къ раздорамъ. Князья же, раскаявшись и чтя патріаршія грамоты и повинуясь многимъ его увѣщаніямъ и поученіямъ, согласились быть готовыми принять митрополита, если захочетъ къ нимъ отправиться и прекратить прежніе соблазны, сознавая, что это принесетъ имъ и душевную и тѣлесную пользу. Но митрополитъ, который еще болѣе долженъ былъ къ тому поощрять и другихъ, какъ наставникъ мира и незлобія, нетолько не воспользовался нисколько патріаршими увѣщаніями, какъ этого тробовалъ санъ и положеніе первосвященника, но и показалъ себя въ этомъ дѣлѣ гораздо меньшимъ мірскихъ владѣтелей. Отказался совсѣмъ отъ мира, ни во что считая патріаршія грамоты и пользу, изъ нихъ проистекавшую.

«Тогда патріархъ, увидѣвъ, что грамоты ничего не помогаютъ, послалъ собственнаго монаха, нынѣ преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Россіи, человѣка миролюбиваго и богобоязненнаго, умѣющаго хорошо пользоваться обстоятельствами и порядкомъ управлять дѣлами. Послалъ его, чтобы примирилъ князей другъ съ другомъ и съ митрополитомъ и еще устроилъ такъ, дабы митрополитъ отправившись къ нимъ, навѣстилъ собственную митрополію, отъ которой устранялся девятнадцать лѣтъ, и навѣстилъ и прочій тмочисленный народъ, лишенный столько лѣтъ его поученія и навѣщенія. Когда это случилось, то князья показали еще больше послушанія къ патріарху и охотно приняли его совѣты, немедля отправивъ пословъ къ митрополиту. Они обязались страшными клятвами почитать собствен-

наго митрополита и оказывать ему всю честь, послушаніе и любовь, на случай, если что-либо будетъ нарушающаго его честь и если не будутъ исполнять его желаній.

«Оказалось, что онъ дѣлалъ противное. Онъ почелъ себѣ враждебными и патріаршія увѣщанія и упомянутаго посла, и всячески отказывался отправиться къ нимъ. Любовь къ собственнымъ дѣтямъ, которыхъ великая христова церковь по евангелію хорошо ему усыновила, всячески нехорошо отвергалъ. Это еще болѣе пробуждало къ гнѣву князей и разъярило на него, потому что они вмѣнили дѣло это въ знакъ личнаго презрѣнія. И такъ, они положили между собою рѣшеніе никогда не принимать его, даже если захочетъ къ нимъ отправиться. Писали притомъ къ патріарху всѣ вмѣстѣ и предложили пріискать иного архіерея. А патріархъ и такъ ихъ просьбы не принималъ, но опять писалъ къ митрополиту, совѣтуя, какъ надлежитъ, дабы съ князщями примирился и отправился къ нимъ и духовно бы призрѣлъ собственныхъ дѣтей. Но онъ какъ камень (ἄσπις) глухъ былъ на зовъ, гласящій ему полезное и выгодное. До того дошло, что даже не удостоился писавшій отвѣта и посрамленіе было на его головѣ.

«Недовольные князья, отказавшись отъ предложенія, послали большое посольство съ грамотами къ святѣйшему оному патріарху, ихъ божественному и священному синоду, упрашивая и умоляя дать имъ другаго архіерея, который бы умѣлъ ихъ духовно призирать и поучать и наставлять о душеполезномъ и спасительномъ. А если цѣли своей не достигнутъ, будутъ готовы приступить къ другой церкви, отступившей предъ многими годами отъ правыхъ ученій и отчужденной отъ православной церкви христіанъ.

«Въ такомъ случаѣ что нужно было дѣлать великому оному божьему человѣку и поистинѣ патріарху? Не слѣдовало дѣлить Россію на двѣ митрополіи, ниже презрѣть столькій народъ, лишенный столько лѣтъ архіерейскаго призрѣнія и вытекавшаго изъ него освященія, народъ, желавшій получить это по причинамъ истиннымъ и праведнымъ и съ искреннымъ прошеніемъ. Поэтому патріархъ, собравъ душевныя силы и заключивъ себя въ духѣ и призвавъ избранныхъ архіереевъ, воспользовавшись ими какъ совѣтниками и искренними увѣщателями, пошелъ въ дѣлѣ о томъ срединою. Чтобы, слѣдственно, столь великій народъ не остался безъ призрѣнія, и еще, чтобы онъ не предался совсѣмъ пагубѣ и душевной гибели приложе-

ніемъ себя къ чуждой церкви, съ величайшею осмотрительностію низошелъ къ просьбѣ нуждающихся. И такъ рукоположилъ реченнаго киръ Кипріана въ митрополиты кіевско-россійскіе и Литвы, этихъ именно мѣстъ, которыя оставилъ безъ призрѣнія на многіе годы митрополитъ киръ Алексій. А чтобы древнее устроеніе Россіи сохранилось и чтобы опять и впередъ она нашлась подъ однимъ митрополитомъ, то синодальнымъ дѣяніемъ узаконилъ, чтобы послѣ смерти киръ Алексія Кипріанъ объялъ и всю Россію, и такимъ образомъ былъ одинъ митрополитъ всея Россіи. И сказывалъ, что и нынѣ эта митрополія не раздѣляется на двѣ, ибо недавнее рукоположеніе Кипріана есть дѣло настоятельной причины и неотлагаемой нужды, дабы весь народъ не преданъ былъ погибели. А что опять долженъ былъ быть одинъ митрополитъ россійскій, этого требовала и справедливость и польза и обычай. И благо было бы, еслибъ до конца сохранились такое дѣяніе и такое положеніе въ часъ невзгодія. Послѣ смерти киръ Алексія былъ бы Кипріанъ обладателемъ цѣлой россійской церкви, а соборная апостолическая христова церковь была бы опять свободна отъ взведенныхъ на нее по этимъ обстоятельствамъ несправедливыхъ норицаній, роптаній и обидъ.»

Изъ нашихъ источниковъ извѣстно, что великій князь не пожелалъ имѣть Кипріана преемниковъ Алексѣя и предназначалъ ему Митяя, своего духовника. По смерти Алексѣя въ 1376 году, Митяй отправился въ Константинополь. Воспользовавшись его бумагами, чернецъ Пименъ убѣдилъ патріарха Нила отъ имени великаго князя посвятить себя въ митрополиты. Когда онъ воротился, великій князь не принялъ его, приказалъ заточить въ Чухлому, а потомъ въ Тверь, и всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ посольствѣ приказалъ развести и посадить въ желѣзныя вериги. Синодальное дѣяніе прибавляетъ, что нѣкоторые были казнены смертію. Призванъ былъ Кипріанъ. Но въ 1382—1383 г. Кипріанъ не взлюбился великому князю. Вѣроятно, увидѣлъ онъ въ немъ мало охоты идти по слѣдамъ предшествовавшихъ митрополитовъ и содѣйствовать единовластительнымъ тенденціямъ Москвы. Кипріанъ ушелъ въ Кіевъ. Великій князь призвалъ Пимена на митрополію, а между тѣмъ отправилъ въ Цареградъ суздальскаго епископа Діонисія съ симоновскимъ архимандритомъ Ѳеодоромъ просить посвятить въ митрополиты Діонисія. Діонисій былъ посвященъ, но на возвратномъ пути задержанъ въ Кіевѣ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ и тамъ скончался. Въ Москву прибыли звать Пимена на

судъ (позываху въ Цареградъ) два архіерея съ Востока (1384 г.) Матоей и Никандръ «(Ник. 4,145). По нашимъ источникамъ, Пименъ судился въ Царьградѣ и воротился въ Москву въ 1388 г., а въ 1389 опять *безъ воли* великаго князя поѣхалъ въ Царьградъ и болѣе не возвращался, и Кипріанъ наслѣдникомъ Димитрія былъ признанъ единымъ первопрестольникомъ русской церкви.

Въ синодальномъ дѣяніи это событіе разсказывается слѣдующимъ образомъ:

«Немного прошло времени, какъ въ царицу городовъ прибылъ суздальскій епископъ Діонисій, сильно вопія противъ Пимена и представляя случившееся съ нимъ, какъ зло, доводящее церковь къ раздору, мятежу и расколу, вмѣсто того, чтобы причинить единодушіе и миръ. Притомъ утверждалъ онъ, что грамоты о немъ и послы были совершенно лживые и злонамѣренные, и потому говорилъ, что несправедливо было бы признавать архіереемъ его, рукоположеннаго съ такимъ лукавствомъ. Это заставило святаго онаго патріарха признаться, что если съ такимъ обманомъ и лукавствомъ Пименъ рукоположенъ, то справедливо будетъ, если онъ отрѣшится. Принявъ такое признаніе, Діонисій отправился въ Россію и тамъ получилъ на письмѣ обвиненіе Пимена отъ великаго князя и отъ другихъ князей. Привезши ихъ, вручилъ патріарху и привелъ съ собою іеромонаха Ѳеодора, архимандрита, въ доказательство того, что послѣ отрѣшенія Пимена онъ самъ долженъ принять власть надъ всею Россіею. И разсказывалъ Діонисій о дѣлѣ въ словахъ пышныхъ и только подъ предлогомъ, а между тѣмъ самъ скрытно другое сочинялъ и лживыми словами лицемѣрно всѣхъ привлекалъ. Подъ предлогомъ исполненія россійской церкви, взволнованной и бѣдствующей, лукаво подбиралъ себѣ власть. То поставлялъ на видъ грамоты, заключающія много лукаваго, которыхъ былъ сочинителемъ, то придумывалъ, заготовлялъ и располагалъ какъ не слѣдуетъ.

«Наконецъ, когда высказаны были обвиненія на Пимена соборнѣ, положено было законнымъ образомъ, съ согласія патріарха и благоизволенія державнаго святаго самодержца, послать двухъ архіереевъ, одного изъ церковныхъ и одного изъ царскихъ сановниковъ, дабы они изслѣдовали дѣло Пимена, и если справедливымъ окажется обвиненіе, то, такъ какъ онъ обманомъ по ложнымъ показаніямъ и выдумкамъ рукоположенъ, дабы отрѣшили сана, и извергнувъ его изъ церкви, поставили Діонисія. Это не мало взволновало русскихъ. И все разъ-

ярилось на вселенскую церковь, такъ что нанесены были многія обиды съ прибавленіемъ насмѣшекъ, глумленія и ропота, чего всего были достойны тѣ, которые сплели ложь и надѣлали коварства и занимались бездѣльничествомъ. И тьму зла сдѣлавъ, они все это черезъ посланниковъ на насъ обратно взвели. Начало же случившагося не отъ кого другаго, какъ отъ пословъ, выѣхавшихъ изъ Россіи. Они-то въ раздорѣ между собою, раздѣленные на двѣ и даже три стороны, приводя въ одно время самыя противорѣчащія грамоты и другъ друга порицая и возставая другъ на друга, они-то причинили и раздоры и раздѣленіе церкви. А церковь не знала, на чьей сторонѣ вмѣстѣ съ правдою остаться. Слѣдственно, вмѣсто обвиненій, слѣдовало бы молчать. Они же, напротивъ, нанесли церкви обиду и вмѣстѣ съ другимъ содѣланнымъ зломъ совершили изъ-за церкви главное величайшее зло, обиду и презрѣніе Бога.

«Посланные, слѣдственно, дошедши туда, изслѣдовали дѣло Пимена, нашли все истиннымъ и извергли его изъ церкви. Между тѣмъ случилось, что Діонисій разстался съ жизнію. Пименъ же, извергнутый изъ оной церкви, согласно рѣшенію, сдѣланному соборнѣ патріархомъ, бѣжалъ оттуда, измѣнилъ видъ, облекся въ мірскія одежды, скитался съ мѣста на мѣсто и достигнулъ царицы городовъ.

«Здѣсь, вопія противъ неправды, усильно утверждалъ, что былъ обиженъ, ибо, если нужно было ему судиться за святительскій санъ, то, сказывалъ, надлежало бы ему, призванному соборнѣ, подвергнуться суду. Казалось, слѣдственно, что и онъ правду говорилъ. И такъ какъ еще не прибыли наши посланные, отъ которыхъ патріархъ могъ-бы узнать, въ чемъ его по слѣдствію уличили, то онъ пользовался мѣстомъ, почестями архіерейскими и самымъ даже священнодѣйствіемъ. По прошествіи малаго времени, отправленные на слѣдствіе послы возвратились оттуда. А съ ними прибылъ и куръ Кипріанъ согласно писанію патріарха къ нему. Прошло еще время, пока этотъ послѣдній, посылаемый туда по царскимъ дѣламъ, воротился, а между тѣмъ прибылъ опять Ѳеодоръ и привезъ съ собою обвиненія на письмѣ, бывъ для этого нарочно посланъ великимъ княземъ и имѣя словесно сказать многое противъ него. Принявъ на себя лицо обвинителя, Ѳеодоръ имѣлъ доказательствомъ достовѣрности грамоты, имъ привезенныя, и лица, посланныя отсюда для изслѣдованія. Послѣ того какъ это сдѣлалось, и судъ замедлился по нѣкоторымъ временнымъ приключеніямъ, когда, наконецъ, внушеніемъ патріарха синодъ каноничес-

кій собрался, тогда уже Пименъ и Θеодоръ согласились и, давъ себѣ взаимно обѣщаніе и клятвы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми неподобными условіями, бѣжали отсюда и скрытно отправились на востокъ. Узнавши объ этомъ державный, святой царь и святой оный патріархъ, всячески старались изыскать ихъ. Первый послалъ людей, чтобы ихъ привести, второй отлученіе съ грамотами, угрожавшими лишеніемъ и изверженіемъ, если не возвратятся. Они же ни мало не желали этого. И опять посланы отъ патріарха грамоты, подобныя первымъ, а отъ царя сановники, носившіе съ собою и святыя его украшенія, которыми убѣждали ихъ разсѣять всяхій страхъ и безъ боязни возвратиться. Но и такъ не захотѣли они, и, еще, прибѣгнувъ къ Туркамъ и усилившись ими, изрекли много хулы на царство и патріаршество. Презирая и ни во что поставляя божественныя правила, а вмѣстѣ съ ними и царскія, патріаршія и синодальныя, держались предположенной цѣли и отправились путемъ, ведущимъ въ Россію, служа другъ—другу осуждніемъ. Θеодоръ, принявшій названіе архіепископа, а можетъ быть и дѣйствительно Пименомъ рукоположенный, отправился слѣдственно вмѣстѣ съ обвиненнымъ. И такъ враждебнѣйшіе прежде другъ другу такую заключили теперь дружбу, что сдѣлались не разлучными. Осуждены же они здѣсь не отсутствуя, какъ бы сказали нѣкоторые, что противно божественнымъ канонамъ. Ибо Пименъ и присутствовалъ и обвиняемъ былъ и призналъ обвинителя, съ которымъ наконецъ подружился и бѣжалъ. Это—то и болѣе осуждаетъ его, потому что онъ подружился съ обвинителемъ. Если именно Θеодоръ лживо обвинялъ, то онъ вслѣдствіе сего самъ осуждался и лишался общенія. Сообщаясь съ лишеннымъ общенія, онъ дѣлался самъ осужденнымъ и лишеннымъ общенія. Если же обвиненіе было справедливо, то изъ сего слѣдуетъ, что Пименъ осужденъ; а Θеодоръ дѣлался отрѣшеннымъ, собираясь съ лишеннымъ общенія.

«И такъ, другъ другу служатъ они осужденіемъ сами собою. Тщательно-же разсматривающему окажется отлученіе это даже очень каноническимъ, именно потому, что, послѣ трехъ сдѣланныхъ ему призывовъ къ возврату съ востока, онъ никакъ не хотѣлъ воротиться, хотя призывался подъ отлученіемъ. Поэтому синодъ справедливо произнесъ осужденіе, сдѣлавъ общее каноническое о нихъ рѣшеніе.

«Послѣ такихъ приключеній, послѣ возникшихъ для русской церкви столькихъ смутъ, замѣшательствъ и столькихъ раздоровъ и распрей и козней, надобно же было всеконечно остановить зло и бур-

ное время превратить въ тишину и ниспослать миръ и согласіе христіанскому народу, не допустить его совсѣмъ къ отчаянію при такомъ напорѣ золъ, безпрестанно на него пробуждаемыхъ. А это какъ же иначе могло случиться, какъ не по первому чину и порядку и по обычаю и сперва хорошо узаконенному—именно возстановленіемъ опять одного митрополита Великой Россіи. Этому доброму дѣлу и содѣйствовала божья помощь.

«Смиреніе наше, какъ скоро судьбами, свѣдомыми Богу, довѣрено было намъ предстательство вселенской церкви, и прежде бывъ нечуждымъ всего этого, соболѣзновавъ о сей разстроенной и страждущей церкви, поставило (такое) дѣло въ числѣ собственныхъ, самыхъ достойныхъ попеченія.

«И какъ-бы начатки и благій даръ Богу отъ всѣхъ дѣлъ своихъ приноситъ (смиреніе наше) исправленіе россійской церкви и устраненіе бывшихъ соблазновъ и раздоровъ, устроеніе мира всему народу и справедливое изглаженіе нанесенныхъ нашей великой Христовой, каѳолической, апостолической церкви порицаній, ропотовъ и обидъ и очищеніе съ божіею помощью церкви. Такъ какъ державный самодержецъ защитникъ церкви и предстатель, оправдатель и дефензоръ приложилъ все стараніе къ тому, чтобы исправить церковь россійскую и сохранить ея древніе порядокъ и положеніе, чтобы уничтожить случившіеся соблазны, и всѣми возможными способами заботясь объ этомъ народѣ, предпочелъ его дѣлу своему, лишь бы устроилась означенная церковь, то смиреніе наше, совѣщавшись съ засѣдавшими съ нимъ преосвященными архіереями, всечестными, съ ираклійскимъ, кизическимъ, никомидійскимъ, оугровлахійскимъ, никійскимъ, монемвасійскимъ, атталійскимъ, адріанупольскимъ, серрескимъ, силиврійскимъ, готоійскимъ, сугдайскимъ, варнскимъ, опредѣлили и рѣшили признавать во всемъ отрѣшеніе Пимена, совершенное соборнѣ бывшимъ прежде насъ святѣйшимъ приснопамятнымъ патріархомъ Ниломъ. Такъ какъ онъ (Пименъ) обвиненія на него возведеннаго, находясь въ собственной церкви и отсутствуя, мирно не отклонилъ, такъ какъ онъ, прибывъ въ синодъ и желая собственныя провиненія смыть, увидѣвъ своего обвинителя, съ нимъ соединился, избѣгалъ суда синода и рѣшенія его, такъ какъ и синодъ не нарушилъ заповѣди каноновъ, давъ, при такомъ ходѣ дѣлъ, трикратно ему знать, чтобы онъ прибылъ, и согласно съ правилами произнесъ о немъ рѣшеніе,—то, слѣдственно, онъ остается отрѣшеннымъ и отдѣленнымъ отъ архіерейскаго лика,

бывъ уже отрѣшеннымъ рукоположившимъ его патріархомъ, который, весьма о немъ заботясь, не оставилъ ничего, клонившагося къ его чести, чтобы сдѣлать его непоколебимымъ, а не сдѣлалъ-бы этого, еслибы не удостовѣрился, что стоитъ отлученія, какъ и дѣла о томъ свидѣтельствуютъ.

«Такъ какъ Пименъ отрѣшенъ уже и отрѣшеніе его признано нынѣ соборнѣ смиреніемъ нашимъ безъ всякаго оправданія, и такъ-какъ правильно доказана необходимость одного митрополита всея Россіи, и на это преимущественно соизволилъ державный и святой нашъ самодержецъ, оберегатель и защитникъ правды и пользы, и притомъ въ этомъ безспорно состоитъ слава всей церкви и всѣхъ вообще христіанъ, случилось же къ тому, что преосвященный митрополитъ куръ Кипріанъ достойно занимаетъ мѣсто, на которомъ находится и имѣетъ дѣяніе святаго, приснопамятнаго патріарха Филоѳея на то, чтобы послѣ смерти же Алексія одинъ онъ пребылъ митрополитомъ всероссійскимъ, то и мы всѣ вмѣстѣ признаемъ упомянутое дѣяніе. И какъ-бы поставляя его снова, разрѣшаемъ бывшіе соблазны и смуты и раздоры и споры и все зло, возникшее изъ нихъ, и почитаемъ не бывшими прежде, относя ихъ къ обстоятельствамъ и событіямъ и къ первымъ причинамъ, о которыхъ мы сказали. Утверждаемъ притомъ, что ни куръ Филоѳей, ни куръ Нилъ, блаженно жившіе и блаженнѣ преставившіеся, не были добровольными сообщниками такихъ раздоровъ, но неповинны и чисты въ обвиненіяхъ и порицаніяхъ, нанесенныхъ имъ нѣкоторыми.

«И такъ, настоящимъ сунодальнымъ дѣяніемъ возобновляемъ прежнее устроеніе, чтобы митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи и былъ и назывался куръ Кипріанъ, который до конца своей жизни будетъ обладателемъ ея и всея области ея и будетъ рукополагать епископовъ въ епископіяхъ, изначала подчиненныхъ церкви его, и пресвитеровъ и діаконовъ, иподіаконовъ и анагностовъ, совершая всѣ прочіе святительскіе обряды, бывъ и называясь настоящимъ архіереемъ всея Россіи, и всѣ послѣ него митрополиты всея Россіи такими будутъ, наслѣдуя одинъ послѣ смерти другаго. И это сохранится ненарушимо отнынѣ впредь во всѣ вѣки, что и подтверждается честнымъ хрисовулзомъ державнаго и святаго самодержца. И никогда не нарушится настоящее дѣяніе и возстановленіе, ни нами, ни преемниками нашими, ибо опытомъ удостовѣрились мы въ томъ, какъ велико зло раз-

дѣленіе и раздробленіе на части сей церкви и какъ велико добро имѣть одного митрополита въ цѣлой этой епархіи.»

По нашимъ лѣтописямъ, Пименъ уже послѣ пріобрѣтенія сана и по освобожденіи изъ заточенія два раза ѣздилъ въ Цареградъ. Подъ 1384 годомъ говорится: «Мѣсяца маия въ 9 день Пиминъ митрополитъ поіде въ Царьградъ Волгою въ судѣхъ на низъ къ Сараю, а съ нимъ Аврамей Ростовской». Синодальное дѣяніе поясняетъ, что тогда онъ уже былъ низложенъ архіереями, присланными отъ патріарха въ Москву, и ѣхалъ не по зову, а побѣгомъ, переодѣвшись въ мірское платье, и прибылъ въ Царьградъ не отвѣчать предъ судомъ, а жаловаться на рѣшеніе судей, которые прежде произнесли приговоръ. О поѣздкѣ архимандрита Θеодора въ нашихъ лѣтописяхъ указывается подъ 1385 годомъ, на другой годъ послѣ отправленія туда Пимена; о причинѣ поѣздки его говорится въ общемъ выраженіи: «*о управленіи митрополіи рускія*». Въ сунодальномъ дѣяніи поясняется, что онъ явился туда обвинителемъ, но потомъ стакался съ Пиминомъ. По нашимъ лѣтописямъ, Пименъ является снова въ Россію митрополитомъ: подъ 1386 годомъ говорится, что «мѣсяца іюля въ 6 день прииде Пиминъ митрополитъ на Русь изъ Царяграда, не на Кіевъ же убо, но на Москву токмо, и прииде безъ исправы» (Никон. IV, 156). Онъ продолжалъ нетолько именоваться митрополитомъ, но правилъ дѣлами, посвящалъ владыкъ. Такимъ образомъ, новгородскій владыка Іоаннъ, бывшій игуменъ хутынскій, былъ имъ поставленъ въ 1387 году (Ник. IV, 157). Въ томъ-же году онъ поставилъ во епископы владимірскіе Павла, бывшаго архимандритомъ владимірскаго Рождественскаго монастыря. По сунодальному дѣянію мы видимъ, что онъ убѣжалъ изъ Царьграда вовсе неоправданный, и что слово *безъ исправы* въ нашей лѣтописи надобно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ не получилъ права: такимъ образомъ управленіе его оказывается незаконнымъ. Но съ другой стороны открывается, на какихъ основаніяхъ Пименъ считалъ себя вправѣ исправлять соединенныя съ достоинствомъ русскаго первопрестольника обязанности. Низложенный архіереями, прибывшими въ Москву, онъ въ Цареградѣ до прибытія Θеодора пользовался въ глазахъ патріарха архіерейскимъ саномъ и правомъ священнодѣйствія, слѣдовательно рѣшеніе архіереевъ было уничтожено самимъ патріархомъ. Что же касается до Θеодора, то этотъ человѣкъ отказался отъ роли обвинителя: и такъ, не было ничего, что бы могло уничтожить позволеніе,

данное ему патріархомъ. Но именно то, чѣмъ хотѣлъ себя спасти Пименъ, его погубило. Стачка съ обвинителемъ поставлена ему въ вину, а неявка на троекратное призваніе къ синоду, по древнему обычаю, лишила его сама собою сана. Въ Константинополѣ не знали, гдѣ скрывался Пименъ, тогда какъ въ-самомъ-дѣлѣ онъ былъ въ Москвѣ. Въ 1388 году, услыша, вѣроятно, что патріархъ перемѣнился и престолъ принялъ Антоній, Пименъ отправился снова въ Царьградъ: это было то знаменитое путешествіе, котораго любопытный дневникъ дошелъ до насъ, какъ замѣчательный памятникъ для географіи. Пименъ не достигъ до Царьграда. Сvнодальное дѣяніе говоритъ, что они (т. е. Пименъ и Ѳеодоръ) прибѣгнули къ Туркамъ: это было то время, когда Амуратъ сокрушилъ сербскую державу. Изъ лѣтописи нашей видно дѣйствительно, что Пименъ въ Царьградѣ не былъ, но отправилъ туда смоленскаго епископа, автора Хожденія, да нѣсколькихъ чернецовъ изъ турецкихъ владѣній (*бѣяху въ турской державе*). 7 іюля Михаилъ прибылъ въ Царьградъ, а сентября 11 Пименъ скончался въ Халкидонѣ. (Никон. лѣт. IV 170) Дѣяніе составлено было прежде, чѣмъ смерть его сдѣлалась извѣстна въ Константинополѣ, ибо о немъ говорится какъ о живомъ, но отсутствующемъ и неявившемся въ Царьградъ.

Мы съ намѣреніемъ привели въ паралель извѣстія лѣтописныя къ извѣстіямъ, сообщаемымъ дѣяніемъ, чтобы показать, въ какой степени послѣднее, соглашаясь въ главныхъ чертахъ съ первыми, поясняетъ нѣкоторыя стороны, остающіяся темными. Особенной важности заслуживаетъ извѣстіе о Діонисіѣ суздальскомъ. По нашимъ лѣтописямъ, онъ получилъ санъ митрополита, но по сvнодальному дѣянію видно противное. Въ Константинополѣ это ближе было извѣстно. Открывается, что Діонисій ложно назвался митрополитомъ, хотѣлъ обманомъ пріобрѣсть власть, и вѣроятно вслѣдствіе этого-то и былъ такъ жестоко задержанъ и засаженъ въ темницу въ Кіевѣ. Это подтверждается и грамотою митрополита Кипріана во Псковъ въ 1393 году (А. И., I. 18), гдѣ митрополитъ уничтожаетъ постановленіе, сдѣланное Діонисіемъ, говоря, что онъ былъ только суздальскій владыка, а дѣйствовалъ самовольно безъ воли патріарха (*то былъ суздальской владыко, а дѣялъ то въ мятежное время, а патріархъ ему того не приказалъ дѣяти*).

Другимъ важнымъ матеріаломъ для исторіи является въ архивѣ Боярская книга 7064 (1556) года, доставленная кн. Оболенскимъ

изъ неисчерпаемаго сокровища архива иностранныхъ дѣлъ. Царь Иванъ Васильевичъ, по извѣстію лѣтописей нашихъ, замѣтивши, что вельможи и знатные люди и вообще занимавшіеся военною службою, овладѣли самовольно землями, а другіе обѣднѣли, приказалъ сдѣлать пересмотръ и размежеваніе ихъ земель, лишнее отнять и отдать неимущимъ, и постановить съ вотчинъ и помѣстьевъ уложенную службу, именно: со ста четвертей доброй земли поставить въ войско по одному человѣку въ доспѣхѣ съ конемъ, а въ дальній походъ съ двумя конями, а тѣмъ, которые служили долго, прибавлять земли въ кормленье. Достойно замѣчанія, что значенія вотчинъ и помѣстьевъ въ XVI и XVIII вѣкѣ сбивались только обратно: въ XVIII вѣкѣ всѣ помѣстья сдѣлались вотчины, въ XVI наоборотъ, всѣ вотчины были помѣстьями, ибо и съ вотчинъ слѣдовало нести службу, и вотчина считалась обязательною дачею отъ царя. Вся земля такимъ образомъ была какъ бы собственностію царя, изображавшаго въ своемъ лицѣ олицетвореніе народной силы, то, что̀ въ древности называлось *земля*. Въ боярскихъ книгахъ вписывалось имя, отчество и прозваніе владѣльца, его доходы, его вотчины, помѣстья, сколько людей ставитъ на службу, въ какихъ доспѣхахъ и сколько жалованья получаетъ. Для ознакомленія съ древнею формою, приведемъ мѣста изъ самой Боярской книги:

«Нелюбъ Тимоѳеевъ сынъ Зачесломского: наѣхалъ былъ на Кусь и на Немду на Петрову память чюдотворцову, 63, и Кусь и Немда тогожъ году съ Благовѣщеньева дни отдана въ откупъ, а откупу съ тоѣ волости того году Петровского сроку дано ему 72 рубля съ полтиною, а впередъ ему откупу давати не велѣно; а вотчины за нимъ съ родною братьею и 4–ма ч. на Костромѣ полчетверти сохи, да за нимъ же Конановскіе Писемского вотчины на 30 четвертей; а помѣстья за нимъ на 450 четвертей. Прежнее смотрѣнье людцкое и конное не бывало. Въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ за собою 400 четвертей, не додано, сказалъ, 50 четвертей; вотчины полполчетверти 50 четвертей; людей его 10 ч., въ нихъ 6 ч. въ доспѣсехъ, 2 въ куякѣхъ, 2 въ бехтерцехъ съ бармицами и въ шапкахъ въ желѣзныхъ, 4 о дву конь, а 2 объ одинъ, 4 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, на конехъ, на одномъ шапка желѣзна, а на 3-хъ мѣдяны, всѣ съ копьи, а тегиляйники всѣ съ наручми, ч. сь его аргамакомъ и съ копьемъ и съ доспѣхомъ, 4 ч. сь юки, въ нихъ одинъ въ тегиляѣ и въ шапкѣ въ мѣдяной; а по уложенью взяти съ него съ земли

4 ч. въ тегиляехъ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да 4 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ 3 шеломовъ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ, да на люди съ земли 8 рублевъ, да на передаточныхъ людей 18 рублевъ, а не додати ему 3 рублевъ» (стр. 32—33).

«Юшко Петровъ сынъ Ѳедчищева: дана была ему Соль малая ждати и Солца отдана на откупъ; помѣстья за нимъ 400 четьи, вотчины нѣтъ; по старому смотру людей его 5 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Свіяжскомъ, а лѣта 7063 на году въ Свіягѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 5 ч. на конехъ въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ да конь простъ; помѣстья сказалъ на 400 четьи, вотчины не сказалъ; а по уложенію взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 10 рублевъ» (стр. 41).

«Иванъ Ивановъ сынъ Кобылинъ Мокшѣевъ: съѣхалъ съ Ладоги на середохрестье 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 22 обжи съ полуобжею, вотчины не сыскано; въ нѣметцкомъ походѣ людей его 4 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, а 2 въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 22 обжи съ полуобжею; самъ на конѣ въ полномъ доспѣсѣ, въ юмшанѣ и въ шеломѣ и въ наручахъ и въ наколѣнкехъ о двy конь; людей его въ полкъ 4 ч., одинъ въ пансырѣ и въ шеломѣ о двy конь, 3 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, на 2 шеломы, а на третьемъ шапка мѣдяна, съ копьи, 4 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ 3 человѣки въ тегиляехъ, а не додалъ шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 25 статьѣ 6 рублевъ, да на человѣка съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 11 рублевъ, а не додати ему за шеломъ рубля» (стр. 64-65).

Книга эта относится, какъ видно, къ серпуховскому уѣзду. Замѣчательно, какъ переселенцы изъ другихъ краевъ заносили мѣстныя названія, употребительныя на прежней своей родинѣ: такъ ладожанинъ въ серпуховскомъ уѣздѣ считаетъ землю обжами, мѣстною новгородскою единицею, неупотребительною въ московской землѣ.

Статья г. профессора харьковскаго университета Зернина представляетъ богатый подробностями сборникъ примѣровъ мѣстничества, которому предпослано его разсужденіе. Мѣстничество въ русской

исторіи есть явленіе неразгаданное до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ. Въ 1844 году въ Симбирскомъ Сборникѣ была напечатана лучшая ученая статья по этому вопросу г. Валуева; онъ обнимаетъ въ подробностяхъ всевозможнѣйшую сѣть случаевъ, опредѣляющихъ приложеніе мѣстничества къ жизни, во множествѣ видовъ, но далеко не разъясняетъ коренныхъ, важнѣйшихъ вопросовъ, которые неизбѣжно представляются наблюдателю, и безъ разрѣшенія которыхъ всѣ изслѣдованія мелочей имѣютъ только относительное достоинство, какъ груда матеріаловъ, но еще неясныхъ по причинѣ нашего незнанія тѣхъ оснований, которыя условливаютъ ихъ самихъ. Главный изъ неразрѣшимыхъ вопросовъ—это вопросъ о происхожденіи мѣстничества; его начала мы не понимаемъ. Г. Валуевъ не разрѣшилъ его. Г. Зернинъ столь же мало его разрѣшаетъ. Онъ приводитъ мнѣніе Погодина, который считаетъ мѣстничество естественнымъ произведеніемъ всей русской исторіи: по порядку времени оно проходитъ разныя степени, развивается и усовершенствуется, Зерновъ противополагаетъ этому мнѣнію выводы Валуева, который полагаетъ, что мѣстничество въ его явленіи не существовало въ удѣльный періодъ нашей исторіи, а возникло съ развивавшимся единодержавіемъ. Разсматривая поближе то и другое мнѣніе, окажется, что между ними нѣтъ существеннаго противорѣчія. Валуевъ полагаетъ, что мѣстничество есть древній обычный распорядокъ старшинства, перенесенный изъ удѣльнаго міра въ единодержавную Москву, прикованный къ ней, вставленный въ тѣсную рамку государства, не признаетъ коренной основы его въ удѣльной старинѣ; Погодинъ говоритъ то же самое, ибо онъ не признаетъ въ удѣльныя времена существованіе явленій мѣстничества въ томъ образѣ, въ какомъ ихъ видимъ въ московскомъ государствѣ. Г. Зернинъ не соглашается въ Валуевымъ, что московскіе князья и цари, стѣсняясь въ выборѣ слугъ по достоинству, сознали необходимость открыть широкій путь въ ряды мѣстничества введеніемъ пришлыхъ родовъ,» и что «мѣстничество послушно раздвигало передъ пришельцами свои ряды». «Такое положеніе, заключаетъ г. Зернинъ, осталось и всегда будетъ недоказаннымъ по той причинѣ, что въ подтвержденіе его нѣтъ доказательствъ и проч.» Намъ кажется, что съ г. Валуевымъ менѣе можно согласиться въ томъ колоритѣ родоваго начала, который онъ даетъ мѣстничеству и подчиняетъ его напередъ созданной и прозвольно принятой теоріи родоваго быта, тогда какъ по всѣмъ случаямъ мѣстничества видно, что

здѣсь играло не родовое, а личное начало, только опиравшееся на происхожденіе. Корень мѣстничества по своему духу необходимо долженъ былъ храниться въ древней нашей исторіи, ибо мѣстничество является въ періодъ московскій единственнымъ легальнымъ правомъ оппозиціи. Мѣстничество есть не что иное какъ личное сознаніе своего достоинства въ отношеніи другаго въ служебной сферѣ, опиравшееся не на родѣ, а на происхожденіи и на существовавшихъ случаяхъ. Мѣстничество не имѣло ничего сословнаго. Оно не установляло замкнутаго привилегированнаго класса, который бы стремился къ сосредоточенію въ себѣ всѣхъ пружинъ политической и общественной дѣятельности. Мѣстничество не требовало, чтобъ на такія или иныя мѣста назначались люди знатныхъ родовъ: даже тотъ, кто опирался на знатность собственнаго рода, не имѣлъ притязанія дать этому роду какое-нибудь право или сохранить за нимъ уже существовавшія прерогативы. Каждый заступался только за себя самого, объ одномъ себѣ хлопоталъ, ссылался на своихъ родственниковъ и предковъ для себя исключительно, и потому сколь ни удобно казалось ему въ свою пользу приводить случай, совершившійся уже фактъ, мало обращалъ вниманія на его легальность, какъ и на право крови. Валуевъ совершенно справедливо говоритъ о безпрестанномъ возвышеніи лицъ, а за ними и родовъ, изъ низшихъ слоевъ общества. Оно иначе и не могло быть, ибо роды, за которыми усвоились преимущества знатности, достигли этого не посредствомъ завоеванія страны, ибо только въ послѣднемъ случаѣ роды отдѣляются китайскою стѣною отъ прочаго народа, равнымъ образомъ и не по праву первородства линій. Въ московскомъ государствѣ бояры наплывали съ разныхъ странъ, и въ ихъ фамиліяхъ не было даже единства народности. Родоначальникъ, т. е. тотъ предокъ, далѣе котораго генеалогическія преданія потомковъ не простираются, первый открылъ потомкамъ дорогу къ знатности своимъ личнымъ трудомъ и усиліями. Потомокъ сознавалъ, что было время, когда его предки были незнатны, и отсюда естественно должно было возникать сознаніе о правѣ другихъ точно такимъ же путемъ открывать дорогу для своихъ потомковъ. Не было понятія, чтобъ человѣкъ, поставленный на низшую ступень въ обществѣ, не могъ возвыситься. Кошихинъ такими словами изображаетъ это всеобщее право повышенія въ служебной сферѣ: «А кому царь похочетъ вновь дать боярство, и окольничество, и думное дворянство изъ столниковъ и изъ дворянъ, или дворянина изъ дво-

ровыхъ всякихъ чиновъ и изъ вольныхъ людей, и такимъ даетъ честь и службу, по своему разсмотрѣнію... а кто посатцкой человѣкъ, или крестьянинъ, или кто нибудь, отпустить сына своего на службу въ салдаты и въ рейтары, или въ Приказѣ подъячимъ и инымъ царскимъ человѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малые чести дослужатся повыше, и за службу достанутъ себѣ помѣстья и вотчины, и отъ того пойдетъ дворянской родъ; а грамотъ и гербовъ имъ не даетца» (Коших., стр. 23). Считающійся знатнымъ просхожденіемъ не оскорблялся тѣмъ, что человѣка незнатнаго возвысили; онъ только не хотѣлъ самъ лично стать съ нимъ въ уровень. Если жъ незнатный съ незнатнымъ занимаютъ важныя мѣста, до этого дѣла нѣтъ знатному: этимъ не умаляется его достоинство, лишь бы его самаго не унижали равенствомъ съ тѣми, которые еще не успѣли временемъ освятить новопріобрѣтенное достоинство. Таковъ былъ взглядъ мѣстничавшихъ вообще. Мѣстничанье было такая гордость породы, какая обычна въ семейной жизни. Знатный человѣкъ не отдаетъ своей дочери за незнатнаго, не женитъ сына на женщинѣ незнатнаго происхожденія, хотя бы и уважалъ личныя достоинства этихъ незнатныхъ. Знай сверчокъ свой шестокъ, говоритъ старинная народная пословица. Это примѣнялось къ мѣстничеству, но только въ отношеніи къ другимъ, а не безотносительно.

Въ мѣстничествѣ понятія опирались часто на одну аналогію: А былъ выше Б, но В былъ выше А, а Д былъ вроднѣ съ В, и Д же былъ ниже моего дяди; слѣдовательно мнѣ нельзя быть вровнѣ съ Е, который былъ вровнѣ съ А. Извѣстно, какъ часто мѣстническіе споры разстраивали общее дѣло по службѣ: это признакъ того состоянія, когда личность, освободившись уже отъ родовой общинности, не сознала еще нормальности и святости общинности гражданской и не привыкла къ принесенію себя въ жертву общему дѣлу. Такимъ состояніемъ отличался удѣльно-вѣчевой міръ. Встарину, во времена самобытности земель и княженій, это заявленіе личности высказывалось обыкновенно тѣмъ, что недовольный уѣзжалъ въ иную землю или поступалъ въ дружину инаго князя; послѣ образованія единодержавія московскаго ѣздить было некуда, и поневолѣ надобно было оставаться на одномъ мѣстѣ—и старинныя претензіи стали высказываться спорами о томъ, съ кѣмъ кому быть. Встарину, притомъ, вѣчевой порядокъ сдерживалъ порывы лицъ и фамилій: въ Новгородѣ напр. мы видимъ, что масса черни давала себя не разъ чувствовать боярамъ,

если они забывались; бояринъ, если хотѣлъ удержать свое значеніе, долженъ былъ угождать вѣчу, «съ мужиками новгородскими не перечиться», по выраженію пѣсни о Буслаевѣ. Такимъ образомъ онъ видѣлъ надъ собой уравнивающее право массы, невольно низводившее его самолюбіе къ общему уровню. Масса могла выдвинуть лица, и знатныя фамиліи не могли ихъ низвергнуть. Напротивъ, при московскихъ великихъ князьяхъ, когда голосъ массы умолкъ, личность, освобожденная съ одной стороны отъ вѣчевой воли массы, а съ другой лишенная возможности удаленіемъ своимъ выразить свое неудовольствіе, заявила свою оппозицію защищая себя отъ новаго, всеуравнивающаго начала. Вся исторія мѣстничества не представляетъ его чѣмъ-нибудь прочнымъ, съ залогами долгаго существованія. Уже безпрестанные споры, въ которыхъ мѣстничество преимущественно и высказываетъ свое бытіе, доказываютъ, что оно было только чѣмъ-то переходнымъ, временнымъ, и что болѣе идея его, чѣмъ формы, въ которыхъ оно являлось, была присуща народу въ дальнѣйшемъ теченіи его жизни. Въ теченіи XVI и XVII вѣковъ мы видимъ болѣе нарушеніе этого порядка, чѣмъ сохраненіе. Всякій споръ предполагалъ нарушеніе. Безпрестанныя распоряженія правительства быть безъ мѣстъ отстраняли мѣстническій распорядокъ. Мы не знаемъ эпохи, когда бы это мѣстничество было нормальнымъ порядкомъ, когда бы ему слѣдовали безъ нарушенія, мѣстничество намъ является какъ-будто бы въ своемъ упадкѣ, въ борьбѣ за непрочное, пошатнутое существованіе, а неизвѣстно, когда же было его цвѣтущее состояніе?

Сочиненіе Забѣлина «О дѣтствѣ Петра Великаго» содержитъ не только сгруппированныя вмѣстѣ черты дѣтскихъ лѣтъ великаго человѣка, которыя, какъ извѣстно, болѣе важны, чѣмъ кажутся съ перваго раза для уразумѣнія дѣятельности его впослѣдствіи, но и прекрасно начерченную картину тогдашнихъ нравовъ и пріемовъ семейнаго быта. Какъ все, что въ описательномъ родѣ выходило изъ-подъ пера г. Забѣлина, и эта статья отпечатлѣна тѣмъ же талантомъ, тою же способностью излагать предметъ ясно, отчетливо и занимательно. Въ статьѣ о древнихъ навязахъ, и наузахъ, о вліяніи ихъ на языкъ, жизнь и отвлеченныя понятія человѣка г. Шеппингъ слѣдитъ за связью понятій о пріобрѣтеніи посредствомъ рукъ, о всякой связи, о вѣнкѣ, кругѣ и кольцѣ по разнымъ филологическимъ сближеніямъ и обычаямъ у разныхъ народовъ въ паралель съ

нашимъ стариннымъ суевѣріемъ предохранять человѣка посредствомъ навязокъ (наузовъ). Въ замѣткахъ о загробной жизни по славянскимъ преданіямъ г. Аѳанасьевъ сгруппировалъ любопытныя поэтическія преданія о смерти у Славянъ. Изъ нихъ мы видимъ, что сонъ, смерть и міракъ въ народномъ понятіи представлялись нераздѣльно сходными образами. Г. Аѳанасьевъ объясняетъ, что у Славянъ душа считалась существомъ отдѣльнымъ отъ тѣла, хотя и въ немъ обитающимъ, что она воображалась птицею, сближаетъ при этомъ знаменательное значеніе кукушки въ народной поэзіи и указываетъ на оригинальную игру въ Великоруссіи подъ названіемъ крещенье кукушекъ.

«Обрядъ крещенія кукушекъ совершается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 9 мая, въ этотъ день встрѣчи и закликанія весны; въ другихъ—на третьей, четвертой, пятой или шестой недѣлѣ послѣ пасхи; но преимущественно въ недѣлю семицкую, когда поминаютъ умершихъ. Женщины и дѣвицы собираются въ лѣсъ, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело *птицы* и сажаютъ на вѣтку, а подъ нею привѣшиваютъ *шейные кресты*; иногда вмѣсто того отыскиваютъ траву, называемую *кукушкою* (orchis latifolia—*кукушкины слезы*), и вырывъ ее съ корнемъ, одѣваютъ въ сорочку, потомъ кладутъ на землю и ставятъ надъ нею *крестообразно* двѣ дуги, покрывая ихъ платками и вѣшая съ двухъ сторонъ *по кресту*. Въ орловской и тульской губерніяхъ *надѣваютъ крестикъ* на самое чучело кукушки и поютъ: «*кукушки*, голубушки! *кумитеся*, любитеся, даритеся!» Это называется *кстить* (крестить) *кукушку* или *кумиться*. Двѣ дѣвицы, поцѣловавшись изъ-подъ дуги, мѣняются крестами и называются *кумами*.—Въ праздникъ Семика поселяне приходятъ въ рощу, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березы, нагибаютъ и связываютъ ихъ вѣтви разноцвѣтными лентами, платками или полотенцами въ видѣ вѣнка; надъ вѣнкомъ кладутъ траву «кукушкины слезы» или чучело кукушки, а по сторонамъ привѣшиваютъ *кресты*. Двѣ дѣвицы, желающія покумиться, ходятъ въ противоположныя стороны вокругъ березъ, потомъ цѣлуются три раза сквозь вѣнокъ накрестъ и даютъ другъ другу сквозь вѣнокъ *желтое яйцо*. Хороводъ поетъ:

Ты, кукушка ряба!
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушки,
Покумимся, голубушки, и проч.

Покумившіяся мѣняются крестами и кольцами, а кукушку раздѣляютъ на части и хранятъ у себя на память кумовства.

«Этотъ обрядъ крещенія кукушекъ получитъ для насъ болѣе осязательнсе значеніе, если мы сблизимъ его съ повѣрьями о русалкахъ и мавкахъ, въ образѣ которыхъ (по народному мнѣнію) являются *души младенцевъ, мертворожденныхъ, или умершихъ безъ крещенія.* Въ теченіе семи лѣтъ, до превращенія своего въ русалокъ, души эти *летаютъ* по воздуху, и только тогда, какъ наступаютъ *зеленыя святки* (Семикъ и Троица) слышатся ихъ жалобные голоса, съ просьбою о крещеніи; наканунѣ троицына дня русалки и мавки бѣгаютъ по засѣяннымъ полямъ и хлопаютъ въ ладони, приговаривая: «бухъ, бухъ—соломенный духъ! меня мати породила, некрещену положила (или: схоронила)». «Кто услышитъ ихъ голосъ, тотъ долженъ произнести: «крещаю тебя, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и святаго Духа!» Любопытно, что въ черниговской губерніи обрядъ завиванія семицкихъ вѣнковъ называется *встрѣчею русалокъ*, а развиванье вѣнковъ (на петровъ день) — *проводами русалокъ.*

«Если неокрещенныя души, летая по воздуху, испрашиваютъ себѣ крещенія; если такое явленіе совпадаетъ, по народному повѣрью, со временемъ совершенія обряда, извѣстнаго подъ названіемъ «крещеніе кукушекъ»; если наконецъ душа представлялась въ образѣ птицы, и кукушка принимается эмблемою сиротства, то, можетъ быть, подъ «крещеніемъ кукушекъ» должно понимать символическій обрядъ крещенія младенцевъ, умершихъ безъ этого таинства, и потому блуждающихъ по свѣту. Дѣти народному уму представляются чистыми, невинными; но если они умерли безъ крещенія — то гдѣ назначить имъ мѣсто загробнаго существованія! Простолюдинъ создалъ обрядъ посмертнаго крещенія, чтобы такимъ образомъ доставить душамъ младенцевъ вѣрный путь ко спасенію. Очевидно, что обрядъ этотъ могъ возникнуть уже въ эпоху христіанства, но подъ сильнымъ вліяніемъ старинныхъ воззрѣній» (стр. 22-24).

Намъ кажется, едвали здѣсь нужно имѣть въ виду именно идею крещенія. Обрядъ этотъ, при сближеніи съ другими представленіями о душахъ въ видѣ птицъ, и при символической важности кукушки въ народной поэзіи, дѣйствительно наводитъ на мысль, что въ глубокой древности, изъ которой онъ безъ сомнѣнія исходитъ, первоначальный его образъ имѣлъ связь съ вѣрованіемъ о состояніи ду-

ши въ видѣ птицы, а вѣроятно и о явленіи ихъ такимъ способомъ; можетъ быть даже преимущественно въ видѣ кукушки. Но этотъ первоначальный образъ не имѣлъ ничего общаго съ крещеніемъ. Извѣстно, какъ древнія языческія вѣрованія и образы сочетались впослѣдствіи съ христіанскими и изъ языческихъ вполнѣ представленій становились какъ бы христіанскими, то христіанское искажалось подъ вліяніемъ не угасшаго въ народѣ язычества.

Очень правдоподобно сближаетъ г. Аѳанасьевъ обычай крошить на могилѣ яйца съ языческимъ вѣрованіемъ и находитъ у всѣхъ народовъ символическое значеніе яйца, какъ образа возрожденія. Византійское объясненіе краснаго яйца, встрѣчающееся въ иныхъ сборникахъ, безъ сомнѣнія извѣстныхъ г. Аѳанасьеву, могло зайти въ христіанство изъ первоначальнаго восточнаго язычества, и встрѣтилось съ нашими древними представленіями. Жаль только, что г. Аѳанасьевъ не указалъ въ точности, у какихъ «восточныхъ народовъ сохранился обычай—въ мартѣ мѣсяцѣ, *при началѣ новаго года*, т. е. при весеннемъ возрожденіи природы отъ зимней смерти, биться *красными яйцами*, ставить ихъ на столѣ и посылать въ даръ къ своимъ друзьямъ» (стр. 24). Вотъ какъ указываетъ г. Аѳанасьевъ на соотношеніе праздника Воскресенія Христова съ языческими вѣрованіями о загробной жизни:

«Праздникъ обновленной природы совпадаетъ съ праздникомъ *Свѣтлаго Воскресенія Христова*, предзнаменующимъ *воскресеніе* всѣхъ умершихъ въ новую жизнь, и съ праздникомъ въ честь мертвыхъ, которыхъ поминаютъ тогда на кладбищахъ. Встрѣчая весну, Славяне въ то же время прогоняли изъ своихъ селъ Марану (смерть и зиму), ибо съ возвращеніемъ теплаго солнца свѣтъ побѣждаетъ нечистую силу. Съ этимъ обновленіемъ природы связывалась мысль о воскресеніи мертвыхъ: по повѣрію, въ это время души умершихъ какъ-бы получаютъ новыя силы; въ поляхъ и рощахъ появляются русалки; существуетъ даже обычай: закликая весну, съ краснымъ яйцомъ въ рукахъ, въ то же время *закликатъ* и мертвыхъ. На святую недѣлю и на Радуницу (въ *навьскій* день) красятъ яйца и ходятъ на кладбища христосоваться съ покойными родителями и родственниками, при произнесеніи обычныхъ словъ: «Христосъ воскресе!» При этомъ катаютъ съ могильныхъ пригорковъ принесенныя красныя яйца и потомъ зарываютъ ихъ въ могилы. Кто умираетъ на святую недѣлю, тому даютъ въ руки красное яйцо и вмѣстѣ съ

нимъ предаютъ землѣ, дабы онъ могъ на томъ свѣтѣ похристосоваться съ своими родичами. Въ Малороссіи на Свѣтлое Христово Воскресеніе бросаютъ въ воду скорлупу крашеныхъ яицъ, надѣясь, что она, плывя водою, донесетъ мертвымъ вѣсть о праздникѣ пасхи. Вѣсть эта доходитъ къ душамъ умершихъ только къ троицыну дню, въ который и празднуется на томъ свѣтѣ *навьскій великъ день*. Около того же времени совершается простонародный праздникъ семика, въ честь умершихъ. Поселяне ходятъ на кладбища, совершаютъ поминки, разбиваютъ на кладбищахъ красныя и желтыя яйца, Какъ на пасху крошатъ на могилахъ яйца *для птицъ*, такъ на семикъ дѣлаютъ это *для покойниковъ*, которые будто бы съѣдаютъ разбитыя для нихъ яйца. Вообще, яйца составляютъ непремѣнное условіе при праздникахъ мертвымъ. На семикъ и троицу крестьяне готовятъ яичницу и несутъ въ лѣсъ, при обрядовыхъ пѣсняхъ:

Радуйтесь, бѣлыя березоньки!
Идутъ къ вамъ красны дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яишницу!
Іо, іо, Семикъ да Тройца!

При обрядѣ крещенія кукушекъ также употребляются крашеныя яйца. Самый цвѣтъ, въ который окрашиваются яйца, *красный* и *желтый*, знаменателенъ: оба эти прилагательныя связываются съ понятіемъ *свѣта*, въ которомъ язычники видѣли начало всякой жизни и плодородія» (стр, 25–26).

Мы не станемъ распространяться о статьѣ г. Труворова: «Свадебные обряды крестьянъ сердобскаго уѣзда», ограничиваясь только благодарностью почтенному собирателю. Чѣмъ больше такихъ мѣстныхъ описаній, тѣмъ лучше, и дѣйствительную пользу для науки они принесутъ тогда, какъ число ихъ возрастетъ до того, что они могутъ быть всѣ вмѣстѣ сопоставлены, изслѣдованы и отличены, такъ чтобы можно было нетолько знать, что есть въ какомъ краѣ, но также и то, чего нѣтъ: ибо только тогда мы можемъ уразумѣть по частямъ сложенные виды общей нашей народности и слѣдовательно представить себѣ ясно ея собирательное значеніе.

с Переводная статья: «Несторъ и Карамзинъ», продолженіе эверсовыхъ замѣчаній, напечатанныхъ въ первой книжкѣ »Архива», есть истематическое обличеніе Карамзина въ томъ, что его риторика

нерѣдко препятствовала ему передавать смыслъ лѣтописцевъ въ его настоящемъ видѣ.

Въ своихъ замѣчаніяхъ на статьи, напечатанныя въ первой половинѣ второй книги «Архива» 1855 года, Энгельманъ сначала касается производства слова *изгой*, потомъ опровергаетъ мнѣніе Зибеля объ основаніи государства, и наконецъ разсуждаетъ о происхожденіи слова *окольничій*. Что касается до перваго, то безъ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ авторъ не доходитъ до несомнѣнныхъ научныхъ результатовъ.

Статья г. Мордовцова: «Крестьяне въ югозападной Россіи» есть не ученое изслѣдованіе о состояніи крестьянства въ упомянутой странѣ на основаніи существующихъ источниковъ, не исторія быта крестьянскаго подъ условіями, тѣхъ перемѣнъ, въ какихъ являлись отношенія нашей народной массы къ властямъ не изображенія послѣдовательности образовъ народной жизни подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ на судьбу народа, а картина, сгруппированная изъ быта, взятаго какъбы въ одинъ моментъ, изъ нѣсколькихъ частныхъ изображеній, отысканныхъ въ матеріалахъ, напечатанныхъ въ памятникахъ временной кіевской коммиссіи. Авторъ, кромѣ научной, видимо имѣетъ еще цѣль; за нею слѣдуетъ онъ по всей нити своего сочиненія: эта цѣль— представить печальнымъ, горькимъ, бѣдственнымъ положеніе простаго народа подъ властью пановъ въ эпоху, когда южная Русь находилась въ соединеніи съ Польшею, и простой народъ подъ властью своихъ ополячившихся господъ. Но такъ какъ здѣсь идетъ дѣло преимущественно о степени матеріальнаго благостоянія, то надлежало бы показать съ одной стороны тогдашнюю цѣнность вещей, а съ другой потребности тогдашняго поселянина, опредѣляемыя его понятіями, и потомъ уже открывать, чего у него недоставало и какъ въ самомъ дѣлѣ тяжелы были условія его зависимости отъ пана. Ни того, ни другаго здѣсь не сдѣлано: авторъ переводитъ тогдашнія деньги на наши, слѣдуя единственно кіевской коммиссіи, не указавъ, на какомъ основаніи онъ принимаетъ такой переводъ, да и самый переводъ еще ничего не значитъ, пока не покажется намъ сравнительная цѣнность вещей и житье-бытье поселянина. Отдавая дань признательности за все, что выходило до сихъ поръ изъ-подъ пера даровитаго автора, подарившаго насъ не одною любопытною статьею по отечественной исторіи, мы не можемъ однако теперь не замѣтить, что, по нашему крайнему разумѣнію, онъ на этотъ разъ увлекся за гра-

ницы научнаго холоднаго безпристрастія, особенно необходимаго въ изложеніи такого можно-сказать щекотливаго предмета, какъ страданія русскаго народа подъ властью Польши — щекотливаго именно потому, что въ настоящее время польскіе ученые, литераторы, журналисты силятся насъ укорить въ пристрастіи къ своимъ и въ несправедливомъ очерненіи Поляковъ, и въ то же время хотятъ доказать, что нашимъ предкамъ, мароссійскимъ мужикамъ былъ рай подъ польскимъ правленіемъ, Чтобъ быть правыми передъ польскою письменностью, надо бы намъ прежде ихъ самимъ къ себѣ быть строгими. Г. Мордовцовъ (стр. 25) касается, по основанію самаго предмета, двухъ родовъ поселянъ—коронныхъ или великокняжескихъ (вольныхъ) и владѣльческихъ. И тѣ и другіе, по его мнѣнію, были отягощены безмѣрно. О первыхъ говоритъ г. Мордовцовъ (стр. 26): «Живя на казенной землѣ, коронный подданный обязанъ былъ платить за нее 21 грошъ съ волоки, кромѣ платы натурою и обязанности работать на казну каждые два дня въ недѣлю и выходить безотговорочно на работу во всякое время, когда *войтъ* признаетъ это необходимымъ, хотя бы для того поселянинъ долженъ былъ погноить въ полѣ свой собственный хлѣбъ или потерять все, что имѣетъ. Величина поземельной платы—21 грошъ, будетъ понятна для насъ вполнѣ только тогда, когда мы эти деньги переведемъ на наши цѣны и опредѣлимъ, чему равнялся бы этотъ поземельный платежъ въ настоящее время. 21 литовскій грошъ приблизительно равнялся стоимости 1 р. 5 к. сер. на наши деньги; но такъ какъ въ то время хорошій волъ цѣнился въ 50-40 грошей и даже меньше, то изъ этого можно заключить, что и 21 грошъ, по тогдашнимъ цѣнностямъ, стоилъ поселянамъ многихъ трудовъ и лишеній». Авторъ не дѣлаетъ ссылки въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о платѣ 21 гроша съ волоки. По смыслу у г. Мордовцова выходитъ, какъ-будто-бы всѣ платятъ одинаково, несмотря на различіе качества земли. На стр. 41, отд. II, втораго тома кіевскихъ памятниковъ мы читаемъ: «Цыншу 3 волоки кгрунту добърого 21 грошъ, 3 середнего 12 грошей, сподлого 8 грошей, а съ вельми подлого, песъковатого альбо блотливого 6 грошей». Вотъ у насъ дѣло принимаетъ нѣсколько иной оборотъ. «Кромѣ того, говоритъ г. Мордовцовъ (стр. 30), что крестьяне платили поземельныя пошлины, они обязывались вносить въ казну еще слѣдующій оброкъ: съ дыма—два гроша, съ хлѣба и съ дерева бортнаго — три гроша отъ каждой бортной лѣстницы; кто же не

имѣетъ ни того, ни другаго, и живетъ на огородѣ, тотъ долженъ дать отъ огорода одинъ грошъ, а кто не имѣетъ и огорода — долженъ дать полгроша съ дыма». Авторъ дѣлаетъ ссылку на 210 стр. II отд. II тома кіевскихъ памятниковъ. Находимъ эту страницу и видимъ, что все такъ-изъясненное относится не къ тѣмъ крестьянамъ, которые платили чиншъ съ волокъ, а къ мѣщанамъ: «Мещане всихъ местъ абы давали с каждого дому по два ґрошы, а хто волоку держытъ, тогды особно отъ волоки маетъ дати тры грошы, а съ маркговъ пры местехъ по чотыри пенези, а отъ прута огородного местъского одинъ пенязь; а ґде волокъ еще нетъ, ино з дому два гроши, а съ фолварка листьского або с пашни по шести грошей, а въ которомъ фолварку люди иной службы—по шести грошей, а отъ огородника по два грошы. А русскіе волоки, где волоки немероны, могутъ з дыму дати таковаго въ которомъ земьли своее и особного хлеба уживаютъ грошы два с хлеба, а з дерева бортного грошы 3 лезыва; а хъто того обойга не вживаеть только, на огороде седить, тотъ отъ огорода грошъ одинъ дати маетъ; а хто и огорода не мелъ бы, тотъ з маетъ дыму дати полъгроша».

Далѣе г. Мордовцовъ говоритъ (тамъ же, стр. 30): «Этого мало; кромѣ платы денегами, поборы въ казну натурой существовали сами по себѣ, и нельзя сказать, чтобы очень легкіе: съ каждой волоки хорошей и посредственной земли давалось по двѣ бочки овса; а если овса было достаточно въ казенныхъ магазинахъ, то крестьяне обязаны были давать вмѣсто овса десять грошей.» Это дѣйствительно относится къ тѣмъ, которые платятъ съ волоки чиншъ, только г. Мордовцевъ упустилъ прибавить, что при худой землѣ съ волоки давалось не двѣ бочки, а только одна (стр. 41). Сверхъ того, г. Мордовцевъ сказалъ: «крестьянинъ, не желавшій везти своего овса на собственной подводѣ въ назначенное мѣсто, платилъ 10 грошей.» Читатель пойметъ это мѣсто такъ, какъ-будто крестьянинъ овса все-таки долженъ будетъ дать, а за то, что везти не хочетъ, долженъ будетъ заплатить десять грошей. Но въ актѣ, откуда это извѣстіе взято, ясно говорится, что собственно за бочку овса платится пять грошей, а за отвозъ другіе пять грошей. Между тѣмъ у г. Мордовцова удвоивается такой поборъ, и сверхъ того онъ ведетъ читателя къ другой ошибкѣ: сказавъ выше, что» крестьяне вмѣсто овса обязаны давать десять грошей, «авторъ даетъ цѣнность бочкѣ овса вдвое противъ той цѣны, какая была въ дѣйствительности, и также

точно удвоиваетъ цѣнность отвоза. Крестьяне давали еще съ волоки по возу сѣна, или платили вмѣсто него пять грошей—три за сѣно и два за отвозъ (очень худыя земли избавлялись отъ этого, какъ и отъ дачи овса); сверхъ того, крестьяне давали гуся, или вмѣсто него полтора гроша, пару куръ, или вмѣсто нихъ 15 пенязей, 20 яицъ или 4 пенязи, на неводы—два гроша, на провіантъ (*стація*) два гроша съ половиной; если же не брался провіантъ, то вмѣсто него съ 30 волокъ брали одну яловицу и два барана, или съ каждой волоки по курицѣ и по десяти денегъ. По мнѣнію г. Мордовцова (стр. 31), «эти мелкіе поборы обходились крестьянину конечно не такъ дешево, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и почти безвыходно держали его въ нищетѣ, конца которой онъ не видѣлъ и на будущее время. Въ сущности, сумма тутъ не велика, особенно если мы станемъ мѣрить ее по-своему, на основаніи цѣнъ настоящаго времени; но по тѣмъ временамъ такіе поборы были тяжелымъ ярмомъ для бѣднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI вѣка это было тяжелѣе татарскаго набѣга.»

Сверхъ этихъ поборовъ, крестьянинъ обязанъ былъ работать «два дня въ недѣлю, не считая четырехъ лѣтнихъ дней такъ называемой толоки», и исключая трехъ недѣль въ году—Рождества Христова, Свѣтлаго Воскресенья и масляницы. По расчисленію г. Мордовцова выходитъ 100 дней. Здѣсь не объяснено, кто работалъ за волоку. Слово «каждый крестьянинъ», употребленное г. Мордовцовымъ, есть уже его собственное, произвольное поясненіе въ подлинникѣ: «работы тяглымъ людемъ съ каждые волоки по два дни въ недѣлю». Можно это ближайшимъ образомъ понимать не такъ, что каждый крестьянинъ, какимъ бы онъ пространствомъ земли ни пользовался въ натурѣ—полволокою, или волокою, или третью волоки, и всѣ вмѣстѣ съ нимъ, сколько у него ни есть семейные, годные къ работѣ, обязаны отправлять двухдневную въ недѣлю работу, и такимъ образомъ каждое рабочее лицо должно работать два дни; а такъ: съ каждой волоки бралось два дни крестьянской работы. Сверхъ того, въ уставѣ, который изслѣдываетъ г. Мордовцовъ, остается неяснымъ: относится ли чиншъ и работа къ однимъ и тѣмъ же крестьянамъ, или же къ однимъ чиншъ, а къ другимъ работа. Работа назначается только однимъ *тяглымъ* людемъ; откупаться отъ работы нельзя. Но если урядъ найдетъ лишнихъ людей, то переводитъ ихъ на пустопорожнія волоки, и тамъ они уже вмѣсто работы платятъ 42 гроша,

а поземельнаго чиншу вообще со всѣми мелкими поборами выходитъ также 42 гроша (стр. 44, стр. 42). Сверхъ того, новопоселенцы, освобождаемые отъ работы, платили 10 грошей за какіе-то *кгвалты первоуставленые*. Это сближеніе наводитъ на предположеніе, что быть-можетъ плата чинша съ мелкими поборами относится къ однимъ осадникамъ, а не къ тяглымъ, а послѣдніе вовсе не платили поземельной подати такъ, что были два рода крестьянъ: одни чиншъ платили другіе вмѣсто чинша работаю давали вознагражденіе заудѣляемую землю. За волоку земли королю производилась двухдневная работа одного крестьянина. Въ томъ и другомъ смыслѣ разница безмѣрная; въ подлинникѣ неясность, а г. Мордовцовъ обошелъ ее и объяснилъ такъ, какъ нужно для того, чтобъ положеніе крестьянина казалось обременительнѣе.

Но допустимъ такъ, какъ думаетъ г. Мордовцовъ: положимъ, что одни и тѣ же и платили, и работали. Г. Мордовцовъ любить переводить тогдашнюю цѣнность на нынѣшнюю и примѣнять тогдашній порядокъ къ нашему современному. Послѣдуемъ и мы его примѣру. Г. Мордовцовъ, желая показать тягость крестьянъ, беретъ цѣнность вола, а мы возьмемъ цѣнность гуся. Гусь стоитъ полтора гроша, слѣдовательно волокъ (почти 20 десятинъ) 12 гусей. Теперь гусь стоитъ обыкновенно 30 коп.: слѣдовательно, еслибъ теперь крестьянинъ заплатилъ бы за 20 десятинъ лучшей земли поземельной платы 3 р. 60 к.; работа одного крестьянина въ день среднимъ числомъ можно положить въ 35 коп.; 100 дней 35 рубл.; бочка овса=4 корца 2=четверти 4 руб., мелкіе поборы до 3 рублей, и того 45 р. 60 коп. Еслибы теперь землевладѣлецъ предложилъ земледѣльцу такія условія: платить 45 рублей за 20 десятинъ наилучшей земли, это было бы отнюдь не дорого.

Г. Мордовцовъ говоритъ (стр. 27—28): «Но кромѣ того, смотря по обстоятельствамъ дѣла и по усмотрѣнію чиновниковъ, крестьяне обязаны были работать и во всякое время, когда находились уважительныя къ тому причины, за что впрочемъ слагались съ нихъ нѣкоторыя повинности, но въ такомъ только случаѣ, когда работы эти выходили изъ круга ихъ обыкновенныхъ занятій: такъ давались крестьянамъ нѣкоторыя льготы, когда на нихъ возлагалась доставка подводъ на слишкомъ большія разстоянія, постройка казенныхъ замковъ и дворовъ, и когда повинности эти отвлекали ихъ отъ хозяйства надолго и производили ущербъ въ ихъ собственной экономіи. Но

поставка подводъ, доставка лѣсу и постройка казенныхъ зданій въ сосѣдственныхъ помѣстьяхъ не считались отягченіемъ для крестьянъ и предоставлялись благоусмотрѣнію чиновниковъ. Если посылался чиновникъ съ казенными деньгами въ виленское казначейство, тогда войты, чередуясь погодно, изъ войтовствъ своихъ должны были снаряжать подводу для доставки этихъ денегъ: если чиновникъ везъ съ собой до 500 копъ денегъ, то ему давались двѣ подводы, если 1000 копъ, то четыре подводы. Плата прогонныхъ денегъ производилась также изъ мірской, т. е. крестьянской складчины: прогоны эти получали тѣ крестьяне, которые съ своими лошадьми употреблялись для перевозки денегъ изъ одного войтовства въ другое: они получали мірскихъ денегъ по грошу съ мили на одного коня. Не говорю здѣсь о прочихъ законахъ почтоваго вѣдомства, которые были организованы довольно правильно и тяжесть которыхъ падала опять-таки почти на одно сословіе крестьянъ.—Кромѣ всего этото, крестьяне обязаны были, по распоряженію начальства, возить къ пристанямъ казенный хлѣбъ; лѣсные товары и камень для казенныхъ построекъ въ мѣста, которыя имъ назначитъ ревизоръ; они занимались также сплавомъ казеннаго лѣса и дровъ въ Вильно; на ихъ отвѣтственности лежало исправное содержаніе мостовъ по дорогамъ, и каждое войтовство, подъ начальствомъ своего войта, не дожидаясь распоряженій «мостовничаго», устроивало мосты и переѣзды на свой счетъ и своими руками. Впрочемъ, за всѣ эти работы положена была для нихъ небольшая льгота въ ихъ обычныхъ повинностяхъ.» Повинности вообще имѣютъ такое свойство, что, исчисляя ихъ одну за другою, производишь ихъ рядомъ непріятное впечатлѣніе и рождается само собою соболѣзнованіе о тѣхъ бѣднякахъ, которые подвергались или подвергаются такому множеству повинностей. Г. Мордовцовъ самъ ослабляетъ это впечатлѣніе словами: «за всѣ эти работы положена была для нихъ (крестьянъ) *небольшая* льгота въ ихъ обычныхъ повинностяхъ.» Но изъ актовъ видно, что эта льгота вовсе была не *небольшая*, а правильное замѣненіе такими работами или поземельной платы, или рабочихъ дней. Напр. за подводы: *а за то будутъ отпущати подданнымъ сплатовъ за волею-нашею водле змешканя ихъ тамъ, на той послузѣ нашой* (Пам. К. Ком. II. стр. 155); *а гдѣ бы тежъ за листомъ и росказанемъ нашымъ люди осадные збожья альбо товары лесъные до портовъ возили, тогды имъ вцынышохъ также фолкда* (не сказано, малая или небольшая) *маетъ быти уделана* (стр. 158). *Естьли подданые за росказа-*

немъ нашымъ листовнымъ камень возили, тогды имъ за то въ цыншохъ фолкда маетъ быти вделана водле змешъканя ихъ на той посълузе нашой (и здѣсь не сказано, какая). О мощеніи мостовъ: *а подданными тяглыми мосты робити, за дни имъ повиноватши* (стр. 162).

Г. Мордовцовъ говоритъ (стр. 29):

«...видимъ неопредѣленность этихъ повинностей. А это самое тяжелое состояніе для крестьянина. Онъ считаетъ себя болѣе безопаснымъ, если точно и опредѣлительно знаетъ, что̀ именно отъ него требуютъ, что̀ именно долженъ онъ платить въ казну и чиновникамъ, когда и сколько времени долженъ онъ отнимать у себя для казенной работы. Ему легче пожертвовать двумя третями всего своего времени и своихъ доходовъ, только бы это было опредѣленно разъ навсегда, чѣмъ не знать ни одного дня, который онъ могъ бы назвать своимъ, не имѣть ни одного пенязя въ кошелькѣ, который бы принадлежалъ ему и никому больше. Произволъ въ распредѣленіи повинностей виденъ въ каждой главѣ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: *маеть быти на бачьности враду и ревизоровъ нашихъ*, т. е. «какъ угодно будетъ чиновникамъ», какъ они признаютъ за лучшее. Конечно, крестьянинъ тяготился такой безурядицей въ своихъ отношеніяхъ къ казнѣ и чиновникамъ: ибо онъ въ такомъ только случаѣ считаетъ себя вполнѣ обезпеченнымъ, когда знаетъ, сколько онъ обязанъ внести въ казну, и какой поклонъ дать чиновнику, и сколько дней работать не на своей пашнѣ.— За то порядокъ казенныхъ работъ, пеня и тѣлесное наказаніе за всякое упущеніе опредѣлены уставомъ съ точностью.»

Изъ устава мы видимъ, вопреки г. Мордовцову, что не только о порядкѣ казенныхъ работъ, о пенѣ и тѣлесномъ наказаніи заботится съ точностью охуждаемое имъ законоположеніе, но также и о томъ, чтобъ не разорить крестьянина и оградить его отъ произвола властей. Вотъ какъ слѣдуетъ поступать въ случаѣ неуплаты крестьяниномъ податей:

«Войтъ за росказанемъ вряднемъ маетъ такого ставить передъ урадомъ, а врадъ, доведавшися, есть ли могучы заплатити податокъ за недбалостью не платитъ, маетъ его до везеня осадити, поколь заплатитъ... А воловъ и коней за цыншъ и ни за што иного не грабити николи, а который человѣкъ не можетъ податку запълатити за тыми прычинами, то-есть за пожогою, за вымеретьемъ, або за

хоробою всего дому, за голодомъ, за побитиемъ граду и за вбоствомъ, таковаго кады воитъ посътавить урадъ отъ войта лавъниковъ и суседовъ его, того вѣдомость вземши и еще маеть зосълати до его дому доведатися, досътаточне и справедливель то, таковогo маеть в реестръ уписати и пры личъбе в скарбе оповедати, за которою прычиною не могъ выдати...» (Пам. кіевс. ком. II. 83).

Г. Мордовцовъ называетъ слова: *маеть быти на бачьности враду и ревизоровъ нашихъ* ужасными для крестьянина. Онъ не указалъ, гдѣ и по какому случаю эти слова сказаны, но мы сами ихъ нашли на 155 стр. II отд. II тома кіевскихъ памятниковъ и убѣдились, что ничего ужаснаго для крестьянъ въ нихъ нѣтъ. Говорится о томъ, чтобъ урядники дѣлали соображенія о постройкѣ зданій, доставкѣ дерева и поставкѣ подводъ, но передъ тѣмъ сказано, что въ такихъ случаяхъ крестьяне освобождаются отъ податей, и всякія такія предпріятія могутъ быть начаты единственно съ письменнаго дозволенія короля, а не самовольно: такимъ образомъ *бачьности враду и ревизоровъ* предоставляется не болѣе какъ представлять хозяйственные проекты.

Замѣтимъ мимоходомъ, что г. Мордовцовъ неправильно понимаетъ слово *врадъ* или *урядъ* земскою полиціею: если уже переводить этотъ терминъ на наши обычаи и учрежденія, такъ это скорѣе удѣльная контора, чѣмъ земская полиція.

По мнѣнію г. Мордовцова (стр. 32–33), для литовскаго и малорусскаго крестьянина чиновникъ былъ положительнымъ и неотразимымъ зломъ, всю тяжесть котораго несло на себѣ низшее сословіе: тамъ чиновникъ существовалъ мужикомъ и всякое столкновеніе этого послѣдняго съ закономъ въ лицѣ засѣдателя (лавника) или другаго урядника, всякое дѣло—будь оно въ высшей степени правое—требовало извѣстной платы чиновнику—по закону. Издержки мужику обходились двойныя: платилъ онъ казнѣ—по закону, платилъ и чиновнику—по закону; и чѣмъ чаще мужикъ встрѣчался съ закономъ, т. е. съ чиновникомъ, тѣмъ больше боялся онъ и того и другаго, и тѣмъ больше желалъ этихъ встрѣчъ чиновникъ, имѣя въ нихъ все: «насущный хлѣбъ», и жалованье, и награду за лишнія хлопоты—не говоря уже о «благодарностяхъ», о «поклонахъ», которые разумѣются сами собой. Оттого и въ законѣ является статья противъ взятокъ, въ которой поставлено, чтобы войты, засѣдатели и прочіе чиновники не полагали лишняго за свои дѣла, не брали взя-

токъ, не выдумывали разныхъ своевольныхъ поборовъ. Но какъ непрочна была эта статья устава, видно изъ того, что за всѣ свои плутни надъ крестьянами, за всѣ грабежи при слѣдствіяхъ и сборѣ пошлинъ, чиновникъ отвѣчалъ передъ правосудіемъ однимъ только рублемъ, и вѣроятно оставался на прежней должности для выручки этого взятаго казной рубля.» Напротивъ того, мы встрѣчаемъ въ уставѣ, что старосты и тіуны за несправедливые поборы или за самовольное взятіе подводъ наказывались отставленіемъ отъ должностей, а урядники даже смертью («а старостове и тивуны подводъ жадныхъ отъ подданныхъ нашихъ на свою потребу, а ни прыятелей своихъ брати не маютъ под утъратою враду, а враднике ихъ где бы ихъ брали на свою албо чію иншэю потребу горло тратить» (Пам. кіев. ком., т. II, етд. II, стр. 155). Урядники не могли брать что имъ угодно: ихъ доходы были опредѣлены съ точностью, они не могли въ случаѣ неуплаты крестьяниномъ ихъ доходовъ, какъ и вообще королевскихъ повинностей, ставить къ нимъ въ домы квартирантовъ (*лежневъ въ домы*), не смѣли они ѣздить за вымышленными поборами (*по коледы великодные и пожытки вымышленые* стр. 130); урядникъ не былъ лицо неприкосновенное для крестьянина, который былъ обязанъ сносить отъ него всякую несправедливость: крестьянинъ имѣлъ право жаловаться ревизору на несправедливое управленіе уряда. Если бы слуга урядника сдѣлалъ оскорбленіе крестьянину, самъ господинъ его долженъ давать отвѣтъ предъ ревизоромъ за своего слугу въ обидѣ крестьянину «а естьли бы панъ врадникъ зъ своего намѣстника або зъ слуги за прошенемъ отъ войта або подданого справедливости укрывъжоному подданому не чинилъ, ино хотя бъ того слуги не было, повиненъ самъ панъ предъ ревизоромъ оную крывду ему отказывати и справа всказаное нагородити, а собе на томъ слузе шкоды доходити, а который бы врадникъ о такую крывду не отъповѣдалъ, альбо наговжати крывды а шкоды подданнымъ не хотѣлъ, то маетъ ревизоръ панъ государю, а въ небытности насъ подскарбему ознаймати») (Пам. кіев. ком., т. II, отд. II, стр. 128). Урядъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Не только позволялось подчиненнымъ на него жаловаться, но войтъ, состоящій подъ его непосредственнымъ начальствомъ, былъ обязанъ дѣлать ему замѣчаніе въ случаѣ противозаконныхъ поступковъ, и если бъ такое замѣчаніе не было принято, то доносить ревизору (и того стеречы, абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не со-

бралъ, а естьли бы зомованьемъ его врадъ того не пересталъ, маеть то войтъ ревизору оповедати» (Пам. К. К., т. II, отд. II, стр. 23).

Переходя отъ коронныхъ имѣній къ владѣльческимъ, г. Мордовцевъ еще болѣе хочетъ представить въ черномъ видѣ управленіе польскихъ пановъ и злополучное состояніе крестьянъ подъ ихъ властью. Онъ руководствуется здѣсь инвентарями, помѣщенными въ третьемъ томѣ Памятниковъ кіевской коммиссіи. Вотъ какое сужденіе дѣлаетъ онъ вообще о состояніи владѣльческихъ крестьянъ (стр. 37—38):

«Положеніе казеннаго крестьянина не можетъ дать ни малѣйшаго понятія объ участи другихъ несвободныхъ классовъ Рѣчи Посполитой: положеніе его должно было казаться рѣдкимъ благосостояніемъ въ глазахъ хлоповъ *вольныхъ похожихъ*.

«*Вольные похожіе*, не имѣя клочка собственной земли, которая вся находилась во владѣніи казны или принадлежала шляхтѣ, рано или поздно, поневолѣ должны были сдѣлаться такимъ же достояніемъ пановъ, какъ и прочіе хлопы: если поселянинъ хотѣлъ оставаться вольнымъ, хотя по имени, онъ долженъ былъ скитаться съ мѣста на мѣсто и не имѣть своей собственной кровли. Въ этомъ случаѣ статутъ заботился, кажется, о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Если вольный человѣкъ прожилъ десять лѣтъ на одномъ мѣстѣ, платя всѣ требуемыя отъ него повинности и работая на господина, онъ дѣлался крѣпостнымъ владѣльца земли и могъ откупиться отъ него только десятью копами грошей. Онъ могъ избавиться отъ своего пана еще бѣгствомъ; но въ такомъ случаѣ панъ имѣлъ право отыскивать его до десяти лѣтъ. Если въ продолженіе этого срока бѣглецъ не былъ пойманъ, то на одиннадцатомъ году становился снова вольнымъ; въ противномъ случаѣ дѣлался такимъ же крѣпостнымъ, какъ и другіе хлопы владѣльца. А *хлопъ* принадлежалъ господину весь, какъ принадлежали ему волы и овцы съ приплодомъ и шерстью, борти съ пчелами и медомъ, садки съ рыбой, лѣса съ дикими звѣрями; хлопъ работалъ на него столько, сколько позволяли ему силы и время, и если работалъ и на себя, то лишь только для того, чтобы все выработанное отдать господину же. Коронный крестьянинъ имѣлъ мѣсто и защиту въ законѣ, хотя въ сущности законъ этотъ былъ для него глухъ и нѣмъ, существуя только на бумагѣ, какъ мертвая форма, какъ чиновничья рутина, и не мѣшая исполнителю закона толковать смыслъ его по своему уразумѣнію; хлопъ лишенъ былъ даже этого; онъ, если можно такъ выразиться, стоялъ

внѣ закона, по крайней мѣрѣ для своего владѣльца; всѣ артикулы, въ которыхъ повидимому защищались его человѣческія права, не существовали на дѣлѣ, уступая передъ силою обычая, вслѣдствіе котораго жизнь хлопа могъ отнять панъ или его довѣренный. Хлопъ былъ рабъ въ полномъ смыслѣ слова. Хотя статутъ Сигизмунда III и заботился уже, чтобы хлопа не называли невольникомъ, для чего и подобранъ особый *артыкулъ* — «о новомъ назвиску челяди дворное, место того, *што ихъ передъ тымъ невольниками звано*», но перемѣна имени не спасла жизнь этой челяди отъ произвола господъ; исчезло названіе, но идея осталась вѣрною старинѣ, и много лѣтъ спустя послѣ изданія этого артикула, всякій помѣщикъ не боялся передавать своихъ крестьянъ въ аренду жидамъ и писать условія, которыя утверждались въ судебныхъ мѣстахъ, передъ лицомъ закона, и въ которыхъ не считалась предосудительною фраза, что жидъ—арендаторъ имѣлъ полное и неотъемлемое право судить и *горломъ карать* (т. е. лишать жизни, предавать казни) арендныхъ крестьянъ».

Картина трогательная, но г. Мордовцовъ не вполнѣ правильно опредѣляетъ понятіе о хлопѣ. Хлопъ вовсе не рабъ: хлопъ просто мужикъ, поселянинъ; кромѣ *челяди дворные, што ихъ передъ тымъ невольниками звано*, рабовъ и не было. Всѣ хлопы имѣли право вольнаго перехода: крѣпостнаго права въ Польшѣ не существовало, а существовало право суда, панская юрисдикція. Панъ былъ судья крестьянъ, а не такой собственникъ ихъ, какъ собственникъ какой–нибудь вещи.

Разсматривая инвентари, г. Мордовцовъ говоритъ (стр. 38): «развернемъ какой–угодно инвентарь помѣщичьяго имѣнія», и беретъ инвентарь Заборольскаго, сознаваясь однако, что въ немъ говорится немного и притомъ какъ бы вскользь. Когда рѣчь идетъ о крестьянскихъ повинностяхъ, то и по немногимъ сказаннымъ словамъ можно судить о многомъ недосказанномъ. Въ этомъ описаніи состоянія крестьянъ въ имѣніи Заборольскаго два раза г. Мордовцова увлекло за предѣлы справедливости сочувствіе къ страданію простаго народа. Говоря о различіи коней и клячь, г. Мордовцовъ, какъ показываетъ его тонъ, полагаетъ, что кляча значила здѣсь то же, что теперь значитъ у насъ, и воображаетъ себѣ вѣроятно худую, едва двигающую ноги лошадь: тутъ кляча значитъ вообще кобыла, даже очень жирная и дюжая. Это первое его увлеченіе. Второе гораздо важнѣе, ибо касается уже не лошадей, а людей. Г. Мордовцовъ опредѣляетъ

повинности крестьянъ въ имѣніи Заборольскаго такъ: «*они должны были работать на помѣщика каждый день* (*) и сверхъ того ежегодно давали ему по мацѣ (до 5 четвериковъ) овса съ каждаго вола». Окончивъ описаніе инвентаря, г. Мордовцовъ приводитъ ссылку: «Пам. изд. врем. ком., т. III, отд. II, стр. 16». На указанной имъ страницѣ говорится: *повинности ихъ в рось с каждаго вола по мацы овса, а на роботу повинни слухати яко роскажуть.* Гдѣ же тутъ каждый день? А неопредѣленное «повинни слухати яко роскажуть» объясняется послѣдующими ниже инвентарями, гдѣ говорится, что работу отбываютъ по старому обычаю, т. е. это не составляло предметъ инвентаря, имѣвшаго цѣлью только описать существующія въ имѣніи вещи, а не повинности. Правда, кіевская коммиссія въ своемъ предисловіи сдѣлала сноску и въ ней (стр. IX) упоминаетъ о существованіи въ дѣлахъ такихъ инвентарей, гдѣ постановлена каждодневная работа, но ни одно такое дѣло не напечатано: объ нихъ знаютъ только гг. Юзефовичъ да Иванишевъ, а *не мы грішні.* Въ тѣхъ же инвентаряхъ, которые коммиссія напечатала, нѣтъ такой повинности. Мы не въ правѣ подозрѣвать добросовѣстность коммиссіи въ напечатанныхъ актахъ, какъ это дѣлаютъ Поляки, но въ правѣ не принимать на вѣру толкованія коммиссіи, особенно послѣ такихъ переводовъ, какъ напр. корчмы покутныя = корчмы для содержанія преступниковъ, тогда какъ слово корчма покутная = karczma pokątna = корчма потаенная, именно такого рода корчма, какія преслѣдовались и въ московскомъ государствѣ въ воеводскихъ наказахъ словами: «корчмы и блядни не держать, зернью не играть, табаку не пить и проч.» Мимоходомъ мы коснулись этого, чтобы показать, что кіевская коммисія, при всей своей добросовѣстности, не чужда правилу: errare humanum est, и потому въ тѣхъ инвентаряхъ, которые остались не напечатанными, мѣста могли быть объяснены также произвольно, какъ и г. Мордовцовъ, и даже, если тамъ есть слово «каждодневно», то быть—можетъ, его слѣдуетъ понимать не такъ, чтобъ каждый крестьянинъ обязанъ былъ каждый день работать, а такъ, что каждый день производится крестьянская работа. Между тѣмъ г. Мордовцовъ нетолько изобразилъ намъ бѣдственное состояніе мужика, обязаннаго каждый день работать на помѣщика, да еще платить помѣщику (съ чего же онъ будетъ платить?

(*) Курсивъ въ подлинникѣ.

Тутъ ужъ нетолько угнетеніе, а невозможность), но еще и представилъ (стр. 39—40), какъ народъ воспѣвалъ свое горе:

«Натурально, что у такого народа могла сложиться грустная пѣсня, которая, находя сочувствіе въ угнетенной массѣ, пережила цѣлыя столѣтія и еще до сихъ поръ раздается на Волыни:

«Ходить попокъ по церковци,
У книжку читае:
— Ой, чомъ же васъ, добри люди,
У церкви не мае?
— Ой, якъ же намъ, паноченьку,
До церкви ходити:
Одъ недили до недили
Маемъ молотити!...»

Пѣсня эта доставлена г. Мордовцеву мною. Она начинается слѣдующими стихами:

Була Польща, була Польща,
Па стала Россія:
Не одбудъ сынъ за батька,
А батько за сына!

Эта пѣсня точно изображаетъ угнѣтеніе крестьянъ подъ властью помѣщиковъ. Но когда? Уже въ позднѣйшія времена, когда западно-русскій край былъ восприсоединенъ къ русскому міру. (въ XVII стол.) Правда, можно понимать слова: «була Польща и стала Россія» такъ, какъ—будто народъ хотѣлъ сказать этимъ: что—жь это значитъ? Была Польша, намъ было худо; а теперь нѣтъ Польши, уже теперь мы у себя дома, подъ своей властью, въ своемъ государствѣ, а намъ все еще худо отъ Поляковъ. Но можно, пожалуй, этой же пѣснѣ дать и другое толкованіе такого рода: была Польша—намъ было хорошо, а стала Россія—намъ не лучше! Поляки непремѣнно дадутъ точь—въ—точь такой коментарій этой пѣснѣ, хотя этотъ коментарій нимало имъ не поможетъ, потому—что въ пѣснѣ народъ, хотя и подъ властью Россіи, жалуется все—таки на нихъ же. Но тѣмъ не менѣе пѣсня описываетъ позднѣйшія времена, а не тѣ, къ которымъ относитъ ее г. Мордовцевъ. Нельзя такимъ образомъ шагать черезъ три столѣтія.

Вообще инвентари мало даютъ яснаго понятія о крестьянскихъ

повинностяхъ и о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ. Вотъ, напримѣръ, въ сокращеніи, сдѣланномъ г. Мордовцовымъ, инвентарь имѣній Черногородскихъ (стр. 41):

«Тяглый крестьянинъ, получившій въ удѣлъ дворище или жеребій, платилъ помѣщику поземельный оброкъ, сообразный съ качествомъ и величиной участка земли, который былъ данъ ему въ обработку. Самая большая плата состояла изъ 80 грошей или около 4 нашихъ цѣлковыхъ; другіе платили 60 грошей (около 3 р. сер.); за меньшія дворищи взималось большею частью 30 и 29 грошей, что составляло почти нормальную цѣну посредственнаго дворища. Кромѣ поземельнаго оброка, крестьяне платили еще *дань медовую* и плата эта была различна: такъ, напримѣръ, крестьяне села Маневичей, которыхъ считалось только шесть дворищь, платили медовой дани $112\frac{1}{2}$ ведеръ, кромѣ платы за землю, которая у нихъ равнялась 29 грошамъ съ дворища; крестьяне же села Рудникова, у которыхъ считалось 24 дворища, давали медовой дани только 24 ведра, и т. д. Относительно работъ тяглыхъ людей въ инвентарѣ сказано очень неопредѣленно, именно: *а повинность работы ихъ водлугъ давного звычаю*. Что это былъ за *старый обычай*, неизвѣстно. Можетъ быть это значитъ, что черногородскіе крестьяне отбывали такую же барщину, какая была въ имѣніи Заборольскомъ, т. е. каждодневную».

Г. Мордовцовъ прибавляетъ отъ себя «можетъ быть», когда ему хочется, чтобъ крестьянамъ было похуже подъ панскимъ владѣніемъ; а мы, съ своей стороны, скажемъ: можетъ быть эта повинность была самою легкою для крестьянъ — единственно на томъ основаніи, что намъ бы хотѣлось, чтобъ крестьяне благоденствовали. Въ самомъ же дѣлѣ, въ черногородскомъ имѣніи остается неизвѣстною въ то время вполнѣ не только работа, но и количество земли и угодьевъ, получаемыхъ крестьянами. Изъ этого инвентаря нельзя извлечь ровно никакихъ заключеній — ни благопріятныхъ, ни дурныхъ для польскаго или малороссійскаго самолюбія.

Справедливо замѣчаетъ авторъ, что изъ всѣхъ инвентарей, помѣщенныхъ въ памятникахъ, отчетливѣе всѣхъ составленъ инвентарь имѣнія Полонскаго. Мы приведемъ его описаніе, чтобъ читатель самъ видѣлъ, насколько возможно познакомиться съ состояніемъ крестьянства подъ польскимъ владычествомъ.

«Къ имѣнію Полонскому было приписано шесть селъ различной величины, съ отведенными для каждаго участками земли, которая и

была роздана крестьянамъ за опредѣленную плату и на извѣстныхъ условіяхъ. Хозяйственная система, введенная въ этомъ имѣніи, совершенно отлична отъ показанныхъ выше: здѣсь не назначалось особой усадебной земли, необходимой въ каждомъ селеніи, какъ бы ни было оно малонаселенно, и потому не было особой свободной земли, предназначенной для выгона; но вся земля разбита была на *волоки*, на извѣстные, одинакіе участки, которыми пользовались крестьяне, съ тѣмъ однако, чтобъ каждое семейство, получивъ участокъ земли, селилось на немъ со всѣмъ своимъ имѣніемъ и хозяйственными принадлежностями, составляя совсѣмъ отдѣльное отъ прочихъ хозяйство— нѣчто въ родѣ хутора. Лучшая часть полей, луговъ и лѣсовъ отчислялась въ пользу помѣщика, для устройства *фольварковъ* и подъ господскія пашни и сѣнокосы; остальная земля дѣлилась между крестьянами. Фольварковыя пахатныя поля, предназначенныя собственно для помѣщика, иногда оставались въ его непосредственномъ владѣніи и воздѣлывались крестьянами посредствомъ барщины, а иногда, по примѣру прочей земли, дробились на волоки и раздавались крестьянамъ, по ихъ желанію, за условленную плату. Само-собою разумѣется, что не всѣ были въ состояніи пользоваться этой землей, потому что поземельный оброкъ съ нея обходился очень дорого для крестьянина.

«Я сказалъ, что вся земля Полонскихъ была раздѣлена на *волоки*. Волока заключала въ себѣ 19 русскихъ десятинъ и 2100 саженъ. На этихъ девятнадцати десятинахъ селилось иногда одно крестьянское семейство, если оно было довольно большое и могло обработывать 19 десятинъ; иногда—нѣсколько семействъ. Повидимому, въ землѣ недостатка не было. По экономическимъ расчетамъ тогдашнихъ хозяевъ, волока земли считалась вполнѣ достаточною для водворенія на ней со всѣми необходимыми принадлежностями полнаго крестьянскаго хозяйства, которымъ завѣдывали нѣсколько семействъ, потому что волока заключала въ себѣ довольно значительное количество земли и не могла быть обработана руками одной семьи. Обыкновенно помѣщикъ распредѣлялъ землю между своими крестьянами такимъ образомъ: нѣсколько семействъ, соединивъ свой рабочій скотъ и какой у кого водился земледѣльческій капиталъ, составляли нѣчто въ родѣ маленькой общины, товарищества, и брали у владѣльца въ пользованіе себѣ одну волоку; потомъ, съ общаго согласія, раздѣляли ее на мелкіе участки, сообразно съ силами и средствами каждаго хозяйства, и каждая семья воздѣлывала свой уголокъ отдѣльно, помогая,

въ случаѣ надобности, своимъ товарищамъ и отбывая повинности сообща; поземельный оброкъ за свою волоку вносило все товарищество вмѣстѣ. Не соединивъ своихъ средствъ и рабочаго скота, конечно не всѣ крестьяне могли бы воздѣлывать землю, потому что недостатокъ въ земледѣльческихъ орудіяхъ и рабочемъ скотѣ былъ такъ ощутителенъ, что на нѣсколько семействъ приходился только одинъ волъ: такъ семейство Бартоломея Панасовича, имѣвшаго двухъ сыновей, пользовалось двумя третями волоки; остальная часть земли, т. е. одна треть волоки, была раздѣлена еще между тремя хозяйствами. Такимъ образомъ шесть хозяйствъ были въ состояніи воздѣлывать одну только волоку, да и то, вѣроятно, съ большимъ трудомъ, потому что на всѣ эти шесть хозяйствъ приходился одинъ только волъ и ни у кого изъ нихъ не было лошадей. Или: Кузьма Тарасовичъ съ сыномъ получилъ треть волоки, Удодъ Ярмомъ, имѣвшій трехъ сыновей—другую треть и Сайворосн҃ѣвичъ съ тремя братьями — остальную треть: и всѣ они, въ общей сложности, имѣли трехъ воловъ и одну тольку лошадь. Въ этомъ случаѣ на мужскую душу приходится около двухъ десятинъ земли. Нѣкоторыя семейства брали волоку и на такихъ условіяхъ, что вся земля оставалась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи цѣлаго товарищества.

«Такая хозяйственная система въ способѣ распредѣленія земли оказалась очень удобною для крестьянъ, особенно для такихъ, которые были довольно бѣдны и безъ посторонней помощи не могли отбывать своихъ повинностей. Крестьянинъ, не имѣвшій ни средствъ обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ, ни довольно рабочаго скота, чтобы воздѣлывать самый маленькій клочокъ земли, вступивъ въ товарищество съ зажиточнымъ крестьяниномъ, становился и самъ если не безбѣднымъ, то по крайней мѣрѣ не безполезнымъ для помѣщика и общества; между тѣмъ какъ зажиточный мужикъ, имѣя нѣкоторый излишекъ въ средствахъ и какого-нибудь гулячаго вола, не только обработывалъ свою собственную волоку на правахъ полнаго и самостоятельнаго хозяина, но съ другой частью капитала присоединялся еще къ товариществу и былъ снова полезенъ и помѣщику и себѣ. Такихъ случаевъ находимъ въ инвентарѣ довольно много. При иномъ положеніи дѣлъ, всѣ повинности, соединенныя съ довольно значительною поземельною платою, могли бы сдѣлаться очень обременительными для подданныхъ, между тѣмъ какъ здѣсь даже тѣ семейства не были вовсе безполезны, въ которыхъ не было ни одного взрослаго мужчины—

ни одного работника. Характеръ малорусскаго поселянина, какъ извѣстно, проявляется въ томъ, что онъ не любитъ жить въ большомъ семействѣ, и каждый взрослый сынъ просится въ отдѣлъ и заводитъ свое хозяйство (что у великороссіянина, издавна привязаннаго къ общинѣ, къ міру, и почти не знающаго раздѣльности семейства, бываетъ наоборотъ): естественно послѣ этого, что вдовы, оставаясь послѣ мужей съ одними малолѣтными дѣтьми и не имѣя возможности присоединиться къ семейству мужа, отдѣлившагося отъ отца и братьевъ, не могутъ поддерживать своего хозяйства и впадаютъ въ нищету. При такомъ же порядкѣ, какой былъ заведенъ въ имѣніи Полонскомъ, зло это, почти неизбѣжное въ Малороссіи, могло быть устранено: вдова, у которой, при достаточности земледѣльческаго капитала, рабочаго скота и прочихъ необходимыхъ средствъ, недоставало рабочихъ рукъ и опытнаго распорядителя, могла поправить зло, присоединясь къ какому-либо товариществу или принявъ въ помощь къ себѣ другое семейство съ опытнымъ мужчиной: всякій хорошій, но бѣдный работникъ могъ быть полезенъ въ этомъ случаѣ, вступивъ въ товарищество съ другой семьей не въ качествѣ наймита, а на правахъ такого же хозяина».

«Но приступимъ къ обозрѣнію повинностей и работъ крестьянскихъ. Повинности были распредѣлены сообразно званію крестьянъ, потому что кромѣ тяглыхъ, огородниковъ и подсусѣдковъ, въ имѣніи Полонскомъ были еще *осадники*, *бояре путные* и *бояре конные*».

«Въ селахъ; Городищѣ, Горкахъ, Полоннѣ и Оздовѣ повинности тяглыхъ крестьянъ были такого рода:

«*Чиншу*, т. е. поземельнаго оброка, каждый тяглый платилъ съ своей волоки 2 копы и 40 грошей, что составляло около 8 руб. сер. Натурой крестьяне обязаны были давать: *жита дякольнаго*, для засѣва фольварковыхъ пашень, съ каждой волоки по полмацы луцкой мѣры, насыпая въ уровень съ краями; каждое село давало извѣстное количество овса; *стацiи*, т. е. съѣстныхъ припасовъ, на случай пріѣзда князя, давали одну яловицу и одного барана съ десяти волокъ; а съ каждой волоки особо—по одному гусю, по двѣ курицы, по 20 яицъ и по возу сѣна. *Барщина* состояла въ слѣдующемъ: крестьяне обязаны были пахать лѣтомъ одинъ день для господской озими, и въ назначенное управителемъ время, вывезти на господскую пашню рожь, собранную съ крестьянъ же по полмацы съ волоки, посѣять и въ одинъ день заборонованть, наряжая по одной боронѣ съ

каждой волоки. Сколько бы ни было посѣяно хлѣба на господской пашнѣ, весь такой хлѣбъ обязаны четыре поименованныя села пожать сгономъ свезти въ барское гумно и сложить въ скирды. Крестьяне обязаны съ каждой волоки, за которую платится чиншу 2 копы и 40 грошей, привезти на господскій дворъ ежегодно по 4 воза дровъ изъ господскаго лѣса, а также и изъ чужихъ лѣсовъ, если это будетъ приказано управителемъ. Каждое село обязано заблаговременно скосить сгономъ назначенную ему долю господскихъ сѣнокосовъ, по оповѣщенію и приказанію управителя; высушивъ сѣно, каждое село обязано было сложить его въ скирды и потомъ доставить на барскій дворъ. Стражу для двора Полонскаго обязаны давать всѣ села поочередно, наряжая по два сторожа въ недѣлю; а когда пріѣзжалъ князь, то наряжали сторожей по мѣрѣ надобности. Также и подводу эти четыре села обязаны были давать по очередно, ежегодно наряжая по одной подводѣ съ волоки, не далѣе 20 миль. Если съ какой-нибудь волоки уже наряжена была одинъ разъ подвода, то въ этомъ году крестьяне не обязывались давать другую подводу. Они должны были являться сгономъ для починки плотинъ (grobli), для загачиванія прорывовъ, насыпи отмелей, доставки хвороста и соломы, откуда прикажетъ управитель. Всѣ эти работы они должны были отбывать во всякое время, когда требовала надобность.

«Повинности эти были пояснены еще слѣдующими правилами: крестьяне не должны были нанимать земель у крестьянъ, принадлежавшихъ постороннимъ владѣльцамъ; въ противномъ случаѣ они платили штрафъ въ пользу помѣщика и теряли весь хлѣбъ, посѣянный на нанятой замлѣ. А если кому изъ нихъ надобилась земля, то они должны были брать волоки на землѣ своего господина, за положенную плату, если только гдѣ имѣлись такія волоки.—Крестьяне должны были уплачивать чиншъ управителю осенью, въ день св. Мартына и не позже св. Николая; а кто изъ нихъ не могъ отдать чиншу до св. Николая, то управитель наказывалъ такого тюремнымъ заключеніемъ. — При отдачѣ *чиншовъ*, *бирчаго и писчаго*, управитель бралъ еще съ каждой волоки по 12 листовыхъ пенязей. — *Громады*, т. е. сельскія сходки, назначаемыя для господскихъ надобностей, должны были собираться не въ будничные, но въ праздничные дни; а еслибы кто изъ крестьянъ не явился на сходку, то долженъ былъ заплатить управителю 2 гроша».

«Въ нѣкоторыхъ селахъ были и бо́льшія повинности».

«Другой классъ крестьянъ — *огородники* не имѣли особаго пахатнаго поля въ своемъ пользованіи, а получали только по 3 морга земли подъ огороды. За это они платили по 12 грошей чиншу и по два дня въ недѣлю работали на барщинѣ пѣшіе. Они менѣе другихъ были полезны помѣщику. У огородниковъ не было ни лошадей, ни другаго рабочаго скота, потому и на барщину выгонялись они пѣшіе. Что такихъ полуземледѣльцевъ было довольно въ каждомъ селѣ, видно изъ того, что списокъ огородниковъ каждой волости очень значителенъ; а отсутствіе рабочаго скота, и по этой причинѣ занятіе огородничествовъ, требующимъ только заступа и рукъ, не совсѣмъ рекомендуетъ достаточность малорусскихъ крестьянъ того времени.— Огородники села Коршова, владѣя хорошей землей, платили не 12, а 30 грошей чиншу: плата довольно тяжелая для огородника! — Самый печальный классъ сельскихъ обывателей составляли *подсусѣдки* — исключительное явленіе того смутнаго періода времени, когда не у всякаго крестьянина была соха и у рѣдкаго пара воловъ. И только подсусѣдки, жившіе почти за Христа-ради у другихъ крестьянъ и не имѣвшіе ничего кромѣ рукъ, способныхъ къ работѣ, а иногда лишенные и этого достоянія,—только подсусѣдки избавлялись отъ оброка, на томъ основаніи, что они не могли ничего заплатить за себя. Повинности ихъ состояли въ томъ, что они работали на барщинѣ по одному дню въ недѣлю.

«Крестьяне же, называвшіеся *осадниками*, или «подданные осадные», отличались отъ тяглыхъ крестьянъ тѣмъ, что за право пользоваться господской землей платили 3 копы (до 9 р. сер.) съ волокй и были избавлены отъ барщины и другихъ крестьянскихъ повинностей, лежавшихъ на прочихъ тяглыхъ людяхъ, огородникахъ и подсусѣдкахъ».

«Были и такіе крестьяне, которые въ одно и то же время состояли на правахъ тяглыхъ и несли всѣ крестьянскія повинности, а между тѣмъ, владѣя другой волокой и платя за нее 3 копы, считались осадниками и избавлялись отъ барщины и повинностей по той волокѣ, съ которой платили осаду».

«На правахъ осадныхъ крестьянъ были и *бояре осадные*—собственно такіе сельскіе обыватели, которые обращены были изъ бояръ въ пахатныхъ крестьянъ. Вмѣсто отправленія барщины и взноса натуральныхъ повинностей, они платили помѣщику 3 копы осады».

«Такъ какъ въ XVI вѣкѣ не существовало еще правильнаго

устройства почтъ, то обязанность развозить письма и другія бумаги къ частнымъ лицамъ и въ разные уряды возлагалась помѣщиками на особый классъ крестьянъ, называвшихъ *боярами путными*. Повинность эта называлась *листовною службою*. Кромѣ доставки бумагъ отъ помѣщика или управителя, бояре путные должны были провожать господскія подводы, отправлявшіяся куда-либо по надобности. Служба ихъ вознаграждалась участками земли въ половину волоки или въ цѣлую волоку, которые давались имъ отъ помѣщиковъ въ пользованіе.

«*Боярами конными* были или безземельные шляхтичи, или и помѣщичьи крестьяне, получавшіе отъ помѣщика участокъ земли, съ обязанностью исполнять земскую военную службу. Такъ какъ въ то время каждый помѣщикъ несъ военную службу и былъ обязанъ снаряжать на свой счетъ опредѣленное число панцырниковъ, которое назначалъ сеймъ, соображаясь съ средствами помѣщика и величиной его поземельной собственности, то, чтобы на всякій случай войны эти были готовы и могли выступить въ поле по первому требованію сейма, помѣщикъ отбиралъ изъ своихъ крестьянъ нѣсколько семействъ или приглашалъ бѣдныхъ шляхтичей, давалъ имъ въ пользованіе четыре волоки земли, свободной отъ обыкновенныхъ повинностей, и возлагалъ на нихъ обязанности воинской службы. Люди эти назывались *боярами конными* или *панцырными*. Повинности ихъ обозначены въ инвентарѣ такъ: «бояре конные полоцкіе должны имѣть добраго коня, ружье и рогатину, носить ливрею его княжеской милости, и исправлять военную, сеймовую и другія службы, въ пользу князя, по приказанію его милости. Они освобождены за это какъ отъ чиншовъ, такъ и отъ ѣзды съ листами» (стр. 44—51).

Не смотря на достаточную подробность этого инвентаря, невозможно произнести рѣшительнаго сужденія о состояніи крестьянъ. Какъ всякое положеніе, когда человѣкъ исполняетъ обязательный трудъ въ отношеніи другаго, когда бѣдный трудомъ своимъ угобжаетъ богача — состояніе крестьянина не могло не представлять стѣснительныхъ сторонъ. Но пусть г. Мордовцовъ сравнитъ этотъ инвентарь съ неписанымъ, но существующимъ de facto инвентаремъ знакомыхъ ему помѣщичьихъ имѣній въ наше время въ любой губерніи — хоть бы въ Саратовской — имѣній даже господъ прогрессивныхъ, гуманныхъ, даже литераторовъ, и найдетъ навѣрное, что польскіе инвентари ничуть не обременительнѣе нашихъ, такъ недавно перешедшихъ

въ область исторіи. А между тѣмъ жили же люди, привыкали и были довольны судьбою. — Не совсѣмъ вѣрно г. Мордовцовъ заключаетъ, что рѣдко одно семейство владѣло цѣлой волокой и гораздо чаще нѣсколько семей соединялось вмѣстѣ на одной волокѣ. Напр. въ селѣ Оздовѣ на 36 хозяйствахъ только 6 не имѣющихъ полной волоки (стр. 93—95), а нѣкоторыя владѣли двумя и даже четырмя волоками. Въ селѣ Баіовѣ дѣйствительно сильное дробленіе, но за то, естественно, крестьяне въ отдѣльности меньше и отбывали повинностей. Число скота по большей части, правда, не представляетъ большаго благосостоянія крестьянъ, но не слѣдуетъ понимать число 1 подъ рубрикою воловъ за одного вола, а скорѣе за одну пару воловъ, ибо въ Малороссіи всегда волы считаются парами, а не штуками.

Самымъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ угнетенія народнаго была отдача имѣній на аренды жидамъ; здѣсь г. Мордовцовъ имѣетъ на своей сторонѣ неоспоримые факты, которые даютъ ему записи Александра Пронскаго и Григорія Сангушка Кошерскаго жиду Абраму Шмойловичу: въ имѣніи, отданномъ послѣднему въ аренду, владѣлецъ предоставляетъ арендатору судъ и право смертной казни надъ крестьянами. «Подстароста владимірскій — говоритъ г. Мордовцевъ (стр. 58) — какъ предсѣдатель высшаго судебнаго мѣста, приказывалъ вносить эти записи въ городскія книги такъ: «Я, разсмотрѣвъ предъявленный листъ и находя его *составленнымъ законно* (смертная казнь по личному произволу — законна!), съ печатями и собственноручными подписями, принялъ его для внесенія въ книги, предъ собою приказалъ читать». Изъ этихъ-то городскихъ книгъ, сбереженныхъ временемъ, мы и почерпнули такія свидѣтельства о состояніи крестьянъ въ томъ варварскомъ вѣкѣ.

Замѣтимъ почтенному автору на его восклицаніе: «смертная казнь по личному произволу—законна!» — что смертная казнь предоставлена не по личному произволу, а по суду.

«Другіе арендные листы—продолжаетъ г. Мордовцевъ—не противорѣчатъ предыдущимъ. Только вмѣсто жида Абрамки Шмуйковича является жидъ Песахъ или другой подобный, и права его такъ же неограниченны, какъ и перваго; только въ записи Песаха прибавлено, что *въ аренду къ нему поступаютъ и церкви со всѣмъ тѣмъ, что дано имъ на содержаніе.* Жидъ Песахъ, какъ и Абрамко, имѣетъ право «судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ пенями (по зло-

тому съ провинившагося), *а если бы кто по праву заслужилъ смерть, то карать и смертію».*—И здѣсь, какъ тамъ, права арендатора выше всего на свѣтѣ; и Песахъ, какъ Абрамко, не страшится никакихъ случайностей и не знаетъ отвѣтственности ни передъ паномъ, ни передъ закономъ».

Отдача жиду въ аренду имѣнія съ правомъ суда и казни производитъ на насъ какое-то приводящее въ дрожь впечатлѣніе. Но повѣримъ его хладнокровно. Само по себѣ, безъ другихъ обстоятельствъ, не есть ли оно плодъ того суевѣрнаго презрѣнія къ жидамъ, какое намъ внушено съ дѣтства, мимо человѣческаго достоинства жида. А почему знать—вѣроятно Абрамко Шмойловичъ былъ гораздо умнѣе и справедливѣе того пана, который давалъ ему запись. Можетъ быть крестьянамъ было гораздо льготнѣе подъ властью мудраго Абрамки, чѣмъ подъ властью такихъ пановъ, которые своими записями побуждаютъ подозрѣвать не совсѣмъ здоровое состояніе своего мозга? Одна отдача имѣній въ аренду жидамъ съ правомъ суда и казни, коль скоро это право существовало для пановъ, еще не должно насъ очень смущать; но дѣло въ томъ, что дѣйствительно народъ этимъ былъ недоволенъ—вотъ это важно. Народная пѣсня, выписанная изъ «Записокъ о южной Россіи» Кулиша служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ этого, лучше всякихъ инвентарей. Современники-иноземцы, пріѣзжая въ Польшу (какъ напр. Бопланъ, Дуодо), поражались чрезвычайно униженнымъ положеніемъ хлоповъ. Самые польскіе лѣтописцы не скрываютъ этого. Съ другой стороны однако, у самовидца, лѣтописца южнорусскаго, при исчисленіи несправедливостей, какія дѣлали Поляки украинцамъ, мы находимъ такія строки:

«*Надъ поспольствомъ зась любо во всемъ или обфито въ збожахъ въ бидляхъ въ пасѣкахъ, але однако чего не звыкла была Украина терпѣти! вымыслы великіе были отъ старостовъ, и отъ намѣстниковъ, и отъ жидовъ, бо сами державцы въ Украинѣ на Украинѣ не мешкали, тилко урядъ держали, и такъ о крывдахъ посполитыхъ людей мало знали, альбо либо и знали, тилько засліплены будучи подарками отъ староствъ и жидовъ-арендареи, же того не могли узнати, же ихъ часомъ по ихъ же шкурѣ и мажуть съ ихъ подданныхъ выдравши дарують*, и проч». (Лѣт. сам., стр. 7).

Это свидѣтельство современника о томъ, что посольство жило *обфито* (изобильно), сильно становится въ противорѣчіе съ жела

ніемъ г. Мордовцова вывести изъ уставовъ и инвентарей матеріальное бѣдствіе народа: едвали оно происходило отъ самыхъ учрежденій, а скорѣе отъ способа управленія, отъ произвола, отъ необузданности, отъ того, что дѣлалось, а не писалось, и отъ того, что хотя писалось, но не такъ дѣлалось, какъ было написано. Народу южнорусскому конечно было нехорошо, когда онъ взбунтовался: это ужъ такое доказательство, противъ котораго нечего сказать. Мы сочувствуемъ благородному негодованію г. Мордовцова къ утѣснителямъ южнорусскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ, но возражаемъ ему, потому что считаемъ недостаточными тѣ матеріалы, на которые онъ опирается, съ цѣлью какъ можно чернѣе изобразить народное бѣдствіе и униженіе. Этого негодованія и не надобно въ дѣлѣ историческаго изслѣдованія. Слишкомъ много уже мы распустили восклицаній и вздоховъ на этотъ предметъ: пора приняться за него хладнокровно, заглушить наше сердечное участіе и дойти до результатовъ путемъ точнаго, мельчайшаго изученія подробностей. Мы увѣрены, что придемъ именно къ такому чувству, къ какому пришелъ г. Мордовцевъ, но тогда мы будемъ имѣть на изліяніе его несомнѣнное право. Памятниковъ кіевской коммиссіи недостаточно для обработки такого важнаго предмета, а авторъ руководствовался ими одними. Замѣтимъ еще почтенному ихъ автору, что весь уставъ о коронныхъ волокахъ относится къ Литвѣ, а не къ Малороссіи. Впрочемъ, начало положено. Если г. Мордовцевъ не оставитъ этого предмета и станетъ обработывать его обширнѣе и вмѣстѣ хладнокровнѣе, онъ можетъ разъяснить въ наукѣ русской исторіи одну изъ важнѣйшихъ строкъ прошедшей жизни. На его дарованіе надежда несомнѣнна; пусть употребитъ трудъ.

Самъ почтенный редакторъ г, Калачовъ подарилъ насъ въ этой новой книгѣ своего во всѣхъ отношеніяхъ полезнаго изданія двумя статьями: «Азбуки-прописи» (выписки изъ рукописныхъ азбукъ и прописей конца XVII и начала XVIII вѣка) и разборъ диссертаціи г. Деппа, напечатанной еще въ 1844 году, о наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича.

Справедливо говоритъ г. Калачовъ, что азбуки встарину были совсѣмъ иное, чѣмъ теперь. Настоящія азбуки всѣ на одну статъ приспособлены къ первоначальному обученію чтенія и письма; встарину, напротивъ, азбуки были чрезвычайно разнообразны. Это не были только руководства къ наученію читать и писать, но вмѣстѣ

доставляли предметъ для чтенія. «Для современниковъ, говоритъ г. Калачовъ, это были маленькія энциклопедіи или учебники житейской мудрости, въ коихъ предлагались главнымъ образомъ разнаго рода наставленія, совѣты и правила, относящіяся къ вѣрѣ и нравственности, и рядомъ съ ними также выдержки изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, кое-какія свѣденія изъ древней исторіи, формы актовъ, наиболѣе употребительныхъ въ практической жизни, и собранія замысловатыхъ загадокъ». Изъ этого уже видно, что изданіе старыхъ азбукъ не будетъ удовлетворять единственно археологическую любознательность, но доставитъ матеріалъ для исторіи, знакомя насъ съ наиболѣе распространенными произведеніями литературы и съ понятіями тогдашней публики, выражавшимися уваженіемъ къ выбору такихъ или другихъ образцовъ для всеобщаго чтенія.

Нѣкоторыя черты, приводимыя г. Калачовымъ, очень любопытны. Такъ напр. при каждой буквѣ слѣдуетъ фраза и даже нѣсколько фразъ; первая произносится отъ имени божія, послѣднія — нравственно-религіозныя сентенціи. Напримѣръ:

«Д.—Добро есть вѣрующимъ во имя Мое,—Добро есть и божественная писанія прочитати и симъ просвѣщати, а о невѣдущихъ вещехъ у мудрѣйшихъ со смиреніемъ и покореніемъ вопрошати.— Добродѣтель всякая незабвенна предъ Богомъ».

Или:

«С.—Слово законопреступно возложиша на Мя.—Студно грѣхъ содѣвающе.—Со всѣми дружись и со всѣми любовь имѣй, а всѣхъ блюдися, да не всѣмъ тайну повѣдай, да не злѣ пострараждешь; иногда и другъ твой врагъ тебѣ бываетъ».

Этимъ способомъ какъ-будто хотѣли начинающему учиться внушить мысль, что книжное ученье исходитъ непосредственно отъ Бога и имѣетъ цѣлью нравственное совершенство человѣка, что дѣйствительно и поясняется въ нашихъ старыхъ словахъ и бесѣдахъ святыхъ мужей.

Очень замѣчательны нравственныя сентенціи, относящіяся собственно къ школьному быту: изъ нихъ видно, что учили за могорцы (вѣрно, сверхъ платы), и побои считались необходимымъ побужденіемъ.

«Послѣ молитвъ слѣдуетъ воззваніе къ ученику: «Велико имя Пресвятыя Троицы хотѣти умѣти, ино учитися, а не лѣнитися; сѣди крѣпко, а пиши гладко, не описливо; мастера не гнѣви, а себѣ по-

боевъ ни чини.» Другое наивное вовзваніе этого рода встрѣчается въ однѣхъ азбукахъ среди образцовъ письма, а въ другихъ въ самомъ концѣ ихъ, какъ заключеніе. Одна редакція поучаетъ такъ: «Зри, смотри, внимай, разумѣй: похотѣти умѣти, ино ся, учитись, а не лѣнитись, мастера чтити, а могорцу не жалѣти, а горести претерпѣти; аще горести не вкусити, то и сладости не видати.» Другая редакція гласитъ: «Зри очами, разумѣй сердцемъ, смышляй умомъ, дѣлай руками, сѣди крѣпко, пиши прямо, у Бога милости прошай: аще похотѣти умѣти, ино ся учить, мастера чтить, могорца не жалить; аще горести не вкусить, тако и сладости не видать.» Послѣдуетъ ли ученикъ этимъ увѣщаніямъ или нѣтъ, на всякій случай азбуки совѣтуютъ родителямъ и «мастерамъ» внушить имъ страхъ «жезломъ». «Родителіе! не щадите жезла, аще хощете о чадѣхъ вашихъ веселится: жезлъ бо есть злобы искоренитель и насадитель добродѣтели.»—«Мало сына оскорбиши, но много ползуеши его: слезы его тако ти ползу содѣютъ, якоже дождь благовремянный, на ниву изліянный.»—«Бій первое слово таже жезломъ, и отженеши жестосердіе его и яко плевелы отбіеши злонравіе.»—«Зеленъ виноградъ да не сладокъ; младъ умъ да не кротокъ; конь не ученъ свирѣпъ; сынъ не наказанъ хотя и мудръ, а не безъ простоты.»

Нѣкоторыя сентенціи указываютъ, что духовенство руководило ученіемъ вообще и заботилось о себѣ: «Епископомъ, пастыремъ Христова стада словесныхъ овецъ, главу свою покланяй со всякимъ благоговѣніемъ, и дастътися благословеніе божіе.»

Г. Калачовъ обращаетъ вниманіе особенно на примѣры изъ житейской мудрости, указывающіе на правила, которыя считались полезными въ обращеніи съ людьми. Изъ такихъ изрѣченій замѣчательно слѣдующее: «Не наступай на лице сильнаго человѣка, да не впадеши въ сѣть, яко ластовица въ кохти ястребу.» Тутъ проявляется тотъ рабскій эгоизмъ, который былъ неизбѣженъ въ обществѣ, гдѣ личное достоинство человѣка мало было гарантировано отъ произвола всякаго сильнѣйшаго. А вотъ извѣстный взглядъ на женщину, заимствованный изъ восточныхъ сочиненій и усвоенный у насъ подъ вліяніемъ византійской книжности: «Умъ женскій твердъ аки храмъ непокровенъ; мудрость женская, аки оплотъ, до вѣтру стоитъ: вѣтри повѣютъ — и оплотъ отпадетъ.»

Замѣчательно, какъ характеристическая особенность нашихъ азбукъ, то, что къ нимъ прилагаются дѣловыя бумаги. Здѣсь для примѣра

приведены образчики челобитной и заемной кабалы, какъ актовъ, въ совершенiи которыхъ чаще другихъ могла встрѣчаться надобность, и письмо сына къ родителямъ. Эти примѣры показываютъ, что формальность брала верхъ въ жизни и все дѣлалось по заранѣе принятымъ и усвоеннымъ образцамъ. Наконецъ прилагаются загадки въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, извлеченныя изъ сборниковъ. Такихъ загадокъ встарину было безчисленное множество и онѣ составляли любимое препровожденiе ума. Большею частью онѣ относятся къ священной исторiи.

Въ другой статьѣ своей г. Калачовъ справедливо укоряетъ г. Деппа въ односторонности за то, что онъ, отыскивая влiянiе германское на древнее законодательство, не только придалъ ему болѣе значенiя, нежели сколько оно имѣло, но упустилъ совершенно другое, несравненно важнѣйшее и дѣйствительнѣйшее — влiянiе византiйское.

Къ «Архиву» приложенъ указатель книгъ по русской исторiи, географiи, статистикѣ и русскому праву, вышедшихъ въ 1850 году, составленный г. Капустинымъ, и указатель статей по тѣмъ-же предметамъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина, составленный г. Аѳанасьевымъ. Нельзя безъ признательности указать на этотъ почтенный и полезный трудъ, нельзя не пожелать чтобъ такимъ же образомъ составлены были указатели и для другихъ перiодическихъ изданiй.

Вообще «Архивъ» г. Калачова составленъ вполнѣ безукоризненно.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Документы и подлинныя бумаги, оставленныя Даніиломъ Манини, президентомъ венеціанской республики, переведенныя съ оригиналовъ, съ примѣчаніями г. Плана де ла Фэй. 2 тома. Парижъ.

Documents et pièces authentiques laissées par Daniel Manin, président de la république de Venise. Traduits sur les originaux et annotés par F. Planat de la Faye. 2 vol. Paris. 1860.

25 сентября 1857 года Венеція представляла необыкновенное зрѣлище: многочисленныя толпы народа стремились къ церкви св. Марка; на всѣхъ лицахъ виднѣлась глубокая скорбь, повсюду царствовало мертвое молчаніе; только австрійская полиція и жандармы не раздѣляли общаго горя, напротивъ они съ жадностію ловили случай къ аресту какихъ нибудь неосторожныхъ патріотовъ, — но напрасно. Также спокойно, съ той-же грустью выходили Венеціанцы изъ собора, отслуживъ мессу по одномъ изъ своихъ героевъ-изгнанниковъ: по человѣку, котораго геній боролся почти полтора года со всѣмъ могуществомъ Австріи. Человѣкъ этотъ былъ Даніилъ Манини, бывшій президентъ венеціанской республики, три дня тому назадъ скончавшійся въ Парижѣ въ бѣдности; извѣстіе о кончинѣ его глубоко потрясло всѣхъ истинныхъ патріотовъ, и народное сочувствіе къ нему

выразилось въ безмолвной, но искренней горести. Чтобъ понять это явленіе, необходимо разсмотрѣть жизнь бывшаго президента подробно, для чего лежащіе передъ нами матеріалы представляютъ драгоцѣнное пособіе; но прежде чѣмъ приступить къ біографіи Манини, необходимо, для большаго ея уразумѣнія, бросить общій взглядъ на развитіе венеціанской республики.

Развитіе ея рѣзко отличается отъ развитія другихъ итальянскихъ республикъ отсутствіемъ папскаго вліянія и особымъ устройствомъ аристократіи. Византійское начало глубоко проникло въ государственныя учрежденія Венеціи и постоянно мѣшало свѣтской власти папъ. Демократическій элементъ, необходимый для благосостоянія всякаго народнаго правленія, способствовалъ ей освободиться изъ-подъ опеки византійскихъ императоровъ и поставилъ ее въ число сильнѣйшихъ державъ въ средніе вѣка. Въ первое время въ ней не было ни дворянства, ни семействъ, исключительно имѣвшихъ право на избраніе на престолъ; власть дожа была ограничена; «великій совѣтъ» состоялъ изъ 470 членовъ; каждый гражданинъ могъ попасть въ число ихъ; совѣтъ выбиралъ изъ среды себя 60 человѣкъ, которые составляли сенатъ и ежегодно смѣнялись. Такъ было сначала, но впослѣдствіи развитіе торговли, усиливъ нѣкоторые дома, образовало торговую аристократію, которая стала стремиться къ сосредоточенію власти въ своихъ рукахъ. Въ концѣ XIII столѣтія право засѣданія въ «великомъ совѣтѣ» было предоставлено извѣстному числу фамилій и сдѣлалось наслѣдственнымъ; тогда граждане республики раздѣлились на два класса: на дворянъ, участвующихъ въ управленіи, и на народъ, удаляемый отъ него. Учрежденіе «совѣта десяти» и инквизиціи сдѣлало изъ венеціанскаго правительства одну изъ самыхъ ужасныхъ олигархій. Подозрительная и коварная, она издала длинный рядъ постановленій, оберегавшихъ ее нетолько отъ попытокъ народа къ пріобрѣтенію власти, но даже отъ покушеній на то собственныхъ ея членовъ. Тѣмъ не менѣе, сравнивая тогдашнее правительство Венеціи съ правительствами папъ и синьоровъ, нельзя не замѣтить значительнаго его превосходства передъ ними: главная тяжесть его постановленій падала на дворянство; въ частной жизни была предоставлена гражданамъ полная свобода; науки и искуства процвѣтали; Венеція имѣла профессоровъ изъ знатнѣйшихъ фамилій; политическое краснорѣчіе было въ большомъ ходу; газеты въ первый разъ появились въ Венеціи. Все это показываетъ, что правительство не

боялось слова и только въ крайнихъ случаяхъ преслѣдовало его свободу; инквизиція духовная была учреждена съ такими ограниченіями, какихъ не было ни въ одномъ государствѣ; іезуиты никогда не могли утвердиться; дворянство, стоявшее въ головѣ управленія, несмотря на всѣ свои пороки, отличалось мужествомъ и готовностью умереть за отечество. Такъ оно послало сыновей своихъ защищать Падуу противъ Максимиліана (1509 г.). Но все это было тщетно: республика не можетъ существовать тамъ, гдѣ народъ развращается; частныя доблести не могутъ вознаградить общественнаго нравственнаго упадка. Когда пришла пора испытанія для Венеціи, слѣды вліянія аристократіи оказались: въ народѣ не было единодушія; дворянство выродилось; кредитъ республики былъ подорванъ; она не походила на Венецію XVI вѣка (*).

Демократическіе принципы, распространяемые французскою революціей, нашли себѣ сильное сочувствіе въ Венеціи. Генералъ Бонапарте воспользовался этимъ для низложенія стараго правительства, но вовсе не для возрожденія республики. По кампо-формійскому трактату венеціанскія владѣнія были раздѣлены между Австріей, Франціей и цизальпинской республикой; Французы расхитили арсеналъ, отправили въ Тулонъ венеціанскій флотъ и присвоили себѣ коней св. Марка.

18 января 1798 Венеціанцы присягнули на подданство австрійскому императору; старый дожъ Манини не выдержалъ такого униженія и упалъ безъ чувствъ, произнеся присягу.

Кампанія 1805 года вырвала Венецію изъ рукъ Австріи и сдѣлала ее одной изъ провинцій итальянскаго королевства, но, послѣ паденія Наполеона, она снова поступила въ составъ австрійской имперіи.

Принимая Ломбардо-Венеціанское королевство, Францискъ II согласился сохранить его учрежденія и уважать его національность, считая достаточной гарантіей для этого провинціальныя и центральныя собранія. Но на дѣлѣ вышло не такъ. «Нѣмцы заняли большую часть мѣстъ; итальянскіе солдаты были завербованы въ австрійскую армію и посланы въ отдѣльныя области имперіи, французскіе законы замѣнены

(*) Азартная игра свирѣпствовала въ ней до такой степени, что въ одной «редутѣ» считалось до 80 столовъ, за которыми метали банкъ. «Совѣтъ десяти» и инквизиторы грабили казну; послѣдніе на однѣ секретныя издержки употребляли до 140,000 дукатовъ ежегодно. При паденіи республики государственный долгъ простирался до 180 м. рублей.

австрійскимъ кодексомъ, самымъ варварскимъ въ Европѣ; майораты и монашескіе ордена возстановлены; всѣ журналы, исключая Миланской газеты, органа правительства, запрещены. Что касается до народнаго образованія, достаточно привести слова Франциска II профессорамъ павійскаго университета, чтобъ показать какъ понимало правительство просвѣщеніе: «знайте, господа, что я очень мало желаю видѣть въ своихъ владѣніяхъ увеличеніе ученыхъ и литераторовъ, но весьма хотѣлъ-бы имѣть вѣрныхъ и преданныхъ подданныхъ (*)».

Всѣ попытки благонамѣренныхъ людей улучшить положеніе страны были безплодны: полиція въ каждомъ ихъ покушеніи видѣла начала заговора. «Полиція, говоритъ княгиня Бельджойзо, это ось австрійскаго правительства: она не имѣетъ предѣловъ власти, она одинаково смѣется надъ справедливостью и честностью; она хвалится даже своимъ неправосудіемъ и безчестіемъ; она не подвержена никакому контролю, никакой отвѣтственности».... Ничего въ имперіи не дѣлается безъ ея вліянія; всемогущество ея директора отражается и на подчиненныхъ; всякій, находящійся въ тайной или явной связи съ полиціей, выше закона... такимъ образомъ самые безчестные люди въ то же время самые могущественные. Со всякимъ днемъ этотъ классъ болѣе и болѣе размножается, потому что правительство не довѣряетъ своимъ чиновникамъ и у каждаго шпіона ставитъ еще двухъ: окружный комиссаръ, помощникъ его, письмоводитель—всѣ другъ за другомъ наблюдаютъ, всѣ другъ на друга доносятъ. «Часто священникъ бываетъ однимъ изъ главныхъ колецъ этой цѣли; примѣръ его, сопровождаемый увѣщаніями, недостаточенъ ли для убѣжденія крестьянъ, что въ шпіонствѣ встрѣчаются и соединяются выгода и долгъ (**)».

Не довольствуясь этимъ, Австрія ежежегодно сбирала съ королевства отъ 40 до 50 м. австр. ливровъ: (около 11 м. руб. сер.); сверхъ того она не постыдилась обманомъ ввести въ государственный долгъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства 24 м. австр. ливровъ и захватить изъ его кассы для погашенія долговъ 33 м.

Такое состояніе не могло долго продолжаться, особенно при повсемѣстномъ созданіи необходимости реформъ, при проснувшемся стремленіи къ національности. Австрійское владычество сдѣлало свое дѣло:

(*) Ист. Ит. Ричардя.

(**) Etude sur l'histoire de la Lombardie dans les 30 dernières années.

оно подъ гнетомъ своимъ слило аристократію съ народомъ; оно пробудило древній патріотизмъ. Борьба была неизбѣжная, недоставало только вождей — они явились.

Даніилъ Манини былъ сынъ одного адвоката, обращеннаго Еврея, который, по венеціанскому обычаю, принялъ фамилію Манини въ честь своего крестнаго отца, роднаго брата послѣдняго дожа. Въ 17 лѣтъ молодой Манини былъ уже докторомъ правъ; съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ глубоко ненавидѣлъ Австрію и мечталъ объ освобожденіи отечества; но время еще не пришло и онъ шагъ за шагомъ медленно подвигался къ своей цѣли, опираясь на законы, пользуясь всякимъ случаемъ къ показанію недобросовѣстности австрійскаго правительства. Чуждаясь тайныхъ обществъ, онъ тѣмъ не менѣе пріобрѣлъ себѣ уваженіе всѣхъ истинныхъ патріотовъ и пользовался значительной популярностью.

Первая его попытка была въ дѣлѣ акціонеровъ желѣзной дороги изъ Милана въ Венецію. Защищая права ихъ, онъ оказалъ столько энергіи, возбудилъ такое волненіе въ своихъ кліентахъ, что правительство рѣшилось закрыть компанію этой желѣзной дороги.

Другой случай представился ему по поводу ученаго конгреса, который въ этотъ годъ (1847) долженъ былъ собраться въ Венеціи. Это были единственныя собранія, въ которыхъ позволено было сходиться Италіянцамъ разныхъ государствъ. Реформы Пія IX внушили надежды, что и другія итальянскія правительства пойдутъ по слѣдамъ его. Манини вздумалъ воспользоваться этимъ. Выбранный представителемъ «Венеціанскаго Атенея» онъ старался перенести разсужденія на почву политическую; его не устрашили ни угрозы австрійской полиціи, ни примѣръ князя Канино, котораго заставили уѣхать изъ Венеціи за неосторожныя рѣчи. Вліяніе Манини на своихъ сотоварищей было такъ велико, что когда кончился конгресъ, никто не рѣшился принять на себя инищіативы для предложенія благодарственнаго адреса правительству за гостепріимство. Одинъ докторъ, кандидатъ на важное правительственное мѣсто, заикнулся было объ этомъ, но его тотчасъ-же остановили. Въ этомъ послѣднемъ засѣданіи высказался взглядъ Манини на политическія отношенія Венеціи къ Австріи. Когда Чесаре Канту выразилъ мысль, «что Венеція возвеличенная завоеваніями, сама стала жертвой завоеванія» онъ отвѣчалъ ему, что въ 1797 аристократія отреклась отъ управленія, что оно перешло въ руки демократіи, между которой и Франціей никогда не было войны. Какъ союзники и какъ друзья, вступили Французы въ Венецію и овладѣли ею. От-

давъ ее по кампо-формійскому трактату Австріи, *генералъ Бонапарте отдалъ то, что ему не принадлежало*... Такъ была задушена свобода Венеціи! Я не думаю, чтобъ это можно было назвать завоеваніемъ, продолжаетъ Манини.... Совѣтовать Венеціанцамъ въ наше время не злоупотреблять побѣдою безполезно, несвоевременно и смѣшно; тогда какъ всегда своевременно и полезно внушать народу, что нѣтъ порока болѣе пагубнаго, какъ трусость, что трусливый народъ не можетъ внушать состраданія къ себѣ въ несчастіи, не можетъ ни сохранить свою независимость, ни возвратить ее, когда она потеряна» (стр. 6).

Между тѣмъ Ломбардія волновалась, неслыханныя притѣсненія Австріи вывели народъ изъ себя; лучшіе образованнѣйшіе люди были вооружены противъ правительства; но прежде чѣмъ приступить къ выраженію своихъ требованій оружіемъ, они рѣшились дѣйствовать законнымъ путемъ. Иниціатива этого движенія принадлежитъ Назари депутату Бергамо въ центральномъ ломбардскомъ собраніи. Обязанность этихъ собраній состояла въ томъ, чтобы доводить до свѣдѣнія императора о желаніяхъ страны. Но составъ этого учрежденія былъ таковъ, что ничего подобнаго никогда не случалось. Императоръ выбиралъ изъ тройнаго числа кандидатовъ, предложенныхъ комунальными совѣтами, тѣхъ, которые ему нравились. Выборы въ комунальныхъ совѣтахъ производились подъ предсѣдательствомъ окружныхъ императорскихъ коммисаровъ, которые назначали кого выбрать; поэтому большей частью въ кандидаты попадали или чиновники правительства, или люди безхарактерные, Назари представляетъ рѣдкое исключеніе. Въ своемъ прошеніи онъ смѣло описываетъ враждебное отношеніе между правительствомъ и народомъ и единственнымъ средствомъ для прекращенія этого считаетъ учрежденіе особенной коммисіи изъ депутатовъ отъ всѣхъ ломбардскихъ провинцій для узнанія нуждъ народа. Отвѣтомъ на это было секретное предписаніе эрц-герцога Райнера, управлявшаго Ломбардіей, къ губернатору, которому предписывалось затруднить всѣми мѣрами учрежденіе коммисіи и отдать депутата Назари подъ надзоръ полиціи.

Примѣръ бергамскаго депутата не остался безъ подражанія. Манини обратился къ центральному венеціанскому собранію съ просьбой послѣдовать примѣру ломбардскаго депутата, потому что въ странѣ существовали тѣ же причины къ неудовольствію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Томассо послалъ прошеніе въ Вѣну о смягченіи цензуры; онъ

доказывалъ, что цензурный уставъ ломбардскій былъ либеральнѣе сардинскаго и тосканскаго, но къ несчастію не соблюдался «только даровавъ администрацію, согласную съ характеромъ народа, дозволивъ, чтобы депутаты выражали дѣйствительно его желанія, и чтобы каждый посредствомъ свободной печати могъ высказывать свои мнѣнія— только однимъ этимъ можно успокоить страну (*)».

Въ то же время Манини подалъ прошеніе въ цензурное управленіе о дозволеніи ему напечатать въ журналѣ «il Pescatore» одну маленькую статью о законѣ и общественномъ мнѣніи и въ случаѣ запрещенія просилъ объяснить причину. Ни того, ни другаго не было сдѣлано, напротивъ даже приказали редактору «il Pescatore» не помѣщать никакихъ статей съ подписью Манини.

Эти мелкія преслѣдованія и невниманіе къ жалобамъ народа вызвали единодушныя демонстраціи. Въ Миланѣ всѣ согласились не курить сигаръ, потому что пошлина на нихъ составляла одинъ изъ важнѣйшихъ доходовъ австрійскаго правительства. 2-го января, когда показались на улицахъ нѣкоторые курильщики изъ гражданъ и солдатъ, первые были принуждены бросить сигары, вторые освистаны и ошиканы, на другой день многочисленные патрули пробѣгали городъ по всѣмъ направленіямъ; шайки солдатъ отъ 25 до 30 человѣкъ ходили по главнымъ улицамъ съ сигарами во рту; народъ былъ раздраженъ въ высшей степени и собирался на площадяхъ густыми массами. Пришлось употребить силу для его разогнанія. Нѣсколько человѣкъ было убито и ранено: едва извѣстіе объ этомъ пришло въ Венецію, народное негодованіе усилилось такъ, что директоръ полиціи принужденъ былъ просить Манини употребить свое вліяніе для поддержанія порядка. Въ отвѣтъ на это адвокатъ, въ письмѣ къ графу Пальфи, губернатору Венеціи, доказывалъ, что единственное средство къ прекращенію безпорядковъ состоитъ въ скорыхъ и обширныхъ реформахъ и въ немедленномъ объявленіи о желаніи приступить къ нимъ.

На другой день Манини снова представилъ въ центральное собраніе изложеніе главнѣйшихъ нуждъ и желаній народа. «Прежде всего,

(*) Томасео давно заготовилъ прошеніе о соблюденіи цензурныхъ постановленій 1815 года. Читая публичную лекцію о состояніи литературы въ Италіи, онъ ловко свернулъ разговоръ на это и тутъ-же прочиталъ свою записку; она немедленно была подписана слушателями и многочисленныя копіи съ ней разосланы въ провинціи (30 декабря 1848).

говоритъ онъ, необходимо, чтобы государственные законы, правильно опубликованные, соблюдались всегда и всѣми, чтобы считалось не только правомъ, но долгомъ не повиноваться законамъ неопубликованнымъ, которые, въ слѣдствіе этого, не могутъ считаться законами, точно так-же какъ и предписанія подданныхъ, противорѣчащія духу законовъ данныхъ императоромъ.... Особенно надо обратить вниманіе, чтобы коренные узаконенія Ломбардо-Венеціанскаго королевства, положенные въ основу его консистуціи въ 1815 году, соблюдались строго и ненарушимо, въ буквальномъ ихъ смыслѣ. По этимъ постановленіямъ: національность наша должна уважаться; территоріи ломбардская и венеціанская должны составлять отдѣльное королевство, а не австрійскую провинцію, тѣмъ менѣе пригородъ Вѣны; мы должны быть управляемы сообразно съ нашимъ характеромъ и нравами, мы должны имѣть истинное національное представительство и умѣренную свободу печати.» Высказавъ эти мысли, онъ переходитъ къ частному ихъ примѣненію къ Ломбардіи и Венеціи и заключаетъ свое прошеніе обращеніемъ къ депутатамъ центральнаго собранія.» Я увѣренъ, восклицаетъ онъ, что вы займетесь этимъ съ особеннымъ стараніемъ; приступите къ дѣлу съ любовью, съ знаніемъ, съ постоянствомъ и мужествомъ и ваши имена будутъ благословлены современниками, прославлены потомствомъ.»

Черезъ три дня послѣ того Манини написалъ письмо къ графу Герардо Фрески въ Удине. Въ этомъ письмѣ онъ побуждалъ его къ распространенію меморій, представленныхъ имъ въ центральныя собранія и совѣтовалъ, чтобы и провинціальнымъ собранія представили такія–же меморіи. «Если вамъ замѣтятъ, что я требую много, отвѣчайте, что требовать меньше чѣмъ надо, было–бы лицемѣріемъ; что требуя много, больше надежды получить что нибудь»... Изъ прилагаемой записки, которую вы можете сдѣлать гласною, вы увидите, что мы сдѣлали здѣсь отъ 21 декабря до 8 января. Прилагаю также прошеніе Томасео о ценсурѣ. Множество лицъ подписали его здѣсь и въ Виченцѣ; другіе экземпляры ходятъ въ Падуѣ, въ Веронѣ, въ Тревизѣ и Ровиго. Было–бы хорошо, если бы и ваша провинція поступила также; вы можете и должны употребить для этого все свое усердіе. Замѣтили–ли вы, что въ моемъ прошеніи свобода печати подчинена реформѣ уголовнаго законодательства; безъ этого свобода печати безплодна; страхъ уголовнаго процесса по австрійской системѣ будетъ дѣйствоватъ сильнѣе всякой

цензуры.... Но особенно должно проповѣдывать громко, не уставая, что никакое самоуправство, никакой подлогъ, никакое превышеніе власти не должны быть терпимы, потому что оскорбляютъ цѣлое общество, когда противозаконно оскорбляютъ одного изъ его членовъ... Если вы считаете полезнымъ, обнародуйте это письмо. Законность, гласность, постоянство и мужество — съ ними мы добьемся улучшенія своей участи, и презрѣніе иностранцевъ и соплеменниковъ къ нашей родинѣ перемѣнится на уваженіе».

Другіе патріоты также не дремали: адвокатъ Авесани подалъ прошеніе въ центральное собраніе въ томъ же духѣ, какъ и Манини; онъ доказывалъ, что желанія народа вовсе не были порожденіемъ новѣйшаго радикализма, какъ старались увѣрить императора министры, но были слѣдствіемъ учрежденій, дарованныхъ Италіи Наполеономъ I; при немъ Франція не вмѣшивалась во внутреннія дѣла Италіи, которая имѣла національную армію; всѣ министры были Итальянцы; судопроизводство было публичное и словесное, всѣ чиновники Итальянцы. Изложивъ все это, Авесани продолжаетъ: пусть Фердинандъ допуститъ то, что было допущено Наполеономъ; это не утопія, потому что существовало въ дѣйствительности; это не либеральная или радикальная идея, потому что принадлежитъ великому деспоту. Фердинандъ ничего не потеряетъ черезъ то изъ своей власти, какъ ничего не потерялъ Наполеонъ; она будетъ царствовать мирно и бережливо вмѣсто того, чтобъ управлять съ безпокойствомъ тревожнымъ народомъ... Это прошеніе было подано 14 января 1848 г. На другой день Томасео отправилъ письмо къ архіепископу города Удине, убѣждая его возвысить голосъ во имя справедливости...» Вы говорили народу о покорности, написалъ онъ, теперь вы должны сказать вице-королю о справедливости. Вспомните обѣщанія Австріи, которыя были основаніемъ нашей покорности и потребуйте ихъ выполненія, праву противоставьте долгъ; силѣ—разумъ; страстямъ— любовь къ ближнему; докажите, что интересъ государя неразлученъ съ интересомъ его подданныхъ, что зависитъ отъ него, теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь.. Безмолвный и нерадивый пастырь, позволяющій раздирать овецъ своихъ, назовется въ день судный не пастыремъ, но наемникомъ... Священникъ, неимѣющій чувствъ гражданина, есть воплощенное богохуленіе. Неужели вы хотите быть знаменитымъ въ Италіи только тѣмъ окружнымъ посланіемъ, подъ которымъ послѣдній изъ вашихъ подчиненныхъ не пожелалъ бы подписать свое имя.

«Я вѣрю, что вы не предвидѣли всѣхъ дурныхъ слѣдствій, которыя проистекли изъ этого; я не сомнѣваюсь нисколько въ правотѣ вашей души, но съ печальнымъ и стѣсненнымъ сердцемъ я пишу эти строки, безъ мести и ненависти....

«Изъ христіанской любви къ ближнему, не отвергайте моего голоса—это не голосъ непріятеля! говорите, не съ тѣмъ, чтобъ возбудить, но чтобъ предупредить несчастія! Говорите, изъ состраданія къ націи и государю, пока есть время, говорите, чтобъ не воскликнуть потомъ: горе мнѣ, зачѣмъ я молчалъ!»

Между тѣмъ австрійское правительство тоже не осталось въ бездѣйствіи: съ одной стороны оно удвоило мѣры строгости и старалось убѣдить священниковъ послѣдовать примѣру архіепископа удинскаго,—съ другой вице-король издалъ успокоительную прокламацію, въ которой увѣрялъ *возлюбленныхъ* Миланцевъ, что онъ имѣетъ весьма основательныя надежды, что ихъ требованія будутъ исполнены. Прокламація была объявлена 8 января, а между тѣмъ еще 24 ноября былъ подписанъ въ Вѣнѣ указъ о примѣненіи военнаго суда къ итальянскимъ провинціямъ.

18 января 1848 года нѣсколько сбирровъ постучалось у дверей одного дома въ кварталѣ св. Луки, близъ моста св. Партиніана. Имъ отворили... Ненадо докладывать, сказалъ ихъ начальникъ и прямо вошелъ въ комнаты. Манини еще не вставалъ съ постели, потому что было всего 8 часовъ утра. Извинившись передъ нимъ и его женой предписаніемъ директора полиціи, чиновники принялись за обыскъ. Кабинетъ и комната передъ нимъ были предметомъ особеннаго ихъ вниманія. Не трудитесь, господа, сказалъ имъ Манини, я давно ожидалъ васъ; вотъ бумаги, которыя вы ищете», и онъ указалъ имъ на связку бумагъ, лежавшихъ отдѣльно. Въ это время принесли утренній кофе и Манини пригласилъ агентовъ полиціи раздѣлить его завтракъ. Во все это время онъ и жена его Тереза были спокойны. По окончаніи завтрака, полицейскіе, захвативъ нѣкоторыя бумаги Манини, повезли его въ гондолѣ сперва въ разныя инстанціи полиціи, а потомъ, въ 8 часовъ вечера; въ тюрьму для преступниковъ. Единовременно съ Манини арестовали и Томассо.

Директоръ полиціи, кавалеръ Калль, предлогомъ къ ихъ аресту выставилъ распространеніе ими копіи съ прошеній и обвинялъ ихъ въ перепискѣ съ подозрительными лицами и въ возмущеніи внутренняго порядка въ государствѣ. Представляя на усмотрѣніе уголовнаго

суда это дѣло, кавалеръ Калль просилъ извѣстить его о результатахъ.

При допросѣ Манини показалъ, что копіи разсылалъ онъ въ другіе города къ своимъ знакомымъ, какъ весьма интересныя новости, что всѣ поступки его относительно требованія реформъ были основаны на законахъ, и онъ приводилъ всѣ доказательства, изложенныя нами выше; послѣдующіе допросы не открыли ничего новаго, тѣмъ не менѣе Манини все оставался въ тюрьмѣ; а между тѣмъ сестра его, пораженная этимъ извѣстіемъ, умерла, потому что знала какъ и всѣ, что конечною цѣлью австрійскаго заключенія былъ Шпильбергъ; а молодая дочь узника Эмилія, страдавшая сильными нервными припадками, сдѣлалась опасно больна. Напрасно Тереза просила о временномъ освобожденіи мужа, представляя бумагу, подписанную меромъ Венеціи и 99 значительнѣйшими гражданами, которые ручались, что онъ не убѣжитъ. Австрійское правительство осталось глухо ко всѣмъ просьбамъ, можетъ быть, надѣясь, что Манини, уже больной, умретъ при этомъ новомъ ударѣ, нанесенномъ его чувствительному сердцу. Пока продолжалась эта переписка, кавалеръ Калль не оставлялъ своихъ преслѣдованій и представилъ въ уголовный судъ секретную записку о Манини и Томасео. «Адвокатъ Манини, пишетъ онъ, заслужилъ общее уваженіе своимъ поведеніемъ, талантами и безкорыстнымъ характеромъ.

«Между тѣмъ рядомъ съ этими качествами нельзя не замѣтить высокомѣрія, раздражительности, придирчивости, страсти къ спорамъ и значительнаго самолюбія. Глубокій легистъ, онъ излагаетъ свои идеи въ порядкѣ и съ удивительной ясностью»... Коснувшись потомъ участія Манини въ спорѣ о желѣзныхъ дорогахъ, рѣчей его въ конгресѣ ученыхъ и прошеній центральному собранію и губернатору, директоръ полиціи продолжаетъ: онъ имѣлъ неблагоразуміе или, лучше сказать, злость высказать, что для благосостоянія этихъ провинцій необходимы реформы, которыхъ наше правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ дать... Изъ дѣйствій его воспослѣдовало, что большая часть народонаселенія начала считать себя дѣйствительно несчастною и стала смотрѣть на правительство,—которое досихъ поръ называла справедливымъ и отеческимъ,—какъ на самовластное, притѣсняющее, лживое, незаботящееся объ истинныхъ интересахъ и счастіи своихъ подданныхъ. Нѣкоторые извиняютъ адвоката Манини дурно понятымъ патріотизмомъ, но человѣкъ и не съ такимъ умомъ, какъ онъ, могъ

легко предвидѣть, къ чему все это приведетъ... Онъ *хотѣлъ* возбудить неудовольствіе и отвращеніе къ правительству.»

«Основываясь на всемъ этомъ, главное управленіе полиціи продолжаетъ смотрѣть на адвоката Манини нетолько какъ на главнаго непріятеля нашего правительства, но какъ на человѣка, который покушался на внутреннее спокойствіе государства». Что касается до Николая Томасео, то вотъ какъ обрисовываетъ его директоръ полиціи: »Николай Томасео, литераторъ, едва только занялъ профессорскую каѳедру въ Падуѣ, какъ тотчасъ-же обратилъ на себя вниманіе своими принципами враждебными системѣ нашего управленія. Впослѣдствіи онъ жилъ во Флоренціи, участвуя какъ сотрудникъ, въ ученомъ журналѣ» Флорентинская Антологія». Этотъ журналъ былъ запрещенъ въ 1833 году, по приказанію его высочества великаго герцога тосканскаго, по причинѣ направленія, противнаго августѣйшему австрійскому дому и началамъ здравой политики. Поводомъ къ этой мѣрѣ послужила статья, приписываемая Томасео, въ чемъ онъ и самъ сознался передъ тосканскимъ правительствомъ. Изгнанный изъ Флоренціи, онъ удалился во Францію, гдѣ и жилъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1835 году онъ намѣренъ былъ публиковать тамъ собраніе сочиненій, непропущенныхъ итальянской цензурой и распространить ихъ въ Италіи. Впрочемъ намѣреніе это не было приведено въ дѣйствіе. Во время его пребыванія въ Парижѣ показалось тамъ сочиненіе подъ заглавіемъ» пять книгъ объ Италіи», которое вообще приписывали Томасео и которое, какъ увѣряютъ меня, исполнено опасныхъ и враждебныхъ австрійскому правительству чувствъ. Въ 1839 году прощенный по неизреченному милосердію его величества, Томасео возвратился въ австрійскія области и съ тѣхъ поръ почти постоянно живетъ въ Венеціи, хотя на него всегда тамъ смотрѣли какъ на чужестранца, имѣющаго законное мѣсто жительства въ Себенико въ Далмаціи. Николай Томасео постоянно оказывался полнымъ гордости и самонадѣянности, врагомъ всякаго повиновенія и дерзкимъ презрителемъ тѣхъ, которые не раздѣляютъ его ложныхъ политическихъ началъ. На него постоянно смотрѣли какъ на свѣтильникъ итальянской литературы, и его связи какъ за границей такъ и въ монархіи были чрезвычайно обширны.

«До послѣдняго времени онъ жилъ почти въ уединеніи, занимаясь только литературой; онъ старался скрыть свои разрушительныя тенденціи подъ покровомъ религіи и филантропіи, и цензура, разсматривая его сочиненія, имѣла часто случай замѣтить, съ какимъ постоян-

ствомъ онъ пытался отвлечь ея вниманіе этими ложными признаками. Въ 1843 г. онъ хотѣлъ напечатать брошюру на иллирійскомъ нарѣчіи, подъ заглавіемъ «Искрица», подъ правдоподобнымъ предлогомъ побудить къ разработанію иллирійскаго языка. Эта брошюра заключала въ себѣ начала, которыхъ очевидная цѣль была возбужденіе общественнаго неудовольствія и ниспроверженіе существующаго порядка вещей и потому не была дозволена къ печати. Во время своего пребыванія за границей, онъ былъ отъявленнымъ врагомъ австрійскаго правительства, и если по возвращеніи сдѣлался нѣсколько осторожнѣе, то не должно думать, что онъ отказался отъ прежняго направленія. Сверхъ вышеизложенныхъ покушеній, можетъ служить его неблагоразумная торопливость, которую онъ поспѣшилъ выказать, какъ только счелъ моментъ благопріятнымъ, чтобъ выйти изъ предѣловъ осторожности и вызвать общія демонстраціи противъ правительства достаточнымъ доказательствомъ».

Такая характеристика лучше всего можетъ дать понятіе о настоящемъ характерѣ Манини и Томасео. Всякій знаетъ, какихъ люде австрійская полиція называла безпокойными и неблагонамѣренными.

Но пока продолжалось судопроизводство, Венеція не осталась спокойною: демонстрація противъ сигаръ продолжалась; если нѣмецкая музыка приходила играть на площадь св. Марка, всѣ оставляли площадь; если назначались какія нибудь мѣста для общественныхъ гуляній, никто не являлся туда. Во время спектаклей публика была въ какомъ-то траурѣ: женщины безъ украшеній, мужчины въ черныхъ перчаткахъ; артистамъ не аплодировали, исключая тѣхъ случаевъ, когда піеса заключала намеки на свободу или отечество; въ этихъ случаяхъ зала оглашалась неистовыми рукоплесканіями. Успѣхъ «Макбета» былъ необыкновенный по причинѣ хора «*la patria tradita*»; Извѣстіе о конституціи, данной Неаполю, возбудило восторгъ въ высшей степени: всѣ явились въ театръ въ праздничныхъ платьяхъ; «Сициліянку» (народный танецъ) сговорились заставить повторить; полиція знала объ этомъ и позволила вызывать съ тѣмъ, чтобъ захватить неблагонамѣренныхъ, но она была оглушена единодушными криками: vivat и громовыми рукоплесканіями; бѣлые и трехцвѣтные платки вѣяли въ партерѣ; bis! bis! раздавалось со всѣхъ сторонъ; полиція не позволяла повторить; топанье и свистки раздались, направленные преимущественно противъ ложи губернатора... Тогда рѣшились употребить силу: рота гренадеръ вторглась въ театръ и ра-

зогнала зрителей. На другой день Дели-Антони (Degli-Antony) и сорокъ другихъ особъ получили приказаніе впредь не являться въ театръ до особаго дозволенія, съ этого дня всѣ Венеціанцы перестали посѣщать спектакли. Въ стремленіи своемъ открыть мнимый инсурекціонный комитетъ, полиція превзошла всѣ мѣры: нѣсколько лицъ было заключено въ тюрьму; другихъ безъ всякаго суда сослали въ Линцъ и Лейбахъ; нѣкоторые изъ иностранцевъ получили предписаніе выѣхать въ самомъ непродолжительномъ времени. Все это, вмѣсто того, чтобы успокоить умы, возбуждало ихъ; къ этому присоединились внушенія журналовъ піемонтскихъ и неаполитанскихъ. Катастрофа становилась неизбѣжной, тѣмъ болѣе, что Ломбардо-Венеціанское королевство было объявлено на военномъ положеніи, а во Франціи президентъ Ламартинъ въ циркулярѣ своемъ къ дипломатическимъ агентамъ при дворахъ разныхъ державъ выразилъ свое сочувствіе къ Италіи. Высказавъ необязательность трактатовъ 1815 года для французской республики, Ламартинъ продолжаетъ такъ: «еслибы на независимыя государства Италіи было сдѣлано нападеніе, еслибы поставили предѣлы или препятствія ихъ внутреннимъ преобразованіямъ, еслибы вооруженной рукою стали оспаривать у нихъ право заключать союзы между собою для укрѣпленія отечества—республика французская почтетъ себя вправѣ вооружиться, чтобъ покровительствовать этимъ законнымъ движеніямъ возрастанія и національности народовъ... (*)

Между тѣмъ допросы Манини продолжались: всякій разъ онъ говорилъ одно то же, только развивая свои мысли въ разныхъ формахъ и присоединяя протесты о незаконности своего задержанія. Наконецъ 5 марта, совѣтникъ Дзенари произнесъ окончательное рѣшеніе. Объяснивъ существо дѣла, онъ нашелъ, что Манини и Томасео, хотя и напечатали сочиненія, которыя способны возбудить неудовольствіе противъ правительства, но тѣмъ не менѣе они не могутъ быть подозрѣваемы въ умышленномъ намѣреніи, въ той степени, которая моглабы служить законнымъ основаніемъ для приговора. Несмотря на то, обвиненные не были выпущены; напротивъ, директоръ полиціи хотѣлъ перенести дѣло въ Миланъ и уже рѣшилъ переслать узниковъ въ Лейбахъ,—какъ революція въ Вѣнѣ разстроила всѣ его соображенія.

(*) 4 марта 1848 г.

Смутные слухи объ этой революціи достигли до Венеціи 16 марта. Адвокаты Бенвенути и Фортисъ предложили представить адресъ объ освобожденіи Манини и Томасео и подать его губернатору въ тотъ же день въ театрѣ. Полиція, узнавши объ этомъ, предупредила демонстраціи, заперевъ театръ. На другой день въ 9 часовъ утра пришелъ пакетботъ изъ Тріеста. Народъ толпами собрался въ гавани и на набережной; многіе даже бросились въ лодки, чтобъ скорѣе узнать о новостяхъ; одинъ французскій негоціантъ, изъ числа пассажировъ, разсказалъ о конституціи, данной въ Вѣнѣ. Новость эта быстро распространилась по городу; народъ собрался передъ домомъ губернатора и требовалъ освобожденія Манини и Томасео. Графъ Пальфи, получившій уже офиціальное извѣстіе о переворотѣ въ Вѣнѣ, вышелъ на балконъ и отвѣчалъ, что только уголовный судъ можетъ располагать арестантами. Народъ не удовольствовался этимъ и продолжалъ свои настоянія; въ то же время другія толпы устремились къ тюрьмѣ и стали выламывать ворота... Пришлось уступить: приказаніе объ освобожденіи Манини было отдано, но онъ отказывался выйти изъ тюрьмы до тѣхъ поръ, пока судъ не объявитъ, что онъ освобождается на основаніи закона. Освободивъ узниковъ, народъ былъ въ восторгѣ, онъ подхватилъ ихъ на руки и обнесъ кругомъ площади при радостныхъ восклицаніяхъ; многіе вдѣли въ петлицу трехцвѣтные ленточки; другіе подняли на мачтахъ, стоявшихъ на площади, національное знамя и обрѣзали веревку... Но въ то время, когда патріотическія манифестаціи наиболѣе проявлялись, комендантъ крѣпости выслалъ войска, чтобъ разогнать народныя сборища и сорвать флаги. Кроаты и гренадеры очистили площадь; народъ разсѣялся, оставивъ на мѣстѣ одного убитаго и двухъ тяжело раненныхъ. На другой день волненіе усилилось; губернаторъ пригласилъ къ себѣ Манини и просилъ его успокоить народъ; тотъ отвѣчалъ, что этого можно достигнуть только отсылкой войскъ въ казармы и учрежденіемъ національной гвардіи. Графъ Пальфи отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что не можетъ превысить своихъ полномочій, и что учрежденіе національной гвардіи зависитъ прямо отъ вице-короля. Двое депутатовъ отправились въ Верону. Въ отсутствіе ихъ раздоръ между войскомъ и народомъ достигъ громадныхъ размѣровъ; патріотическія манифестаціи умножались; солдатамъ снова велѣно прекратить ихъ, они прицѣливаются, одинъ ребенокъ срываетъ штыкъ съ ружья—и свалка начинается. Кроаты хотятъ открыть огонь, но по-

ручикъ Лудовикъ Винклеръ бросается передъ ними и восклицаетъ: «стой, вы убьете меня прежде чѣмъ кого нибудь изъ этого безоружнаго народа»! Несмотря на то четверо убитыхъ и семь тяжело раненыхъ заплатили за эту попытку. Раздраженные Венеціанцы очистили площадь, но готовились возобновить борьбу въ улицахъ; всѣ важнѣйшіе стратегическіе пункты были заняты, мосты баррикадированы, кровли покрыты народомъ... Венеціанскій патріархъ отправился къ губернатору, чтобъ отвратить грозящее кровопролитіе. Вслѣдъ за нимъ пришелъ туда меръ, въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ, и представилъ графу Пальфи, что единственная мѣра къ прекращенію безпорядковъ состоитъ въ устройствѣ національной гвардіи. Иниціатива этого важнаго предложенія принадлежитъ Манини: онъ, и еще нѣсколько отважныхъ гражданъ, явились въ муниципальный совѣтъ, и убѣдили его назначить депутацію къ губернатору.

Пальфи нѣкоторое время противился этимъ требованіямъ, но, наконецъ, опасаясь послѣдствій рѣшительнаго отказа, позволилъ вооружить 200 человѣкъ, которые должны были получить свой уставъ отъ главнаго управленія полиція. Болѣе 2,000 человѣкъ записалось при первомъ извѣстіи о согласіи губернатора. Когда Стробахъ, посланный отъ полиціи, замѣтилъ это и сталъ упрекать Манини, говоря, что онъ хочетъ возбудить революцію и заставить объявить городъ въ осадномъ положеніи. «Я пришелъ сюда возстановить порядокъ, отвѣчалъ адвокатъ; но если вы воспротивитесь мѣрамъ, необходимымъ для его поддержанія, вы сами вызовете ту революцію, которой такъ боитесь, и я стану въ головѣ ея». Эти угрозы восторжествовали надъ полицейской оппозиціей: адвокатъ Анджело Менгальдо, служившій прежде въ военной службѣ, былъ избранъ начальникомъ національной гвардіи; въ помощь ему назначили шесть окружныхъ начальниковъ (capi sestiere).

Въ полночь явилось судно изъ Тріеста съ депутаціей отъ жителей, которая привезла офиціальное извѣстіе о конституціи, данной австрійскимъ императоромъ. Нѣсколько времени спустя губернаторъ съ балкона прочиталъ указъ о томъ. Въ мгновеніе главнѣйшія зданія города были иллюминованы.

19 марта и слѣдующіе за нимъ два дня были употреблены на организацію національной гвардіи и на разсужденія о дальнѣйшихъ реформахъ. Манини не присутствовалъ при этихъ совѣщаніяхъ, потому, что понималъ цѣну австрійскихъ обѣщаній и хотѣлъ идти даль-

ше. Между тѣмъ утромъ 21 числа разнесся слухъ, что въ арсеналѣ заготовляютъ конгревовы ракеты, которые отчасти находятся уже на корветѣ «Clemenza». Муниципальный совѣтъ встревожился и послалъ одного офицера національной гвардіи освидѣтельствовать судно, но на немъ ничего не было, кромѣ хвостовъ отъ ракетъ. Тѣмъ не менѣе работники арсенала не успокоились: въ четыре часа вспыхнуло тамъ возмущеніе противъ полковника Мариновича, ненавидимаго всѣми за жестокость и притѣсненія. Полковникъ прибѣгнулъ подъ защиту національной гвардіи, которой съ величайшимъ трудомъ удалось спасти его отъ раздраженныхъ рабочихъ.

Пока происходили эти событія, Манини приготовлялся дѣйствовать. Когда его пригласили его въ ратушу для того, чтобъ онъ высказалъ свое мнѣніе о лучшемъ устройствѣ управленія, онъ отвѣчалъ, что считаетъ безполезнымъ сообщить его столькимъ лицамъ. Только немногіе знали его истинныя намѣренія. Наконецъ, въ ночь съ 21 на 22 число, онъ пригласилъ нѣсколькихъ извѣстнѣйшихъ патріотовъ для совѣщанія о дальнѣйшей судьбѣ отечества: одни хотѣли правительства конституціоннаго, отдѣльнаго итальянскаго, хотя и подчиненнаго Австріи; другіе хотѣли королевства совершенно независимаго съ австрійскимъ принцемъ на тронѣ. Что касается до Манини, онъ былъ противъ этихъ предложеній. «Вы хотите дѣйствовать примирительными средствами, сказалъ онъ, — это поведетъ только къ потерѣ драгоцѣннаго времени: не употребивъ силы, съ Австріей ничего нельзя сдѣлать; вы потеряете только случай къ освобожденію отечества. Намъ прежде всего надо овладѣть арсеналомъ. Что касается до формы правленія, то самая лучшая, болѣе приспособленная къ нравамъ и желаніямъ народа, — форма республиканская, единственный крикъ понятный ему — viva la republica (*)! Заставьте раздаться имя св. Марка — вы, можетъ быть, найдете эхо въ Далмаціи». Предложеніе Манини съ жаромъ оспаривалось, взятіе арсенала находили невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе утромъ 22 числа нѣкоторые пламенные патріоты явились къ нему и убѣждали его воспользоваться остолбенѣніемъ правительства; но онъ отвѣ алъ, что не желалъ-бы принять

(*) Этотъ-же самый крикъ совѣтовалъ ему употребить кавалеръ Факанони, консулъ сардинскаго короля въ Венеціи; онъ пришелъ къ Манини въ 8 часовъ утра 22 числа, не былъ принятъ и сообщилъ свое мнѣніе Дели-Антони.

на себя управленія движеніемъ и просилъ ихъ обратиться въ муниципалитетъ. Въ 10 часовъ пришелъ къ Манини морской офицеръ Сальвини и сообщилъ ему, что въ арсеналѣ дѣлаются враждебныя приготовленія противъ города; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ его овладѣть арсеналомъ, увѣряя, что не встрѣтится никакого препятствія со стороны рабочихъ. Манини послалъ къ адвокату Бенвенути (начальнику одного изъ отдѣленій національной гвардіи) съ просьбой дать ему въ распоряженіе нѣсколько человѣкъ. Тотъ рѣшительно отказалъ.. Въ это время пришло извѣстіе объ убіеніи Мариновича, который, несмотря на то, что едва спасся наканунѣ отъ смерти, снова явился въ арсеналъ. Манини рѣшился дѣйствовать одинъ. Выйдя изъ дому вмѣстѣ съ сыномъ, онъ присоединялъ къ себѣ всѣхъ гвардейцевъ, которыхъ встрѣчалъ. Соединившись на площади св. Марка съ Дели-Антони, онъ раздѣлилъ свой отрядъ на два, по пятидесяти человѣкъ въ каждомъ, и въ такомъ порядкѣ направился къ арсеналу, стараясь придать своему отряду видъ патруля.

Венеціанскій арсеналъ состоитъ изъ нѣсколькихъ островковъ и занимаетъ въ окружности три мили; окруженный высокими стѣнами съ башнями и баттареями, съ двумя сильно защищенными входами, изъ города и съ моря, съ большимъ запасомъ оружія, — онъ представляется отдѣльной сильной крѣпостью. Овладѣніе имъ было необходимо, для успѣха возстанія. Приблизившись къ арсеналу, Манини замѣтилъ во внутренности его только 12 національныхъ гвардейцевъ, прибывшихъ туда для возстановленія порядка по смерти Мариновича. Считая этотъ случай благопріятнымъ для выполненія своихъ намѣреній, онъ приказалъ Дели Антони вступить туда съ частью своихъ людей, чтобъ не возбудить подозрѣнія. Въ это время адмиралъ Мартини прибылъ отъ губернатора. Его пригласили въ канцелярію, и здѣсь Манини обратился къ нему съ упреками относительно строгихъ мѣръ, которыя правительство хочетъ употребить противъ города. Сцена эта происходила въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба и національной гвардіи. Адмиралъ оправдывался, увѣряя, что ничего подобнаго нѣтъ, и въ заключеніе предложилъ самимъ присутствующимъ произвести строжайшее изслѣдованіе. Манини съ жадностью схватился за этотъ случай и отрядилъ трехъ человѣкъ осмотрѣть арсеналъ. По возвращеніи они донесли, что овладѣть имъ легко. Тогда Манини, въ сопровожденіи бывшихъ съ нимъ морскихъ и національныхъ офицеровъ, отправился осматривать арсеналъ самъ; во время осмотра ему

пришли сказать, что Мартини хотѣлъ отправиться къ военному губернатору Зичи (Zichy), но его нетолько не пустили, но даже арестовали. Тогда Манини сдѣлалъ всѣ распоряженія для удержанія арсенала въ своихъ рукахъ: назначилъ командиромъ его Граціани, розрдалъ оружіе, приказалъ починить мостъ, соединяющій арсеналъ съ городомъ и, наконецъ, удалился въ одну маленькую таверну отдохнуть. Черезъ часъ, онъ явился на площадь Св. Марка, сопровождаемый радостными криками толпы, и провозгласилъ республику. «Мы свободны! сказалъ онъ, и мы можемъ вдвойнѣ этимъ гордиться, «потому-что не пролили ни капли крови, ни нашей, ни нашихъ «братьевъ,—я говорю братьевъ, потому-что всѣ люди для меня братья! «Но низвергнуть прежнее правительство недостаточно, — надо замѣ-«нить его другимъ, и для насъ, какъ мнѣ кажется, лучшее прави-«тельство—республика; оно напомнитъ намъ прежнюю славу и усовер-«шенствуется новыми правами. Мы не хотимъ черезъ то отдѣлиться отъ «другихъ итальянскихъ нашихъ братьевъ, напротивъ мы хотимъ «образовать одинъ изъ тѣхъ центровъ, которые послужатъ къ посте-«пенному слитію нашей милой Италіи въ одно цѣлое. Viva la repu-«blica! Viva la libertà! Viva San-Marco!»

Во время этихъ событій, Менгальдо явился къ графу Пальфи отъ имени муниципалитета съ просьбой успокоить Венецію, отдавъ въ руки національной гвардіи всѣ военные запасы. Губернаторъ отказалъ, замѣтивъ, что всякая уступка съ его стороны влекла за собою новыя, болѣе сильныя требованія; «пусть муниципальный совѣтъ ра-«зомъ объявитъ мнѣ всѣ свои желанія, прибавилъ онъ, и если они «не повредятъ австрійскому владычеству, я охотно исполню ихъ.»

Получивъ это приглашеніе, и въ то же время извѣстіе о взятіи арсенала, депутаты отъ коммисіи отправились къ Пальфи; онъ встрѣтилъ ихъ строго и высокомѣрно; но когда узналъ, что арсеналъ взятъ и адмиралъ въ плѣну, гордость его пропала въ мигъ; онъ передалъ власть свою графу Зичи, который и заключилъ конвенцію съ временнымъ правительствомъ Венеціи. По этой конвенціи: 1) войска, кромѣ Итальянцевъ, могли оставить городъ и отправиться моремъ на Тріестъ, но казна и военныя принадлежности должны были остаться въ пользу города; 2) всѣ чиновники, къ какой-бы націи ни принадлежали, пользовались покровительствомъ законовъ для себя, семейства, имущества; 3) графъ Зичи оставался въ городѣ до окончательнаго выполненія конвенціи.

*

Заключивъ эти условія, временное правительство поспѣшило издать слѣдующую прокламацію: «Граждане, побѣда наша—и кровь не была «пролита! Правительство австрійское гражданское и военное, пало! «Слава нашей храброй національной гвардіи! Ваши соотечественники, «нижеподписавшіеся, заключили торжественно конвенцію. Временное «правительство будетъ учреждено. Въ ожиданіи того, по причинѣ на«стоящихъ нуждъ, нижеподписавшіеся, заключившіе договоръ, приняли «на себя временно управленіе. Конвенція напечатана въ прибавленіи «къ нашей газетѣ. Да здравствуетъ Венеція! да здравствуетъ Италія!

Джованни Коррерь. Луиджи Микіель. Датаико Мединъ. Піетро Фабрисъ. Джованни Франческо Авесани. Анджело Менгальдо. Леоне Пинкерле.

Народъ, не видя въ этомъ числѣ именъ Манини и Томасео, пришелъ въ крайнее негодованіе: боялся перемѣны формы правленія, которую онъ принялъ съ такимъ энтузіазмомъ. Манини, утомленный тревогами этого дня, страдая хроническими припадками, не въ состояніи былъ подняться съ кровати; но, вѣрный чувству долга, продиктовалъ слѣдующія слова, которыя и были напечатаны въ ночь на 23 число: «Венеціанцы! Я, зная, что вы меня любите,—во имя этой любви, прошу васъ, чтобы вы въ законномъ изъявленіи своей радости вели себя съ тѣмъ достоинствомъ, которое прилично людямъ, достойнымъ быть свободными. Вашъ другъ, Манини».

Въ три часа утра члены временнаго правительства подали въ отставку. Рано поутру командиръ національной гвардіи Менгальдо вывелъ свои батальоны на площадь св. Марка и, послѣ освященія трехцвѣтнаго знамени патріархомъ, предложилъ народу членовъ новаго правительства. Единодушныя восклицанія встрѣчали каждое имя. Такимъ образомъ составился новый кабинетъ: Манини былъ избранъ президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; Томасео—народнаго просвѣщенія; Паолучи — морскимъ; Кастелли—юстиціи; Пинкерле—торговли; Тоффоли безъ портфеля.

Такъ окончилась первая эпоха венеціанской революціи. Начатая во имя закона, она требовала сначала только его возстановленія, и исполненія нарушенныхъ обѣщаній. Люди, стоявшіе во главѣ ея, видѣли ясно, что мирнымъ путемъ этого невозможно было достигнуть, потому что знали исторію и принципы австрійской монархіи; и потому готовились къ борьбѣ. Главная задача ихъ была соединить разроз—

ненные классы общества, устремить ихъ силы къ общей цѣли, и въ этомъ случаѣ сама Австрія превосходно помогла имъ своими притѣсненіями и несправедливостями. Люди, наиболѣе приверженные къ ней, не могли одобрить ея поведенія; такъ генеральный англійскій консулъ Даукинсъ писалъ къ виконту Пальмерстону: «ничего нѣтъ хуже дѣйствій здѣшнихъ властей; онѣ поступаютъ такъ, что заставляютъ удаляться отъ себя даже тѣхъ, которые были склонны терпѣть ихъ. Недостатокъ единства, слабость въ однихъ случаяхъ, превышеніе власти въ другихъ, раздоръ между чиновниками и офицерами, преобладаніе послѣднихъ, проволочки—все это слишкомъ очевидно».

Когда же такъ поступало правителъство? Въ то время, когда вся Италія готова была стать противъ общаго врага, когда Карлъ-Альбертъ собралъ войско, чтобъ вторгнуться въ Ломбардію, когда Венгрія и Вѣна возстали. Что же думала дѣлать Австрія? — обмануть недовольныхъ, выждать благопріятный случай и, раздавивъ ихъ, продолжать прежнюю политику.

Посмотрите, какими чувствами отличаются письма эрцъ-герцога Райнера къ брату его Эрнесту. Разсказавъ ему объ устройствѣ національной гвардіи въ Веронѣ, онъ продолжаетъ... «говорятъ, въ Венеціи стрѣляли и пять человѣкъ убито,—недурно!... Если случится что нибудь въ Миланѣ, я желаю Миланцамъ, чтобъ ихъ человѣкъ 500 осталось на площади (*).

«Капитанъ Гюэнъ (Guyn) проѣзжалъ вчера черезъ Миланъ курьеромъ въ Вѣну; онъ разсказывалъ, что въ Бролетто двѣнадцатифунтовыя пушки дѣлали превосходныя пробоины... я думаю всѣ плѣнники, въ томъ числѣ Казати и герцогъ Лита, должны быть разстрѣляны... Миланцы самимъ себѣ должны приписать все зло... Еслибы ихъ побольше осталось на площади, это внушило бы имъ немножко уваженія къ войску. Говорятъ, что солдаты показали мало умѣренности во время приступа—тѣмъ лучше! (**).

(*) 18 марта 1848 г.

(**) 20 марта. Когда Австрійцы удалились изъ Милана, въ одномъ домѣ нашли тринадцать человѣкъ зарѣзанныхъ; между ними была мать съ двумя дѣтьми; у одного была отрублена голова, у другаго проткнута штыкомъ шея. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ австрійскаго варварства: одинъ Кроатъ разрубилъ ребенка пополамъ и каждую половину прибилъ гвоздями къ стѣнѣ; другой посадилъ на штыкъ маленькую дѣвочку, третій вырвалъ изъ нѣдръ матери зародышъ. Въ одномъ трактирѣ въ предмѣстьи Санта-Кроче отца

Нужно ли что прибавлять къ этому, чтобъ показать, что Манини былъ правъ, не желая остаться подъ властью Австріи и провозглашая республику. О королевствѣ съ австрійскимъ принцемъ нечего болѣе и думать. Призваніе Карла-Алберта на тронъ представляло многочисленныя препятствія. Стоило-ли пожертвовать независимостью республики королю, который разъ уже измѣнилъ либеральной партіи, который самую конституцію далъ только по настоятельнымъ требованіямъ Санта-Розы, видя невозможность долѣе противиться общественному мнѣнію. Объявленіе республики давало надежду на помощь Франціи, на сочувствіе сѣверо-американскихъ штатовъ и большинства въ Англіи; даже самъ Карлъ-Албертъ вначалѣ не былъ противъ этого, что доказывается визитомъ консула Факанони, также совѣтовавшаго эту форму правленія. Едва только она была объявлена, какъ на другой день явился французскій консулъ и въ трогательныхъ выраженіяхъ заявилъ свою симпатію къ новой республикѣ; въ тотъ же самый день американскій консулъ поспѣшилъ выразить свое уваженіе и дружбу къ ней и обѣщалъ, что его правительство немедленно признаетъ ее.

Такимъ образомъ Манини сдѣлалъ все, что совѣтовало ему благоразуміе: дальнѣйшаго хода событій предвидѣть было невозможно; горизонтъ Венеціи былъ ясенъ: кругомъ носились громовыя тучи, но на немъ свѣтило солнце. Можно-ли было предвидѣть, что эти самыя тучи заволокутъ его.

В. ПОПОВЪ.

связали съ сыномъ и обоихъ убили однимъ ударомъ; другой отецъ семейства былъ привязанъ къ бревну и сожженъ живой въ глазахъ жены и дѣтей.— Вотъ объ чемъ говорилъ Райнеръ: «солдаты наши показали мало умѣренности во время приступа—тѣмъ лучше».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДНОСТЕЙ АВСТРІИ.

a) Stimmen der Zeit, herausgegeben v. Adolph Kolatschek. № 1—3 u. 8. Die Parteien in Bömen. Ungarische Briefe. b) Les Slaves d'Autriche et les Magyars, études ethnographiques, politiques et litteraires. Paris. 1861.

I.

Ни въ одной странѣ вопросъ развитія народностей не имѣетъ такой исторической важности, какъ въ Австріи. Для нея онъ составляетъ вопросъ жизни, потому-что Австрійская имперія есть не что иное, какъ смѣсь разноплеменныхъ народовъ такъ кстати напоминающая намъ условія политическаго существованія византійской имперіи. Не излишнимъ считаемъ повторить ту истину, неоднократно уже высказанную, что существованіе, составъ, постепенное увеличеніе, однимъ словомъ— исторія Австріи, не имѣетъ никакого сходства ни съ однимъ изъ государствъ новой Европы. Въ другихъ народностяхъ намъ представляются или одно сплошное ядро населенія, или главное, господствующее населеніе съ немногими иноплеменными общинами, живущими подъ непосредственнымъ управленіемъ главной, или наконецъ незначительные остатки такихъ племенъ, какъ напр. Басковъ, которые, не имѣвъ никогда собственной цивилизаціи, сами-собою изводятся и исчезаютъ, растворяясь въглавномъ населеніи. Но совершенно на другихъ началахъ сложилась Австрійская имперія. Народъ, который правительство хочетъ сдѣлать господствующимъ надъ другими, не превышаетъ семи милліоновъ душъ, въ то время, какъ остальное иноплеменное населеніе Австріи восходитъ до *тридцати пяти* милліоновъ. Но и изъ этихъ *семи* милліоновъ только пять составляютъ сплошную массу германскаго племени, потому-что два остальные разсѣяны по нѣкоторымъ округамъ Чехіи и по другимъ областямъ Австріи. Перевѣсъ остается за наро-

дами, чуждыми главному населенію и по языку и по племени. Славянская народность, напр., въ числѣ пятнадцати милліоновъ, составляетъ уже сама по себѣ половину населенія Австріи. Среди этихъ Славянъ одни Чехи, въ числѣ семи милліоновъ, составляютъ сплошную массу, которая уравновѣшиваетъ собой нѣмецкое племя имперіи, и нетолько въ статистическомъ отношеніи, но и въ отношеніи умственномъ, потому-что цивилизація Чеховъ ничуть не новѣе германской. Рядомъ съ племенемъ Славянъ рѣзко отдѣляется пятимилліонное, живучее племя Мадяръ; но кромѣ его есть еще Румыны въ числѣ трехъ милліоновъ, есть еще уединившійся обломокъ итальянскаго племени, почти въ два съ половиною милліона. Всѣ эти народы, имѣя свой языкъ и литературу, имѣя свое прошлое, какъ въ области преданія, такъ и въ живой исторіи, отнюдь не сочувствуютъ австрійскому правительству и вовсе не желаютъ пожертвовать своею народностью въ пользу нѣмецкой. Напротивъ, они съ каждымъ днемъ заявляютъ свои права и возвышая голосъ, требуютъ равноправности. До тѣхъ поръ Австрія не въ состояніи будетъ стать тверже на своихъ пошатнувшихся и подкосившихся ногахъ, пока не удовлетворитъ вполнѣ требованіямъ своихъ народовъ. Онѣмечить ихъ нѣтъ болѣе никакой возможности, и каждая новая попытка на этомъ поприщѣ съ удвоенной силой вызоветъ въ нихъ противоборство и увеличитъ чувство глухой ненависти, достигшей уже послѣднихъ предѣловъ. Былобы благоразумнѣе, если уже не поздно и самое благоразуміе, уважить наконецъ народныя права племенъ, случайно замкнутыхъ въ составъ австрійской монархіи, и исполнить добросовѣстно напыщенно-высказанный законъ равноправности, которымъ австрійское правительство уже нѣсколько лѣтъ туманитъ своихъ подданныхъ.

Система разъединенія и возбужденія одной народности противъ другой, предпринятая Австріей, съ давняго времени, оказалась нетолько неудобной для ея господства, но даже опасной. Система эта едва не погубила самую Австрію въ 1848—49 г. Въ настоящемъ случаѣ одно свободное соглашеніе и удовлетвореніе требованій народовъ, живущихъ въ Австріи, можетъ обезпечить правительству его собственное существованіе. Но если народы эти, оставивъ правительство въ сторонѣ, приступятъ къ обоюдному соглашенію и единодушно примутся за дѣло собственнаго возрожденія, тогда самое зданіе Австріи, расшатанное уже во всѣхъ своихъ связяхъ, разрушится неминуемо, и въ этомъ отношеніи, принявъ въ соображеніе аналогію,

въ какой находится къ Австріи европейская половина Турціи, оба эти государства подойдутъ подъ одну и ту-же категорію распаденія.

Вопросъ о народностяхъ и ихъ правахъ, какъ историческихъ, такъ и политическихъ, въ высшей степени запутанъ. Разрѣшить стремленія этихъ племенъ, ихъ обоюдныя соотношенія, и разъяснить причины исторической вражды ихъ между собою, составляетъ громадный политико-соціальный трудъ, который едва ли можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно для каждаго народа отдѣльно взятаго. Опредѣленіе понятія народности никогда не разъяснится, если оно будетъ принимаемо то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ. Народность, съ точки зрѣнія политической, исторической и этнографической, составляетъ узелъ, котораго изгибы могутъ разрѣшиться или лезвіемъ меча или медленнымъ долголѣтнимъ распутываніемъ этихъ живыхъ извилинъ. Въ иномъ племени эти три вида народности находятся въ тѣсной связи, въ другомъ они рѣзко разъединены. Такъ напримѣръ Румыны Трансильваніи въ одно и то-же время могутъ разсматриваться и какъ Румыны и какъ Мадяры и какъ Австрійцы. Государство, которому непосредственно принадлежитъ извѣстное племя, выражаетъ политическую народность этого племени. Съ другой стороны народы, неимѣющіе одного племеннаго происхожденія, и говорящіе разными языками, соединенными нѣкогда въ одно государство, имѣющіе одну исторію, хотя и перестали съ теченіемъ ваемени входить въ составъ этого государства,—народы эти все-таки сохраняютъ свою историческую личность, какъ напримѣръ: Сербія, Босна, Герцеговина и Черногорія, составлявшія нѣкогда царство Сербское. Политическая народность извѣстнаго племени, присоединеннаго къ другому государству, вслѣдствіе ли свободнаго избранія, или вслѣдствіе завоеванія, все равно, можетъ быть источникомъ или свободнаго его развитія подъ властью господствующаго племени, и въ такомъ случаѣ оно неминуемо составитъ силу этого государства или сдѣлается источникомъ постоянныхъ его смутъ и волненій. Здѣсь нельзя не вспомнить значеніе, какое имѣетъ Альзасъ для Франціи и венеціанская область для Австріи.

Изъ этихъ двухъ видовъ народностей, главная и болѣе живучая та, которая выражаетъ собой *этнографическое* единство народныхъ единицъ, въ формѣ единства племени и единства языка. Она вполнѣ опредѣляетъ понятіе народъ,—(отъ родить, нарождать) и можетъ имѣть полное право гражданства, какъ въ политическихъ, такъ и въ

соціальныхъ требованіяхъ вѣка. Политическая народность ясно выражается словомъ государство; подъ историческою народностью должно разумѣть исторію всякаго народа и государства; но чтобы опредѣлить народность, основанную на единствѣ племени и языка, нѣтъ болѣе яснаго опредѣленія, какъ выраженіе уже нами принятое — народность этнографическая. Въ характеристку отдѣльно взятаго народа непосредственно входятъ его порода, нравы, обычаи, вѣрованія, народныя преданія, пѣсни, языкъ, и множество такихъ особенностей, ему исключительно принадлежащихъ, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ его индивидуальную личность. Такъ какъ языкъ есть главный отличительный признакъ человѣка, то онъ составляетъ основное типическое свойство, отдѣляющеею одно племя отъ другаго. Народность этнографическая есть созданіе природы, между тѣмъ какъ историческая и политическая образуются подъ вліяніемъ общественныхъ обстоятельствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что народность этнографическая имѣетъ преимущество предъ двумя другими. Этимъ тремъ видамъ народности можно дать и такое опредѣленіе: народность политическая принадлежитъ къ области статистики настоящаго; историческая—есть данное или фактъ статистики прошедшаго; этнографическая же носитъ въ себѣ несомнѣнные задатки статистики будущаго. Народность политическая основана на расчетѣ большею частію искуственномъ. Народность историческая вытекаетъ изъ лѣтописей, преданій и всего прошлаго; но народность этнографическая есть начало плоти и крови, за которымъ не могутъ скрыться ея особенности. Всѣ революціи нашей эпохи носятъ въ себѣ признаки этого начала. Сербія, Греція и вслѣдъ за ними Венгрія имѣли въ основѣ своей чисто этнографическія данныя къ возстановленію своихъ народностей, и еслибы Венгрія не впала въ ошибки, въ которыхъ теперь она сама не можетъ не сознаться, то слѣдствія ея борьбы съ Австріей были–бы совсѣмъ иныя. Лучшимъ и болѣе краснорѣчивымъ слѣдствіемъ этнографической народности есть безъ сомнѣнія итальянское движеніе, и то единство, къ которому Италія съ каждымъ днемъ стремится.

Объяснивъ различные виды слова народность, теперь мы можемъ нагляднѣе представить значеніе ея въ тѣхъ племенахъ, которыя входятъ въ составъ австрійской имперіи. Начиная, въ порядкѣ постепенности, съ народности политической, нельзя не замѣтить, что она до эпохи 1848 года видоизмѣнялась въ различныхъ областяхъ Австріи; но съ этого времени, когда правительство окончательно при-

няло систему подавленія народностей и централизаціи, идя такимъ образомъ на проломъ историческаго развитія своихъ областей, оно старалось подвести ихъ подъ общій уровень національности, противъ которой протестовали и еще теперь протестуютъ всѣ племена этого государства. Это насильственное навязываніе своимъ подданнымъ австрійской народности, произвело то, что кромѣ эрцгерцогства Австріи, никто не желаетъ называть себя Австрійцемъ, а вездѣ встрѣчаете Мадяръ, Сербовъ, Итальянцевъ, Чеховъ, Румыновъ, которые точно также любятъ народность австрійскую, какъ каторжникъ цѣпь, которою прикованъ къ тачкѣ.

Примѣняя историческую народность къ австрійской монархіи, мы встрѣчаемъ, что всѣ почти ея области, бывшія нѣкогда отдѣльными, независимыми государствами, сгрупировались подъ властію Габсбурговъ или въ слѣдствіе свободнаго избранія, или въ слѣдствіе союзовъ, или наконецъ въ слѣдствіе завоеванія. Всѣ эти области свято хранили свои народныя учрежденія, которыя признавались, болѣе или менѣе австрійскимъ правительствомъ, до 1848 года. Жители этихъ областей хотя и раздѣляются другъ отъ друга разными нарѣчіями, сохраняютъ однакожъ живое воспоминаніе о своей прежней независимости, и тѣмъ доказываютъ, что между ними не переставало существовать политическое стремленіе. Чтобы яснѣе понять, въ какомъ состояніи находятся эти области въ отношеніи ихъ исторической народности, необходимо обозрѣть ихъ одну за другою, потому что и теперь еще многіе привыкли смотрѣть на Австрію какъ на государство нѣмецкое. Повторяемъ, во всей Австріи жителей германскаго происхожденія не болѣе 7.000,000 изъ которыхъ только 500,000 составляютъ сплошную массу нѣмецкаго племени.

Начиная обзоръ областей Австріи съ тѣхъ, которыя населены Нѣмцами, мы находимъ слѣдующія: эрцгерцогство Австрія съ верхнею и нижнею Австріей, Штирія, Карніолія, Каринтія, Тироль, древнее епископство тридентское, бриксенское, древнее архіепископство Зальцбурга и часть маркизата истрійскаго, потому что другая его часть, острова и побережье, принадлежали венеціанской республикѣ, за исключеніемъ свободнаго города Тріеста, который, находясь нѣсколько разъ подъ властію Венеціанцевъ, кончилъ тѣмъ, что отдался подъ покровительство Австріи, и съ тѣхъ поръ не выходилъ изъ подъ ея власти. Эти-то земли и составляли собственно австрійскій

удѣлъ, бывшій однимъ изъ десяти округовъ древне-германской имперіи.

Часто встрѣчается названіе Богеміи или Чехіи, какъ области нѣмецкой. Но Богемія вмѣстѣ съ Моравіей и Силезіей, какъ австрійской такъ и прусской, составляли, какъ извѣстно, отдѣльное могущественное королевство, въ составъ котораго входили также и Лужицы. Часть прусской Силезіи населена на сѣверо-востокѣ народомъ славянскимъ польской вѣтви, а на югѣ Славянами чешскаго происхожденія. Лужицы также населены большею частію Славянами, Вендами, которые называютъ себя Сербами. Земли, составлявшія нѣкогда чешское королевство, за исключеніемъ одной четверти, населенной Нѣмцами, заняты народомъ великой славянской семьи, Чехами. Земли ихъ никогда не входили въ число тѣхъ десяти округовъ, которые составляли древне-германскую имперію, и отношенія ихъ къ этой послѣдней не имѣли въ себѣ характера политической зависимости. Даже самое королевство Чехіи, вслѣдствіе трактатовъ и формальнаго признанія императора Фердинанда I, не было подвергнуто ленной зависимости отъ Австріи. Между тѣмъ, несмотря на эти права, признанныя за Чехіей, Францъ Іосифъ произвольно и вопреки данной имъ клятвѣ сохранить права и преимущества этихъ земель, ввелъ ихъ въ составъ германскаго союза. Цѣль его была усилиться какъ члену союза, остановить національное движеніе къ реформамъ. Какія же были послѣдствія этого внезапнаго присоединенія Чехіи къ германскому союзу? Лишь только Чехи нашли возможность высказать свое негодованіе, они не замедлили протестовать противъ своевольнаго присоединенія своей народности къ Австріи. Здѣсь кстати вспомнить, что когда въ 1848 г. учрежденіемъ во Франкфуртѣ парламента, хотѣли подготовить единство Германіи, то въ число членовъ этого парламента приглашены были также и представители изъ Чеховъ; но они отвѣчали, что такъ какъ Чехія не имѣетъ ничего общаго съ Германіей въ отношеніи народномъ, то и не намѣрена принимать участіе въ образованіи будущей германской имперіи, и желаетъ остаться подъ властію своего короля, императора австрійскаго. Несмотря на настоятельныя требованія вѣнскаго министерства послать депутатовъ въ парламентъ, Чехи рѣшительно отказались. Впрочемъ тамъ были представители и отъ Чехіи, но это-депутаты нѣкоторыхъ пограничныхъ округовъ Богеміи, обитаемыхъ нѣмецкимъ населеніемъ. Историческія воспоминанія скорѣе удаляютъ, чѣмъ сближаютъ Чеховъ

съ Нѣмцами. Въ этихъ воспоминаніяхъ Чеху постоянно представляются обстоятельства его исторической жизни, когда онъ постоянно находился въ необходимости защищать свою независимость отъ нѣмецкаго насилія и вторженій. Чтобы вѣрнѣе охранить свою народность, Чехи, съ прекращеніемъ королевской династіи, рѣшились избрать въ короли Владислава Ягеллона. Сохранился даже одинъ памятникъ,—письменное предложеніе чешскимъ государственнымъ чинамъ, собравшимся въ XV ст. для избранія короля, гдѣ избиратель въ рѣзкихъ выраженіяхъ представляетъ опасность, какой можетъ подвергнуться славянская народность Чеховъ, если изберутъ въ короли Нѣмца. Въ историческомъ очеркѣ, начиная съ незапамятныхъ временъ, и на основаніи лѣтописей, избиратель представляетъ грустную картину стремленій къ онѣмеченію Чехіи, какъ только она приходила въ столкновеніе съ Нѣмцами. Предостерегая такимъ образомъ государственные чины, Чехъ заключаетъ слѣдующими словами: ,,Сообразивъ все сказанное здѣсь, нужно намъ беречься болѣе всего Нѣмцевъ, никого изъ нихъ не избирать себѣ въ короли. Нѣмцы скорѣе согласятся, всѣ до одного, потерять свои головы, нежели принять самаго славнаго Чеха нетолько въ государи, но даже въ мѣщане къ себѣ.» И по духу времени, избиратель припоминаетъ слова кн. Второзаконія, гл. 17 ст. 15, «*Поставляя да поставиши надъ собою князя, его же и беретъ Господь Богъ твой: отъ братіи твоея да поставиши надъ собою князя, не возможеши поставити надъ собою князя человѣка чуждаго, яко не братъ твой есть*». А Нѣмецъ, какъ извѣстно, не братъ Чеху, потому что онъ не отъ чешскаго народа; онъ не братъ потому, что противится и ругается отцамъ нашимъ и введенію причащенія тѣломъ и кровію Христа, равно какъ и другимъ правдамъ его. Такого человѣка не слѣдуетъ нетолько впускать въ домъ, но даже и привѣтствовать. Нѣмецъ, избранный въ короли, нетолько вовсе не посѣтитъ нашего дома, напротивъ, скорѣе постарается изгнать истинныхъ Чеховъ изъ ихъ домовъ и безъ отлагательства завладѣть ихъ достояніемъ.» Такова была антипатія Чеховъ къ Нѣмцамъ еще въ XV-мъ столѣтіи. И не одни Чехи чуждались Нѣмцевъ: Мадяры, находясь при тѣхъ же обстоятельствахъ, не желая пригласить Фридриха, призвали по настоянію Яна Гуніади, Владислава Ягеллона. Только въ 1526 году, послѣ могачской битвы, чтобы остановить дальнѣйшія завоеванія Турокъ, оба эти народа добровольно отдались Габсбургамъ. Но когда они, нарушивъ данныя клят—

вы, начали стѣснять Чеховъ, и воздвигать религіозное гоненіе на нихъ, протестантское дворянство подняло оружіе и призвало на престолъ пфальцъ-графа Фридриха. Въ 1620 году послѣ пражской битвы, столь гибельной для Чехіи, императоръ и король Фердинандъ II уничтожилъ конституціонное правленіе королевства и замѣнилъ его въ 1627 г. особымъ статутомъ. Венгрія въ этомъ случаѣ была счастливѣе Чехіи, сохранивъ свою конституцію еще на два столѣтія (до 1848 г.).

Несмотря на потерю своей самостоятельности, Чехія доселѣ сберегла сознаніе своей политической жизни; и если оно проявляется не такъ рѣзко и живо, какъ въ Венгріи, то причиной тому высшее сословіе, измѣнившее народному чувству и подпавшее вліянію двора. Подкупленное доходными мѣстами, какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ, привилегированное и отличенное правительствомъ, оно отшатнулось отъ угнетеннаго народа и наконецъ разорвало съ нимъ всякую живую связь. Правительство не замедлило обратить его въ орудіе своего эгоизма и произвола.

Несмотря на ничтожность чешскаго дворянства, на его отчужденное положеніе въ отношеніи къ остальной массѣ народа, эта масса развилась сама собою такъ, что можетъ изумить всякаго, кто только слѣдилъ за успѣхами ея въ народномъ образованіи. Въ противоположность дворянству Чехіи, она горячо сочувствуетъ своей исторической народности.

Чувство это, одушевляя юношество, день ото дня болѣе и болѣе развивается; живымъ проводникомъ его служитъ языкъ и литература, доступные всѣмъ классамъ общества, понятные всѣмъ и каждому. Исторія Чеховъ, имѣя столь славныя личности, какъ Оттекаръ, Янъ-Гусъ, Жижка, Георгій Подебрадъ, не можетъ остаться въ тѣни и быть заслоненной бюрократической ширмой Австріи. Въ продолженіе двухъ вѣковъ, послѣ потери своей независимости, Чехія не переставала вносить свои живыя силы въ Австрію, снабжая ее лучшими вождями и государственными людьми. Однимъ словомъ, 1848 годъ достаточно показалъ, какъ Славяне Чехіи высоко стоятъ, сравнительно съ прочими народами Австріи, въ отношеніи политическаго такта. Они одни отказались послать представителей въ учредительное собраніе, бывшее въ Вѣнѣ. Кромѣ того Чехи находились въ это время въ головѣ политическаго движенія Славянъ, которое они направляли, и которое рѣшило судьбу Австріи.

Въ томъ же видѣ представляется намъ историческая народность Воеводины, военной границы и Трансильваніи. Вновь учрежденная область Воеводины и Баната составляли до 1848 года часть Венгріи. Въ XVII ст. переселилось, какъ извѣстно, множество Сербовъ изъ за Дуная въ Венгрію, удаляясь отъ турецкаго владычества. Габсбурги приняли этихъ выходцевъ и назначили имъ разоренныя земли въ Банатѣ, гдѣ они поселились. Политическое самоуправленіе и религіозная свобода этихъ Сербовъ были подтверждены особыми грамотами. Впослѣдствіи австрійское правительство, измѣнивъ своимъ обязательствамъ, присоединило земли этихъ поселенцевъ къ Венгріи, и вмѣстѣ съ этѣмъ ограничило ихъ и въ другихъ правахъ, какъ напр. въ избраніи своего воеводы. Въ 1848 году Венгрія хотѣла еще болѣе ограничить кругъ самоуправленія Сербовъ, такъ что эти послѣдніе вынуждены были стать на сторонѣ ихъ непріятелей и поневолѣ поддержать Австрію, которая въ вознагражденіе обѣщала тогда же возстановить старое воеводство, съ возвращеніемъ ему прежнихъ правъ. Она дѣйствительно исполнила свое обѣщаніе; но какъ? Присоединивъ къ воеводству часть земель, населенныхъ Румынами, она отдѣлила ту полосу, которая населена Сербами, примкнувъ ее къ Венгріи, такъ что Воеводина заключаетъ въ себѣ въ настоящее время округи: Темешваръ, Лугошъ, Надь-Бечкерекъ, Зомборъ и Нейзацъ.

Узкая полоса земли, которая тянется отъ границъ Трансильваніи до Далмаціи, и которая офиціально извѣстна подъ именемъ Военной границы, населена по преимуществу Сербами и Кроатами. Они составляютъ военное населеніе въ 860,000 жителей, изъ которыхъ все мужское населеніе обязано нести воинскія повинности, почему и вся военная граница раздѣлена на 14 полковъ. Можно легко судить, какъ тяжелы эти повинности для народа, у котораго отнята возможность заниматься земледѣліемъ и другимъ производительнымъ трудомъ. Образованіе этихъ поселеній относится къ тому времени, когда турецкіе пограничные паши часто вооруженными толпами вторгались въ венгерскія земли. Но Турки давно уже прекратили свои набѣги, а правительство все-таки держитъ цѣлый край съ его многолюднымъ населеніемъ въ ненормальномъ положеніи, подъ предлогомъ содержанія на границѣ карантинной цѣпи. На самомъ же дѣлѣ желаніе его состоитъ въ томъ, чтобъ поддерживать въ жителяхъ военный духъ и имѣть въ своемъ распоряженіи постоянно готовые полки для усиленія ими, на случай нужды, общей арміи. Не разъ населеніе этой

границы выражало свое неудовольствіе въ отношеніи стѣсненнаго положенія, въ какомъ оно находилось и еще теперь находится. Въ 1848 году Банъ Іеллачичъ только тѣмъ и расположилъ воинственныхъ граничаръ на сторону Австріи, что обѣщалъ отмѣну ихъ обязательной службы; но онъ ничего не могъ сдѣлать, и Военная граница остается въ прежнемъ своемъ составѣ и назначеніи.

Что касается Трансильваніи, то эта обширная область имѣла свое отдѣльное устройство и въ своемъ родѣ исключительное. Трансильванія населена тремя оффиціально признанными народами, пользующимися своими правами, это Мадяры, Секлери и Саксы. Рядомъ съ ними живетъ сплошная масса Румыновъ, древнѣйшихъ обитателей этой области, которые въ настоящее время составляютъ почти три четверти всего населенія Трансильваніи. Несмотря на то, что изъ нихъ состоитъ главное ядро населенія, Румыны не признаны, подобно Мадярамъ и Саксамъ, отдѣльнымъ народомъ въ Австріи. Притомъ Трансильванія, или какъ ее называли седмиградская область, была постоянно разсматриваема какъ часть венгерскаго королевства, хотя въ сущности зависимость ея отъ Венгріи не древнѣе той эпохи, когда сами Мадяры признали надъ собой власть Габсбурговъ, т. е. не древнѣе 1526 года.

Отношенія ея къ Венгріи были постоянно болѣе близки, чѣмъ къ другимъ областямъ Австріи, потому что Трансильванцы должны были защищать наравнѣ съ сосѣдями свои конституціонныя права и противиться постояннымъ усиліямъ вѣнскаго правительства, стремившагося ихъ уничтожить. Кромѣ того небольшая полоса въ самой области населена чисто мадярской народностью, и множество Мадяръ, какъ магнатовъ, такъ и мелкихъ дворянъ, владѣютъ обширными поземельными собственностями и въ Трансильваніи и въ Венгріи въ одно и то же время. Потому Трансильванія не отступала отъ Венгріи, и шагъ за шагомъ слѣдовала за ея судьбой. Область эта, по своимъ внутреннимъ учрежденіямъ, чисто аристократическимъ, по разнородности или вѣрнѣе по неравности правъ ея обитателей, не могла избѣнуть потрясенія въ революцію 1848 года. Въ эту эпоху мадярское дворянство Трансильваніи подняло голосъ въ пользу присоединенія этой области къ Венгріи. Саксы видѣли въ этомъ присоединеніи, еслибы оно дѣйствительно случилось, потерю своихъ вольностей и правъ, изстари имъ присвоенныхъ, а въ то же время поднялся голосъ и самой главной части населенія Румыновъ, требовавшихъ так-

же самоуправленія. Требованія ихъ простирались гораздо дальше: они рѣшили, чтобы представительство ихъ было соразмѣрно съ цифрою остальныхъ двухъ народностей, и обойденные въ государственномъ значеніи, Румыны, по своей многочисленности, сдѣлались бы первенствующимъ народомъ въ Трансильваніи. Чтобы поддержать свои требованія въ отношеніи притязаній Мадяръ, они возмутились и стали на сторонѣ австрійскаго правительства. Историческая народность трансильванскихъ Румыновъ есть рядъ самыхъ грустныхъ воспоминаній рабскаго, ихъ состоянія; поэтому она и не имѣетъ большаго вліянія на ихъ народный духъ и направленіе. Эта историческая народность не въ состояніи еще возбудить въ нихъ чувство патріотизма, и только одно успѣла она выработать — проснувшееся желаніе присоединиться къ господарствамъ Валахіи и Молдавіи, съ которыми есть у нея связь по вѣрѣ, племени, языку и даже по преданію.

Такова политическая и историческая народность разноплеменныхъ областей Австріи. Принимать ихъ въ основаніе для постройки отдѣльныхъ федеративныхъ государствъ нетолько недостаточно, но даже опасно, потому что это самое можетъ вывести эти племена на новую кровавую схватку, на самую непримиримую вражду между собой. Въ силу этихъ двухъ родовъ народностей, каждое племя можетъ выставить свои права въ ущербъ другаго племени; каждое изъ нихъ въ состояніи требовать первенства надъ другимъ. Возможность примиренія ихъ лежитъ единственно въ этнографическихъ соотношеніяхъ этихъ племенъ и на этомъ основаніи еще можно поставить точку опоры къ обоюдному ихъ соглашенію.

II.

Напомнимъ еще разъ нашимъ читателямъ общую цифру народонаселенія Австрійской имперіи. — Со времени отпаденія Ломбардіи населенность Австріи не превышаетъ 35.000,000 жителей, цифры взятой изъ оффиціальной статистики, которая, надо замѣтить, всячески старается скрыть отъ общественнаго мнѣнія точное количество славянскаго населенія, включая въ число Нѣмцевъ и тѣхъ, которые говорятъ по-нѣмецки, хотя они и чисто славянскаго происхожденія. Вообще, благодаря австрійскому правительству, свѣдѣнія о Славянахъ,

живущихъ въ предѣлахъ Австріи, искажены съ преднамѣреннымъ расчетомъ, такъ что, прежде чѣмъ станемъ говорить о другихъ народностяхъ, слѣдуетъ представить въ возможно точномъ видѣ главную, именно славянскую. Говоря вообще, славянское племя по статистическимъ даннымъ восходитъ до знаменательной цифры 86 м., занимая собой восточную полосу Европы, такъ, что если провести прямую линію отъ Балтійскаго моря до Адріатики, то вся восточная сторона за этимъ рубежомъ занята преимущественно славянской народностью, за исключеніемъ весьма немногихъ пространствъ, населенныхъ Румынами, Мадярами, Греками и Албанцами. Мы не считаемъ здѣсь населенія Турокъ, Евреевъ и Цыганъ, которые, въ отношеніи къ господствующей массѣ, такъ ничтожны, что они совершенно исчезаютъ предъ главнымъ ядромъ славянскаго племени.

Племя это, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ филологическомъ отношеніи, распадается на двѣ главныя вѣтви. Къ первой относятся Славяне сѣверовосточные съ подраздѣленіями на великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ, къ которымъ примыкаетъ съ юго-востока племя Болгаро-Сербовъ съ своими подраздѣленіями. Ко второй вѣтви принадлежатъ Поляки, Чехи и Венды или сѣверные Сербы, населяющіе саксонскую и прусскую Лужицы. Вообще эта вѣтвь славянскаго племени, особенно живущихъ въ Австріи, извѣстна подъ названіемъ Славянъ западныхъ. Изъ нихъ Чехи населяютъ пространную часть земель бывшаго чешскаго королевства, Моравію, Саксонію и сѣверозападную часть Венгріи. Чешская рѣчь слышна почти до центра Моравіи, и внѣ этого предѣла она нѣсколько уклоняется отъ главнаго говора и образуетъ нарѣчія силезское, словацкое и нѣсколько другихъ. Двѣ трети пятимилліоннаго населенія Богеміи составляютъ Чехи, и три четверти ихъ обитаютъ въ Моравіи. Нѣмецкое же племя, составляющее остальное населеніе этихъ областей, расположено большею частію въ пограничныхъ округахъ, а болѣе сплошныя массы его тянутся по сѣверовосточной границѣ Богеміи и по сѣверной части Моравіи и Силезіи. Чешская вѣтвь, живущая въ Венгріи, извѣстна подъ именемъ Словаковъ, которые занимаютъ долины рѣкъ, вытекающихъ изъ карпатскихъ горъ. Этнографическія границы Словаковъ къ югу оканчиваются на нѣкоторыхъ пунктахъ Дуная. За исключеніемъ древне-славянскаго или такъ называемаго церковнаго языка, чешскій считается въ литературномъ отношеніи древнѣйшимъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Письменность Чеховъ

восходитъ выше X в. Въ XIV и XV столѣтіяхъ у нея были знаменитые дѣятели. Янъ Гусъ въ одно и то же время былъ преобразователемъ языка и однимъ изъ народныхъ писателей. Послѣ него чешская литература постепенно развивалась, такъ что въ началѣ XVII столѣтія она достигла высшей степени. Пражская битва нанесла какъ ей, такъ и политической независимости Чехіи, ударъ смертельный, такъ что до конца XVIII вѣка литература стала клониться къ упадку, но въ первые годы настоящаго столѣтія она вдругъ поворотила въ противную сторону и съ изумительной быстротой возвысилась до уровня многихъ второстепенныхъ литературъ новой Европы. Въ настоящее время многочисленное сословіе писателей всѣхъ родовъ постоянно трудится на пользу народности чешской. Труды ихъ не остались безплодны: просвѣщеніе распространяется нетолько въ среднемъ сословіи Чехіи, но и между поселянами; такъ что иногда изданія разныхъ книгъ, чтобы удовлетворить требованіямъ народа, доходятъ до 20 и болѣе тысячъ экземпляровъ. Мало можно найти государствъ, гдѣ бы высшій классъ народа любилъ столько чтеніе, какъ въ Чехіи. Словаки, живущіе въ предѣлахъ Венгріи, которыхъ цифра въ 1842 году по указанію Шафарика (Slovenske Narodopis p. 98) восходила до 2.753,000, Изъ нихъ 1.953.000 католики, а 800.000 протестанты, почувствовали наравнѣ съ другими славянскими народами свою силу, и хотѣли возвысить свое нарѣчіе на степень литературнаго языка. Но доселѣ они ограничиваются только нѣсколькими изданіями народныхъ пѣсенъ, нѣсколькими поэтическими произведеніями, да книгами духовнаго содержанія. Писатели болѣе развитые этого народа употребляютъ въ своихъ произведеніяхъ чешскій языкъ.

Словаки гораздо прежде 1848 года энергически возстали на рѣшеніе венгерскаго сейма, положившаго ввести къ нимъ мадярскій языкъ, такъ что во время движенія 1848 г. хотя они пытались-было произвести контръ–революцію, движимые патріотическими стремленіями нѣкоторыхъ приверженцевъ народности, какъ напр. Урбаномъ и Штуромъ, но подавленные австрійскими полками, они вскорѣ приняли окончательно сторону вѣнскаго правительства. Въ 1849 году одинъ изъ лучшихъ людей этого племени Янъ Колларъ, бывшій профессоромъ славянскаго языка и литературы въ вѣнскомъ университетѣ, настоятельно требовалъ, чтобы земля Словаковъ была отдѣлена отъ Венгріи и составила особую провинцію Австріи. Правительство хотѣло–было принять эту мѣру отдѣленія; но, взявъ въ соображеніе,

что этимъ оно дастъ средство къ усиленію славянскаго элемента въ своихъ областяхъ, который взялъ бы перевѣсъ надъ мадярскимъ, отказало Словакамъ въ ихъ требованіи, и они попрежнему остались присоединенными административно къ Венгріи. Но изъ этого вышло то, чего австрійское правительство и не ожидало. Словаки, недовольные настоящимъ правленіемъ, стѣснившимъ ихъ и со стороны налоговъ и со стороны политической свободы и народнаго равенства, стали склоняться на сторону Мадяръ, которые, какъ извѣстно, при всякомъ удобномъ случаѣ выказываютъ самое упорное сопротивленіе центральной власти. Надобно прибавить, что безразсудная мысль *мадяризаціи* съ каждымъ днемъ сознается самими Венграми, такъ что сближеніе Словаковъ съ этимъ народомъ день ото дня совершается съ большимъ другъ къ другу довѣріемъ.

Ко второй вѣтви западныхъ Славянъ относится Польское племя, восходящее по исчисленію Шафарика до 9.365,000, изъ которыхъ на долю Австріи относится 2.340,000 жителей на западной сторонѣ Галиціи. Этнографическая граница, отдѣляющая ихъ отъ Галичанъ, проходитъ по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку вблизи Тарнова. Но несмотря на это, они живутъ также и внѣ этой линіи, преимущественно въ городахъ, и все дворянство Галиціи состоитъ изъ Поляковъ, что въ политическомъ отношеніи даетъ имъ значительный перевѣсъ. Извѣстно богатство литературы этого народа, который въ числѣ славянскихъ племенъ занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ видныхъ мѣстъ. Вообще изящная словесность сдѣлала у нихъ значительные успѣхи, но за-то они совершенно отстали въ наукахъ положительныхъ, Торговля и промышленость имъ также не дались и находятся исключительно въ рукахъ Евреевъ. Вотъ почему среднее сословіе здѣсь никогда не могло выработаться. Недостатокъ его привелъ къ тому, что польскій народъ, образовавъ изъ себя два рѣзко отдѣльные другъ отъ друга класса, провелъ между ними непроходимую грань и отдалилъ дворянство отъ простолюдина, который съ трудомъ можетъ ему сочувствовать.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Поляками Австріи живутъ Руссины малорусской вѣтви, въ числѣ почти 3,000,000, изъ коихъ одна часть въ числѣ 700,000, перешедши Карпаты, поселилась въ сѣверовосточномъ углѣ Венгріи. Находясь долгое время подъ управленіемъ князей рюрикова дома, древній Галичъ долженъ былъ признать въ началѣ XIV вѣка власть литовскихъ князей, а въ концѣ того же сто-

лѣтія, когда династія Ягеллоновъ была призвана въ Польшу, галицкая область вмѣстѣ съ Литвою присоединена была къ той же странѣ. Съ тѣхъ поръ она раздѣлила и ея судьбу, а въ настоящее время составляетъ одну изъ областей Австріи. - Собственно народъ долго оставался вѣренъ своей исторіи и религіи; но Поляки успѣли заставить его признать первенство папы и ввести унію. Причины ея введенія были болѣе политическаго свойства, чѣмъ религіознаго. Уніей хотѣли отдѣлить Галичанъ остальной вѣтви малорусской, и усилить путемъ католицизма польскій элементъ. Въ Галиціи, гдѣ унія болѣе всего привилась, Руссины не имѣютъ изъ среды своей ни дворянства, ни средняго сословія. Литература ихъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ что польская письменность въ этомъ краѣ имѣетъ за собой все преимущество, какъ по своему общественному положенію, такъ и по исторической народности, процвѣтавшей въ этой странѣ втеченіе почти четырехъ столѣтій. Поэтому, только въ смыслѣ историческомъ, и ничуть не этнографическомъ, Галиція отчислена къ Польшѣ, въ то время какъ въ сущности въ этой области только и есть польскаго элемента, что въ западной ея части, населенной Мазурами. Восточная же часть Галиціи съ древнѣйшихъ временъ была не что иное, какъ нераздѣльная часть Червоной Руси. Въ послѣднее время между Поляками и Руссинами этой области проявилось самое рѣзкое соперничество. Вѣнское правительство, видя, что польскій элементъ въ отношеніи къ руссинскому постоянно враждебенъ, старалось ослабить его вліяніе. Графъ Стадіонъ, содѣйствуя видамъ правительства, началъ поддерживать въ Галичанахъ народность малорусскую, и даже сталъ вводить изученіе ихъ нарѣчія въ польскія школы, стараясь замѣнить имъ польскій языкъ, который постоянно господствовалъ въ этихъ училищахъ. Такъ, когда въ 1848 году проявилось народное движеніе, тогда враждебныя отношенія малоруссовъ къ Полякамъ получили характеръ политическій, опираясь на пробудившуюся особенность своего народа, признанную правительствомъ. Въ то же самое время, рядомъ съ народнымъ польскимъ собраніемъ образовалось въ Львовѣ и народное собраніе Руссиновъ. Въ Учредительное собраніе въ Вѣнѣ, нѣсколько священниковъ русняковъ отстаивали свои интересы противъ непомѣрныхъ требованій Поляковъ и правительство приняло ихъ подъ свое особенное покровительство, согласившись на нѣкоторыя уступки. Тогда же явилось въ Вѣнѣ нѣсколько учебниковъ и политическая газета на языкѣ малорусскомъ. Когда замѣтили, что гра-

мотный классъ, и особенно духовенство стало пріучиваться къ чтенію, и не находя на своемъ языкѣ литературной пищи, съ жадностью бросилось читать русскіе журналы, тогда вѣнское правительство, чтобы пресѣчь естественное ихъ влеченіе къ своимъ братьямъ по сосѣдству, употребило всѣ усилія, чтобы остановить пробудившуюся любознательность къ русской литературѣ. Потому же австрійское правительство старается всѣми силами ввести въ употребленіе между Руссинами латинскую азбуку, принимая въ расчетъ, что этимъ способомъ оно закроетъ имъ доступъ во всѣ литературы, такъ какъ имъ неизвѣстны ни одинъ изъ языковъ новоевропейскихъ, кромѣ малорусскаго. Небольшія поселенія малоруссовъ, находящіяся въ Венгріи, не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Грамотность между ними совершенно не развита; чувство народности едва замѣтно. Менѣе другихъ племенъ они противятся мадярскому вліянію, и не имѣютъ ни одного сословія, которое бы заговорило въ пользу ихъ народности; даже духовенство ихъ находится въ полной зависимости отъ венгерскаго дворянства. Однимъ словомъ, они не имѣютъ ровно никакого политическаго значенія.

Южные Славяне, занимающіе весь Иллиро-Балканскій полуостровъ, раздѣляются на три вѣтви: на Болгаръ, Сербовъ и Словеновъ. Болгаре занимаютъ пространства отъ западныхъ границъ Сербіи до Чернаго моря, и отъ всего теченія Дуная, начиная отъ рѣки Тимока на границѣ Сербіи до Солуня и границъ Албаніи; Сербы же занимаютъ сѣверозападную часть этого полуострова. Въ Австріи сербская вѣтвь населяетъ Воеводину, большую часть Баната, Славонію, Кроацію, военную границу, хорватское побережье, часть Истріи и Далмацію. Въ Венгріи хорватскій элементъ распространяется подъ самый Пресбургъ. Сербы населяютъ также часть городскихъ земель у Буды и Пешта. Цифра Славянъ южной вѣтви, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, обитающихъ въ Венгріи, простирается до 1,500,000 душъ. Всѣ жители означенныхъ странъ, хотя подъ разными историческими именами, составляютъ въ этнографическомъ смыслѣ одинъ народъ. Нарѣчія ихъ имѣютъ близкое сходство другъ съ другомъ, литературный же языкъ почти одинъ и тотъ же, кромѣ тѣхъ уклоненій, которыя введены различіемъ вѣрованій и цивилизаціи. Сербы православнаго исповѣданія употребляютъ въ церковныхъ книгахъ кириллицу, а въ литературѣ гражданскую печать. Хорваты, Хорутане и Далматы, которые большею частію принадлежатъ къ римско-католическому ис-

повѣданію, употребляютъ латинскія буквы. Еще недавно Хорваты стали употреблять въ литературныхъ произведеніяхъ болѣе звучный языкъ далматскій, который образовался и усовершенствовался во время Дубровацкой республики, когда она въ свой золотой вѣкъ произвела такихъ замѣчательныхъ поэтовъ, какъ Палмота, Гундуличъ и др. Языкъ этотъ, котораго правописаніе принято у всѣхъ Славянъ католическаго исповѣданія, имѣетъ еще то достоинство, что онъ близокъ къ литературному языку Сербовъ. Главные центры литературной ихъ дѣятельности находятся въ Загребѣ (Аграмѣ), Зарѣ, Рѣчкѣ (Fiume) и Карловицѣ, между тѣмъ какъ православные Сербы, кромѣ журналовъ, издающихся въ Бѣлградѣ, печатаютъ также книги въ Новомъ-Садѣ, Карловицѣ, Пештѣ и Бечѣ (Вѣнѣ).

Третья вѣтвь южныхъ Славянъ,—это Словены, которыхъ Нѣмцы называютъ южными Вендами. Теченіе Дравы составляетъ ихъ этнографическую границу. Къ нимъ отчислены всѣ тѣ народности, которыя живутъ на югѣ этой рѣки, т. е. въ Штиріи и Каринтіи. Въ окрестностяхъ Тріеста и даже отчасти въ самомъ городѣ, а также частію въ Истріи и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удинской делегаціи на венеціанской территоріи, говорятъ языкомъ сходнымъ съ языкомъ Хорватовъ. Словены имѣютъ свою литературу и занимаются ею съ любовью. Въ Лайбахѣ ихъ главный литературный центръ. Въ 1848 году, въ вѣнскомъ парламентѣ они примкнули къ славянской партіи, и когда дѣло шло объ измѣненіи границъ и раздѣленіи австрійскихъ областей, они требовали, чтобы нѣмецкое населеніе ихъ страны было присоединено къ Штиріи, а всѣ Словены соединены въ одну область подъ названіемъ Славоніи.

Нѣмцы, какъ привилегированная нація австрійской монархіи, которыхъ языкъ признанъ офиціальнымъ, населяютъ области, входившія въ составъ прежней германской имперіи. Между тѣмъ, собственно нѣмецкія области, какъ замѣчено было выше, суть верхняя Австрія и Зальцбургъ. Въ нижней Австріи находятся уже общины Чеховъ и Хорватовъ. Треть южной Штиріи, южная сторона Каринтіи и почти вся Карніолія населены Славянами. Южный склонъ Тироля населенъ Итальянцами. Довольно большая часть Чехіи, сѣверной Моравіи и Силезіи населены также Нѣмцами; кромѣ того они же живутъ и въ Трансильваніи. Наконецъ нѣмецкій элементъ распространенъ по всему государству, нетолько вслѣдствіе особаго покровительства, оказываемаго ему правительствомъ и административными учрежденіями,

но и потому еще, что вообще просвѣщеніе и промышленость Нѣмцевъ находятся на высшей степени развитія, чѣмъ въ другихъ племенахъ имперіи. Среди славянскаго и мадярскаго населенія нерѣдко встрѣчаются города, гдѣ большая часть жителей говорятъ по-нѣмецки. Къ тому же изученіе нѣмецкаго языка сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ, кто только желаетъ служить; знаніе этого языка необходимо также и всякому лицу независимаго состоянія, если оно хочетъ избѣжать непріятностей, встрѣчаемыхъ имъ на каждомъ шагу въ его общественной жизни. Вотъ почему нѣмецкій языкъ употребляется разнородными племенами въ ихъ сношеніяхъ. Замѣчательно однакожъ, что правительство употребляетъ своими агентами Чеховъ для онѣмеченія Мадяръ и Поляковъ, а для обращенія Чеховъ—Нѣмцевъ. Несмотря на это, нѣмецкая народность мало выигрываетъ, потому что она народность правительства далеко непопулярнаго и лежитъ гнетомъ надъ народностями, которыя хотятъ онѣмечить насильно, для чего и употребляютъ самыя возмутительныя средства. Поэтому въ странахъ ненѣмецкихъ, тотъ, кто не приверженецъ настоящей системы, дѣлается естественно явнымъ противникомъ этой нѣмецкой народности, которая служитъ знаменемъ правительству. Вся либеральная партія, и все молодое поколѣніе между Славянами и Мадярами, заявляютъ себя горячими поборниками своей народности, и вездѣ, гдѣ она проявляется въ силѣ и дѣятельности, нерѣдко случается встрѣчать потомковъ, даже сыновей Нѣмцевъ, которые, явившись въ эти страны, въ качествѣ правительственныхъ агентовъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, приняли сторону этихъ народностей. Вотъ почему часто между самыми горячими защитниками этихъ народностей встрѣчаются и Нѣмцы. Послѣ Чехіи намъ слѣдовало представить и характеристику мадярской народности, какъ и высшаго выраженія политико-этнографическаго протеста противъ Австріи, но мы не разъ уже говорили объ этомъ на страницахъ Русскаго Слова.

III.

Борьба австрійскихъ народностей въ 1848—1849 годахъ тѣсно была связана съ тройственнымъ характеромъ ихъ — политическимъ, историческимъ и этнографическимъ. Несомнѣнная связь этой борьбы съ современными событіями, въ Австріи, заставляетъ насъ напом-

нить читателямъ о той страшной бурѣ, которая грозила Габсбургскому дому, на спасеніе котораго многіе политики смотрятъ какъ на совершившееся чудо. Послѣднее возстаніе Венгровъ весьма справедливо названо однимъ западнымъ публицистомъ войной нарѣчій.

До 1848 года австрійское правительство допускало въ администраціи различные языки. Такъ въ Италіи и въ славянскихъ провинціяхъ Адріатическаго моря употреблялся языкъ итальянскій. Въ Чехіи славянскій народной языкъ былъ исключительно офиціальнымъ до царствованія императора Фердинанда II, котораго статутъ 1627 года далъ то же право языку нѣмецкому. Впрочемъ, само правительство, не желая отступать отъ вѣковаго обычая, въ своемъ декретѣ при собраніи штатовъ, въ рѣчи при открытіи сейма и въ нѣкоторыхъ церемоніальныхъ формулахъ, употребляло преимущественно языкъ чешскій. Всѣ остальные акты и приказы, исходившіе отъ него, излагались на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ. До вступленія на престолъ Іосифа II, латинскій языкъ господствовалъ въ университетахъ и занималъ первое мѣсто въ коллегіяхъ; но со времени Іосифа онъ былъ замѣненъ нѣмецкимъ. Точно также нѣмецкій языкъ мало по малу сталъ вводиться въ судахъ и во всѣхъ отрасляхъ общественнаго управленія. Въ другихъ славянскихъ и славяно-германскихъ странахъ еще менѣе уважали языкъ, который долженъ былъ уступить мѣсто нѣмецкому, даже въ школахъ первоначальнаго образованія. Можно себѣ представить, какъ должны были страдать, вслѣдствіе употребленія почти непонятнаго языка, частные интересы въ гражданской жизни, образованіе юношества въ школахъ, и въ особенности, какъ былъ оскорбленъ національный духъ. Народы не могли не видѣть, что ихъ хотятъ совершенно лишить національности для того, чтобы удобнѣе подчинить ихъ иноземному и притомъ деспотическому правительству.

Точно такой же системѣ слѣдовали и въ Венгріи. И здѣсь также императоръ Іосифъ II хотѣлъ замѣнить нѣмецкимъ языкъ латинскій, бывшій до того времени офиціальнымъ и ученымъ языкомъ всѣхъ племенъ этой страны, точно также какъ и въ Кроаціи и въ Трансильваніи. Вотъ это-то стремленіе Іосифа II къ германизаціи и пробудило щекотливость и гордость Мадяръ. Они стали изучать свой родной языкъ, который до того времени оставался въ пренебреженіи. Благодаря народной энергіи и общимъ усиліямъ, Мадярамъ удалось создать народную литературу. Тогда-то увидѣли, что латинскій языкъ

тѣснилъ и задерживалъ общественное развитіе, и потому съ большимъ рвеніемъ предались изученію роднаго. Знаніе его требовалось отъ школьныхъ учителей и старшинъ самыхъ незначительныхъ деревень. Славяне, Нѣмцы и Румыны венгерскихъ земель не могли вести судебнымъ порядкомъ свои дѣла и подавать жалобы, потому что языки ихъ были вытѣснены привилегированнымъ нарѣчіемъ, вводившимся повсемѣстно. Однимъ словомъ, мадяроманія сдѣлалась настоящимъ гнетомъ для всѣхъ другихъ племенъ венгерскихъ земель, и потому опозиція ихъ приняла вскорѣ весьма серьезный характеръ. При подобныхъ обстоятельствахъ наступилъ 1848 годъ. Венгерская опозиція съ чисто мадярскимъ колоритомъ, имѣвшая время въ парламентскихъ преніяхъ послѣднихъ годовъ организоваться и соединиться вокругъ нѣсколькихъ даровитыхъ личностей, каковы Весселени, Сеченси и Кошутъ, увлеченная временными успѣхами, слишкомъ рано думала торжествовать свою побѣду надъ Славянами и Румынами.

Политическія страсти, раздуваемыя восторженными головами мадярскихъ либераловъ, заставили Славянъ впасть въ непростительную ошибку, такъ что они открыто пристали къ Австріи. Правда, они надѣялись на благодарность Габсбурговъ, у которыхъ требовали разумно-либеральной конституціи и право имѣть своихъ представителей, отъ каждой народности отдѣльно, думая, что славянскій элементъ будетъ достаточно силенъ, чтобы успѣшнѣе защитить себя и не подвергаться опасности быть подавлену ни нѣмецкимъ, ни мадярскимъ.

Чехи, какъ самый многочисленный и образованный изъ славянскихъ народовъ Австріи, созвали въ Прагѣ славянскій конгресъ. Здѣсь собрались представители всѣхъ славянскихъ племенъ, въ числѣ которыхъ находились замѣчательнѣйшіе литераторы и ученые. Конгресъ рѣшилъ съ общаго согласія, что необходимо собрать всѣ свои силы *для спасенія имперіи*; но онъ не зналъ, что этимъ рѣшается порабощеніе самой Чехіи. Прежде чѣмъ конгресъ успѣлъ собраться, и заняться своимъ дѣломъ, въ Прагѣ уже составилось временное правительство подъ предсѣдательствомъ графа Туна, бывшаго тогда намѣстникомъ Чехіи. Первымъ дѣломъ этого временнаго правительства было объявить, что съ этого времени оно считаетъ всѣ вѣнскіе декреты недѣйствительными, потому что министерство Пиллерсдорфа дѣйствовало подъ вліяніемъ клубовъ.

Императоръ, чтобы избѣжать этого вліянія, удалился въ Инспрукъ, и тогда дѣла приняли довольно неблагопріятный оборотъ для двухъ

главныхъ партій. Съ одной стороны, уничтожилось вліяніе чисто-нѣмецкой партіи, съ другой славянскій конгресъ продолжалъ свои занятія для достиженія предположенной цѣли, т е. пробужденія народныхъ сочувствій, братскимъ сближеніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ, и съ этою цѣлью онъ рѣшилъ послать адресъ всѣмъ народамъ имперіи, чтобы воспрепятствовать намѣренію Кошута, который такъ рѣшительно и упорно хотѣлъ подчинить мадярскому господству и Славянъ и Румыновъ. Въ это время военная власть въ Чехіи находилась въ рукахъ князя Виндишгреца, одного изъ вождей старой австрійской аристократической партіи, которая неблагосклонно смотрѣла на демократическій оборотъ, принятый славянскимъ движеніемъ, на которомъ сначала основывала нѣкоторыя надежды. Князь Виндишгрецъ, чувствовавшій себя достаточно сильнымъ, упорно отказывалъ во всякой уступкѣ общественному мнѣнію, подозрѣвавшему его въ реакціи. Это сопротивленіе съ одной стороны и подозрѣнія съ другой были причиной мятежа, вспыхнувшаго въ Прагѣ. Виндишгрецъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, бомбардировалъ городъ и сдѣлался затѣмъ полновластнымъ хозяиномъ какъ столицы, такъ и всего королевства.

Хотя ни одинъ изъ предводителей чешской народной партіи не принималъ участія въ этомъ возмущеніи, но князь сталъ сильно преслѣдовать всю партію, и въ этомъ отношеніи онъ былъ жертвою обмана нѣкоторыхъ мадяромановъ, успѣвшихъ убѣдить его въ существованіи обширнаго заговора славянской партіи противъ имперіи, и Славяне должны были потерять главный центръ своей дѣятельности въ австрійскихъ земляхъ.

Мадярскіе и нѣмецкіе вожди, расчитывавшіе на это пораженіе славянской партіи, должны были вскорѣ разочароваться. Реакція, представляемая этою частію австрійской аристократіи, которая пользовалась большимъ значеніемъ при дворѣ и въ арміи, овладѣвъ столь важнымъ городомъ какъ Прага, положила прочное основаніе своему образу дѣйствій. Не въ первый уже разъ члены габсбургскаго дома находили убѣжище въ чешскихъ земляхъ, просвѣщенныхъ, богатыхъ и населенныхъ сплошною массою храбраго народа. Здѣсь образовался вскорѣ укрѣпленный лагерь и князь Виндишгрецъ ждалъ только удобной минуты, чтобы возстановить снова древнюю Австрію. Габсбургскій домъ находился въ это время въ самомъ критическомъ положеніи.

Между тѣмъ дворъ, не зная на что рѣшиться, все еще оставался въ Инсбрукѣ, куда одна за другой прибывали депутаціи Мадяръ, Нѣм-

цевъ, Чеховъ и Кроатовъ и каждая старалась выпросить уступки, которыя ей казались наиболѣе выгодными.

Среди этихъ неурядицъ, собралось въ Вѣнѣ «учредительное собраніе», которое, по торжественному обѣщанію императора, должно было дать имперіи конституцію. На этомъ собраніи депутаты разныхъ народностей составили столько же партій, сколько слышалось нарѣчій съ трибуны. Не имѣя никакого понятія о парламентскомъ образѣ правленія, собранные для того, чтобы поставить на ноги совершенно разбитую Австрію, представители проводили дни въ безплодныхъ спорахъ, когда вдругъ явился подъ стѣнами Вѣны Банъ Іелачичъ и обложилъ ее.

Революціонная партія, накрытая въ осажденной столицѣ, просила венгерскую армію поспѣшить къ ней на помощь. Послѣдняя долго заставила себя ожидать, и когда наконецъ явилась, то была разбита Іелачичемъ подъ стѣнами самой Вѣны, и съ того времени габсбургскій домъ былъ еще разъ спасенъ.

Борьба народностей приближалась къ концу. Послѣ покоренія Вѣны, правительство снова ожило, но весь образъ его дѣйствій обнаруживалъ сильное стремленіе къ реакціи. Впрочемъ оно не рѣшалось распустить Учредительное собраніе, и такъ какъ оно не могло оставаться въ Вѣнѣ, объявленной въ осадномъ положеніи, то его перенесли въ Кремсиръ, въ Моравіи, что въ градишскомъ округѣ. Въ продолженіе этого времени, въ Венгріи продолжалась война, принимавшая весьма разнообразные обороты. Вдругъ неожиданное событіе изумило всѣхъ: императоръ Фердинандъ отрекся отъ престола. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что это отреченіе, котораго никто не ожидалъ, вызвано было главнымъ образомъ усиленіемъ реакціонной партіи. Фердинандъ отказался отъ престола въ пользу своего племянника, Эрц-герцога Франца Іосифа. При возшествіи на престолъ, молодой императоръ торжественно объявилъ учредительному собранію, что онъ будетъ уважать составленную этимъ собраніемъ конституцію и честно сдержитъ всѣ обѣщанія своего предшественника относительно свободы и равноправности. Немного времени спустя, когда онъ былъ увѣренъ въ помощи и поддержкѣ Россіи, первой его мыслію было отдѣлаться отъ собранія и его стѣснительнаго контроля, и едва онъ получилъ вѣсть о первой побѣдѣ, одержанной надъ Венграми, какъ поспѣшилъ распустить его въ ту самую минуту, когда оно оканчивало свой проэктъ о конституціи, основанной на федераціи всѣхъ австрійскихъ штатовъ. Вмѣсто этой конституціи императоръ даровалъ

свою собственную, которая была обнародована 4 марта 1849 года. Въ ней были гарантированы равенство и свободное развитіе различныхъ народностей; но чрезъ нѣсколько дней она объявлена неисполнимой и отмѣнена. Австрійское правительство, восторжествовавъ надъ возстаніемъ Мадяръ, считало себя свободнымъ отъ всякихъ обѣщаній и не уважало болѣе никакого историческаго права. Народамъ уже не были болѣе возвращены ихъ прежнія конституціи. Нѣсколько разъ составлялись и передѣлывались новыя организаціи: давались обѣщанія уважать права народностей; но всѣ обѣщанія остались до сихъ поръ мертвой буквой. Пожалуй, найдутся простаки, которые примутъ такъ-называемый *Усиленный государственный совѣтъ*, какъ гарантію правъ исторической и этнографической народности австрійскихъ областей,—но уроки были слишкомъ чувствительны, и въ настоящее время народности Австріи болѣе и болѣе сближаются для общей опозиціи; и если сила могла временно восторжествовать и положить конецъ борьбѣ, то она далеко еще не подавила ее окончательно.

IV.

Мы не имѣли въ виду представить полную и точную картину современнаго состоянія Австріи. Для этого слѣдовало-бы привести огромный рядъ статистическихъ цифръ, помѣщаемыхъ въ объемистыхъ книгахъ, которыя постоянно издаются вѣнскою коммисіей, подъ предсѣдательствомъ барона Чернига. Въ послѣднія десять лѣтъ Австрія, сдѣлавшись предметомъ серьезнаго изученія, достаточно раскрыла передъ глазами Европы всѣ свои затаенныя язвы, такъ что въ настоящее время всю ея болѣзнь, какъ административную, такъ и политическую, можно свести въ слѣдующія три положенія: всеобщее неудовольствіе, вызванное отсутствіемъ обѣщанныхъ реформъ; всеобщее неудовольствіе народностей вслѣдствіе стремленія правительствъ къ ихъ онѣмеченію и централизаціи, и, наконецъ, болѣе нежели плохое состояніе финансовъ Австріи. Кромѣ того, отсутствіе доброй воли со стороны вѣнскаго правительства сдѣлать шагъ на пути реформъ и спасти государство, пожертвовавъ своими дорогими воспоминаніями о старомъ порядкѣ; неспособность теперешнихъ государственныхъ людей найдти и употребить сильныя и радикальныя мѣры для совершенія полной ре-

организацiи; сосѣдство враждебныхъ ему народовъ, унывшiе армiи и грозящая война,—все это наводитъ на мысль, что едвали можно излѣчить больнаго.

Финансовое положенiе Австрiи извѣстно всѣмъ и каждому. На всѣхъ европейскихъ биржахъ австрiйская рента пользуется самымъ низкимъ процентомъ, потому-что нѣтъ страны, которыя-бы денежныя операцiи внушали такъ мало довѣрiя. Билеты австрiйскаго банка, составляющiе въ настоящее время единственную ходячую монету въ имперiи, теряютъ при размѣнѣ на звонкую монету треть своей цѣнности и даже болѣе. Курсъ 5% ренты измѣняется отъ 60 до 70 гульденовъ; курсъ 5% нацiональнаго долга, котораго проценты выплачиваются звонкою монетою, не превышаетъ 70 и 80 гульденовъ. Государственный кредитъ находится въ такомъ положенiи, что новый заемъ возможенъ только на самыхъ обременительныхъ условiяхъ. Капиталисты рѣшаются отдавать свои фонды только за самые высокiе проценты.

Въ состоянiи-ли Австрiя поправить свои финансы, потребовавъ у податнаго сословiя величайшихъ жертвъ? Въ глазахъ каждаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ цифрою австрiйскихъ народонаселенiй, съ ихъ средствами, степенью ихъ промышленнаго развитiя, новые налоги рѣшительно невозможны. Требовать отъ податнаго сословiя новыхъ пожертвованiй при существованiи и безъ-того обременительныхъ налоговъ, значитъ обратить своихъ подданныхъ въ нищихъ. И такъ, теперь, по увѣренiю многихъ, доходы, получаемые землевладѣльцами съ своихъ имѣнiй, не равняются суммѣ, которую они должны уплачивать въ видѣ разныхъ податей и налоговъ. Многiе, желая оправдать мѣры австрiйскаго правительства, напрасно увѣряютъ, что малый доходъ съ землевладѣльческихъ имѣнiй происходитъ отъ дурнаго управленiя и въ особенности отъ эксплоатацiи земель, которыя нисколько не соотвѣтствуютъ современнымъ успѣхамъ земледѣлiя и земледѣльческой промышлености. Чтобы австрiйское земледѣлiе, котораго произведенiя еще долгое время будутъ составлять главный источникъ богатства для Австрiи, сравнилось съ иноземнымъ, необходимо ввести значительныя улучшенiя. Кромѣ капиталовъ, необходимы также способные и опытные люди, но ихъ всегда было мало въ Австрiи. Такъ какъ большая собственность, по расчисленiю, обнимаетъ одна почти двѣ пятыхъ территорiи австрiйской, то необходимо, для увеличенiя доходовъ, совершенно перестроить все общественное зданiе. При-

томъ, малая собственность тоже дотого обременена налогами, что очень часто случается только при употребленіи насилія и экспропріаціи взимать требуемыя въ казну пошлины. Дома также обложены обременительными налогами, простирающимися до 35% съ чистаго дохода. Мелкая промышленость равнымъ образомъ находится въ незавидномъ положеніи, стѣснена отсутствіемъ кредита и капиталовъ, постоянными измѣненіями въ цѣнности звонкой монеты, и вслѣдствіе непомѣрнаго налога, который былъ причиною, что свеклосахарное производство и винокуреніе, эти двѣ самыя важныя промышлености для земледѣлія, въ послѣднее время значительно уменьшились. Въ особенности винокуреніе дотого обременено налогомъ, что самый важный портъ этой, по преимуществу, земледѣльческой и плодородной страны, Тріестъ, предпочитаетъ вывозить водку изъ Пруссіи. Австрійскіе журналы, думая скрыть жалкое состояніе страны, неоднократно указываютъ, съ какимъ-то самохвальствомъ, на неистощимые источники Австріи, особенно Венгріи. Это самое напоминаетъ извѣстную фразу турецкаго правительства, что султанъ пожаловалъ такому-то изъ своей неистощимой казны и т. д. Въ какомъ состояніи находится неистощимая казна султана, намъ извѣстно; что-же касается Венгріи, то источники ея дѣйствительно могутъ назваться неистощимыми, т. е., что страна богата землями и рудниками; что произведенія, получаемыя въ настоящее время, могутъ быть удвоены, даже учетверены, если разовьются ея силы, улучшится земледѣліе, усилится потребленіе, однимъ словомъ, если разовьется промышленость. Но для достиженія этого результата необходимы капиталы, промышленные люди, болѣе густое населеніе, школы, фабрики, и желѣзныя дороги; однимъ словомъ, необходимо просвѣщеніе. Подобнаго результата нельзя достигнуть вдругъ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что можно обременять долгами и налогами страну, соразмѣрно съ ея природными средствами, которыя она представитъ въ будущемъ. Напротивъ, эти неистощимыя средства суть также доходы, которые страна дастъ впослѣдствіи, или скорѣе, которые въ состояніи она будетъ дать при благоразумной и просвѣщенной производительности. Россія, напримѣръ, тоже владѣетъ страной обширной, не менѣе Австріи, расположенной чуть ли не въ болѣе благопріятномъ климатѣ, нежели самая Австрія. Мы говоримъ о приамурскомъ краѣ, котораго почва плодородна, обильна рудами, каменнымъ углемъ, желѣзомъ, усѣяна прекрасными лѣсами, превосходными портами и покрыта судоходными рѣками, однимъ

словомъ, одарена всѣмъ, что только составляетъ богатство страны. Но можно-ли допустить, чтобы русское правительство обложило эту страну налогами и притомъ пропорціально тому доходу, который она дастъ чрезъ сто лѣтъ?

Въ ожиданіи богатствъ, которыя дадутъ современемъ неистощимые источники Австріи, она между тѣмъ безъ всякаго расчета обложила всѣ настоящіе доходы непомѣрнымъ налогомъ. Съ 1848 года поземельный доходъ и другіе находящіеся съ нимъ въ связи, можно сказать устроились, всѣ остальные налоги упятерились, нѣкоторые даже удесятерились, и въ этотъ-же самый періодъ времени, государственный долгъ почти утроился. Сумма настоящаго долга Австріи простирается почти до 300 милліоновъ гульденовъ. Главный расходъ государства идетъ на содержаніе арміи. Въ настоящее время Австрія имѣетъ подъ ружьемъ болѣе шести сотъ тысячъ, и если вѣрить официальнымъ журналамъ, то въ послѣднюю войну число солдатъ въ Австріи доходило до милліона, такъ что въ настоящее время, когда, къ несчастію, всѣ правительства стараются превзойти другъ друга числомъ войска, Австрія имѣетъ, сравнительно съ своимъ населеніемъ, если не самую сильную, то самую многочисленную армію. Въ теченіе нѣсколькихъ годовъ армія поглощала всѣ доходы государства. Для покрытія остальныхъ издержекъ и уплаты долга, необходимо было прибѣгнуть къ займу. Такимъ образомъ вышло, что сумма процентовъ, уплачиваемая по общественному долгу, равняется почти всему доходу, который государство получало въ началѣ царствованія императора Фердинанда, такъ что по расчету, сдѣланному недавно однимъ публицистомъ, каждый австрійскій подданный, являясь въ свѣтѣ, уже обремененъ долгомъ болѣе чѣмъ въ 75 флориновъ.

Такой порядокъ вещей можетъ ли быть измѣненъ реформами? Чтобы успѣшно дѣйствовать реформами, необходимы деньги, т. е. необходимо входить въ новые долги и въ такомъ случаѣ правительство должно будетъ прибѣгнуть къ займамъ за чрезвычайно высокіе проценты, и увеличить повинности народонаселеній, которыя и безъ-того далеко уже превышаютъ ихъ силы. Не имѣя намѣренія предлагать средства и проэкты дли поправленія финансовой системы Австріи, мы не можемъ однакожъ умолчать о такихъ, которые неоднократно представлялись на видъ австрійскому правительству, но отъ которыхъ это послѣднее упорно отказывалось. Средства эти слѣдующія: усту-

пить Венецію за денежное вознагражденіе, понизить ренту на 3% и сократить армію на двѣ трети противъ настоящаго ея числа.

Нельзя никакъ коснуться столь радикальнаго вопроса, какъ сокращеніе арміи, чтобы тотчасъ не услышать отъ приверженцевъ правительственной власти самое нелѣпое возраженіе, будто сокращеніе арміи невозможно вслѣдствіе напряженнаго состоянія и сильнаго броженія умовъ въ областяхъ имперіи; что, напротивъ, необходимо даже увеличить её для того, чтобы быть готовыми на всякое непріязненное движеніе со стороны этихъ областей. Но этимъ господамъ и на умъ не приходитъ, что содержаніе арміи требуетъ увеличенія налоговъ; что это увеличеніе налоговъ усилитъ всеобщее неудовольствіе, что въ свою очередь потребуетъ новаго увеличенія арміи, и т. д. Куда же наконецъ можетъ повести это напряженное сцѣпленіе обстоятельствъ? Вопросъ этотъ можно разрѣшить отвѣтомъ на другой вопросъ: въ состояніи ли Австрія употребить иныя средства, кромѣ грубой матеріальной силы, чтобы примирить враждебныя отношенія, существующія между ею и народностями ея державы? Въ наше время, когда духовное развитіе просвѣщенной части человѣчества принимаетъ столь колоссальные размѣры, одна физическая сила не можетъ входить въ твердое и прочное основаніе государства, особенно съ тѣхъ поръ, когда свободное развитіе народностей д нь ото дня сознается европейскими державами. Если Австрія можетъ еще спасти свою самобытность, то это подъ условіемъ признанія свободнаго развитія ея народностей, но историческій ходъ событій показываетъ, что и это едвали возможно. Когда-то Австрія, въ глубинѣ своего гордаго самоубѣжденія, думала, что ей предназначено было сдѣлаться оплотомъ западнаго христіанства противъ завоеваній Турокъ. По этой-то причинѣ Венгрія и Богемія предложили упраздненные свои престолы Габсбургамъ. Но со времени прекращенія воинственнаго пыла Османлисовъ, назначеніе Австріи измѣнилось, и она потеряла въ глазахъ Европы весь смыслъ политическаго существованія. Даже въ германскомъ союзѣ, гдѣ она владычествовала и нравственно и матеріально,—она потеряла все свое политическое вліяніе. Здѣсь, ей съ большимъ успѣхомъ наслѣдовала Пруссія, потому что нѣмецкое народонаселеніе этой послѣдней гораздо многочисленнѣе чѣмъ въ Австріи, и правительство болѣе прогрессивно.

Мы сейчасъ сказали, что Австрія можетъ еще спасти свою самобытность, подъ условіемъ признанія свободнаго развитія народно—

стей и ихъ самоуправленія; но и этотъ способъ ея перерожденія теперь чрезвычайно труденъ, гораздо труднѣе, чѣмъ въ 1848 году. Чтобы выступить на этотъ новый путь, надобно разорвать всякую связь съ преданіемъ, и, не оглядываясь, вступить на новый путь реформъ. Правда, при подобныхъ преобразованіяхъ еще труднѣе, почти-что невозможно провести границы въ нѣкоторыхъ ея областяхъ; но въ такомъ случаѣ необходимо порѣшить навсегда съ историческими границами и принять въ основаніе этнографическіе предѣлы каждаго́ отдѣльнаго племени. Все будетъ зависѣть отъ этого перваго шага, и, какъ мы сказали, шага почти невозможнаго. Но разъ пересиливъ это затрудненіе, организація областей, будетъ гораздо легче, и существованіе Австріи получитъ новую опору въ своихъ возрожденныхъ народностяхъ. Быть можетъ, подобныя реформы не по плечу современнымъ государственнымъ людямъ Австріи? Въ такомъ случаѣ, что̀ мѣшаетъ ей призвать на эту работу способныхъ дѣятелей изъ среды тѣхъ народовъ, которымъ она такъ мало довѣряетъ? Стоитъ только пожелать, а недостатка въ нихъ не будетъ.

С. ПАЛАУЗОВЪ.

СМѢСЬ.

Письма съ Кавказа.

I.

Рядъ писемъ о Кавказѣ, которыя мы предлагаемъ на судъ нашихъ читателей, не имѣютъ и не могутъ имѣть между собою ни строгой связи, ни строгой послѣдовательности, потому что являются въ свѣтъ не болѣе какъ выдержками изъ дневника, веденнаго нѣсколько лѣтъ. Они будутъ непослѣдовательны уже и потому, что мы не беремъ на себя смѣлости заняться исключительно изслѣдованіемъ какой либо одной стороны жизни Кавказа, а постараемся, по возможности, передать все, съ чѣмъ не знакомы или очень мало знакомы наши читатели и что, въ свою очередь, не лишено какого—либо интереса. Такимъ образомъ въ нашихъ письмахъ, рядомъ съ крайне интересными во всѣхъ отношеніяхъ извѣстіями о жизни кавказскихъ горцевъ, помѣстятся, по необходимости, не менѣе интересныя извѣстія о жизни линейныхъ казаковъ и вообще кавказскихъ воиновъ, а равно и извѣстія о мирныхъ обитателяхъ селъ и городовъ, русскихъ переселенцахъ, заброшенныхъ въ этотъ полудикій край то роковой необходимостію и случаемъ, то добровольнымъ желаніемъ поискать въ привиллегированной странѣ счастія, олицетворяемаго нашимъ воображеніемъ въ образахъ двойныхъ окладовъ, чиновъ, орде

новъ и прочаго. При такой обширной программѣ, мы по необходимости должны были избрать въ этомъ случаѣ болѣе удобную форму, форму письма.

Пока не приведется къ концу война съ Кавказомъ, а вслѣдъ затѣмъ пока мы не познакомимся во всѣхъ отношеніяхъ съ бытомъ настоящихъ его обитателей; однимъ словомъ, пока не установятся правильныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными, до тѣхъ поръ всѣ извѣстія о Кавказѣ будутъ имѣть характеръ отрывочныхъ извѣстій, до тѣхъ поръ не будетъ болѣе или менѣе удовлетворительной исторіи Кавказа. Въ настоящее время даже нѣтъ исторіи какой нибудь отдѣльной области, именно нѣтъ въ томъ смыслѣ, чтобы она могла послужить матеріаломъ для будущаго историка цѣлой страны. Слѣдовательно отъ нашихъ писемъ совершенно нельзя требовать ничего подобнаго, кромѣ наглядпаго знакомства съ нѣкоторыми отдѣльными чертами жизни этой terra incognita.

Кромѣ второстепенныхъ источниковъ, т. е. извѣстій, записанныхъ со словъ другихъ, хорошо знакомыхъ съ Кавказомъ, нерѣдко самихъ туземцевъ, мы будемъ руководствоваться и собственными наблюденіями, добытыми и записанными нами въ одну изъ поѣздокъ по нѣкоторымъ мѣстамъ Кавказа, а равно и наблюденіями добытыми на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, какой-бы стороны Кавказа ни касались наши письма, они, вполнѣ надѣемся, будутъ полнымъ и вѣрнымъ отраженіемъ избранной стороны.

У Черкесовъ собственно нѣтъ письменности для массы, для народа; но есть письменность для нѣкоторыхъ образовывающихся молодыхъ людей.

Смѣшеніе арабскихъ буквъ съ турецкими почти достаточно для выраженія всѣхъ звуковъ черкескаго языка съ ихъ многочисленными оттѣнками. Духовныя лица пишутъ по—арабски и рѣшительно не вѣрятъ въ возможность черкеской письменности, руководствуясь въ этомъ и своими личными выгодами, тѣсно связанными съ магометанскою религіею; а потому и готовы преслѣдовать всякія къ тому попытки. Татарское письмо также употребительно между Черкесами, особенно породнившимися съ Ногайцами.

При помощи черкеской азбуки, составленной однимъ Абадзехомъ, нѣкоторые молодые люди и рѣшились записывать свои пѣсни и преданія. Несмотря на недовѣріе къ записыванію, одному молодому Горцу удалось и это обстоятельство обратить въ свою пользу.

— Спой мнѣ пѣсню, говорилъ онъ старику Черкесу, а я запишу ее по-черкески слово въ слово.

Черкесъ былъ удивленъ и не вѣрилъ, что можно писать по-черкески и поддался находчивости молодаго человѣка. Пропѣвъ пѣсню, которая была записана буквально и прочтена ему, онъ остался вполнѣ доволенъ и рѣшился довѣрчиво передать и другія, видя въ этомъ одну любовь къ старинѣ, одну жажду знать лучшую жизнь своего народа. Мысль считать прошлое, старое, лучшею жизнію, очень естественная мысль въ неразвитомъ человѣкѣ; а сверхъ того видѣть и въ молодомъ человѣкѣ сочувствіе къ этой жизни есть окончательно лучшія минуты въ жизни старика, всегда недовѣрчиво смотрящаго на молодость. Пѣсни и особенно старинныя и притомъ о родныхъ герояхъ горцевъ составляютъ для нихъ святыню, сбереженную въ однѣхъ и тѣхъ-же дорогихъ формахъ и образахъ. Богъ знаетъ, когда онѣ сложены, но онѣ вполнѣ сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ явились на свѣтъ. Онѣ не могли измѣниться уже и потому, что происхожденіемъ своимъ обязаны особенному торжественному обряду.

Едва разносилась вѣсть о смерти героя, въ честь его тотчасъ слагалась пѣсня. Родичи умершаго собирали всѣхъ извѣстныхъ пѣвцовъ (гегуаго) въ родной аулъ. Не шума, но уединенія требуетъ вдохновеніе, и пѣвцовъ на время удаляли изъ аула въ ближайшій лѣсъ, снабдивъ всѣмъ необходимымъ для жизни. Каждое утро пѣвцы оставляли свое общее временное жилище и расходились въ разныя стороны лѣса, гдѣ въ уединеніи слагали свои пѣсни въ честь героя. Вечеромъ они сходились вмѣстѣ и каждый представлялъ собранію все, что ему дало вдохновеніе дня. Изъ этихъ отдѣльныхъ пѣсенъ, особенно хорошія мѣста служили матеріаломъ для составленія одной общей пѣсни. Иногда бываетъ нуженъ цѣлый мѣсяцъ, чтобы подробно и краснорѣчиво воспѣть всѣ подвиги героя. Лишь только составлена пѣсня, пѣвцы отправляются въ аулъ, гдѣ къ тому времени приготовляется торжественный пиръ, въ началѣ котораго поется вновь составленная пѣсня. Здѣсь, по всеобщемъ одобреніи, пѣвцы получали награды и пѣсня разносилась ими по всему пространству, обитаемому многочисленнымъ племенемъ Адиге.

Такъ возникли и распространились героическія пѣсни горцевъ. Перевесть ихъ на русскій языкъ не легко, потому что языкъ этихъ пѣсенъ не совсѣмъ тотъ, который слышится теперь въ разговорѣ

Черкеса. Вліяніе сосѣднихъ племенъ, частые съ ними союзы для общей защиты сблизили племена между собой, и во многихъ отношеніяхъ измѣнили языкъ, примѣшавъ къ нему чужіе элементы.

Во всякомъ случаѣ источники пониманія древняго языка не исчезли; они хранятся въ томъ-же самомъ языкѣ, но при этомъ необходимъ своего рода новый трудъ, необходимо болѣе глубокое изученіе этого языка въ различныхъ его отрасляхъ.

Многія пѣсни своимъ содержаніемъ напоминаютъ самую глубокую древность, особенно пѣсни о Созирико и Петерезѣ.

Въ этихъ пѣсняхъ есть мѣста, напоминающія древнѣйшія народныя поэмы, народныя ѳеогоніи и космогоніи. Къ сожалѣнію онѣ извѣстны намъ только въ самыхъ краткихъ отрывкахъ, и потому мы не рѣшаемся до времени, до лучшаго знакомства съ ними, прибѣгать къ какимъ бы то ни было сравненіямъ, а тѣмъ болѣе дѣлать выводы объ участіи Черкесовъ и другихъ горскихъ племенъ въ жизни древняго человѣчества.

Пѣсни горцевъ имѣютъ своего рода риѳму между конечнымъ словомъ стиха и начальнымъ слѣдующаго, риѳму, состоящую въ аллитераціи — созвучіи одного, а иногда и двухъ согласныхъ звуковъ.

Кромѣ своей родной поэзіи, насущной потребности горца, Турки вмѣстѣ съ исламизмомъ принесли горцамъ и восточныя сказки и преданія и циническіе анекдоты про своего любимаго и по-турецки остроумнаго шута-ходжа, который съ тѣхъ поръ и между горцами сдѣлался любимымъ героемъ разсказовъ. О немъ теперь знаютъ во всякомъ аулѣ. Анекдоты ходжа напечатаны на турецкомъ языкѣ и расходятся подобно нашимъ анекдотамъ о Балакиревѣ. Мы слышали многіе, которые и могли только печататься на Востокѣ и преимущественно въ Турціи. Когда будемъ имѣть возможность привести въ переводѣ нѣкоторыя пѣсни кавказскихъ горцевъ, кстати приведемъ и тѣ анекдоты, которые не оскорбляютъ приличія, хотя такихъ и очень не много.

Жаль, что такому свѣжему и въ высшей степени воспріимчивому народу прежде всего пришлось познакомиться съ мусульманской религіей и отчасти съ чувственною стороною турецкой жизни, хотя эта чувственность и не могла слишкомъ овладѣть натурою горца, поставленнаго въ иныя отношенія, нежели Турокъ.

Горецъ любитъ слушать не однѣ сказки и анекдоты; его любознательность открыта болѣе благороднымъ предметамъ. На этотъ на-

родъ еще вполнѣ можно дѣйствовать хорошими примѣрами, стоитъ съ умѣньемъ взяться за дѣло. Только нравственное вліяніе окончательно можетъ покорить и примирить горцевъ съ Русскими.

Горцы вполнѣ способны къ пониманію того, что, повидимому, гораздо выше ихъ понятій.

Одинъ изъ горцевъ, воспитывавшихся въ гимназіи, разъ, отправляясь на каникулы въ родной аулъ, взялъ съ собою нѣсколько книгъ и въ томъ числѣ басни Крылова. За чтеніемъ послѣднихъ, его застала толпа горцевъ, жителей того-же аула. На вопросы, что у него за книга, онъ рѣшился передать имъ въ переводѣ нѣкоторыя изъ лучшихъ басенъ. Сначала съ недоумѣніемъ слушали горцы подвиги звѣрей, какъ разумныхъ существъ, и при концѣ хохотали и удивлялись, какъ можно писать и потомъ читать правовѣрному такія нелѣпости; но когда имъ переведено было нравоученіе, они приходили въ восторгъ, прибавляя: «вотъ оно зачѣмъ было написано», и разсыпали при этомъ похвалы русскому уму и хитрости. Эти понятія на Востокѣ—синонимы. Послѣ этого случая, ему не было проходу отъ желающихъ послушать чтеніе Крылова.

Другой горецъ, знающій русскій языкъ и обладающій необыкновенною способностью, по словамъ горцевъ, особенно краснорѣчиво говорить по-черкески, за что получилъ отъ многихъ названіе эффенди, хотя онъ вовсе и не духовное лицо, но по ихъ понятіямъ ученость и духовный санъ не раздѣльны; этотъ горецъ перевелъ на черкескій языкъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и въ томъ числѣ извѣстное небольшое его стихотвореніе «птичка». Переводъ, по отзывамъ знатоковъ черкескаго языка, былъ сдѣланъ и чрезвычайно близко и довольно художественно. Это дѣтское стихотвореніе такъ подходитъ къ ихъ простымъ понятіямъ, что сохраняется въ памяти на всю жизнь; оно понравилось горцамъ и они просили повторить чтеніе нѣсколько разъ, чтобы также навсегда удержать его въ памяти. Таково обаяніе поэзіи, а такой фактъ говоритъ самъ за себя и въ пользу восприимчивости, и въ пользу поэтичности натуры Горца.

Слѣдующій примѣръ еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль.

Во время поѣздки на Кубань, въ прошедшемъ году, въ обществѣ того-же Черкеса, мнѣ удалось посѣтить нѣсколько разъ собраніе горцевъ, бывшее на Кубани, за станицею баталпашинскою.

Горцы, по случаю отъѣзда въ Турцію, собрались для оконча-

тельнаго рѣшенія споровъ, возникшихъ между ними въ различныя времена. Споры рѣшались по шаріату (корану), адату (народнымъ обычаямъ) и наконецъ по русскимъ законамъ въ ставкѣ пристава, смотря потому, какъ выгоднѣе было отвѣтчику, ибо онъ могъ требовать того, другаго или третьяго суда.

Это было въ то время, когда война въ Италіи была въ полномъ разгарѣ и когда только что были получены телеграфическія извѣстія о Сольферинской битвѣ. Прочитавъ газеты, я немедленно передалъ разсказъ о битвѣ моему товарищу, который во время отдыха Горцевъ отъ занятій, во время кейфа, заимствованнаго въ свою очередь у Турокъ, началъ со всевозможными украшеніями передавать имъ все слышанное отъ меня и тотчасъ овладѣлъ ихъ вниманіемъ.

Отъ удивленія горцы только покачивали головали и прищелкивали языкомъ. Въ палаткѣ, гдѣ происходила бесѣда, собралось около двадцати горцевъ. Тутъ были и абазинскіе, и черкескіе князья, и уздени всѣхъ степеней, и Ногайскіе султаны, эфенди и Мурзы. Однимъ словомъ, тутъ была вся знать окрестныхъ ауловъ. Когда разказчикъ коснулся числа убитыхъ солдатъ и офицеровъ, горцы сильно поражены были такою громадностію и нѣмое удивленіе вдругъ перешло во всеобщій шумный говоръ, который, по словамъ товарища, передавшаго его содержаніе по-русски, заключался въ томъ, что они сравнивали эту битву съ тѣми, которыя происходятъ здѣсь на Кавказѣ между ихъ немирными соплеменниками и русскими, и удивлялись тому, какъ можно убить столько народу въ одной битвѣ. Когда прошло первое впечатлѣніе, они просили разсказать все съ самаго начала войны, требуя подробностей о воюющихъ народахъ, о причинѣ войны, объ обитаемыхъ ими странахъ и проч. Такъ любознательны горцы и такъ любятъ разсказы другихъ.

Въ тотъ же день, къ вечеру, происходилъ судъ по дѣлу объ убійствѣ одного узденя. Судьи, судившіе по шаріату, усѣлись въ полукругъ, лицемъ къ востоку, и тотчасъ начались допросы истца и отвѣтчиковъ. Истецъ обыкновенно выходилъ на средину полукруга и, сѣвъ по азіатскому обычаю, излагалъ свои требованія. Со всѣхъ сторонъ сыпались жаркія возраженія и, несмотря на это, ни одинъ не позволилъ себѣ перебить словъ другаго, покуда тотъ не оканчивалъ своей рѣчи, а равно не случалось ни разу, чтобы заговорили вдругъ двое. Во всемъ какъ будто-бы напередъ было условлено; между тѣмъ ничего подобнаго не было. Тонъ рѣчи былъ строгъ и серьёзенъ. Основа такого порядка самая

простая: уваженіе къ словамъ другаго и природная вѣжливость. Молодежь и незнатность стала за кругомъ, куда присталъ и я, помѣстившись рядомъ съ знакомымъ горцемъ, который обѣщался переводить все, что будетъ говорено при этомъ случаѣ. Горцы, не участвующіе въ собраніи, тотчасъ замѣтили это и подъ самымъ пустымъ предлогомъ отозвали моего знакомца. Глубоко врѣзались въ мою память эти недовѣрчивые взгляды, бросаемые со всѣхъ сторонъ и особенно взглядъ одного старика, отозвавшаго отъ меня моего чичероне. Такимъ образомъ, къ величайшему сожалѣнію, я не могъ во всѣхъ подробностяхъ прослѣдить интересный процессъ дѣла. Во всякомъ словесномъ процессѣ собственно весь интересъ и заключается въ вопросахъ, отвѣтахъ и возраженіяхъ.

Но если намъ и не удалось узнать весь процессъ дѣла, продолжавшійся нѣсколько дней и записать послѣдовательно показанія истца и его свидѣтелей, и возраженія судей, то, во всякомъ случаѣ мы можемъ, хотя коротко, сообщить его содержаніе, переданное намъ свидѣтелемъ процесса.

По смерти богатаго узденя осталась вдова съ сыномъ. Родственники покойнаго не имѣли никакого права искать наслѣдства, потому что сынъ прямой наслѣдникъ отцовскаго имѣнія. Даже и въ будущемъ имъ было мало надежды, потому что сынъ приближался къ совершеннолѣтію. Ему было около 15 лѣтъ. Мать, въ свою очередь, была не стара и считалась, если не красавицей, то и не изъ числа дурныхъ и еще была въ такой порѣ, что снова могла выдти замужъ. Это дало поводъ брату умершаго поискать счастія сдѣлаться мужемъ этой женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяиномъ оставленнаго наслѣдства, ибо онъ ясно видѣлъ, что настоящій наслѣдникъ не былъ въ состояніи по своему характеру мѣшать его будущимъ планамъ. Но всѣ предложенія не имѣли успѣха. Что было причиною отказа, любовь-ли къ прежнему мужу, или желаніе сосредоточить всю привязанность на сынѣ, намъ неизвѣстно, да неизвѣстно и никому изъ участвовавшихъ въ процессѣ; только извѣстно, что искателю вдовьей руки было отказано наотрѣзъ. Но искательства его были такъ настойчивы, что вдова принесла жалобу обществу и требовала шаріата. Шаріатъ, согласно прошенію, приговорилъ неотвязчиваго искателя къ изгнанію изъ роднаго аула. Послѣдній, покорясь приговору, удалился и поселился въ другомъ аулѣ, у своего кунака. Но этимъ дѣло не окончилось. Въ одну темную ночь, сказавшись или нѣтъ своему ку-

наку, объ этомъ исторія умалчиваетъ, онъ отправился въ родной аулъ и, никѣмъ незамѣченный, тихо пробрался къ саклѣ вдовы. Пробраться въ двери, не разбудивъ хозяевъ, а пожалуй и сосѣдей, не было никакой возможности, благодаря крѣпкимъ запорамъ; а шума и затѣмъ огласки онъ вовсе не хотѣлъ и болѣе всего боялся. И вотъ черкескій Донъ-Жуанъ рѣшился влѣзть на саклю и чрезъ трубу пробраться прямо въ комнату. При устройствѣ черкеской трубы (*), это было возможно и вполнѣ удалось ему: онъ тихо спустился и попалъ дѣйствительно туда, куда мѣтилъ. Въ комнатѣ, гдѣ онъ очутился, кромѣ вдовы, спали и ея служанки. Несмотря на это, ему казалось, что теперь все было въ его пользу. При черкеских понятіяхъ женщина въ такихъ обстоятельствахъ также, боясь страшной огласки, должна бы была уступить и согласиться на всѣ его требованія. Онъ, дѣйствительно увѣренный въ полномъ успѣхѣ, даже раздѣлся и тихо приближался къ ея постели. Но при этомъ трудно было обойтись безъ всякаго шуму, и прежде, чѣмъ онъ могъ приблизиться къ предмету его бурной страсти, какъ былъ замѣченъ вдовою и ея служанками.

Въ мигъ все всполошилось. На шумъ и крикъ женщинъ явились съ мужской половины крестьяне, охранявшіе спокойствіе госпожи и ея дома. Причина тревоги была на-лицо и въ такихъ обстоятельствахъ разсуждать было некогда: тотчасъ раздался выстрѣлъ и незваный и нежданый гость былъ убитъ наповалъ. На другой день происшествіе было извѣстно всему аулу. Обстоятельство дѣла были такъ ясны и смерть отверженнаго искателя казалась столь естественною, что не оставалось ничего болѣе, какъ только похоронить убитаго и все дѣло предать забвенію. Не такъ Черкесъ смотритъ на это: смерть, по его понятіямъ, должна быть омыта, если не кровію его убійцъ, то ихъ состояніемъ. Родственниковъ, которые бы приняли въ этомъ случаѣ на себя право требовать удовлетворенія, не было, и совершеніе мести должно было пасть на того, кто пріютилъ его въ послѣдній разъ. Такъ и случилось. Кунакъ, давшій пріютъ изгнаннику, павшему жертвою неудачной попытки, объявилъ

(*) Черкескія сакли не имѣютъ печей, но очаги, подъ которыми выводятся трубы въ видѣ усѣченнаго конуса, вершина котораго внѣ сакли на крышѣ настолько широка, что въ нее безпрепятственно можетъ пролѣзть человѣкъ.

претензію и требовалъ удовлетворенія и вознагражденія за смерть убитаго. Ни по адату, ни по шаріату дѣло не было въ пользу искателя. Видя вездѣ неудачу, онъ объявилъ, что въ теченіи трехъ дней представитъ свидѣтелей въ томъ, что его кунакъ съ намѣреніемъ былъ призванъ вдовою и погибъ жертвою ея коварства. Дѣло требовало переслѣдованія и съѣхавшіеся судьи должны были оставаться еще нѣсколько дней и безъ дѣла ожидать его свидѣтелей. Хотя ихъ и не было представлено въ назначенное время, но онъ и въ этомъ случаѣ не отказался отъ своихъ претензій и требовалъ новаго суда по русскимъ законамъ. Наконецъ рѣшено было какими бы то ни было средствами прекратить дѣло, и только пятьсотъ рублей, предложенные ему судьями, разумѣется на счетъ вдовы, заставили его отказаться отъ дальнѣйшей тяжбы. Таковы результаты словеснаго судопроизводства у горцевъ. Присяжные или муллы,—ихъ было здѣсь до пяти,—не остались въ накладѣ, получивъ вознагражденіе съ той и съ другой стороны. Мы не сдѣлали ошибки, назвавъ муллъ присяжными. Дѣйствительно, какъ только оканчивались всѣ необходимые вопросы и отвѣты, всѣ вставали съ мѣстъ и расходились въ разныя стороны. Муллы, отдѣлившись отъ толпы, удалялись въ уединенное мѣсто и между ними начиналось обсуживаніе дѣла и готовился окончательный приговоръ. Изящно переплетенный коранъ переходилъ изъ рукъ въ руки и тутъ-же изъ него дѣлались необходимыя выписки. Дѣло происходило въ открытомъ полѣ и мнѣ ни что не мѣшало пройти мимо ихъ нѣсколько разъ. Лица присяжныхъ свѣтились особенною веселостью, разговоры сопровождались хохотомъ, и кажется, не участь подсудимыхъ занимала ихъ, но мечты на скорое полученіе *тумановъ*.

Съ тѣхъ поръ, какъ открылись болѣе правильныя отношенія къ горцамъ, съ тѣхъ поръ, какъ наше правительство ясно сознало, что только одно образованіе можетъ окончательно примирить покоренныя силою племена, тогда только приняты были и всѣ необходимыя къ тому мѣры. Воспитаніе горцевъ въ кадетскихъ корпусахъ не достигало предполагаемой цѣли, а равно и самый климатъ Петербурга былъ для нихъ не совсѣмъ благопріятенъ, и потому, въ 1857 году, пріемъ ихъ туда былъ ограниченъ, а вмѣсто того усилены средства къ воспитанію ихъ на Кавказѣ, и въ кавказскихъ гимназіяхъ открыто было для нихъ понѣскольку новыхъ вакансій, а въ послѣднее время открываются и окружныя училища, исключительно назначенныя для горцевъ.

О способностяхъ и успѣхахъ горцевъ было много писано во всѣхъ газетахъ и притомъ нетолько о горцахъ обитателяхъ сѣвернаго склона горъ кавказскихъ, но, въ послѣднее время, и о горцахъ Дагестана. Наплывъ ихъ въ наши учебныя заведенія нѣсколько пріостановился, переселеніемъ кубанскихъ горцевъ въ Турцію, но изъ 70, обучавшихся въ ставропольской гимназіи, отправились только двое, и то не лучшихъ. Многіе, напротивъ, сознавъ важность образованія и понявъ хорошо незавидную будущность ихъ въ Турціи, съ сожалѣніемъ осмѣливались говорить объ этомъ своимъ родичамъ и отчасти благодѣтельно успѣвали на нихъ дѣйствовать. Теперь горцы начинаютъ уже поступать въ университеты, которые полнѣе раскроютъ предъ ними важность образованія и приготовятъ вліятельныхъ дѣятелей для ихъ родины, проводниковъ цивилизаціи въ свои свѣжія и здоровыя племена. Не такъ познакомились съ русской жизнію отцы и дѣды молодыхъ горцевъ.

Черкескіе князья, уздени и вообще милиціонеры всѣхъ сословій, отъ безпрестанныхъ, необходимыхъ столкновеній съ Русскими, многое должны были заимствовать у нихъ, чтобы лучше сблизиться, дѣля вмѣстѣ походы и длинныя стоянки въ лагеряхъ, во время военныхъ дѣйствій. Скука лагерной жизни всего легче могла сблизить два совершенно противоположные народа. И это сближеніе не осталось безъ вліянія на горцевъ, потому что Русскимъ нечего было перенимать у нихъ. И вотъ горецъ на первый разъ полюбилъ чай, сначала у кунаковъ только, а потомъ, попривыкнувъ къ нему, обзавелся и своимъ, и наконецъ такъ втянулся, что теперь не уступитъ Русскому и притомъ страстному его любителю. Правда, понимаютъ въ немъ вкусъ и считаютъ его необходимостію только нѣкоторые изъ черкескихъ аристократовъ, а остальная свита князей и узденей, если съ охотою и употребляютъ его, то исключительно только въ гостяхъ, гдѣ дадутъ, а дома, при бѣдной жизни горца, объ немъ нѣтъ и помину.

Не накормить гостя, прежде всего, хлопочетъ теперь именитый горецъ, но напоить его чаемъ.

Къ одному богатому и далеко въ горахъ извѣстному гостепріимствомъ Черкесу, заѣхалъ гость. Хозяинъ былъ радъ отъ души и старался угостить его на славу, по старымъ обычаямъ страны. Къ несчастію, у хозяина на ту пору не случилось чаю, и гость, ничего не сказавъ, уѣхалъ отъ него, страшно недовольный его угощеніемъ.

Даже подарки, заранѣе назначенные и предложенные ему, были оставлены. Слухъ объ этомъ быстро разнесся по всѣмъ знакомымъ и нѣсколько помрачилъ славу горца, считавшагося до сихъ поръ образцомъ гостепріимства. Многіе не вѣрили этому и одинъ изъ его друзей нарочно отправился узнать о причинѣ такого неблагопріятнаго слуха.

— Отчего остался недоволенъ тобою твой гость? спрашивалъ его пріѣхавшій.

— Я думаю оттого, что я не могъ угостить его чаемъ, потому что кромѣ калмыцкаго, въ домѣ не было другаго.

— Сахаръ былъ?

— Былъ!

— Ну и прекрасно! Чего-же болѣе! Стоило поставить самоваръ, нарѣзать въ чайникъ калмыцкаго чаю, налить въ стаканы какъ можно слаще и подать гостю. Повѣрь, что онъ былъ-бы вполнѣ доволенъ. Ты думаешь, онъ понимаетъ вкусъ? Нисколько! Ему все равно, лишь бы дѣлать только то, что дѣлаютъ Русскіе и что у насъ теперь принято первою необходимостію, лучшимъ угощеніемъ.

Водка—второй элементъ сближенія горцевъ съ Русскими. Здѣсь впрочемъ къ чести Горца надобно сказать, что этотъ элементъ привился только къ высшему сословію, а нисшее, несмотря ни на близость станицъ къ ауламъ, ни на возможность во всякое время посѣщать ихъ, до сихъ поръ строго воздерживается отъ нея. Впрочемъ, если и есть весьма рѣдкія исключенія пьянства въ этомъ сословіи, то самое общество не терпитъ его. Можетъ быть скажутъ, его что удерживаетъ религія; но простолюдинъ Черкесъ плохой магометанинъ. Правда, онъ совершаетъ намазъ, ходитъ акуратно въ мечеть и исполняетъ всѣ другіе обряды и, конечно, лучше всего знаетъ, что его законъ строго повелѣваетъ ненавидѣть гяура и вести съ нимъ постоянную войну; но и только. Изъ своихъ молитвъ, произносимыхъ нѣсколько разъ въ день, онъ столько же понимаетъ, сколько и мы, именно—одно слово аллахъ; остальное для него темно и недоступно. Отъ муллъ случалось ему также слышать, что пророкъ запрещаетъ упиваться виномъ, но вѣдь водка совсѣмъ другое дѣло: объ ней ни слова не говорится ни въ коранѣ, ни въ его толкованіяхъ. Да онъ хорошо видитъ и самъ, что и князья, въ его присутствіи, также вовсе не пьютъ вина, а только водку и портеръ. Несмотря на все

это, простолюдинъ крѣпко воздерживается отъ водки. Исключенія, повторю опять, рѣдки и строго преслѣдуются обществомъ.

Одинъ изъ горцевъ, вмѣстѣ съ другими, лѣтомъ постоянно нанимался въ сосѣднюю станицу для покоса и уборки хлѣба. Все время работъ онъ трудился усердно и получалъ хорошее вознагражденіе. И вотъ работы давнымъ давно окончены, всѣ его товарищи уже возвратились въ аулъ, а его послѣ нихъ не было мѣсяцъ и болѣе. Онъ прямо съ поля, гдѣ провелъ все время работъ, тотчасъ послѣ расчета, переселялся въ станицу и тутъ-то давалъ свободу разгулу — пилъ день и ночь и, когда оканчивались заработанныя имъ деньги, съ пустыми руками возвращался домой. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Общество, послѣ долгихъ совѣщаній въ такомъ рѣдкомъ и почти небываломъ случаѣ, постановило: по смерти лишить его погребенія. Полагая, что такой приговоръ поразитъ его, ему объявили его немедленно.

— Если ты будешь пить точно также, сказано ему, тогда тебя не похоронятъ.

— А что же сдѣлаютъ со мной?

— Бросятъ на съѣденіе собакамъ!...

— Мертваго?

— Да!

— Только то!... А я думалъ что нибудь другое? Пусть мертваго ѣстъ кто хочетъ, мнѣ все равно!...

Вотъ горецъ-магометанинъ.

Карты, единственное средство коротать лагерное время, такъ удачно привились къ горцамъ, разумѣется богатымъ и именитымъ, что иной изъ нихъ мечетъ направо и налѣво, какъ будто по призванію. Вотъ что на первыхъ порахъ пріобрѣтено какъ залогъ будущей цивилизаціи горцевъ. За водкой и картами слѣдуютъ и другія удовольствія. Посѣщая города и станицы, горцы на-веселѣ, позволяютъ себѣ далеко переходить границу простой и строгой черкеской жизни.

Такъ образовывается горецъ-мужчина. Между тѣмъ домашній міръ его, замкнутый для жизни городовъ и станицъ, остается въ первобытномъ своемъ состояніи. Черкесская женщина по прежнему вѣрна своему мужу, по прежнему страшится строгаго въ этомъ случаѣ наказанія — лишенія носа; а поползновенія мужчинъ, пріученныхъ станицами и городами, обнаруживаются все чаще и

чаще и современемъ занесутъ и эту язву въ своецѣломудренное общество и вмѣстѣ съ тѣмъ занесутъ въ ущелья горъ невѣдомыя тамъ доселѣ болѣзни. На первый разъ такія поползновенія, при извѣстной обстановкѣ черкеской женщины, кажутся ей дикими и кончаются обыкновенно неудачей, какъ это случилось съ героемъ вышеприведеннаго разсказа. Если тамъ, можетъ быть, руководили женщиною совсѣмъ другія причины, то въ слѣдующемъ случаѣ руководила ею прямо несообразность подобныхъ притязаній съ образомъ ея жизни. И страстность натуры, и вліяніе знакомства съ Русскими, въ обществѣ которыхъ приходилось новому герою насмотрѣться, а можетъ быть и сблизиться съ извѣстнаго рода женщинами, дали ему поводъ попытаться примѣнить возможность легкаго сближенія и въ своемъ родномъ аулѣ. Муса̀, дѣйствующее лицо этого разсказа, вздумалъ ухаживать за молодой вдовушкой изъ своего аула. Вдова какъ–то узнала о желаніяхъ Мусы. Ему было отказано на–отрѣзъ. Герой нашъ не унывалъ и рѣшился прибѣгнуть къ тому же средству, какъ и герой извѣстнаго уже читателю разсказа. Темною ночью, никѣмъ незамѣченный, пробрался онъ къ саклѣ вдовушки и искалъ средствъ пройдти въ самую саклю, но проклятыя собаки своимъ лаемъ испортили все дѣло и бѣдный Муса̀ былъ пойманъ. Если не смерть, то жестокіе побои ожидали героя. Вдовушка распорядилась совершенно иначе, но нисколько неутѣшительнѣе для бѣднаго Мусы. По ея приказанію онъ былъ привязанъ у воротъ къ столбу въ очень невыгодномъ для него положеніи: ноги его не касались земли. Тяжелое и постыдное наказаніе онъ долженъ былъ нести до утра, покуда проснется весь аулъ. Дѣйствительно позоръ былъ ужаснѣйшій, особенно по понятіямъ черкескаго общества. Только усиленныя просьбы и всевозможныя клятвы навсегда отказаться отъ всякихъ видовъ на спокойствіе вдовы смягчили гнѣвъ ея, и онъ, глубоко униженный и оскорбленный, былъ отпущенъ.

Но темная ночь не скрыла страшнаго позора. Скоро весь аулъ узналъ о похожденіяхъ Мусы и молодежь къ величайшей его горести обезсмертила его имя, сложивъ пѣсню о ночныхъ похожденіяхъ со всѣми ихъ подробностями.

Пѣсня горца, воспѣвая подвиги своихъ героевъ на полѣ брани, не забываетъ воспѣвать и подвиги, подобные похожденіямъ Мусы.

Несмотря на то, что первое наше письмо, противъ желанія, оказывается слишкомъ длиннымъ, отъ насъ читатели вправѣ потре–

бовать отчета о пріемахъ собиранія матеріаловъ, согласно нашему обѣщанію, а пожалуй и самыхъ матеріаловъ, какъ прямыхъ тому доказательствъ. Мы не прочь ни отъ того, ни отъ другаго. Близкое знакомство съ воспитанниками учебныхъ заведеній навело насъ на мысль попытать счастія и съ этой стороны. Впослѣдствіи, чрезъ это же знакомство, многіе изъ служащихъ на Кавказѣ въ свою очередь изъявили намъ желаніе помогать своими трудами. Съ этою цѣлію составлена была программа, въ которой прежде всего объяснены важность и значеніе матеріаловъ народной жизни, и наконецъ указаны и самые пріемы для собиранія матеріаловъ, пріемы предлагаемые современной наукой.

Не привожу вполнѣ самой программы, но укажу только на то, чего отъ каждаго можно было требовать въ особенности, по большему или меньшему знакомству его съ тѣмъ или съ другимъ бытомъ. Отъ казака требовалось собираніе казацкихъ пѣсенъ, пѣсенъ, занесенныхъ сюда съ переселеніемъ изъ Россіи и пѣсенъ новыхъ, необходимо вызванныхъ инымъ положеніемъ переселенца и его вѣчно-боевой жизнью. Разумѣется, кромѣ этого, указано и на собираніе всего, что только относится до жизни казака. На заговоры и преимущественно на заговоры противъ оружія, безъ которыхъ необходится ни одинъ казакъ и въ силу которыхъ онъ непреложно вѣритъ, также обращено вниманіе собирателей. Заговоры по формѣ и по значенію для казака тѣ же молитвы. Всѣ они начинаются обыкновенно обращеніемъ къ Спасителю, Божіей Матери и нѣкоторымъ святымъ и особенно къ Николаю Чудотворцу, Святому Тихону и Михаилу Архангелу. Столь же важный матеріалъ для жизни казака составляютъ разсказы о битвахъ его съ горцами. Казакъ вѣчно на стражѣ, вѣчно ждетъ нападенія и пули. Отстоялъ онъ линію, отогналъ далеко врага, ему не дадутъ успокоиться—и тотчасъ его переселяютъ на новую линію и на новыя битвы. А сколько въ этихъ битвахъ случаевъ, нигдѣ не записанныхъ, и для нихъ очень обыкновенныхъ, потому что они безпрестанно замѣняются новыми, а между тѣмъ въ этихъ обыкновенныхъ для нихъ случаяхъ сколько великихъ самопожертвованій, сколько удали, случайностей, подвиговъ почти баснословныхъ. Хотите-ли матеріаловъ изъ этой вѣчно-боевой жизни, вамъ стоитъ только спуститься на плоскость Кубани и съ каждымъ холмомъ, лѣсомъ, кустарникомъ, мостомъ, съ каждымъ бродомъ, вы услышите десятки воспоминаній, воспоминаній самыхъ свѣжихъ, еще не тронутыхъ вы-

мысломъ, не перешедшихъ въ область фантазіи. Однимъ словомъ, съ каждымъ новымъ именемъ, съ каждымъ новымъ названіемъ, будеть-ли то станица или простой постъ, непремѣнно соединено поэтическое преданіе. Это лучшіе матеріалы будущей исторіи линейнаго казачества,

Молодымъ горцамъ, знающимъ русскій языкъ и принимающимъ живое участіе въ сохраненіи памятниковъ народной жизни, поручено собираніе матеріаловъ въ своихъ родныхъ аулахъ.

Да непокажется кому нибудь страннымъ, что вдругъ въ письмахъ, носящихъ названіе кавказскихъ, являются матеріалы изъ русской народной жизни, являются русскія пѣсни, записанныя на самомъ Кавказѣ! Дѣйствительно это можетъ показаться страннымъ, но только тому, кто мало знакомъ и съ Кавказомъ и съ его русскимъ населеніемъ. Не такъ на самомъ дѣлѣ!

Не заходя слишкомъ далеко къ исторіи переселенія Русскихъ на Кавказъ и прежде всего на Терекъ, скажемъ только, что со временъ Екатерины II, когда Кубань сдѣлалась границею съ горскими племенами, когда мы стали твердой ногой на сѣверномъ Кавказѣ, тогда собственно начались переселенія сначала по волѣ правительства, а потомъ и безъ воли его, когда узнали отъ переселенцевъ, что жить тамъ и шире и раздольнѣе. Десятками тысячъ десятинъ раздавались богатыя и хлѣбородныя земли. Потемкинъ получилъ 30 тысячъ десятинъ самой лучшей земли. Селись на ней кто хочетъ! объявляли владѣльцы въ свою очередь. И вотъ на широкое раздолье прикубанскихъ земель толпами потекли казенные крестьяне, однодворцы, выходцы изъ Польши, но сильнѣе потекли сюда крестьяне отъ господъ своихъ, а равно и всѣхъ сословій бездомовники, которымъ въ Россіи терять было нечего. Въ годъ, въ два лучшія мѣста заселяли и образовывали богатыя селенія, въ 500 и болѣе душъ. Пять седьмыхъ переселенцевъ были помѣщичьи крестьяне. Партіи раскольниковъ всѣхъ сектъ, съ Иргиза и другихъ мѣстъ, еще прежде нашли на Кавказѣ обѣтованную землю. Вслѣдъ затѣмъ почти сами собою выростали города, села и станицы. Населеніе увеличивалось быстро. Указъ Екатерины, прекратившій бродяжничество и крѣпко прикрѣпившій крестьянъ къ землямъ тѣхъ помѣщиковъ, на которыхъ поселились они, на время прекратилъ наплывъ переселенцевъ. Объявленіе края привиллегированнымъ снова подвинуло къ переселенію и число жителей опять увеличилось быс—

тро. Но ничего не приносили съ собою переселенцы изъ своего скарба, кромѣ преданій и пѣсенъ своей родины, и ими-то утѣшали себя здѣсь на–просторѣ, вспоминая далекое пепелище и могилы отцовъ и въ большей чистотѣ сохраняя ихъ. Здѣсь не успѣла скоро исказить ихъ чистоту ни вообще цивилизація больших городовъ, ни цивилизація фабрикъ, трактировъ и харчевенъ. Ни кѣмъ не тронуты еще эти матеріалы!

Въ числѣ другихъ и не новыя пѣсни мы намѣрены представить въ первый разъ на судъ нашихъ читателей, но пѣсни давно уже извѣстныя собирателямъ русской старины. Эти пѣсни внесены въ сборники К. Данилова и Сахарова, и, несмотря на это, мы ихъ снова предлагаемъ въ нашемъ письмѣ, потому что онѣ записаны со словъ пѣвца–простолюдина. Не у Кирши Данилова и не у Сахарова вычиталъ ихъ нашъ пѣвецъ, онъ получилъ ихъ какъ лучшее наслѣдіе отъ отца. Какъ онъ ихъ поётъ теперь, что отразило на нихъ наше время и что осталось въ нихъ отъ временъ прошедшихъ—вотъ чѣмъ для насъ драгоцѣнны онѣ!

1.

ПѢСНЯ ПРО ОДНОГО ГЛУПЦА, МОЛОДЦА, ГОРЬКАГО ПЬЯНИЦУ (*).

Во славномъ было во Царѣградѣ,
И во томъ же славномъ царскомъ кабакѣ,
Пьетъ Садко, пьяно напивается,
Во глупомъ хмѣлю Садко похваляется:
«Нѣтъ, Садко, во свѣтѣ богаче меня,
«И нѣтъ, Садко, меня тороватѣй!
«Откуплю я, Садко, всю Рассеюшку,
«Всю царскую землюшку,
«И всѣ лавочки торговыя.
Только горе Садко—всѣ ряды горшечные.
Скоро ихъ жгутъ (горшки), скорѣй того дѣлаютъ.
Нагружаетъ онъ Садко тридцать корабличковъ,
Нагрузимши, сажалъ онъ корабельщичковъ
Подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ,
Подъ единое личико бѣлое.

(*) Съ такимъ названіемъ передана намъ пѣсня самимъ пѣвцомъ.

Пущаетъ Садко кораблички въ океанъ-море
Всѣ корабли-то по морю поплыли,
Они поплыли, какъ бѣлые лебеди;
Садковъ корабль съ мѣста не тронулся.
Закричалъ Садко своимъ громкимъ голосомъ:
«Ну, братцы мои, други корабельщики,
«Не ругался-ли кто скверно-мат—но,
«Не согрѣшилъ-ли кто со чужой женой,
«Не сбранилъ-ли кто своего отца-матерь?
«Семъ (попробуемъ) вырѣжемъ, братцы, по жеребу,
«И пустимъ мы во сине море.
Всѣ жеребы по морю поплыли,
А Садковъ жеребъ, какъ ключъ ко дну.
Воскричалъ Садко своимъ громкимъ голосомъ:
«Ну, вы братцы мои, други корабельщички,
«Согрѣшилъ я со чужой женой,
«Сбранилъ я своего отца-матерь.
«Берите Садко, бросьте въ сине море.
Загубилъ Садко свои тридцать кораблей!
Загубилъ Садко свою жизнь въ морѣ!

2.

ПѢСНЯ ПРО ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА.

На славной было рѣчушкѣ, на Камышинкѣ,
Жили, проживали, братцы, люди вольные
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.
Атаманушкой у нихъ былъ Ермакъ изъ донскихъ казакъ,
По отчеству назвать его Ермакъ, Тимоѳеевъ сынъ,
А есаулушкой у нихъ былъ, братцы, Иванъ Васильевичъ,
А за писаря у нихъ правилъ, братцы, Гуръ Гурьевичъ.
Ермакъ-то говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубитъ.
Не золотая трубочка она вострубила,
Ермакъ-то ли, старый казакъ, рѣчь возговорилъ:
«Собирайтеся вы, ребятушки, во единый кругъ.
«Думайте вы, ребятушки, думу заединую.
«Вы меня-то Ермака, старика, вы послушайте:
«Проходитъ-то у насъ, братцы, лѣто теплое.
«Настаетъ-то у насъ зима холодная;

«И гдѣ-же мы, ребятушки, зиму зимовать будемъ:
«На Яикъ намъ городъ идтить—переходъ великъ;
«На тихой-то намъ Донъ идтить—переловленнымъ быть,
«По разнымъ по тюрмочкамъ поразсаженнымъ;
«А мнѣ-то Ермаку, старику, быть повѣшеннымъ.
«На Казань городъ идтить—грозный царь стоитъ,
«Грозный царь стоитъ—Иванъ Васильевичъ.
«Пойдемъ-же мы, братцы, на Волгу рѣку.
«Набьемъ-же мы, ребятушки. куницевъ, лисицевъ тамъ,
«Пошьемъ-же мы, ребятушки, тулупы теплые;
«Подѣлаемъ-же мы, ребятушки, шлюпки легкія;
«Поѣдемъ-же мы, братцы, по Волгѣ рѣкѣ,
«И будемъ мы ловить купцовъ со товарами:
«Запасемся мы, ребятушки, товарами на всю зиму,
«Тогда-то мы поѣдемъ ко царю Ивану Васильевичу.

Оканчивая это письмо, мы еще разъ повторимъ, что Кавказъ заслуживаетъ вниманія нашей литературы. Здѣсь бьетъ свѣжимъ ключомъ молодая жизнь, еще невтиснутая въ узкія рамы гражданскаго быта. Явленія этой жизни тѣмъ интереснѣе, что въ нихъ ясно открываются естественныя стороны человѣческихъ страстей, желаній, вѣрованій и надеждъ. Черезъ два или три поколѣнія, вѣроятно, многія черты этой дикой и молодой народности исчезнутъ.

Ѳ. ЮХОТНИКОВЪ.

1860 года, 20 декабря.
Ставрополь кавказскій.

Нѣсколько словъ по поводу «Отечественныхъ Записокъ» и «Русской Рѣчи». (*)

Есть случаи, когда литература становится ниже общества, ниже развитія и потребностей его, когда она обращается изъ органа мнѣній въ органъ гласной клеветы и сплетни, когда полемика дѣлается бездоказательной бранью, когда бываетъ страшно отдѣлиться отъ рутины и высказать новую мысль только потому, что она не понравится невѣжеству и кумовству въ круговой порукѣ двухъ или трехъ пріятелей. Эти случаи, обыкновенно, встрѣчаются въ тѣ періоды, когда умная и добросовѣстная критика отступаетъ на задній планъ, а на мѣстѣ ея является самодовольная посредственность и силой крика порывается замѣнить силу мысли и чувства. Посторонитесь на это время всѣ, кто дорожитъ своимъ убѣжденіемъ, или вооружитесь самымъ холоднымъ равнодушіемъ такъ, чтобъ не бояться ни жала насѣкомаго, ни удара конскаго копыта. Для такой полемики,—всѣ средства дозволены, всѣ орудія по-плечу; она не стѣсняется ни выборомъ предметовъ, ни выборомъ лицъ. Ей все равно; она ничего не теряетъ, потому что ничего собственнаго не имѣетъ.

Мы понимаемъ, что дѣйствительная борьба мнѣній высказывается горячо, съ увлеченіемъ, потому-что убѣжденіе, иногда вытекающее изъ всей жизни и нерѣдко купленное цѣной пожертвованій дорого тому, кто привыкъ уважать его въ себѣ, и слѣдовательно въ другихъ. Трудно молчать, когда хотятъ доказать вамъ, что вы ошибались въ томъ, во что такъ искренно и долго вѣрили. Это — благородная борьба за торжество принципа; она пролагаетъ дорогу новой идеѣ или цѣлому направленію идей; здѣсь вы слѣдите за побѣдой человѣческаго ума, побѣдой, въ высшей степени интересной и наставительной; противники, обыкновенно, стоятъ другъ къ другу открыто и среди самой вражды не забываютъ ни взаимнаго уваженія, ни приличія. Но

(*) См. «Отечественныя Записки», Март. кн., Политика. Стр. 26.—«Русская Рѣчь». № 28, стр. 444.

какъ назвать тѣ журнальныя статьи, гдѣ на основанiи одной, наудачу вырванной, фразы, поднимается на васъ гвалтъ, составляется приговоръ, что вы не имѣете ни знанiй, ни убѣжденiй, не щадятъ въ васъ ни одного человѣческаго чувства, и все это бездоказательно, съ самымъ безцеремоннымъ цинизмомъ. Этого мало; другой прiятель, изъ того-же стана, подхватываетъ голосъ перваго и опять изъ–за угла, безъ всякаго доказательства, даже безъ малѣйшаго повода къ спору, заливаетъ васъ потокомъ самодѣльныхъ остротъ и грубыхъ намековъ. Въ добрый часъ, господа; здѣсь вы совершенно на своемъ мѣстѣ!

Съ легкой руки г. Гымалэ, который въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» взмахнулъ надъ нами своимъ псевдонимомъ, какъ грязной метлой съ неопрятнаго двора г. Краевскаго (*), «Отечественныя Записки» и «Русская Рѣчь» увлеклись примѣромъ. На его послѣднюю статью мы не хотѣли отвѣчать, потому что ставимъ себя выше этого отвѣта. Передъ Гымалэ, какъ извѣстно, мы провинились въ томъ, что, говоря о г. Дудышкинѣ, не сняли шляпы и рѣзко выразились о немъ; передъ «Отечеств. Записками» и «Русскою Рѣчью» мы оказались виновными въ томъ, что, говоря о Джонѣ Росселѣ, опять забыли вытянуть руки по швамъ и поклониться этому *гиганту*. Все дѣло въ томъ, какъ мы осмѣлились, по мнѣнiю журнала и газеты, назвать Джона Росселя, да еще лорда и потомка герцоговъ бетфортскихъ, *умственной малостью?* (*). Но одна бѣда не приходитъ: вслѣдъ за нами г. Гаррисонъ, въ статьѣ о Пальмерстонѣ, какъ-будто нарочно назвалъ того же лорда «*самодуромъ*». Что до насъ, мы, дѣйствительно, поступили дерзко; ну намъ ли «*смѣть свое сужденiе имѣть*»? Но какъ же поступите вы, господа, съ Англичаниномъ, который не читаетъ и едва ли знаетъ о существованiи «Отечественныхъ Записокъ» и «Русской Рѣчи»? Не прикажете ли написать ему, чтобъ онъ шелъ на висѣлицу, такъ-

(*) Тотъ же г. Гымалэ, подъ именемъ «топтателя мостовой» и въ тѣхъ же С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ не имѣя ни малѣйшаго основанiя, недавно обратился съ публичнымъ обвиненiемъ противъ гг. Качалова и Аничкова. Они печатно опровергли, пошлую выходку «топтателя» С. Петербург. Вѣдомостей и «представили себѣ право объясниться съ нимъ лично;» г. Гымалэ поспѣшилъ отправиться въ Москву, вѣроятно изъ скромности не выдать своего имени публикѣ ... очень жаль если г. Краевскiй лишится въ своемъ «Топтателѣ» такого полезнаго сотрудника.

(*) См. «Русское Слово». Январь. Русская Литература, стр. 25.

таки прямо въ сѣдой и мрачный Тоуеръ! Скандалъ! беззаконіе!— «Современникъ» подсмѣивается надъ Кавуромъ, а «Русское Слово» надъ маленькимъ лордомъ.

Но позвольте, гг. петербургскіе и московскіе адвокаты Джона Росселя, посмотрѣть на дѣло поближе, и усомниться нетолько въ вашемъ знаніи политической карьеры лорда, но даже въ томъ, не смѣшиваете ли вы его съ кѣмъ-нибудь другимъ, какъ это случилось съ городничимъ Дмухановскимъ? Если вы только слышали объ Англіи не изъ однихъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», то не можетъ-быть, чтобъ вамъ не были извѣстны слѣдующія книги, въ которыхъ подробно говорится о Джонѣ Росселѣ. Вотъ какъ выражается о немъ Ритчи въ своихъ *Modern Statesmen:* «Правда, его превосходительство — либеральный государственный человѣкъ, но совершенно въ томъ же видѣ, какъ спартанскій эфоръ; когда жена обвиняла его за то, что онъ отказался отъ половины привилегій своихъ дѣтей, эфоръ отвѣчалъ ей, что онъ поступилъ такъ съ намѣреніемъ, чтобъ сохранить для нихъ *другую половину.*» Дальше Ритчи говоритъ о томъ же Джонѣ Росселѣ: «Онъ написалъ повѣсть, которая не продалась, — исторію, которую никто не читалъ. Его философія равно не имѣла никакого достоинства, его поэзія (онъ сочинилъ драму) — была (рѣзко мы говоримъ, но поистинѣ не можемъ пріискать другаго точнаго слова)—его поэзія была положительно освистана. Такъ отверженный богами и людьми, онъ сдѣлался политикомъ...» Еще одно мѣсто: «Лордъ Джонъ Россель не упускаетъ ни одного удобнаго случая заявить свое расположеніе народу, между-тѣмъ какъ вся его политическая карьера дѣлаетъ это расположеніе *сомнительнымъ*» (*). Доселѣ говорилъ чело-

---

(*) Modern Statesmen, By E. Ritchie. London. 1861. Стр. 20, 23 и 24. Примѣч. Опасаясь, чтобъ вамъ не представилось сомнительнымъ и наше знаніе англійскаго языка, мы выписываемъ здѣсь самый оригиналъ: «It is true, his lordship is a liberal statesman, but in much the same manner as the spartan Ephor, who, when charged by his wife with having abandoned half the privileges of his children, replied that he had done so in order that he might preserve for them the other half.... He wrote a novel that did not sell, — a history, that no one would read. His philosophy was equally worthless, and his poetry—he wrote a drama—was (the word is harsh but we really can find no other so fitting)—his poetry was positively damned. Thus abhorred by gods and men, he became a politician.... Lord John omits no opportunity of professing proper attachement to the people, whilst the whole course of his political life makes that profession doutful et. cet.»

вѣкъ, лично знающій лорда и проводившій время въ его семействѣ; теперь послушаемъ другаго Англичанина, служившаго въ парламентѣ съ самимъ лордомъ: «Если лордъ, говоритъ Уитти, разочаровалъ націю въ надеждахъ, то это потому, что нація никогда не имѣла достаточнаго основанія вѣрить ему»; и дальше: «Вся эта неловкость (Джона Росселя) есть результатъ или грубаго незнанія характера англійскаго народа или преступнаго намѣренія продолжать господство глупой олигархіи и рутинной системы; но въ обоихъ случаяхъ Джонъ Россель заслуживаетъ обвиненія, какъ *простофиля* или какъ *заговорщикъ* (**). Предполагая, что вѣра ваша въ Джона Росселя идетъ гораздо дальше чѣмъ вѣра современниковъ Олега въ скотьяго бога Волоса, мы приводимъ третью характеристику изъ общественнаго органа Англіи, котораго редакторъ пользуется европейской извѣстностью по образованію; вотъ эта характеристика: «Джонъ Россель — малъ ростомъ, малъ онъ и по уму, малъ въ краснорѣчіи, малъ въ своей любви къ свободѣ, малъ въ своей ненависти къ тиранніи, малъ въ своемъ историческомъ талантѣ, малъ въ знаніи литературы, малъ въ драматическомъ искуствѣ и совершенная крошка въ своемъ сочувствіи къ парламентской реформѣ... Вся атмосфера, въ которой онъ дышетъ, состоитъ изъ малостей. Какая бы ни была тема его рѣчи—представительная ли реформа, религіозная или гражданская свобода, воспитаніе, внутренній или внѣшній вопросъ, всѣ увѣрены, что Джонъ Россель представилъ ее своимъ слушателямъ въ самомъ маленькомъ, скудномъ и нищенскомъ видѣ» (***). И такъ, вотъ три образованные Англичанина, съ разными взглядами на вещи, на разныхъ ступеняхъ общественной дѣятельности и въ разное время говорятъ почти одними и тѣми же выраженіями нетолько объ умственной, но и политической малости *вашего гиганта*. Мы знаемъ еще два интересныхъ факта за этимъ политическимъ великаномъ: во-первыхъ, когда въ 1819 году сэръ Френсисъ Бёрдетъ предложилъ билль парламентской реформы, 153 голоса были противъ преобразованія парламента, и въ числѣ ихъ былъ вашъ родосскій колоссъ — Джонъ Россель; ему же пришлось «выкинуть изъ окна», какъ выразился молодой Пиль, ту же реформу черезъ 40 лѣтъ. Во-вторыхъ, когда манчестерская лига настаивала на введеніи «свободной торговли хлѣбомъ», т. е. на дарованіи права Англича-

(*) The Governing classes of Great Britain, by Ed. Whitty. London. 1859. Стр. 148 и 156.

(**) Reynol. Newspaper. 1859. Окт. 9.

намъ ѣсть насущный хлѣбъ безъ пошлины и не умирать съ голоду ради пользы ландлордовъ, Джонъ Россель, какъ землевладѣлецъ, называлъ эту мѣру «нелѣпой, непрактической и совершенно излишней». Вотъ какъ далеко простиралось его *умственное величіе* и прозорливость! Не думайте, впрочемъ, чтобъ онъ отсталъ отъ другихъ: когда Робертъ Пиль взялъ въ свои руки великій вопросъ, колоссальный. Джонъ сейчасъ очутился на его сторонѣ и говорилъ уже за отмѣну ненавистнаго закона голода. Если бъ только эти два факта стояли противъ Лорда Джона, то и тогда политическая дѣятельность его равнялась бы нулю.

Теперь посмотримъ, что намъ скажутъ о благородномъ лордѣ «Отечественныя Записки» и «Русская Рѣчь»: «Умственная малость Джона Росселя!—(Это говорятъ «Отечественныхъ Записки»). Для насъ уже и лордъ Джонъ Россель, вождь англійской либеральной партіи — умственный пигмей. Но извѣстна ли этимъ гигантамъ дѣятельность пигмея, лорда Джона Росселя? Извѣстно ли имъ, *какихъ громадныхъ умственныхъ силъ потребно на то*, чтобъ въ теченіе многихъ лѣтъ стоять во главѣ могущественной политической партіи. Мы не допускаемъ предположенія, чтобъ это имъ было неизвѣстно: иначе это было бы уже верхомъ невѣжества; «и такъ далѣе—crescendo. Но мы не можемъ не выписать финалъ: «какіе мы сами умные ребята, продолжаютъ Отечеств. Записки, когда предъ нами всѣ — умственные пигмеи, всѣ министры, всѣ вожди партій въ просвѣщенной Европѣ!... Неужели русской публицистикѣ суждено быть гаерствомъ?» Да, гораздо приличнѣй и едвали не полезнѣй слушать гаера, на площади, въ хорошій день и подъ открытымъ небомъ, чѣмъ читать такія тирады, какими вы наполняете вашъ невыносимо–скучный отдѣлъ въ Отечественныхъ Запискахъ. По крайней мѣрѣ, вамъ не мѣшало бы немножко затушевать послѣднюю фразу, изъ уваженія къ себѣ и къ редакціи того журнала, гдѣ вы стряпаете вашу *публицистику*, какъ вы называете политическій обзоръ. Въ болѣе свободное время мы оцѣнимъ ваше рукодѣлье и покажемъ нравственный смыслъ его, а теперь возвращаемся къ вашему нравоученію: «Въ писаніяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ, говорятъ Отечественныя Записки, мы находимъ много такого, съ чѣмъ нетолько не можемъ согласиться, но что должны преслѣдовать, и что будемъ преслѣдовать по мѣрѣ нашихъ силъ». — Только, пожалуйста, не полицейскими средствами! Мы вовсе незнакомы

съ судебной процедурой. Снилось ли когда нибудь громадно-умственному Джону, чтобъ за него, вождя либеральной партіи, стали преслѣдовать и гдѣ же?—въ Петербургѣ. Давно умеръ Булгаринъ, а духъ его все почіетъ вмалѣ надъ Аскоченскимъ въ разныхъ видахъ и формахъ. Затѣмъ выступаетъ на сцену «Русская Рѣчь», юная, наивная и до простоты довѣрчивая; подлаживаясь подъ тонъ «Отечественныхъ Записокъ,» она привѣтствуетъ насъ такъ: «Ее (т. е. публику) не покоробило, когда писатель, въ родѣ какого-то г. Благосвѣтлова, преспокойно удивляется въ «Русскомъ Словѣ» «умственной малости» лорда Джона Росселя» и такъ далѣе. Да какъ же ты не могла сообразить, умная, — виноватъ,—«Русская Рѣчь», что если ужъ *коробитъ* отъ фразы, такъ коробитъ лондонскую публику, въ которой, какъ мы видѣли, получше насъ опредѣляютъ вашего несравненнаго Джона; а мы-то какъ приходимся ему? Ужъ не сродни ли по какой нибудь жиденькой брошюркѣ Дантю, случайно завезенной г. Дюфуромъ черезъ годъ послѣ ея выхода? У насъ, слава Богу, своихъ Джоновъ много; кланяйся, да кланяйся имъ, если есть охота. Но въ томъ-то и сила нашей рутины, что если ужъ ставить кумиры на праздные пьедесталы Перуновъ, то намъ непремѣнно надо поискать ихъ за границей, особенно въ Англіи, и какъ мы очень плохо знаемъ народную Англію, то беремъ ихъ прямо изъ парламента, готовыхъ и обтесаныхъ. На извѣстномъ разстояніи тѣни удлиняются: вѣроятно, за уральскимъ хребтомъ, у Коканцевъ, Джонъ Россель представляется еще выше, т. е. не гигантомъ уже, а чѣмъ нибудь въ родѣ горы Гималая. Но въ самой Англіи, какъ мы видѣли тѣнь сокращается.

И мы немножко знаемъ Англію. Проживъ около году тамъ, мы вынесли изъ своего трехлѣтняго путешествія по Европѣ самыя лучшія воспоминанія объ Англичанахъ; мы не издали, не мимоходомъ по парламентской площади, всматривались въ этотъ великій народъ. И народъ мы любимъ, и уважаемъ; знаемъ, что никто не внесъ столько сокровищъ въ общечеловѣческое развитіе, какъ Англичане, но и ни одно правительство не совершило на пути своей исторіи столько злодѣяній, какъ англійское. Вотъ наша вѣра и мы не разъ выражали ее ясно.

Затѣмъ, снимая шляпу, желаемъ вамъ покойной ночи, ученѣйшія «Отечественныя Записки» а вамъ, милая кузина, «Русская Рѣчь»,—добраго утра!

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

(ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

Странныя бываютъ противорѣчія въ жизни! Ни на комъ они такъ сильно не отозвались, какъ на мнѣ самомъ и на моей общественной карьерѣ. Начиная съ того, что предполагая нѣкогда, въ далекіе дни своей юности, сдѣлаться непремѣнно свѣтиломъ литературы, хоть миніатюрнымъ, а все–таки свѣтиломъ, я сдѣлался не болѣе какъ неизвѣстнымъ труженикомъ, «темнымъ человѣкомъ». Потомъ, имѣя отъ природы самый мирный, меланхолическій характеръ, одержимый припадками поэтической мечтательности и созерцательной неподвижности, я рукой судьбы, судьбы–этой самой эксцентрической и капризной дамы во всей древней миѳологіи, былъ брошенъ въ водоворотъ дѣйствительной мелкой мѣщанской прозы, брошенъ какъ несчастная жертва несвоевременнаго рожденія. Да, дѣйствительно мнѣ оставалось въ утѣшеніе только одна мысль, что я родился слишкомъ поздно, хотя былъ предназначенъ для другаго поколѣнія: плохое, впрочемъ, утѣшеніе. Живи я десять, пятнадцать лѣтъ назадъ, въ тѣ времена «искуства для искуства», когда слово «прогресъ» нельзя было даже отыскать въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, когда герои Щедринскихъ разсказовъ безбоязненно совершали путь по своей гражданской орбитѣ,- живи я тогда, мой благородный читатель, то мое имя ты записалъ бы въ числѣ любимыхъ тобой именъ и мой портретъ красовался бы

непремѣнно въ золоченыхъ рамахъ въ твоемъ кабинетѣ. Въ тѣ времена, я далъ бы волю своему поэтическому таланту, своему лиризму, который своей безъисходностью мучилъ меня, какъ ревнивая любовница или періодическая лихорадка; нестѣсняемый ни гражданскими идеалами, ни обличительными одѣялами, я пѣлъ бы тебѣ, читатель, пѣсни о природѣ, перекликался-бы съ звѣздами, разсказывалъ бы тебѣ о чемъ шепчутъ волны, и какъ міры текутъ, и въ какомъ расположеніи духа находится вся вселенная. Я, какъ фавнъ, сталъ бы между человѣкомъ и органической жизнью и «пѣлъ бы все что на душѣ споется»: и «шепотъ, робкое дыханье, трели соловья» и тайны изъ бухгалтерской книги любви, и испанскіе мотивы на русскій ладъ... Много великихъ поэтическихъ образовъ завѣщалъ бы я міру... а теперь? Оглянемся вокругъ себя, да и въ самихъ себя, внимательнѣе заглянемъ: осталось-ли въ нашемъ сердцѣ мѣстечко для поэтическаго чувства, хоть одинъ уголокъ «для волшебныхъ звуковъ?» Гдѣ «Ткань идеальной рѣчи», какъ пѣлъ недавно графъ Соллогубъ: «прикрывающая правды наготу»? Кто станетъ слушать теперь цѣломудренныя пѣсни фавна о любезной природѣ и ея совершенствахъ? Увы! Ужасныя времена настали для чистыхъ душъ, которыя, отрѣшась отъ дрязгъ дѣйствительной жизни, забываютъ пошленькое человѣчество для безконечной области созерцанія, фантастическихъ путешествій на луну и на другія планеты. Намъ нужны теперь острые, раздражительные, наркотическіе звуки,

Въ нашъ вѣкъ безвѣрья и сомнѣнья,
Въ вѣкъ протестующихъ брошюръ,
Намъ милъ лишь голосъ раздраженья,
Съ каенскимъ перцемъ обличенья
И кипяткомъ каррикатуръ.

Гдѣ жъ тутъ уцѣлѣть какому нибудь лирико-объективному генію? Есть-ли возможность, напримѣръ живому человѣку, человѣку съ почвой, въ то время какъ у всѣхъ отъ быстраго побѣга жизни духъ захватываетъ, мысль работаетъ безъ устали, въ то время съ волынкой сидѣть на берегу, разумѣется морскомъ, считать звѣзды и,

И слѣдить прилежнымъ взглядомъ,
Какъ двѣ чайки, сидя рядомъ,
Тамъ, на взморьи плоскодонномъ
Спятъ на камнѣ озарѐнномъ.

И вотъ я, какъ фавнъ, родившійся по ошибкѣ нѣсколькими столѣтіями позже, и родившійся притомъ въ Петербургѣ, въ этомъ, «городѣ фасадовъ», а никакъ не живописной мѣстности съ цѣлебнымъ климатомъ, затаилъ въ себѣ свои волшебныя пѣсни и началъ жить какъ и всѣ простые смертные. И хоть порою и слушалъ я нѣсколькихъ смѣльчаковъ-лириковъ, весело пѣвшихъ въ наше горячее страдное время и стансы природѣ и еврейскія пѣсни и испанскіе мотивы, но смѣлости ихъ послѣдовать не смѣлъ: какая-то глупая стыдливость мѣшала. Вотъ подите, поймите противорѣчія натуры человѣческой! Гасли и замирали звуки моей лиры: гемороидальная природа съ зефирами насморка и флюса, акціонерныя общества, парниковыя растенія и красавицы, «Подводные Камни» и Камни-Виногоровы и пр. и пр: всѣхъ этихъ камней было слишкомъ достаточно, чтобъ застращать мое воображеніе и пугливую дикую музу. И вотъ запуганная и постоянно волнуемая, всѣмъ, что вокругъ ея дѣлается—то подвигами разныхъ тёмныхъ гражданъ, то возмутительнымъ скандаломъ гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей,—моя муза беретъ иногда теперь одни аккорды на обличительной лирѣ, и какъ неопытная пансіонерка за клавишами, робко прислушивается къ своимъ звукамъ. Но шагъ былъ сдѣланъ, метаморфоза совершилась, и я съ неблагодарностью, свойственной всему человѣчеству, навсегда оторвался отъ поэзіи и лиризма того періода, когда я искренно воспѣвалъ волосы Береники, косу Аспазіи и бакенбарды Ганимеда. Я сжегъ свои корабли, явившись на другомъ берегу и покорился безъ ропота судьбѣ, сдѣлавшей изъ меня маленькаго «темнаго человѣка».... Прося извиненія за небольшое отступленіе, перехожу теперь къ главной задачѣ своихъ замѣтокъ. Прежде всѣхъ общественныхъ новостей, о которыхъ я буду говорить, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ по поводу однаго пятидесятилѣтняго литературнаго юбилея.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого торжественнаго праздника, я, какъ по любознательности, такъ и по обязанности лѣтописца, обращался съ вопросомъ объ этомъ юбилеѣ ко многимъ литераторамъ, но ни одинъ литераторъ, ни одинъ редакторъ не могъ удовлетворитъ моему любопытству. Кого я ни спрашивалъ, никто не участвовалъ на этомъ торжествѣ.

— Какимъ же это образомъ,—удивлялся я: на юбилеѣ рускаго писателя не былъ почти ни одинъ русскій писатель. Кто же его праздновалъ? Какой же это наконецъ юбилей?

Поставленный въ тупикъ такимъ страннымъ событіемъ, я бросился къ газетамъ, надѣясь наконецъ въ нихъ найти разгадку. Двѣ статьи объ этомъ обѣдѣ: какого-то Н. Гр. и г. Ѳ. Толстова разрѣшили сомнѣнія. Вотъ что я узналъ: 2 марта, въ залѣ императорской академіи наукъ, какъ пишетъ Н. Гр.» данъ былъ обѣдъ, въ ознаменованіе совершившагося нынѣ пятидесятилѣтія литературной дѣятельности *геніальнаго нашего писателя и поэта* князя П. А. Вяземскаго, устроенный президентомъ и членами академіи. Число всѣхъ бывшихъ на праздникѣ гостей, состоявшихъ изъ сочленовъ князя по академіи, родственниковъ его и близкихъ друзей, простиралось до 110 человѣкъ. На особо устроенной эстрадѣ, украшенной цвѣтами, сидѣли дамы. Еще утромъ того дня, князя поздравляли русскія дѣвушки въ сарафанахъ (!!) Во время обѣда игралъ оркестръ, состоявшій исключительно изъ Нѣмцевъ. Г. ректоръ университета прочелъ юбиляру поздравительный письменный адресъ отъ русскихъ дамъ. «Это была», пишетъ Г. Ѳ. Толстой, цѣлая вереница графскихъ и княжескихъ фамилій, точно длинная выписка изъ бархатной книги». Нѣмецкій литераторъ Г. Вольфсонъ читалъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ; также прочли свои стихи гг. Бенедиктовъ и Тютчевъ, затѣмъ безсрочно-отпускной русскій писатель, а нынѣ французскій литераторъ графъ Соллогубъ, пропѣлъ въ сопровожденіи музыки свои привѣтственные куплеты.

«Это былъ дружескій праздникъ всей русской литературы», добавляетъ къ этому Н. Гр., назвавшій кн. Вяземскаго геніальнымъ писателемъ. (Не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ — почтенному и уважаемому юбиляру).

Но, скажите, ради Бога, гдѣ же тутъ *литературный* юбилей? Развѣ можно назвать такъ дружескій семейный праздникъ, устроенный великосвѣтскими друзьями кн. Вяземскаго и его товарищами по службѣ. Какое участіе приняли въ юбилеѣ литература и ея представители?

Вотъ что намъ отвѣчали на это:

На *литературномъ* юбилеѣ князя Вяземскаго было:

Настоящихъ литераторовъ, непринадлежащихъ къ академіи, устроившей юбилей 1

Современныхъ литераторовъ, принадлежащихъ къ академіи и служащихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. . . 6

Литераторовъ прежняго времени . . . . , ... 4

Сановниковъ и великосвѣтскихъ друзей Вяземскаго . . 99

Итого . . . 110.

Такъ какой же это былъ литературный юбилей? А г. Толстой, говоря объ обѣдѣ 2 марта, съ грустію говоритъ, что онъ предполагалъ, что на этомъ юбилеѣ совершится примиреніе писателей великосвѣтскихъ съ «новобранцами» (его выраженіе) новой литературы... Г. Толстой, въ той же статьѣ (Сѣвер. Пчел. № 55) плачетъ о томъ, что съ каждымъ днемъ теперь вліяніе высшаго круга на литературу уменьшается и слабѣетъ, и тутъ же печально прибавляетъ, что «сколько сокрыто подъ спудомъ сокровищъ ума, образованности, которыми такъ щедро надѣлены высшіе классы русскаго общества!» Что вы говорите г. Θ. Толстой? Побойтесь вы Бога! Развѣ у насъ есть теперь великосвѣтскіе писатели? Кто же это? Князь Вяземскій давно замолчалъ, кн. Одоевскій, къ сожалѣнію,—тоже? Развѣ только гр. Соллогубъ, да Борисъ Θедоровъ — принадлежатъ къ этой средѣ. Такъ не объ ихъ-ли слабѣющемъ вліяніи на русскую литературу вы сожалѣете?

А насчетъ сокровищъ, лежащихъ подъ спудомъ, можно только сказать одно: да кто же имъ велитъ оставаться подъ спудомъ? Напрасно Г. Θ. Толстой объ этомъ сокрушается: такія сокровища, какъ умъ, талантъ и образованность не остаются въ тѣни, какъ бездарность и невѣжество.

Вернемся опять къ «литературному» юбилею. Присутствіе литераторовъ на этомъ праздникѣ нетолько было не необходимо, но даже, по нашему мнѣнію, неумѣстно. Графъ Соллогубъ, давно забытый въ семьѣ русскихъ писателей и записавшійся въ число парижскихъ водевилистовъ, пѣлъ на этомъ праздникѣ куплеты, въ которыхъ выразилъ все свое озлобленіе и тайную досаду противъ современныхъ дѣятелей нашей литературы. Стихи эти, и ихъ «глухая, старческая злоба» разумѣется не могутъ быть ни для кого обидны и только доставятъ не малое удовольствіе Н. И. Гречу и другимъ друзьямъ — добраго стараго времени. Но во всякомъ случаѣ послѣдніе стихи автора Une preuve d'amitié—очень знаменательны и я съ цѣлью привожу ихъ здѣсь для общаго удовольствія. Вотъ что пѣлъ графъ Соллогубъ:

1.

Сегодня праздникъ юбилейный,
Скрѣпляя прошлаго итогъ,

Зоветъ тебя на пиръ семейный,
Въ радушно-родственной кружокъ.
И былъ бы пиръ у насъ на-диво,
Когда бъ, въ привычный намъ урокъ,
Своимъ стихомъ шутя игриво,
Ты самъ себя воспѣть бы могъ.

2.

Полвѣка ты свои стремленья
И весь огонь душевныхъ силъ,
Святому дѣлу просвѣщенья
Не колебавшись посвятилъ;
За-то Россія ужъ полвѣка,
Твою правдивость полюбя,
Въ тебѣ почтила человѣка —
И все бы слушала тебя.

3.

Любимый незабвеннымъ кругомъ,
Ты въ золотыя времена
Былъ Пушкина ближайшимъ другомъ,
Ты братомъ былъ Карамзина.
Ты съ ними пѣлъ и Музъ и Феба,
И въ наши скудные года
Ты отуманеннаго неба
Теперь послѣдняя звѣзда.

4.

Ты воплощенное преданье;
Но ключъ поэзіи родной
Все бьетъ въ тебѣ, намъ въ назиданье
Какой-то юной стариной.
Ты старымъ юношамъ улика —
И кто, средь праздной суеты
У насъ отъ мала до велика
Моложе чувствуетъ, чѣмъ ты?

5.

И оттого въ нашъ вѣкъ печальный
Сберегъ ты сердца теплоту,

Что тканью рѣчи идеальной
Скрывалъ ты правды наготу;
Не увлекаясь на свободѣ
И даже въ жизненной борьбѣ,
Ты чтилъ поэзію въ природѣ,
Ты чтилъ поэзію въ себѣ.

6.

Свѣти жъ, звѣзда полвѣковая,
И ярче все, и все свѣтлѣй,
Для гордости родная края
Для радости твоихъ друзей;
И пусть отъ яркаго свѣтила
Хоть въ память нынѣшняго дня,
Заискрятся и пылъ и сила
Тобой зажженнаго огня.

Вотъ такіе-то куплетцы распѣвалъ гр. Соллогубъ на «литературномъ» юбилеѣ, гдѣ въ присутствіи автора «Савонороллы», «Трехъ Смертей» и «Послѣднихъ язычниковъ» у него достало смѣлости и неделикатности проговорить эти слова —

И въ наши *скудные* года
Ты отуманенная неба
Теперь послѣдняя звѣзда.

Эти слова обидны не для А. Майкова и ни для кого изъ литераторовъ, — они обидны для самого почтеннаго и образованнаго юбиляра, которому грубая лесть гр. Соллогуба должна была показаться оскорбительною, какъ самая злая насмѣшка. Такой образованный писатель, какъ кн. Вяземскій, вѣдь очень хорошо понимаетъ, что не его поэтитеская звѣзда горитъ ярче всѣхъ. Но гр. Соллогубъ этимъ еще не унимается и продолжаетъ шалить своей лестью, которую доводитъ въ послѣднемъ куплетѣ до nec plusultra неприличія

И пусть отъ яркаго свѣтила, (т. е. отъ князя Вяземскаго)
Хоть въ память нынѣшняго дня,
Заискрятся и пылъ и сила
Тобой зажженнаго огня.

Вѣдь это значитъ смѣяться надъ кн. Вяземскимъ, если этого благороднаго и умнаго старца увѣрять въ глаза, что его звѣзда можетъ сообщить и огонь и пылъ въ талантахъ молодаго поколѣнія. А графъ Соллогубъ рѣшается такъ неприлично шалить, послѣ словъ самого князя Вяземскаго, который говорилъ: «вы въ моемъ лицѣ празднуете умилительную тризну славнымъ покойникамъ, которыхъ нѣкогда я былъ питомцемъ, современникомъ и товарищемъ.»

Въ своихъ шалостяхъ гр. Соллогубъ заходитъ еще дальше, туда, гдѣ грубая лесть и неправда уже становятся непозволительной клеветой. Онъ смѣется надъ нашимъ временемъ и называетъ его «праздной суетой», въ тѣ самыя великіе въ русской исторіи дни, когда волею великаго Царя совершилось великое дѣло освобожденія болѣе 20-ти милліоновъ людей, когда повсюду готовятся разныя преобразованія, когда все работаетъ и трудится въ общемъ гражданскомъ дѣлѣ своего отечества. И все это, по мнѣнію графа, только *праздная суета!* Нѣтъ, г. авторъ юбилейныхъ куплетовъ: праздная суета теперь только у людей безъ дѣла, безъ нравственной связи съ родной почвой, у людей, читающихъ только однѣ вывѣски на парижскихъ улицахъ и изучающихъ европейскую жизнь по кофейнямъ и бульварамъ. Только у такихъ фланеровъ и двигающихся автоматовъ жизнь есть — праздная суета.

Вотъ не объ этихъ-ли сокровищахъ ума и образованія, расточаемыхъ граф. Соллогубомъ въ своихъ куплетахъ, говоритъ Г. Ѳ. Толстой? Если это такъ, то лучше пусть эти сокровища продолжаютъ лежать по прежнему подъ спудомъ, съ печатью молчанія и неизвѣстности, а я пока закончу свое слово о гр. Соллогубѣ стихотвореніемъ на его будущій пятидесятилѣтній русско-французскій юбилей, который будетъ праздникомъ двухъ литературъ и народностей:

На будущій литературный юбилей автора «Чиновника» и «La nuit de St. Sylvestre.»

1.

Впередъ твой праздникъ юбилейный
Прозрѣли мы въ туманѣ лѣтъ,
Когда почтитъ кружокъ семейный
И твой закатъ и твой разсвѣтъ.

И будетъ пиръ на-диво міру,
Гдѣ воспоетъ съ слезами Гречь
Тобой оставленную лиру,
Тобой завѣщанную рѣчь.

2.

Полжизни, бывъ аристократомъ,
Литературѣ ты отдалъ;
Ты литератора собратомъ
Когда-то даже называлъ.
За-то, Россія на Парнасѣ
Тебя включила въ первый классъ,
И, разъѣзжая въ тарантасѣ
Твой не забыла »Тарантасъ.»

3.

Въ средѣ поэтовъ бывъ номадомъ,
Въ давно-былыя времена
Печаталъ съ Пушкинымъ ты рядомъ
Въ двухъ альманахахъ Смирдина;
И если вяло Музъ и Феба
Воспѣлъ въ минувшіе года —
Ты герольдическаго неба
За то былъ яркая звѣзда.

4.

Не предался ты вялой лѣни,
Но пищу далъ двойной молвѣ:
Былъ русскимъ бариномъ на Сенѣ,
Парижскимъ дéнди—на Невѣ.
Когда жъ у насъ тебя забыли:
Москва, Рязань, Бѣлградъ, Малмыжъ, -
Ты въ это время водевили
Возилъ на выставку въ Парижъ.

5.

И оттого въ нашъ вѣкъ скандальный
Ты въ общей схваткѣ уцѣлѣлъ,
Чтò тканью рѣчи идеальнөй
Прикрылъ свой собственный пробѣлъ.

Ты понялъ грязь гуманныхъ топей,
Насъ растлѣвающій прогрессъ,
И не глоталъ туманъ утопій
Подъ сводомъ сѣверныхъ небесъ.

6.

Прійди же праздникъ юбилейный!
Тебя жъ двухъ націй сынъ родной
Почтимъ слезой благоговѣйной
Мы вплоть отъ Сены..... до Сѣнной.
И въ залѣ англійскаго клуба,
Скрѣпивъ свой дружескій союзъ,
Помянутъ графа Соллогуба
Равно—и Русскій и Французъ.

*
* *

Напрасно, не такъ давно, извѣстный писатель Н. Ф. Павловъ, обращаясь къ журнальному міру, говорилъ: » надо, чтобъ языкъ не умѣлъ произнести дикой фразы», напрасно нѣсколько разъ литературно ауто-да-фе и общественное мнѣніе казнило многихъ ремесленниковъ мысли и гаеровъ, пляшущихъ на фразѣ—все напрасно! Порою то здѣсь, то тамъ выскакивалъ такой плясунъ, скраивалъ себѣ на живую нитку тогу прогрессиста, сквозь прорѣху которой проглядывалъ закоренѣлый Держиморда, и начиналъ кувыркаться до третьяго поту.

Провинился у насъ, напримѣръ Камень Виногоровъ, проступокъ дѣйствительно возмутительный сдѣланъ,—ну ему и досталось, очень сильно досталось отъ всѣхъ журналовъ,—кажется примѣръ поучительный для многихъ, а посмотришь по сторонамъ, такъ непремѣнно гдѣ нибудь въ углу, другой такой Камень такія дикія фразы издаетъ, отъ которыхъ Н. Ф. Павловъ вѣроятно приходитъ въ страшное отчаяніе. Вотъ хоть Г. Гымалэ и его фельетонные кондаки на столбцахъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей! Въ омутахъ часто, говорятъ, находятъ перлы—и статьи Гымалэ это доказываютъ. Мы давно уже слѣдимъ за этими перлами съ самаго ихъ возрожденія. Помнимъ мы, какъ Гымалэ еще только народился и увѣрялъ всѣхъ читателей С. П. Вѣд., что *самыя свѣтлыя минуты его жизни только тѣ*, когда онъ бываетъ въ *области безпечальнаго созерцанія*. Что это за область? Публика пересмотрѣла всѣ новѣйшія географіи россійской имперіи,

даже къ знаменитому нашему географу Зуеву обращалась за справкой: гдѣ такая область? Но, кромѣ Бессарабской области и другихъ, — такой не нашлось у насъ; публика рѣшила, что эта область находится гдѣ нибудь за границей.... здраваго смысла и пониманія.

Странствуя по «области безпечальнаго созерцанія» г. Гымалэ выносилъ оттуда много изумительно глубокихъ мыслей и составлялъ имъ полный формулярный списокъ. О чемъ только не говорилъ г. Гымалэ! Говорилъ онъ о своихъ великихъ помыслахъ, которыхъ никто не понимаетъ, о русской лѣни—источникѣ всякаго зла, о томъ, что у русскаго мужичка меньше дѣла, чѣмъ у него, что ходить за сохой все равно, что прогуливаться по Невскому, что отъ лѣни пало Рыбацкое, а отъ труда процвѣла ново—саратовская колонія, — обо всемъ этомъ онъ узналъ въ «области безпечальнаго созерцанія».

С.—Петербургскія Вѣдомости, будучи не *органомъ* литературныхъ мнѣній, а какимъ—то разбитымъ *органомъ* шипящихъ звуковъ старческаго раздраженія, по приказанію Отечественныхъ Записокъ, съ распростертыми объятіями приняли подъ свой кровъ г. Гымалэ и отвели его квартиру на страницахъ своей газеты, съ тѣмъ чтобъ онъ, ставши подъ ихъ знамя, держался вѣрно и покорно редакторскаго пароля и лозунга. Причина такого гостепріимства понятна: С. Пет. Вѣд. олицетворяя въ себѣ личность Собакевича, также относятся обо всѣхъ литературныхъ явленіяхъ, какъ гоголевскій герой относится обо всѣхъ своихъ согражданахъ—все де—скать, дрянь! Имъ нужно было настоящаго Собакевича. Ну, г. Гымалэ себя ждать не заставилъ и явился достойнымъ сотрудникомъ этой газеты.

— Начинай съ наибольшаго! скомандовала редакція и предоставила ему на грызеніе бюстъ Пушкина: хорошенько его! Островскаго оставимъ въ покоѣ, ему довольно досталось. Теперь автора «Онѣгина» нужно отдѣлать!

Собакевичъ не дремалъ. Собакевичъ всегда говорилъ: «всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ: прокуроръ; да и тотъ, если сказать правду, — свинья.»

Гымалэ говоритъ: положимъ — Пушкинъ былъ художникъ, но какой онъ народный поэтъ? у него нѣтъ ни одного произведенія, подъ которымъ нужно бы подписать русское имя.»

— Вотъ какъ! Гдѣ это вы узнали объ этомъ, г. Гымалэ? Вѣрно тоже въ «области безпечальнаго созерцанія?»

*

— Нѣтъ, это вотъ *они* говорятъ, С. С. Дудышкинъ.

— Нѣтъ, ваше собственное-то мнѣніе какое?

Г. Гымалэ спохватился и началъ увѣрять, что онъ своимъ умомъ дошелъ до пониманія Пушкина,—и пошелъ-пошелъ: Онѣгинъ у него— не русскій типъ, а сколокъ съ байроновскихъ героевъ, Татьяна—даже вовсе не типъ, а неестественное лице, и такимъ образомъ перебралъ всего Пушкина.

— Да помилуйте, г. Гымалэ,—это опять не ваше мнѣніе,— вѣдь всѣ эти милые толки мы еще помнимъ по субботнимъ фельетонамъ Ѳ. Булгарина. Вы въ себѣ намъ Булгарина воскресаете.

Г. Гымалэ начинаетъ горячиться.

— Хотите, я вамъ сейчасъ-фактомъ докажу,—взывалъ онъ: что Пушкинъ совсѣмъ не народный поэтъ? Хотите, я васъ поражу, убью однимъ только словомъ?

— Сдѣлайте милость, г. Гымалэ — убивайте, только у Булгарина ничего не берите; вѣдь онъ покойникъ: его грѣхъ вамъ обирать.

Г. Гымалэ будто не слышитъ и говоритъ съ разстановкой, самымъ торжественнымъ голосомъ:

— Еслибы Пушкинъ былъ «народный» писатель, то его произведенія прошли бы въ массу, въ народъ. Читаетъ ли Пушкина нашъ народъ? Нѣтъ! Слѣдовательно Пушкинъ не народный поэтъ: коротко и ясно.

— Неподражаемо, превосходно! г. Гымалэ: ваша логика убійственна. Теперь мы будемъ знать, что авторъ «Конька Горбунка— Ершовъ и авторъ «Повѣсти объ англійскомъ милордѣ—Георгѣ Комаровъ, которыхъ творенія прошли въ массу, выше Пушкина. Пушкинъ такъ себѣ—поэтикъ, а Ершовъ и Комаровъ—народные писатели».

При этомъ еще г. Гымалэ утверждаетъ, что его смѣшитъ принятый обычай дорожить каждымъ листкомъ, оставшимся послѣ смерти великаго писателя, и онъ, т. е. г. Гымалэ не понимаетъ—для чего печатаютъ *разный хламъ*, найденный въ его бумагахъ. Мало-ли чего вы не понимаете, г. Гымалэ! Совѣтуемъ вамъ въ этомъ случаѣ обратиться къ С. С. Дудышкину, которому вы во всемъ, кажется, вѣрите на слово, и спросить его: зачѣмъ онъ изъ *хлама*, оставшагося послѣ Лермантова, составилъ особый томъ сочиненій и только недавно его издалъ. Спросите, г. Гымалэ, непремѣнно спросите! Въ *области безпечальнаго созерцанія*, гдѣ вы проводите *свѣтлыя минуты* вашей *жизни*—вамъ никто этого не объяснитъ. Напротивъ того: ваши

путешествія въ эту область для васъ пагубны, потому что вы выносите оттуда самыя ужасныя созерцанія. Но всего было бы лучше, еслибы вы навсегда остались въ этой области: сами же вы говорили, что вамъ тамъ хорошо, ну, и сидѣли бы тамъ, если нравится.

Мы же теперь, съ своей стороны, благодаря вашимъ услугамъ, очень хорошо поняли, что такая эта «область безпечальнаго созерцанія»:

Въ темной *области*
Безпечальнаго
Созерцанія
Слышны выклики
Погребальнаго
Завыванія;
Гдѣ отъ времени
Отъ бѣсовскаго
Все сторонится,
Гдѣ отъ Пушкина
До Островскаго
Все хоронится;
Гдѣ все старое
И сгнившее
Прославляется,
Гдѣ Булгарина
Тѣнь ожившая
Улыбается:
И все слышенъ вой
Радикальнаго
Поруганія
Въ темной области
Безпечальнаго
Созерцанія.

Читая протестъ г. Гымалэ противъ значенія Пушкина, какъ народнаго писателя, мнѣ пришло въ голову слѣдующее предположеніе: что, еслибы когда нибудь С. С. Дудышкину вздумалось пошутить,—вѣдь пошутить дома всегда можно, и онъ сталъ бы ради шутки парадоксально доказывать г. Гымалэ и развивать идею о гомерическомъ значеніи Пушкина, т. е. что Пушкинъ—миѳъ, и что только подъ его именемъ собраны произведенія многихъ писателей. То—то бы удивился г. Гымалэ и, по

теоріи вѣроятностей, непремѣнно написалъ бы огромную статью на пятнадцати столбцахъ о томъ, что Пушкина никогда не было, а всѣ его повѣсти, поэмы и стихотворенія принадлежатъ разнымъ русскимъ писателямъ прежняго времени. Отъ г. Гымалэ всего можно ожидать. Вотъ—бы одолжилъ!

Я бы кончилъ теперь свое слово о г. Гымалэ, но не могу еще пройти молчаніемъ послѣдней выходки его по поводу одного стихотворенія Никитина: «На пепелищѣ». Выходка эта до такой степени отвратительна по своему цинизму, что нужно удивляться, какъ она могла пройти незамѣченной. Въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи г. Никитинъ разсказываетъ участь бѣднаго, погорѣвшаго крестьянина, принужденнаго жить подаяніемъ. Вотъ два послѣдніе куплета изъ этихъ стиховъ:

Крѣпись, горемычный! не гнись отъ удара!
Все вынесло сердце: и ужасъ пожара,
И матери старой пронзительный стонъ,
Въ то время, какъ въ полымя кинулся онъ.

* *
*

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели.
За нимъ по слѣдамъ потолки загремѣли...
«Пускай догараютъ»!... *И нищій-мужикъ*
Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

Послѣдніе два стиха г. Гымалэ называетъ *изысканными,* потому что по его мнѣнію русскій мужикъ способенъ еще пожалуй броситься въ огонь за сыномъ, но никогда не способенъ на нѣжность родительскихъ поцалуевъ даже въ такую страшную минуту, когда его ребенокъ едва не погибъ на пожарѣ... Думали—ли вы о томъ, что сказали, г. Гымалэ? думали—ли какую нелѣпую клевету вы взводите на русскаго человѣка, въ которомъ не допускаете самаго простаго появленія чувства ласки и поцалуя? Ласки и нѣжность вы не считаете *даже свойственными его природѣ.* Думать такъ о его природѣ—значитъ глубоко презирать ее и ставить даже ниже природы всякаго животнаго. Дикій звѣрь, тигръ и волкъ, ласкаютъ своихъ дѣтей и съ нѣжностью лижутъ ихъ, а по мнѣнію г. Гымалэ, русскій мужикъ лишенъ даже естественнаго чувства и права—ласкать и приникать устами къ головѣ своего дитяти... Это даже читать отвратительно, и только при-

ходишь въ невольный ужасъ отъ одной мысли, что подобные рыцари «безпечальнаго созерцанія» имѣютъ претензію руководить общественнымъ мнѣніемъ. Но довольно о г. Гымалэ, слишкомъ довольно!-. нужно не забывать, что насъ еще ждутъ подвиги многихъ другихъ литературныхъ и общественныхъ баскаковъ и самозванцевъ.

Кстати о самозванцахъ. Съ нѣкорыхъ поръ, многимъ господамъ почему-то очень понравилось являться гдѣ нибудь въ незнакомомъ обществѣ, присвоивъ себѣ какое нибудь литературное имя. По примѣру Лже-Якушкина было нѣсколько примѣровъ подобнаго самозванства, и вотъ послѣдній изъ нихъ.

Недавно въ одинъ изъ кафе-ресторановъ, поздно вечеромъ, является какой-то господинъ, начинаетъ кричать, распоряжаться и громко высказывать свое неудовольствіе. Ему замѣтили, что шумѣть нельзя.

— А вы знаете-ли, продолжалъ кричать незнакомецъ: кто я такой? и назвался именемъ редактора одной очень распространенной газеты. Знаете-ли вы, продолжалъ онъ, что я васъ всѣхъ печатно разругаю, всѣхъ обличу...

Въ кафе-ресторанѣ въ числѣ нѣсколькихъ посѣтителей были такіе, которые знали въ лицо редактора и съ удивленіемъ смотрѣли на шарлатана; вдругъ одинъ изъ числа этихъ посѣтителей узналъ лице псевдо-литератора и подошелъ къ нему.

— Ба! Такъ, стало быть, спросилъ онъ пристыженнаго и не молодаго уже самозванца: вы закрыли свою бумажную лавку на Невскомъ проспектѣ и въ литературу пустились? И не стыдно вамъ, милостивый государь — въ такіе почтенные годы, какъ ваши, позвол.. ть себѣ такъ непозволительно шалить.

Но литераторъ-самозванецъ, сопровождаемый общимъ хохотомъ, со стыдомъ поспѣшилъ скрыться: избралъ благую часть...

Прежде чѣмъ я буду говорить о различныхъ мелкихъ явленіяхъ общественной жизни, считаю своею священнѣйшею обязанностью прежде всего сказать объ одномъ крупномъ явленіи и именно о концертѣ маэстро Лазарева. Этотъ знаменитый композиторъ съ гордостію можетъ теперь сказать, что его концертъ надѣлалъ много шуму: это былъ дѣйствительно шумъ—въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ прошломъ мѣсяцѣ я уже говорилъ объ изданной брошюрѣ «Лазаревъ

и Бетховенъ,» авторъ которой, дѣйствительный статскій совѣтникъ и орденовъ кавалеръ, вызывалъ бойца на состязаніе, чтобъ на предстоящемъ концертѣ въ пользу сирійскихъ христіанъ, если будетъ нужно, — публичнымъ диспутомъ рѣшить: кому отдать пальму первенства: Лазареву иль Бетховену? Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ этого концерта: и публика, которая инстинктивно предчувствовала что-то необыкновенное, и самъ Александръ Васильевичъ Лазаревъ, который хотѣлъ на родинѣ поставить нерукотворный памятникъ своему музыкальному генію. Европа уже давно оцѣнила его музыкальный талантъ, и вотъ что пишутъ о немъ, по его собственному засвидѣтельствованію, европейскіе журналы:

Journal des Débats, 9 декабря 1858 г. Концертъ, который далъ въ послѣднее воскресенье въ залѣ г-на Дебенъ г. *Александръ Лазаревъ*, имѣлъ большой успѣхъ, и *Мейерберъ* привѣтствовалъ композитора, который намѣренъ исполнить сей зимой много своихъ сочиненій.

Le Moniteur Francais, 17 января 1859. Мы знаемъ новость: въ будущее воскресенье дастъ большой вокальный и инструментальный концертъ г. *Александръ Лазаревъ*, русскій композиторъ, имѣвшій успѣхъ въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, во Флореніи, въ Неаполѣ, въ Римѣ и у насъ въ Парижѣ. Г. Лазаревъ—служившій съ честью за Кавказомъ и раненый въ сраженіи. «Артистъ въ душѣ и солдатъ въ сердцѣ.» Въ обоихъ случаяхъ онъ человѣкъ съ талантомъ и мы рекомендуемъ его объявленное музыкальное утро, въ которомъ услышимъ его «*Miserere*», посвященное *Россини* и *Гимнъ Черкесовъ*, Г. Лазаревъ много путешествовалъ по Азіи, Африкѣ и пр., и при національныхъ его аріяхъ, полныхъ поэзіи, «*вынесъ энергію европейца*.»

Wanderer. № 254. 1859 г. Г. Лазаревъ, служившій за Кавказомъ, былъ раненъ и награжденъ орденомъ св. Анны съ бантомъ, и тамъ, въ пылу грозныхъ кавказскихъ битвъ, онъ написалъ свою знаменитую драматическую кантату «*предсмертные гимны Черкесовъ передъ сраженіемъ съ Русскими*.»

И такъ, мы видимъ, что имя русскаго, въ Россіи еще не признаннаго маэстро, уже извѣстно въ Европѣ, какъ имя славнаго «артиста въ душѣ и солдата въ сердцѣ.» Постараюсь теперь, какъ очевидецъ, разсказать о послѣднемъ его концертѣ, бывшемъ 2 марта въ залѣ нѣмецкаго собранія.

Когда въ исходѣ третьяго часа того дня, я вошелъ въ концерт-

ную залу собранія, то мое невольное патріотическое чувство разомъ заговорило во мнѣ: я увидѣлъ, что на музыкальное торжество славянскаго артиста собралось публики видимо-невидимо: зала была полна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали выхода маэстро, который, въ заботѣ о судьбѣ сирійскихъ христіанъ, не покидалъ еще кассы и медлилъ выходомъ къ оркестру. Въ ожиданіи его, публика волновалась и шумѣла. Наконецъ А. В. Лазаревъ предсталъ передъ публикой, украшенный фестонами и розетками на лѣвомъ рукавѣ своего фрака, и началъ раскланиваться. Его встрѣтили дружныя рукоплесканія и крики: браво, браво, Лазеревъ! Лице маэстро, весь онъ самъ—выражали твердую увѣренность генія. Когда онъ взялъ въ руки свой капельмейстерскій жезлъ—вся зала какъ бы замерла: ни одного звука, ни одного шелеста. Я, съ какимъ-то страннымъ біеніемъ сердца, какъ бы приросъ къ своему стулу, и не спуская глазъ съ оркестра, только твердилъ про себя стихъ Мицкевича:

Cicho wszędzie, głucho wszędzie,
Co to będzie, co to będzie...

Но вотъ оркестръ грянулъ «гимнъ Славянамъ. «При общемъ взрывѣ барабановъ, бубновъ и трамбоновъ, первымъ моимъ движеніемъ было справиться: не разорвалась ли барабанная перепонка въ ушахъ моихъ, до-того оглушила всѣхъ, и меня въ томъ числѣ абиссинская музыка. Я взглянулъ на лица нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ въ залѣ— и вполнѣ понялъ ихъ самоотверженіе. Но съ этой роковой минуты начались крушенія и несчастія бѣднаго композитора. Злошипящіе враги его, завистники начали свои преслѣдованія, и со всѣхъ концовъ залы зашикали, засвитали:

— Довольно! Довольно! Невыносимая музыка! Довольно!

Оркестръ долженъ былъ замолчать и этой-то минутой спѣшилъ воспользоваться самый лютый врагъ г. Лазарева—мужъ грозный и безпощадный.

Тотъ грозный мужъ былъ критикъ смѣлый,
Сѣровъ, въ концертахъ посѣдѣлый,
Поклонникъ Вагнера піэсъ,
Сотрудникъ бывшій Раппопорта,
Рѣшившій намъ, что ut-dіеz
Кравцева былъ дурнаго сорта,

Сѣровъ, артистовъ Люциферъ,
Вѣщавшій намъ, что Мейерберъ
Верди, Беллини, Донидзетти
Всѣ вмѣстѣ Итальянцы эти,
Творцы безсмысленныхъ химеръ,
Въ искуствѣ гаеры и дѣти.

Устроивъ себѣ кафедру изъ стула, онъ взошелъ на свою импровизированную трибуну и залпомъ проговорилъ слѣдующую филиппику, обращаясь къ публикѣ:

— «Если на этомъ концертѣ будетъ исполнена хоть одна строка величайшаго и геніальнѣйшаго изъ композиторовъ—Бетховена, то это будетъ оскорбленіемъ для всей нашей столицы». Самому же Лазареву отъ него еще больше досталось:

«Казнить, казнить его!» взывалъ:
«Тотъ лютой казни лишь достоинъ,
Кто скажетъ: я—второй Бетховенъ.»
Такъ съ креселъ, топая, кричалъ
Сѣровъ, театра Мефистофель,
И всѣхъ бросать гнилой картофель
Онъ въ концертанта призывалъ.

Протестъ г. Сѣрова, выраженный такъ сильно, произвелъ страшный шумъ въ залѣ, и хотя наша публика, какъ говорятъ, «не созрѣла», но ни въ чьихъ карманахъ гнилаго картофеля не оказалось. Въ публикѣ начался говоръ и отвсюду слышались голоса:

— Браво, Сѣровъ! Молчать, Сѣровъ! Пусть говоритъ г. Лазаревъ! Пусть говоритъ его защитникъ!

И вотъ, на томъ же самомъ стулѣ, на которомъ стоялъ г. Сѣровъ, появился самъ композиторъ и авторъ «смерти Олоферна», весь красный, какъ кумачъ, и взволнованный. Съ сдержанностью и съ поразительнымъ для такой минуты хладнокровіемъ, маэстро обратился къ публикѣ съ просьбой—исполнить увертюру C-Dur, съ тѣмъ, чтобъ слушатели сами произнесли о ней свое мнѣніе, а не слушали словъ шарлатана—непонимающаго его великой музыки.

Публика стихла. Оркестръ опять грянулъ увертюру, исполненіе которой должно было рѣшить судьбу Лазарева: быть или не быть ему въ семьѣ великихъ музыкантовъ-геніевъ. Все шло пока благопо-

лучно и публика терпѣливо ожидала конца увертюры, и дослушала бы ее, еслибы абессинскій маэстро не измѣнилъ своему хладнокровію и не крикнулъ громовое «молчать», обращаясь неизвѣстно къ кому. Этимъ все было испорчено; раздались крики: «довольно, довольно!» Начался смѣхъ, шумъ и говоръ. Конца увертюры никто уже не слыхалъ, послѣ которой, половина оркестра, устыдясь неудачи своего капельмейстера, обратилась въ бѣгство, не взявъ даже съ собой свои инструменты. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ концертъ не могъ уже продолжаться. Лазаревъ, совершенно уничтоженный и потерявшійся, нѣсколько разъ поднимался на стулъ для слова, но ему никто не внималъ. Только отзываясь на общее требованіе — сказать имя его защитника, автора брошюры «Лазаревъ и Бетховенъ», измѣнившему своему обязательству — публично защищать геній русскаго непонятаго артиста, — Лазаревъ громко назвалъ имя дѣйств. стат. сов. Владиміра Ивановича *Маркова*, живущаго у Аларчина моста въ домѣ Вельяшева.

Такъ кончился этотъ концертъ, гдѣ наша публика доказала, какъ мало она дорожитъ родными талантами, уже давно оцѣненными всей Европой. Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ... Чтожъ остается дѣлать г. Лазареву? Остается только одно:

Изъ міра зависти, насмѣшекъ и тревогъ
Бѣжать скорѣй, идти-искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

Знакомый мнѣ обличительный поэтъ, вѣрный своему правилу— откликаться на всѣ общественныя явленія, написалъ на этотъ *многоглагольный* концертъ стихотвореніе совершенно безъ *глаголовъ*. По праву дружбы съ авторомъ, привожу здѣсь это стихотвореніе:

Концертъ 2 марта 1860.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика...
М. Лермантовъ.

Залъ нѣмецкаго собранья,
Шумъ афишъ и нотъ,
Общій взрывъ рукоплесканья,
Лазарева входъ;

Музыкальный адъ оркестра,
Бубны, барабанъ;
У оркестра самъ маэстро;
Дикій «гимнъ Славянъ»;
Вой трубы и хрипъ фагота,
Флейтъ и скрипокъ зудъ,
Одуряющее что-то....
Нестерпимый гудъ;
Визгъ, и музыки надсадки;
Страхъ по сторонамъ;
Спазмы, нервные припадки,
Обмороки дамъ.
—Фора! бисъ! и крики снова:
«Браво»! «скверно»! «браво»! «вонъ»!
Протестація Сѣрова,
Шиканье и звонъ.
Диссонансы увертюры,
Въ воздухѣ платки,
Вверхъ летящія брошюры,
Смятые листки.
Крики, хохотъ, плескъ и топотъ,
Весь дрожащій залъ,
И волненіе и ропотъ,
И скандалъ, скандалъ!...

Наше эпическое сказаніе объ авторѣ музыкальныхъ *простынь* еще не кончилось и къ трагикомической исторіи его концерта слѣдуетъ еще прибавить эпилогъ или заключеніе. Какъ уже говорено выше, абиссинскій концертъ былъ устроенъ въ пользу сирійскихъ христіанъ; и вотъ, спустя нѣсколько дней послѣ этого музыкальнаго утра въ залѣ нѣмецкаго собранія, въ одномъ изъ нумеровъ Вѣдомостей С. Петербургской полиціи было объявлено о *тридцати* рубляхъ серебромъ (доставленныхъ г. Лазаревымъ къ г. с. петербургскому оберъ-полиціймейстеру), *вырученныхъ за всѣми расходами отъ концерта* въ пользу сирійскихъ христіанъ.

Тридцать рублей за всѣми расходами!?!..

Что за несчастная участь бѣдныхъ христіанъ Сиріи! Казалось, что у нихъ были всѣ шансы къ тому, чтобъ съ благотворительнаго подвига г. Лазарева собрать обильную жатву. Публики на концертѣ

было столько, что даже самому бы городничему лишняго мѣста не нашлось, а входные билеты были цѣны весьма солидной—отъ трехъ рублей до рубля, и несмотря на все это—за всѣми расходами очистилось только тридцать рублей! Или это опечатка, или же г. Лазарева обманули самымъ непозволительнымъ образомъ. Вѣдь расходы всѣ извѣстны: слѣдовало заплатить за залу и за оркестръ—и только. Также нельзя же предположить, что г. Лазаревъ удержалъ часть суммы за *безчестіе*, которое онъ потерпѣлъ на концертѣ!... Г. Лазаревъ вѣроятно самъ разрѣшитъ эту загадку и разсѣетъ общія сомнѣнія.

Въ заключеніе моего сказанія о бѣдствіяхъ и крушеніяхъ А. В. Лазарева, чтобъ заявить ему съ своей стороны, что я вовсе не раздѣляю мнѣнія моихъ соотечественниковъ вообще, а г. Сѣрова въ особенности, о музыкальныхъ способностяхъ знаменитаго маэстро, я приведу одно стихотвореніе, написанное въ его пользу и защиту. Кто писалъ это стихотвореніе — неизвѣстно; только есть одно вѣроятіе, что его авторъ—авторъ брошюры «Лазаревъ и Бетховенъ», который наконецъ рѣшился въ стихахъ высказать свою протестацію. Во всякомъ случаѣ это только одно предположеніе. Вотъ эта

ОДА

(*съ примѣчаніями неизвѣстнаго автора.*)

КЛЕВЕТНИКАМЪ МАЭСТРО ЛАЗАРЕВА.

Отмщенья, господа, отмщенья!
О чемъ шумите вы, концертные витіи?
Зачѣмъ вы гоните маэстро изъ Россіи?
Что возмутило васъ?—Сѣровъ? его глаголъ?
Оставьте: это споръ артистовъ межъ собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный «пчелою,» (1.)
Вокальной музыки хроническій расколъ.
Уже давно споръ исполинскій
У нихъ о музыкѣ идетъ,
Давно маэстро абиссинскій
Къ суду Бетховена зоветъ.

(1) См. Сѣвер. Пчелу. № 75. 1861.

Кто устоитъ? кто въ битвѣ ровенъ:
Нѣмецкій клиръ иль вѣрный Россъ?
Уступитъ Лазаревъ или падетъ Бетховенъ?
И чья возьметъ?—вотъ въ чемъ вопросъ.

* * *

Еще не вслушались вы вѣрно
Въ смыслъ звуковъ «Смерти Олоферна,» (2.)
Вамъ непонятенъ, вамъ смѣшонъ
Литавръ и трубъ и бубновъ звонъ.
Васъ не прельщаетъ «Miserere», (3)
Васъ «Страшный Судъ» (4) не увлекалъ,
Вы по призыву лицемѣра
Въ концертѣ сдѣлали скандалъ....

* * *

Зачтожъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что межъ судей завистливыхъ Невы,
Онъ не призналъ суда и воли
Того, кому внимали вы?
Что композиторовъ россійскихъ
Убилъ онъ музыкой пугающей своей,
И въ пользу христіанъ сирійскихъ
Собралъ съ излишкомъ сто рублей? (5.)
Зачтожъ хулите вы, скажите, въ самомъ-дѣлѣ?
Иль геній Лазаревъ не выказалъ на дѣлѣ?
Иль такъ смутилъ его вашъ хриплый свистъ и крикъ?
Иль пораженному воззваніемъ Сѣрова
Ему съ Европой спорить ново?
Иль мужъ сей отъ похвалъ отвыкъ?
Иль отъ Неаполя до старыхъ стѣнъ Берлина
Не знаютъ сѣвера полу́ночнаго сына?
Иль отъ парижскихъ пышныхъ залъ

---

(2) Смерть Олоферна. Большая увертюра А. В. Лазарева. Написана въ Римѣ въ 1858 г.

(3) «Miserere,» его же, посвящено Россини; написано въ Лейпцигѣ въ 1857 г.

(4) «Страшный Судъ», ораторія его-же, написана въ Абиссиніи въ 1855 г.

(5) Принадлежа по лѣтамъ своимъ къ людямъ стараго вѣка, я привыкъ считать деньги всегда на ассигнаціи, что дѣлаю и здѣсь, говоря о *тридцати* рубляхъ серебромъ, пожертвованныхъ А. В. Лазаревымъ въ пользу сирійскихъ христіанъ.

Примѣч. неизвѣстнаго поэта.

До Абиссиніи печальной
Онъ слухъ людей не потрясалъ
Своею музыкой вокальной?
Такъ для него-ль страшна вражда
И ваша ненависть, витіи,
Когда зажглася внѣ Россіи
Его блестящая звѣзда!

* *
*

Замѣтки мои, въ которыхъ проза постоянно мѣшается со стихами, что дѣлается какъ-то само собою, даже помимо моей собственной воли, непремѣнно должны возбудить неудовольствіе «Отечественныхъ Записокъ». Сей толстый и угрюмый журналъ начинаетъ теперь раздѣлять мнѣніе гр. Соллогуба о «туманномъ небѣ» россійской словесности и открылъ въ ней недавно новую повсемѣстную и заразительную эпидемію. Вотъ что пишетъ хроникеръ этого журнала: «теперь пошла мода, мода смѣяться надъ всякимъ благороднымъ увлеченіемъ, смѣяться во что бы то ни стало, притягивать за волосы остроуміе въ стихахъ и прозѣ». Испуганный въ первую минуту такимъ обвинительнымъ актомъ, взводимымъ на нашу журналистику, я, не довѣряя своей памяти, бросился пересматривать всѣ русскіе журналы и газеты послѣдняго времени, чтобъ найти, гдѣ у насъ безнаказанно осмѣиваютъ благородныя увлеченія? Многихъ трудовъ стоили мнѣ мои изысканія, но удовлетворительнаго отвѣта я не нашелъ и обвиненіе Отечественныхъ Записокъ осталось для меня неразгаданнымъ ребусомъ. Гдѣ же эта мода, т. е. повсемѣстная эпидемія осмѣивать благородныя увлеченія? Еще только въ прошломъ мѣсяцѣ поступокъ Камня-Виногорова, вызвавшій противъ себя всеобщее негодованіе, доказалъ, какъ возможно у насъ глумленіе надъ благородными увлеченіями. О какихъ же увлеченіяхъ идетъ рѣчь? Можно-ли смѣшивать смѣхъ «искуства для искуства, смѣхъ надъ чѣмъ не случалось съ смѣхомъ горькимъ и честнымъ во имя любви, правды, негодованія ко всему пошлому и безнравственному? А почтенный журналъ, кажется, смѣшиваетъ эти два понятія. Вѣдь отъ выходокъ графа Соллогуба противъ *праздной суеты* нашего времени, отъ юмористическаго глумленія Дерева Пиводанова надъ протестами противъ бойцовъ кулачнаго права, гаерства узкаго обскурантизма—до смѣха честнаго, смѣха вызваннаго

горькимъ чувствомъ человѣка, какъ до «звѣзды вечерней далеко. Все темное или комическое, пошлое или отвратительное у насъ дѣйствительно вызываетъ смѣхъ, но за этотъ смѣхъ мы не краснѣемъ, не стыдимся его. Смѣхъ этотъ—наша плоть и кровь, нашъ прогрессъ и сила. Самыя Отечественныя Записки, покидая иногда свою мрачность, силятся шутить и смѣяться. Вѣдь смѣялся же, и притомъ очень неудачно «праздношатающійся» принадлежащій къ семейству Отечественныхъ Записокъ, называя лекціи о философіи Лаврова «философіей восьми-фунтоваго калибра».

Нѣтъ, въ обвиненіи журнала А. А. Краевскаго что-то скрывается другое, что прямо не высказано, и нельзя не замѣтить, что «умыселъ другой тутъ былъ», а какой это умыселъ — объ этомъ знаютъ только А. А. Краевскій и тѣ, которые писали о немъ въ стихахъ и прозѣ, «вытаскивая за волосы свое остроуміе». Скоро-ли же перестанетъ сердиться этотъ почтенный редакторъ на то, что его воспѣваютъ въ стихахъ и прозѣ: пора, кажется, попривыкнуть! Это уже несчастіе всѣхъ людей, сдѣлавшихся типами.

Смири же ты, порывъ свой праздный
Маститый старецъ нашъ, и бросивъ бранный тонъ —
Издай, какъ ты, разнообразный
Какъ ты великій лексиконъ!

Не помню, гдѣ это, и кѣмъ было сказано, но въ куплетѣ этомъ не нахожу ничего обиднаго. Вѣдь г. Краевскій—хозяинъ своего лексикона, за изданіе котораго онъ взялся и непремѣнно издаетъ его самъ; кто же можетъ отнять у него редакторство? Ergo.

Благодаря услугамъ нашей гласности и многимъ протестамъ, которыми такъ богато наше время, мы знакомимся съ разными любопытными явленіями, о которыхъ бы въ другіе годы ни за что не узнали. Изъ множества такихъ любопытныхъ явленій приведу теперь одно напомнившее намъ, что еще не умеръ въ нашемъ обществѣ яркій грибоедовскій типъ «блаженной памяти Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ. Онъ еще живетъ межъ нами, не измѣнивъ почти ни единой своей черты, съ тѣхъ поръ какъ грозилъ Вольтеру при разъѣздѣ съ Фамусовскаго бала. Вѣдь стараго знакомаго пріятно встрѣтить, господа! Не пройдемъ же мимо прежняго московскаго знакомца и посмотримъ, что волнуетъ теперь его благородную рыцарскую душу.

Недавно въ одной изъ нашихъ газетъ (Русская Рѣчь, № 5) было

помѣщено письмо изъ Воронежа г. А. Суворина, подъ псевдонимомъ В. Маркова. Авторъ статьи говорилъ о многихъ характерныхъ чертахъ губернской жизни и между прочихъ о раздѣленіи тамошняго общества на два круга—*высшій* и *низшій* Въ той же статьѣ говорилось о недостаточности тамошняго пансіонскаго воспитанія, недающаго никакихъ научныхъ свѣдѣній, о благородныхъ спектакляхъ и о многомъ другомъ. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Суворинымъ, къ несчастію не новость для насъ и составляютъ общую характеристику нашихъ губернскихъ городовъ съ ихъ упорною неподвижностью во всемъ.

Письмо это было уже напечатано, когда редакція Русской Рѣчи получила изъ Воронежа протестъ отъ нѣкоего *капитана* и *коммисаріатской коммисіи чиновника* г. В. Маркова, уже не псевдонима, а настоящаго г. Маркова, который проситъ объявить, что онъ съ корреспондентомъ ихъ, его соименникомъ, ничего общаго не имѣетъ. Я, пишетъ онъ, настоящій Марковъ, *ветеранъ*, и *потому* литературою никогда не занимался и смотрю на все съ *точки зрѣнія убѣжденія,* совершенно противной г. Суворину. Казалось бы, что, заявивъ свой протестъ, ветеранъ раскланяется и дѣлу конецъ, но г. Марковъ не ограничивается тѣмъ, что отклоняетъ отъ себя всякую солидарность съ мнѣніемъ воронежскаго корреспондента, но стремится его опровергнуть и поразить доводами съ *точки зрѣнія убѣжденія*. Новѣйшій прототипъ грибоѣдовскаго Скалозуба, лично нисколько и не заинтересованъ вопросами, о которыхъ идетъ рѣчь, и можетъ быть, какъ одинъ изъ героевъ мольеровскихъ комедій, еще до сихъ поръ не знаетъ, что онъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ говорилъ прозой. Напримѣръ г. Суворинъ говорилъ о благородномъ спектаклѣ въ Воронежѣ,—г. капитанъ Марковъ чистосердечно признается, что «*по дѣламъ службы*» онъ не присутствовалъ на этомъ спектаклѣ; г. Суворинъ говоритъ о воронежской знати,—г. капитанъ Марковъ увѣряетъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ этой знатью,—а между тѣмъ является самымъ слѣпымъ защитникомъ и воронежской знати и воронежскихъ спектаклей. Чѣмъ же вызвана филиппика коммисаріатскаго капитана, филиппика «дистанціи огромнаго размѣра»?. Въ чемъ заключается его опроверженіе? Послушаемъ его самого.

«Литературный двойникъ мой, пишетъ онъ, ратуетъ на неестественное будто бы отношеніе въ г. Воронежѣ *высшаго общества—аристократіи къ среднему классу—плебеямъ* (средній классъ—по мнѣнію капитана—плебеи!!!), на разъединеніе этихъ обществъ и на

сословные предразсудки. Мысли эти, какъ видите, не новы. Онѣ за 500 лѣтъ до нашей эры возмущали Римлянъ и, благодаря гласности настоящаго времени, высказываются громко, почти вездѣ, *и даже проявляются въ дѣйствіяхъ молодаго поколѣнія*. Но я не принадлежу и не могу принадлежать къ этому поколѣнію. Мое правило: *чинъ чина почитай*, или другими словами, *знай сверчокъ свой шестокъ*. Можетъ быть это правило несовременно, но знаю, *по долговременному опыту, что оно хорошо*. Да и къ чему авторъ письма обвиняетъ въ особенности жителей Воронежа въ предразсудкѣ или даже въ проступкѣ съ современной точки зрѣнія, когда этому предразсудку, *если* только можно назвать его предразсудкомъ, причастно въ большей или меньшей мѣрѣ все русское народонаселеніе и даже цѣлое человѣчество»..

Лучшее въ этой выпискѣ изъ протеста коммисаріатскаго капитана—это сравненіе Римлянъ съ воронежскими жителями: Римъ—и Воронежъ, римская аристократія и воронежскіе домовладѣльцы!.. Что можетъ быть лучше такого сближенія!

Г. В. Марковъ больше всего разсердился на корреспондента за то, что онъ тамошній Бобровскій клубъ, почему-то милый сердцу капитана, сравнилъ съ трактиромъ. Это обвиненіе больше всего его огорчило и онъ вооружился противъ него всѣми силами своего своеобразнаго краснорѣчія.

Можно-ли, послѣ чтенія выписокъ изъ письма Г. Маркова не вспомнить тебя, безсмертный Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ, не умирающій въ своихъ потомкахъ! можно-ли не воспѣть тебя, тебя, героя нашей русской Одиссеи, съ чувствомъ патріотической любви и гордости. И я воспою тебя, какъ могу, взволнованнымъ голосомъ на своей пятиструнной лирѣ, потому что эта пѣсня въ честь твоей памяти сложилась у меня невольно, сама собою и полна искренности и чистосердечія. Лучшею наградою за гимнъ будетъ то, если хоть одинъ воронежскій житель прочтетъ его и умилится своимъ чистымъ сердцемъ.

Вотъ этотъ гимнъ:

Памяти С. С. Скалозуба.

* *
*

Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Ни прогрессивный вѣкъ, ни гласность съ звономъ трубъ

Твой образъ не сотрутъ съ жестокостью упорной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

* *
*

Нѣтъ, весь ты не умрешь, въ забвеньи не утонешь,
Но дашь отростки намъ, какъ старый, мощный дубъ!
И мы найдемъ тебя, хоть заглянувъ въ Воронежъ,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

* *
*

И будетъ тѣмъ твой внукъ Воронежу любезенъ,
Что за гражданъ стоялъ и за Бобровскій клубъ,
И въ службѣ былъ, какъ ты, и точенъ и полезенъ,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

* *
*

Что Римлянъ кровь нашелъ въ родныхъ славянскихъ жилахъ,
Что далъ плебеямъ всѣмъ почувствовать свой зубъ,
И воскресилъ тебя въ чертахъ живыхъ и милыхъ,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ!

* *
*

Принципамъ прадѣда, о, внукъ, останься вѣренъ,
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный будь какъ Спартанецъ грубъ,
Обиды не страшись и съ старшимъ будь умѣренъ,
Какъ самъ безсмертный Скалозубъ...

* *
*

Перечитывая недавно цѣлую кипу офиціальныхъ отчетовъ, составленныхъ, распорядителями многихъ воскресныхъ школъ, я невольно радовался передъ приводимыми фактами общественнаго стремленія въ дѣлѣ общаго образованія, предъ многими доказательствами честнаго сочувствія этому учрежденію. Фактовъ такого рода дѣйствительно очень много утѣшительныхъ и пріятныхъ. Но мы на нихъ останавливаться не будемъ, а посмотримъ за кулисы этого дѣла, подойдемъ съ задняго крыльца, поближе: вѣдь не вездѣ же эта тишь да гладь, да Божья благодать. Каждое новое учрежденіе, каждое благое предпріятіе не вездѣ, къ несчастію, находитъ ревностныхъ исполнителей, и мы твердо увѣрены, что только постоянное и неутомимое преслѣдованіе темныхъ сторонъ общественной жизни и ея дѣятелей, можетъ способствовать къ уничтоженію недостатковъ и промаховъ, апатіи и обскурантизма.

Начну съ того, чему я самъ былъ не такъ давно свидѣтель въ одной

мужской воскресной школѣ. Въ то время, когда я пришелъ въ школу, въ ней уже начиналось преподаванiе. Я сѣлъ на задней скамьѣ и началъ прислушиваться. Съ перваго разу меня поразила какая-то небрежность и отсутствiе всякой мягкости въ обращенiи преподавателя съ учениками класса. При этомъ вся форма вѣжливости была соблюдена, потому что преподаватель говорилъ всѣмъ ученикамъ *вы*. Я сидѣлъ въ классѣ до тѣхъ поръ, пока преподаватель, разсерженный на многихъ учениковъ за ихъ непониманiе, не закричалъ на нихъ грозно:

— Эхъ, палки у меня нѣтъ! Всѣхъ васъ надо палкой!

Долѣе я сидѣть не могъ и выбѣжалъ изъ класса, справившись сначала объ имени преподавателя, думающаго вложить въ учениковъ понятливость посредствомъ палки. Имя его: *Л. П. П.* Тутъ же въ школѣ я узналъ, что сей ревностный педагогъ такъ запугалъ своимъ обращенiемъ учениковъ, что въ его классъ они ходятъ всегда со страхомъ, между тѣмъ какъ на уроки другихъ наставниковъ идутъ съ радостью и съ большой охотой... Вѣрно, палколюбцы не перевелись у насъ, даже въ самомъ Петербургѣ!

А вотъ нѣсколько фактовъ изъ хроники провинцiальныхъ воскресныхъ школъ, гдѣ невѣжеству и грубости еще большее раздолье. Въ Тулѣ, одинъ изъ ревностныхъ почитателей просвѣщенiя обратился къ одной извѣстной особѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ фабриканту, съ покорнѣйшею просьбою, чтобъ сей мужъ посовѣтывалъ своимъ фабричнымъ ходить въ школу.

Владѣлецъ фабрики не задумался на это отвѣчать слѣдующее:

— Грамотность—пустяки; для меня все равно, знаетъ-ли мой рабочiй читать или нѣтъ, лишь бы дѣло свое зналъ. Сдѣлалъ онъ мнѣ хорошо вещь—мнѣ нѣтъ нужды узнавать грамотный ты, или безграмотный? Къ чему жъ мнѣ его отъ дѣла отрывать и посылать въ ваши школы.

Желалъ бы я знать, какъ думаетъ объ этомъ Тульскомъ господинѣ капитанъ В. Марковъ: аристократъ онъ или плебей? Впрочемъ земляки г. Маркова—эти воронежскiе Римляне на своихъ холмахъ тоже дивныя дѣла творятъ. Недавно, тамъ, при разсужденiи о размѣрѣ платы за ученье въ женской гимназiи, многiе голоса подали слѣдующее мнѣнiе, что «плату за ученье *надобно назначить какъ можно выше*, потому де-скать, что гимназiя *должна исключительно служить среднему сословiю*, а то, пожалуй, дочь дворянина будетъ сидѣть на одной доскѣ съ дочерью кухарки и лакея...,

Это на чтожъ будетъ похоже!»... Совершенные Римляне! Ну, и Римлянки воронежскія съ честію носятъ свое достоинство передъ плебеями. Такъ на одномъ воронежскомъ вечерѣ, пріѣзжій даровитый актеръ рискнулъ попросить одну дѣвицу на туръ вальса. Что жъ вы думаете сдѣлалось отъ такого посрамленія съ дѣвицей? Въ обморокъ упала? Растерялась? Нѣтъ, она какъ истая Римлянка, съ гордымъ презрѣніемъ отвѣчала ему:

— Вы ошибаетесь: *я съ актерами не танцую.* Очевидцы говорятъ, что эта фраза была такъ сказана, что сама бы Ристори позавидовала... Вотъ еще о Воронежѣ: есть тамъ дѣтскій пріютъ; въ немъ двадцать пять дѣвушекъ изъ всѣхъ сословій. Преподавали въ пріютѣ до нынѣшняго года учителя уѣзднаго училища за весьма умѣренную плату. Но въ этомъ году, новая попечительница вдругъ отказала всѣмъ учителямъ, найдя болѣе выгоднымъ пригласить одного наставника *по всѣмъ предметамъ:* кантонистскаго унтеръ-офицера, который за 60 рублей въ годъ взялся обучать весь пріютъ. Хорошо будетъ обученіе—можно себѣ представить.

Къ семьѣ этихъ провинціальныхъ прогрессистовъ нельзя также не отнести учредителя несостоявшейся въ Вознесенскомъ посадѣ, Владимірской губерніи, *публичной библіотеки* преимущественно *для рабочаго класса*. Во время жаркаго спора по этому дѣлу, онъ предложилъ устроить рядомъ съ общественной залой маленькую комнату. На этотъ проэктъ сдѣлали самое понятное возраженіе: къ чему послужитъ этотъ чуланъ, когда вообще для всѣхъ читающихъ будетъ открыто довольно большое помѣщеніе? Тогда учредитель К. отвѣчалъ: «Помилуйте, господа! Стану-ли я сидѣть въ той же комнатѣ, гдѣ собирается «*разная шваль рабочаго народа.*» По этой причинѣ учрежденіе библіотеки и не осуществилось.

Перенесемся теперь въ г. Ливны, Орловской губерніи. Тамъ есть женское училище, основанное г.г. Горбовыми; въ немъ до 70 дѣвушекъ. Хотя назначеніе этого училища—доставить нѣкоторое образованіе дочерямъ людей *недостаточныхъ*, но въ немъ обучаются дѣти очень богатыхъ горожанъ и купцовъ 1-й гильдіи. Почетный блюститель училища М. А. Горбовъ, единственный человѣкъ, принимающій въ немъ живое участіе, пригласилъ въ него классную даму, съ тѣмъ, чтобъ она была главною надзирательницею и преподавательницею нѣкоторыхъ предметовъ. Старшій бургомистръ города обязался *отъ имени общества* платить надзирательницѣ ежегодно 300 р.

жалованья. Но когда дѣло дошло до расплаты, то все общество возопило: «не позволямъ, не позволямъ!» и не дало денегъ! По этому случаю, вотъ уже годъ, какъ г. Горбовъ платитъ г-жѣ надзирательницѣ свои собственныя деньги. Въ г. Ливнахъ болѣе 2000 жителей, въ числѣ которыхъ только нашелся одинъ честный человѣкъ, только *одинъ*!!

Упомяну кстати здѣсь о томъ, какъ нѣкоторые преподаватели воскресныхъ школъ, давая уроки, пускаются въ отвлеченности, и ставятъ тѣмъ въ тупикъ маленькихъ учениковъ своихъ. Въ Петрозаводскѣ, напримѣръ, былъ предложенъ въ классѣ школы такой вопросъ:

— «Что сильнѣе—*искать или желать?*»

Вопросъ, какъ видите, очень дикій. На него, разумѣется, никто не отвѣтилъ. Одинъ же пермскій преподаватель спросилъ учениковъ:

— «Что такое сонмище?» Молчаніе. Наставникъ самъ поспѣшилъ объяснить это слово.

— «*Сонмище—есть нѣкій малый синедріонъ*».

Куда теперь еще повести тебя, мой любезный читатель? Неужели, по примѣру присяжныхъ фельетонистовъ, разсказывать тебѣ о послѣднихъ фокусахъ пріѣзжаго профессора магіи и чернокнижія или перенести на сцену Александринскаго театра, гдѣ даются граціозныя живыя картины самаго идиллическаго содержанія? Нѣтъ, я лучше загляну на другой театръ — на театръ гласности — и покажу другія *живыя картины*, которыя хоть не такъ граціозны и изящны, какъ на александрійской сценѣ, зато очень поучительны и назидательны. Вѣдь у насъ еще нервы крѣпки — и мы можемъ выдержать много сильныхъ ощущеній. Не помню, кто-то сказалъ, (а можетъ быть и никто не говорилъ этого), что наши потомки, перечитывая лѣтопись XIX столѣтія, навѣрно предположатъ, что наши нервы были не тоньше морскаго каната, потому что надъ нами такъ безслѣдно проходилъ цѣлый рядъ многихъ печальныхъ явленій. Правда-ли это?

И такъ мы въ «театрѣ гласности». Актеры — наши соотечественники; арена — цѣлая Русь. Есть гдѣ разгуляться таланту, и, какъ мы увидимъ, онъ дѣйствительно развернулся во всю ширину.

Начнемъ хоть съ богоспасаемаго города Нерехты Костромской губерніи. Въ городѣ, какъ слѣдуетъ, есть городничій, надворный совѣтникъ Радовичъ, а у надворнаго совѣтника есть супруга; это тоже какъ слѣдуетъ. Отчего нерехтскому городничему не имѣть за-

конной супруги — дѣло богоугодное! Приходитъ однажды надворная совѣтница въ лавку городскаго бургомистра Говорова, и требуетъ у его жены отпустить ей въ долгъ товару. Г-жа Говорова, не зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, отказала ей и спросила г-жу Радовичь о ея званіи и кто она такая?

Начальница г. Нерехты пришла въ *кавалерское* негодованіе и, какъ туча вышла изъ лавки, только произнеся:

Кто я? Ты вотъ послѣ узнаешь, кто я!... погоди.»

О мѣрѣ своей вины, и объ имени неизвѣстной грозной дамы г-жа Говорова узнала въ тотъ же день въ городскомъ острогѣ, куда была посажена вмѣстѣ съ какою-то преступницей. Мщеніе нерехтскихъ Филемона и Бавкиды возбудило общій говоръ и дошло до начальника губерніи. Начальникъ Костромской губерніи назначилъ произвести по этому дѣлу формальное слѣдствіе и, признавъ распоряженіе г. городничаго *неумѣстнымъ*, предписалъ «вести себя особенно вѣжливо при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей и дѣлать распоряженія осмотрительнѣе», Тѣмъ дѣло и кончено. Развѣ все это, господа, не поучительно?!

Но дѣйствіе не ждетъ и декораціи перемѣняются. Мы уже не въ Нерехтѣ, а въ Полтавской губерніи. Тамъ, въ Прилукскомъ уѣздѣ, въ селѣ Вейсбаховѣ живетъ помѣщикъ г. Корбе, имѣющій конный заводъ и огромную псарню съ полнымъ комплектомъ псарей, доѣзжачихъ и стремянныхъ. Охотясь за птицей да за пушнымъ звѣремъ, г. Корбе отличается иногда и другими подвигами. Вотъ его послѣдній подвигъ. Вздумалось ему нынѣшней зимой отправиться на охоту со всей своей свитой. Нужно къ этому прибавить, что дороги въ Малороссіи, отъ огромныхъ сугробовъ, были почти непроходимы; для необходимости сообщенія между большими селами были проторены лишь узкія дорожки. По этимъ то дорожкамъ и ѣхалъ г. Корбе со своею дружиной. Къ несчастію, навстрѣчу имъ попался длинный обозъ изъ десяти подводъ съ овсомъ г-жи Храповицкой. На узкой тропинкѣ три тройки г. Корбе съѣхались съ обозомъ. «*Сворачивай*», крикнулъ грозный голосъ изъ саней. Мужики засуетились, чтобъ дать дорогу тройкамъ, но ихъ волы съ демократическимъ упорствомъ заупрямились: никакими силами нельзя было ихъ заставить съ тяжелыми возами своротить въ глубокій снѣгъ. Тогда крестьяне стали просить г. Корбе, чтобы *онъ* посторонился съ своимъ поѣздомъ, и

далъ имъ проѣхать. Такая просьба взбѣсила его и онъ, обращаясь къ своимъ закричалъ: «Бейте ихъ! Сворачивай!»

— «Да щожъ, добродію, робить», отвѣчали крестьяне: «колы не можно и худобы спыхнуть зъ місця? Вы жъ сами бачите?..»

— «А, канальи!» — заревѣлъ баринъ, еще смѣете со мною разговаривать... Бейте ихъ! валяйте!»

— Хорошенько ихъ! пусть знаютъ, кто ѣдетъ! Мужики разумѣется разбѣжались въ разныя стороны, но волы, какъ воплощенная идея терпимости, не двигаясь, выносили удары и двухъ шаговъ не дѣлали съ мѣста. Тогда гнѣвъ гуманнаго Корбе совершенно вышелъ изъ границъ, и онъ грозно крикнулъ: «*опрокидывай возы*». Возы были повалены на бокъ въ глубокій снѣгъ. Поѣздъ, при громкихъ крикахъ, проскакалъ, а бѣдные мужики должны были провозиться въ полѣ нѣсколько часовъ, перекладывая воловъ своихъ. А объ овсѣ и говорить нечего: имъ посѣяны были снѣжные сугробы дороги.

И въ какія времена случаются такія исторіи? Это происходитъ въ настоящее время, когда и т. д.»

Наконецъ вотъ еще одинъ случай, не лишенный интереса. Въ одной изъ полковыхъ библіотекъ, на 90 рублей жертвуемыхъ офицерами (по 3% съ жалованья) назначены были къ выпискѣ: Русскій Вѣстникъ, Современникъ, Отечественныя Записки, Московскія Вѣдомости, Руская Рѣчь, Военный Сборникъ, Артиллерійскій Журналъ, а изъ книгъ Исторія Россіи г. Соловьева, уже въ кредитъ... По заведенному порядку списокъ пошелъ предварительно на утвержденіе *нáбольшаго*, который, не стѣсняясь тѣмъ, что собранныя деньги собственность офицеровъ, положилъ резолюцію, что въ спискѣ *значится* много журналовъ, а *книгъ сколько нибудь поучительныхъ* (опять Скалозубъ!) ни одной нѣтъ, и что посему вмѣсто нѣкоторыхъ журналовъ должны быть выписаны книги *болѣе полезныя къ образованію* гг. офицеровъ...

При этомъ рождается невольный любопытный вопросъ: о какихъ поучительныхъ книгахъ говоритъ резолюція новаго Скалозуба?

Но пока довольно, слишкомъ довольно. Пора отдохнуть и мнѣ и вамъ, господа. До свиданья!

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 27.

(Мартъ 1861 года).

Нѣсколько замѣчаній о шахматномъ сочиненіи князя Урусова.—Странная исторія Морфи съ Дикономъ.—Партіи: Зуле съ Гиршфельдомъ и Майетомъ, Андерсена съ Гиршфельдомъ. — Руководство къ изученію шахматной игры соч. князя С. Урусова (статья 12-я). — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Приступая въ настоящемъ выпускѣ Шахматнаго Листка къ печатанію второго отдѣла *Руководства къ изученію шахматной игры*, отдѣла посвященаго дебютамъ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу этой части труда князя Урусова; не съ тѣмъ, чтобъ подвергнуть ее подробному критическому разбору, а единственно съ цѣлію пояснить любителямъ, какимъ образомъ, по нашему мнѣнію, надлежитъ смотрѣть на этотъ отдѣлъ *Руководства*, чтобъ оцѣнить по достоинству остроумныя замѣчанія автора о нѣкоторыхъ началахъ игоръ.

Князь Урусовъ приписываетъ гораздо болѣе значенія такъ называемымъ окончаніямъ, нежели дебютамъ; изслѣдованіе первыхъ составляетъ, по его мнѣнію, всю шахматную теорію, дебюты же— ничто иное какъ примѣненіе ея къ практикѣ. Авторъ выразилъ это самымъ положительнымъ образомъ, назвавъ первый отдѣлъ своего сочиненія, имѣющій предметомъ окончанія,—*теоріей*, а второй, заключающій дебюты,— *практикой*. Онъ полагаетъ, что заучиванье

дебютовъ, обременяя память, притупляетъ умъ и дѣлаетъ его неспособнымъ къ вѣрнымъ соображеніямъ въ живой игрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что простое заучиванье не только дебютовъ, но чего бы то ни было, никуда не годится; надо изучать, а не заучивать наизустъ. Но мы не можемъ согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что «излишнія теоритическія занятія вредно дѣйствуютъ «на характеръ; въ рѣшительную минуту, когда нужно дѣйствовать, «является рой мыслей, которыя порождаютъ нерѣшительность». Во-первыхъ, теоретическія занятія, если они только ведены раціонально, никогда и ни въ чемъ не могутъ быть излишни, а во вторыхъ, изученіе дебютовъ не только не размножаетъ до чрезвычайности число мыслей, что было бы дѣйствительно вредно въ практической игрѣ, но напротивъ того, даетъ возможность устранять множество комбинацій, которыя, при отсутствіи теоретическихъ знаній, непремѣнно возникнутъ въ головѣ играющаго. Пояснимъ это самымъ простымъ примѣромъ. Положимъ, что послѣ ходовъ 1. $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2. $\frac{g1-f3,}{}$ вы хотите защитить атакованную конемъ пѣшку; если вы не знакомы съ теоріей, то вамъ придется мысленно разбирать всѣ представляющіяся къ тому средства, а именно: 2. $\frac{}{f7-f6,}$ 2. $\frac{}{d8-f6,}$ 2. $\frac{}{d8-e7,}$ 2. $\frac{}{b1-c3,}$ 2. $\frac{}{d7-d6}$; если же вамъ уже извѣстно, что первые три способа нехороши, — а это сказано и доказано во всякомъ порядочномъ руководствѣ,—то остается выбрать только между двумя послѣдними. Всякій знаетъ, что любители изучавшіе теорію играютъ начало партіи чрезвычайно скоро, почти не думая, такъ сказать машинально. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ на каждый изъ первоначальныхъ ходовъ противника имъ уже заранѣе извѣстно наилучшее отвѣтное движеніе; игрокъ начинавшій партію предпринимаетъ какую ни будь уже изслѣдованную наукою атаку, его противъ такого же рода оборону, и дѣло идетъ какъ нельзя глаже и быстрѣе впродоженіе семи, десяти, а иногда (смотря по дебюту) и большаго числа ходовъ. Совсѣмъ иное встрѣчаемъ у игроковъ, не занимавшихся шахматами научно; они, съ самаго начало партіи, колеблются въ выборѣ ходовъ, безпрестанно переходятъ отъ одного плана къ другому и нерѣдко тратятъ по пусту время, соображая мысленно атаки и обороны давно осуж-

денныя наукою; у нихъ то именно является тотъ *рой мыслей*, который авторъ *Руководства*, вполнѣ основательно признаетъ вреднымъ играющему. Не надобно забывать, что сколь не многочисленны правильные варіянты нѣкоторыхъ дебютовъ, все же число ихъ несравненно меньше числа всѣхъ возможныхъ въ данный моментъ ходовъ, а потому знаніе ихъ во всякомъ случаѣ упрощаетъ вопросъ о выборѣ предстоящаго хода.

Понятно, что при такомъ воззрѣніи на дебюты, кн. Урусовъ посвятилъ имъ лишь незначительную долю своего труда, обративъ главное вниманіе на разборъ - концевъ партій. О нѣкоторыхъ дебютахъ вовсе не говорится въ *Руководствѣ*, о другихъ упоминается чрезвычайно кратко; только весьма немногіе изложены съ нѣкоторою подробностью, хотя и тутъ число разбираемыхъ варіянтовъ крайне ограничено. Ставить это автору въ упрекъ было бы несправедливо, такъ какъ указанная нами краткость въ изложеніи дебютовъ, совершенно послѣдовательна его основному на нихъ воззрѣнію. Къ тому же, авторъ имѣлъ вѣроятно въ виду читателей уже знакомыхъ съ теоріею игры и слѣдовательно не нуждающихся въ подробныхъ объясненіяхъ. Оканчивая разсмотрѣніе какого нибудь варіянта словами *бѣлые выигрываютъ* или *черные выигрываютъ*, онъ никогда не объясняетъ, въ чемъ именно заключается преимущество той или другой стороны, хотя оно иногда далеко не очевидно; ясно, что авторъ расчитывалъ на читателей уже опытныхъ въ шахматномъ дѣлѣ. Тоже предположеніе подтверждается и самымъ порядкомъ изложенія дебютовъ и ихъ варіянтовъ. Такъ напримѣръ, приступая къ группѣ дебютовъ королевскихъ, кн. Урусовъ начинаетъ съ гамбита, понять истинный смыслъ котораго игроку не знающему теоріи очень трудно, почему и принято во всѣхъ современныхъ руководствахъ излагать предварительно выходъ королевскаго слона и коня; или, разсматривая слоновый гамбитъ, прежде всего приводитъ защиту 3. $\overline{\text{g3 — f6}}$, которую, по справедливости, считаетъ лучшею, въ то время какъ объяснить любителю мало опытному выгоды этого хода, можно не иначе, какъ доказавъ предварительно несостоятельность столь естественно представляющейся обороны посредствомъ шаха ферземъ.

*

Припомнимъ, что авторъ въ самомъ началѣ своего сочиненія, говоритъ, что его надлежитъ разсматривать не какъ полное руководство игры, а только какъ *опытъ* новаго способа преподаванія шахматной теоріи.

Если мы говоримъ, что неполнота и отсутствіе строгой системы въ порядкѣ изложенія *Руководства* оправдываются воззрѣніемъ и цѣлію автора, то никакъ не можемъ сказать того же о странномъ раздѣленіи всѣхъ дебютовъ на неправильные и *одинъ правильный* (1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e6}$). Такое раздѣленіе не только чрезвычайно неудобно и не согласно со всѣми существующими или даже когда либо существовавшими классификаціями дебютовъ, но оно сверхъ того противорѣчитъ, какъ сей часъ увидимъ, одному изъ основныхъ убѣжденій автора. Сколь ни странно это раздѣленіе, но оно могло бы быть въ нѣкоторой мѣрѣ оправдано, если бы кн. Урусовъ полагалъ, что ходъ 1. $\frac{\quad}{e7 - e6}$ представляетъ единственное средство привести игру къ розыгрышу, тогда какъ при всякомъ другомъ началѣ, партія, говоря теоритически, должна быть выиграна игрокомъ имѣвшимъ первый ходъ. Но въ томъ то и дѣло, что авторъ думаетъ иначе; по его мнѣнію побѣда всегда, даже и при защитѣ 1. $\frac{\quad}{e7 - e6}$, должна остаться за начинавшимъ партію. Чѣмъ же послѣ того эта защита такъ рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ, что ее одну слѣдуетъ признать правильною, заклеймивъ остроумнѣйшія комбинаціи шахматной игры (giuoco piano, дебютъ Лопеца, всѣ гамбиты и пр. и пр.) названіемъ неправильныхъ дебютовъ?

Но основательно ли убѣжденіе автора о выгодѣ перваго хода, дѣйствительно ли партія игранная обѣими сторонами съ идеальнымъ совершенствомъ, окончится не розыгрышемъ, какъ это думаютъ всѣ современные шахматные писатели, а побѣдою начинавшаго? Говорятъ, что таково было мнѣніе Филидора. Оно однако не совсѣмъ такъ; правда, въ первомъ изданіи своего сочиненія, Филидоръ, при концѣ первой перемѣны второй партіи (Analyse du jeu des échecs изд. 1749 г. стр. 24) сказалъ, безъ всякихъ впрочемъ доказательствъ, что при правильной игрѣ начинавшій почти всегда выиграетъ. Одно это *почти* обнаруживаетъ уже какъ мало Филидоръ обдумалъ предметъ. Если партія *идеально правиль-*

ная (*) т. е. такая, въ которой и черные и бѣлые постоянно дѣлаютъ *наилучшіе* ходы, должна быть выиграна разъ, то уже и всегда; говорить тутъ *почти*, также странно, какъ еслибъ кто нибудь сказалъ напримѣръ, что радіусы круга почти всегда равны между собою. Вѣроятно прибавленіемъ частички presque Филидоръ хотѣлъ немножко смягчить рѣзкость своего тезиса; впослѣдствіи однако онъ увидѣлъ, что и въ этой формѣ мысль слишкомъ смѣла, и при второмъ изданіи своего сочиненія въ 1777 году выпустилъ приведенное выше положеніе о выигрышѣ начинавшаго партію; такимъ же образомъ поступилъ онъ съ другимъ, тоже слишкомъ смѣлымъ тезисомъ, въ которомъ утверждалъ, что послѣ ходовъ: 1. $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2. $\frac{g1-f3}{d7-d6}$ 3. $\frac{f1-c4 \text{ или } d2-d4}{f7-f5}$, (такъ называемый контръ-гамбитъ Филидора) черные непремѣнно выигрываютъ (**). Очевидно, что убѣдившись съ лѣтами (***) въ бездоказательности двухъ вышеприведенныхъ мнѣній, Филидоръ отъ нихъ отступился. И такъ, не основательно было бы опираться на авторитъ Филидора въ вопросѣ о значеніи выступки (le trait) относительно результата игры.

Одинъ только писатель (до кн. Урусова) положительно утверждалъ, что начинающій долженъ, разумѣется только съ теорической точки зрѣнія, всегда выиграть: это сициліянецъ Каррера, но доводы его крайне неудовлетворительны. Полагая, что читателямъ любопытно будетъ ознакомиться съ наивной аргументаціей стариннаго сициліянскаго писателя, приводимъ въ цѣлости небольшую главу его сочиненія, въ которой онъ разсуждаетъ о выгодѣ перваго хода. (IV)

(*) Понятно, что весь вопросъ о *такой* именно партіи; въ играхъ дѣйствительныхъ всегда бываютъ ошибки (т. е. не наилучшіе ходы) и выигрываетъ тотъ кто сдѣлалъ ихъ меньше.

(**) Книга 1777 года заключаетъ два отдѣла; первый изъ нихъ ничто иное какъ почти буквальное повтореніе перваго изданія, второй посвященъ новымъ дебютамъ и окончаніямъ.

(***) При изданіи книги въ 1749 году Филидиру было только 23 года.

(IV) Сочиненіе Il giuoco degli Scacchi, Глава IX подъ названіемъ: Se la scienza del giuoco sia terminata.

«Богъ, высшій творецъ всего сущаго, восхотѣлъ, дабы человѣкъ, «въ своей слабости, нигдѣ не достигалъ полнаго совершенства. Такъ «мы знаемъ, что даже тѣ люди, которые почитаются за совершен-«нѣйшихъ въ искусствахъ и наукахъ, порой ошибаются и оказы-«ваются недостаточными одинъ въ томъ, другой въ другомъ пред-«метѣ. Не смотря на то, мы увѣрены, что искусства и науки имѣ-«ютъ свои предѣлы. Тоже самое замѣчаемъ относительно игры и «шахматныхъ игроковъ. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что игра «сама по себѣ ограничена, но она безгранична въ отношеніи играю-«щихъ. Въ доказательство того привожу Сиракузянина (Паоло-Бои), «который принадлежалъ къ первымъ игрокамъ Европы и все таки, по-«добно всѣмъ другимъ, часто ошибался въ игрѣ. Это я могу засви-«дѣтельствовать, ибо въ 1597 году, впродолженіи трехъ мѣсяцевъ «сряду, видѣлъ его играющимъ въ городѣ Палермо противъ баро-«на Сикуліана. Предположимъ однако, что два знаменитые игрока, «достигшіе вершины шахматнаго знанія (**scienza degli scacchi**), «такъ, что они равны между собою какъ самые точные вѣсы, ста-«ли бы играть другъ съ другомъ, не дѣлая притомъ никогда ошиб-«ки; который изъ нихъ, по самой сущности игры, долженъ бы «былъ остаться побѣдителемъ? Полагаютъ, что игра была бы ничья, «но это кажется не вѣрно, ибо тотъ долженъ побѣдить, кто имѣлъ «первый ходъ. Такъ точно какъ это произошло бы между двумя «ровными по скорости бѣга лошадьми, изъ которыхъ одна сдѣлала «бы первый скачекъ раньше другой; кто можетъ оспаривать, что «она выиграла бы чрезъ то призъ? Тоже и съ первымъ ходомъ, «ибо отъ него происходитъ хорошее расположеніе игры, перевѣсъ «пѣшекъ и офицеровъ и наконецъ побѣда».

Нужно ли говорить, что сравненіе Карреры не вѣрно? Чтобъ получить призъ на скачкѣ, достаточно обогнать соперника на *сколько нибудь*, а для побѣды въ шахматахъ, необходимо пріобрѣсти *извѣстный* перевѣсъ, такой именно, который даетъ возможность сдѣлать матъ. Это то обстоятельство упускаетъ, кажется, изъ виду и кн. Урусовъ,—утверждая, что выступка должна имѣть послѣдствіемъ выигрышъ. Конечно, доводы его гораздо основательнѣе голословнаго утвержденія Филидора и смѣшнаго

уподобленія Карреры, но и они неубѣдительны. Онъ постоянно возвращается къ тому, что такъ какъ ходами очередуются, то абсолютнаго равенства установиться не можетъ и преимущество всегда останется на сторонѣ имѣвшей первый ходъ. Согласны; но гдѣ же доказательства, что это преимущество достаточно для производства мата? Положимъ, что начинавшій партію сохранитъ напримѣръ пѣшку, но такую, которая задерживается непріятельскимъ королемъ, или у него останется конь противъ одинокаго короля, или наконецъ два мелкихъ офицера противъ ладьи; все это безспорно, *преимущества*, — а игра все таки ничья. Сверхъ того кн. Урусовъ приводитъ нѣсколько окончаній, въ которыхъ, при ровномъ числѣ и тождественной разстановкѣ шашекъ, участь борьбы зависитъ отъ первенства хода, изъ чего заключаетъ, что такъ какъ въ первоначальномъ положеніи игры встрѣчаются тѣже условія (равенство силъ и тождественная разстановка), то и тутъ выигрышъ на сторонѣ начинающаго. Но во первыхъ, сравненіе не есть еще доказательство, а во вторыхъ, тождественность разстановки, существующая передъ начатіемъ партіи, нарушается съ первыхъ же ходовъ и если игра приходитъ иногда (весьма впрочемъ рѣдко) вновь къ одинакому расположенію обоихъ票 становъ, то это въ слѣдствіе случайныхъ комбинацій, а вовсе не по волѣ игрока, имѣвшаго первый ходъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о томъ, чѣмъ, съ точки зрѣнія теоріи, должна оканчиваться шахматная партія: розыгрышемъ или выигрышемъ начинавшаго, можетъ быть рѣшенъ (по нашему мнѣнію онъ уже и рѣшенъ) единственно точнымъ анализомъ дебютовъ. Если этотъ анализъ приводитъ къ заключенію, что, при лучшей даже оборонѣ, выгоды перваго хода не только не уменьшаются, но возрастаютъ съ теченіемъ партіи, тогда, очевидно, игра выигрывается начинавшимъ; если же напротивъ того, анализъ обнаруживаетъ возможность такой защиты, вслѣдствіе которой, послѣ извѣстнаго числа ходовъ, игра уравнивается, тогда она должна имѣть исходомъ ничью. Всѣ современные писатели держутся послѣдняго мнѣнія, признавая единоглаено, что послѣ ходовъ 1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e6}$ 2. $\frac{d2 - d4}{d7 - d5}$ 3. $\frac{e4 - d5^{\circ}}{e6 - d5^{\circ}}$ 4. $\frac{g1 - f3}{g8 - f6}$ 5. $\frac{c1 - d3}{c8 - e6}$ 6. $\frac{f1 - d3}{f8 - d6}$ 7. $\frac{0 - 0}{0 - 0}$ игра совершен-

но равна и что въ этомъ положенiи, право бѣлаго играть первому не даетъ ему уже существеннаго перевѣса.

Кн. Урусовъ съ этимъ не согласенъ. Кони, говоритъ онъ, введены въ. игру, слоны направлены на слабые пункты; стало быть атака не прекращена, что и подтверждается опытомъ, показывающимъ, что истинная атака начинается въ этомъ дебютѣ именно послѣ седьмаго хода. На это мы возразимъ, что 1) Положенiе коней и слоновъ одинаково съ обѣихъ сторонъ 2) Атака не имѣетъ еще непремѣннымъ слѣдствiемъ выигрышъ; есть очень сильныя атаки, которыя могутъ быть вполнѣ отражены (*) 3) Для доказательства превосходства положенiя бѣлыхъ, недостаточно сказать, что *атака есть*, надо вывести, что она сильнѣе съ ихъ стороны, чѣмъ со стороны черныхъ 4) Если опытъ показываетъ, что въ нормальномъ дебютѣ атака усиливается послѣ седьмаго хода, то опытъ же свидѣтельствуетъ, что она почти такъ же часто обнаруживается со стороны черныхъ, какъ и со стороны бѣлыхъ, и стало быть происходитъ не отъ превосходства положенiя сихъ послѣднихъ, а единственно отъ усложненiя партiи, въ слѣдствiе котораго каждому изъ играющихъ легко сдѣлать ошибку, дающую непрiятелю возможность нападенiя 5) Говоря что бѣлые могутъ начать теперь атаку, слѣдовало непремѣнно показать какимъ именно ходомъ.

Если мы не вовсемъ согласны съ мнѣнiями кн. Урусова, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы не признавали въ тоже время за его книгою весьма существенныхъ достоинствъ. Мысль автора начинать изъясненiе шахматной теорiи не съ дебютовъ, какъ это обыкновенно дѣлается, а съ окончанiй, заслуживаетъ полнаго одобренiя. Многiе концы партiй разобраны кн. Уросовымъ съ замѣчательною точностiю и остроумiемъ. Въ дебютахъ тоже встрѣчаются новые, мастерскiе маневры, вполнѣ подтверждающiе наше высокое мнѣнiе о шахматномъ талантѣ автора: достаточно указать на пре-

---

(*) Насъ могутъ спросить, въ чемъ же заключается сила этихъ атакъ? Въ томъ, что для отраженiя ихъ потребны именно извѣстные ходы защищающагося и что слѣдовательно, при малѣйшей ошибкѣ, онъ проиграетъ.

восходную, изобрѣтенную имъ атаку противъ такъ называемаго контръ-гамбита Филидора, уже знакомую читателямъ Листка изъ отвѣта кн. Урусова на статью г-на Петрова. Рѣшить справедливо ли наше сужденіе о трудѣ кн. Урусова, дѣло любителей и знатоковъ игры; мы съ своей стороны отвѣчаемъ только за искренность и безпристрастіе нашихъ мнѣній.

Впрочемъ, русскому шахматному журналу не трудно быть безпристрастну; какое тутъ пристрастіе когда и самыхъ страстей нѣтъ. Не много людей интересуются у насъ шахматными вопросами и ужъ конечно никто не придетъ въ азартъ отъ того, правда ли, что Морфи не принимаетъ вызовъ Колиша, слѣдовало ли кн. Урусову въ шестой партіи съ Петровымъ, давать двацать первымъ ходомъ шахъ ферземъ на h2 или нѣтъ и т. п. Не то за границей; тамъ всякое состязаніе извѣстныхъ игроковъ, всякое сколько нибудь замѣчательное шахматное событіе, живо интересуетъ любителей и нерѣдко бываетъ причиною продолжительной и ожесточенной журнальной полемики. Представте себѣ, что вотъ уже болѣе года какъ между англійскими и американскими журналами не стихаетъ перепалка, по поводу не слишкомъ по видимому важнаго вопроса о томъ игралъ ли Морфи, во время пребыванія своего въ Англіи, съ тамошнимъ любителемъ Дикономъ или нѣтъ. Разскажемъ вкратцѣ эту странную и даже отчасти скандальную исторію.

Въ шахматномъ отдѣлѣ Лондонской Иллюстраціи, которымъ завѣдуетъ знаменитый Гоуардъ Стоунтонъ, напечатаны были 17 декабря 1859 г. двѣ партіи Морфи и съ Дикономъ. Нью-іоркскій журналъ **Chess Monthly** объявилъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что эти партіи вымышленныя, что Морфи никогда не игралъ съ Дикономъ, а что еслибъ игралъ, то конечно не иначе, какъ давая ему по крайней мѣрѣ пѣшку и ходъ впередъ, такъ какъ онъ съ успѣхомъ состязался на этихъ условіяхъ съ Оуеномъ, который сильнѣе Дикона. Г. Стаунтонъ, заключаетъ **Chess Monthly**, намѣревается включить эти игры въ приготовленную имъ къ изданію книгу **Chess Praxis** (*) а потому считаемъ долгомъ предостеречь любителей отъ этого

(*) Онѣ дѣйствительно помѣщены въ этомъ сборникѣ партій.

сочиненія, ибо судя по вышеизьясненному, нельзя сказать сколько тутъ будетъ партій дѣйствительныхъ и сколько подложныхъ; во всякомъ случаѣ мы увѣрены, что Морфи будетъ выставленъ въ сочиненіи Стаунтона въ невыгодномъ свѣтѣ.

Статья разумѣется не осталась безъ отвѣта; Диконъ печатно объявилъ, что партіи отнюдь не вымышленныя, что онѣ дѣйствительно были играны въ такой то день, въ Лондонѣ, въ **British Hotel** и что это можетъ засвидѣтельствовать находившійся при состязаціи двоюрдный братъ его, полковникъ Диконъ. Американцы однако не разубѣдились, а еще съ большимъ ожесточеніемъ напали на Стаунтона и завязалась безвыходная полемика: игралъ, неигралъ; правда, неправда; вы лжете, нѣтъ *вы* лжете,.... и такъ добезконечности. Положеніе Стаунтона во всемъ этомъ было не совсѣмъ пріятно; съ одной стороны американскіе журналы кричатъ, что онъ обманываетъ своихъ читателей, сообщая имъ фальшивыя партіи, съ другой англичане, хотя и держатъ его сторону, но въ тоже время настоятельно требуютъ свидѣтельства двоюрднаго брата Дикона, которое одно и можетъ кончить споръ. И вотъ теперь, черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, появилось это такъ долго ожидаемое свидѣтельство. Въ довольно длинномъ и очень туманномъ письмѣ, напечатанномъ въ Лондонской Иллюстраціи, полковникъ Диконъ говоритъ, что онъ *могъ бы* представить ясныя доказательства справедливости показаній своего брата, но *не хочетъ* представить ихъ, на томъ основаніи, что американскіе журналы выражались слишкомъ рѣзко и неприлично. Это что то подозрительно. Понятно, что разсерженный дѣйствительно не совсѣмъ приличными нападками американцевъ, онъ могъ бы вовсе отказаться входить въ какое бы то нибыло объясненіе, но дать объясненіе, только крайне не убѣдительное,—это странный способъ наказывать непріятелей за грубость. Не предположить ли скорѣе что партіи точно никогда небыли играны или покрайней мѣрѣ, полковникъ Диконъ при нихъ не присутствовалъ?

Какъ бы то ни было, невинность самаго Морфи во всѣмъ этомъ дѣлѣ можетъ быть доказано очень просто. Во время пребыванія своего въ Европѣ онъ съигралъ огромное число партій и никогда, никому не мѣшалъ печатать и коментировать ихъ какъ угодно, хотя

извѣстная часть этихъ партій проиграна имъ, а нѣкоторыя играны имъ даже довольно слабо. Съ какой же стати послѣ этого вломился бы онъ вдругъ въ претензію изъ за двухъ вовсе не замѣчательныхъ партій съ еще менѣе замѣчательнымъ мистеромъ Дикономъ? Ясно, что онъ или не игралъ съ этимъ джентельменомъ или позабылъ что игралъ. Предположить чтобъ Морфи, помня дѣйствительность факта, началъ отрицать его безъ всякой надобности, безъ всякой цѣли и повода, да еще подъ опаспостью быть обличеннымъ въ неправдѣ, абсолюдно невозможно. Что касается грубаго тона на американскихъ журнальныхъ статей, то надо замѣтить что ни одна изъ нихъ не принадлежитъ Морфи; онъ, съ своей стороны, только разрѣшилъ журналу Chess Monthly заявить, что никогда не игралъ съ Дикономъ. Стало быть и въ этомъ отношеніи Морфи нисколько не виноватъ.

Такъ, полагаемъ мы, будутъ разсуждать объ этотъ шахматномъ скандалѣ всѣ безпристрастные любители; но Стаунтонъ думаетъ иначе: онъ всю вину сваливаетъ на Морфи и его пріятелей, а запоздалое, крайне неубѣдительное полковничье письмо считаетъ рѣшительнымъ противъ нихъ доказательствомъ. Вообще, въ послѣднее время, Стаунтонъ что то очень не благоволитъ къ американскому Филидору. Онъ старается напримѣръ внушить своимъ читателямъ мысль будто Морфи трруситъ сразиться съ Колишемъ и уклоняется отъ состязанія съ нимъ, тогда какъ за венгерца предлагаютъ уже держать значительное пари. Справедливо ли въ этомъ случаѣ обвиненіе Стаунтона мы рѣшить не можемъ за неимѣніемъ еще довольно точныхъ свѣдѣній о томъ, дѣйствительно ли Колишъ посылалъ вызовъ Морфи, и какой получилъ на него отвѣтъ.

ПАРТІЯ № 177.

КОНТРЪ-ГАМБИТЪ ФИЛИДОРА.

(Играна въ Берлинѣ весною 1860 г.)

Гиршфельдъ. (Бѣлые)	Зуле. (Черные)		
1) e2 — e4	e7 — e5	2) g1 — f3	d7 — d6
		3) d2 — d4	f7 — f5
		4) d4 — e5°	f5 — e4°

5) f3 — g5	d6 — d5	17) b4 — b5	c6 — e5
6) e5 — e6	g8 — h6	18) c5 — a7°	d8 — e8 (3)
7) f2 — f3 (1)	e4 — e3 (2)	19) 0—0—0 (4)	d7 — d6
8) c1 — e3°	f8 — e7	20) e2 — e3	b7 — b6
9) f3 — f4	e7 — g5°	21) c3 — e4	d6 — e7
10) f4 — g5°	h6 — f5	22) a7 — b6°	c7 — b6°
11) e3 — c5	c8 — e6°	23) e3 — b6°	e7 — a3+
12) d1 — e2	d8 — d7	24) c1 — b1	d5 — e4°
13) g2 — g4	f5 — e7	25) c2 — c4	e8 — e7
14) b1 — c3	b8 — c6	26) d1 — d6	e7 — b7
15) h2 — h3	0—0—0	бѣлыя сдаются.	
16) b2 — b4	e7 — g6		

Примѣчанія къ партіи № 177.

(1) Этотъ ходъ встрѣчается первый разъ въ сочиненіи г-на Яниша, который призналъ его единственнымъ дающимъ перевѣсъ бѣлымъ (Anal. Nouv. т. II стр. 53); Гейдебрандъ также считаетъ его наилучшимъ ходомъ изъ всѣхъ возможныхъ въ настоящемъ положеніи (Handb. изд. 1858 г. стр. 82); но послѣ остроумнаго замѣчанія кн. С. Урусова о контръ-гамбитѣ Филидора, мы полагаемъ, что атака 7 b1 — c3 сильнѣе.

(2) Совершенно новый ходъ, имѣющій можетъ быть послѣдствіемъ полное отраженіе атаки 7. f2 — f3; его необходимо подвергнуть подробному анализу.

(3) Теперь черные пріобрѣли значительное превосходство положенія.

(4) Въ настоящемъ положеніи это лучшій ходъ, но и онъ не спасаетъ уже партіи.

ПАРТІЯ № 178.

ГАМБИТЪ-ЭВАНСА.

(Играна въ Берлинѣ лѣтомъ 1860 г.)

Зуле. (Бѣлые.)	Гиршфельдъ. (Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e5	2) g1 — f3	b8 — c6
		3) f1 — c4	f8 — c5
		4) b2 — b4	c5 — b4°

5)	c2 — c3	b4 — c5
6)	0 — 0	d7 — d6
7)	d2 — d4	e5 — d4°
8)	c3 — d4°	c5 — b6
9)	b1 — c3	c8 — g4
10)	c4 — b5	e8 — f8
11)	c1 — e3	h7 — h5
12)	a2 — a4	a7 — a5
13)	c3 — d5	b6 — a7
14)	a1 — c1	g8 — e7
15)	d5 — c7°	d8 — c7°
16)	d4 — d5	a7 — b8
17)	d5 — c6°	b7 — c6°
18)	e3 — f4	g7 — g5
19)	f4 — g5°	d6 — d5
20)	d1 — d4	h8 — g8
21)	g5 — e7° +	c7 — e7° (1)
22)	c1 — c6°	b8 — a7
23)	d4 — c3	e7 — e4°
24)	f1 — e1	g4 — f3° (2)
25)	e1 — e4°	g8 — g2° +
26)	g1 — f1	d5 — e4° (3)
27)	c3 — h8 +	g2 — g8
28)	h8 — h6 +	g8 — g7
29)	c6 — c7	a8 — d8
30)	c7 — f7° + (4)	f8 — f7°
31)	b5 — c4 +	f7 — e8
32)	h6 — h8 +	e8 — d7
33)	h8 — g7° +	и бѣлые выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 178.

(1) Schachzeitung замѣчаетъ, что лучше было бы брать слона королемъ; тогда 22. $\frac{e1 - c6}{c7 - f4}$ 23. $\frac{e4 - e5}{f4 - d4°}$ 24. $\frac{f3 - d4°}{g4 - h2}$ игра равна.

(2) Еще разъ Гиршфельдъ упускаетъ случай сдѣлать розыгрышъ; слѣдовало брать коня ферземъ, тогда, если бѣлые возьмутъ ферзя пѣшкою, то имъ вѣчный шахъ посредствомъ: 25. $\frac{}{g4 - h3 +}$ 26. $\frac{g1 - h1}{h3 - g2+}$ 27. $\frac{h1 - g1}{g2 - h3+}$, если же возьмутъ ферземъ, то черные выигрываютъ.

(3) Тутъ весьма естественно представляется ходъ 26. $\frac{g2 - f2°+}{}$, но играть такъ было бы дурно; бѣлые отведутъ короля на e1, угрожая опаснымъ шахомъ на h8, опаснымъ потому, что ладья, сошедшая съ линіи g, не можетъ уже заслонить отъ него короля.

(4) Очень хорошо.

ПАРТІЯ № 179.

ГАМБИТЪ САЛЬВІО.

	Зуле. (Бѣлые.)	Гиршфельдъ. (Черные.)			
1)	e2 — e4	e7 — e5	23)	g3 — f4°	e4 — f4°
2)	f2 — f4	e5 — f4°	24)	f1 — e1	f4 — f2+
3)	g1 — f3	g7 — g5	25)	e1 — e2	h7 — h5
4)	f1 — c4	g5 — g4	26)	a1 — g1	g6 — g5
5)	f3 — e5 (1)	d8 — h4 +	27)	a3 — c2	g5 — h4
6)	e1 — f1	g8 — f6	28)	g1 — g2	f2 — g2°
7)	d1 — e1	h4 — e1°+	29)	e2 — g2°	h4 — h3
8)	f1 — e1°	f6 — e4°	30)	c2 — e3	f7 — f3
9)	c4 — f7°+	e8 — e7	31)	g2 — e2	h5 — h4
10)	f7 — b3	e4 — f6	32)	e3 — g2	f3 — f1
11)	d2 — d4	d7 — d6	33)	g2 — e3	f1 — h1
12)	e5 — f7 (2)	h8 — g8	34)	e3 — d5	g4 — g3 (4)
13)	c1 — f4°	c8 — e6	35)	h2 — g3°	g4 — g3°
14)	b3 — e6°	e7 — e6°	36)	d5 — f4 +	h3 — h4
15)	f7 — d8 +	e6 — f5	37)	d2 — e3	h1 — h2
16)	h1 — f1	f5 — g6	38)	f4 — g2	c7 — c6 (5)
17)	d8 — e6	b8 — a6	39)	e3 — e4	d6 — d5 +
18)	e1 — d2	a8 — e8	40)	e4 — e3	a6 — c7
19)	e6 — f8°	g8 — f8°	41)	g2 — f4	h2 — e2° +
20)	c2 — c3 (3)	f6 — h5	42)	f4 — e2°	c7 — e6
21)	g2 — g3	e8 — e4	43)	e2 — g1	e6 — f4
22)	b1 — a3	h5 — f4°	44)	g1 — f3	f4 — d3
				бѣлые сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 179.

(1) Оставляетъ коня подъ ударомъ (Гамбитъ Муціо); даетъ болѣе сильную атаку.

(2) Лучше бы отвести коня на d3, но и при этомъ черные имѣли бы превосходство положенія.

(3) b1 — c3 было бы лучше.

(4) 34. $\frac{\quad}{h1 - h2^\circ}$ было бы дурно, ибо тогда 35. $\frac{d5 - f4+}{h3 - g5}$ 36. $\frac{f4 - h5+}{g4 - h3}$ 37. $\frac{h5 - f4+}{\quad}$ и бѣлые даютъ вѣчный шахъ, такъ какъ черные потеряютъ ладью, если отведутъ отъ нее короля.

(5) Теперь офицеры бѣлыхъ такъ стѣснены, что вовсе не участвуютъ въ игрѣ; черные же, имѣя свободнаго коня, непремѣнно должны выиграть.

ПАРТІЯ № 180.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

	Зуле. (Бѣлые.)	Майетъ. (Черные.)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	f8 — c5
4)	b2 — b4	c5 — b4°
5)	c2 — c3	b4 — d6 (1)
6)	0 — 0	d8 — f6
7)	d2 — d4	h7 — h6
8)	b1 — a3	a7 — a6
9)	a3 — c2	g7 — g5
10)	c2 — e3	g8 — e7
11)	e3 — g4	f6 — g7
12)	d4 — e5°	d6 — e5°
13)	g4 — e5°	c6 — c5°
14)	f3 — e5°	g7 — e5°
15)	c1 — e3 (2)	e5 — e4°
16)	e3 — d4	0 — 0
17)	f1 — e1	e4 — c6
18)	e1 — e7°	c6 — c4°
19)	d1 — h5	c4 — c6
20)	a1 — e1	d7 — d5
21)	e1 — e6	c6 — e6° (3)
22)	e7 — e6°	c8 — e6°
23)	h5 — h6°	f7 — f6
24)	h6 — g6 + и бѣлые выигрываютъ.	

Примѣчанія къ партіи № 160.

(1) Любимый ходъ Кіезерицкаго. Маейтъ, говорятъ, тоже охотно прибѣгаетъ къ этому отступленію; при всемъ томъ, съ теоретической точки зрѣнія оно ни куда негодится.

(2) Смѣлый и хорошо разсчитанный ходъ; жертва второй пѣшки съ избыткомъ вознаградится силою атаки.

(3) Если 21 $\frac{\quad}{c8 - e6}$, то 22 $\frac{h5 - h6°}{\quad}$ и матъ слѣдующимъ ходомъ.

ПАРТІЯ № 181.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО КОНЯ.

	Гиршфельдъ. (Бѣлые.)	Андерсенъ. (Черные.)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f2 — f4	e5 — f4°
3)	g1 — f3	g7 — g5
4)	f1 — c4	f8 — g7
5)	0 — 0	h7 — h6
6)	d2 — d4	d7 — d6
7)	g2 — g3	c8 — h3
8)	f1 — f2	d8 — e7 (1)
9)	g3 — f4°	g5 — g4

10) f3—e1	g8—f6	22) a1—d1	d7—e5°
11) e4—e5	g4—g3	23) f4—e5°	g7—e5°
12) h2—g3°	f6—e4	24) e1—f3	g1—h2 +
13) d1—f3	e4—f2° (2)	25) e3—f2	h3—g4
14) f3—b7°	0—0	26) d1—g1	g2—h3
15) b7—a8°	c7—c6	27) a7—e7	h3—h5
16) g1—f2°	d6—e5°	28) f2—c5	f8—a8
17) d4—e5°	e7—c5 +	29) e2—f2	f7—f6
18) c1—e3	c5—c4°	30) g1—g2	a8—e8
19) b1—d2	c4—d5	31) g2—h2	e5—g3° +
20) a8—a7°	d5—h1	32) f2—g3°	g4—h3
21) f2—e2	b8—d7 (3)	33) h2—h3° и черные сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 181.

(1) 8 f4—g3° очень завлекательно, но рискованно: бѣлые могли бы отвѣтить 9 c4—f7° и если король беретъ слона, то 10 f3—e5+ съ неотразимою атакою.

(2) Всю эту партію Андерсенъ играетъ чрезвычайно неосторожно.

(3) f8—d8 было бы лучше.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(СТАТЬЯ 12-я)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАЧАЛА ИГОРЪ.

I. ПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Сильнѣйшіе игроки нашего времени признаютъ лучшими ходами съ обѣихъ сторонъ слѣдующіе:

1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e6}$ 2. $\frac{d2 - d4}{d7 - d5}$ 3. $\frac{e4 - d5^{\circ}}{e6 - d5^{\circ}}$ 4. $\frac{g1 - f3}{g8 - f6}$ 5. $\frac{c1 - e3}{c8 - e6}$ 6. $\frac{f1 - d3}{f8 - d6}$ 7. $\frac{0 - 0}{0 - 0}$, и говорятъ: игра равна.

Можетъ быть ходы эти и дѣйствительно лучшіе, но нельзя согласиться въ томъ, что игра равна.

Во первыхъ, вмѣсто 4 $\frac{g1 - f3}{}$ можно играть 4 $\frac{c2 - c4}{}$ тогда, 4. $\frac{}{f8 - b4+}$ 5. $\frac{b1 - c3}{g8 - e7}$ 6. $\frac{g1 - f3}{0 - 0}$ 7. $\frac{c4 - d5^{\circ}}{e7 - d5^{\circ}}$ 8. $\frac{c1 - d2}{b4 - c3^{\circ}}$ 9. $\frac{b2 - c3^{\circ}}{c8 - g4}$ 10. $\frac{f1 - e2}{g4 - f3^{\circ}}$ 11. $\frac{e2 - f3^{\circ}}{f8 - e8+}$ 12. $\frac{e1 - f1}{}$ и игра бѣлыхъ лучше.

Наконецъ, допустивъ что ходы, показанные авторами лучшіе, невольно рождается вопросъ: что же дальше? Признакъ розыгрыша есть прекращеніе атаки, а въ этой игрѣ королевскіе слоны имѣютъ доступъ къ слабѣйшимъ пунктамъ: h2 и h7, и кони имѣютъ

входъ въ игру; значитъ въ этомъ положенiи, послѣ 7-го хода, легче атаковать чѣмъ защищаться; да и опытъ убѣждаетъ, что съ восьмаго и послѣдующихъ ходовъ и начинается истинная атака; слѣдовательно игра не равна.

Но отвергая оборону 2 d7 — d5, мы не говоримъ, чтобы существовала другая, лучшая защита; напротивъ того: мы совершенно согласны, что защита предлагаемая выше лучшая; но вмѣстѣ съ симъ утверждаемъ, что при тождественной начальной расстановкѣ игра всегда должна быть выиграна начинающимъ.

Высказавъ наше мнѣнiе относительно дебюта, признаннаго правильнымъ, приступимъ къ анализу такъ называемыхъ неправильныхъ дебютовъ. Внимательное изученiе ихъ, и въ особенности гамбитныхъ игоръ, весьма содѣйствуетъ къ уразумѣнiю искусства играть.

II. СИЦИЛIЯНСКIЙ ДЕБЮТЪ.

$$1\ \frac{E2-E4}{C7-C5}.$$

Игра 1-я.

1. e2 — e4 c7 — c5
2. d2 — d4 c5 — d4°

Можно и не брать, а играть e7 — e6, или d7 — d5. Въ первомъ случаѣ будетъ:

2. $\frac{\quad}{e7-e6}$ 3. $\frac{d4-d5}{\quad}$; въ послѣднемъ: 2. $\frac{\quad}{d7-d5}$ 3. $\frac{e4-d5^{\circ}}{d8-d5^{\circ}}$ 4 $\frac{b1-c3}{d5-d4^{\circ}}$ 5 $\frac{d1-d4^{\circ}}{\quad}$ и 6 $\frac{c3-b5}{\quad}$.

Въ обоихъ случаяхъ игра бѣлыхъ будетъ лучше.

3) g1 — f3 e7 — e5 (Перемѣна 1-я).
4) c2 — c3 d4 — c3° (Перемѣна 2-я.)
5) b1 — c3° f8 — b4

Если b8 — c6, то f1 — c4 — сильная атака.

6) f3 — e5° d8 — a5
7) d1 — d4 съ лучшимъ положенiемъ.

Перемѣна 1-я.

3) . . . . e7 — e6

4) f3 — d4° d7 — d5

Если b8 — c6, то 5. $\frac{c1-e3}{g8-f6}$ 6. $\frac{f1-d3}{f8-e7}$ 7. $\frac{b1-c3}{0-0}$ 8. $\frac{0-0}{}$; если же 4. f8 — c5, то 5. $\frac{c1-e3}{d8-b6}$ 6. $\frac{b1-c3}{b8-c6}$ 7. $\frac{d4-b5}{}$ и въ обоихъ случаяхъ игра бѣлыхъ лучше.

5) e4 — d5° e6 — d5° 9) b1 — c3 c6 — d4°

6) f1 — b5 + c8 — d7 10) e3 — d4° e7 — e2° +

7) d1 — e2 + d8 — e7 11) e1 — e2° g8 — e7

8) c1 — e3 b8 — c6 12) a1 — d1 бѣлые имѣютъ превосходство положенія.

Перемѣна 2-я.

4) . . . . . b8 — c6

5) c3 — d4° e5 — d4°

6) f3 — d4° d8 — b6

Если 6. $\frac{}{d8-h4}$, то 7. $\frac{d4-b5}{}$.

7) d4 — b5 f8 — c5

8) c1 — e3 c5 — e3°

9) f2 — e3° b6 — e3° +

10) f1 — e2 e8 — d8

11) d1 — d6 бѣлые выигрываютъ.

Игра 2-я.

2) b2 — b4 b7 — b6

Этотъ гамбитъ впервые встрѣчается въ сочиненіи г. Яниша **Analyse Nouvelle**; принять его опасно: 2. $\frac{}{c5-b4^{\circ}}$ 3. $\frac{a2-a3}{e7-e6}$ 4. $\frac{a3-b4^{\circ}}{f8-b4^{\circ}}$ 5. $\frac{c2-c3}{b4-a5}$ 6. $\frac{d2-d4+}{}$ (изъ **Analyse Nouvelle**).

3) b4 — c5° b6 — c5°

4) d2 — d4 c5 — d4°

5) d1 — d4° b8 — c6

6) d4 — e3 e7 — e6

7) f1 — d3 g8 — f6

8)	g1 — f3	f8 — b4 +
9)	c2 — c3	b4 — a5
10)	c1 — a3	a5 — b6
11)	f3 — d4 съ лучшимъ положеніемъ.	

(Продолженіе впредь.)

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ

№ 63.

1)	e2 — e3 +	g4 — e3°
2)	d1 — g4 +	e3 — g4°
3)	e4 — e3 +	g4 — e3°
4)	g6 — f4 +	h3 — h4
5)	c3 — e1 +	a5 — e1° ✕

№ 64.

1)	f4 — f3 +	d3 — c2
2)	f3 — d1 +	c2 — d1
3)	d5 — e3 ✕	

№ 65.

1)	a5 — c3 +	f5 — d4 +
2)	e2 — e3	a6 — a5
3)	h4 — h7	a5 — a4
4)	h7 — b1	a4 — a3
5)	f6 — e6 +	d7 — e6°
6)	e7 — f5	e6 — f5°
7)	b1 — d3	f5 — f4 ✕

№ 66.

1)	h5 — f7 +	g8 — f7°
2)	d7 — e6 +	f7 — e6°
3)	d4 — d5 ✕	

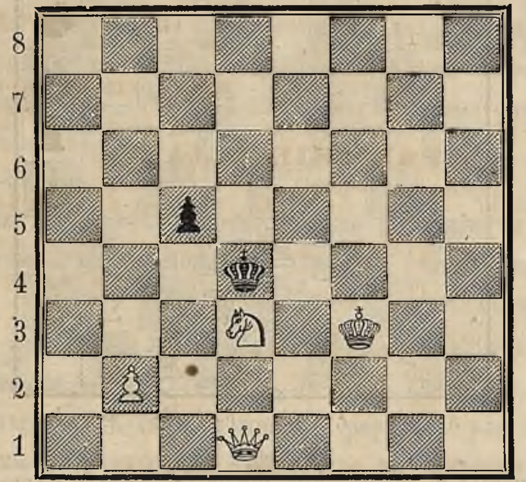
Очевидно, что если черный король уйдетъ первымъ ходомъ на h8, то ему тотчасъ же матъ посредствомъ 2. f7 — f8 ✕.

Задачи.

№ 76.

А. ШУЛЬЦА (лагерь на Кубани.)

ЧЕРНЫЕ.

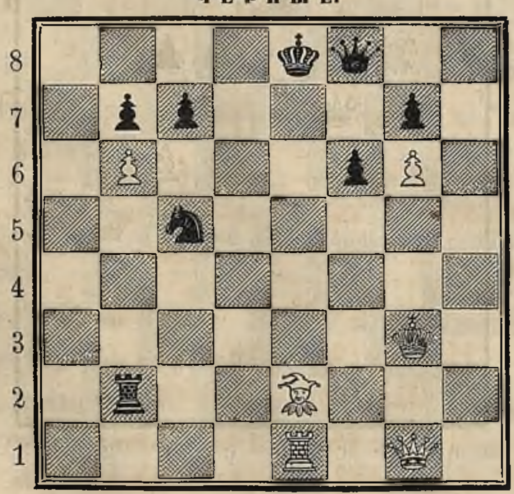

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 77.

Его же.

ЧЕРНЫЕ.

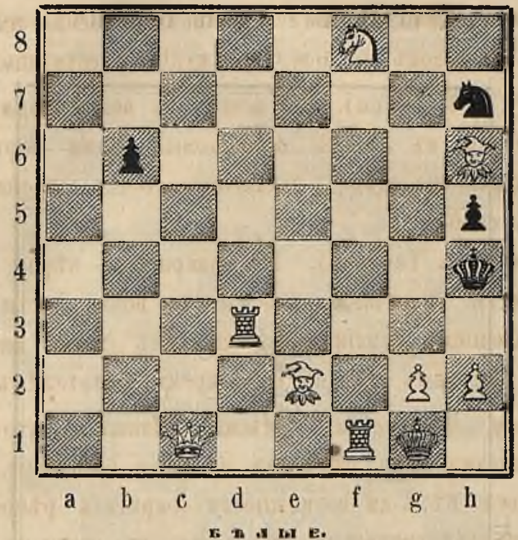

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 78.

В. Г. САГОВСКАГО (Рязанской губ. гор. Скопинъ).

ЧЕРНЫЕ.

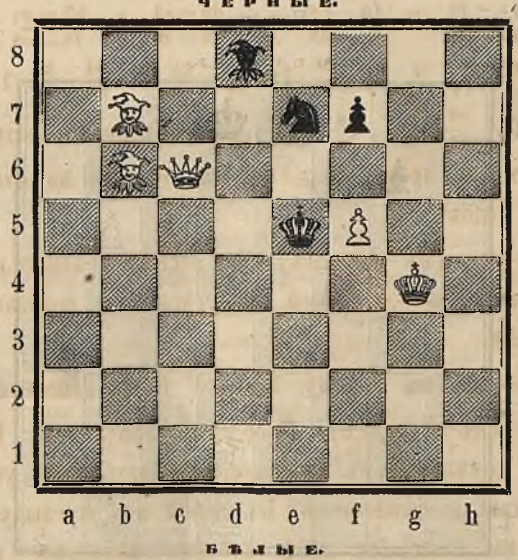
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

№ 79.

Г-НА З*** (въ Тифлисѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Корреспонденція. *А. Ш—цу* (лагерь на Кубани). Вы раньше всѣхъ разгадали Вольтонова сфинкса. Задачи ваши очень милы; особенно нравится намъ первая изъ нихъ: основная мысль остроумна, шашекъ и ходовъ немного, положеніе естественно.

Г. Юк—ну (въ Умани). Мы всегда съ величайшимъ удовольствіемъ помѣщали въ Листкѣ сообщаемыя Вами партіи, но на этотъ разъ принуждены сдѣлать исключеніе: Вашъ соперникъ игралъ ужь слишкомъ слабо.

К. Цѣх—чу (въ Тамбовѣ). Вы совершенно вѣрно разрѣшили Архимедовъ винтъ. Замѣчаніе относительно возможности сократить рѣшеніе примѣненіемъ италіянскихъ правилъ также вполнѣ основательно; мы сообщимъ его, въ свое время, читателямъ Листка.

В. Водз—му (Переяславль Залѣскій). Извините, что такъ долго замедлили окончательнымъ отвѣтомъ на Ваше сообщеніе; намъ хотѣлось убѣдиться, нѣтъ-ли возможности сократить рѣшеніе Вашей проблемы, и мы дѣйствительно нашли, что въ главномъ варіантѣ, (т. е. въ томъ варіантѣ, который Вы изволите называть *правильной защитой*) бѣлымъ, для вынужденія обратнаго мата, потребно не 35 ходовъ, какъ Вы полагаете, а всего только 15, а именно: 1. $\frac{f7-h7+}{h8-g8}$ 2. $\frac{f1-f5}{a1-f6}$ 3. $\frac{f5-c8+}{f6-d8}$ 4. $\frac{d5-e4}{g8-f8}$ 5. $\frac{h7-g7}{f8-e8}$ 6. $\frac{e4-f5}{e8-f8}$ 7. $\frac{f5-g6}{f8-e8}$ 8. $\frac{g6-h7}{e8-f8}$ 9. $\frac{h7-h8}{f8-e8}$ 10. $\frac{g7-g1}{e8-f8}$ 11. $\frac{h1-h7}{f8-e8}$ 12. $\frac{g1-e1+}{e8-f8}$ 13. $\frac{h7-f7+}{f8-f7}$ 14. $\frac{c8-e6+}{f7-f8}$ 15. $\frac{e6-f6+}{d8-f6 \times}$. Вѣроятно есть возможность сократить и прочіе варіанты, но едва-ли на столь значительное число ходовъ.

В. Г. Саг—му (въ Скопинѣ). Мы весьма признательны Вамъ за сообщеніе замысловатой Вашей кипергани; она помѣщена въ настоящемъ Листкѣ.

И. И. Др—ту (въ Вяткѣ). Желаніе Ваше исполнено.

Г-ну З—у (въ Тифлисѣ). Проблема, присланная Вами изъ Екатеринодара, помѣщена въ настоящемъ Листкѣ съ указаннымъ Вами впослѣдствіи исправленіемъ. Въ одной изъ предыдущихъ Вашихъ задачъ мы позволили себѣ сдѣлать маленькое измѣненіе, затрудняющее нѣсколько рѣшеніе.

К. Шп—ру (въ Херсонѣ). Получивъ любезное сообщенie Ваше передъ самымъ выпускомъ Листка, мы не успѣли еще разсмотрѣть партій и задачъ; во всякомъ случаѣ, мы Вамъ за нихъ весьма признательны.

МОНТЕ-БЕНИ.

РОМАНЪ

НАТАНІЭЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

ГЛАВА VI.

Окончивъ голову Беатриче Ченчи, Гильда довольно поздно вечеромъ спустилась съ своей голубятни и пошла въ Пинчіо, въ надеждѣ услышать тамъ музыку, и встрѣтила Киніона, который, правду сказать, зналъ обыкновенія артистки и, соображаясь съ ними, расположилъ свои занятія.

Пинчіо любимое мѣсто прогулокъ римской аристократіи. Въ настоящее время однакожъ оно, какъ и другія владѣнія Римлянъ, принадлежитъ не столько туземнымъ жителямъ, какъ варварамъ изъ Галліи, Великобританіи, изъ-за Атлантическаго океана, которые мирно завладѣли всѣмъ, что есть достопамятнаго въ вѣчномъ городѣ. Нельзя не удивляться творцамъ общественнаго сада на Монте-Пинчіо: они искусно сравняли вершину горы, окружили ее парапетомъ городской стѣны, провели тропинки, широкія дороги, закрыли ихъ густою тѣнью безчисленныхъ деревьевъ и въ изобиліи разсыпали цвѣты разнообразныхъ климатовъ по зеленымъ лугамъ; они вырыли и обложили мраморомъ эти бассейны, вѣчно наполненные водою, открыли фонтаны, подняли изъ земли величественный обелискъ, такъ долго скрывавшійся въ ней; поставили вдоль аллей пьедесталы и украсили ихъ бюстами знаменитос-

тей—государственныхъ людей, героевъ, артистовъ, поэтовъ и ученыхъ, украшающихъ собою исторію человѣчества, хотя родина ихъ Италія. И все это устроено руками Римлянъ, дѣйствовавшихъ по указаніямъ и планамъ французскихъ инженеровъ, въ отсутствіе папы, изгнаннаго Наполеономъ I.

Здѣсь всегда можно встрѣтить французскихъ солдатъ, сѣдыхъ бородатыхъ ветерановъ съ алжирскою или крымскою медалью на груди. Имъ поручена кроткая обязанность наблюдать, чтобъ дѣти не топтали цвѣтовъ, и влюбленные юноши не рвали ихъ для своихъ дамъ. На мраморной скамейкѣ сидитъ чахоточная дѣвушка, привезенная сюда лѣчиться, и вдыхаетъ незамѣтный ядъ этого предательскаго климата. Каждый день собираются здѣсь мамки съ розовыми младенцами, англійской породы, и приводятъ сюда маленькихъ путешественниковъ, пріѣхавшихъ съ другаго полушарія. Вечеромъ по этимъ тѣнистымъ дорогамъ катятся экипажи всѣхъ родовъ, отъ старомодной, роскошной кардинальской кареты до одноколки новѣйшаго фасона, и скачутъ всадники. Здѣсь катается, ходитъ, бѣгаетъ все скоро—преходящее населеніе Рима. Здѣсь наконецъ можете видѣть прекрасный закатъ солнца и въ какую сторону ни посмотрѣли бы, вездѣ глаза ваши остановились бы на предметѣ, достойномъ вниманія или по историческому или по внутреннему достоинству. Здѣсь также въ извѣстные дни недѣли играетъ по вечерамъ французская военная музыка, оглашая своимъ громомъ бѣдный старый городъ.

Гильда и скульпторъ отдѣлились отъ густой толпы гуляющихъ, окружавшей музыкантовъ и пошли въ отдаленнѣйшій конецъ сада. Стоя у парапета, они видѣли Муро Порто, массивный остатокъ древней римской стѣны, повидимому готовый повалиться отъ собственной тяжести, но остающійся постоянно въ одинаковомъ положеніи, какъ будто бы время не имѣло никакого вліянія на это вѣчное произведеніе рукъ человѣка. Въ голубой дали подымался Сорактъ и другія возвышенности, издалека блистающія нашему воображенію, но едва видимыя глазу. А тамъ далѣе стелется Кампанія—не земля, но обширнѣйшая страница исторіи, наполненная великими событіями, уничтожающими другъ друга.

Но возвратимся къ нашимъ двумъ друзьямъ, которые теперь любовались сосѣдней виллой Боргезе, покрытой массами зелени, среди которой выглядывали бѣлыя колонны и статуи. Опершись на стѣну, подъ темными вѣтвями остролиственныхъ деревьевъ, Гильда и Киніонъ слышали музыку, смѣхъ и смѣшанные голоса. Мало по малу звуки стали затихать; но два слушателя все еще старались уловить эти звуки среди грома

военнаго оркестра. Вскорѣ послѣ они увидѣли одинокаго пѣшехода, медленно подвигавшагося по дорожкѣ, ведущей къ городскимъ воротамъ.

— Посмотрите: кажется, это Донателло? спросила Гильда.

— Да, это онъ, отвѣчалъ скульпторъ. Но какъ онъ важно идетъ; вотъ остановился и смотритъ назадъ. Онъ или слишкомъ утомленъ, или печаленъ. Я рѣшительно сказалъ бы, что онъ печаленъ, еслибы онъ былъ къ тому способенъ. Однакожъ во все это время, какъ мы его наблюдаемъ, онъ ни разу не прыгнулъ;—это странно: я начинаю сомнѣваться, дѣйствительно-ли онъ фавнъ.

— А вы его въ-самомъ-дѣлѣ считали фавномъ? простодушно спросила Гильда. Я въ этомъ увѣрена и, признаюсь, никогда не перестану вѣрить, что фавны существуютъ и въ дѣйствительности, не только въ поэзіи.

Скульпторъ сначала только улыбнулся, но потомъ, вполнѣ овладѣвъ идеею, засмѣялся. Въ эту минуту онъ искренно желалъ наградить или наказать Гильду за ея милую нелѣпость самымъ пламеннымъ поцѣлуемъ.

— Какая у васъ странная фантазія, Гильда! сказалъ онъ. Такъ по вашему, великій Панъ еще живъ, и всѣ эти миѳологическія созданія еще живутъ на землѣ. Какъ бы хорошо было, еслибы мраморные люди могли прогуливаться здѣсь также, какъ мы.

— Зачѣмъ же вы смѣетесь? спросила Гильда, покраснѣвъ. Развѣ я сказала какую нибудь глупость?

— Ничего глупаго, возразилъ поспѣшно Киніонъ; я даже нахожу, что ваша мысль должна поразить каждаго своею новизною, особенно если принять во вниманіе положеніе Донателло и нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства. Знаете-ли вы, что онъ тосканскій уроженецъ, происходитъ изъ древняго дворянскаго рода и владѣетъ стариннымъ замкомъ въ Аппенинахъ, въ которомъ самъ живетъ и жили его предки. Тамъ у него свои собственные виноградники, фиговыя деревья, такія же древнія, какъ самый замокъ. Ребяческая привязанность къ Миріамъ привлекла его въ Римъ и ввела въ общество художниковъ, а наша республиканская простота поставила его въ такія отношенія къ намъ, въ какихъ мы сами находимся. Но еслибы мы отдавали почтеніе его достоинству и титулу, то должны были бы величать его не иначе, какъ его сіятельство графъ ди Монте Бени.

— Это очень забавно, забавнѣе, чѣмъ существованіе фавновъ, сказала Гильда, засмѣявшись въ свою очередь. Но это не вполнѣ удовлетворяетъ меня, такъ какъ вы сами говорите, что нашли въ немъ сходство съ мраморнымъ фавномъ.

— Да, и большое, исключая ушей.

— Что касается до его сіятельства графа ди Монте Бени, отвѣ-

чала Гильда, невольно засмѣявшись, произнося титулъ, принадлежащій ихъ веселому другу, то вы никогда не увидите его ушей. Я помню, какъ онъ отскочилъ, когда Миріамъ протянула руку, чтобъ поднять его кудри. Какъ вы это объясняете?

— О, конечно, я не могу оспоривать этого очевиднаго доказательства, отвѣчалъ Киніонъ; фавнъ, или Донателло, или графъ ди Монте Бени—очень странное, дикое созданіе и, какъ я замѣтилъ въ другихъ случаяхъ, не любитъ, чтобъ до него дотрогивались.—Говоря серьезно, въ немъ дѣйствительно есть много животнаго, какъ будто бы онъ родился въ лѣсу, провелъ тамъ дѣтство и до сихъ поръ еще не совсѣмъ свыкся съ жизнью обыкновенныхъ людей. Впрочемъ, жизнь въ Аппенинахъ до сихъ поръ сохранила еще много первобытной простоты.

— Эта склонность людей объяснять чѣмъ нибудь все чудесное и таинственное въ природѣ—вещь очень скучная, возразила Гильда. Зачѣмъ вы не хотите дозволить ни мнѣ, ни себѣ удовольствія вѣрить, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ фавнъ?

— О, я вамъ не мѣшаю вѣрить! воскликнулъ скульпторъ. Вѣрьте, если вамъ доставляетъ удовольствіе; я самъ, можетъ быть, со временемъ стану раздѣлять ваше убѣжденіе. Донателло пригласилъ меня провести лѣто у него въ замкѣ; тамъ я постараюсь узнать родословную этихъ деревенскихъ графовъ, и если предки ихъ поведутъ меня въ міръ фантазіи, я охотно послѣдую за ними. Но что касается лично до Донателло, то есть одинъ пунктъ, который мнѣ хотѣлось бы разъяснить.

— Можетъ быть я могу помочь вамъ?

— Этотъ пунктъ состоитъ въ томъ, какимъ образомъ онъ могъ пріобрѣсти расположеніе Миріамъ? отвѣчалъ Киніонъ.

— Расположеніе Миріамъ! вскричала Гильда. Она образована, даровита, а онъ грубый, полудикій мальчикъ—какое же можетъ быть тутъ расположеніе? Нѣтъ! нѣтъ!

— Такъ, казалось бы, что это невозможно, отвѣчалъ скульпторъ. Но даровитая женщина иногда привязывается безотчетно. Мы оба знаемъ, что въ послѣднее время Миріамъ была болѣзненна и постоянно въ мрачномъ расположеніи духа. Она еще очень молода, жизнь ея только что начинается, а кажется, она ужъ пережила ее. При такихъ условіяхъ явился Донателло съ своимъ естественнымъ беззаботнымъ счастіемъ и доставилъ ей случай обновить и сердце, и жизнь. Люди высшихъ дарованій не ищутъ такихъ же дарованій въ тѣхъ, кого любятъ. Они очень справедливо цѣнятъ прекрасное стремленіе естественнаго чувства, благородную привязанность, простую радость, полноту счастія, и то совершенное довольство, съ какимъ ихъ любятъ; все это Миріамъ видитъ въ Донателло. Правда, она называетъ и можетъ называть

его глупцомъ. Но вѣдь иначе и быть не можетъ, потому что человѣкъ теряетъ способность къ подобнаго рода привязанности, по мѣрѣ того, какъ развивается и цивилизуется.

— Боже мой! вскричала Гильда, отшатнувшись отъ своего собесѣдника. Такъ это наказаніе за наше развитіе! Извините меня, я этому не вѣрю. Потому что вы скульпторъ, потому что вы хотите окончательно усовершенствоваться, вы должны сдѣлаться такимъ же твердымъ и холоднымъ, какъ мраморъ вашихъ статуй. Я знаю живопись, и убѣдилась, что самое высокое искусство можетъ быть согрѣто глубокимъ искреннимъ чувствомъ.

— Да, вы правы, я сказалъ глупость, отвѣчалъ Киніонъ, и удивляюсь этому, потому что могъ извлечь болѣе разумное заключеніе изъ собственнаго опыта. Высшее развитіе вкуса возвращаетъ намъ прежнюю простоту чувства.

Во время этого разговора они медленно шли вдоль парапета и наконецъ остановились у крутаго спуска на Piazza del Popolo. Внизу открывалась обширная площадь, обставленная высокими зданіями; изъ-за нихъ въ перспективѣ обрисовывались куполы церквей и ворота, воздвигнутыя по плану Микель-Аджело. Они видѣли обелискъ изъ краснаго гранита, возвышающійся въ центрѣ площади, самую ветхую древность Рима, и фонтанъ, бьющій съ четырехъ сторонъ у его основанія. Всѣ римскія древности, временъ имперіи, республики и даже царей, теряются предъ этимъ несокрушимымъ монументомъ, представляющимъ одно изъ воспоминаній, вынесенныхъ Моисеемъ и Израильтянами изъ Египта въ пустыню. Можетъ быть, глядя на него, они говорили другъ другу: онъ похожъ на тотъ древній обелискъ, который мы сами и отцы наши такъ часто видѣли на берегахъ Нила. И теперь тотъ же самый обелискъ, безъ малѣйшаго признака разрушенія, представляется новому путешественнику, вступающему въ ворота Фламинія.

Нѣсколько на востокъ Гильда и ея товарищъ увидѣли по той сторонѣ Тибра, скрытаго отъ нихъ каменными громадами, замокъ св. Ангела, гигантскую гробницу языческаго императора съ архангеломъ на вершинѣ. Дальше виднѣлось еще нѣсколько громадныхъ построекъ, увѣнчанныхъ куполами, и въ сторонѣ отъ нихъ, нѣсколько ближе къ зрителямъ — куполъ св. Петра, величественнѣйшая постройка, созданная рукою человѣка.

Поглядѣвъ на эту картину, хорошо знакомую каждому, кто долго жилъ въ Римѣ, Гильда и Киніонъ опять обратили вниманіе на площадь, разстилавшуюся у ихъ ногъ. Здѣсь они замѣтили Миріамъ, только что вышедшую изъ Porta del Popolo и остановившуюся у фонтана. Жес-

томъ, который также не ускользнулъ отъ вниманія скульптора, она повидимому давала знать стоявшей возлѣ нея фигурѣ, что желаетъ остаться одна; но фигура оставалась неподвижна. Онъ замѣтилъ и еще одно движеніе, показавшееся ему до такой степени страннымъ, что онъ не зналъ, какъ объяснить его: Миріамъ опустилась на колѣна на мраморныя ступеньки фонтана. Другіе наблюдатели, если они были, могли подумать, что она по обыкновенію хотѣла только помочить пальцы въ свѣтлой струѣ, бьющей изъ пасти каменнаго льва. Но когда она сложила руки вмѣстѣ и устремила глаза на темную фигуру, въ которой нельзя было не узнать ея модель, въ головѣ Киніона утвердилась мысль, что она въ присутствіи толпы народа пала на колѣна предъ этимъ таинственнымъ лицомъ.

— Вы это видѣли? спросилъ онъ Гильду.

— Что? спросила въ свою очередь Гильда, нѣсколько удивленная его тономъ. Я видѣла, какъ Миріамъ помочила руки въ водѣ; я сама это часто дѣлаю.

— Кажется, я что-то другое видѣлъ, отвѣчалъ Киніонъ, и увѣренъ, что не ошибся.

Но если допустить, что Киніонъ въ-самомъ-дѣлѣ не ошибся, то какое понятіе объ ея отношеніяхъ къ этому лицу должно было внушить ему ея странное поведеніе.

— Гильда, сказалъ онъ быстро, знаете-ли вы, кто такая Миріамъ? Извините меня, но увѣрены-ли вы въ ней?

— Увѣрена-ли въ ней? возразила Гильда съ такою же живостью. Я увѣрена, что она добра, благородна, что она мой лучшій другъ, что я ее люблю, и что она меня тоже любитъ. Какой еще нужно увѣренности?

— И ваше чувство, вашъ инстинктъ всегда говоритъ въ ея пользу, никогда противъ нея? продолжалъ скульпторъ, не замѣчая волненія Гильды, обнаруживавшагося въ ея тонѣ. Она остается неразгаданною тайною. Мы даже не знаемъ, точно ли она наша соотечественница; можетъ быть, она Англичанка или Нѣмка. Въ ней замѣтна англосаксонская кровь, это всякій скажетъ; по языку она чистая Англичанка; но многое доказываетъ, что она ни Англичанка, ни Американка. Какъ артистка, она заняла мѣсто въ обществѣ, не давъ средства узнать ея прошлое.

— Я ее очень люблю, сказала Гильда тономъ, въ которомъ слышалось неудовольствіе, и увѣрена въ ней вполнѣ.

— Мое сердце также говоритъ въ ея пользу, какъ и ваше, отвѣчалъ Киніонъ. Но Римъ вовсе не похожъ на Новую Англію, гдѣ мы ничего не можемъ сдѣлать безъ согласія каждаго сосѣда въ отдѣль-

ности, не можемъ сказать слова, заключить новаго знакомства или дружбы. Въ этомъ отношеніи папскій деспотизмъ допускаетъ больше свободы, чѣмъ наше общество.

— Музыка кончилась, сказала Гильда. Я теперь пойду.

Передъ ними были три улицы, начинающіяся у Piazza del Popolo и ведущія къ центру Рима; влѣво Via del Babuino, вправо Via della Ripetta, а между ними знаменитая улица Corso. Миріамъ со своимъ спутникомъ пошла по первой изъ нихъ и вскорѣ исчезла отъ взоровъ Гильды и скульптора.

Они вышли изъ Пинчіо по прекрасной широкой дорогѣ и, когда спустились на площадь, вдругъ раздался звонъ со всѣхъ колоколенъ, какъ будто въ городѣ совершалось какое нибудь торжество.

— Я иногда думаю, сказала Гильда, на воображеніе которой подобныя сцены производили сильное впечатлѣніе, я иногда думаю, что Римъ можетъ вытѣснить все изъ моего сердца.

— Избави Богъ! произнесъ Киніонъ.

Вскорѣ они достигли громадной лѣстницы, которая ведетъ отъ Piazza di Spagna къ самой высшей точкѣ Пинчіо. Старый Беппо, милліонеръ въ кругу своей оборванной братіи (удивительно, какъ ни одинъ художникъ не изобразилъ его калѣкою, котораго исцѣляетъ св. Петръ въ дверяхъ храма) уже навьючилъ своего осла богатою добычею, собранною Христа ради въ теченіе дня.

На лѣстницѣ, закрывъ лицо плащомъ, появилась фигура модели, на которую Беппо посмотрѣлъ ревниво, какъ на человѣка, вступающаго въ его законныя владѣнія. Но фигура прошла въ улицу Sistina. На площади, у подножья лѣстницы стояла Миріамъ, опустивъ глаза въ землю, какъ бы желая сосчитать четвероугольные камни неровной мостовой, по которой ей предстояло идти. Она оставалась въ такомъ положеніи, пока появленіе нищаго не прервало ея задумчивости; тогда она осмотрѣлась кругомъ и прижала руку ко лбу.

— Она, кажется, очнулась отъ тяжкаго сна, сказалъ Киніонъ тономъ симпатіи; и даже теперь она какъ заключенная въ клѣтку, желѣзныя полосы которой составляютъ ея собственныя мысли.

— Боюсь, что она нездорова, сказала Гильда. Я пойду къ ней.

— Прощайте, произнесъ скульпторъ. Все это очень странно. Мнѣ пріятно думать, что вы совсѣмъ безопасны въ вашей башнѣ, въ обществѣ бѣлыхъ голубей подъ покровительствомъ Мадонны. Вы не знаете, какъ далеко виденъ свѣтъ лампады, которую вы зажигаете. Вчера вечеромъ я проходилъ мимо и ужъ издалека увидѣлъ свѣтъ.

— Для меня это имѣетъ религіозное значеніе, хоть я и не католичка, отвѣчала Гильда.

Они разстались, и Киніонъ поспѣшно пошелъ по Via Sistina, въ надеждѣ догнать модель; ему хотѣлось открыть жилище и объяснить таинственный характеръ этого лица, ради Миріамъ, которая видимо страдала. Онъ видѣлъ его вдали предъ собою; но прежде чѣмъ достигъ фонтана Тритона, фигура исчезла.

ГЛАВА VII.

МАСТЕРСКАЯ СКУЛЬПТОРА.

Около этого времени Миріамъ, кажется, страдала безсонницею и потому часто выходила изъ дому. Въ одно утро она зашла въ мастерскую Киніона, куда онъ приглашалъ ее, чтобы показать ей новую статую, почти оконченную вчернѣ, на которой основывалъ многія надежды. Послѣ Гильды, Киніонъ былъ единственнымъ лицомъ, къ которому Миріамъ чувствовала привязанность и довѣріе. Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни она обращалась къ нему и нерѣдко пользовалась братскимъ совѣтомъ скульптора.

Миріамъ не безъ цѣли сблизилась съ ними. Стоя на краю пропасти, она могла протянуть свою руку, но никогда не встрѣтила бы руки, готовой поддержать ее; могла бы звать на помощь, но голосъ ея замеръ бы, не достигнувъ ни до чьего слуха. Чувство неопредѣленнаго, тягостнаго одиночества, въ которомъ теряется человѣческое существо, есть одинъ изъ печальныхъ результатовъ несчастія, преступленія или особеннаго характера, возстановляющаго человѣка противъ всего свѣта. Очень часто въ такихъ случаяхъ является неутолимая потребность дружбы, любви и прямаго, откровеннаго сношенія съ людьми; но эта потребность остается неудовлетворенною, голодное сердце ищетъ пищи, но находитъ одни только ея призраки.

Мастерская Киніона находилась въ грязномъ, печальномъ переулкѣ между Corso и Via della Ripetta; нужно однакожъ замѣтить, что этотъ переулокъ, несмотря на грязь, безобразіе высокихъ зданій, нисколько не непріятнѣе девяти-десятыхъ римскихъ улицъ. На двери одного дома можно видѣть мраморную доску, которая гласитъ, что здѣсь была мастерская знаменитаго Кановы. Нашъ скульпторъ поселился въ предѣлахъ, ознаменованныхъ пребываніемъ этого великаго художника.

Мастерская Киніона ничѣмъ не отличалась отъ мастерской всякаго другаго скульптора; она имѣла довольно печальный видъ мѣста, гдѣ происходитъ ломка камня. Здѣсь все свидѣтельствовало о процессѣ работы, которою, надо замѣтить, скульпторы мало занимаются въ наше время. Въ Италіи существуетъ особый классъ людей, достигшихъ необыкновеннаго совершенства въ механическомъ искусствѣ; они все могутъ сдѣлать изъ мрамора, лишь бы предъ ихъ глазами была модель. Художникъ отдаетъ имъ гипсовый слѣпокъ, кусокъ мрамора и заказываетъ работу, больше ему нечего и говорить; въ назначенный срокъ является статуя, до которой онъ самъ не прикасался рукою. Такимъ образомъ его творческая мечта осуществляется другими.

Миріамъ остановилась на минуту въ передней, чтобъ посмотрѣть на неконченный бюстъ, черты котораго, казалось, вырывались изъ камня. Другой былъ уже почти конченъ и одному изъ довѣреннѣйшихъ помощниковъ скульпторъ поручилъ провести еще нѣсколько линій, которыя должны были окончательно оживить это лицо.

— Такъ и судьба наша существуетъ въ вѣчности, какъ эти бюсты въ глыбѣ камня, подумала Миріамъ.

Киніонъ былъ въ другой комнатѣ; услышавъ шаги въ передней, онъ набросилъ покрывало на свою работу и вышелъ навстрѣчу посѣтителю. На немъ была свѣтлая блуза и небольшая шапочка; въ этомъ костюмѣ онъ казался еще лучше, чѣмъ въ форменной одеждѣ, которую надѣвалъ, выходя изъ мастерской. Лицо его было такъ хорошо, что могло представить достойный сюжетъ для такого же артиста, какъ онъ самъ; черты его были тонки, правильны, и закончены, какъ будто въ самомъ дѣлѣ были вырѣзаны изъ мрамора.

— Я не даю вамъ руки, она вся въ глинѣ моей Клеопатры, сказалъ онъ.

— Я не хочу дотрогиваться до глины — это земля, прахъ, отвѣчала Миріамъ. — Я пришла посмотрѣть на то, что выражаетъ покой, холодность, продолжала она; мое искуство слишкомъ страстно, слишкомъ нервозно, исполнено волненія; я не могу работать постоянно, безъ отдыха. Что вы хотѣли мнѣ показать?

— Смотрите на все, на что вамъ угодно, отвѣчалъ Киніонъ. Я очень люблю, когда ко мнѣ заходятъ живописцы. Въ ихъ сужденіяхъ нѣтъ предубѣжденій, потому они судятъ справедливѣе, чѣмъ скульпторы, которые никогда не оцѣнили правильно моей работы, точно также, можетъ быть, какъ я ихъ.

Въ благодарность за такое довѣріе, Миріамъ посмотрѣла вокругъ и увидѣла нѣсколько статуй изъ мрамора и глины. Киніонъ былъ еще молодъ, и потому не могъ собрать большой галлереи своихъ произве-

деній. Все, что находилось въ его мастерской, были большею частью попытки въ разныхъ родахъ искуства; нѣкоторыя были не лишены достоинства, которое увеличивалось бѣлизною и блескомъ новаго мрамора. Миріамъ остановилась предъ фигурою прекраснаго юноши, который, ловя жемчугъ на днѣ моря, запутался въ растеніяхъ и умеръ тамъ, среди драгоцѣнныхъ раковинъ.

— Бѣдный юноша! онъ погибъ среди богатства, котораго искалъ, замѣтила Миріамъ. Мнѣ нравится эта статуя, хотя въ ней заключено слишкомъ холодное и строгое нравоученіе.

Потомъ она перешла къ головѣ Мильтона. Это не была копія съ какого нибудь бюста или картины, и однакожъ превосходила всѣ бюсты вѣрностью, потому что художникъ, приступая къ работѣ изучилъ всѣ извѣстныя изображенія поэта въ этомъ произведеніи соединились особенно вѣрныя черты всѣхъ миніатюръ, портретовъ и бюстовъ. Долгое изученіе поэзіи Мильтона доставило скульптору возможность оживить мраморъ могущественнымъ геніемъ поэта. Это былъ самый трудный и удачный шагъ Киніона.

Въ-сторонѣ стояли два-три бюста знаменитыхъ Американцевъ, образъ которыхъ онъ хотѣлъ увѣковѣчить въ потомствѣ.

— Да, сказала Миріамъ, голова которой была все еще занята мыслями однородными съ высказанными прежде; хороша состояніе человѣка довольствующагося мыслью, что послѣ смерти не оставитъ ничего, кромѣ травы на своей могилѣ, если только живые не отнимутъ и этого, прикрывъ ее безплоднымъ мраморомъ. Мнѣ кажется, свѣтъ былъ бы свѣжѣе и лучше, еслибъ сбросилъ съ себя это тяжкое бремя каменныхъ воспоминаній, оставленныхъ вѣками.

— Вы говорите противъ всего моего искуства, замѣтилъ Киніонъ. Скульптура и удовольствіе, доставляемое ею человѣку, кажется могутъ служить доказательствомъ, что полезно обращаться къ тому, что было до насъ.

— Такъ, такъ! вскричала Миріамъ. Но вѣдь я не хочу ссориться съ вами изъ-за того, что вы бросаете ваши тяжелые камни въ бѣдное потомство, и если правду сказать, я нахожу, что вы способнѣе попасть въ цѣль, чѣмъ кто либо другой. Эти бюсты, хоть я и смѣюсь надъ ними, заставляютъ меня думать, что вы магъ. Вы превращаете горячихъ, пылкихъ людей въ холодный мраморъ; какая счастливая перемѣна! Сдѣлайте и со мною то же!

— Съ охотой! вскричалъ Киніонъ, которому давно уже хотѣлось снять это прекрасное и въ высшей степени выразительное лицо. Когда вамъ угодно начать?

— Я вовсе не о томъ думаю, отвѣчала Миріамъ. Покажите мнѣ что нибудь другое.

— Узнаете вы это? спросилъ скульпторъ.

Онъ поднялъ крышку небольшаго старо-моднаго ящика изъ слоновой кости, пожелтѣвшей отъ времени. По стѣнкамъ его стояли вырѣзанныя чрезвычайно тщательно античныя фигуры и вокругъ нихъ висѣли листья; и еслибы Киніонъ сказалъ, что это работа Бенвенуто Челлини, то ни отдѣлка, ни обличавшееся въ ней искуство не возбудили бы сомнѣнія въ его словахъ. Видно однакожъ было, что этотъ ящикъ былъ произведеніе временъ Бенвенуто, а художникъ, сдѣлашвій его, принадлежалъ къ его школѣ, и можетъ быть, подъ этой крышкою хранились брильянты какой нибудь дамы, красовавшейся при дворѣ Медичи.

Но теперь хранились сдѣсь не брильянты; поднявъ хлопчатую бумагу, онъ показалъ маленькую ручку, необыкновенно тонко вырѣзанную изъ мрамора.

— Это прекрасно! вскричала Маріамъ, невольно улыбнувшись. Я видѣла во Флоренціи руку Лули, но это лучше, потому что ваша работа дышетъ страстью.

— Вы узнаете, чья это рука? спросилъ скульпторъ.

— Конечно; это одна изъ самыхъ вѣрныхъ рукъ на свѣтѣ, отвѣчала Миріамъ. Хотя она и маленькая и нѣжная но въ ней видна энергія. Я не разъ видѣла эту ручку во время работы съ кистью; однакожъ я никогда не воображала, чтобъ вы такъ далеко ушли. Какъ вы убѣдили Гильду позволить снять ея руку?

— Да она ничего не знаетъ! быстро отвѣчалъ Киніонъ. Я укралъ ее. Эта рука — воспоминаніе. Но я такъ часто видѣлъ ее, что былъ бы ничтожный пачкунъ, еслибы не могъ воспроизвести ее совершенно точно.

— Получите-ли вы когда нибудь оригиналъ? сказала Миріамъ ласково.

— Я не имѣю основанія надѣяться. Притомъ Гильда такъ удалена отъ нашей сферы, что овладѣть ея сердцемъ также трудно, какъ поймать птицу, летающую подъ самыми облаками. Странно, что при всей своей нѣжности и слабости, она кажется совершенно увѣрена въ себѣ. Нѣтъ, я никогда не овладѣю ею вполнѣ. Она очень способна къ симпатіи, но не нуждается въ любви.

— Я отчасти согласна съ вами, отвѣчала Миріамъ. Это совершенно ложная мысль, которую вообще поддерживаютъ мужчины, что природа дала женщинамъ особенную склонность къ тому, что технически называется любовью. Мы въ такой же мѣрѣ чувствуемъ потреб-

ность любви, какъ и вы; только намъ нечего больше дѣлать съ нашимъ сердцемъ. Но когда у женщины является другая цѣль въ жизни, она утрачиваетъ готовность любить. Я могу назвать многихъ женщинъ, прославившихся въ искуствѣ, литературѣ и наукѣ, многихъ даже, которыхъ умъ и сердце были вполнѣ заняты дѣятельностью на менѣе видномъ поприщѣ, никогда несознававшихъ тѣхъ чувствъ и той способности къ пожертвованіямъ, какія обыкновенно приписываются нашему полу.

— И Гильда, вы думаете, принадлежитъ къ числу такихъ женщинъ? сказалъ скульпторъ печально. Эта мысль заставляетъ меня опасаться и за нее и за себя.

— Можетъ быть, она вывихнетъ свою нѣжную ручку, которую вы такъ хорошо сдѣлали, сказала Миріамъ смѣясь. Тогда вы можете надѣяться. Эти древніе мастеры, поглощающіе теперь всю ея жизнь, единственные ваши соперники.

Киніонъ вздохнулъ и положилъ въ ящикъ свое сокровище. — Любовь его къ Гильдѣ переходила въ боготвореніе: онъ никогда не осмѣливался поцѣловать изображеніе, имъ самимъ сдѣланное.

— Покажите же теперь вашу новую статую, сказала Миріамъ.

— Мою новую статую! повторялъ Киніонъ; занятый мыслями, возбужденными въ немъ рукою Гильды, онъ совершенно забылъ о статуѣ, которую хотѣлъ показатъ Миріамъ.—Она подъ покрываломъ, прибавилъ онъ.

— Надѣюсь, это не голая женщина, сказала Миріамъ. Каждый молодой скульпторъ считаетъ, кажется, себя обязаннымъ представить нагую женскую статую, назвавъ ее Еввою, Венерою или Нимфою, чтобы какъ нибудь оправдать ея наготу. Мнѣ досадно и даже стыдно смотрѣть на такія произведенія. Теперь люди привыкли видѣть другъ друга одѣтыми, и нагота въ собственномъ смыслѣ вовсе не существуетъ. Поэтому артистъ — я увѣрена, вы согласитесь со мною — не можетъ съ чистымъ сердцемъ приступить къ подобной работѣ, ужъ потому только, что принужденъ преступнымъ взглядомъ изучать модели. При такихъ условіяхъ мраморъ теряетъ безъ нужды свою цѣломудренность. Разумѣется, я не отношу этого къ древнимъ скульпторамъ — они находили модели подъ открытымъ небомъ, и оттого нагая статуя древняго художника скромна какъ фіялка и достаточно прикрывается собственною красотою. Но что касается до раскрашенныхъ Венеръ Джипсона, которыя, кажется, выпачканы табачнымъ сокомъ, и до всѣхъ нагихъ статуй новѣйшаго времени, то я не понимаю, что онѣ могутъ сказать этому поколѣнію, и я охотнѣе готова смотрѣть на кучу извести, чѣмъ на нихъ.

— Вы слишкомъ строги къ нашимъ профессорамъ, замѣтилъ Киніонъ, полушутя, полусерьезно. Однакожъ вы не совсѣмъ неправы. Мы дѣйствительно должны пріискивать какое-нибудь драпри. Но что прикажете дѣлать? — принять современный костюмъ, одѣть Венеру въ кринолинъ?

— Тогда вы точно были бы пачкунъ! возразила Миріамъ, смѣясь. Эта трудность выбора утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что скульптура уже утратила мѣсто между живыми искуствами, исключая развѣ портретные бюсты. Въ наше время мы не встрѣчаемъ ни одной оригинальной группы, ни даже новой попытки въ этомъ родѣ. Вы сами знаете, что на свѣтѣ нѣтъ болѣе полудюжины оригинальныхъ статуй и группъ, да и тѣ принадлежатъ древности. Кто хорошо знакомъ съ ватиканскою галереею, съ галереею Уфицци, неаполитанскою или луврскою, тотъ въ любомъ новѣйшемъ произведеніи безъ труда откроетъ черты древняго прототипа, который началъ уже выходить изъ моды даже у древнихъ Римлянъ.

— Перестаньте, Миріамъ! вскричалъ Киніонъ, или я навсегда брошу рѣзецъ!

— Вѣрьте мнѣ, Киніонъ, продолжала Миріамъ, взволнованная душа которой находила успокоеніе въ декламаціи, вѣрьте, что вы, скульпторы, самые большіе воры въ мірѣ; но что же дѣлать! — необходимость!

— Я не могу согласиться съ вами вполнѣ, сказалъ Киніонъ; но не могу и отрицать совершенно вашихъ словъ, особенно при настоящемъ состояніи искуства. Но пока въ Каррарѣ будутъ добывать чистый мраморъ, пока у насъ на родинѣ будутъ существовать мраморныя горы, я не перестану вѣрить, что будущія скульпторы оживятъ это благородное искуство и осуществлятъ новые идеалы красоты и величія. А можетъ быть, прибавилъ онъ шутя, человѣчество станетъ одѣваться иначе, или скульпторы найдутъ средство дѣлать видимымъ характеръ человѣка сквозь кринолины и корсеты.

— Можетъ быть, сказала Миріамъ. Однакожъ покажите мнѣ вашу статую, которую вѣроятно я слишкомъ строго осудила, не видѣвъ. Но впрочемъ я теперь совершенно способна оцѣнить ее.

Киніонъ готовъ былъ открыть модель, но Миріамъ остановила его.

— Скажите прежде, какой сюжетъ? сказала она.

— Это должна быть Клеопатра, отвѣчалъ скульпторъ; а въ какую эпоху жизни, это вы сами должны сказать.

Онъ снялъ наконецъ покрывало, и Миріамъ увидѣла сидящую фигуру женщины, одѣтой въ древній египетскій костюмъ, на столько вѣрный дѣйствительности, насколько остатки древности дозволяютъ

воспроизвести его вѣрно. Трудности, представлявшіяся скульптору, казалось, были неодолимы; но онъ рѣшился одолѣть ихъ и достигъ своей цѣли, такъ что Клеопатра являлась нетолько Египтянкою, но дочерью Птоломеевъ дѣйствительно способною перелить свой тропическій огонь въ холодную кровь Октавія.

Чудный покой — это рѣдкое достоинство въ статуѣ — разлитъ былъ во всей фигурѣ. Зритель чувствовалъ, что Клеопатра вступила уже въ горячечный, мучительный періодъ своей жизни и только на мгновеніе успокоилась; но это спокойствіе было спокойствіе отчаянія: ее уже видѣлъ Октавій и остался равнодушенъ къ ея прелестямъ. Она была совершенно покойна, какъ будто ей суждено было ужъ никогда больше не владѣть своими членами; но между тѣмъ въ каждомъ ея мускулѣ выражалась такая энергія, такая сила страсти, что, казалось, вотъ она вскочитъ и какъ тигрица кинется на васъ.

Лицо было исполненно удивительно вѣрно. Скульпторъ соединилъ въ немъ всѣ характеристическія черты египетскаго лица. Предъ вами была вся Клеопатра — пылкая, сладострастная, нѣжная, слабая, ужасная, полная восхищающей, но отравляющей прелести.

— Что это за женщина! вскричала Миріамъ, послѣ продолжительной паузы. Скажите, она всегда, даже и тогда, какъ вы работали, старается побѣдить силою своей страсти? Вамъ не страшно было прикасаться къ ней, когда она стала оживать подъ вашими руками?... Послушайте, Киніонъ, это великое произведеніе! Какъ и гдѣ вы научились этому?

— Это результатъ долгой работы мозга и рукъ, отвѣчалъ Киніонъ, не безъ нѣкотораго сознанія, что его работа дѣйствительно прекрасна.

— Я всего больше удивляюсь тому, продолжала Миріамъ, что вы такъ искусно сочетали въ ней всѣ повидимому противорѣчащія черты. Гдѣ вы открыли эту тайну? Ужъ конечно не въ Гильдѣ?

— Конечно, не въ ней, сказалъ Киніонъ; она принадлежитъ къ эѳирнымъ типамъ, несовмѣстнымъ ни съ какимъ зломъ.

— Да, вы правы, живо сказала Миріамъ. Дѣйствительно, существуютъ женскіе типы эѳирные, какъ вы сказали, и Гильда одна изъ нихъ. Она умерла бы отъ перваго дурнаго дѣла, если предположить на минуту, что она способна на какое-нибудь дурное дѣло. Какъ она, повидимому, ни слаба, но можетъ вынести бремя горести; но она не выдержала бы никакого преступленія. Мнѣ кажется, что, еслибы судьба мнѣ опредѣлила, я вынесла бы и то и другое; хотя въ душѣ я также чиста, какъ Гильда. Вы сомнѣваетесь въ этомъ?

— Избави Богъ! вскричалъ Киніонъ.

Онъ былъ нѣсколько пораженъ этимъ страннымъ и неожиданнымъ оборотомъ рѣчи и голосомъ артистки, обличавшимъ сильное волненіе и звучавшимъ несовсѣмъ естественно.

— О, Киніонъ! вскричала она съ необыкновенною живостью; въ самомъ-ли дѣлѣ вы мой другъ? Я одна, одна, одна! У меня есть тайна, которая жжетъ мое сердце, терзаетъ меня! Иногда я боюсь сойти съ ума отъ нея, иногда я желала бы умереть — но смерть не йдетъ. О, еслибы я могла передать ее хоть одному живому существу на свѣтѣ. Вы такъ хорошо знаете женщинъ, вы такъ глубоко видите въ ихъ душахъ можетъ быть, вы поймете меня! Но Богъ знаетъ.... О, позвольте мнѣ говорить!

— Миріамъ, говорите, сказалъ скульпторъ, говорите откровенно, какъ брату, и если я могу вамъ помочь....

— Помочь! Нѣтъ!

Отвѣтъ Киніона былъ совершенно прямодушенъ и откровененъ; но Миріамъ открыла заднюю мысль и боязнь въ этомъ горячемъ выраженіи готовности услышать ея тайну. Правду сказать, онъ точно сомнѣвался, было-ли бы для него хорошо выслушать, а для нея высказать то, что рвалось наружу. Если въ настоящемъ случаѣ дружба обязывала его къ чему нибудь, то онъ былъ бы готовъ исполнить свой долгъ. Если ея сердце искало только выхода, въ такомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, откровенное признаніе облегчило бы его. Но тайна, какова бы она ни была, вырвавшись изъ ея устъ, измѣнила бы существовавшія между ними отношенія. Онъ долженъ былъ бы отдать ей всю свою симпатію и именно тотъ родъ симпатіи, какого потребовали бы обстоятельства, или Миріамъ возненавидѣла бы и его, и себя.

Такъ думалъ въ эту минуту Киніонъ, и Миріамъ предугадала его мысли.

— Я стану ненавидѣть васъ! вскричала она; да, я вижу, вы также холодны и безжалостны, какъ мраморъ вашихъ статуй.

— Я вамъ совершенно сочувствую, видитъ Богъ! возразилъ скульпторъ.

— Оставьте ваше сочувствіе для такихъ печалей, которыя оно можетъ утѣшить, сказала Миріамъ, сдѣлавъ усиліе овладѣть собою. А что до меня, то я знаю, какъ помочь моему горю. Все это была ошибка: вы ничего не можете сдѣлать для меня, развѣ только превратить въ камень, какъ Клеопатру; но я не изъ такихъ женщинъ, вѣрьте мнѣ... Забудьте эту глупую сцену, Киніонъ, и пожалуйста не напоминайте мнѣ о ней, нетолько словомъ, даже взглядомъ.

— Если вы этого желаете, я долженъ забыть, сказалъ скульпторъ, держа ея руку, которую она подала ему на прощанье; но если

я въ состояніи буду когда нибудь вамъ служить, позвольте мнѣ вспомнить ее. Между тѣмъ, Миріамъ, мы будемъ встрѣчаться съ вами также дружески, какъ прежде.

— Вы менѣе искренни, чѣмъ я думала, возразила Миріамъ, если, стараетесь заставить меня думать, что въ нашихъ отношеніяхъ не будетъ никакой перемѣны.

Проходя въ переднюю, она остановилась у статуи юноши утонувшаго во время ловли жемчуга.

— Моя тайна не жемчугъ, сказала она; однакожъ человѣкъ могъ бы утонуть, стараясь открыть ее.

Когда Киніонъ заперъ дверь, гостья медленно стала спускаться съ лѣстницы и на первой площадкѣ остановилась.

— Не воротиться-ли? думала она. Я сдѣлала глупость! Я лишилась дружбы честнаго, добраго человѣка и ничего не пріобрѣла. Что, если я ворочусь и разскажу ему все?

Она прошла еще три четыре ступени и опять остановилась, прошептала что-то и покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! произнесла оно почти вслухъ. Удивляюсь, какъ могла придти мнѣ такая мысль! Развѣ его сердце для меня? нѣтъ, я украла бы его у Гильды... Я никогда не передамъ ему моей тайны; она не жемчугъ, но карбункулъ, красный, какъ кровь, слишкомъ дорогой для меня... его нельзя бросить даромъ въ кошелекъ чужаго человѣка.

Съ этою мыслью она спустилась съ лѣстницы и увидѣла свою тѣнь, ожидавшую ее на улицѣ.

ГЛАВА VIII.

Эстетическое общество.

Вечеромъ того дня, когда Миріамъ посѣтила Киніона, было собраніе эстетическаго общества, образовавшагося изъ художниковъ Англо-Саксонцевъ и главнымъ образомъ Американцевъ. Въ настоящее собраніе явилось сверхъ того нѣсколько туристовъ, оставшихся еще въ Римѣ, хотя св. недѣля уже прошла. Миріамъ, Гильда и скульпторъ

были также здѣсь, а съ ними вмѣстѣ явился и Донателло, жизнь котораго измѣнила свое естественное теченіе, такъ какъ онъ, подобно вѣрной собачкѣ, всюду слѣдовалъ за своею госпожею, гдѣ только могъ ее встрѣтить.

Мѣстомъ собранія было довольно мрачное жилище одного изъ извѣстнѣйшихъ членовъ общества. Собранія эти отличались простотою и отсутствіемъ всякихъ церемоній, что очень обыкновенно между иностранцами, живущими въ Римѣ. Кто не былъ заинтересованъ искуcствомъ, тотъ, конечто, не могъ найти удовольствія въ этомъ обществѣ, гдѣ каждое лицо было поглощено одною общею идеею, одною и тою же цѣлью.

Одна изъ главныхъ причинъ, почему Римъ сдѣлался любимою резиденціею артистовъ, ихъ идеальнымъ жилищемъ, которое никто не спѣшитъ оставить, подышавъ однажды его воздухомъ,—заключается въ томъ, что они чувствуютъ здѣсь свою силу, составляютъ свое общество, гдѣ каждый является свободнымъ гражданиномъ, а не чужестранцемъ какъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ собравшемся въ настоящемъ случаѣ обществѣ было нѣсколько лицъ, имена которыхъ извѣстны всему просвѣщенному міру и много молодыхъ артистовъ, которыхъ ожидала такая же слава. Вниманіе присутствующихъ было обращено на коллекцію древностей, принесенныхъ однимъ изъ гостей и заботливо разложенныхъ по столамъ. Древности эти принадлежали къ разряду тѣхъ произведеній искуства, которыми до сихъ поръ богата почва Рима и его окрестностей—печати, маленькія бронзовыя фигуры, и разныя вещи, рѣзанныя изъ слоновой кости;—все это, конечно, предметы не большой цѣнности, но не лишенные значенія въ коллекціи художника.

Но всего интереснѣе было собраніе старинныхъ картинъ; на многихъ изъ нихъ, по мнѣнію владѣльца, замѣтны были слѣды кисти великаго мастера, хотя онѣ и пожелтѣли отъ времени и были попорчены, вѣроятно, позднѣйшими владѣльцами, обходившимися съ ними совершенно безцеремонно. Такимъ образомъ, въ картинахъ этихъ одинъ общій очеркъ и постановка фигуръ сохранила свое первоначальное достоинство.

Всѣ были заняты разборомъ принесенныхъ вещей; наконецъ вниманіе нѣсколькихъ знатоковъ остановилось на одной небольшой картинѣ, которую они приписывали Рафаэлю, будто бы набросавшему на ней первый очеркъ своего любимаго типа Мадонны. Другіе приписывали ее Леонардо да Винчи и утверждали, что это варіація на тему картины его «Скромность и Тщеславіе», находящейся въ палаццо Скіарра. Было еще съ полдюжины другихъ картинъ, и каждая возбуж-

дала самыя разнообразные толки. Гильда была въ высочайшей степени заинтересована богатымъ портфелемъ. Она такъ долго всматривалась въ одну картину, что Миріамъ наконецъ спросила ее, какое она сдѣлала открытіе.

— Посмотрите внимательно на эту картину, отвѣчала Гильда, подавая ее Миріамъ. Если вы дадите себѣ трудъ отдѣлить рисунокъ отъ этихъ пятенъ, сдѣланныхъ кистью, вы найдете, что это очень любопытная вещь.

— Я думаю, это будетъ совершенно напрасный трудъ, отвѣчала Миріамъ; мнѣ нужно или вѣрить вамъ на-слово, или пріобрѣсти вашу способность. Фи! какая грязная!.

Дѣйствительно, картина, находившаяся въ рукахъ Гильды, болѣе другихъ .пострадала отъ времени и отъ дурнаго употребленія; замѣтно было даже, что кто-то пытался уничтожить рисунокъ. Однакожъ съ помощью Гильды Миріамъ разглядѣла крылатую фигуру съ обнаженнымъ мечомъ и дракона или демона, распростертаго у ея ногъ.

— Я убѣждена, сказала Гильда тихо, что это работа Гвидо Рени. Если такъ, то должно быть это оригинальный эскизъ его картины, находящейся въ церкви капуциновъ,—Михаилъ архангелъ, поставившій ногу на демона. Общее расположеніе и концепція одинаковы; разница только въ томъ, что здѣсь лицо демона болѣе en-face и грозитъ архангелу, который отъ него отворачивается.

— Неудивительно! отвѣчала Миріамъ. Это совершенно согласно съ изысканностью и вообще съ характеромъ Михаила, какимъ его представилъ Гвидо. Онъ ни-когда не въ состояніи былъ бы взглянуть прямо въ лицо демона.

— Миріамъ! вскричала Гильда тономъ упрека. Мнѣ очень грустно слышать, съ какимъ презрѣніемъ вы отзываетесь о прекрасномъ, божественномъ образѣ.

— Извините, милая Гильда! вскричала Миріамъ. Вы эти вещи разсматриваете болѣе съ религіозной точки зрѣнія. Я согласна, что архангелъ Гвидо прекрасная картина, но на меня она никогда не производила такого впечатлѣнія, какъ на васъ.

— Оставимъ это, отвѣчала Гильда. Я хотѣла обратить ваше вниманіе на лицо демона; онъ вовсе не похожъ на демона оконченной картины. Вы знаете, Гвидо утверждалъ, что сходство его съ кардиналомъ Памфили или случайное, или воображаемое. Но вотъ здѣсь это лицо, какъ было задумано съ самаго начала.

— И согласитесь, что здѣсь демонъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ на оконченной картинѣ, сказалъ Киніонъ, взявъ рисунокъ изъ рукъ Гильды. Какая необыкновенная сила въ этомъ страшномъ безобразіи, и даю

слово, прибавилъ онъ послѣ паузы, это не невозможное лицо, я видѣлъ гдѣ-то такую голову на плечахъ живаго человѣка.

— И я тоже видѣла, сказала Гильда. Это поразило меня съ перваго взгляда.

— Донателло, сказалъ Киніонъ, посмотрите на это лицо.

Донателло, какъ вѣроятно догадывается читатель, не принималъ большаго участія въ искуствѣ и почти никогда не осмѣливался высказывать своего мнѣнія; но теперь поглядѣвъ съ минуту на картину, онъ бросилъ ее съ выраженіемъ отвращенія и ненависти.

— Я знаю это лицо! прошепталъ онъ. Это модель Миріамъ!

Странное сходство демона съ живымъ человѣкомъ замѣтили и Гильда и Киніонъ, но увѣрились въ немъ окончательно, когда Донателло подтвердилъ вѣрность ихъ замѣчанія. Что могло быть причиною этого сходства—рѣшить не возможно; можетъ быть, Гвидо, силясь представить въ образѣ идею зла, безсознательно намекнулъ на человѣческое лицо; или, можетъ быть, онъ нарисовалъ портретъ человѣка, который такъ же преслѣдовалъ его, какъ 'преслѣдовала Миріамъ ея модель, который посмерти Гвидо укрылся въ древнихъ катакомбахъ и бродилъ тамъ, какъ призракъ, ожидая новой добычи, пока наша артистка не вывела его на свѣтъ.

— Я вовсе не признаю сходства, сказала Миріамъ; я разъ двадцать сама рисовала его лицо и потому могу быть лучшимъ судьею.

Начался споръ по поводу архангела Гвидо, окончившійся тѣмъ, что наши друзья положили на другой день утромъ идти въ церковь капуциновъ и тамъ рѣшить вопросъ. Во всякомъ случаѣ сходство той картины съ грязнымъ очеркомъ, находившимся теперь передъ ними, заслуживало вниманія.

Около десяти часовъ нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на балконѣ, объявили, что луна поднялась уже высоко, и предложили пойти посмотрѣть на развалины, которыя особенно эфектны при лунномъ освѣщеніи.

Предложеніе было съ восторгомъ принято молодыми людьми. Они немедленно вышли, слабо освѣщаемые восковыми свѣчами, которыми въ Римѣ необходимо запасаться всякому, кому приходится въ ночное время спускаться или подниматься по лѣстницамъ. Вышедъ на улицу, они увидѣли небо, ярко озаренное луною, которая кидала свѣтъ на стѣну противоположнаго палаццо и оттѣняла всѣ его архитектурныя украшенія—карнизы, колонны и рѣшетки темныхъ оконъ, придававшія всему зданію видъ тюрьмы. Починщикъ старой обуви уже закрылъ свою лавку, помѣщенную въ основаніи дворца; фонарь продавца сигаръ сверкалъ въ тѣни арокъ; французскій часовой мѣрно ходилъ взадъ и впе-

редъ вдоль портала и бездомная собака съ громкимъ лаемъ преслѣдовала его, какъ бы оспаривая у него право быть сторожемъ этого мѣста.

Со всѣхъ сторонъ слышался шумъ падающей воды, находившейся гдѣ-то недалеко, но совершенно невидимой. Такой шумъ можно слышать во многихъ улицахъ и дворцахъ, когда дневной шумъ умолкаетъ, потому что консулы, императоры, папы и великіе люди разныхъ временъ не находили лучшаго средства обезсмертить свое имя, какъ построить вѣчно новый, неразрушимый бассейнъ и наполнить его водою;— потомство могло убѣдиться, что эти постройки прочнѣе чѣмъ мѣдь и мраморъ.

— Донателло, вы можете взять себѣ въ товарищи кого нибудь изъ этихъ юношей, сказала Миріамъ, увидѣвъ его возлѣ себя. Теперь я вовсе не въ такомъ настроеніи, какъ въ тотъ вечеръ, когда мы танцовали въ виллѣ Боргезе.

— Я никогда больше не захочу танцовать, отвѣчалъ Донателло.

— Какой печальный тонъ! вскричала Миріамъ. Вы совершенно испортились въ этомъ мрачномъ Римѣ; но вы опять будете благоразумны и счастливы, если скоро воротитесь домой, въ Тоскану. Дайте мнѣ руку; только берегитесь—не шалите. Мы сегодня должны вести себя спокойно и важно.

Общество раздѣлилась на группы; каждый выбралъ себѣ товарища— живописецъ скульптора, скульпторъ живописца, потому что, какъ извѣстно, артисты чувствуютъ болѣе симпатіи къ тѣмъ, которые трудятся въ другой сферѣ, нежели къ своимъ собратамъ. Кеніонъ охотно предложилъ бы свою руку Гильдѣ и держался бы нѣсколько въ сторонѣ отъ остальнаго общества; но она шла возлѣ Миріамъ и, казалось хотѣла остаться одна.

Они скоро прошли узкую улицу, выходящую на площадь, гдѣ въ лунномъ свѣтѣ сверкалъ величественнѣйшій изъ римскихъ фонтановъ. Шумъ его, чтобъ не сказать ревъ, слышенъ былъ гуляющимъ до тѣхъ поръ, пока они оставались на открытомъ воздухѣ. Это фонтанъ Треви, источникъ котораго находится далеко за стѣнами города, и вода стремится оттуда по подземнымъ водопроводамъ.

— Я напьюсь воды изъ этого фонтана, сказала Миріамъ. Черезъ нѣсколько дней я уѣду изъ Рима, а говорятъ, что одинъ глотокъ воды изъ фонтана Треви передъ отъѣздомъ обезпечиваетъ возвращеніе, какія бы ни встрѣтились препятствія. Вы также напьетесь, Донателло?

— Синьорина, я пью, что вы пьете, отвѣчалъ Донателло.

Вся компанія подошла къ фонтану; одни пили воду, другіе разсматривали мраморную группу, довольно нелѣпое произведеніе какого-то скульптора школы Бернини. Впрочемъ, теперь при лунномъ свѣтѣ

весь этотъ фронтонъ съ нишами, и выглядывающими изъ нихъ аллегорическими фигурами, Нептуномъ и тритонами у основанія, казался несравненно лучше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

— Чтобы сдѣлали изъ такой страшной силы воды у насъ въ Америкѣ? сказалъ кто-то изъ артистовъ,—ее заставили-бы ворочать колеса машинъ, хлопчато-бумажной фабрики — я увѣренъ.

— Народъ сломалъ бы эти божества, сказалъ Киніонъ, и вѣроятно поставилъ бы тридцать одну фигуру—изображающія штаты и серебряные потоки, исходящіе изъ каждой изъ нихъ, соединялись бы въ огромномъ резервуарѣ общаго благосостояніи націи.

— Или, еслибы они захотѣли придать оттѣнокъ сатиры, замѣтилъ какой-то англійскій художникъ, то могли бы заставить одну фигуру смывать пятна на національномъ флагѣ. Римскія прачки могли бы служить отличными моделями.

— Мнѣ часто хотѣлось взглянуть на этотъ фонтанъ при лунномъ свѣтѣ, сказала Миріамъ, потому что здѣсь было свиданіе Корины съ лордомъ Невиллемъ послѣ разлуки. Подойдите кто нибудь, я посмотрю, можно-ли различать лица въ водѣ.

Опершись на край бассейна, она услышала чьи-то тихіе шаги и замѣтила въ водѣ, что кто-то смотритъ изъ-за ея плеча. Свѣтъ луны освѣщалъ сзади артистку и, падая на фронтонъ, освѣщалъ всѣ статуи, скалы, и дробился въ постоянно волнующейся поверхности воды. Надо замѣтить, что Корина узнала Невилля по отраженію его лица въ водѣ; но Миріамъ собственная тѣнь мѣшала различить лица.

— Три тѣни! вскричала она. Три отдѣльныя тѣни и всѣ такія темныя и тяжелыя, что утонули въ водѣ. Онѣ всѣ рядомъ лежатъ на днѣ бассейна. Одну я узнаю: съ правой стороны Донателло,—я узнала его по волосамъ и по очертанію головы. Но я не могу различить фигуры, которая съ лѣвой стороны; какая-то темная масса, неопредѣленная, какъ предзнаменованіе бѣдствія... Кто же это можетъ быть?...Ахъ!

Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди, когда она, обернувшись назадъ, увидѣла странную фигуру, преслѣдовавшую ее, хорошо знакомую всему обществу артистовъ. Общій взрывъ смѣха послѣдовалъ за восклицаніемъ Миріамъ; между тѣмъ фигура наклонилась къ ней и произнесла нѣсколько словъ, которыхъ нельзя было разслышать, за шумомъ воды; однакожъ, судя по жестамъ, можно было заключить, что она приглашала Маріамъ омочить руки въ водѣ.

— Онъ, должно-быть, не Италіанецъ, покрайней мѣрѣ не Римлянинъ, замѣтилъ кто-то изъ художниковъ. Я никогда не видѣлъ, чтобъ кто нибудь изъ нихъ такъ заботливо мылъ руки. Посмотрите, онъ

третъ ихъ, какъ будто бы хотѣлъ смыть пятна и грязь, нанесенныя цѣлымъ тысячелѣтіемъ.

Дѣйствительно, омочивъ руки въ водѣ, онъ теръ ихъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, потомъ смотрѣлъ въ воду, какъ будто желая удостовѣриться, не замѣтны-ли во всемъ бассейнѣ слѣды его умовенія. Маріамъ съ ужасомъ глядѣла на него нѣсколько мгновеній, потомъ, овладѣвъ собою, почерпнула горстью воды и, слѣдуя старинной формѣ заклятій, брызнула ею въ лицо своего преслѣдователя.

— Во имя всѣхъ святыхъ, вскричалъ она, исчезни, демонъ, и оставь меня навсегда!

— Этого недостаточно, сказалъ кто-то изъ артистовъ, въ фонтанѣ не святая вода! Дѣйствительно, заклятіе не произвело никакого дѣйствія на демона. Онъ умылъ еще виски, промылъ глаза, посмотрѣлъ пристально въ воду и опять жестами пригласилъ Маріамъ послѣдовать его примѣру. Зрители громко смѣялись, но въ смѣхѣ ихъ слышалась принужденность, потому что въ фигурѣ точно было что-то отталкивающее и отвратительное.

Въ эту минуту Маріамъ почувствовала, что кто-то сильно схватилъ ее за руку; она обернулась и увидѣла Донателло, лицо котораго было искажено яростью хищнаго звѣря.

— Позвольте мнѣ утопить его, прошепталъ онъ. Вы сейчасъ услышите, какъ онъ захлебнется.

— Перестаньте, успокойтесь, Донателло! сказала Маріамъ ласково, видя, что вся душа ея спутника была взволнована неестественнымъ гнѣвомъ и ужасомъ. Оставьте его въ покоѣ. Онъ сумасшедшій, и мы сами будемъ казаться сумасшедшими, если станемъ тревожиться его странностями. Оставимъ его, пусть онъ себѣ моется, если ему это нравится; что намъ до этого? Ну, успокойтесь же, глупый мальчикъ!

Тонъ и жесты ея были таковы, какъ будто бы она усмиряла разозлившуюся вѣрную собаку; она погладила его по головѣ, потомъ дотронулась до его щеки своею нѣжною рукою.

— Ахъ, синьорина! тяжело вздохнувъ, сказалъ Донателло, который успѣлъ нѣсколько успокоиться когда они пошли дальше, продолжая держаться въ сторонѣ отъ остальнаго общества. Могу-ли я быть теперь такимъ, какимъ вы меня въ первый разъ видѣли? Мнѣ кажется, я очень измѣнился въ теченіе этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и особенно въ послѣдніе дни. Радость исчезла навсегда, все прошло! все прошло! Посмотрите, какъ горятъ мои руки, а еслибы вы знали, какъ горитъ мое сердце!

— Мой бѣдный Донателло! вы больны! сказала она тономъ глубокой симпатіи и состраданія. Это Римъ отнялъ у васъ вашу прежнюю счастливую, веселую жизнь. Возвращайтесь, мой другъ, домой; тамъ вы

опять будете счастливы, какъ прежде. Нашли-ли вы здѣсь что нибудь, чѣмъ бы могли наслаждаться? скажите мнѣ правду.

— Да, отвѣчалъ Донателло.

— Что? ради Бога скажите! живо произнесла Маріамъ.

— Жгучую боль въ сердцѣ, отвѣчалъ Донателло, потому что вы причиною ея.

Въ это время они находились уже довольно далеко отъ фонтана Треви. О сценѣ, происшедшей у бассейна, почти никто не говорилъ, потому что всѣ считали преслѣдователя Миріамъ сумасшедшимъ человѣкомъ и едва ли были удивлены странностью его поведенія.

Миновавъ нѣсколько узкихъ улицъ, общество прошло черезъ площадь Апостоловъ и наконецъ достигло форума Траяна. На всемъ пространствѣ, гдѣ нѣкогда былъ Римъ, время особенно рѣзко обнаружило свою дѣятельность — оно употребило тутъ усилія, чтобъ похоронить древній городъ и въ теченіи восемнадцати столѣтій закапывало все глубже и глубже могилу. Ту же судьбу испытывалъ и форумъ Траяна, пока Французы въ отсутствіи папы не начали раскапывать землю вокругъ гигантской колонны и не открыли ея основанія, украшеннаго барельефами древнихъ императоровъ. На площади предъ нимъ возвышается каменная роща, состоящая изъ полуразвалившихся, неровныхъ столбовъ исчезнувшей базилики, еще сохраняющихъ прежнее величіе и, кажется, уже неспособныхъ къ дальнѣйшему разрушенію. Въ концѣ площади находится громадный гранитный столбъ. Это самый положительный свидѣтель прошлаго; ни исторія, ни эпопеи, ни сила мысли не могутъ сдѣлать существованіе древняго Рима столь ощутительнымъ для самаго отдаленнаго потомства, какъ этотъ громадный остатокъ того, что было создано когда-то великимъ народомъ.

— Посмотрите, сказалъ Киніонъ, на этомъ столбѣ сохранилась еще шлифовка. Теперь ужъ довольно поздно, а я чувствую жаръ полуденнаго солнца; этотъ столбъ кажется вѣченъ. Полировка, выдержавшая слишкомъ полторы тысячи лѣтъ, жаръ, сохраняющійся до полуночи, — это почти невѣроятно.

— Въ этомъ столбѣ можно найти утѣшеніе, сказала Миріамъ; онъ напоминаетъ, что всѣ человѣческія бѣдствія преходящи.

— Также, какъ радости, и счастье, и все прекрасное, возразила Гильда. Мнѣ непріятно думать, что этотъ камень, только потому, что онъ массивный, останется, Богъ знаетъ, какъ долго, между тѣмъ какъ картина, которая заключаетъ въ себѣ душу и должна быть безсмертна, исчезаетъ.

— О милая Гильда, сказала Миріамъ, утѣшьтесь общимъ заключеніемъ, которое вывести можно изъ всего на свѣтѣ и совершенно

справедливымъ во всѣхъ отношеніяхъ — «все пройдетъ!» — и это когда нибудь исчезнетъ.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ внезапнымъ крикомъ нѣсколькихъ артистовъ, остававшихся въ сторонѣ и разговаривавшихъ между собою.

— Траянъ! Траянъ! кричали они.

— Вы хотите оглушить насъ своимъ крикомъ, сказала Миріамъ, смѣясь; что съ вами?

Вся площадь огласилась крикомъ — Траянъ! и эхо повторяло это крикъ со всѣхъ сторонъ понѣскольку разъ.

— Мы пользуемся случаемъ попробовать свои голоса, отвѣчалъ одинъ изъ артистовъ; а сверхъ того надѣемся вызвать Траяна; пусть онъ посмотритъ на свою колонну, онъ при жизни ея не видѣлъ, — вѣдь ваша модель бродитъ еще по Риму, а онъ жилъ и грѣшилъ раньше Траяна; почему же не явиться и Траяну?

— Я не думаю, чтобъ умершимъ императорамъ могли доставить удовольствіе ихъ колонны, замѣтилъ Киніонъ. Всѣ эти прекрасные барельефы, на которыхъ представлены кровавые подвиги Траяна, сдвали понравились бы ему; они вмѣстѣ съ нимъ явятся на страшный судъ и скажутъ, что онъ дѣлалъ при жизни. Еслибы мнѣ пришлось ставить памятникъ какому нибудь герою, я подумалъ-бы, что изобразить на пьедесталѣ.

— Вотъ и проповѣдь! сказала Гильда, смѣясь надъ нравственною рѣчью Киніона. Впрочемъ, эти камни въ самомъ дѣлѣ могутъ внушить мысль, годную для проповѣди.

Все общество въ самомъ веселомъ настроеніи духа отправилось далѣе взглянуть на массивные остатки храма Марса гдѣ въ настоящее время помѣщается женскій монастырь. По дорогѣ они остановились на минуту у портика храма Минервы, богатѣйшаго и прекраснѣйшаго произведенія древняго зодчества, но сильно пострадавшаго отъ времени и почти до половины скрывающагося въ наносной почвѣ. Въ этомъ зданіи на мѣстѣ древней богини пріютился булочникъ.

— Ужъ булочникъ вынулъ изъ печи свои булки, замѣтилъ Киніонъ. Слышите, какой сильный запахъ? Я думаю, Минерва, въ отмщеніе за такое поруганіе ея храма, подлила бы ему въ тѣсто уксусу, еслибы не знала, что новые Римляне сами льютъ его.

Они поворотили въ Via Alessandria и, достигнувъ храма Мира, прошли подъ его высокими массивными арками на длинную площадь, огороженную плетнемъ. На этомъ мѣстѣ, имѣющемъ въ настоящее время деревенскую наружность, въ древности вѣроятно была одна изъ великолѣпнѣйшихъ улицъ. На всемъ этомъ пространствѣ, поросшемъ травою, лежатъ груды развалинъ, и виденъ обнаженный слѣдъ обширнаго

храма, построеннаго Адріаномъ. Оно оканчивается довольно крутымъ спускомъ, у подножія котораго разстилается равнина, загроможденная развалинами Колизея.

ГЛАВА IX.

Въ Колизеѣ и на краю пропасти.

У входа въ эту величественную развалину, какъ обыкновенно въ лунные вечера, стояло нѣсколько экипажей; но внутри почти никого не было видно. Французскій часовой, стоявшій у главной арки, внимательно осмотрѣлъ группу новыхъ посѣтителей, однако не помѣшалъ имъ идти дальше. Вся внутренность развалинъ была залита луннымъ свѣтомъ, въ которомъ даже слишкомъ рѣзко обрисовывались арки. Величественныя воспоминанія помогаютъ воображенію создать постройку болѣе громадную, чѣмъ Колизей, и разрушить ее въ болѣе живописныя развалины. Знаменитое описаніе Байрона лучше дѣйствительности. Онъ смотрѣлъ на сцену сквозь чарующую призму протекшихъ столѣтій и освѣтилъ ее свѣтомъ звѣздъ, вмѣсто того, чтобъ представить ее въ яркомъ свѣтѣ полной луны.

Одни изъ членовъ нашего эстетическаго общества усѣлись на лежащую колонну, другіе на массивную глыбу мрамора, нѣкогда, можетъ быть, служившую подножьемъ жертвенника, иные на ступенькахъ христіанскаго алтаря. Хотя всѣ они были Готы и варвары, однакожъ болтали между собою такъ весело, какъ будто бы принадлежали къ племени, населяющему нынѣшнюю Италію. Здѣсь, гдѣ столько гладіаторовъ и христіанскихъ мучениковъ было истерзано дикими звѣрями, древнее населеніе Рима находило много удовольствія и веселья. И теперь нѣсколько человѣкъ, сидя у подножья чернаго креста, возвышающагося въ центрѣ Колизея, пѣли веселыя пѣсни. Всѣ преступленія, совершенныя на этомъ мѣстѣ, вся пролитая кровь, доставила ему особенную святость. Недаромъ римская церковь обѣщаетъ отпущеніе грѣховъ тому, кто напечатлѣетъ поцѣлуй на черномъ крестѣ. Кругомъ по всему пространству Колизея воздвигнуты алтаря, изъ которыхъ каждый напоминаетъ какое нибудь обстоятельство страданій Спасителя. Пилигримы ползаютъ на колѣнахъ отъ одного алтаря до другаго, и у каждаго склоняясь, терпѣливо читаютъ свои молитвы.

— Какъ все это прекрасно! сказала Гильда, вздохнувъ отъ удовольствія.

— Да, отвѣчалъ Киніонъ, сидѣвшій подлѣ нея на колоннѣ. Колизей мнѣ кажется теперь, какъ мы его видимъ, лучше, чѣмъ въ то время, когда здѣсь собиралось восемьдесятъ тысячъ народа смотрѣть, какъ львы и тигры разрывали людей. Колизей и былъ построенъ для насъ и надлежащее употребленіе изъ него сдѣлали только спустя двѣ тысячи лѣтъ послѣ его окончанія.

— Едва-ли императоръ Веспасіанъ имѣлъ насъ въ виду, сказала Гильда; но я все-таки ему очень благодарна за эту постройку.

— Но я думаю, его не такъ благодарятъ тѣ, чьимъ инстинктамъ онъ потворствовалъ, возразилъ Киніонъ. Представьте себѣ, что здѣсь по ночамъ собираются восемьдесятъ тысячъ духовъ, терзаемыхъ древними воспоминаніями, что они опять тѣснятся въ этихъ аркахъ и каятся въ нечеловѣческомъ наслажденіи, какое они здѣсь нѣкогда испытывали.

— Вы населяете эту мирную сцену готическими ужасами, сказала Гильда.

— У меня есть основаніе предполагать въ Колизеѣ сборище привидѣній, отвѣчалъ скульпторъ. Вы помните дѣйствительную сцену изъ біографіи Бенвенуто-Челлини, въ которой знакомый ему некромантъ очертилъ магическій кругъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь черный крестъ, и вызвалъ миріады демоновъ! Бенвенуто видѣлъ собственными глазами гигантовъ, пигмеевъ и другихъ чудовищъ, прыгавшихъ и плясавшихъ на стѣнахъ. Эти привидѣнія были Римляне, посѣщавшіе при жизни Колизей.

— Я и теперь вижу привидѣніе! сказала Гильда не совсѣмъ спокойно. Посмотрите на этого пилигрима; онъ ползетъ на колѣняхъ отъ одного образа къ другому и, кажется, очень усердно молится. Когда онъ повернулся въ эту сторону и свѣтъ упалъ ему въ лицо—я узнала его.

— Я тоже узнаю его, сказалъ Киніонъ. Бѣдная Миріамъ! Думаете вы, что она его видитъ?

Они осмотрѣлись кругомъ и замѣтили, что Миріамъ не было. Она незамѣтно отдѣлилась отъ общества и ушла въ темную арку, куда не проникалъ лунный свѣтъ.

Донателло, который сторожилъ ее, какъ вѣрная собака, прокрался за нею и сдѣлался невиннымъ свидѣтелемъ сцены, ужасной въ своемъ родѣ. Не зная объ его присутствіи и полагая, что она одна, Миріамъ, эта прекрасная дѣвушка, начала дѣлать самые странные, дикіе жесты, скрежетать зубами и топать ногами, какъ будто-бы она хотѣла скрыть отъ остальнаго общества припадокъ помѣшательства. Но извѣстно, что многія лица подъ вліяніемъ сильнаго напряженія

ищутъ успокоенія своихъ душевныхъ страданій въ болѣе или менѣе дикомъ, внѣшнемъ проявленіи ихъ; они часто кричатъ, если это возможно. Въ такія минуты ихъ можно почитать сумасшедшими.

— Синьорина! сжальтесь надо мною! вскричалъ Донателло, приблизившись къ ней. Это слишкомъ страшно!

— Какъ вы смѣли идти за мною? вскрикнула Миріамъ, вздрогнувъ; за такое оскорбленіе убиваютъ!...

— Убейте, если вамъ угодно, или если нужно, отвѣчалъ Донателло покорно, я не буду противиться смерти.

— Донателло, сказала Миріамъ, приблизившись къ нему; она казалась уже покойнѣе, но голосъ ея дрожалъ. Донателло, если вы любите себя, если вы хотите быть счастливы, какъ прежде, оставьте меня! — Она печально посмотрѣла на него, но не двигалась.—Я говорю вамъ,—продолжала она, послѣ паузы,—надо мною виситъ ужасное бѣдствіе — я это знаю, я вижу его, чувствую въ воздухѣ. Оно обрушится на меня и задавитъ васъ, если вы не оставите меня! Ступайте же и благодарите Бога за спасеніе. Ступайте, или вы погибли!

На лицѣ Донателло выразилось такое высокое и глубокое чувство, какого въ немъ и предположить не могла Миріамъ.

— Я никогда не оставлю васъ, сказалъ онъ; вы не можете прогнать меня отъ себя.

— Бѣдный Донателло! вскричала Миріамъ. Кромѣ васъ, никто не добивается раздѣлить мою судьбу, никто не идетъ за мною; возлѣ меня нѣтъ никого, кромѣ васъ!... Да, они называютъ меня прекрасной, продолжала она, обращаясь нестолько къ Донателло, сколько къ себѣ самой; — и я привыкла думать, что весь міръ будетъ у моихъ ногъ, когда меня постигнетъ бѣда! Теперь, да, теперь наступила эта бѣда, и что же? Моя красота, мои дарованія привлекли ко мнѣ одного простодушнаго мальчика, котораго они называютъ полуумнымъ, котораго они считаютъ способнымъ только наслаждаться жизнью. — Я принимаю его помощь — завтра, завтра я все разскажу ему, все!... Но развѣ это не преступленіе — смутить его чистую, благородную душу такимъ ужаснымъ разсказомъ и передать ему свою муку?!..

Она протянула къ нему руку и, когда онъ прижалъ ее къ губамъ, печально улыбнулась. Выходя изъ темной арки, они замѣтили стоящаго на колѣняхъ пилигрима, достигшаго уже тѣхъ ступеней, на которыхъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ сидѣла Миріамъ. Здѣсь онъ остановился и началъ усердно молиться. Но Киніонъ, сидѣвшій невдалекѣ отъ него, замѣтилъ—и это показалось ему очень страннымъ,— что въ лицѣ этого человѣка, равно какъ и въ дѣйствительной его

жизни, не видно было признаковъ раскаянія, хотя онъ и совершалъ это колѣнопреклоненное путешествіе, и даже въ то время, когда онъ шевелилъ губами, произнося, по всей вѣроятности, слова молитвы, глаза его блуждали, и Миріамъ вскорѣ почувствовала, что онъ ее замѣтилъ.

— Надо полагать, что онъ примѣрный католикъ, тихо сказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ. Судя по этому, едва-ли можно принять его за того человѣка, котораго видѣли въ катакомбахъ.

— Его обратили католическіе богословы, отвѣчалъ другой; они ужъ тысяча-пятьсотъ лѣтъ убѣждаютъ его.

Чрезъ нѣсколько минутъ вся компанія пошла дальше. Выйдя изъ Колизея, они оставили влѣво отъ себя арку Константина, а за нею безобразныя развалины дворца цезарей, части котораго возобновлены и обращены въ монастыри и новыя виллы; потомъ повернули къ городу и прошли чрезъ арку Тита. Луна сіяла такъ ярко, что освѣщала внутри высѣченный изъ мрамора еврейскій подсвѣчникъ о семи вѣтвяхъ, оригиналъ котораго можетъ быть и теперь еще лежитъ на днѣ Тибра.

По мѣрѣ того, какъ артисты подвигались впередъ, имъ все чаще и чаще попадались навстрѣчу пары или группы гуляющихъ. Въ лунные вечера Римъ оживляется: со всѣхъ сторонъ слышатся пѣсни, шумъ и сливаются съ вашими сновидѣніями, если вы заблаговременно улеглись спать; но гораздо лучше быть въ то время на улицѣ, потому что томительный жаръ римской атмосферы къ вечеру уменьшается.

Наконецъ они достигли форума и скоро приблизились къ краю пропасти.

— Отойдемъ отсюда, сказалъ Киніонъ, крѣпко упершись ногой объ край пропасти; это дѣйствительно, что называется стоять на краю пропасти. Въ нее когда-то бросился Курцій со своимъ конемъ. Представьте себѣ страшное отверстіе, недосягаемую для глаза глубину, выглядывающія изъ нея чудовища съ отвратительными физіономіями и кругомъ толпу испуганнаго народа. Въ этой картинѣ смыслъ гораздо глубже, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Здѣсь собрались всѣ пророческія видѣнія—всѣ будущія бѣдствія Рима—тѣни Готтовъ, Галловъ и даже нынѣшнихъ французскихъ солдатъ. Я бы много далъ, чтобъ взглянуть въ такую пропасть.

— Я думаю, что всякій человѣкъ, сказала Миріамъ, въ минуты горя и отчаянія смотритъ въ такую же пропасть.

— Что же тамъ? спросила Гильда. Я никогда еще туда не заглядывала.

— Погодите, откроется она и для васъ, отвѣчала Миріамъ. Та-

кая пропасть не что иное, какъ только одна изъ безчисленныхъ пропастей, разбросанныхъ повсюду подъ нашими ногами. Прочное человѣческое счастіе состоитъ въ томъ, что тонкая скорлупа, покрывающая эти пропасти въ состояніи служить подмостками для тѣхъ сценъ, которыя мы разъигрываемъ въ жизни. Но чтобы открыть пропасть, ненужно землетрясенія:—стоитъ ступить одной тяжелой ногѣ— и все готово. Я нахожу, что героизмъ Курція глупый и совершенно ненужный поступокъ. Чтожъ изъ того, что онъ бросился туда? За нимъ туда же ушелъ весь Римъ—дворцы цезарей, храмы боговъ, статуи великихъ людей—все провалилось туда! Эти побѣдоносныя арміи и тріумфаторы, съ торжественною музыкою возвращавшіеся съ поля битвы, куда они шли?—все туда же! Все бросалось за этимъ несчастнымъ, глупымъ Курціемъ, который думалъ, что спасетъ ихъ.

— Вашъ взглядъ на судьбу человѣческую меня очень печалитъ, Миріамъ, сказала Гильда. Мнѣ кажется, что подъ нашими ногами нѣтъ никакихъ пропастей, кромѣ тѣхъ, которыя мы сами себѣ роемъ. Если такая пропасть открывается, намъ остается наполнить ее добрыми дѣлами и тогда мы безопасно можемъ идти дальше. Эту пропасть открыли преступленія Рима; ее наполнили героическое самоотверженіе и патріотизмъ—высшія добродѣтели, по понятіямъ Римлянъ. Всякое зло снова открывало ее, и такъ какъ въ Римѣ было зла больше, нежели добра, то она поглотила все государство.

— И все пришло къ тому же концу, возразила Миріамъ настойчиво.

— Конечно,—вмѣшался Киніонъ, воображенію котораго совершенно полно и цѣло представилась картина, нарисованная Гильдою,—конечно, вся кровь, пролитая Римлянами на поляхъ сраженій, въ Колизеѣ, на улицахъ,—всѣ эти политическія и неполитическія убійства—кровь Цезаря и Виргиніи подмыла почву, на которой Римѣ стоялъ, и она провалилась. Виргинію отецъ закололъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, я въ этомъ увѣренъ.

— Значитъ, это мѣсто освящено на-вѣки, сказала Гильда.

— Вы приписываете кровопролитію благотворную силу? спросила Миріамъ. Нѣтъ, не возражайте, я поняла васъ правильно.

Отъ пропасти они возвратились назадъ, прошли форумъ, и Via Sacra, потомъ между арками храма Мира и дворца цезарей, гдѣ слышались многочисленные голоса гуляющихъ. Разнообразныя мелодіи раздавались въ воздухѣ и разносились далеко. Хорошій примѣръ ободрилъ нашихъ артистовъ, и они запѣли хоральную пѣню «Hail, Columbia»—звуки которой,—мы думаемъ, казались нѣсколько дикими въ этой классической мѣстности. Миріамъ сначала молчала, можетъ быть по-

тому, что не знала мелодіи и словъ; но наконецъ и она запѣла; голосъ ея сперва звучалъ тихо, потомъ постепенно возвышался и наконецъ покрылъ весь хоръ. Голосъ ея былъ чистъ и силенъ, но въ немъ звучала нота, обнаруживавшая сильное душевное волненіе. Она долго боролась съ нимъ, но не могла побѣдить. Эти громкіе звуки и высокія ноты, казалось, были воплями, исходившими изъ глубины ея больнаго сердца.

Съ площади Campidoglio они поднялись на вершину капитолійскаго холма и остановились предъ конною статуею Марка Аврелія. Луна изливала на нее такой яркій свѣтъ, что можно было различить складки императорской тоги.

— Скульпторъ зналъ, каковъ долженъ быть монархъ, сказалъ Киніонъ; и зналъ человѣческое сердце, которое требуетъ истиннаго, добраго правителя, съ какимъ бы титуломъ онъ ни былъ.

— О, еслибы былъ на свѣтѣ хоть одинъ такой человѣкъ! воскликнула Миріамъ, хоть одинъ въ цѣломъ мірѣ!—какъ скоро и легко избавлялись бы мы отъ своихъ страданій и несчастій. Мы всѣ могли бы прибѣгать къ нему въ горѣ, даже бѣдная женщина съ своимъ больнымъ сердцемъ не была бы имъ отвергнута; у его ногъ она могла бы оставить свои муки и навѣки отъ нихъ освободиться. Истинный правитель народа не долженъ отворачиваться и отъ частныхъ бѣдствій.

— Какое понятіе объ обязанностяхъ правителя! сказалъ Киніонъ, невольно улыбнувшись. Это совершенно женская мысль. Я увѣренъ, Гильда раздѣляетъ ее?

— Нѣтъ, отвѣчала она спокойно. Я никогда не стала бы искать помощи у земныхъ царей.

— Гильда! Гильда! проговорила Миріамъ тихо; какъ вы счастливы! Я съ радостью отдала бы всю мою жизнь за одну минуту такой вѣры въ Бога. Вы и не подозрѣваете, какъ я въ ней нуждаюсь. Вы въ-самомъ-дѣлѣ благодарите его за то, что онъ смотритъ и печется о насъ?

— Миріамъ, вы пугаете меня!

— Тише, тише! чтобъ они не услышали насъ! прошептала Миріамъ. Я васъ пугаю? вы говорите; чѣмъ? скажите, ради Бога. Развѣ въ моемъ поведеніи вы находите что нибудь странное?

— Нѣтъ, только въ эту минуту, отвѣчала Гильда, потому что вы, кажется, сомнѣваетесь въ Божьемъ провидѣніи.

— Мы въ другой разъ поговоримъ объ этомъ, сказала Миріамъ; теперь я не могу.

Во время этого разговора общество подошло къ прекрасной лѣстницѣ, спускающейся съ капитолійскаго холма къ нижнему Риму, гдѣ

находится узкій и довольно длинный проходъ. Сюда поворотили теперь наши артисты. Дорога постепенно спускалась внизъ подъ стѣнами дворца, потомъ подъ воротами и окончилась небольшимъ мощенымъ дворомъ, окруженнымъ невысокимъ парапетомъ.

Это мѣсто почему-то показалось имъ особенно пустыннымъ. Съ одной стороны возвышалась стѣна дворца, въ которой луна освѣщала обнаженныя закрытыя ставнями окна. Ни одинъ человѣческій глазъ не выглядывалъ изъ нихъ, какъ будто въ этомъ пустынномъ дворцѣ не было живаго существа. На всемъ дворѣ ничего не было видно, кромѣ низкаго парепета, построеннаго, повидимому, на краю пропасти. Съ высоты его артисты видѣли массу крышъ, громоздящихся на всемъ пространствѣ между ними и линіею холмовъ, лежащихъ за Тибромъ и обозначающихъ издали направленіе рѣки. Вправо, облитый луннымъ свѣтомъ, возвышался куполъ св. Петра, а далѣе другіе меньшіе куполы.

— Какой прекрасный видъ! вскричала Гильда. Я никогда еще не видѣла Рима такъ хорошо, и именно съ этого пункта.

— Съ этого пункта должна открываться самая лучшая перспектива, замѣтилъ скульпторъ, потому что съ него многіе знаменитые Римляне въ послѣдній разъ смотрѣли на свой родной городъ и на все земное. Мы стоимъ на Тарпейской скалѣ. Посмотрите внизъ— какой нибудь измѣнникъ нашелъ бы и теперь, что это довольно высоко, несмотря на тридцать футовъ наносной почвы.

Всѣ нагнулись внизъ и увидѣли, что скала падала до самаго низу также отвѣсно какъ стѣны находившагося позади нихъ дворца. Крыши бѣдныхъ домовъ, построенныхъ у подошвы и на сторонахъ скалы, не достигали и до половины ея высоты. Но однимъ угломъ она упиралась въ гладкую мощеную площадь.

— Мнѣ эта сторона больше всѣхъ нравится, сказалъ Киніонъ; это, вѣроятно, и было то самое мѣсто, откуда древніе Римляне заставляли скакать своихъ политическихъ преступниковъ; — оно соединяется съ высотою, на которой находился сенатъ и храмъ Юпитера — эмблемы ихъ политическихъ и религіозныхъ учрежденій. Этотъ видъ и въ наше время можетъ напомнить политическимъ людямъ, какъ быстръ переходъ отъ величія къ ничтожеству.

— Пойдемте, пойдемте! кричало нѣсколько голосовъ. Ужъ полночь! Мы буквально спимъ на краю пропасти. Пора спать, поздно философствовать!

— Да, пора домой, сказала Гильда.

Скульпторъ надѣялся, что будетъ имѣть удовольствіе проводить Гильду до входа въ ея башню; поэтому, когда общество пустилось въ

обратный путь, онъ предложилъ ей руку. Она сначала приняла ее, но черезъ нѣсколько времени, замѣтивъ, что Миріамъ осталась позади, сказала:

— Я должна воротиться назадъ; но, пожалуйста, не идите за мною. Я нѣсколько разъ въ теченіе вечера замѣчала, что у Миріамъ есть что-то на душѣ, какая-то печаль или забота; можетъ быть, она поговоритъ со мною объ этомъ. Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, идите впередъ. Донателло насъ обѣихъ проводитъ.

Скульпторъ былъ очень опечаленъ и даже нѣсколько разсерженъ такимъ рѣшительнымъ поведеніемъ Гильды; однако повиновался и Гильда ушла одна.

Между тѣмъ, Миріамъ, незамѣтившая ухода всего общества, осталась на краю пропасти.

— Высоко! сказала она, посмотрѣвъ внизъ и вздрогнувъ невольно, когда глаза ея разглядѣли подошву утеса. Да, конечно, да! тогда всему будетъ конецъ!

Въ эту минуту подошелъ къ ней Донателло, который оставался возлѣ нея, но почти не былъ ею замѣченъ. Онъ также, какъ Миріамъ, смотрѣлъ внизъ и дрожалъ отъ страха. Казалось, онъ чувствовалъ пагубную судьбу, угрожающую изъ глубины, и все таки смотрѣлъ внизъ и снова быстро отступалъ назадъ еще въ большемъ ужасѣ.

— О чемъ вы думаете, Донателло? спросила Миріамъ.

— Я думаю, отвѣчалъ онъ, серьезно глядя ей въ лицо,—кто были тѣ люди, которыхъ бросали отсюда?

— Это были люди, которые вредили міру, отвѣчала Миріамъ; люди, жизнь которыхъ была тягостна для ихъ ближнихъ; эти люди отравляли воздухъ, которымъ всѣ дышали, потому что хотѣли достигнуть своихъ личныхъ цѣлей. Съ такими людьми у древнихъ Римлянъ была короткая расправа—ихъ прямо съ торжественной колесницы кидали въ эту пропасть.

— Развѣ это было хорошо? простодушно спросилъ молодой человѣкъ.

— Да, хорошо, отвѣчала Миріамъ; они спасали невинныхъ людей отъ судьбы, которую заслуживали преступники.

Во время этого короткаго разговора Донателло нѣсколько разъ внимательно посмотрѣлъ въ сторону, какъ смотрятъ собаки, когда замѣчаютъ что нибудь подозрительное, и потомъ обратилъ вниманіе на какой-то предметъ, находившійся вблизи. Миріамъ также осмотрѣлась и кажется только въ эту минуту замѣтила, что даже Гильда ушла и она осталась одна съ Донателло.

Но они не были одни. Въ основаніи дворцовой стѣны луна оттѣ-

няла глубокую, пустую нишу, въ которой когда-то была статуя; но теперь эта ниша не была пуста, потому что изъ нея вышла темная фигура и стала приближаться къ Миріамъ. Вѣроятно она имѣла причину бояться его приближенія или, можетъ быть, навѣрно знала, что въ эту минуту долженъ наступить кризисъ ея страданія, потому что ею овладѣло такое нѣмое, холодное отчаяніе, что мысли ея помутились и дыханіе остановилось. Она упала на колѣна; но выраженіе ея лица показывало, что движеніе это было безсознательно; она не знала, что ей дѣлать и едвали сознавала свое участіе въ этой сценѣ.

Между тѣмъ Гильда, оставивъ скульптора, быстро пошла назадъ въ надеждѣ встрѣтить свою пріятельницу. Издали доносились до ея слуха звуки веселой пѣсни, которую пѣли артисты, спускаясь съ капитолійскаго холма.

Калитка небольшаго двора отворилась и снова захлопнулась. Гильда вступила на дворъ; но не пошла дальше, потому что ее поразилъ внезапный шумъ борьбы, прекратившійся въ одно мгновеніе. Вслѣдъ за нимъ послышался громкій ужасный крикъ и тяжелое паденіе чего-то на землю. Потомъ все смолкло. — Такимъ образомъ Гильда была невольною свидѣтельницею случившагося здѣсь происшествія.

Еще разъ калитка отворилась и затворилась — и Миріамъ съ Донателло остались одни. Она ломала руки и дико смотрѣла на молодаго человѣка, фигура котораго какъ будто выросла передъ нею, между тѣмъ какъ въ глазахъ его сверкала жестокая энергія: она вдругъ сдѣлала его мужемъ, и мгновенно развила въ немъ сознаніе, котораго не обличала въ немъ прежде ни одна черта характера. Простое, веселое, беззаботное созданіе, какимъ мы знали Донателло, исчезло навсегда.

— Что вы сдѣлали? въ ужасѣ прошептала Миріамъ.

Глаза Донателло попрежнему сверкали и въ лицѣ еще оставалось выраженіе яростнаго гнѣва.

— Я сдѣлалъ то, что нужно было сдѣлать съ измѣнникомъ, отвѣчалъ онъ. Я сдѣлалъ то, о чемъ глаза ваши просили меня, когда я держалъ его надъ пропастью!

Послѣднія слова, какъ ударъ грома, поразили Миріамъ. Такъ-ли это? Дѣйствительно-ли она просила Донателло поступить такъ, какъ онъ поступилъ? — Она не знала. Но, припомнивъ подробности сцены, она не могла отрицать, что сердце ея наполнялось дикою радостью, когда она видѣла своего преслѣдователя на краю погибели. Можетъ быть, въ эту минуту шевельнулось и другое какое нибудь чувство; но каково бы ни было ея душевное движеніе, оно сверкало въ ея лицѣ въ то мгновеніе, когда Донателло сбросилъ свою жертву со скалы и

когда послышалось паденіе. Но вслѣдъ затѣмъ ею овладѣлъ невыразимый ужасъ.

— И мои глаза просили вась объ этомъ? повторила она.

Они оба нагнулись черезъ парапетъ и смотрѣли внизъ такъ пристально, какъ будто бы упало туда неоцѣненное сокровище и его еще можно было поднять. На мостовой лежала темная масса, въ которой едва-ли можно было отличить человѣка; только руки были распростерты, какъ будто бы хотѣли обхватить маленькіе квадратные камни. Миріамъ долго смотрѣла на безжизненную массу, — но не замѣтила ни малѣйшаго движенія.

— Вы убили его, Донателло! Онъ совсѣмъ мертвъ! Мертвъ, какъ камень! Можетъ-ли это быть!

— Развѣ вы не думали, что онъ умретъ? сурово спросилъ Донателло. Взвѣшивать дѣло, конечно, было некогда; его судъ продолжался одно мгновеніе и приговоръ заключался въ вашемъ взглядѣ, которымъ вы отвѣчали на мой взглядъ. Есди вы будете говорить, что я убилъ его противъ вашего желанія, или что онъ умеръ безъ вашего согласія — черезъ минуту вы увидите меня тамъ же, возлѣ него.

— О, никогда! вскричала Миріамъ. Мой добрый, единственный другъ! никогда, никогда!

Она оборотилась къ нему — преступная обагренная кровью женщина, — оборотилась къ своему товарищу, такому же преступнику, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ еще невинному, и крѣпко прижала его къ своей груди. Въ этомъ объятіи соединились ихъ сердца, уже соединенныя общимъ чувствомъ ужаса и страданія.

— Да, Донателло, вы говорите правду, сказала она. Мое сердце согласилось съ вами. Мы оба его убили. Это дѣло связало насъ на вѣки, какъ кольцо змѣи.

Они еще разъ посмотрѣли внизъ, чтобъ убѣдиться, тамъ-ли ихъ жертва; — все дѣло казалось имъ сновидѣніемъ. Потомъ отвернулись отъ роковой пропасти и ушли со двора. Дѣло, совершенное молодымъ человѣкомъ и принятое Миріамъ соединило ихъ души страшною неотразимою силою. Союзъ ихъ былъ тѣснѣе всякаго человѣческаго союза; въ первыя минуты новая симпатія уничтожила всякія другія узы. Они достигли лѣстницы, спускающейся отъ Капитолія, гдѣ вдали еще слышны были громкія пѣсни и смѣхъ, среди которыхъ едва слышались ихъ собственные голоса. Но теперь не узнали бы ихъ голосовъ—они какъ-то странно звучали; и сами они чувствовали, что не могли бы смѣшаться съ этою толпою: преступленіе отдѣлило ихъ отъ другихъ людей. Но за-то тѣмъ тѣснѣе былъ ихъ союзъ въ этомъ нравствен-

номъ одиночествѣ; онъ заключалъ въ себѣ все, что связываетъ людей и привлекаетъ другъ къ другу.

— О, Донателло! вскричала Миріамъ; и въ это восклицаніе она перелила всю свою душу. — О, другъ мой, чувствуете-ли вы, какъ тѣсно соединены наши сердца?

— Да, я чувствую, отвѣчалъ онъ. Мы живемъ теперь одною жизнью.

— А вчера еще, продолжала Миріамъ, — нѣтъ, не вчера, нѣсколько минутъ тому назадъ я была одна, совершенно одна. Ни друга, ни сестры, никого, къ кому было бы привязано мое сердце. Одна минута — и все перемѣнилось! Нѣтъ больше одиночества!

— Да, Миріамъ, нѣтъ одиночества! сказалъ Донателло.

— Нѣтъ, мой прекрасный! отвѣчала Миріамъ, глядя ему въ лицо, одушевленное страстью и принявшее почти геройское выраженіе. Нѣтъ, мой невинный! Вѣдь мы не сдѣлали ничего дурнаго. Одну жалкую, недостойную жизнь нужно было принести въ жертву, чтобъ соединить двѣ другія жизни на вѣки.

— На вѣки, Миріамъ! На вѣки соединены его кровью! сказалъ Донателло и самъ содрогнулся отъ своихъ словъ. Можетъ быть, онѣ представили его простому воображенію всю гнусность союза, скрѣпленнаго преступленіемъ, о чемъ онъ никогда еще не думалъ.

— Забудьте это! забудьте! сказала Миріамъ, которая не могла не замѣтить, что въ душу Донателло стало проникать неизъяснимое мученіе. Дѣло сдѣлано — его ужъ нѣтъ больше!

Они проходили по улицамъ Рима, какъ между величественными тѣнями преступниковъ, витающихъ надъ этимъ облитомъ кровью городомъ.

— Вотъ и здѣсь совершились великія дѣла, сказала Миріамъ, когда они вступили на помпеевскій форумъ, такія же кровавыя дѣла, какъ наше! Кто знаетъ, можетъ быть, мы встрѣтимъ здѣсь печальныя тѣни убійцъ Цезаря.

— Теперь они сдѣлались нашими братьями? спросилъ Донателло.

— Да, всѣ они, и многіе другіе, неизвѣстные міру, сдѣлались нашими братьями и сестрами, отвѣчала она.

Теперь она въ свою очередь вздрогнула; куда дѣвалось минутное, обманчивое спокойствіе, послѣ совершеннаго преступленія? Миріамъ почувствовала теперь, что она сама и влюбленный въ нее Донателло составляли не чету счастливыхъ влюбленныхъ, но чету неразрывно связанную преступленіемъ, что при каждомъ взглядѣ другъ на друга они должны содрагаться.

*

— Только не теперь! твердила она про-себя. Только не сегодня! Сегодня нѣтъ никакихъ угрызеній!

Погруженная въ свои мысли — увы! тяжелыя, мрачныя мысли! — они шли безъ цѣли, поворачивали то вправо, то влѣво и очутились наконецъ въ концѣ той улицы, гдѣ находилась башня Гильды. Въ окнѣ у нея свѣтился огонь, какъ будто передъ образомъ Мадонны. Миріамъ остановила Донателло, взявъ его за руку. Стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ башни, они видѣли, какъ отворилось верхнее окно, какъ Гильда наклонилась впередъ и подняла руки къ небу.

— Доброе, чистое дитя! Смотрите, Донателло, она молится! сказала Миріамъ голосомъ, въ которомъ слышна была неподдѣльная радость. Еще разъ изъ глубины ея души поднялось, какъ черная туча, сознаніе ея преступленія и она громкимъ голосомъ воскликнула: Молись за насъ, Гильда! Намъ нужна твоя молитва!

Услышала-ли Гильда это восклицаніе, узнала-ли она голосъ, мы не можемъ сказать; но окно тотчасъ же закрылось и Гильда исчезла за нимъ. Движеніе это мучительно отозвалось въ сердцѣ Миріамъ — она поняла, что ея осужденную душу отвергло небо.

ГЛАВА X.

Капуцинъ.

Церковь капуциновъ, гдѣ наши знакомые согласились встрѣтиться на другой день, находится невдалекѣ отъ площади Барберини. Туда въ назначенный часъ слѣдующаго утра послѣ описанной сцены пошли Миріамъ и Донателло. Никогда обыкновенныя человѣческія занятія не кажутся такъ ничтожны и жизнь такимъ пустымъ, безсмысленнымъ общимъ мѣстомъ, какъ въ то время, когда человѣкъ носитъ въ душѣ своей тайну, открытіе которой сдѣлало бы его чудовищнымъ въ глазахъ всего свѣта. Какъ скучны и утомительны кажутся всѣ эти обыкновенные предметы въ сравненіи съ такимъ великимъ событіемъ! Какъ болѣзненно ноетъ и трепещетъ на другое утро духъ человѣка, столь рѣшительный и смѣлый наканунѣ! Какой ужасный холодъ овладѣваетъ его сердцемъ, когда горячка и дикій порывъ страсти проходятъ!

Приблизившись къ церкви, Миріамъ и Донателло нашли тамъ только Киніона, ожидавшаго ихъ на ступеняхъ. Гильда еще не являлась, хотя и обѣщала быть тамъ же. Увидѣвъ скульптора, Миріамъ сдѣлала надъ собою усиліе и была такъ естественна, что самый тонкій наблюдатель не замѣтилъ бы въ ея поведеніи ничего искуственнаго. Она съ видимымъ участіемъ говорила объ отсутствіи Гильды и даже наскучила ему намеками на привязанность, которая никогда не была открыто признана; такъ какъ все это говорилось въ присутствіи Донателло, то Киніонъ подумалъ, что Миріамъ переступила границы деликатности. Но мнѣніе это было несправедливо, потому что Миріамъ едва ли могла отвѣчать за свое тщетное усиліе быть веселой.

— Видѣли-ли вы ее, послѣ того, какъ мы разстались? спросила Миріамъ, все еще неперестававшая говорить о Гильдѣ. На возвратномъ пути я ее упустила изъ виду.

— Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее, когда она возвратилась къ вамъ на дворъ палаццо Каффарели, отвѣчалъ скульпторъ.

— Не можетъ быть! вскричала Миріамъ.

— Такъ вы ея не видѣли? спросилъ Киніонъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, хотя я шла вслѣдъ за всѣмъ обществомъ, отвѣчала Миріамъ. Но мнѣ кажется, что за нее нѣтъ причины опасаться. Я всегда была увѣрена, что Гильда также безопасна на улицахъ Рима, какъ ея бѣлые голуби, которые безвредно летаютъ подъ ногами лошадей.

— Я въ этомъ также увѣренъ, возразилъ скульпторъ; но мнѣ хотѣлось бы знать навѣрное, что она возвратилась въ свою башню.

— Это нетрудно, отвѣчала Миріамъ. Вчера вечеромъ, возвращаясь домой, я видѣла ее у отвореннаго окна.

— Вы, кажется, не въ духѣ, Донателло, замѣтилъ Киніонъ. Эта скучная городская атмосфера васъ должно быть ужъ очень утомила; но вы поправитесь и попрежнему будете веселы, возвратясь домой. Я не забылъ вашего приглашенія провести лѣто у васъ въ замкѣ. Намъ обоимъ будетъ веселѣе въ горахъ.

— Можетъ быть, сказалъ Донателло мрачно; когда я былъ ребенкомъ, старый домъ мнѣ казался веселымъ; но сколько я помню, онъ теперь довольно угрюмъ и скученъ.

Скульпторъ внимательно смотрѣлъ на Донателло и очень удивился, что въ лицѣ его совершенно пропали и прежнее выраженіе беззаботности и тѣ черты, которыя обличали въ немъ нѣкоторыя животныя наклонности. Вся его юношеская веселость и простота нравовъ исчезли.

— Вы кажется нездоровы, Донателло? спросилъ Киніонъ.

— Я? Может быть, отвѣчалъ Донателло равнодушно. Я никогда не былъ болѣнъ и не знаю, что это значитъ.

— Не смущайте его больше, прошептала Миріамъ, дернувъ за рукавъ скульптора. Онъ въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то разстроенъ. Въ этомъ мрачномъ городѣ никто не можетъ быть постоянно веселъ; а тѣмъ болѣе такое впечатлительное созданіе.

Весь этотъ разговоръ произошелъ при входѣ въ церковь капуциновъ; произнося послѣднія слова, Миріамъ отдернула занавѣсъ, закрывающій дверь каждой церкви въ Италіи.

— Гильда, должно быть, забыла о нашемъ свиданіи, замѣтила она; или, можетъ быть, проспала. Намъ нечего ее ждать.

Они вошли въ церковь. Внутреннее пространство ея не очень обширно; но архитектура ея весьма хороша; потолокъ выведенъ сводами, на столбахъ раздѣляющихъ рядъ капеллъ, гдѣ находились раки, загроможденныя разнаго рода приношеніями; картины алтаря были завѣшаны, хотя и не произведенія знаменитыхъ художниковъ; предъ ними постоянно горѣли свѣчи. Полъ въ церкви мраморный и уже значительно пострадавшій отъ времени. Вдоль стѣнъ тянется рядъ гробницъ, украшенныхъ фигурами и портретами въ барельефахъ съ эпитафіями на латинскомъ языкѣ.

Первый предметъ, привлекшій вниманіе вошедшихъ посѣтителей, была дѣйствительная или, какъ можно было подозрѣвать, очень искусно сдѣланная изъ воску фигура умершаго монаха, приличнымъ образомъ драпированнак. Она лежала на довольно низкихъ носилкахъ; съ каждой стороны стояло по три свѣчи и по одной въ ногахъ и въ головахъ. Звуки органа совершенно гармонировали съ характеромъ зрѣлища. Изъ-подъ полу церкви слышился низкій хриплый голосъ, какъ будто выходившій изъ могилы; онъ пѣлъ De Profundis. Звуки отражались въ сводахъ и разносились по всему пространству церкви, вдоль гробницъ съ ихъ статуями и эпитафіями.

— Нужно посмотрѣть этого монаха, сказалъ скульпторъ. Иногда въ мертвыхъ лицахъ я замѣчалъ такія черты, какихъ удавалось видѣть въ живыхъ.

— Да, я могу себѣ представить, отвѣчала Миріамъ. Но прежде посмотримъ картину Гвидо. Теперь она должна быть хорошо освѣщена.

Они вошли въ первую часовню направо отъ входа и увидѣли тамъ не картину, а закрывавшій ее занавѣсъ. Священники въ Италіи имѣютъ обыкновеніе закрывать картины знаменитыхъ художниковъ и открываютъ ихъ очень рѣдко, оставляя однакожъ право смотрѣть на нихъ только протестантамъ, которые почитаютъ въ этихъ картинахъ только эстетическое достоинство. Нужно было отыскать кистера, который вскорѣ явился и

открылъ юношу архангела, поставившаго ногу на голову павшаго передъ нимъ чудовища. То было изображеніе великихъ будущихъ событій,—изображеніе торжества добра надъ зломъ.

— Гдѣ бы могла быть Гильда? сказалъ Киніонъ; такая неточность вовсе не въ ея характерѣ; а сегодня мы собрались здѣсь только для нея; вѣдь мы были согласны.

— Да, но мы ошибались, а Гильда была права, какъ видите, возразила Миріамъ, обращая вниманіе скульптора на тотъ пунктъ, который наканунѣ былъ предметомъ спора. Если она изучила какую нибудь картину, то, повѣрьте, въ ея мнѣніи трудно найти ошибку.

— И она немного картинъ такъ изучила и немногими восхищается такъ, какъ этою, замѣтилъ скульпторъ. И неудивительно: это едва ли не одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній въ мірѣ. Какое выраженіе небесной строгости въ лицѣ архангела! Въ немъ вы видите и скорбь, и замѣшательство, и отвращеніе, неизбѣжныя во всякой борьбѣ съ грѣхомъ, хотя бы побѣда надъ нимъ была ужъ обезпечена; но надъ всѣми этими земными чувствами господствуетъ божественное спокойствіе, выражающееся во всей фигурѣ.

— Я никогда не могла находить эту картину въ такой степени прекрасной, какъ находитъ ее Гильда, ни съ нравственной, ни съ эстетической точки зрѣнія, сказала Миріамъ. Еслибы ей труднѣе было быть доброй, еслибы у нея не была такая чистая душа, она не находила бы и половины тѣхъ достоинствъ, какія теперь видитъ. Я сегодня яснѣе, чѣмъ когда либо вижу недостатки этой картины.

— Какіе же? спросилъ Киніонъ.

— Во-первыхъ, этотъ прекрасный юноша съ сложенными крыльями, съ блестящимъ мечомъ и сіяющимъ вооруженіемъ, надѣлъ слишкомъ изысканную и яркую тунику; во-вторыхъ, онъ съ какою-то полунасмѣшливою деликатностью поставилъ свою прекрасно обутую ножку на голову врага. Но развѣ такой видъ имѣетъ добродѣтель въ борьбѣ со зломъ? Нѣтъ! никогда! Я лучше Гвидо знаю, какъ бы слѣдовало поставить ангела. Нужно было бы выщипать по крайней мѣрѣ третью часть перьевъ; крылья должны быть распростерты также напряженно, какъ у самого сатаны. Мечъ долженъ быть до половины въ крови, вооруженіе изломано, платье изорвано, грудь окровавлена; по грозному лицу должна течь кровь. Онъ долженъ придавить ногою чудовище такимъ образомъ, чтобы видно было, что въ этомъ движеніи вся его душа, что онъ сомнѣвается еще въ исходѣ борьбы, что не знаетъ, побѣдитъ-ли онъ, или будетъ побѣжденъ. Но несмотря на грозный видъ и невыразимый ужасъ, въ глазахъ Михаила должно просвѣчи-

ваться нѣчто высокое, благородное. Тогда бы эта борьба не была дѣтскою игрою, какою она кажется герою Гвидову.

— Ради Бога, Миріамъ, вскричалъ Киніонъ, нѣсколько удивленный живостью и энергіею, звучавшими въ голосѣ артистки,—напишите картину по этому плану. Я увѣренъ, это будетъ превосходное, образцовое произведеніе.

— Въ картинѣ должна быть истина, возразила Миріамъ; и я боюсь, что побѣда осталась бы на сторонѣ чудовища. Представьте себѣ такого же демона съ свирѣпымъ взглядомъ, съ дымящеюся пастью, наступившаго на ангела, ухватившагося когтями за бѣлое крыло и поражающаго его своимъ гигантскимъ хвостомъ! Вотъ опасность, предстоящая бѣдной душѣ, вступающей въ борьбу съ врагомъ Михаила.

Миріамъ замѣтила только теперь, что душевное безпокойство сообщило ей излишнюю живость; она замолчала и отвернулась отъ картины, не сказавъ болѣе ни слова. Между тѣмъ Донателло, находившійся подлѣ нея, но неслышавшій ея словъ, сохранялъ прежній видъ душевнаго разстройства и постоянно бросалъ удивленные вопросительные взгляды на трупъ монаха, какъ будто ни на что другое и смотрѣть не могъ.

— Въ чемъ дѣло, Донателло? прошептала Миріамъ. Вы очень взволнованы, мой другъ! Что тамъ?

— Я не могу вынести этого ужаснаго пѣнья, отвѣчалъ Донателло. И этотъ мертвый монахъ! онъ давитъ мнѣ грудь!

— Будьте смѣлѣе! проговорила она тихо. Мы подойдемъ къ нему ближе. Единственное средство уничтожить страхъ — прямо взглянуть ему въ лицо. Не бойтесь, мой добрый другъ! Положитесь на меня, у меня достаточно твердости. Будьте смѣлѣе и все будетъ хорошо.

Донателло остановился на минуту, но потомъ приблизился къ Миріамъ, и она подвела его къ носилкамъ. Скульпторъ послѣдовалъ за ними. Нѣсколько человѣкъ — большею частію женщинъ и дѣтей — стояло вокругъ покойника, и когда наши друзья приблизились, одна мать, стоявшая на колѣнахъ, заставила маленькаго мальчика также стать на колѣна и поцѣловать четки и распятіе. Вѣроятно въ смерти монаха былъ нѣкоторый признакъ святости; во всякомъ случаѣ смерть не лишила его почтенной наружности духовнаго отца. Онъ былъ одѣтъ въ капуцинскую рясу, капишонъ которой прикрывалъ его голову и часть лба, такъ однакожъ, что все лицо и борода были совершенно открыты. Четки и крестъ висѣли у пояса, руки были сложены на груди, а ноги, выходившія изъ-подъ рясы (онѣ были голы, какъ обыкновенно у капуциновъ), казались такими же восковыми, какъ лицо, и были связаны у щиколотокъ чорною лентою. Вѣки не были совершенно за-

крыты и изъ-подъ нихъ выглядывала часть зрачка, какъ будто бы умершій монахъ бросалъ украдкою взглядъ на окружавшихъ, чтобъ убѣдиться, производитъ-ли на нихъ должное впечатлѣніе торжественность его похоронъ. Густыя брови придавали особенную строгость его взгляду.

Миріамъ прошла между двумя подсвѣчниками и остановилась у самыхъ носилокъ.

— Боже мой! прошептала она. Что это?

Она схватила руку Донателло, и въ ту же минуту онъ почувствовалъ въ ней судорожное содроганіе, произведенное внезапнымъ трепетомъ сердца. Его рука была холодна, какъ ледъ, и безчувственно лежала въ ея рукѣ. Не удивительно, что кровь въ ихъ жилахъ застывала, что сердца ихъ то бились съ ужасною силою, то вдругъ замирали! Умершій монахъ, смотрѣвшій на нихъ своими полузакрытыми глазами, былъ тотъ самый человѣкъ, котораго Донателло вчера вечеромъ бросилъ въ пропасть.

Скульпторъ, стоявшій въ ногахъ, не видѣлъ еще лица монаха.

— Эти голыя ноги производятъ на меня странное впечатлѣніе, сказалъ онъ, и уже готовился-было развить свою мысль, но оглянулся и увидѣлъ, что ни Миріамъ, ни Донателло возлѣ него не было.

— Га! воскликнулъ онъ невольно, приблизившись къ головѣ монаха и увидѣвъ его лицо.

Онъ взглянулъ на Миріамъ и замѣтилъ, что она была поражена ужасомъ и глаза ея дико смотрѣли. Мы однакожъ не можемъ сказать, чтобъ въ умѣ его явилось какое нибудь опредѣленное подозрѣніе или даже тѣнь мысли, что на ней, можетъ, хотя до нѣкоторой степени, лежитъ отвѣтственность за внезапную смерть этого человѣка. Самое сходство между умершимъ капуциномъ и человѣкомъ, преслѣдовавшимъ Миріамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, казалось ему очень страннымъ и дикимъ. Но Киніонъ, вслѣдствіе врожденной способности къ пластическому искуству, очень живо и вѣрно помнилъ черты видѣнныхъ имъ предметовъ и лицъ. Въ то же время послышался ему шопотъ: «тише»! Не задавая себѣ вопроса, откуда и что онъ знаетъ, Киніонъ рѣшился молчать о сдѣланномъ имъ открытіи и предоставить самой Миріамъ объяснить тайну; если же она будетъ молчать, загадка останется неразрѣшенною.

Въ эту минуту случилось такое странное обстоятельство, что мы не рѣшились бы упоминать о немъ, еслибы оно не было слишкомъ дѣйствительно и очевидно. Стоя у носилокъ, друзья наши увидѣли, что изъ ноздрей умершаго потекла маленькая струя крови, которая скатилась къ подбородку и потерялась въ его густой бородѣ.

— Какъ это странно! вскричалъ Киніонъ. Монахъ умеръ отъ апоплексическаго удара или отъ другой какой нибудь скоропостижной болѣзни, а кровь въ немъ еще не застыла.

— И вы находите это достаточнымъ объясненіемъ? спросила Миріамъ съ улыбкою, отъ которой скульпторъ невольно отвернулся. Это васъ удовлетворяетъ?

— Какъ? спросилъ онъ.

— Вы развѣ не знаете стариннаго повѣрья о крови, выходящей изъ мертваго тѣла? возразила Миріамъ. Можете-ли вы сказать, что убійца этого монаха или просто привиллегированный убійца — его докторъ — въ эту минуту вошелъ въ церковь?

— Я не могу шутя говорить о такихъ предметахъ, сказалъ Киніонъ. Это слишкомъ безобразно.

— Да, правда, слишкомъ безобразно и ужасно! отвѣчала Миріамъ, посмотрѣвъ на скульптора тѣмъ долгимъ смущеннымъ взглядомъ, который такъ часто обличаетъ страданіе сердца.—Пойдемте отсюда! пойдемъ, Донателло! Подъ открытымъ небомъ вамъ будетъ лучше, чѣмъ въ этой мрачной церкви.

Но когда они отвернулись отъ носилокъ и прошли нѣсколько шаговъ, Миріамъ представилось, что поразившее ее сходство лицъ было воображаемое и что оно исчезнетъ, лишь только она пристальнѣе всмотрится въ черты умершаго. Она рѣшилась еще разъ взглянуть на него.

— Подождите меня минуту, сказала она своимъ спутникамъ, одну минуту только.

Она возвратилась къ покойнику. Да, это то самое лицо, которое было такъ хорошо ей знакомо раньше, чѣмъ полагали самые близкіе ея друзья; то была фигура того самаго злаго духа, который отравилъ ея юность и принудилъ ее къ преступленію. Но было-ли то величіе смерти, или дѣйствительно въ характерѣ умершаго было нѣчто возвышенное и благородное, только Миріамъ была поражена не обычнымъ ужасомъ, внушаемымъ смертью, а какимъ-то другимъ не совсѣмъ опредѣленнымъ чувствомъ, которое овладѣло ею, когда она прочла въ полуоткрытомъ взглядѣ строгій, спокойный упрекъ.

— Точно-ли это ты? прошептала она. Ты не имѣешь права грозить мнѣ! Но ты-ли это? или это только призракъ?

Она наклонилась надъ умершимъ монахомъ, такъ, что роскошныя кудри ея коснулись его лица, и рукъ.

— Да, это ты! сказала она. Вотъ и рубецъ, который я такъ хорошо знаю. Ты не призракъ, я могу дотронуться до тебя.

Вся эта сцена и предшествующая развили въ Миріамъ необыкновенную твердость, она ужъ не дрожала болѣе; она спокойно и строго

смотрѣла на своего неподвижнаго врага, стараясь какъ будто уловить взглядъ обвиненія и упрека изъ подъ его полуоткрытыхъ вѣкъ.

— Нѣтъ, тебѣ нечего грозить мнѣ! сказала она. Мы явимся вмѣстѣ на страшномъ судѣ! Я не боюсь встрѣтить тебя ни здѣсь, ни тамъ!... Прощай, до будущаго свиданія!

Сдѣлавъ гордый жестъ рукою, Миріамъ пошла къ своимъ друзьямъ, ожидавшимъ ее у церковной двери. Когда они хотѣли уйти, имъ попался навстрѣчу кистеръ и предложилъ посмотрѣть монастырскій склепъ, гдѣ умершія члены братства покоятся въ святой землѣ, привезенной изъ Іерусалима.

— И этого монаха тоже тамъ похоронятъ? спросила Миріамъ.

— Брата Антоніо? воскликнулъ служка. Конечно. Могила его уже готова; не угодно-ли вамъ посмотрѣть, синьорина?

— Хорошо! отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ извините меня, сказалъ Киніонъ; я васъ оставлю. Съ меня довольно и одного мертвеца; у меня недостанетъ смѣлости смотрѣть на цѣлое кладбище.

По взгляду Донателло легко было узнать, что онъ, подобно скульптору, хотѣлъ тоже уклониться отъ посѣщенія знаменитаго кладбища капуциновъ. Поэтому Миріамъ одна пошла за ключаремъ. Склепъ находится подъ церковью, но наровнѣ съ поверхностью земли и освѣщенъ рядомъ оконъ съ желѣзными рѣшетками безъ стеколъ. Длинный корридоръ, тянувшійся вдоль оконъ, въ трехъ или четырехъ мѣстахъ расширяется въ широкія и высокія часовни, полъ которыхъ состоитъ изъ земли, привезенной изъ Іерусалима. Но такъ какъ это кладбище относительно невелико, то обыкновенно изъ древнѣйшихъ могилъ вынимаютъ скелеты и кладутъ на ихъ мѣсто новые трупы, чтобы такимъ образомъ доставить всѣмъ драгоцѣнную привиллегію лежать въ святой почвѣ. Непогребенные или, вѣрнѣе, вынутые изъ могилъ скелеты составляютъ особенно интересный предметъ на этомъ кладбищѣ. Выведенныя въ арки и своды стѣны поддерживаются массивными столбами, составленными изъ костей и череповъ. Вершины арокъ украшены цѣлыми скелетами, которые имѣютъ такой видъ, какъ будто бы были вырѣзаны на барельефѣ. Невозможно описать всего безобразія и странности этого зрѣлища, не лишеннаго своего рода артистическаго достоинства, равно какъ нельзя опредѣлить числа монаховъ, въ теченіе многихъ столѣтій доставлявшихъ матеріалъ для этой постройки. На нѣкоторыхъ черепахъ сдѣланы надписи, извѣщающія, что такой-то монахъ умеръ такого-то числа, мѣсяца и года; но несравненно большее число вошли безразлично въ эту постройку, какъ обыкновенные трофеи общей побѣды

смерти. Въ стѣнахъ подѣланы ниши, гдѣ стоятъ и сидятъ скелеты, одѣтые въ темныя рясы, какія носили при жизни, съ ярлыками, на которыхъ означено время смерти. Ихъ черепы, или уже совершенно голые, или еще покрытые пожелтѣвшею кожею и волосами, знакомыми съ сыростью земли, выглядываютъ изъ нишъ, отталкивая отъ себя взоръ посѣтителя. У одного почтеннаго отца челюсти раскрыты, какъ будто бы онъ умеръ въ припадкѣ ужаса и нравственныхъ мученій, вопль которыхъ, кажется, слышится и теперь еще. Вообще кладбище капуциновъ не внушаетъ человѣку идеи объ его безсмертіи, и можно-ли чувствовать себя безсмертнымъ тамъ, гдѣ всѣ алтари въ часовняхъ составлены изъ кучи человѣческихъ костей. Вышедъ оттуда, поневолѣ поблагодаришь Бога за голубое, чистое небо.

Миріамъ печально шла за ключаремъ по корридору, пока наконецъ не достигла свѣжей могилы, вырытой въ послѣдней часовнѣ.

— Это для того, который лежитъ теперь въ церкви? спросила она.

— Такъ точно, синьорина; тутъ будетъ мѣсто вѣчнаго покоя брата Антонія, который умеръ въ прошлую ночь, отвѣчалъ ключарь. Вотъ видите, въ этой ниши сидитъ братъ — онъ былъ похороненъ здѣсь тридцать лѣтъ тому назадъ; его теперь вынули отсюда, чтобы очистить мѣсто брату Антоніо.

— Мнѣ кажется, очень грустно думать, замѣтила Миріамъ, что вы, бѣдные монахи, не можете даже могилы своей назвать своею. Вы должны лежать въ нихъ съ постоянною мыслью, что васъ побезпокоятъ; какъ человѣкъ, который, ложась спать, знаетъ, что его въ полночь разбудятъ. Но нельзя-ли купить для брата Антоніо право навсегда остаться въ этой могилѣ?

— Никакимъ образомъ, синьорина; да это и ненужно. Пролежать четверть столѣтія въ іерусалимской землѣ лучше, чѣмъ тысяча лѣтъ въ другой землѣ. Наши братья находятъ здѣсь совершенный покой. Никогда отсюда не выходилъ никакой духъ.

— Это хорошо, отвѣчала Миріамъ; вѣроятно и тотъ, котораго вы теперь положите, не будетъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Выходя изъ склепа, она положила въ руку ключаря деньги, отчего глаза его расширились и заблистали, и просила служить панихиды за упокой души брата Антоніо.

ГЛАВА XII.

САДЪ МЕДИЧИ И СВИДАНІЕ АРТИСТОКЪ.

— Донателло, мой милый другъ, сказала Миріамъ, когда они проходили черезъ площадь Барберини,—что съ вами? Вы дрожите, какъ въ лихорадкѣ.

— Да, отвѣчалъ Донателло; — у меня разрывается сердце.

Собравшись съ мыслями, она повела молодаго человѣка въ садъ виллы Медичи, въ надеждѣ, что спокойная тѣнь и солнечный свѣтъ оживятъ его. Въ этихъ садахъ посѣтитель находитъ длинныя, зеленыя аллеи, покрытыя густою тѣнью остролиственниковъ и на каждомъ перекресткѣ, покрытыя мхомъ, каменныя скамьи и мраморныя статуи, которыя отчаянно смотрятъ на него, сожалѣя, вѣроятно, о своихъ утраченныхъ носахъ. Въ болѣе открытыхъ мѣстахъ, предъ фасадомъ дворца, украшеннаго изваяніями, видите фонтаны и цвѣтники, наполненные въ извѣстное время года огромнымъ количествомъ розъ.

Но Донателло не восхищался ничѣмъ. Онъ молча ходилъ, погруженный въ апатію, и странно полуоткрытыми, дикими глазами смотрѣлъ на Миріамъ, когда она старалась ободрить его и освободить его сердце отъ тяжкаго бремени.

Она посадила его возлѣ себя на скамью, находившуюся на перекресткѣ двухъ аллей, такъ что они могли видѣть все протяженіе обѣихъ дорогъ.

— Мой милый другъ, сказала она, взявъ его руку, чѣмъ мнѣ васъ успокоить?

— Ничѣмъ! отвѣчалъ Донателло мрачно. — Меня ничто никогда не успокоитъ.

— Я признаю свое преступленіе, продолжала Миріамъ; если только было оно; я знаю, что мнѣ дѣлать; но вы, прекраснѣйшее, добрѣйшее созданіе въ мірѣ, до котораго не смѣла прикасаться никакая забота, — что вы станете дѣлать съ вашимъ горемъ или преступленіемъ?

— Они пришли ко мнѣ, какъ и къ другимъ людямъ, сказалъ онъ сосредоточенно. Для нихъ я и родился.

— Нѣтъ, нѣтъ! они пришли со мною! возразила Миріамъ. На мнѣ лежитъ отвѣтственность за нихъ!... Зачѣмъ я родилась! зачѣмъ намъ

было встрѣчаться!... Почему я не оттолкнула васъ, когда я знала, что мое несчастіе обрушится на васъ!

Донателло нетерпѣливо двигался, обличая всею своею наружностью совершенное уныніе и упадокъ духа. У ногъ его появилась темная ящерица съ двумя хвостами; — онъ вскочилъ въ испугѣ, но скоро успокоился и снова сѣлъ возлѣ Миріамъ, которая тщетно пыталась перелить въ его сердце свою симпатію и твердость.

— Здѣсь тяжело, ужасно тяжело! сказалъ молодой человѣкъ, положивъ на грудь руку, которую держала Миріамъ въ своей рукѣ; когда ея рука прикоснулась къ груди Донателло, ей показалось, что онъ почти непримѣтно дрожалъ.

— Успокойтесь, мой добрый, мой милый другъ, говорила она. Оставьте мнѣ всю эту тяжесть; — я въ состояніи снести ее, потому что я женщина, потому что я васъ люблю!... Я люблю васъ, Донателло! Развѣ ужъ и въ этомъ нѣтъ для васъ утѣшенія? Взгляните на меня! Вамъ было прежде пріятно смотрѣть на меня. Посмотрите мнѣ въ глаза, посмотрите въ мою душу! Смотрите въ самую глубь — вы найдете тамъ только любовь къ вамъ!

Донателло молчалъ.

— Говорите, ради всего святаго, говорите! воскликнула Миріамъ. Обѣщайте мнѣ быть счастливымъ, какъ прежде!

— Счастливымъ? повторилъ онъ. Ахъ, никогда, никогда!

— Никогда? Это ужасное слово! сказала Миріамъ. Это ужасное слово для женщины, которая любитъ васъ и знаетъ, что она причиною вашего страданія! Если вы любите меня, вы не будете повторять этого слова. Вѣдь вы любите меня?

— Да, отвѣчалъ Донателло прежнимъ тономъ.

Миріамъ выпустила руку молодаго человѣка, но оставила свою руку возлѣ его руки и ожидала съ минуту, не сдѣлаетъ-ли онъ движенія, чтобъ удержать ее. Отъ этого ничтожнаго маневра все зависѣло. Но Донателло быстро повернулся въ другую сторону и, тяжело вздохнувъ, закрылъ глаза руками. — Въ воздухѣ была разлита живительная теплота южной весны; но когда Миріамъ увидѣла это невольное движеніе и услышала тяжелый вздохъ, по всему ея тѣлу пробѣжала такая дрожь, какъ будто бы на нее дохнулъ декабрскій вѣтеръ Аппенинъ.

— Онъ гораздо несчастнѣе, чѣмъ я воображала, подумала она, и въ душѣ ея шевельнулось глубокое чувство состраданія. Я очень ошиблась! Это дѣло могло дать ему блаженство, еслибы къ нему понудила его любовь настолько сильная, чтобъ пережить страшный мо-

ментъ; она оправдала бы его и заглушила бы упреки совѣсти. Но этого не было! онъ, можетъ быть, безотчетно сдѣлался убійцею, изъ ребяческаго побужденія. Несчастный! Жаль мнѣ его!

Она встала съ своего мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась предъ молодымъ человѣкомъ, устремивъ на него взглядъ, въ которомъ проглядывала ея страждущая душа.

— Донателло, сказала она печальнымъ, но твердымъ голосомъ, мы должны разстаться. — Да, оставьте меня. Возвратитесь въ вашъ замокъ; тамъ вы успокоитесь и все, что было, будетъ представляться вамъ только тяжелымъ сномъ, а не дѣйствительностью. Во снѣ совѣсть молчитъ, и мы часто рѣшаемся на такія преступленія, на которыя не рѣшились бы въ минуты полнаго самосознанія. Вчерашнее дѣло — сонъ. Поѣзжайте домой и забудьте его!

— Ахъ, это ужасное лицо! сказалъ Донателло, закрывая глаза руками. И вы называете его сномъ!

— Да, потому что вы видите его вашимъ воображеніемъ, отвѣчала Миріамъ. Это не дѣйствительность; въ дѣйствительности вы можете теперь видѣть только мое лицо, — когда-то вы находили его прекраснымъ, — теперь оно потеряло свою красоту, но сохранило только несчастную силу приводить вамъ на память прошлое, возбуждать угрызенія совѣсти и муки, которыя омрачили всю вашу жизнь— потому намъ надобно разстаться. Уѣзжайте отсюда и забудьте меня.

— Васъ забыть, Миріамъ! сказалъ Донателло, какъ бы опомнившись. О, еслибы только я могъ припоминать васъ, смотрѣть на васъ и не видѣть этого страшнаго лица, которое смотритъ на меня изъ-за вашихъ плечъ, — это было бы для меня утѣшеніемъ, если не радостью!

— Но такъ какъ это лицо въ вашихъ глазахъ неразлучно съ моимъ, возразила Миріамъ, то намъ нужно разстаться. Прощайте! Но если когда нибудь — въ горѣ, въ бѣдности, въ несчастьи, — вы увидите, что нужно пожертвовать всей жизнью, чтобъ хоть не много облегчить васъ, позовите меня. — Вы дорого купили меня и нашли, что я такой цѣны не стою. Бросьте меня, можетъ быть, вы никогда не будете нуждаться во мнѣ. Но я явлюсь къ вамъ по первому вашему слову.

Она остановилась и съ минуту ждала отвѣта. Но Донателло, вперивъ глаза въ землю, молчалъ.

— Никогда я не услышу такого слова, сказала Миріамъ. — Такъ прощайте, прощайте навсегда!

— Прощайте, сказалъ Донателло.

Онъ едва въ состояніи былъ произнести это слово; такъ онъ былъ

погруженъ въ новыя для него мысли, блуждавшія въ его умѣ подобно черным тучамъ; сквозь нихъ онъ смотрѣлъ и на Миріамъ, которая превращалась въ призракъ, а голосъ ея въ отдаленное едва внятное эхо.

Она отвернулась отъ него и пошла. Какъ ни тосковало по немъ ея сердце, но она не профанировала этой тяжелой разлуки ни однимъ объятіемъ, ни даже пожатіемъ руки. Послѣ взрыва такой могущественной любви, наступившаго вслѣдъ за совершеніемъ преступленія, они разстались, повидимому, такъ холодно, какъ будто ихъ знакомство продолжалось не болѣе часу.

Когда Миріамъ ушла, Донателло легъ на скамью, закрылъ глаза шляпою и впалъ въ безчувствіе, какого никогда еще не испытывалъ. Мало-по-малу онъ пришелъ въ себя и тоже вышелъ изъ саду. Повременамъ въ ушахъ его раздавался крикъ, и онъ вздрагивалъ; то отступалъ нѣсколько шаговъ, какъ будто страшное лицо ужъ слишкомъ близко подступало къ нему. Въ такомъ состояніи, пораженный новизною преступленія и нравственной муки, онъ утратилъ тѣ свойства и наклонности, которыя дали поводъ тремъ его друзьямъ признать въ немъ дѣйствительнаго фавна Праксителя.

Уходя изъ саду, Миріамъ чувствовала себя въ положеніи человѣка заблудившагося и неимѣющаго особенной причины идти въ ту или другую сторону. Долго она бродила по городу и наконецъ остановилась въ концѣ той улицы, гдѣ возвышалась башня Гильды. Люди часто въ минуты самаго глубокаго отчаянія занимаются пустыми вещами; потому неудивительно, что Миріамъ пришло въ голову зайти къ Гильдѣ спросить, почему она не пришла въ церковь капуциновъ. Мы должны замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ ее влекло одно любопытство; но она вспомнила, — и сердце ея вздрогнуло при этомъ воспоминаніи — что говорилъ ей Киніонъ о Гильдѣ. Еслибы ей предстоялъ выборъ между безчестьемъ предъ лицомъ цѣлаго свѣта и преступностью въ глазахъ одной Гильды, она, не колеблясь, выбрала бы первое, съ условіемъ остаться чистою въ глазахъ своего друга. Желаніе удостовѣриться, точно-ли Гильда была свидѣтельницею вчерашней сцены, влекло ее къ башнѣ, между тѣмъ какъ мысль, что предположеніе ея справедливо, замедляла ея шаги и повергала въ уныніе.

Подходя къ башнѣ, она увидѣла ту же сцену, которая заняла ее, когда она въ послѣдній разъ посѣтила Гильду. Она опять увидѣла голубей — одни хлопотали на мостовой, другіе сидѣли на головахъ, плечахъ и трубахъ ангеловъ, украшавшихъ фронтонъ церкви, и на окнахъ Гильды. Миріамъ посмотрѣла вверхъ — всѣ окна были закрыты бѣлыми шторами, за исключеніемъ одного, въ которомъ она вчера вечеромъ видѣла Гильду. Миріамъ остановилась.

— Тише! произнесла она, глубоко вздохнувъ и прижавъ руку къ сердцу. — Неужели у меня недостанетъ силы перенести этого, испытанія, когда я перенесла столько ужасовъ!

Какъ ни основательны были ея опасенія, однакожъ она не возвращалась назадъ. А можетъ быть, Гильда ничего не знаетъ, невольно думала она; — можетъ быть, она встрѣтитъ ее, какъ всегда, съ ясною улыбкою и тогда ея спокойствіе смиритъ хоть на минуту ея страданіе. Но въ состояніи ли будетъ Миріамъ — преступница какъ прежде поцѣловать свою подругу, пожать ея руку?

— Нѣтъ этого никогда не будетъ! сказала она почти вслухъ, поднимаясь по лѣстницѣ.

Достигнувъ верхней площадки, Миріамъ остановилась въ размышленіи.

Между тѣмъ Гильда сидѣла въ своей рабочей комнатѣ безъ всякаго опредѣленнаго занятія и даже безъ всякой опредѣленной мысли. Еслибы кто нибудь заглянулъ въ эту комнату, то увидѣлъ бы на постели отпечатокъ ея фигуры, показывавшій, что въ прошлую ночь она не раздѣвалась; но подушка была измята и на нее въ эту ночь упала не одна слеза. Гильда знала, что въ свѣтѣ много зла; но она знала это только въ теоріи, которая казалась ей неосуществимою въ дѣйствительности. Теперь она увидѣла осуществленіе его, увидѣла новое паденіе Адама и изгнаніе его изъ рая.

Кресло, на которомъ она сидѣла, стояло возлѣ станка, съ котораго еще не была снята картина Беатриче Ченчи, такъ что оба лица отражались въ зеркалѣ, висѣвшемъ на противуположной стѣнѣ. Поднявъ глаза, Гильда увидѣла это отраженіе, и ей показалось, что въ ея лицѣ такое же выраженіе, какъ въ лицѣ Беатриче.

— Неужели и я преступна! подумала она и закрыла лицо руками. Хотя Гильда не была преступна, но въ эту минуту она дѣйствительно походила на Беатриче — сознаніе преступности Миріамъ омрачило ея чистую душу, точно такъ же, какъ сознаніе преступленій отца набросило тѣнь на несчастную Беатриче.

Гильда подвинула стулъ въ сторону, такъ что лицо Беатриче скрылось, и погрузилась въ задумчивость. Долго она сидѣла такимъ образомъ, почти не двигаясь и не останавливая вниманіи ни на чемъ исключительно; наконецъ уже послѣ полудня услышала шаги Миріамъ на лѣстницѣ. Первое ея движеніе было — запереть дверь; но подумавъ немного, она увидѣла, что такой поступокъ казался бы низкою трусостью, а сверхъ того Миріамъ, которая еще вчера была самымъ близкимъ и единственнымъ другомъ, имѣетъ право на свиданіе.

Она слышала потомъ, что шаги затихли у двери. Мы не знаемъ,

на что рѣшилась Миріамъ, которую занимала мысль, какую манеру обращенія принять ей въ отношеніи къ своей подругѣ. Наконецъ она отворила дверь и вошла.

— Гильда! милая, дорогая Гильда! воскликнула она, бросившись къ ней съ распростертыми объятіями.

Гильда стояла по серединѣ комнаты и на это восклицаніе отвѣчала такимъ жестомъ, что Миріамъ въ одно мгновеніе поняла, что между ею и ея подругою разверзлась пропасть. Онѣ стояли на противуположныхъ сторонахъ ея и чувствовали невозможность приблизиться другъ къ другу. — На лицѣ Миріамъ выразилось глубокое отчаяніе — она сдѣлала одинъ или два шага впередъ.

— Не подходите, Миріамъ! сказала Гильда дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышалась грусть и сожалѣніе.

— Что же произошло между нами, Гильда? спросила Миріамъ. — Развѣ мы больше не друзья?

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Гильда.

— По крайней мѣрѣ мы были друзьями, продолжала Миріамъ. Я васъ любила, глубоко, искренно любила, какъ сестру, больше, чѣмъ сестру. Отчего вы не хотите прикоснуться къ моей рукѣ? Развѣ я не такая же, какъ вчера?

— Нѣтъ, Миріамъ, нѣтъ, вы перемѣнились!

— Да, но для васъ я та же! отвѣчала Миріамъ; если вы дотронетесь до моей руки, вы увидите, что она способна къ такому же искреннему пожатію, какъ всегда. Но вы смотрите на меня такъ, что каждый вашъ взглядъ выталкиваетъ меня изъ ряда людей.

— Не я, Миріамъ; не я это дѣлаю!

— Вы, и только вы! отвѣчала Миріамъ. Сегодня я такая же женщина, какою была вчера, съ тою же душею, съ тою же искреннею любовью, какую вы всегда видѣли во мнѣ. Вы не можете отрицать этого, Гильда. Но вѣрьте мнѣ, что, когда человѣкъ избираетъ во всемъ свѣтѣ единственнаго друга, то только вѣроломство можетъ измѣнить ихъ отношенія и оправдать разрывъ. Развѣ я обманула васъ?— Если да, выгоните меня! Когда я оскорбила васъ лично, забудьте меня, если можете. Но если я согрѣшила противъ Бога и человѣка, вы можете остаться моимъ другомъ, потому что я въ васъ нуждаюсь.

— Да, Миріамъ, еслибы я была ангелъ небесный, неспособный ко злу, котораго ни что запятнать не можетъ, я осталась бы возлѣ васъ, я неотступно слѣдовала бы за вами и хранила бы васъ отъ всякаго бѣдствія! Но я бѣдная, одинокая женщина; слабая, какъ всѣ; вашъ магнетизмъ слишкомъ силенъ для меня; потому, Миріамъ, я рѣ-

шилась послѣдовать, пока еще не поздно, внушенію моего сердца; оно требуетъ, чтобъ я избѣгала васъ.

— Но это ужасно, Гильда! произнесла Миріамъ, приложивъ руку ко лбу и опустивъ глаза въ землю. Она была блѣдна, какъ смерть.— Да, сказала она, послѣ паузы: я всегда говорила, что вы безжалостны; я чувствовала это даже тогда, когда всѣ меня любили. Вы не знаете грѣха, на васъ нѣтъ ихъ, и потому вы такъ немилосердны. Вамъ нужно согрѣшить для того, чтобы смягчиться.

— Прости меня Богъ, если я сказала хоть одно ненужное жестокое слово! вскричала Гильда.

— Оставьте ихъ, отвѣчала Миріамъ. Я прощаю ихъ вамъ. Но прежде чѣмъ мы разстанемся на вѣки, скажите, что вы видѣли или что вы обо мнѣ узнали въ то время, какъ мы не видѣлись?

— Ужасныя вещи, Миріамъ, отвѣчала Гильда, еще болѣе поблѣднѣвъ.

— Чтожъ? вы все это видите въ моихъ глазахъ? спросила Миріамъ, замѣтивъ волненіе Гильды. Не могу понять, зачѣмъ судьба послала свидѣтеля, когда мы думали, что мы совершенно одни. Такъ это видѣлъ весь Римъ? или по крайней мѣрѣ все общество художниковъ? Или вы видите на мнѣ кровавыя пятна, слышите отъ меня запахъ трупа? Говорятъ, что чудовищное безобразіе дьявола покрыло тѣ созданія, которыя были когда-то чистыми ангелами. Развѣ и со мною то же случилось... Говорите, ради нашей прошлой, дружбы, говорите, Гильда, что вы знаете.

Гильда была испугана тономъ этой рѣчи и волненіемъ, котораго Миріамъ не могла и повидимому не старалась подавить. Она, сама того не замѣчая, подчинилась ей, стала разсказывать, что видѣла вечеромъ.

— Когда все общество пошло въ городъ, начала Гильда, я возвратилась назадъ съ намѣреніемъ поговорить съ вами, потому что, какъ мнѣ казалось, вы вчера были взволнованы и разстроены. Дверь, ведущая во дворъ, была заперта; но мнѣ удалось открыть ее, и я увидѣла васъ, Донателло и третье лицо, которое прежде еще я замѣтила въ тѣни, въ нишѣ. Этотъ человѣкъ приблизился къ вамъ, и вы бросились передъ нимъ на колѣна. Я видѣла потомъ, какъ Донателло кинулся на него. Я хотѣла-было закричать, но не могла; хотѣла побѣжать къ вамъ, но мои ноги, казалось, вросли въ землю. Все это случилось въ одно мгновеніе. Я замѣтила хорошо, что вы бросили на Донателло взглядъ — взглядъ....

— Да, да, Гильда! вскричала Миріамъ съ необыкновенною живостью. Не останавливайтесь! Говорите: взглядъ....

— Этотъ взглядъ открылъ ваше сердце, продолжала Гильда. Въ немъ выражалась ненависть, месть и просьба о помощи.

— А! Донателло правъ, проговорила Миріамъ. Я просила его! Дальше, дальше, Гильда....

— Все это, я говорю, произошло въ одно мгновеніе, и однакожъ мнѣ показалось, что Донателло замедлилъ немного; онъ поглядѣлъ.... Ахъ, Миріамъ, пощадите меня! Неужели я должна вамъ все разсказать?

— Нѣтъ, довольно, отвѣчала Миріамъ, поникнувъ головою, какъ будто выслушала свой смертный приговоръ. Теперь довольно! Вы удовлетворили меня; теперь я могу быть спокойна! Благодарю васъ, Гильда.

Она хотѣла-было уйти, но возвратилась отъ двери.

— Это слишкомъ страшная тайна для такой нѣжной натуры, какъ вы, сказала она; что вы думаете дѣлать, бѣдное дитя?

— Помоги мнѣ, Боже, унести ее въ землю! сказала Гильда и залилась слезами. — Это, кажется, преступленіе знать такія вещи и молчать о нихъ, проговорила она послѣ долгой паузы. — О, отчего у меня нѣтъ матери! Я поѣхала бы къ ней, чтобы разсказать эту тайну, она научила бы меня.... Но я одна! одна! Миріамъ, вы были моимъ единственнымъ, лучшимъ другомъ, скажите, что мнѣ дѣлать?

Такое обращеніе бѣдной дѣвушки къ преступной женщинѣ, которую она отталкивала отъ себя, было конечно довольно странно; но оно нѣсколько успокоило Миріамъ, доказавъ ей, что отношенія, существовавшія между нею и Гильдою, еще несовсѣмъ уничтожились.

— Чтобъ очистить свою душу, отвѣчала Миріамъ, вамъ стоитъ только объявить эту тайну всѣмъ, сдѣлать ее офиціально извѣстною, не обращая вниманія на послѣдствія. Но я не думаю, чтобъ это успокоило васъ, потому что, потребовавъ меня къ суду, вы исполните только внѣшнюю формальность. Притомъ никакой судья на землѣ не осудитъ меня справедливо, и вы, можетъ быть, всю жизнь терзались бы сознаніемъ несправедливости. Что же вамъ остается дѣлать? Забыть все! Но я не смѣю требовать, чтобъ вы хранили отъ всѣхъ эту тайну; передайте ее кому хотите, если только это можетъ облегчить вашу душу. У васъ развѣ нѣтъ друга, который замѣнилъ бы меня?

— Никого, отвѣчала Гильда печально.

— А Киніонъ! возразила Миріамъ.

— Онъ не можетъ быть моимъ другомъ; потому что.... потому что, какъ мнѣ кажется, онъ добивается больше, чѣмъ дружбы.

— Не бойтесь этого, сказала Миріамъ съ улыбкою, покачавъ головою. Эта исторія испугаетъ его любовь, и даже удалитъ его отъ

васъ, если вы того захотите. Разскажите ему все, и поступите такъ, какъ онъ посовѣтуетъ вамъ. Больше я ничего не могу сказать.

— У меня не было и тѣни мысли требовать васъ къ суду, сказала Гильда. И какъ вы могли думать объ этомъ? Но я знаю, что мнѣ дѣлать. Мнѣ остается молчать объ этомъ ужасномъ дѣлѣ и умереть отъ него, если Богъ не пошлетъ мнѣ помощи. Ахъ, Миріамъ, Миріамъ! Вы не знаете, какія я испытываю муки! Ваше дѣло омрачило все небо!

Она отвернулась отъ своего погибшаго друга и упала на колѣна, не въ состояніи будучи произнести ни слова. Миріамъ, стоя у порога, долго смотрѣла на нее, безмолвно прощаясь съ этимъ чистымъ созданіемъ, котораго лишила покоя и счастія своимъ преступленіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

шелъ, если вы того захотѣли? Разскажите ему все, и допустите такъ, какъ онъ заслуживаетъ [illegible]. Больше я ничего не могу сдѣлать.

— Можетъ не было бы тѣмъ [illegible] требовать васъ къ суду, сказала Гильда. [illegible] вы могли думать объ этомъ? Но я знаю, что вы сдѣлали. [illegible] стать [illegible] и [illegible] [illegible] Мирбахъ, Мирбахъ! [illegible] какъ [illegible] ясное небо!

Они [illegible] [illegible] на колѣна, да въ [illegible] будутъ [illegible] на глазахъ. Мирбахъ, стоя у порога, долго смотрѣла на нее. Безмолвно [illegible] въ чистомъ созданiи, которое дышало [illegible] и счастiе своимъ присутствiемъ.

[illegible]

МОНТЕ-БЕНИ

РОМАНЪ

НАТАНІЕЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

1861.

Политическое и этнографическое состояніе народностей Австріи. С. Н. ПАЛАУЗОВА 23

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Письмо съ Кавказа. Н. ЮХОТНИКОВА. . . 1
Нѣсколько словъ по поводу «Отечественныхъ Записокъ» и «Русской Рѣчи». Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА . . . 19
Фельетонъ. Дневникъ темнаго человѣка. 25
Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА.

Въ приложеніи: Монте-Бени, романъ *Натаніеля Готорна* (пер. съ англійскаго).
